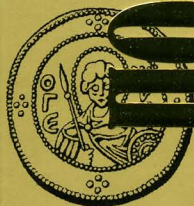

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

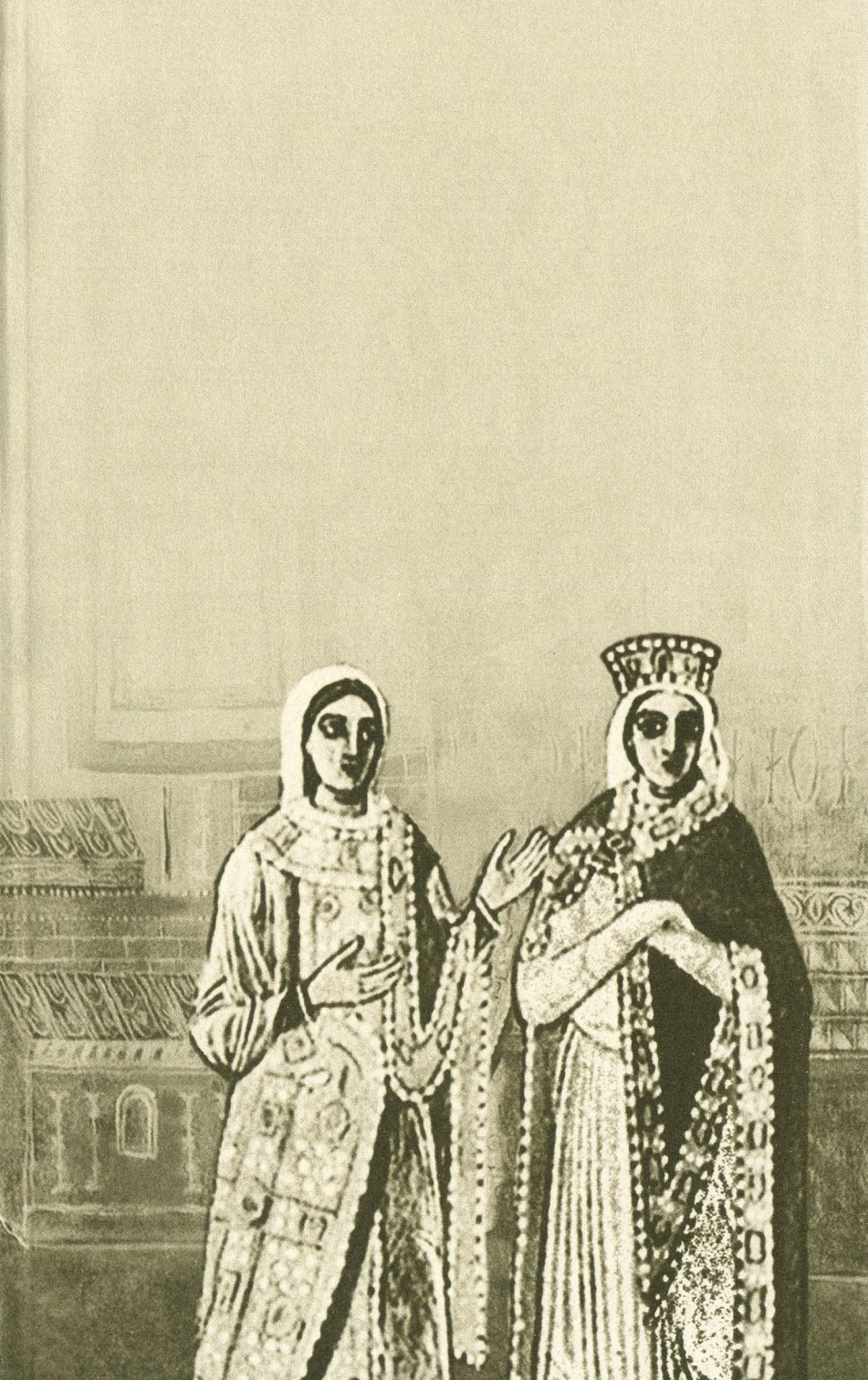
Андрей Богданов

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ДРЕВНЕЙ РУСИ

Ad Sanctum Petrum

Quoniam tu...
apostolus tuus...
tue respexit in unum
in negationis urine
peccati amari si
mis diluc...
mis. pifuf...
spe ppeccator...
uena lacrima nob
elice penitentie ut
amare defleam que
in q...
fructuosus i...
tue pietatis nre pe
nitionis pueniat
affect. atq peunob
re...
licet...
us...
re sanguine suo
...
...

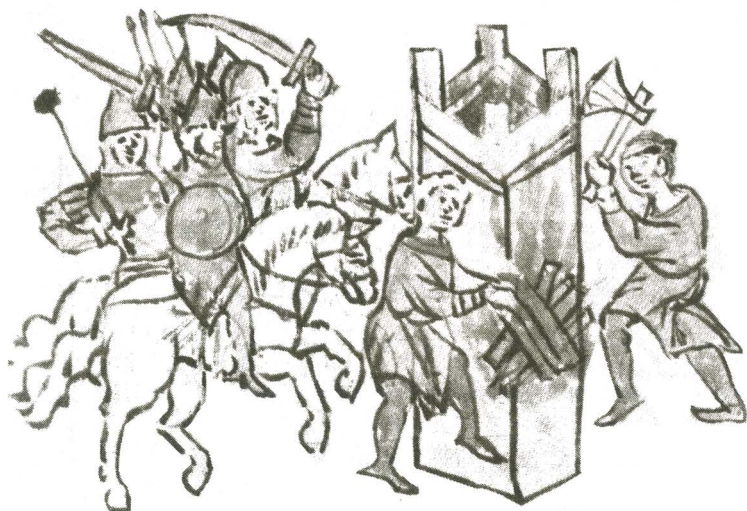
Sicut...
re pnceps aploz
qui tenet clauel regn
eclorum. pillu amere
ouo tu am amate.
amas. & psuausissima
mifericordia...
te...
amare flentem miseri
cordie respexit

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

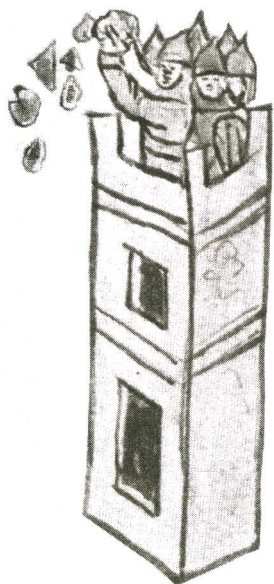
ПОВСЕДНЕВНАЯ

Андрей Богданов

МОСКВА

ЖИЗНЬ ДРЕВНЯЯ РУСЬ

УДК 94(47)“08/10”
ББК 63.3(2)41
Б 73

*Серийное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012—2018 годы)».*

*При оформлении форзацев использована реконструкция фрески киевского
Софийского собора: княгиня Ольга
на приеме у императора Константина Багрянородного
(реконструкция С. А. Высоцкого и Ю. А. Коренюка);
на оборотах форзацев — миниатюры
из Молитвенника Гертруды, XI век.*

знак информационной
продукции

16+

ISBN 978-5-235-03912-4

© Богданов А. П., 2016
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2016

ТЕМА И ИСТОЧНИКИ

Что такое «повседневность» в историко-культурном смысле? Это огромная масса деталей быта, взглядов и отношений, убеждений и предубеждений, возможностей и запретов, составляющих ткань человеческой жизни в данном времени и месте. То, что современники принимали как должное, практически не задумываясь, а ученые восстанавливают по крупицам, с чрезвычайным трудом. Работа эта практически по всем периодам истории начата сравнительно недавно и почти всюду далека от завершения. Даже недалекая от нас повседневность «сталинской эпохи», о которой существуют миллионы источников, представлена в трудах историков неудовлетворительно. Это легко проверить. Сравните то, что вам рассказывают в книгах, с живыми воспоминаниями вашей семьи. Очень часто контраст будет разителен. Проще говоря, историки не сумели передать в исследованиях повседневность советского общества в целом, не говоря уже о его отдельных слоях. И это невзирая на то, что мы пока еще имеем возможность поговорить с живыми свидетелями. В представлениях о повседневности более ранних времен мы, скорее всего, еще дальше от действительности, взгляд на которую прямо зависит от угла зрения, от социального слоя наблюдателя и его личной судьбы.

Между тем тема повседневной жизни далеко не развлекательна (хотя в увлекательности ей не откажешь). Меня как автора больше всего интересует образ мысли предков, основанный на огромной массе их повседневных размышлений, обстоятельств и правил. Я полагаю, что без погружения в духовную жизнь историк не может понять мотивы поведения людей, их замыслы и упорство в воплощении своих планов. А без этого историография превращается в фикцию. Описание в «позитивистском» духе: этот пошел туда-то и сделал то-то, но тут произошло что-то, — на мой взгляд, просто бессмыслица. Почему же фикция, спросите вы: ведь это установленные учеными факты. Потому, что историк все равно, так или иначе, объясняет мотивы поступков людей: их целесообразность предполагает наличие цели. И поскольку историк не был очевидцем событий и в культуру повседневности не погружался, это не реальная цель исторической личности, а мотивация самого ученого и его современников. Возможно, это и не полное заблуждение, но кто может оценить степень достоверности таких суждений без углубления в повседневность конкретной исторической эпохи?! Насколько важно для читателя знать, что думает за исторического героя или за целое древнее общество автор книги, если нет никаких гарантий, что эти мысли реально двигали личностью и массами в описываемое время? Да совершенно не важно, разве что с точки зрения развлечения. Но в этом смысле увлекательный исторический роман предпочтительнее исторической монографии, цинично претендующей на истину «факта».

Историки нередко придерживаются позитивизма не из склонности выдавать свои мысли за мысли древних (хотя и этот мотив важен), но из сознания ограниченности собственных возможностей. Если кто-то подумал, что я излишне критичен к коллегам, пусть вспомнит высказывание об историках нашего общего коллеги Анатоля Франса в его остросатирической книге «Остров пингвинов»: «Историки переписывают друг друга. Таким способом они избавляют себя от

лишнего труда и от обвинений в самонадеянности. Следуйте их примеру, не будьте оригинальны. Оригинально мыслящий историк вызывает всеобщее недоверие, презрение и отвращение». «Ведь если вы выскажете новую точку зрения, — передразнивает историк своих коллег, — какую-нибудь оригинальную мысль, если изобразите людей и обстоятельства в каком-нибудь неожиданном свете, вы приведете читателя в удивление. А читатель не любит удивляться. В истории он ищет только вздора, издавна ему известного. Пытаясь чему-нибудь научить читателя, вы лишь обидите и рассердите его. Не пробуйте его просвещать, он завопит, что вы оскорбляете его верования». Каждый шаг в исследовании реальной истории, истории живых и мыслящих людей, это не только борьба с историческим материалом, но и опровержение стереотипов, ставших для множества людей предметом веры.

Кроме того, реальное представление о повседневной жизни какого-либо старинного общества во всех деталях получить нелегко. Исторический синтез, подразумевающий научный энциклопедизм, вышел из моды с углублением наших исследований в разных областях знаний. Объединить разные области гуманитарных наук — например, источниковедение письменных памятников и археологию — чрезвычайно трудно, а главное — недостаточно. Многие вопросы требуют адекватно проведенных экспериментов, мысленных или — что всегда убедительнее — практических. К счастью, движение исторической реконструкции во всем мире, и особенно в нашей стране, дает нам широкое поле тщательно проводимых экспериментов.

Синтез подразумевает понимание — например, как вся совокупность предметов вооружения и снаряжения всадника и коня работала в древнерусской дружине. И только с этим знанием мы можем правильно интерпретировать описание битв в письменных источниках. Если известный исторический реконструктор П. А. Васин, опираясь на труды выдающегося историка оружия, знаменитого археолога А. Н. Кирпичникова, на практике установил, что комплекс воору-

жения русского дружинника с XII века предназначен для таранного удара копьем, как в рыцарском войске, то все старые схемы Ледового побоища нужно выбросить. Никаких пеших воинов с обеих сторон, никакого стояния на месте под ударом крестоносцев, никакого «утопления» рыцарей, которые оказались по реально изученному и проверенному на практике вооружению легче дружинников Александра Невского. Это знание заставляет вспомнить, что и мотив «утопления», и преувеличение потерь крестоносцев появились в русской летописи через сто лет после событий, путем редактирования более раннего — и известного нам — текста, на что историки не спешили указывать, не желая вступать в схватку со стереотипами. Наконец, мы осознаём, что сама переходящая из учебника в учебник «схема сражения» появилась в результате убеждения (понятно, откуда взявшегося), что Александр Невский опирался на «силу народных масс», выступая не командиром профессионального войска, защитником и третейским судьей Великого Новгорода, каковым являлся князь, но своего рода народным вождем, духовным предком Вождя народов. Тут мы переходим к формированию научного представления о реальной роли князя в Древней Руси, ибо все вопросы повседневной жизни сплетены и взаимосвязаны. Оказывается, что сам князь с его дружиной профессиональных воинов и пожизненно присягнувшими ему в верности чиновниками-холопами вовсе не восточный хан или западный суверен, законодатель и владыка над своими подданными. Он со всей военно-административной прослойкой служит русскому обществу и исполняет его законы, основанные на традиции и модернизируемые только по соглашению между социальными силами. Хорошо или плохо служит князь — решает «гражданское общество», которое может указать ему на дверь, если оно сильно, или убить, если силы общества недостаточно убедительны.

Теперь давайте обсудим наш конкретный предмет исследования. Словосочетание «повседневная жизнь» на первый взгляд ведет нас к быту и нравам «про-

стого народа», то есть в Древней Руси (X — начало XII века) — в подавляющем большинстве крестьян и сельских ремесленников. Эта увлекательная для некоторых тема будет в книге затронута, но и только. Ключевым понятием для автора является Русь — государство, созданное загадочными русами, объединившими огромную массу восточнославянских, финно-угорских, балтских и степных племен, проживавших на Восточно-Европейской равнине. А как же, спросите вы, славяне, которые вместе с финно-уграми и рядом других племен составили Древнерусское государство и призвали ради внутреннего мира и внешней защиты русских князей с их дружинами?

Племена и племенные союзы, в основном (хотя и не всегда) добровольно составившие Русское государство, были представлены в политической жизни прежде всего городами. Города уже в XI веке считали себя русскими. Значительная часть населения Древней Руси с конца X до середины XI века приняла христианство, но немало племен, преимущественно финно-угорских, оставались языческими даже в XIII веке. Законы «Русской правды» и правила Православной церкви действовали в большинстве городов и весей, в том числе не славянских (например, у ростовской мери и муромской муромы). Но то и другое не навязывалось князьями и не принималось во множестве крупных племенных союзов (карела, ижора, мордва и др.). Объединяющей силой и властью, физической и духовной, были сначала русские князья и дружины, затем принятая ими православная вера и утверждаемая ими в основном в славянских землях Церковь, на локальном уровне — города, представлявшие в том числе и крупных землевладельцев-бояр, и лишь затем — сельское население, хранившее великое разнообразие племенных традиций.

Погружение в повседневность Древней Руси означает поэтому первоочередное исследование жизни, нравов и насущных забот объединяющих страну людей: князей, их бояр и дружинников. Затем бояр, купцов и хозяев крупных мастерских — «золотых поясов», а также обеспечивавших их силу и общественное рав-

новесие трудовых «черных людей» древнерусского города. Богатые и разнообразные племенные традиции сельского населения могут служить для нас лишь фоном основной темы повествования.

Немаловажны и традиции многочисленных соседей Руси, с которыми князья бесконечно воевали, постоянно вступали в союзы и рождались настолько усердно, что это стало общим местом в русском летописании и народном эпосе. Когда богатырь Алёша Попович, на пути из Ростова (напомню, города первоначально мерянского), побивает злого красавца Тутарина Змиевича, а вскоре встречает того подле престола княгини Киевской с головой на ее коленях, это не то, о чем былинный Алёша и вы подумали. Просто у степного витязя и княгини один отец — хан Тутуркан. И все наши природные русские князья имели такую же сложную смесь разных кровей разных народов, как их коллеги — императоры, короли, герцоги, ханы и прочие правящие лица Европы. В чем же было своеобразие наших, русских князей? Это один из вопросов, который мы с вами выясним наряду со множеством других. Но на каком основании?

В последнее время в обществе — в том числе благодаря снижению качества школьного образования — стало популярным мнение, что выяснить реальные исторические, в том числе и особенно — историко-культурные обстоятельства нельзя в принципе из-за недостатков источников и субъективно, по злой воле историков, которые веками усердно сочиняют историю, как хотят. То и другое неверно. Действительно, историю, начиная с первой летописи, пишут субъекты, следовательно, она субъективна. Как и математика, замечу я на это, целиком созданная и развиваемая субъектами. Но в точных науках, возразят мне, есть системы проверки истинности, включая эксперимент, и есть материальный субстрат! То же самое есть и в истории, объект которой представляет более сложную систему, чем те, с которыми в естественных науках производится формализация и осуществим эксперимент. Пробойная сила стрелы, выпущенной из древнерусского

лука, с каленым стальным наконечником пронзающей два слоя кольчуги, а с наконечником из незакаленного железа не пробивающей ее, устанавливается экспериментально так же, как любая истина в ньютоновской механике. Даже действия древнерусской дружины в целом закономерны, объяснимы, предсказуемы и воспроизводимы (с учетом техники безопасности). А поведение более сложных общественных систем хотя и может быть понято учеными и доказательно объяснено читателю, все более напоминает квантовую физику с ее принципом неопределенности. При этом чаще всего общественная система еще более сложна, а научное описание ее функционирования (в отличие от отдельных элементов и связей) не более доступно для «приземленного разума», чем принцип квантово-волнового дуализма. Последний можно понять, если вы понимаете и признаете созданный для его описания математический аппарат. В противном случае вся квантовая физика будет для вас мистикой и фантастикой. Так же и в истории понимание сложных общественно-культурных систем невозможно без признания значимости и достоверности большого пути умственных усилий, проделанных поколениями ученых.

Но атом, вспомнит читатель школьный курс, для элементов коего сформулирован принцип неопределенности, существует здесь и сейчас, а объекта истории здесь нет. Некоторые даже сомневаются, что этот объект в определенное нами время существовал. И я мог бы, вслед за Бором и Гейзенбергом, усомниться в реальности пары «сейчас» и «здесь», например, для электрона. Но даже в ньютоновских понятиях история вполне материальна. Следы, которые оставляет деятельность человека, столь же реальны, как следы, по которым мы в действительности изучаем физические явления. Не забывайте, что ни один физик не «держал в руках» электрон, но фиксировал след электрона. И прочность стали определяется по глубине следа от погруженного в нее наконечника. В истории самое наглядное, хотя отнюдь не самое простое представление об этих следах дает нам археология.

Археология представляется профанам более простой и достоверной наукой, чем, например, изучение летописей, потому что имеет дело с предметами, которые непосредственно изготовили и использовали наши предки. Увы, я должен профанов огорчить. Собираательство предметов, при всей его увлекательности, не есть суть метода археологов. Смысл их работы состоит в установлении связей между предметами для восстановления, насколько это возможно в данный момент, материальной культуры мысленно реконструируемого общества, которое нередко и имени своего не имеет, именуясь «археологической культурой» с условным названием. Да, значительную часть времени археологи проводят «в поле», на раскопках, и почти столько же — за описанием выявленного ими предметного мира. Но 99 процентов археологии как науки есть плод мысли, основанной на изучении комплексов этих предметов и их окружения, с обязательным и постоянным представлением о том, сколь малой частью предметного мира древности мы сегодня владеем.

Сам предмет, например древнерусский боевой топор, обретает в археологии смысл именно как связанная с материальным объектом мысль ученого. Именно археолог, благодаря бесчисленным сравнениям, установил, что этим трехсотграммовым куском железа с наваренной на скошенной кромке острой полоской стали рубили отнюдь не дрова. Что узкое ушко для тонкого древка означает: перед нами — оружие одного удара, приходящего в цель острым углом закаленного острия, то есть удара для пробития доспехов, а не рассечения незащищенной плоти. Это (опуская несколько этапов развития мысли) топор закованного в доспехи конника для стремительной и скоротечной схватки. Это оружие профессионального воина, за спиной которого стоит великолепный мастер-кузнец, создавший высокотехнологичное и дешевое расходное орудие войны. Наконец, этот типичный боевой топор представляет культуру страны, традиционно находящейся в центре торговых, экономических и иных связей Европы и Азии, Запада и Востока, Великой Степи и мира земледельцев.

Все эти знания, как вы понимаете, имеют мало смысла, если мы не смогли связать топор с конкретным обществом определенного времени. Для оружия это очевидно необходимо: представьте себе, в какую ошибку могли бы впасть будущие археологи, поднявшие с раскопок на Бородинском поле палаш французского кирасира, кремневое ружье русского гренадера, гусеницу немецкого танка и автомат ППШ. И для оружия это сложно: именно оно во все века быстро распространялось по миру, часто вместе с удачными (не варьирующимися в разных обществах) формами, материалами, способами отделки и технологиями его изготовления. Достаточно вспомнить стремени, которые завоевали Евразию всего за полвека в эпоху Великого переселения народов. Или ламеллярный, собранный на ремешках из наплавляющих друг на друга пластинок доспех, который был заимствован в Восточной Римской империи по прямому указанию императора у степных воинов и стал византийской, а затем и русской классикой, добравшись даже до такого медвежьего угла, который представляла в изучаемое нами время территория Швеции.

Реальный пример заблуждения, в которое способно ввести оружие, дали знаменитые «мечи викингов», найденные в большом числе и отличной сохранности в Скандинавии, где их бережно клали в могилы выдающихся воинов. В меньшем числе они были найдены в захоронениях IX—X веков на Руси, где преобладал славянский обряд трупосожжения. Еще меньше — в христианских странах Европы, где оружие с покойником уже не клали. Учитывая, что в русских могильниках среди серебряных украшений были и очень характерные скандинавские, легко было сделать вывод, что земли восточных славян и финно-угров были покорены викингами, которые являлись русами и создали государство Русь. То, что исследуемые могильники лежали на важных торговых путях между Балтийским, Каспийским и Черным морями, где Скандинавия была конечным пунктом доставки товаров, самым дальним и бедным закоулком сравнительно с Великим шелковым

путем, Восточной Римской империей, Русью, Германией и землями современных Нидерландов, любителей «пути меча викингов» не волновало. И не волнует, даже когда археологи точно установили: мечи этого типа, каролинги (от Карла Великого, хотя точнее возводить их к Меровингам), производились в немецких землях на Нижнем Рейне и распространялись оттуда по всей Европе. Более того, эти ценные мечи тщательно маркировались во избежание подделок! Все мечи в Скандинавии оказались привозными. Даже в более технологически развитой Руси только два из найденных каролингов были местного производства, с отечественной маркировкой. Но спросить себя, с чего бы в дикой Скандинавии, где вершиной кузнечного искусства были большой нож и топор, вдруг возникло массовое производство мечей, сочетающих в клинке разные виды сложно обработанного железа и стали, адепты «пути викингов», в отличие от археологов, не удосужились.

Заблуждение, вызванное «мечами викингов», оказалось настолько сильным, что лишь в последние десятилетия археологи стали рассматривать происхождение предметов из воинских могильных комплексов на Руси более детально, выявляя, например, огромное влияние Степи на Русь и Скандинавию, производство на Руси украшений со «скандинавским» орнаментом, которые оказали влияние на развитие орнаментов в Скандинавии, и т. п. Оказалось, что со Скандинавией велась торговля, как и с другими странами, что скандинавские воины на Русь заглядывали (как, собственно, и сказано в летописях), но определяющего влияния никогда не имели. В отличие, например, от финно-угров, а также западных и южных славян, предметный мир которых оказался представлен в курганах древних русов, в основном восточных славян, очень хорошо.

На сегодняшний день археологами фрагментарно исследовано множество городов и более мелких поселений Древней Руси, поднят и обобщен, в сравнении с соседями, обширный материал, позволяющий судить о племенных различиях, общих чертах и развитии материальной культуры интересующего нас

времени, IX—XII веков. Датировки находок нередко вызывают горячие споры ученых. Но речь идет вовсе не о беспочвенных предположениях и не об ошибках на многие века, как лгут современные скептики. В реконструкции каждой археологической культуры, большинство которых достоверно связаны с известными по летописям племенными союзами, опорными точками являются комплексы предметов из слоев, датированных с точностью до десятилетий с помощью радиоуглеродного и (или) дендрохронологического анализа. Тот и другой метод отличается сегодня большой точностью, а споры ученых, напрасно будоражащие умы скептиков, возникают в основном из-за находок новых материалов, поддающихся датированию: так, например, недавно Рюриково городище в Великом Новгороде удревнилось до начала IX века, что вызвало в ученых кругах приятное волнение, но никак не сенсацию.

Не всегда археологам везет так, как с раскопками в самом Великом Новгороде, где почва сохранила органику, в том числе последовательно наложенные друг на друга слои деревянных мостовых. Достаточно часто необходимой для датировки органики или точно датированных серебряных арабских дирхемов в раскопе нет вообще. Но найденный комплекс предметов, как правило, локализуется достаточно четко, в сравнении с большими датированными комплексами и с учетом предметов более позднего времени из верхних слоев раскопа. Самое страшное бедствие — отдельные вещи, искусственно вырванные из археологической среды глупыми и жадными людьми. Их можно датировать и связать с определенным обществом лишь предположительно, по сходству с точно датированными и локализованными предметами жизни и быта наших предков. То есть они работают на пользу науки гораздо меньше, чем могли бы при научном изъятии из определенного места, слоя и комплекса.

Материалы археологической науки обобщены в доступных для понимания любителей истории Трудах Института археологии РАН, в монографиях и сборни-

ках статей, издаваемых также сотрудниками Государственного исторического музея, МГУ и других крупных центров археологии. Этим работам мои друзья, исторические реконструкторы, нередко ставят в упрек слишком большой, на их взгляд, уровень обобщения. Например, по стилю украшений из серебра и реже золота археологи приводят таблицы примеров по векам, а орнаменты рассматривают в масштабе Древней Руси в целом. Это говорит лишь о том, что ученые, в отличие от любителей, прекрасно понимают фрагментарность материала, доступного нам для изучения сегодня, сравнительно с реальной жизнью Древней Руси и возможностями дальнейших находок. Исторические части большинства древних городов, включая знаменитейшие — Великий Новгород и Старую Ладогу, — раскопаны лишь частично. Примерно 4500 курганов крупнейшего Гнездовского комплекса захоронений древнерусских воинов на правом берегу Днепра у Смоленска исследованы в меньшей части. Это не вина археологов и не недостаток финансирования (которое всегда оставляет желать лучшего). История археологии с XIX века до сего дня показывает, что научные методы развиваются очень заметно и совершенно необходимо оставлять потомкам возможность применить их новые подходы к археологическим комплексам, изучаемым сегодня.

Исследования археологов заметно уточняют устоявшиеся представления историков о Древней Руси. Например, характерные для тяжеловооруженных всадников «рыцарские» шпоры найдены у нас в заметно большем числе, чем в остальной части Европы. Это хорошо соотносится с найденными на Руси (в меньшем количестве, чем в Западной Европе и Степи) элементами тяжелых доспехов XII—XIII веков и служит ключом к пониманию описаний битв в русских и иностранных источниках. Научные взгляды на жизнь Древней Руси, в том числе военную и политическую — казалось бы, сферу историков, — развиваются археологами доказательно, постоянно и эффективно. Поэтому и я в этой книге, говоря о том, что понятно

хорошо, уклонюсь от опрометчивых суждений о том, что еще не доказано, и заключений по вопросам, где коллеги увлеченно спорят, счастливо находя всё новые и новые данные и ожидая еще бóльшие успехи в будущем. Именно в этом смысле наука история, даже столь «материально выраженная», как археология, релятивна. Абсолютно так же, как любая другая наука.

При всем почтении к археологии нужно признать, что значительную часть представлений о жизни предков дают нам письменные источники. Относительно древнерусских источников в моде три главных заблуждения: 1) что до принятия христианства и кириллической письменности у нас существовала богатая литература, якобы истребленная христианами; 2) что имеющиеся письменные источники не позволяют судить об истории Древней Руси, поскольку почти все сохранившиеся рукописи относятся уже к московскому периоду; 3) что тексты письменных источников можно использовать, просто читая конкретный памятник, например летопись. Развеять эти заблуждения трудно, потому что носители их отвергают научный подход к письменным источникам так же, как видят в археологии собрание предметов вместо действия научной мысли. Но я попробую сделать это максимально простыми словами.

Все рассуждения о существовании какой-то злонамеренно скрытой от нас проторусской или древнеславянской письменной истории и литературы основаны или на подделках типа «Велесовой книги», или на чистом вымысле. До появления кириллицы и глаголицы восточные славяне, так же, как западные и южные, были бесписьменны. Устные предания в виде древних сказок и эпоса у нас сохранились, хотя былины больше характеризуют жизнь X—XII веков, когда уже появились летописи, в свою очередь содержащие сюжеты былин. Такую же картину мы наблюдаем у всех славян, а также у германцев и кельтов. У последних запись древних сказаний (но отнюдь не истории) началась уже в Средние века. Датские сказания Саксон Грамматик стал собирать в ходе работы над своей хроникой после того, как на Руси была написана «Повесть вре-

менных лет». Сказания северных скандинавов в начале XIII века начал записывать и попытался придать им исторический вид исландец Снорри Стурлусон — и не от хорошей жизни, потому что даже сравнительно продвинутые шведы стали писать хроники более чем через сто лет после русских, а норвежцы — еще позже. До них, в начале XII века, составитель «Повести временных лет» тоже старался найти древние предания восточных славян — и отчасти, как увидим, нашел, хотя и очень мало. И это несмотря на то, что традиции язычества были в его время еще весьма сильны! Языческих богов христиане во всех странах низвергали, но о борьбе с преданиями не было и речи.

Другое дело, что все хронисты, и наши летописцы в том числе, работали в пользу определенных династий. Области действия русских князей, не относящихся к династии Рюриковичей, нам удастся выявить, несмотря на фигуры умолчания и попытки летописцев продлить правление восхваляемой ими династии в более древние времена. За исключением сказания Начальной летописи XI века о перевозчике, а в «Повести временных лет» уже о князе Кие с его братьями и сестрой, возможно, уходящего в глубь веков, все эти князья не Рюрикова рода определенно действовали в IX—X веках. Разумеется, племенные правители были у славян на Восточно-Европейской равнине и ранее, со времен их расселения. Видимо, о князьях восточных славян, воевавших в IV веке с готами, писал в VI веке готско-византийский историк Иордан, но на Руси преданий такой седой старины не сохранилось. Составитель «Повести временных лет» нашел и использовал фрагмент предания о нашествии авар и борьбе с ними славян в VII веке. Некоторые древние предания довольно смело выделил из сказок и былин академик Б. А. Рыбаков. Этим «скрытая история восточных славян» исчерпывается. И сочинять ее вместо анализа реальных данных, приведенных в письменных источниках, не имеет смысла.

Историческая память древних славян, в том числе наших предков, поселившихся на Восточно-Европей-

ской равнине, действительно восходила к временам великого расселения индоевропейских народов на рубеже III и II тысячелетий до н. э. В народных сказаниях, как предполагают историки, смутно отразились даже элементы более ранней эпохи охотников и собирателей каменного века. Первые ученые книжники, писавшие в XI веке с помощью изобретенной святым Кириллом в IX веке азбуки о происхождении славян и образовании Русского государства, имели представления о том, что происходило до Крещения Руси святым Владимиром в конце X века. Из старинных преданий в первые летописи попали сведения о расселении, этническом и культурном родстве славян, состоянии их крупных объединений в V—IX веках, языческой вере и обычаях восточных союзов племен (например, «игрищах» между селами, на которых выбирали себе суженых). Предания об этих союзах и городах, построенных восточными славянами вместе с финно-угорскими племенами, о их контроле над водным путем между Черным и Балтийским морями, помещены в летописи в связи с легендами об образовании Древнерусского государства призванной «из-за моря» династией Рюриковичей. Этот необходимейший, с точки зрения летописца, процесс был мотивирован сравнением с появлением государственности у западных и южных славян, раздорами внутри племен Восточно-Европейской равнины, их грабежом хазарами с юго-востока и скандинавами с северо-запада, возможностью в результате объединения занять достойное место экономического и политического партнера Византии. Необходимым завершением складывания Русского государства христиане-летописцы считали «завоевание» у Византии Владимиром Святым православной веры вместе с политическим признанием великого княжения на Руси. Следствием «просвещения» верой было в глазах летописцев просвещение Руси книжными знаниями, особенно в эпоху Ярослава Мудрого: этот процесс, начатый «преложением» (переводом) книг с греческого на славянский язык (на Балканах), рассмотрен в летописях параллельно с процессом образования Русского государства.

Древнерусское летописание, включенные в него акты (например, договоры руси с греками), отдельные договоры и законодательные памятники («Русская правда», Псковская судная грамота и др.), даже житийная литература (начиная с Киево-Печерского патерика) действительно сохранились в более поздних манускриптах, написанных начиная с XIV века, то есть уже не в Древней Руси. Лишь немногие литературные памятники, как Изборник Святослава 1073 года, дошли до нас в оригинальных рукописях. Такова общая судьба рукописной книжности, сохранявшейся благодаря постоянной переписке. Практически вся античная литература, в том числе историческая, дошла до нас в средневековых списках, бытовавших в Западной Европе, Византии и на Руси. Раннесредневековые литературные памятники и хроники Западной и Северной Европы также, как правило, сохранились вовсе не в автографах, в том числе знаменитый «Круг Земной» Снорри Стурлусона. Ни у кого, однако, не возникает желание отказаться от использования «Истории» Геродота, сочинений Тацита, «Бертинских анналов» или «Деяний саксов» на основании того, что они сохранились в поздних рукописях или в составе других средневековых хроник. Дело в том, что специальная научная дисциплина «текстология» позволяет по общим для всей рукописной книжности правилам точно выяснять соотношение списков и редакций текста, реконструировать его историю (то есть последовательность изменений) и в итоге получать научно обоснованное представление о первоначальном тексте. Сделана эта трудоемкая, но необходимая работа и для древнерусского летописания. В некоторых вопросах летописеведы расходятся, и моя задача — сообщить читателю о существовании этих проблем. Но в целом обстоятельства создания древнерусских исторических памятников и их соотношение с последующей рукописной традицией сегодня ясны.

Именно эта ясность не позволяет ни историку, ни любителю истории протянуть руку и, взяв с полки, например, Софийскую I летопись XV века, прочесть

красочное описание Ледового побоища и указать на «противоречие» этого описания «Рифмованной хронике Ливонии» конца XIII века (сохранилась в списках XIV и XV веков), где масштабы битвы скромнее и сюжета потопления рыцарей подо льдом нет. Следует прочесть предисловие к изданию летописи, где указано, что она восходит к Новгородской I летописи, переписанной в 1260-х и 1330-х годах, где описание битвы 1242 года было сделано близко к событию, по крайней мере при жизни Александра Невского. Оно не приукрашено, как было сделано в поздней летописи, и вовсе не противоречит взгляду на события со стороны честно побитых и плененных, но отнюдь не потопленных крестоносцев. Умножения числа участников битвы составитель Софийской летописи добился, приписав всех пленных немцев к знати (в действительности на одного рыцаря приходилось более 25 солдат-кнехтов), а сюжет гибели крестоносцев под расколовшимся льдом заимствовал из описания предшествующей битвы с ними русских на реке Омовже. Эти небольшие, буквально в несколько слов, добавления к первоначальному тексту, сделанные летописцем, который сам события помнить не мог, прибавили картине битвы драматизма. Соблазн использовать их даже для профессиональных историков был велик. Общественное представление о картине Ледового побоища было сформировано по позднему тексту.

В книге о повседневной жизни Древней Руси читатель увидит много таких «творческих доработок» раннего текста, которые попали в школьные учебники и стали каноном при описании событий. Они-то и дают основания скептикам для обличения позднего характера русской летописной традиции. Однако что именно скептики отвергают? Достоверность самих летописей или некритическое использование историками поздних переработок ранних летописей, текст которых научно реконструирован летописеводами и доступен для каждого читателя? Существование исторических легенд о ранних веках истории государства, сформированных у нас так же, как в других странах,

или возможность научного анализа реального материала, из которого позже сложились эти легенды?

Предисловия и комментарии к научным изданиям русских летописей — к сожалению, пока не всех, но всех интересующих нас в этой книге — служат практической цели. Чтобы читатель, например, понимал, что красочное описание сожжения княгиней Ольгой в 945 году столицы племени древлян Искоростеня в «Повести временных лет» суть добавление автора начала XII века, переделывавшего Начальную летопись XI века, основанную на Древнейшем сказании конца X века, где никакого поджога с помощью голубей нет, а поход Ольги завершился не всеобщим разорением, но миром с древлянами. В комментариях, благодаря длительным усилиям летописеведов, выделены и добавления в текст предшествующих летописей, возможно, восходящие к добытым старинным редактором источникам, и найденные им красивые сказки и былины (о белгородском киселе, о богатыре Никите Кожемяке и т. п.). Приводится в критических изданиях и сопоставление сведений летописи с иными сохранившимися источниками: русскими и иностранными, письменными и археологическими. Даже не будучи искушенным ученым, читатель получает возможность оценить достоверность интересных ему исторических сведений или просто наслаждаться чтением летописи как памятника древнерусской литературы.

Летописи, безусловно, — яркие литературные, более того, публицистические произведения. Школьные воспоминания о том, что летописцы якобы лишь добавляли сведения год за годом, отбирая и отображая их «без гнева и пристрастия», следует с доброй и ироничной улыбкой забыть. В этой книге немало страниц, посвященных страсти, с которой летописцы всеми силами и средствами старались обосновать свою концепцию истории Древней Руси. То же самое мы видим в современной литературе — например, о войне 1812 года, Революции 1917 года или Великой Отечественной войне. Можем ли мы на основании этих новых, непременно концептуальных исследований су-

дить о реальных событиях? Несомненно, можем. Если мы понимаем концепцию автора и тенденцию его изложения, особенно когда можем сопоставить сочинения авторов с разными точками зрения. То же самое касается древнерусских летописей и житий, которые развивают друг друга, сталкиваются между собой или, напротив, с похвальным усердием обличают всех, чужих и своих власть имущих (и средства дающих), когда те угрожают самому ценному — единству Руси.

Объективизированная форма повременных записей «без гнева и пристрастия» лишь некоторое время скрывала от ученых собственный взгляд автора на события, оценку причин и участников в зависимости от исторической концепции, политического заказа и местных пристрастий. Уже в древнейшем летописании столкнулись претензии на первенство между Новгородом и Киевом, по мере усиления раздробленности Руси летописцы всё ярче выражали взгляд каждый из своего «стольного града». Но не утратили силу общие идеи, которые позволяли книжникам объединять разные летописи в монументальные общерусские произведения — своды. Они включают, помимо летописных статей, массу вписанных по годам литературных произведений: жития почитавшихся с XI века княгини Ольги и князя Владимира, князей Бориса и Глеба и других русских святых, церковные (например, о начале Киево-Печерского монастыря) и светские повести (о начале Русской земли, о полянах, о восстании 1068 года в Киеве, об ослеплении князя Василька и др.). В текст органично вписывались и документы, вроде древних договоров Руси с Византией, и народные сказания. Хотя составляли своды чаще всего ученые монахи, увлекательный и остроумный рассказ был ориентирован на широкого читателя и слушателя. Читали летописные своды князья династии Рюриковичей, которых летописцы прославляли, не забывая наставлять оставить ссоры и служить Русской земле: сочинения Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха даже вошли в летопись. Читали бояре и дружинники, зажиточные горожане и просвещенные деятели

Церкви. То есть именно та среда, повседневную жизнь которой нам предстоит изучить и понять. И сама тенденция летописей, которая, как мы увидим в деталях, мешает нам достоверно оценить многие описанные в них события, очень ценна для понимания того, что важнее событий, — самосознания хозяев Русской земли и определения, кто был земле хозяином.

При прикосновении к древнерусским текстам представление о том, что принятие христианства в конце X века означало войну с народной традицией, разлетается в прах. Русь для древнерусских книжников первична, принятое от греков православие и пришедшая с ним из Византии и от южных славян книжность — вторая по значению ценность, смысл которой состоит в развитии и украшении Руси. «Слово о законе и благодати» первого русского митрополита Илариона, обращенное к Ярославу Мудрому в середине XI века, стало краеугольным камнем русского православия и национальной исторической концепции. Эта концепция соединила христианство, которое русские приняли позже многих народов, и династическую легенду «призванных» князей с гордостью за Русскую землю и верой в ее великую миссию. Выступив со «Словом» в храме Софии Киевской, Иларион с помощью авторитета Священного Писания доказал, что для новой веры потребны новые люди: они превзойдут старые народы в служении Богу, который не зря «спас и в разум истинный привел» россиян. Предрекая русскому народу великую миссию, митрополит восславил Владимира — наследника великих князей, которые «не в худой и не в неведомой земле владычествовали, но в Русской, которая ведома и слышима во все концы земли». Не греки крестили Русь, но славный Владимир, не уступающий равноапостольному императору Константину Великому. «Только от благого помысла и остроумия» принял христианство могучий князь, открыв новую страницу истории, на которой русские являются «новыми людьми», избранным Богом народом.

Прославленный летописцами наравне с Владимиром Святым и даже более его, Ярослав Мудрый с пол-

ным правом бросил вызов церковному господству Византии, поставив в митрополиты русского священника вместо греческих монахов, проводивших политику приобщения варваров к империи. Ярослав в корне изменил ситуацию, когда при его поддержке Антоний Любечанин положил начало русскому монашеству. В основанном Антонием Киево-Печерском монастыре в начале XII века была создана «Повесть временных лет» — свод летописей до 1110 года, ставший основой почти всех последующих сводов. Составитель «Повести» (до последнего времени полагали, что это был монах Нестор, написавший Житие Феодосия Печерского) дополнил начальную летопись сведениями о разных народах из славянского перевода византийской Хроники Георгия Амартола, указав место славян и русских среди потомков Ноя и описав византийский поход русских князей Аскольда и Дира, невзирая на то, что они не были Рюриковичами. Славянский перевод дал ему основание изложить библейские события от Сотворения мира, а перевод Жития Василия Нового — сведения о походе на Царьград князя Игоря. В рассказе об одолевшем Византию Вещем Олеге монах-летописец припомнил даже предсказавшего его смерть языческого волхва. Летопись славилась русских князей и воинов, совершавших лихие набеги на христианскую империю, скорбя о поражениях язычников и превознося правоту сражавшего «греков» Святослава не меньше, чем хитроумие его крещеной матери Ольги, поставившей на место заносчивого императора. Святослав, воитель за еще языческую Русь, с любовью описан как воплощение воинской славы: «Не посрадим земли Русские, но ляжем костьми, мертвые бо срама не имам!» — восклицает он, сражаясь хоть и в бесполезном для Руси походе, но исключительно с внешними врагами. Составитель «Повести» с гордостью привел заключенные в результате походов Олега и Игоря договоры Руси с Византией, жития построившей государство Ольги и успешно воевавшего с греками Владимира, только что канонизированных русским духовенством.

Взгляд на историю с позиции единого Русского государства породил резкое осуждение князей, вступавших в союз с иноземцами в раздиравших Русь усобицах. Уже «Повесть», доработанная в 1116 году игуменом Киевского Выдубицкого монастыря Сильвестром, с огромной убедительностью (фактами страшных разорений при усобицах и блистательных побед при единстве) мотивировала призыв к князьям жить между собой в мире и вместе защищать страну от врагов — так, как будто она не разделена на множество самостоятельных, даже враждебных княжеств. Осуждение княжеской идеи, что «это мое, и это тоже мое», утверждение единства Руси во враждебном мире странно звучали в условиях реального разделения страны, в феодальной Европе, когда русские князья часто ощущали себя «братьями» между собой не более, чем с половецкими ханами, польскими герцогами и венгерскими королями. Призыв лучше погибнуть, как святые Борис и Глеб, чем сразиться за власть с соперниками, выглядел совсем утопично. Тем не менее летописцы, при усилении раздробленности занимавшие всё более частные политические позиции в описании современных событий, упорно хранили общее ядро русской истории, переписывая в начале своих текстов «Повесть временных лет» и продолжавшие ее своды. «Зачем губим Русскую землю?» — звучал вопрос в Лаврентьевской летописи (рукопись 1377 года), включившей после «Повести» Владимиро-Суздальское летописание XII—XIII веков, и в Ипатьевской летописи (список XV века), где «Повесть» продолжили летописи Киевская (XII век) и Галицко-Волынская (XIII век). Замечательной особенностью последней, столетия продолжавшейся лихими галицкими воинами и гражданами, было огромное внимание к людям, их характерам и драмам. Здесь мы видим любовь, которая может заставить князя бросить престол, здесь помещен рассказ о половецком певце, воскликнувшем, получив с родины траву «евшан»: «Да лучше есть на своей земле костью лежи, и нели на чюже славну быти!»

Реальную жизнь людей на Руси раскрывали и другие летописи и вошедшие в историю литературные

памятники. Крупнейшим летописным центром был Великий Новгород, прославленный Новгородскими I—V, Софийскими I и II, Карамзинской и другими летописями, включающими огромные своды. В издревле вольном городе летописи писали при дворе архиепископа, в Юрьевом монастыре; в церкви Святого Якова на Добрыниной улице трудились летописцы священник Герман Воята и пономарь Тимофей (он переписал также «Лобковский пролог» — сборник сказаний и житий). Полагают, что древнейшую новгородскую летопись заказал посадник Остромир, для которого было написано и знаменитое красотой Остромирово Евангелие (рукопись середины XI века). Лаконичное по форме и чрезвычайно детально по политико-экономическому содержанию, новгородское летописание хотя и учитывало другие русские летописи, но до XVII века велось особняком, с позиции граждан, считавших свой город самым древним и славным «отцом» Руси, а на знаменах писавших: «Кто на Бога и Великий Новгород!»

Сравнение летописания крупнейшей в мире средневековой республики с летописями великих княжеств, где князья также, но на более-менее постоянной основе служили городам, приводит к любопытному выводу. Новгородцы более критично описывают повседневно наблюдаемые ими плоды народовластия, чем «княжеские» летописцы. Для урожденных республиканцев «воля народа» далеко не идеалистична. Это результат борьбы различных группировок «золотых поясов», которых иногда жестоко поправляют, изгоняют и даже убивают обиженные ими «черные люди». Для прокняжеских авторов выступления народа против воли князей временами выглядят преступными, но... именно народ неизменно прав, отстаивая единство Руси против княжеских усобиц и внешних врагов. Народ — понятие идеальное. Ему, в рамках городского населения, приписаны свойства хозяина Русской земли, сменяемыми правителями которой являются князья. Народ всех княжеств и земель сознает себя русским, понимает смысл единства и губительность

разделения. То есть именно народу ученые книжники обоснованно приписывают национально-государственную идею, которая прекрасно отражена также и в устном эпосе.

Основными заказчиками летописей в Чернигове, Ростове, Переяславле Южном и Переяславле-Залеском, Смоленске и Новгороде-Северском были князья и воеводы. Писали их монахи и священнослужители, нарочитые мужи, иногда сами бояре, не чуждые литературного вкуса. Имея собственные своекорыстные интересы, они тем не менее ощущали себя частью русского народа и эти интересы обличали! В дружинной среде было создано «Слово о полку Игореве» — одна из величайших героических поэм рыцарских времен. Поучение Владимира Мономаха раскрывает взгляд на мир с престола княжеского, а Слово и Моление Даниила Заточника — с позиции человека служилого, который из ссылки объяснял князю: «храброго быстро добудешь, а умный дорог!» Сарказм Даниила, явившего своей судьбой традиционную русскую ситуацию «горя от ума», был весьма популярен у читателей. От Заточника доставалось всем, включая монахов с их видениями и чудесами: «Скажешь, княже — постригись в чернецы. Так я не видел мертвеца, едзящего на свинье, ни черта на бабе, не едал смоквы от дубов». Подобной бесовщины много было даже в Киево-Печерском патерике — важнейшем сборнике древнерусских историй о монахах. Не входящее в него Житие Авраамия Смоленского рассказывает, как обличение плохих пастырей навлекло на попа страшный гнев: Авраамия требовали заточить, «к стене пригвоздить и сжечь», чуть ли не «живьем сожрать». Но к «малым и великим, рабам и свободным» проповедовал не только смоленский священник.

Кирилл, епископ Туровский, призывал к состраданию зависимым людям, а митрополит Климент Смолятич насмеялся над жадностью епископов, копящих дома, села и уголья. Климент был мудр не только в богословии: его упрекали за цитирование Гомера, Аристотеля и Платона. Монашеское звание,

избавляя от повседневных забот, давало наилучшую возможность читать и писать книги. Недаром Житие Евфросинии Полоцкой повествует, как княжна, постригшись в монахини, «начала писать книги своими руками и полученное за них раздавала нуждающимся». Интерес читателей вызывали переводы: части Библии, византийские жития святых, хроники Георгия Амартола и Иоанна Малалы, летописец патриарха Никифора, собрания-изборники исторических и философских сочинений, рыцарские романы и отечественные «хождения», древнейшее из которых описывает поход игумена Даниила в Иерусалим при короле Балдуине.

Связанное с переводами и интересом к человеку развитие литературного языка выразилось и в появлении официальных определений. Во Владимиро-Суздальской летописи князь Всеволод Большое Гнездо «милосерд», сын его Константин — «разумен». Киевляне, убившие в 1147 году князя Игоря Ольговича за описанные в летописи реальные обиды, всё равно — «беззаконные и несмысленные». Безумие феодальных войн побуждало чаще ссылаться на высшую волю: «Наводит Бог по гневу своему иноплеменников на землю... усобная же брань бывает от соблазнения дьявольского». Однако здравомыслие обычно побеждало, и летописцы считали долгом найти земные причины событий: «Выгнали ростовцы и суздальцы Леона епископа, потому что умножил церковь, грабя попов».

Летописные своды Ростова Великого, Владимира и Переяславля-Залесского дошли до нас в составе Радзивилловской летописи (ее список XV века включает 600 миниатюр), начатой с «Повести временных лет» и доведенной до 1206 года. Летописец Переяславля-Залесского (в списке XV века), доведенный до 1214 года, ярко окрашен в местный колорит, подобно псковскому летописанию XIII—XV веков. В памятниках, где общерусские сведения менее лаконичны (в связи с более широкими запросами местных властей), все больше воздается хвала могучим, удачливым и щедрым к воинам князьям, побеждавшим в усобицах. В середи-

не XIII века эти князья подвели своих хвалителей до крайности.

«Слово о погибели Русской земли», оплакивавшее некогда могучую «светло светлую и украсно украшенную землю Русскую» после поражения на Калке (1223), осталось неслышанным. В описании Батыева разорения (1236—1240) летописцы могли без крайнего стыда вспоминать только о сложивших головы рязанских и владимирских князьях: остальные попросту разбежались со своими дружинами, оставив граждан погибать на стенах своих городов. Памятником того времени стала повесть об Александре Невском, написанная по его смерти (1263) и позже переработанная в житие. Князь, благоразумно пошедший служить татарам, по крайней мере славно бился с крестоносцами. Галицкий летописец пытался гордиться храбрым князем Даниилом, принявшим королевский венец от католиков, но не дождавшимся от них помощи и сломленным Ордой. Героями сопротивления стали негибаемые жители Козельска и партизаны рязанца Евпатия Коловрата: их подвиги, воспетые в народной песне, только в XIV веке были записаны в «Повести о разорении Рязани Батыем». Митрополиты аккуратно собирали ханские ярлыки на свои владения, князья ради ярлыков убивали друг друга в Орде и вели татар на Русь грабить соперников, летописание замерло; выжившие книжники собирали и переписывали уцелевшие рукописи. Лишь написанное предками о единстве Русской земли и великой миссии ее народа давало людям возможность мечтать. Именно в XV веке, когда общерусское летописание существовало только в своей древней части, в новых записях разбиваясь на прославление войн своих князей с «чужими», в народе складывался цикл былин о легендарных богатырях Красного Солнца Владимира. Неудивительно, что сочетавший образы Владимира Святого и Владимира Мономаха славный князь часто выступал в былинах растяпой, доводившим Русь до крайности, из которой ее спасали герои простого народа. Что любопытно, так случалось и в древних событиях, которые описы-

вали летописи. Именно личная инициатива борцов за родную землю стала — даже по официальному Московскому летописному своду XV века — причиной освобождения Руси от ордынского ига. Для нас это уже другая история, хотя подчеркнуть идейное значение исторических сочинений и сказаний о Древней Руси немаловажно.

Письменные памятники становятся для нас источниками только при понимании истории их текста, обстоятельств создания и мотивов создателей. Это относится не только к летописям, но и к актам. Мы можем пользоваться «Русской правдой» и «Псковской судной грамотой» только потому, что ученые точно установили, когда, кем и с какой целью в них были помещены конкретные статьи законов. Для понимания смысла договоров необходимо изучить их формуляр: особенности изложения, принятые в данном виде документов. Точно так же проведена работа с иностранными источниками, повествовательными и актовыми, например, трактатами византийских императоров, касающимися Руси, сравнение с которыми крайне важно для установления истины, даже в том случае, если источники чрезвычайно тенденциозны.

Ярким примером является рассказ Галицкой летописи о поездке великого князя Даниила Галицкого на поклон к Батыю в 1250 году. Преисполненный отвращения к татарам и их обычаям, князь, согласно летописи, всячески демонстрирует это; даже чувствуемый Батыем, он — согласно летописцу — ощущал, что «злее зла честь татарская!» Текст явно отсылает нас к гибели в Орде святого князя Михаила Черниговского в 1246 году, представленной в летописи и житии как восстание против языческих обычаев татар, и подчеркивает, что Даниил был в Орде впервые. Это странно, учитывая, что к тому времени в Орду уже съездили все, даже не особо видные русские князья, не испытывавшие утеснений в вере со стороны религиозно терпимых татар. Тайну гибели Михаила, главного политического и военного соперника Даниила, раскрывают Анналы Бёртонского монастыря (Стаффордшир, Англия), со-

хранившие протокол обсуждения вопроса о татарах на Лионском церковном соборе 1245 года. На соборе присланный Михаилом владыка Петр призывал к объединению сил Европы для отражения нашествия Орды. Вместо этого собор принял решение о крестовом походе против собственного императора, собиравшего силы против Орды, а папский легат Карпини был послан договориться с татарами. Из его секретного доклада мы знаем, что Даниил, на которого папа сделал ставку в продвижении католицизма на Русь, в 1246 году, во время казни Михаила, ездил к Батыю, в то время как его брат Василько усердно опекал папское посольство. Получив сведения о враждебных действиях Михаила, хан казнил его, а Карпини в своем отчете предложил возложить ответственность за эту смерть на второго соперника Даниила, великого князя Ярослава Всеволодовича. Владимиро-суздальский князь был отравлен в столице Монгольской империи Каракоруме, где также энергично действовал папский легат. Затем папа потребовал от его сына Александра Невского изменить православию на том основании, что Ярослав, умирая чуть ли не на руках Карпини, якобы принял католичество. Отчет легата переполнен ложью, но его детальные бытовые сведения о сотрудничестве с галицкими князьями выглядят достоверно и не являются целесообразными для лжи. Если Александр отправил папского посла восвояси, а новую волну крестоносцев порубил, то Даниил принял от папы и веру, и королевскую корону, погубив Западную Русь в интересах католической Европы. Попытка Галицкого летописца спасти своего великого князя хотя бы от обвинения в смерти Михаила Черниговского понятна и простибельна.

Сведения иностранцев о Древней Руси не всегда остро тенденциозны политически, но непременно отражают, наряду с непосредственными наблюдениями, присущие их собственной культуре стереотипы. Так, арабский путешественник, лично видевший, как любимая женщина умершего знатного руса долго прощается с его товарищами, переходя из шатра в шатер и

выпивая, смело утверждает, что дама вступала со всеми ими в половую связь. По его традиции такое свободное общение с мужчинами, с которыми женщина совершила долгий и горестно завершающийся поход, просто не могло означать ничего иного! Ведь сама мысль о том, что женщина, добровольно собирающаяся убить себя и отправиться в загробный мир вместе с мужем, — не рабыня, которую нужно охранять от соблазнов и оберегать от всяких контактов, не могла прийти автору в голову. Византийцам такое поведение русских женщин казалось необычным, хотя и доступным для понимания. Но их собственная традиция, раз связав варваров-славян с долблеными лодками, заставляла самого императора именовать русские мореходные ладьи «моноксилами» (однодеревками), даже если они вмещали 40 воинов и большой груз.

Моя книга, описывая на основе анализа всех источников множество обстоятельств повседневной жизни Древней Руси, имеет целью показать и то, что было у русских людей в головах. Наиболее ярко и в то же время туманно это представлено в древнерусской литературе. Мы не знаем, за редкими исключениями прямых ссылок и реминисценций, какие произведения и насколько повлияли на того или иного человека и даже на определенный социум. Но имеем уникальную возможность лично погрузиться в мир читателя Древней Руси XI—XII веков благодаря огромной работе Института мировой литературы РАН (Пушкинского Дома), опубликовавшего уникальную Библиотеку литературы Древней Руси¹. Это подлинно научное издание, имеющее все пояснения, необходимые для понимания текста, и понятный современному человеку перевод. Отсылаю читателя к нему, понимая, что смогу передать в этой книге лишь ничтожную часть идейных и художественных богатств, на которых основано величие русской культуры.

¹ Неограниченный доступ на сайте ИРЛИ РАН: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=2070>

РУСЬ

История — это не только набор фактов, как нередко принято считать. Это прежде всего понимание наших предков, их мотивов и побуждений, реальных обстоятельств их жизни. Ранний период нашей истории в IX—X веках, о котором мы знаем меньше всего, задает ученому и читателю очень интересные загадки. Разгадывая их, мы и приходим к пониманию людей Древней Руси, которое хотели обрести. Заодно мы учимся понимать историю, — не как твердо установленную истину, не как публицистику, которую каждое десятилетие переписывают заново, но как текущие результаты непрекращающегося научного поиска. Историческая наука, создаваемая трудами многих поколений ученых, опирающихся на достижения мысли предшественников, — интереснейшая вещь сама по себе. Она основана на правилах и аргументах и требует от каждого читателя самостоятельно решать классический вопрос: «Что есть истина?»

Легенды о первых князьях

Начало истории каждого древнего государства легендарно. В том числе начало истории Древней Руси. И подход отечественных историков к этим легендам вполне обычен. Они уверяют, что князь Рюрик, Ве-

щий Олег, Игорь Старый и его вдова княгиня Ольга — исторические, существовавшие на самом деле фигуры. Но используют источники о них так, как будто пересказывают миф. Похожая ситуация существует и в других странах. Например, кому придет в голову, перечитывая «Легенды и мифы Древней Греции» Куна, вспоминать римских авторов начала нашей эры, которые по крупицам собирали и на свой вкус компоновали мифы древних греков? Или авторов эпохи Возрождения, которые придали этим сложным из крупиц «древнегреческим легендам» внятную литературную форму? Если эта форма настолько хороша, что не хочется вспоминать о клочках гимнов и обрывках текстов о богах и героях, дошедших в 10-томном «Описании Эллады» Павсания (II век) или толкованиях Анджело Амброджини (XV век), из которых доступное нам повествование было заимствовано, а затем талантливо сложено?!

Наши «легенды и мифы Древней Руси» вошли в историю и литературу в гораздо более четкой форме, отлитой уже в XII веке. То есть не спустя тысячелетие, а всего через 150—200 лет после загадочных событий, связанных с рождением Русского государства. Это всем известная со школьной скамьи «Повесть временных лет» — летопись, лежащая в основе большей части русских летописных сводов. С XII до XV века она составляла начало почти каждой летописной книги, где бы ни продолжали ее писать: в Киеве, Владимире, Суздале, Переяславле-Залесском, Галиче-Волынском или ином городе, кроме Великого Новгорода.

Историки справедливо отвергают рассуждения о том, что раз наши летописи в основной массе сохранились в списках XV—XVI веков, то их рассказы о древних событиях сомнительны. Ученые начали сравнивать летописи между собой еще в XVII веке. И в XIX веке поняли, что «Повесть временных лет», ведущая рассказ с древности до начала XII века, не подвергалась в летописных сводах заметным изменениям. Летописи составлялись, редактировались, компилиро-

вались и переписывались много веков, но их начальное ядро в виде «Повести временных лет» сохранилось неизменным.

Создание этого великого памятника нашей истории и литературы вполне определенно датируется началом XII века. Историки надежно установили источники этого крупного летописного свода и спорят лишь о том, составил его монах Нестор или иной обитатель Киево-Печерского монастыря. Поскольку особых изменений в тексте «Повести временных лет» нет, это произведение обычно цитируют не по сводному тексту, а по одному из лучших списков. Такими списками являются рукописи Лаврентьевской летописи 1377 года и Ипатьевской летописи 1420-х годов².

Рассказы «Повести временных лет» о создании Русского государства варягом Рюриком, призванным славянами и финно-уграми «из-за моря» княжить в Новгород в 862 году, его родичем Вещим Олегом и сыном Игорем, занявшими Киев и объединившими племена на водном пути «из варяг в греки», описаны в школьных учебниках как факты несомненные.

Конечно, ученые понимают, что имеют дело с легендами. Эти рассказы никак не подтверждены другими источниками, например, иностранными. Более того, они им противоречат. Имен первых русских князей иностранцы попросту не знали. Сведения «Повести

² Лаврентьевская и Ипатьевская летописи в оригиналах опубликованы в 1-м и 2-м томах Полного собрания русских летописей (далее: ПСРА; всего число томов перевалило за 40). См.: Лаврентьевская летопись: ПСРА. Т. 1. СПб., 1846 (переизд.: 1872; 1897; 2-е изд.: Л., 1926—1928. Вып. 1—3; М., 1997, 2001); Ипатьевская летопись: ПСРА. Т. 2. СПб., 1843; 1908; Пг., 1923; М., 1962; 1998, 2001. Текст и перевод «Повести» по Лаврентьевскому списку: Повесть временных лет. Ч. 1—2. Текст и перевод / Пер. Д. С. Лихачева, Б. А. Романова. М.; Л., 1950 (2-е изд.: СПб., 1999); Текст и перевод «Повести» по Ипатьевскому списку: Повесть временных лет / Подг. текста, пер. и коммент. О. В. Творогов // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI—XII вв. СПб., 1997. Перевод всей Лаврентьевской летописи: Повесть временных лет / Вступ. ст. и пер. А. Г. Кузьмина. М.: Родная страна, 2014. Оригинальные тексты и переводы есть в Интернете.

временных лет» о набегах русов³ на владения Византии подтверждаются греческими источниками лишь в одном случае: когда летописный рассказ о набеге двухсот русских кораблей в 866 году прямо заимствован из греческой Хроники Амартола, переведенной на славянский язык в XI веке и бытовавшей в Древней Руси. При этом византийцы не заметили даже особо ярко описанного в «Повести временных лет» победоносного похода Вещего Олега на Царьград в 907 году.

Несправедливость: грозные походы и пограничные набеги болгар византийские хронисты тех лет фиксируют, а наших русов, посуху ходящих вокруг их столицы на ладьях под парусами, не замечают! Вещий Олег лично прибывает на врата Царьграда свой щит, а греки ни имени его не знают, ни о самом существовании героя не подозревают. Император, согласно «Повести временных лет», платит Олегу огромную дань, а обычно скаредные греки, ворчливо описывая свои непростые отношения с разными варварскими «архонтами» (князьями), об этом убытке не скорбят — его просто не помнят! И даже о заключении ими в 911 году торгового договора с русами, текст которого приведен в «Повести временных лет» и радует нас до сих пор, не подозревают...

Легенда о первых Рюриковичах, лежащая в основе хрестоматийных представлений о победоносном рождении русской государственности, вполне могла бы такие «нестыковки» пережить. Мало ли о чем не пишут иностранцы! Может, греки не хотели упомянуть о своем поражении (хотя обычно потери и пережитые страхи описывают). Или не желали умножать славу русских князей, в которых некоторую опасность все-таки видели. Легендарное начало истории каждого государства на то и легендарно, чтобы верить в него с гордостью, отринув сомнения.

³ «Росами» русских называли с древнейших времен греки; в наших же источниках везде говорилось «русь» и «русь». От греческого прочтения нашего имени, считавшегося торжественным и ученым, со временем появилось название государства. См.: Кloss Б. М. О происхождении названия «Россия». М., 2012.

И мы бы с вами поверили. Но, к великому сожалению, историки знают, что кроме «Повести временных лет» о тех же героях и событиях по-иному повествует другой русский источник — Начальная летопись, созданная примерно на полвека раньше «Повести временных лет». Начальная летопись писалась в 1073—1074 годах, вероятно, Никоном Великим, монахом, а затем игуменом (1078—1088) того самого Киево-Печерского монастыря, в котором позже трудился летописец Нестор или иной монах, составивший «Повесть временных лет».

Текст Начальной летописи наилучшим образом отразился в летописных сводах Великого Новгорода — в Новгородской I⁴ и последующих летописях. Древнейший ее список датируется 1330-ми годами и является самым старым из списков русских летописей (он на полвека старше Лаврентьевской летописи)⁵. Печаль состоит в том, что легенда о первых русских князьях, переданная Начальной летописью, постоянно противоречит легенде, рассказанной в «Повести временных лет». Например, победоносный поход Олега на Царьград (с хождением на ладьях посуху, прибавлением щита и взятием дани на команды русских кораблей) датирован в Начальной летописи не 907-м, а 922 годом и описан без упоминания о князе Игоре. В обоих источниках подвиг совершает Вещий Олег, но в «Повести временных лет» число русских ладей умножено по сравнению с Начальной летописью со 100 до 2 тысяч, а воинов — с 4 тысяч до 80 тысяч. И таких противоречий в основе нашей легенды множество.

⁴ ПСРА. Т. 3. СПб., 1841; Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888; Новгородская первая летопись старшего и младшего извода / Подг. А. Н. Насонов; под ред. М. Н. Тихомирова. М.; Л., 1950. Переизд. с предисл. Б. М. Клосса: ПСРА. Т. 3. М., 2000; Новгородская Первая летопись. Берлинский список / Предисл. А. В. Майорова. СПб., 2010.

⁵ Факсимильные издания: Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1875; Новгородская харатейная летопись / Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1964.

Разумеется, у историков, давно обнаруживших столь разные версии легенды о первых русских князьях, возникало желание списать противоречия на старинное противостояние столичного града Киева и исконно вольнолюбивого Господина Великого Новгорода. Действительно, в новгородском летописании Начальная летопись имеет различные местные добавления, подчеркивающие значение родного города с самых древних времен. Но из естественного желания спасти более стройную и красивую версию легенды, изложенную в «Повести временных лет», ничего не вышло. Потому что было доказано: составитель «Повести» переделывал и дополнял именно Начальную летопись, написанную именно в его монастыре... Более того, творец «Повести временных лет» намеренно удревнял и приукрашивал события истории первых князей Рюриковичей, попутно объясняя читателю, как и зачем он это делает.

В итоге мы имеем два рассказа о первых русских правителях, не соответствующие сведениям соседей и почти во всем противоречащие друг другу. Учитывая легендарность обоих рассказов, в популярной историографии принято излагать события ранней русской истории только в красивой и стройной версии «Повести временных лет». В ней и кораблей у русов больше, и воинство внушительнее, и подвиги первых Рюриковичей — самые ранние.

В Начальной летописи вообще нет даты призвания из-за моря Рюрика. Дату эту придумал путем умозаключений составитель «Повести временных лет». Вот и будем считать «рождением русской государственности» указанный в «Повести» 862 год. Правда, согласно тем же летописям, в Киеве во главе объединения славянских племен правили в то время князья Аскольд и Дир. Именно они, согласно «Повести», возглавили страшный, но в итоге (из-за бури) неудачный поход русов на Царьград в 866 году. Но ведь в летописях даты начала правления этих более «главных» (киевских, а не новгородских) князей нет — так что оставим в учебниках истории 862 год.

Это не слишком справедливо. Греческие и латинские источники сообщают нам о сокрушительном походе русов на Царьград еще в 860 году. То была действительно великая — и первая хорошо описанная в источниках — победа русского оружия. Чтобы атаковать крупнейший город того времени на 360 кораблях, осадить его и безжалостно разграбить окрестности столицы сильнейшей империи, наших воинов кто-то должен был объединить. Ни морским разбойникам-варягам, ни отдельным славянским племенам мероприятие такого масштаба было не под силу. Сравните: в летописях в 866 году Аскольд и Дир ворвались в гавань Царьграда на двухстах кораблях. В 922 году Вещий Олег, коварно убивший Аскольда и Дира, а затем много лет объединявший славянские племена вокруг Киева, взял с греков дань, по Начальной летописи, на команды ста кораблей (на каждом по 40 мужей). То есть количество атакующих русских кораблей по мере прихода к власти Рюриковичей сокращается: вначале их было 360 (по иноземным источникам) или 200 (по греческой хронике и нашим летописям), а Рюриковичи в первый поход собрали лишь 100.

Составитель «Повести временных лет» этот намек на более успешных объединителей Руси до Вещего Олега понял. Взяв описание похода Олега на Царьград из Начальной летописи, он перенес его с 922 в 907 год, добавил в текст имя Игоря Рюриковича, оставленного Олегом княжить в Киеве, а цифру 100 исправил, написав несусветное число в 2000 кораблей (то есть просто умножил число ладей Аскольда и Дира на 10). И историки это приняли, молчаливо согласившись, что имена и даты начала правления первых русских князей всё равно в точности неизвестны, а явление Рюрика на севере Руси в 862 году удобно для упоминания в учебниках. Не говоря уже о том, что Романовы, правившие во время написания фундаментальной истории России Н. М. Карамзиным и С. М. Соловьевым, полагали себя наследниками Рюриковичей по родству с ними через царицу Анастасию Романовну Захарьину-Юрьеву...

Нам с вами необходимо учитывать оба легендарных рассказа летописей. Иначе невозможно рассказать всю правду о князьях-разбойниках и основательнице Русского государства святой равноапостольной княгине Ольге. Ведь именно с момента смерти ее непутевого мужа Игоря Рюриковича и начала ее княжения все русские летописи вдруг забывают о вариативности легенд и точно согласуются между собой. Древнейшее русское историческое сказание, на котором они основаны, просто открывало княгине историю Руси. Ее как историческую, а вовсе не легендарную личность прекрасно видели иностранные современники. И какие! Император ромеев Константин Багрянородный лично описал ее прием в своем дворце в Константинополе, а хронист первого германского императора Оттона I знал ее как королеву.

Легенды о первых князьях важно проанализировать, чтобы понять ход мысли древних русских книжников, от которых пошла наша оригинальная (а не переводная) литература. Это необходимо и для практического понимания событий. Иначе, если верить «Повести временных лет», княгине Ольге придется рожать единственного сына Святослава через 39 лет после выхода замуж за Игоря, выждав момент, когда ей исполнилось 50, а мужу 60 лет... В раннем Средневековье это возраст не просто глубокой старости, а дряхлости. Возраст не рожать детей, а нянчить правнуков! Не восстановив реальную хронологию событий и не зная изначальной ситуации на Руси, трудно понять, что Ольга сделала для нашего государства. Почему древние рассказчики — суровые воины и монахи — ценили эту женщину (сами себе удивляясь) выше правителей-мужчин? И почему именно с нее вели повествование об истории Руси?

Вы видите теперь, что мы вынуждены отделить легенды от реальности. И во второй главе этой книги начнем рассказ с того, что представляла собой Русь весенним днем 945 года, когда молодая княгиня, нянчившая четырехлетнего сына Святослава, внезапно и страшно вынуждена была взять на себя заботы о судьбе

Русского государства, еще не вполне родившегося, но уже поставленного на край гибели. Это был бы вполне закономерный шаг: все начинают рассказ о княгине Ольге со страшной мести племени древлян за смерть ее мужа Игоря. И мы об этом расскажем. Но сначала совершим шаг необычный, а в популярной книге — уникальный. Мы познакомимся с основой основ понимания всех древнерусских письменных источников: с наукой текстологией и ее специальной частью — летописеведением.

Наука эта сложна и трудоемка. Путь к пониманию только первых двух летописей занял у специалистов без малого сто лет. Но нам важно понять лишь ее основы и, главное, выводы профессиональных текстологов-летописеведов. Которые, в отличие от наших летописей, как раз прекрасно согласуются. И рисуют картину, которая заметно отличается от школьного курса истории Древней Руси. Только не пытайтесь рассказывать реальную историю экзаменаторам! Что следует рассказывать, я вам сейчас кратко изложу.

Рюрик и Рюриковичи

Общеизвестная легенда о рождении Древней Руси звучит так. В 862 году варяг Рюрик был призван новгородцами и их союзниками из-за моря и постепенно утвердил свою власть на севере Руси. В 882 году его воевода Вещий Олег с дружиной пришел из Новгорода в Киев. Он обманом убил киевских князей Аскольда и Дира и занял их престол. За 33 года своего правления Олег объединил значительную часть восточных славян под властью князя в Киеве и его заместителей в других городах. С объединенным войском он совершил поход на Царьград, взял с Империи ромеев дань и заключил выгодный торговый договор.

Племена платили киевскому князю дань, получая взамен защиту, возможность обогатиться за счет военной добычи и выгодной заморской торговли. Миссия мудрого военного вождя этим исчерпывалась. Для

строительства Древнерусской державы требовался государственный деятель. Им-то и стала княгиня Ольга, которую поздние летописцы считают праправнучкой легендарного новгородского правителя Гостомысла. Не от стремления к власти сделалась Ольга устроительницей государства, а вследствие слабости мужа своего Игоря.

С младенчества князь Игорь Рюрикович воспитывался его старшим родичем Вещим Олегом. В 903 году, как только Игорь стал взрослым, Олег женил его на псковитянке Ольге и стал посылать вместо себя собирать с племен дань. Когда в 907 году Олег ходил с большим войском на Царьград, Игорь оставался править за него в Киеве. Но как только вещего князя не стало, гордые древляне взбунтовались, отказавшись платить дань тому, кто всю жизнь «ходил по Олеге», был лишь тенью великого вождя. В 914 году Игорь воевал с древлянами, вновь покорил их и обложил данью больше прежней. И затем больше четверти века ничего значительного не совершил, только помирился с появившимися в Степи кочевниками-печенегами.

В 941 году Игорь решил отличиться: повел на Царьград 10 тысяч ладей. Не дойдя до места, воины Игоря бросились грабить берега. Тут они были разбиты византийскими воеводами, а в море их ладьи сжег огнеметными машинами греческий флот. Вернувшись из бесславного похода, Игорь вновь стал собирать воинство, усердно приглашая варягов и печенегов. В 944 году все они двинулись морем и сушей на Византию. Только добрались до Дуная — встретили послов от императора с дарами. Игорь стал советоваться с воинами, но каков князь — такова и дружина. «Зачем биться и еще, чего доброго, помирать, — сказали участники совета, — коли можно без боя взять золото, серебро и шелка!» Взяли дань и пошли восвояси.

Греки поняли, что Игоря бояться нечего. Они подтвердили старый Олегов договор о мире и торговле 911 года, но с обидными для купцов Русской земли ог-

раничениями. В особенности византийцы не хотели, чтобы русские закреплялись на южных землях. В Константинополе и даже в устье Днепра им по договору зимовать не разрешалось. А князь Игорь обещал не трогать греческие владения в Крыму и даже оберегать их от дунайских болгар.

Не особо храбрый, князь Игорь был еще и ленив. Он сидел себе в Киеве, в то время как его воеводы и воины подчиненных племен промышляли на свой страх и риск. Одни вместе с воеводой Свенельдом три года осаждали Пересечен, главный город славянского племени уличей, и покорили это племя. Другие целыми ватагами уходили в Византию и воевали под императорскими знаменами в Италии. Третьи по Волге выходили в Каспийское море, промышляя по берегам его до самого Азербайджана: где торговали, а где и воевали. «Народ этот мужественный, — писал арабский историк о росах, взявших в 943 году богатый город Бердаа, — телосложение у них крупное, мужество большое, не знают они бегства».

Остававшаяся с князем в Киеве дружина в конце концов возмутилась: воины княжьих наместников на славу оделись и вооружились, а те, кто служит самому Игорю, чуть не голыми ходят!⁶ Пришлось князю в 945 году самому вести дружину за данью к древлянам. На обратном пути Игорю показалось, что добычи мало. Отпустил он дружину домой, а сам с малым числом воинов вернулся, «желая большего имения». «Да этот жадный волк всех нас задерет!» — решили древляне. Во главе с князем Малом они взялись за оружие и перебили грабителей, а самого Игоря предали лютой казни.

Киев и объединенная вокруг него Русь остались без власти. Только вдова Игоря Ольга сидела в своем каменном загородном дворце под Киевом, окруженная слугами, с малолетним сыном Святославом. Дальней-

⁶ Буквально: «Отроки Свенельда изоделись оружием и портами, а мы наги. Пойди, княже, с нами за данью, да и ты добудешь, и мы».

ший текст летописи ясно говорит нам, насколько мал был в то время будущий великий воин. В следующем, 946 году он начал сражение с древлянами, бросив легкое метательное копьё-сулицу в сторону врага. «И когда сошлись оба войска для схватки, — рассказывает нам «Повесть временных лет», — Святослав бросил копьём в древлян, и копьё пролетело между ушей коня и ударило коня по ногам, ибо был Святослав еще ребенок⁷. И сказали Свенельд и Асмуд: «Князь уже начал; последуем, дружина, за князем»⁸.

Свенельд — удачливый воевода князя Игоря, воины которого, к возмущению княжеской дружины, в успешных походах на соседей «изоделись оружием и портами». Асмуд — «дядька», то есть воспитатель маленького Святослава. По традиции мальчика отдавали с женской половины дома на воспитание дядьке и торжественно сажали на коня в пять лет. К двенадцати годам мальчик считался полноценным воином — это мы хорошо знаем по жизни последующих князей, которые в этом возрасте уже командовали в боевых походах и даже женились.

Сомнительно, чтобы Святослав, будущий «пардус» — леопард — полей сражений, настолько отставал в развитии, чтобы не суметь бросить копьё, если ему в 946 году было больше пяти лет и если его воинское обучение шло уже какое-то время. Ведь сулица — самое легкое оружие из арсенала того времени. Ее с самого начала учебы давали в руки мальчишке.

Скорее можно предположить, что мать поспешила отдать ребенка в руки дядьки, чтобы показать, что он уже входит в пору мужества, что именно он — законный наследник власти своего отца. Ведь древляне, сразу после смерти Игоря поспешившие прислать к вдове Игоря послов с приглашением выйти замуж за их князя Мала, в Святославе наследника русского княжения не

⁷ Древнерусские выражения даны в книге в научных переводах. В оригинале: «бе бо детесю».

⁸ В оригинале: «Князь уже почал; потягнем, дружина, и мы по князе».

видели. Согласно «Повести временных лет», «сказали древляне: “Вот убили мы князя русского; возьмем жену его Ольгу за князя нашего Мала и Святослава возьмем и сделаем ему, что захотим”».

Очевидно, что в 945 году, за год до неудачного броска сулицы, со Святославом нечего было считаться: он еще не сел на коня, не был препоясан воинским поясом и, оставаясь на женской половине дома, не мог считаться наследником власти отца. Его можно было «взять» в придачу к Ольге как несмышленного ребенка. Несложно высчитать, что забеременеть единственным сыном княгиня должна была — если она не преувеличила возраст Святослава, отдавая его дядьке — в 940 году. То есть когда шел 37-й год после ее свадьбы с Игорем в 903 году...

Учитывая мотивированную женской природой традицию выдавать девушек замуж после тринадцати лет, подсчитаем возраст княгини к моменту начала беременности: 50 лет. Возраст, даже сегодня почтенный и крайне опасный для родов. А в те времена, как уже говорилось выше, это был возраст глубокой старости как для мужчин, так и для женщин. Рассуждения о том, что Ольгу могли выдать замуж номинально, по каким-то политическим соображениям, совсем маленькой девочкой, ситуацию не спасают. Даже если бы ей исполнился год и на свадьбе ее несли в пеленках, к 940 году ей было бы уже 38: забеременеть и рожать в Средние века поздно... Особенно от престарелого мужа. Согласно «Повести временных лет», в 882 году, когда Вещий Олег явился в Киев, он «показал Игоря: “А это сын Рюрика”». Пусть даже Игорю исполнился тогда всего один или два года (не будем увеличивать его возраст) — тогда в 940 году он заставил Ольгу забеременеть, будучи сам 60-летним.

Понятно, что с нашими официальными датами что-то не так... Что принятый в школьном курсе (по датам «Повести временных лет») год свадьбы Ольги — 903-й и год смерти ее мужа, когда у нее остался на руках маленький сын — 945-й не согласуются. Монах-летописца начала XII века женские проблемы княгини

не трогали. Не волновали они и великих историков XIX века Н. М. Карамзина, М. П. Погодина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского и др. Ибо в официальной историографии любое «не может быть!» отступает перед ясными датами источника.

И для нас нестыковка дат — вовсе не аргумент для пересмотра датировок летописи. Пустословные (ученые говорят в таких случаях — «спекулятивные») рассуждения, модные в публицистике, не принимаются во внимание академической наукой. Взыгравший в нас при взгляде на эти даты здравый смысл лишь подталкивает к более тщательному изучению текста источника. И мы, как вы вскоре убедитесь, преуспеем! Наука победит и поставит всё на свои места.

Летописи

Великие историки XIX века, начиная с Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева, писали о деятельности первых русских князей исключительно по «Повести временных лет»⁹ (и нескольким плохо согласующимся с ней иностранным текстам). Составленная как минимум через 168 лет после начала «устроения» Руси Ольгой, она сообщала, разумеется, сведения легендарные (ведь записей с датами на Руси в X веке не велось). Почти все они имели яркие признаки устной передачи. Но когда эти устные сказания были созданы и когда записаны?

Одно дело — рассказы участников событий, их свидетелей или хотя бы современников. Другое — их поэтическое описание в сказках, былинах и бывальщинах. Устная традиция, как мы знаем, может быть

⁹ В данной книге текст с переводом Д. С. Лихачева цитируется мною, с уточнением перевода, по Лаврентьевскому списку (Повесть временных лет. М.; Л., 1950) и Ипатьевскому списку (напечатан в ПСРА без перевода; любителям древнерусской книжности рекомендую издание Пушкинского Дома в переводе О. В. Творогова: Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1).

очень точной и устойчивой. Например — исландские саги, прекрасно передававшие устные сведения о великом множестве реальных героев с детализацией их поступков и даже передачей прямой речи. Записывать их начали в XIII веке, а в рассказах шла речь о событиях даже X века — причем с множеством деталей. Такое возможно в замкнутом обществе, где круг действующих лиц ограничен, а рассказ ведется в среде их родичей и потомков. Бытовали ли столь точные рассказы на Руси? Этого, изучая «Повесть временных лет», нельзя было сказать.

Историки лишь предполагали, что в среде княжеских воинов-дружинников какие-то рассказы передавались подобно сагам. Но какие именно и подобно каким сагам? В более многолюдном обществе древней Скандинавии королевские саги были далеко не так точны, как исландские (при родстве их создателей по крови, языку и культуре). Они были переполнены фантастическими сюжетами и служили политическим целям менявшихся правителей.

«Повесть временных лет» не менее явно служила династии Рюриковичей, вплоть до того, что лишь в исключительных случаях упоминала их соперников во власти из других родов. Это рвение прославлять династию было даже чрезмерным в начале XII века, когда потомки легендарного Рюрика (кем бы он ни был) правили уже во всех крупных городах Руси. Правда, и здесь нужно уточнение: во всех городах, упоминаемых в летописи. Археологи с большим удивлением обнаруживают довольно многолюдные города-крепости, вроде Сурского городища в Пензенской области, с большим для Древней Руси населением в 10 тысяч человек, которые в летописи не упоминаются вообще! Не упоминаются летописцами и многочисленные русские князья не Рюрикова рода, кроме тех, кого Рюриковичам «пришлось» убить: киевские князья Аскольд и Дир, полоцкий князь Рогволод. О существовании других мы знаем по приведенным в «Повести временных лет» договорам Руси с Империей ромеев, восточным и западным источникам.

По политической ангажированности «Повесть временных лет» не уступает королевским сагам. Она, пожалуй, превосходит их настолько же, насколько в политическом и культурном плане Древняя Русь опережала Скандинавию. Там и первые хроники возникли на столет позже, чем Начальная летопись на Руси, на рубеже XII—XIII веков (в Дании), и даже на 250 лет позже «Повести временных лет» (в XIV веке в Швеции). Но понимать тенденциозность летописца — одно, а исследовать эту тенденцию — совсем другое. Для этого необходимо знать историю текста летописи, видеть вносимые в нее изменения.

Этой возможности великие историки, во многом сформировавшие наше представление о «начале Руси», не имели. Они знали об отличиях ранних новгородских летописей от «Повести временных лет». Но отбрасывали их, полагая новгородские тексты сокращенными и искаженными, — ведь в них действительно меньше точных дат, а ряд событий и имен сравнительно с «Повестью» меняется местами. Эти изменения мы далее рассмотрим — ведь до нашего времени остаются историки, полагающие, будто новгородские летописи, а не составитель «Повести», искажали сведения о реальных событиях.

Однако в конце XIX века выдающийся филолог академик А. А. Шахматов установил, что именно с помощью новгородских летописей можно понять раннее развитие русского летописания. Полностью сопоставив и научно издав сравнение текстов Новгородской I летописи и всех известных на то время древнерусских летописных сводов, Шахматов доказал, что «Повести временных лет» предшествовали более древние летописные тексты. Он точно определил множество источников «Повести» и новгородской летописи, но самое важное — восстановил текст Начальной летописи конца XI века¹⁰, — главного источника, с которым

¹⁰ На основе Новгородской I летописи. М. Н. Тихомиров (см. ниже) привлек к реконструкции протографа еще один текст: Устюжский летописный свод / Подг. К. Н. Сербина. М.; Л., 1950.

работал в начале XII века летописец Нестор (или иной монах-составитель «Повести временных лет»)¹¹.

Метод Шахматова трудоемок. Он состоит в пословном, даже побуквенном сравнении всех списков одного произведения с целью выяснить их взаимодействие во времени и понять, какой список от какого (прямо или через несохранившиеся рукописи) произошел. Характер изменений говорит о том, что перед нами список (копия, конечно же содержащая ошибки и исправления); или сознательно переделанная, содержащая смысловые поправки редакция; или случайно накопивший множество изменений извод одного памятника.

Шахматов доказал, что только досконально изучив историю текста каждой летописи, можно сопоставлять между собой сами памятники, которые тоже происходили друг от друга. Груда манускриптов превратилась в результате его работы в могучее древо русского летописания, с корнями, стволом, большими и малыми ветвями. Главное, что вместо набора разных сведений в разных рукописях перед учеными предстала колоссальная творческая история летописания с XI до XVI век! История, позволяющая четко доказать, что и как изменяли и дополняли, редактировали и переписывали заново многие поколения вдумчивых летописцев.

В результате открытий Шахматова стало возможным понять, что именно летописцы разных времен и земель Руси хотели видеть в прошлом, что их не устраивало и что они по-иному описывали. В то же время стало невозможным взять фрагмент какой-нибудь летописи и процитировать, не отвечая себе на вопрос, кто, когда, по каким источникам и с какой целью эти слова написал, как они соотносятся со всей богатейшей летописной традицией.

Так родилась новая наука — текстология, а вместе с ней ее особое направление — летописеведение. Именно оно стало главной темой работ крупнейших

¹¹ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. 1. Пг., 1916. Текст Начального свода выделен шрифтом. Его перевод: Начальная летопись / Подг. С. В. Алексеев. М., 1999.

историков и филологов России в XX веке. Понятно, что любой труд, не опирающийся на достижения летописеведов, не мог внести ничего нового и существенного в понимание нашей древнейшей политической истории, в которой летопись остается главным и часто единственным источником.

Это не значит, что историки, не готовые положить годы труда на исследование истории текста летописей, прекратили писать. Напротив, они писали, печатали и в наши дни продолжают заниматься подобным «творчеством» весьма активно. Это означает лишь, что старания их после опубликования работ Шахматова в научном плане ничего не стоят. Историческая наука, сохраняя свое общее название, разделилась в изучении Древней Руси на собственно научные исследования и наукообразные рассуждения «на тему».

В политически сложных условиях середины XX века, когда почти все крупнейшие историки и филологи подвергались разнообразным гонениям или попросту «сидели», летописеведение стало своего рода нишей, надежно защищенной от профанов своей трудоемкостью. Неудивительно, что летописеведы, публикуя результаты своих трудов, не спешили объяснять менее ученым коллегам, какие перемены их выводы вносят в наше понимание истории Древней Руси. А эти «необъявленные» перемены были радикальными.

Сравнение Начальной летописи с «Повестью временных лет» показало, что значительная часть дат, которые удивили нас, была внесена в текст между концом XI и началом XII века. В Начальной летописи их было еще очень мало. Составитель «Повести» не только датировал, но решительно «удревнял» события, задавшись целью заполнить период истории Руси при неизвестных нам (а может быть, и ему) правителях бурной деятельностью династии Рюриковичей. Значительную часть дат Нестор или другой монах Киево-Печерского монастыря не брал из источников, а вычислял, применяясь к событиям в Византии, или же просто сочинял, руководствуясь своими соображениями о том, как должна выглядеть русская история.

Но уже Начальная летопись, как и «Повесть временных лет», отнюдь не была простым изложением событий и легенд «без гнева и пристрастия». Вообще, объективизированная форма изложения — в таком-то году произошло то-то — не должна вводить читателя в заблуждение. Летописание всегда отражало бурление страстей, идеологических и конкретно-политических. Все его погодные статьи глубоко эмоциональны, все сведения служили определенным целям летописца — просто по прошествии столетий мы не всегда понимаем эти цели.

Составивший Начальную летопись Никон Великий с 1060-х годов до самой своей смерти в 1088 году был крупной политической фигурой в Киевской Руси. Некоторые даже полагают, что основатель и игумен Киево-Печерского монастыря, еще до 1058 года поселившийся вместе с первым русским монахом-отшельником Антонием в пещере на берегу Днепра, неподалеку от стен Киева, был не кем иным, как самим митрополитом Иларионом!

Священник церкви в княжеском селе Берестове Иларион прославился благочестием, отказом от земных благ, глубокой книжной ученостью и талантом оратора. Он был единомышленником великого князя Ярослава Мудрого (1019—1054), который уже в 1030-х годах задался целью просвещения Руси путем строительства школ, перевода и переписки греческих книг, создания библиотек. Сподвижник великого князя Иларион — согласно «Повести временных лет», «муж благ, книжен и постник» — был первым помощником Ярослава в деле просвещения Руси. В 1051 году Иларион, возглавлявший клир любимой великим князем резиденции в Берестове, был, вопреки традиции, поставлен митрополитом вся Русь. До этого со времен правления Владимира Святого (980—1015), крестившего Русь в 988 году, русскими митрополитами были исключительно греки, поставленные константинопольскими патриархами. Ярослав произвел настоящий переворот, поставив на Русь митрополита решением собора русских епископов.

В Софии Киевской, главном соборном храме Руси, Иларион при вступлении на святой престол произнес речь, которая стала фундаментом национальной исторической концепции. Обращаясь к великому князю Ярославу, новый митрополит прославил его отца, «нашего учителя и наставника, великого князя земли нашей Владимира, внука старого Игоря, сына же славного Святослава, которые во времена своего владычества мужеством и храбростью прослыли в странах многих победами и силою и ныне поминаются и прославляются. *Ибо не в худой и неведомой земле владычество ваше, но в Руской, о которой знают и слышат во всех четырех концах земли!*» Не греки крестили Русь, заявил новый митрополит, но «славный, рожденный от славных, благородный — от благородных, князь наш Владимир».

«Слово о законе и благодати» митрополита Илариона соединило принятое от Византии христианство и военные подвиги первых русских князей с гордостью за Русскую землю и верой в ее великую миссию. Крестив Русь, Владимир Святой и продолжатель его дела, просветитель Ярослав Мудрый открыли новую страницу мировой истории, на которой русские являются избранным Богом народом¹².

После смерти Ярослава в 1054 году Иларион сходит с политической авансцены — уже на следующий год в Начальной летописи упоминается новый митрополит Ефрем: грек, поставленный в Константинополе, как было прежде и как будет на Руси еще долго. А вскоре в Киево-Печерском патерике — сборнике рассказов о святых отцах первого на Руси монастыря, упоминается «черноризец Ларион», который был «книгам хитр писати» и работал над ними в келье основателя монастыря Феодосия «по вся дни и нощи».

Действительно ли митрополит Иларион окончил свои дни простым черноризцем в Киево-Печерском монастыре, мы не знаем. Историк и летописец М. Д. Приселков предположил, что именно Иларион принял в монастыре схиму под именем Никона, кото-

¹² Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997.

рого позже монах и автор житий Нестор назовет Великим. В Житии Феодосия Печерского Нестор расскажет, как Никон (в прямой аналогии с «черноризцем Ларионом») все время оставался в келье и писал книги, а Феодосий, сидя рядом, пряд нити, необходимые для их переплета.

Однако образ смиренного книжника Никона, который, как установил А. А. Шахматов, создал Начальную летопись в Киево-Печерском монастыре к 1073 году, при сравнении источников получается не столь уж мирным. Он довольно часто оказывался в центре политических страстей. В 1060 и 1061 годах Никон вопреки воле великого князя Изяслава постриг в монахи двух его приближенных. От гнева Изяслава книжник вынужден был бежать из Киева в Тмутаракань, где основал новый монастырь. В 1068 году он смог вернуться в родную обитель, где поучал братию не словесно, как игумен Феодосий, но «от книг читая». Однако в Киеве наступила усобица, Изяслав был изгнан князьями Всеволодом и Святославом — и не такой уж тихий книжник Никон вновь оказался в далекой Тмутаракани. Вернулся он оттуда в 1077 году и на следующий год возглавил Печерский монастырь, где и умер в почете и уважении братии и властей столицы.

Никон Великий

Начальная летопись (если совсем точно — летописный свод) Никона была сочинением остро-политическим, причем события в Киеве описаны в ней с позиции очевидца в годы, когда автор был в столице. А в годы изгнания он писал как очевидец о случившемся в Тмутаракани. Уже приступая к рассказу «о начале Русской земли и о князьях, как и откуда были», Никон просит тех, кто внимает его летописи, извлечь из рассказанной истории правильные уроки, беречь единство Русской земли и отказаться от пагубных раздоров, не ссориться, а вместе защищать Русь от внешних врагов.

«Молю вас, стадо Христово, — призывал Никон, — с любовью преклоните уши ваши разумно: каковы были древние князья и мужи их, и как собирали Рускую землю и иные страны покоряли себе. Те ведь князья не собирали много имения, ни творимых вир, ни продаж (надуманных штрафов. — А. Б.) не возлагали на людей, но если была правая вира, ту брали, давая дружине на оружие. А дружина их кормилась, воюя иные страны, и сражаясь, и говоря: “Братья, потрудимся за своего князя и за Рускую землю!”... Они не возлагали на своих жен золотых обручей, — продолжает обличать современные ему нравы летописец, — но ходили их жены в серебряных; и расплодили Рускую землю».

Не то нынче, гневно писал Никон во вступлении к своему труду, когда «за ненасытность нашу навел Бог на нас поганых, уж и скот наш, и села наши и имения у них, а мы своих злых дел не оставим! Ведь пишется: “Богатство, несправедливо собираемое, развееется!” И еще: “собирает, а неведомо кому собирает это”... Братья мои возлюбленные, — призывал Никон слушателей летописи, — отречемся от ненасытности своей!»¹³

Итак, летопись изначально — не сухое изложение событий, как принято считать, а нравственный урок. Все, что пишет летописец, призвано побуждать читателя и слушателя (а Никон обращался именно к слушателям, ибо грамотных в стране было мало и книги читались публично) одуматься и не губить собственную страну. Для современников то, что мы нередко принимаем за сухое изложение событий, звучало как злободневный политический памфлет, в котором каждая рассказанная история была и положительным примером, и упреком современным Никону властям. Увы, эта злободневность в летописании будет сохраняться и позже — ведь князья не перестанут губить Русь своей жадностью и раздорами, а их бояре и дружинники — грабежами и бесчестным судом...

Продолживший Начальную летопись в 1093—1095 годах игумен Иоанн еще более заострил обличе-

¹³ Начальная летопись. С. 10—11.

ния властей, которые из-за жадности и ссор допустили страшное половецкое нашествие в 1093 году. Летописец в обстановке размолвки монашеской братии с великим князем Святополком Изяславичем особенно сурово обличал князей, пренебрегающих заслуженной старшей дружиной. Прекратить грабить свой народ, отказаться от усобиц, всем вместе защищать страну от разорения — таков был призыв смиренных монахов, составителей Начальной летописи.

Именно исходя из целей составителей летописи, людей умных и патриотичных, мы должны понимать ее содержание. Никон Великий начал свой рассказ с легендарных князей древнего Киева. Как великие города Рим, Антиохия и Александрия приняли названия по именам своих основателей, пишет он, «так же и в нашей стране назван был город великих князей по имени Кия», старшего из братьев, основателей Киева.

Когда это было, летописец второй половины XI века не знал. События IX века относились для него к седой незапамятной старине. Историки до сих пор не могут понять, почему Никон Великий поместил статью о Кие и его братьях под 854 годом, озаглавив ее: «Начало земли Русской». Поселение на месте Киева прослеживается археологами в более древние времена. Академик Б. А. Рыбаков, например, полагал, что Кий, его братья Щек и Хорив и сестра Лыбедь могли жить и строить Киев в V или VI веках. Но историческое видение Никона не простиралось глубже середины IX века — и то потому, что он читал о тех временах в русском переводе греческой Хроники Амартола. «В те же времена», пишет он, когда возник Киев и вокруг него от Кия, Щека, Хорива и сестры их Лыбеди пошло племя полян, в Греции правили царь Михаил и его мать Ирина, «которая проповедует поклонение иконам в первую неделю поста». При них «пришла русь на Царьград на кораблях, без числа кораблей, а на двухстах, войдя в Суд (гавань Константинополя. — А. Б.), много зла сотворили грекам и избиение великое христианам».

Это было самое раннее упоминание народа русь («рос»), которое летописец смог найти в греческой

хронике. К тому же упоминание героическое, к которому хотелось привязать легенду об основании Киева и формировании родного летописцу племени полян. По первому упоминанию народа русь Никон и запомнил рассказ продолжателя византийской Хроники Георгия Амартола о царствовании императора Михаила III (842—867), вступившего на престол младенцем. Правила за него мать Феодора (815—867), восстановившая в империи почитание икон после времен господства иконоборцев. Никон, писавший явно по памяти, спутал ее с другой императрицей, Ириной (ок. 752—803), самодержавно правившей в Константинополе в 797—802 годах. Именно она добилась восстановления иконопочитания на Втором Никейском соборе, а позже была канонизирована как святая (память 9 августа). Ирина тоже правила за своего сына. Она так же, как Феодора, добилась успехов в борьбе с арабами и болгарами; сходным был и конец их правления: обе их заточили в монастырь, где великие императрицы скончались.

Перепутать имена выдающихся женщин было легко. Но эта легкость говорит нам о том, что Никон Великий при написании летописи не держал перед собой рукопись Хроники Георгия Амартола, продолженной с 842 до 948 года Симеоном Логофетом. Хроника не была для него недоступной. Ее рукопись имелась если не в Киево-Печерском монастыре, то в княжеской библиотеке в Софии Киевской. Еще до конца XI века Хроника была переведена на русский язык (и сохранилась во множестве списков). Никон мог бы уточнить по ней не только имя императрицы, но и более важную деталь — год первого упоминания русов в греческих текстах.

Упоминание было связано с набегом варваров на территорию империи. Вспоминая написанное в Хронике, Никон рассказал, что в момент набега император Михаил не растерялся. «Цесарь же с патриархом Фотием мольбу творил в церкви Святой Богородицы Влахернской всю ночь. После ризу святой Богородицы вынеся, в море край омочил. И хотя во время то

тишина была, встала буря и потопила корабли русские, и извергла их на берег, и (русы. — *А. Б.*) восвоеси возвратились».

Описанное здесь чудо Богородицы Влахернской 18 июня 860 года¹⁴, спасшей Царьград от первого нашествия русов, было затем весьма популярно на Руси — как церковный праздник и иконописный сюжет. На самом деле, согласно двум проповедям (гомилиям) константинопольского патриарха Фотия, созданным во время и сразу после событий, императора в столице не было — он, взяв часть гарнизона, ушел в военный поход в Азию. В войне против арабов были заняты вся армия и флот. Столица осталась без защиты перед лицом внезапно налетевших русов. Греки могли лишь молиться о спасении. Тогда риза Пресвятой Богородицы и была обнесена вокруг города по стенам столицы. Это не вызвало бури, но русы вдруг по своей воле ушли, унося богатую добычу, зато перестав разорять окрестности Царьграда и греческие острова.

«Ибо как только облачение Девы обошло стены, — писал Фотий, — варвары, отказавшись от осады, снялись с лагеря, и мы были искуплены от предстоящего плена и удостоились нежданного спасения... Неожиданным оказалось нашествие врагов — нечаянным явилось и отступление их». Русские воины, признавал Фотий, ушли восвоеси исключительно по собственной воле. «О, как же все тогда расстроилось, — пишет он, — и город едва, так сказать, не был поднят на копье! Когда легко было взять его, а жителям невозможно защищаться, то очевидно, от воли неприятеля зависело — пострадать ему (Константинополю. — *А. Б.*) или не пострадать... Спасение города находилось в ру-

¹⁴ Точная дата содержится в византийской хронике императоров, созданной на рубеже IX—X вв., — Брюссельском кодексе. О Михаиле там сказано: «В его царствование 18 июня в 8-й индикт, в лето 6368, на 5-м году его правления пришли росы на двухстах кораблях, которые предстательством всеславнейшей Богородицы были повержены христианами, полностью побеждены и уничтожены» (*Шрайнер П. Miscellanea Byzantino-Russica // Византийский временник. 1991. Т. 52. С. 153.*)

ках врагов, и сохранение его зависело от их великодушия... город не взят по их милости, и присоединенное к страданию бесславие от этого великодушия усиливает болезненное чувство пленения»¹⁵.

Болезненное чувство, испытанное патриархом и его паствой, требовало излечения. Вполне естественно было связать необъяснимый уход варваров-русов с действием пламенной молитвы православных жителей Царьграда и обнесением по его стенам ризы Пресвятой Богородицы. «Народ с севера», «народ от краев земли», по терминологии Фотия, по воле Всевышнего отказался разорять город, хотя и не был поражен Божьим гневом в виде бури.

Это подтверждает Иоанн Дьякон, автор «Венецианской хроники» X—XI веков, сплутавший ругов середины IX века с норманнами, свирепствовавшими на Средиземном море с начала X века: «В это время народ норманнов на трехстах шестидесяти кораблях осмелился приблизиться к Константинополю. Но так как они никоим образом не могли нанести ущерб неприступному городу, они дерзко опустошили окрестности, перебив там большое количество народу, и так с триумфом возвратились восвояси».

В послании императору Михаилу от 28 сентября 865 года римский папа Николай I не без удовлетворения напоминал, что язычники, недавно разграбившие Константинополь, ушли, «избежав всякой мести». В византийском «Жизнеописании императора Василия» народ ругов в контексте событий 860-х годов был назван «неодолимым». В написанном к началу X века Житии патриарха Игнатия, находившегося в 860 году в ссылке на одном из подвергшихся нападению грече-

¹⁵ Гомилии неоднократно публиковались. См.: Кузенков П. В. Святитель Фотий, патриарх Константинопольский. Окружное послание // Альфа и Омега. 1999. № 3 (21). С. 85—102; *он же*. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000. М., 2003. С. 15—84; Бибииков М. В. Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб., 1999; и др.

ских островов, также изобличается «народ рос», разграбивший города и монастыри, причем это святотатство не было наказано.

«В это время, — обличал варваров автор Жития Игнатия, — запятнанный убийством более чем кто-либо из скифов, народ, называемый рос, по Эвксинскому понту придя... (в Мраморное море.— А. Б.) и разорив все селения, все монастыри, теперь уж совершал набеги на находящиеся вблизи Константинополя острова, грабя все сосуды и сокровища, а захватив людей, всех их убивал. Кроме того, в варварском порыве учинив набеги на патриаршие монастыри, они в гнев захватывали всё, что ни находили, и, схватив там двадцать два благороднейших жителя, на одной корме корабля всех перерубили секирами»¹⁶.

В Житии Георгия Амастридского победоносное нашествие варваров, разоривших южное побережье Черного моря, начиная с Пропонтиды (Мраморного моря у Константинополя), описано особенно красочно. «Было нашествие варваров, росов, — сетовал греческий автор, — народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия. Зверские нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже одним своим видом, ни в чем другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия, как в смертоубийстве, они — этот губительный и на деле, и по имени народ, — начав разорение от Пропонтиды и посетив прочее побережье, достигнул наконец и до отечества святого (Георгия, епископа Амастридского. — А. Б.), посекая нещадно всякий пол и всякий возраст, не жалея старцев, не оставляя без внимания младенцев, но против всех одинаково вооружая смертоубийственную руку и спеша везде пронести гибель, сколько на это у них было силы. Храмы ниспроверга-

¹⁶ Подробно см.: Бибигов М. В. «Племя неведомое, племя бесчисленное, племя от края земли»: Имя Руси в византийской традиции IX — сер. X вв. // *он же*. Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004. Т. 1. Гл. 2. Тексты переводов: Там же. Т. II. М., 2009.

ются, святыни оскверняются: на месте их [языческие] алтари, беззаконные возлияния и жертвы... Убийство девиц, мужей и жен; и не было никого помогающего, никого, готового противостоять»¹⁷.

Ученые спорят, к какому именно нашествию варваров-русов относится это красочное описание. В любом случае для их набега характерны свирепость, победоносность и безнаказанность. Только небесное заступничество могло спасти и Царьград, и гроб святого епископа Георгия от разорения язычниками. Автор Жития вставил в текст яркую сцену, как у ругов, пытавшихся вскрыть могилу святого, отнялись руки. Только почтив христианского Бога, варвары исцелились. А их предводитель, пораженный чудом, не только увел своих воинов, но и отпустил пленных!

Древние авторы прекрасно сознавали, что историческая реальность преходяща, а красивая легенда — вечна. Уже в X веке византийские хронисты были убеждены, что в 860 году император Михаил успел вернуться в столицу, помолился с патриархом Фотием и опустил край ризы Богоматери в море, а поднявшаяся буря разметала корабли ругов, заставив остатки их бежать. Так рассказывал, продолжая Хронику Георгия Амартола, Иоанн Скилица. Именно его текст, ошибочно датирующий поход ругов на Царьград 866 годом, был известен Никону Великому.

Ошибочную (какая ирония) дату набега, приведенную в рукописи Хроники Амартола, ранний русский летописец не привел. Она была ему просто не нужна. Не назвал он и неизвестных грекам предводителей победоносного черноморского похода. Печерский монах просто описал набег как событие, происходившее во времена братьев Кия, Щека и Хорива, в царствование Михаила. А затем продолжил: «По прошествии времени братья эти скончались». В это время, продолжил он свой рассказ, жившие вокруг Киева поляне были «обижаемы древлянами» (соседним славянским

¹⁷ Житие св. Георгия Амастридского см.: *Васильевский В. Г. Труды*. Пг., 1915. Т. 3. С. 1—71.

племенем, о котором летописец не считает нужным ничего пояснять) «и иными соседями». Среди этих соседей особенно отличились хазары.

Найдя полян, «на горах этих сидевших в лесах», кочевники, основавшие в Северном Причерноморье и Прикаспии огромный Хазарский каганат (650—969), сказали им: «Платите нам дань». Так Никон Великий подошел к замечательной притче, которую хотел поведать в назидание слушателям. Поляне якобы вместо обычной дани мехами «дали от дыма меч». Хазарские послы показали меч своему князю и старейшинам. «И сказали старцы хазарские: “Не добра дань, князь; мы доискались этого оружием, (заточенным) с одной стороны, то есть саблями, а этих же оружие обоюдоостро, то есть мечи; эти будут и с нас дань брать, и с иных стран”». Так и случилось, заключил Никон: «владеют ведь хазарами князья русские и до сего дня».

В конце XI века, при жизни Никона, остатки хазарских племен, жившие в Крыму, действительно платили дань русским князьям. А в IX веке и в первой половине XI века мало кто из соседей мог отказаться платить дань могучему каганату. Даже митрополит Иларион в середине XI века, желая возвеличить русского князя, именовал его каганом, вспоминая бывшее могущество хазар, которые в прошлом столетии брали дань с многих племен восточных славян. Этим историческая достоверность притчи исчерпывается.

Мечей на Руси в IX веке не производили — они и в следующем столетии были исключительным для местных кузнецов изделием. Мечи IX—X веков, обнаруженные в Северной Европе и на Руси, имеют клинки, произведенные мастерами Нижнего Рейна, как правило, с четко выбитыми латинскими буквами клеймами знаменитых мастерских. Два ранних меча с русскими клеймами («Людота коваль» и «Слав») относятся к XI веку, ко временам Ярослава Мудрого. На Руси IX—X веков мечи найдены как отдельно, так и в захоронениях богатых и знатных русских воинов (самой разной этнической принадлежности, судя по составу остальных предметов). Гораздо больше мечей было

найдено в Скандинавии, что дало повод полагать, будто мечи попадали на Русь оттуда вместе с завоевателями-викингами. Однако в настоящее время выяснилось, что скандинавы не произвели в своих кузницах ни одного из найденных у них или на Руси мечей. Их изобилие в находках объясняется одним: в Скандинавии господствовал погребальный обряд трупоположения с ценными предметами, благодаря чему оружие, украшения и утварь покойного сохранялись. А на Руси славяне предпочитали трупосожжение, обычно превращавшее погребальные предметы в маловразумительные обломки.

Высокотехнологичные германские мечи IX—XI веков, которыми пользовалась военная знать от Ирландии до Руси, были великолепным по тем временам оружием. Таким дорогим, что дать его в дань «с дыма» — то есть с очага одной семьи — было совершенно невозможно. И с деревни невозможно тоже. Но даже если Никон имел в виду один меч, переданный кагану и его советникам от всего племени полян, то описанная в летописи реакция хазар на эту дань все равно не исторична.

Степная сабля была более прогрессивным оружием, чем меч, который она, в конце концов, вытеснила. Длинные узкие сабли, производившиеся в Хазарском каганате, отличались блестящим качеством стали, прекрасной ее обработкой и закалкой. Сабли были внушительным свидетельством высокой технологии металлообработки, позволявшей сочетать твердость длинного клинка с гибкостью. Они давали хазарским всадникам преимущество в бою с любым противником. Недаром в X веке на Руси сабли, в том числе русского производства, оказывались в самых богатых захоронениях: сабля отражала еще более высокий статус воина, нежели драгоценный, но чаще встречающийся меч¹⁸.

¹⁸ Подробно: *Кириичников А. Н.* Древнерусское оружие. Л., 1966—1971. Вып. 1—3 (переизд.: М., 2006); *он же.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. Л., 1973 (переизд.: М., 2006).

Летописец показал свою начитанность, перелицевав древнюю притчу о «говорящей» дани в лестном для Древней Руси духе. И он, и его слушатели в глубине души понимали, что поляне и другие племена платили хазарам потому, что не могли им сопротивляться. Все знали, что по мечу с «дыма» никто бы не дал — цена меча в XI веке снизилась, но все равно была очень высока. Однако легенда о хитроумии, гордости и историческом предвидении предков понравилась их потомкам и осталась в летописании на века.

Варяги и русь

«Но мы к прежнему возвратимся», — пишет Никон Великий, давая понять, что отвлек внимание читателя притчей. «И после сих, братьев тех (Кия и др. — А. Б.), пришли два варяга и нареклись князьями, одному было имя Аскольд, а другому Дир. И княжили в Киеве, и владели поля(на)ми, и воевали с древлянами и уличами».

Читателю и слушателю летописи не надо было объяснять, что варяги — это морские разбойники Балтийского моря, частью скандинавы (даны, шведы и норвежцы), частью воинственные западные славяне (бодричи, лютичи, поморяне и др.), населявшие южный берег Балтийского моря от Дании до Литвы (где единых государств не было) и массами приходившие на земли будущего Великого Новгорода. Какие именно варяги явились в Киев, неведомо. Имя Аскольд предположительно связывают со скандинавским именем Haskuldr или Höskuldr, имени Дир аналогов не найдено. Все упоминаемые в летописании варяги были воинами (хотя мы знаем, что они умели и любили торговать). Воины же в те времена представляли собой касту, имевшую мало общего с национальностью. Варягов отличали особенности принятого на Балтике вооружения (часто более примитивного, чем у дружинников, живших в Европе южнее), у них была своя тактика и особые обычаи. Они то промышляли разбоем и торговлей, то нанимались на службу разным госу-

дарям, то объединяли свои корабли в большие флоты для успешного грабежа берегов Европы. А временами основывали собственные пиратские республики, подобные позднейшей Запорожской Сечи.

Древляне и уличи представляли собой сильные союзы славянских племен, занимавшие земли к северо-западу и юго-западу от киевских полян, по Припяти и Южному Бугу. Не очень понятно, почему древляне «и иные соседи» могли, как рассказывает летописец, «обижать» живших в среднем течении Днепра полян. Те тоже представляли собой довольно крупный союз славянских племен, явно не уступавший древлянам и уличам. Вероятно, эти оценки летописца должны были показать киевлянам его времени смысл и значение установления власти князей. Были Кий, Щек и Хорив — полян не «обижали». Появились Аскольд и Дир — защитили полян от древлян и уличей.

Концепция образования государства та же, что мы излагаем в школьных учебниках по сей день! Помимо защиты от внешнего врага, государство, как мы полагаем сегодня, давало племенам возможность преодолеть усобицы, сделав князя своим третейским судьей. Никон считал точно так же. Точнее — мы считаем так, как предложил в XI веке Никон Великий. Есть о чем задуматься.

Никон развил мысль о судебной роли князей на примере северных племен Руси. «Во времена же Кия, Щека и Хорива новгородские люди, называемые словене, и кривичи, и меря — словене свою волость имели, а кривичи свою, а меря свою, каждый своим родом владея, а чудь своим родом», — совершенно справедливо пишет летописец. Археологи вполне ясно различают эти большие племенные союзы славянских и финно-угорских племен, тесно связанных между собой совместным владением важными водными путями.

Новгородские словене владели обширной озерной территорией на севере. Границами их земель служили волоки — участки, где суда приходилось тащить по суше, — между внутренней системой рек и озер (выводящей в Балтику) и водными системами Волги,

Днепра, Западной и Северной Двины. Именно новгородцам открывались пути к освоению северо-востока (населенного финно-уграми — заволочской чудью), к свободному путешествию по воде на восток, юг и запад, в земли, уже занятые союзными и родственными племенами.

Пройдя по древнерусским водным путям из Новгорода на восток, мы переволоклись бы в речку Медведицу — приток Волги — и остановились в одном из новгородских форпостов на Волжской водной системе с характерными названиями: Торжок, Волок Ламский, Бежецк. Эти торговые места, перевалочные пункты, были издавна пограничными и спорными между новгородцами и жителями Верхней Волги, главным образом — мерей. Сильное финно-угорское племя меря, быстро вошедшее в орбиту славянской цивилизации, справедливо рассматривалось летописцем как одно из племен, составивших основу Древнерусского государства.

Главным городом меря был Ростов Великий на озере Неро, связанном небольшой речкой с Волгой. Чуть выше по течению в Волгу впадала река Шексна, текущая из новгородского Белого озера, вокруг которого тесно сплетались интересы словен и меря. Ведь оттуда, через переволоки, открывался путь в Онежское и Ладожское озера, а из последнего Нева вела в Финский залив. На север от Белоозера лежал по реке Онеге путь в Белое море, а по Сухоне — в Северную Двину и Вычегду, по которой нетрудно было достичь уже бассейна реки Печоры на востоке, в землях коми. Финно-угорский народ коми населял весь будущий Русский Север, от Норвегии на западе до Урала и Западной Сибири на востоке.

На юго-западе с владениями Новгорода была тесно связана земля большого славянского союза племен кривичей. Их владения охватывали верховья Волги, Днепра и Западной Двины, систему Чудского и Псковского озер. Кривичи тяготели к трем городам на трех водных системах: у Чудского озера — к Изборску (позже Пскову), на Западной Двине — к Полоцку, а у исто-

ков Днепра — к Смоленску. Истоки Волги и Западной Двины сходились в земле кривичей. Правда, плыть по Двине в Балтийское море пришлось бы отчасти через земли воинственной литвы и жмуди. Легче было бы подняться волжским притоком Твердой на север, перейти через волок в Мсту и сплавиться в Ильмень. Реки Мста и Тверца служили рубежами кривичей со словенами-новгородцами и мерей-ростовцами. Вывезти на Балтику то, что ввезено или произведено в бескрайних владениях кривичей, можно было и через многочисленные финно-угорские племена чуды в низовьях Чудской водной системы. Новгородцы, острожно распространявшие здесь свое влияние, не могли ссориться с кривичами.

Только средневековые западные авторы полагали, что «из варяг в греки» лежит сплошной водный путь. На самом деле между словенской рекой Ловатью и верхним Днепром, где кривичи благоразумно построили град Смоленск, приходилось идти волоком до Двины и лишь затем переволакивать суда в Днепр. Миновать Западную Двину было нельзя. Вот почему стоявший на ней Полоцк, а затем и днепровский Смоленск стали такими важными городами при создании Древнерусского государства. Но и до его появления, до объединения славянских и финно-угорских племен под одной властью, эти союзы племен ставили города весьма мудро именно в ключевых пунктах торговых путей.

В этом и был смысл древнерусского города — торгового, а затем и ремесленного центра для бескрайней сельской округи, состоящей из мало зависимых от города и друг от друга селений. Их сравнительно немногочисленное население к тому же перемещалось на новое место раз в несколько лет из-за истощения почв. В городах не было жизненной необходимости, но в них могли уходить излишне активные для сельской жизни люди. Относительная мобильность всего населения, периодически сжигавшего свой дом, уносившего всё свое с собой и раскорчевывавшего леса под новые поля, делало жизнь отъезжего торговца,

воина и странствующего ремесленника не такой уж необычной. За несколько веков упорного освоения славянами Восточной Европы наиболее удобные водные пути были изучены этими странниками настолько хорошо, что первые князья уже ничего нового не могли внести.

Для Никона Великого, желавшего рассказать еще одну притчу о роли князей в создании Древней Руси, особенно важным был северный узел взаимосвязей ильменских словен, ростовской мери, прибалтийской чуди и северных, изборско-псковских кривичей. Все они, по словам летописца, «дань давали варягам, от мужа по белой веверице (скорее всего, беличьей шкурке. — *А. Б.*)». Мало того, эти варяги, приходя в их земли, «насилие творили словенам, кривичам, и мери, и чуди».

Легенды об этих пиратских набегах IX века не сохранились у варягов из западных славян, фольклор которых до нас просто не дошел¹⁹. Зато отразились, пусть в расплывчатом виде, в скандинавской «Саге об Олафе Святом», записанной Снорри Стурлусоном в XIII веке, на столетие позже «Повести временных лет». Там якобы один из шведских законоговорителей в 1018 году сказал, будто «Торгнир, мой дед по отцу, помнил Эйрика Эмундарсона, конунга Упсалы (850—880. — *А. Б.*), и говорил о нем, что, пока он мог, он каждое лето предпринимал поход из своей страны и ходил в различные страны и покорил Финнланд и Кирьялаланд, Эйстланд и Курланд и много земель в Аустрленд», то есть в Восточных землях, как скандинавы обычно называли земли вдоль Волжского и Днепровского торговых путей, Аустрвегра. «И можно видеть те земляные укрепления и другие великие по-

¹⁹ Поморяне, лютичи и бодричи со временем были покорены и ассимилированы немцами. У словен и кривичей, пришедших на земли, где их увидел Никон Великий, с прибалтийского запада в VIII в., воспоминания о жизни до появления Рюрикovichей не могли быть зафиксированы в письменности, почти полностью принадлежавшей официальной, поддерживаемой князьями Церкви.

стройки, которые он возвел», — продолжал оратор. «А если ты хочешь вернуть под свою власть те государства в Аустрвегре, которыми там владели твои родичи и предки, — заметил он шведскому конунгу, — тогда мы все хотим в этом следовать за тобой!»²⁰

Разумеется, исландский законоговоритель и одновременно приближенный норвежского короля Снорри Стурлусон (1178—1241) отражал в саге устремления более позднего, преимущественно своего, времени. Конунг Олаф Святой, к которому обращена в саге эта пламенная речь, в 1018 году мог воспользоваться раздором между сыновьями его почившего в 1015 году покровителя Владимира Святого, чтобы завоевать какие-то земли на Руси, но не сделал такой попытки. А в 1230-х годах, особенно после Батыева разорения, множество скандинавских воинов мечтало о богатых русских землях и о пролегающих по ним торговых путях. Но уже в 1240 году меч Александра Невского пресек эти мечтания в Невской битве, а с норвежским королем князь заключил затем мирный договор...

Снорри Стурлусон, почивший через год после победы Александра, при жизни был заинтересован в том, чтобы с помощью действительного, приукрашенного или выдуманного исторического примера призывать шведов к походу на восток, в земли разрозненной и разгромленной монголами Руси. Снорри ободрял шведов не напрасно. Когда их флот вошел в Неву, Новгород не поддержал Александра, дружина его была малочисленна. Но к воинам князя присоединились ратники из Старой Ладоги и ижоряне — союзные финно-угры. Завоеватели в итоге получили по заслугам. Александр, на всем скаку поразив предводителя шведов копьем в лоб, через забрало, привел мысли завоевателя в должный порядок²¹. Шведы ушли несолоно хлебавши. Они и позже не оставляли попы-

²⁰ Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.): Тексты, перевод, комментарий. Вып. 2. М., 1994. С. 61, 73.

²¹ Богданов А. П. Александр Невский. М., 2009. С. 184.

ток двинуться по Аустрвегру, каждый раз получая от Александра сокрушительный отпор.

Очевидной целью шведских поползновений, которые поддерживал Снорри Стурлусон, была Старая Ладога. Крепость на реке Волхов близ Ладожского озера в случае ее захвата шведами блокировала водный путь из Великого Новгорода на Балтику. И открывала шведам возжеланный путь с Балтики по Волге к молочным рекам и кисельным берегам Мазендарана — южного берега Каспия, где веками проходил Великий шелковый путь. Вслед за Снорри Стурлусоном некоторые ученые полагают, что первоначальные укрепления Старой Ладоги и ряда других городищ на севере Руси могли быть построены именно скандинавскими викингами в IX веке. То есть как раз тогда, когда, по словам Никона Великого, местные славяне и финноугры платили дань варягам и подвергались насилиям с их стороны.

Если, спросит читатель современной исторической публицистики, древнерусские города, Ладога, Изборск и, наконец, сам Господин Великий Новгород, были основаны пришельцами-скандинавами, то кто платил им дань? Неужели словене, кривичи и карелы, не построившие своих городов и скрывавшиеся в лесах? Кто-нибудь вообще представляет, как брать дань с вооруженных рыболовов, охотников и бортников, для которых в этих районах земледелие и огородничество было вспомогательным занятием, а все имущество и инструменты легко переносились на спине?

Разобраться, кто что построил, кто где жил и что за насилие тут творилось, помогает археологическая наука. Норманисты, приписывающие формирование Древней Руси скандинавам, и антинорманисты, отрицающие их влияние в ранней истории Руси, равно не правы. Скандинавы, причем не дикие викинги, бывшие и на родине изгоями общества, а вполне добропорядочные люди с семьями, на прибалтийском участке речных торговых путей не просто появлялись — временами они там оседло жили. Но приписать им основание городов и открытие великих торговых путей по

Волге «из варяг в персы» и по Днепру «из варяг в греки» нельзя. По самой простой причине: то и другое было построено и открыто до викингов. А вот пиратские налеты, грабеж и уничтожение городов — были.

Освоение Востока Европы, заселенного прежде балтами и финно-уграми, было связано с достаточно бурными переселенческими движениями славянских племен, причем не только восточных, но западных и южных, имеющих свои археологические «маркеры». Именно западные славяне, заселявшие южный берег Балтийского моря, в середине VIII века прошли из Финского залива по реке Неве в «озеро великое Невое», позже названное Ладожским. Другие исследователи полагают, что эти славяне шли из Центральной Европы вдоль рек. В любом случае их целью было восстановление и расширение международного обмена товарами, нарушенного для Европы Великим переселением народов, а затем войнами Арабского халифата. С запада, от Рейна, эту цель настойчиво преследовали соседи славян — франки. На юге в этом была заинтересована Византия, на юго-востоке — Хазарский каганат, а далее — все народы вдоль Великого шелкового пути.

Мы не знаем точных мотивов славян, пришедших и мирно поселившихся среди местных племен на реке Волхов, но стремительность, с которой славянские поселенцы в основанной ими Старой Ладоге включились в международные торговые связи, говорит сама за себя. Норманистам ничего не стоит безответственно называть этих славян «скандинавами», причем со ссылками на «археологические исследования», поэтому процитирую А. Н. Кирпичникова — живого классика древнерусской археологии, десятилетиями ведущего раскопки Старой Ладоги:

«Ладога возникла в балто-финской и саамской среде... Новыми археологическими исследованиями Ладоги впервые установлена дендрохронологическая дата ее основания — 750-е гг. (древнейший из найденных стил датирован 753 годом. — А. Б.). По сравнению с известной летописной датой 862 г. история Ладоги, та-

ким образом, удревнилась не менее чем на 100 лет. Это, впрочем, не предел. С учетом недатированного предматерикового слоя, вскрытого на Земляном городище, дата возникновения поселения в низовьях р. Волхов в ходе дальнейших поисков может передвинуться на 740-е гг. Однако уже установленная дата — 750-е гг. — примечательна в нескольких отношениях. Во-первых, она фиксирует становление в низовьях Волхова нового поселения, во-вторых, имеет отношение к началу, по крайней мере, в этом месте Восточной Европы, международных торговых операций, и в-третьих, — уточняет время появления в невско-ладожском регионе славянских поселенцев. До сих пор время расселения славян в лесной полосе будущей северной Руси не имело твердых хронологических вех и определялось гадательно»²².

Если этот научный текст сложен для понимания людей, целиком погруженных в выискивание скандинавских корней Руси, приведу цитату из популярной статьи Кирпичникова: «Ладога явилась воплощением “балтийской идеи” славянских племен, стремившихся... свободно торговать с Северной и Западной Европой. В своем стремлении достичь Балтийского моря славянские племена расселялись вдоль рек, служивших в те времена основными торговыми и транспортными артериями, строили на их берегах укрепленные поселения. Примерно в последней четверти VII — первой половине VIII века они достигли Южного Приладожья. Здесь, в низовьях реки Волхов, практически на стыке морских и речных путей, славяне основали Ладожское городище»²³.

Археологические раскопки, по словам их многолетнего руководителя, показали, что Ладога «может считаться центром концентрации торгово-производ-

²² Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля VIII—XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Славяно-русские древности. Вып. I. Л., 1988.

²³ Кирпичников А. Н. Государственной России — 1150! // Россия. 2012. № 9. С. 23.

ственной деятельности высшего для своего времени уровня. Действительно, оценивая Ладогу 750—850 гг., можно констатировать, что по времени своего возникновения и темпам развития она являлась одним из передовых мест тогдашнего быстро менявшегося мира. Примечательно, что подъем Ладоги по времени опередил эпоху викингов. Поселение в низовьях р. Волхов в тот период становится международным портом и важнейшим пунктом местной и транзитной торговли и само выступает в роли организатора торговли на водных путях»²⁴.

Эпоха викингов — время безудержного грабежа берегов Европы и Африки скандинавскими и балтийскими (не будем «отмазывать» славян от подобных пиратских рейдов) морскими разбойниками — условно началась в 789 году и продолжалась до 1066 года. К моменту, когда викинги в первый раз «отметились» набегом на Англию, Ладога уже в полной мере включилась в международную торговлю по Волге, Днепру, Балтийскому и Северному морям. Восемь кладов и отдельных арабских монет, принадлежавших ладожанам (славянам и финно-уграм), содержали серебро чеканки 699/700 — 786 годов. Два клада содержат арабские дирхемы 808 и 847 годов. Пометы, нацарапанные на монетах клада начала IX века в Ижорской земле (по Невскому водному пути от Ладоги на Балтику), рассказывают нам о путешествии серебра из арабского мира через Кавказ и Хазарию на Балтику. Есть на них и скандинавские руны, и имя владельца на греческом — «Захариас». Найдены на Руси также византийские и западноевропейские монеты.

На Западе торговым партнером Ладоги была Франкская держава. Из входившей в нее с 734 года земли фризов на берегу Северного моря, у устья Рейна, где производились и знаменитые на всю Европу мечи, в Ладогу везли также красивые сосуды и резные гребни (они были популярным товаром и в Англии). Судя по

²⁴ *Кириичников А. Н.* Ладога и Ладожская земля VIII—XIII вв. С. 41.

посуде, у Ладоги были прочные связи в землях поморских славян, часть которых поселялась на реке Волхов. Торговый путь вдоль южного берега Балтийского моря проходил через города финских, балтских и славянских племен: Гробиню, Ануоле, Коуп, Трусо, Волин, Менцлин, Ральсвик на острове Рюген и Рерик в Висмарском заливе. В каждом из них, как и в Ладоге, среди населения было много пришельцев. Таким же пестрым этническим составом отличались исстари богатые торговые поселения на острове Готланд, датский город Хедебю в основании полуострова Ютландия и Бирка в Швеции. Торговый центр Хедебю развился после 808 года, когда датский король разорил его славянского конкурента, город Рерик, переселив тамошнее население в свои владения. Шведская Бирка как торговый центр существовала в 800—975 годах, принимая славян так же, как Ладога принимала скандинавов.

Поток серебра, которым арабы платили русским купцам в Багдаде и которым те расплачивались в устье Волги, а иногда и в самой Ладоге, буквально устлал кладами весь Волжский и Волго-Донской путь. Арабское серебро, найденное в Старой Ладоге уже в слоях 750-х годов, спустя полвека достигло Готланда и Швеции. Затем в IX—X веках арабское серебро, прежде всего из Средней Азии (центральной части Великого шелкового пути), заволокло Балтийский бассейн. Но распределялось оно неравномерно. На Готланде, через который купцы нередко шли из Ладоги в Дорестаdt в стране фризов и обратно, найдено 80 тысяч арабских монет (всего в его кладах, с западноевропейскими, до 140 тысяч монет), в материковой Швеции — 10 тысяч, в Дании 5 тысяч, а в Норвегии 400 штук. Вольный полиэтничный торговый Готланд и много позже имел свой гостиный двор в Великом Новгороде...

В свою очередь, преимущественно славянское население Старой Ладоги включало множество пришельцев: южнобалтийских славян и фризов, скандинавов, народов Хазарского каганата и арабского мира. Естественно, жили тут люди из местных племен фин-

но-угров и союзных ильменским словенам племен смоленских и полоцких кривичей. «Этими же чертами наделена и ее материальная культура, полиэтничная по своему облику, — констатировал Кирпичников, призвав в то же время не увлекаться этим разнообразием отдельных артефактов на фоне всей массы находок. — При всем разноязычии основная часть населения имела определенный этнический адрес. Это отметил еще древнерусский летописец, который назвал Ладогу городом словен». Точно так же полиэтничный Дорестадт был городом фризов, Хедебю — данов, Бирка и Висбю на Готланде — шведов, а Константинополь — греков.

«Экономика Ладоги, — пишет Кирпичников, — во многом строилась на торговых операциях и сборе даней с окрестного финноязычного населения. Отношения с этим населением стимулировали развитие в Ладоге бронзолитейного, стеклодельного, костерезного, деревообрабатывающего и судостроительного ремесел. Здесь скапливалась пушнина, полученная с окрестных земель в обмен, например, на украшения (застежки, бусы, гребни), оружие, ткани, посуду и некоторую бытовую утварь (топоры)». Городу славян, ставших известными по летописям как ильменские словене, изначально было чем торговать на открытой ими северной ветви Великого шелкового пути.

Такую же картину мы наблюдаем в возникшем почти одновременно (около 780 года) Полоцке в земле союзных словенам кривичей. Дата установлена по остаткам обгоревшей древесины первых построек и подтверждена серебряными арабскими дирхемами, отчеканенными не позже 818 года и попавшими в город в 820—840-е годы²⁵.

На рубеже VII—VIII веков в районе Чудского озера, на пути с Балтики на юг, на границе кривичей с чудью (южными эстами) был основан Изборск. И здесь мы видим сходное развитие ремесел, следы богатой между-

²⁵ Дук А. Полоцк — 1150. Истоки государственности на белорусских землях // Родина. 2012. № 9. С. 67.

народной торговли с арабским миром и Византией, клады монет, стеклянные бусы, предметы в основном славянского быта с примесью скандинавских, эстских и летто-литовских вещей ближайших торговых партнеров кривичей, часть которых жила в городе²⁶.

Сходным выглядит по археологии и Рюриково городище в истоке реки Волхов. Будущая резиденция русских князей возникла в начале следующего, IX века недалеко от возведенного позже Новгорода. Среди обнаруженных там кладов есть и арабские дирхемы IX века, и серебряные динарии императора Василия I (867—886), и более ранние византийские бронзовые монеты императора Феофила (829—842) — того самого, кто, как мы увидим позже, отправил шведов, представившихся послами Руси, к императору франков. Во второй половине IX века в Рюрикове городище действительно жили отдельные воины и несколько семей из Скандинавии, причем очень состоятельных — их украшения и утварь богаче обычных находок в Швеции. Наиболее массовый археологический материал свидетельствует о славянском — в том числе западнославянском — населении городища. Горожане лепили керамику, ковали железо и лили бронзу, изготавливали характерное для славян оружие, резали кость. Ювелиры умели делать фольгу и тончайшие нити из золота. Кроме торговли и ремесла жители Рюрикова городища занимались сельским хозяйством, рыболовством, охотой и промыслами, но при этом в значительном большинстве были воинами²⁷.

В эпоху викингов северные славянские города вынуждены были укрепляться. Это был общеевропейский процесс для торговых городов, служивших легкой добычей и для скандинавских викингов, и для разноплеменных варягов из славянских земель южной

²⁶ *Седов В. В.* Изборск в VIII—X вв. // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин, 1985. С. 119—128. Удревнение города на полстолетия, к началу IX в., основано на новейших находках археологов.

²⁷ *Носов Е.* У истоков Руси и Новгорода // Родина. 2012. № 9. С. 40—43.

Балтики. Впрочем, упорно строившиеся укрепления далеко не всех спасали. На Земляном городище Старой Ладogi археологи обнаружили горизонт E₂, датированный 842—855 годами. Постройки этого слоя погибли в тотальном пожаре. Город был razорен. Но кем? Норманисты, убежденные в том, что Старая Ладога была основана и населена викингами, выдвинули две противоположные и равно необоснованные версии. Согласно одной, город основали скандинавы, но в 760-х годах захватили славяне, а в середине IX века вновь с боем заняли скандинавы. Согласно другой, скандинавскую Ладогу в горизонте E₂ сожгли славяне и финно-угры — то ли в борьбе со скандинавами, когда «изгнали варягов за море», то ли в ходе последовавшего за этим междоусобия. Увы, для этих романтических конструкций подтверждения археологическим материалом нет.

Кирпичников, которого равно трудно заподозрить в норманизме или антинорманизме, видит реальное объяснение в обычном для того времени набеге викингов, о котором рассказывает Житие святого Ангария, написанное учеником и преемником этого немецкого епископа Римбертом после смерти святого в 865 году (до собственной кончины Римберта в 888 году). Согласно Житию, шведский конунг Анунд, «будучи изгнан из своего королевства, жил изгнанником у данов. Желая снова захватить свое королевство, он стал искать у них помощи, обещая, что, если они последуют за ним, они смогут получить много даров. Он предлагал им... город Бирку, ибо в нем было много богатых купцов, изобилие всяческого добра и много ценного имущества. Итак, он обещал, что поведет их к этому городу, где без большого ущерба для войска они извлекут необходимую им выгоду. Даны, будучи привлечены обещанными дарами и жаждая захватить богатства, наполнили готовыми к бою людьми и отправили ему в помощь двадцать один корабль. Он же имел одиннадцать своих кораблей». Датские викинги разграбили предместья Бирки, а Анунд получил от ее жителей выкуп в 100 фунтов серебра и решил сохра-

нить город. Для этого он убедил данов отправиться грабить некий отдаленный город в земле славян. Викинги «прямым путем поспешили к указанному городу. Напав на ничего не подозревавших и безмятежных жителей, они с помощью оружия внезапно захватили этот город и, взяв в нем добычу и много богатств, возвратились к себе»²⁸.

Руководитель раскопок Старой Ладоги справедливо полагает, что этим отдаленным городом не может быть ни славный Волин в земле лютичей, название которого Римберт хорошо знал, ни едва зародившийся Новгород, к которому морские корабли не могли пройти из-за порогов на Волхове. Зато к описанию прекрасно подходит сожженная в это время Ладога.

«Если в нашем сопоставлении есть доля истины, — пишет Кирпичников, — то можно предположить, что именно в 852 г. после разграбления Ладоги славяно-финская племенная конфедерация была, может быть, впервые обложена варяжской данью и возникла коалиция, которая в дальнейшем привела к призванию заморских правителей. Основание же самого межплеменного объединения, скорее всего, относится ко времени более раннему, чем 852 г. При рассмотрении Ладоги в качестве столицы федерации северных племен получают объяснение многие обстоятельства ее активного формирования в докняжеский период. Не случайно, что первый династ Северной Руси — Рюрик (которого в свете датского похода 852 г. не так уж фантастично считать историческим лицом Рориком — ютландцем по происхождению) именно Ладогу избрал своим “стольным городом”. Этим он продолжил уже установившуюся местную традицию»²⁹.

Итак, слова летописи о «насилии», которое творили славянам и финно-уграм пришлые варяги, археоло-

²⁸ *Римберт*. Житие святого Ансгария // Из ранней истории шведского народа и государства. Первые описания и законы. М., 1997.

²⁹ *Кирпичников А. Н.* Ладога и Ладожская земля VIII—XIII вв. С. 48—49.

гически подтвердились. Конечно, силы больших союзов племен и варяжских шаек были неравны; вопрос, как всегда на Руси, был только в единстве. «И встали словене, и кривичи, и меря, и чудь на варягов, — продолжает рассказ Никон Великий, — и изгнали их за море, и начали владеть сами собой, и города ставить».

Укрепленные города, по данным археологов, действительно были не слишком характерны для славян и их союзников, которые свои поселения ограждать не стремились. Однако в IX веке города-крепости появляются. Необходимость вооружаться для самозащиты: на юге — от хазар, на севере — от варягов, имела печальные последствия, уже упоминавшиеся летописцем ранее. По необходимости взяв в руки оружие, выдвинув вождей и укрепив их дружины, племена стали враждовать между собой: ведь их вождям-князьям и воинам-дружинникам требовалось постоянное занятие. Как на юге поляне воевали с древлянами и уличами, так и на севере племена «стали сами на себя воевать, и была между ними рать великая и усобица, и встали город на город (вспомним, что город — это крепость, обитель воинов, а не только купцов. — А. Б.), и не было у них правды».

Племенам, построившим города и выделившим из своей среды воинов для их защиты, понадобился третейский судья, способный решать их конфликты миром. «И сказали себе, — пишет Никон Великий, — князя поищем, который бы владел нами и урядил нас по праву». Право — существовавшие у союзов славянских и финно-угорских племен законы и обычаи. Прежде всего — священный обычай самоуправления; в греческих источниках о славянах именуемый народоправством.

Нарушение обычаев и вмешательство в самоуправление не допускалось. Даже после принятия славянами Древней Руси христианства ни у одного, самого властолюбивого князя не возникало мысли навязывать русскую веру и обычаи своим подданным финно-уграм, например, ижорянам, карелам или финнам. К ним власти не посылали ни миссионеров, ни судей, ибо пер-

вый письменный закон для славянских племен Руси — «Русская правда» — был правдой русских, а церковные книги переводились на их язык. Принятие православия даже знатью иноязычных племен Руси было делом глубоко добровольным. Финно-угорские подданные могли служить в славянских городах и занимать там высокие посты (даже командующего войском), но у себя дома они были в своем праве и своей вере. Точно так же покушение князей на древнее право славянских подданных нередко приводило к тому, что народ собирал общее собрание-вече и «указывал князю путь». А если князь не исправлялся или не покидал княжение, он, несмотря на защиту дружины, мог серьезно пострадать.

Итак, вспомним, что, по мнению Никона Велико-го, князь был нужен нашим северным племенам для установления между ними «правды», но чтобы он при этом «рядил по праву». С такой светлой мыслью представители народов и племен «пошли за море к варягам и сказали: “Земля наша велика и обильна, а порядка у нас нет, да пойдете к нам княжить и владеть нами”». По этому призыву «избрались три брата с родами своими, и взяли с собой дружину многую и предивную, и пришли к Новгороду. И сел старший в Новгороде — имя ему Рюрик, а другой сел в Белоозере — Синеус, а третий в Изборске — имя ему Трувор. И от тех варягов, находников тех, прозвалась Русь, и от тех слывет Руская земля, и до нынешнего дня (написано в конце XI века. — А. Б.) есть новгородские люди от рода варяжского».

Кто такой Рюрик?

По этому вопросу в исторической литературе было выдвинуто множество гипотез, экстравагантность которых намного превосходит их обоснованность. Мне импонирует мнение Кирпичникова, который назвал самым вероятным кандидатом Рёрика Ютландского. Тот был лихим датским конунгом — предводителем шайки буйных викингов на службе у королей франков.

Происходил он, видимо, из рода Скёльдунгов, правившего в торговом центре датских викингов — Хедебю. Неудивительно, что много лет успешно участвовавший в королевских распрях франков Рёрик особо интересовался торговыми городами на северном участке Великого шелкового пути.

После изгнания из Ютландии он, отхватив за службу франкам земли во Фризии, установил свою власть над важнейшим центром международной торговли — Дорестадом (841—873). И... атаковал его конкурента Хедебю, энергично защищая Дорестаadt (но не другие торговые города на Рейне) от датчан. Временно установив контроль еще и над южной частью родной Ютландии (включая Хедебю), Рёрик практически стал монополистом на западной части торгового пути. По словам датского хрониста XII—XIII веков Саксона Грамматика, шведы и курши (прибалтийское племя, жившее на землях современной Латвии) должны были платить ему «ежегодную дань». Походов в их земли Рёрик не совершал, так что речь идет явно о торговом грабеже. В пользу этой мысли говорит и возмущение множества южнобалтийских славян разных племен. Выбрав себе походного короля, они присоединились к атаке куршей и шведов на Рёрика, но все вместе были разбиты в морском сражении. Этим Рёрик заставил и славян платить себе дань, написал датчанин три столетия спустя.

Знаменитейшая личность IX века, чья биография переполнена приключениями и подвигами, исчезает со страниц источников в 873 году, а в 882 году бывшие владения Рёрика во Фризии переходят к другому датчанину. Это не совпадает с датой призвания Рюрика в «Повести временных лет» в 862 году. Но мы с вами видели, что даты летописца начала XIII века в высшей мере условны. Рёрик, на старости лет потеряв боевой задор, за который его и держали для охраны морских границ франкские короли, вполне мог перебраться на другой конец того же торгового пути, в Старую Ладугу, где, согласно Кирпичникову, за 30 лет до этого пошалили датчане. Не исключено, что летописные «варяги» в лице данов сотворили насилие один раз, а

дань им приходилось платить через поборы на принадлежавшем Рёрику конце торгового пути.

Пригласить столь выдающегося человека для защиты своих интересов нашим союзам племен было вполне разумно. Тем более что он уже 40 лет выполнял аналогичные функции в хорошо знакомой славянам богатой и высокоразвитой Фризии: со своим войском и флотом защищал землю и судил ее подданных. Увы, никаких подтверждений столь красивой версии происхождения легендарного Рюрика нет. Просто она наиболее романтична.

Кирпичников, повторив давно ходящую по литературе версию о Рёрике-Рюрике, совершил, с точки зрения антинорманистов, страшное преступление: ведь Рюрик обязан быть исключительно славянской крови! Это или Рарог (Рариг) — некто по прозвищу «Сокол» из западославянского воинственного племени бодричей (ободритов), также именовавшихся «ререгами». Или князь из вагров-поморян или пруссов (которых еще М. В. Ломоносов сторяча счел не балтами, а славянами). Этот Рюрик, сын погибшего в бою с датчанами Готлиба, младшего брата вождя бодричей, в 840 году отправился княжить в Новгород вместе с братьями Сиваром и Трувором, согласно генеалогической легенде Мекленбургской династии, которая и в XVIII веке любила подчеркнуть свои славянские корни. Если верить поздним русским летописям, Рюрик был сыном неведомого варяжского князя и дочери легендарного старейшины восточных славян Гостомысла. Соответственно, «род его», с которым он пришел на Русь, был славянским.

Энергия, с которой историки веками спорят о происхождении князя Рюрика, тем более поразительна, что сам рассказ о призвании трех братьев на Русь легендарен и явно восходит к мифу о трех братьях-прародителях, распространенному у многих европейских народов, начиная с трех сыновей Таргитая — прародителя скифов, и продолжая до бесконечности (достаточно вспомнить Кия, Щека и Хорива).

Сам легендарный Рюрик вряд ли мог сесть на престол в Новгороде, в середине IX века представлявшем

собой ряд славянских сельских поселений. И уж точно не мог посадить своего брата Синеуса у племени вепсов в Белоозере, построенном только в X веке. Отождествление Синеуса со скандинавским именем Сигнют и Трувора с Торвардом тоже хромает на обе ноги. По-славянски Синеус хотя бы звучит понятно (ср. Белоус), а Трувор — привычно, но по смыслу загадочно. В этой связи возникла версия, что братьев Рюрика не существовало вовсе, а летописец неправильно понял скандинавскую легенду о приходе князя со «своим родом» (*sine hus*) и «верной дружиной» (*thru varing*).

Легенду о Рюрике спасают чтения «Повести временных лет» по Ипатьевскому и Радзивилловскому летописным сводам. Там сказано, что Рюрик первоначально сел в Старой Ладоге и лишь затем перебрался в Новгород. Кирпичников, продвигая идею о Ладоге как первой столице Руси, отметил, что «начиная с вокняжения Рюрика и вплоть до конца X в. в источниках нет указаний о каких-либо норманских нападениях на Ладогу». Но Ладога так и не стала столицей, несмотря на стремление Рюрика распространить его власть на значительную часть севера Руси.

Согласно чтению «Повести временных лет» по Ипатьевской летописи, на которое опираются сторонники «первой столицы Ладоги», при призвании князей Рюрик с братьями, «взяв с собою всю русь», «пришли к словену вначале (“первее”), и построили (“срубили”) город Ладогу». Это указание на строительство города, который уже стоял (после разорения середины IX века Ладога была вскоре отстроена), явно ошибочно. Его толкуют в том смысле, что Рюрик построил новые укрепления. Допустим. Но три брата с родом и дружиной, призванные жителями защищать их владения от набегов, сидели только в Ладоге, Изборске и какой-то усадьбе в земле веси на Белоозере. Из Ладоги власть Рюрика никуда не распространялась.

Ипатьевская летопись оправдывает легенду Никона Великого и «Повести временных лет» о призвании варягов, согласно которой Рюрик, придя из-за моря,

сразу же сел в Новгороде (которого в 862 году еще не было), замечанием, что Новгород был построен Рюриком. Она уточняет, что через два года Синеус и Трувор умерли, «и принял Рюрик власть всю один, и пришел к Ильмену, и срубил город над Волховом, и прозвал его Новгород, и сел тут княжить, и раздавал мужам своим волости и (приказывал) города рубить — тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. И по тем городам варяги суть пришельцы (“находники”), а первые наследники в Новгороде словене, в Полоцке кривичи, (в) Ростове меряне, (в) Белоозере весь, (в) Муроме мурома, и теми всеми обладал Рюрику»³⁰.

Выделенного уточнения нет в большинстве списков «Повести временных лет», кроме Ипатьевского и Радзивилловского. Начальный свод не упоминает о распространении власти Рюрика из Новгорода на Полоцк, Ростов и Муром, а большинство списков «Повести временных лет» не содержит указания на строительство городов: там Рюрик, изначально сев в Новгороде, просто «стал раздавать мужам своим города», в которых варяги оказались пришельцами по отношению к коренным жителям. Настолько незначительными, замечу, что в Ростове, Муроме и древнем Полоцке, где пришельцы могли разве что обновить укрепления, следов мужей Рюрика не найдено.

Нет их и в Старой Ладоге, которая не может считаться «первой столицей Руси» — ведь указание, что Рюрик первоначально сел в ней, связано с уточнением, что власть свою князь начал распространять только из построенного им Новгорода. Мы знаем, что Новгорода летописный Рюрик не строил. Не основал он и Рюриково городище близ Новгорода — будущую резиденцию новгородских князей, призывавшихся и изгонявшихся гражданами Новгородской республики. Город был построен позже, а Городище — гораздо раньше появления Рюрика.

В самой Ладоге единственным, что Кирпичников счел следом мужей Рюрика, оказалась группа курганов

³⁰ Ипатьевская летопись // ПСРА. Т. 2. М., 2001. С. 14.

в урочище Плакун, датированная по остаткам дерева в одном из них 850—900 годами. По курганам этих северных пришельцев, констатировал Кирпичников, можно судить, что они «не отличались особым богатством и знатностью». То есть это не могли быть воины Рёрика Ютландского — удачливого вождя, предположительно прибывшего на Русь из богатейшей Фризии. Это были, насколько можно судить по погребальному инвентарю, скандинавы, не сумевшие нажить богатств и в Старой Ладоге.

Удивительно, как историков смущают условные даты поздней русской летописи. Даже Кирпичников, описывая каменные укрепления Ладоги, построенные в конце IX века, относит их ко временам не Рюрика, а Олега Вещего, который в 882 году «нача города ставити». Между тем Рёрик Фрисландский мог прибыть на Русь как раз около 882 года, когда его владения на западе перешли к другому герцогу. И было бы разумно предположить, что именно этот специалист по обороне от викингов способен был поставить первую на Руси каменную крепость. Впрочем, романтическое отождествление Рюрика с престарелым героем войн на Западе такое же гадательное, как и сама легенда о прародителе русских князей.

По Начальной летописи Рюрик вообще ничего не сделал, кроме того, что породил непутевого сына Игоря, у которого, на счастье, оказался «мудрый и храбрый» воевода Олег. Его сидение в Ладоге можно уподобить сидению здесь же в начале XI века Ронгвальда, когда Ярослав Мудрый дал Ладогу в лен своей жене Ингигерд, дочери шведского конунга Олафа Шётконунга. Ронгвальд, а после его смерти в 1030 году его сын Эйлив по договору управляли Ладожской округой, собирали здесь дань и содержали наемный отряд для защиты земли от набегов викингов и финнов. В скандинавской саге так и сказано: «...ту землю взял Эйлив ярл, у него тоже было много норвежцев, и он давал им жалование по договору; это ярлство давалось для того, чтобы ярл тот защищал землю конунга (Ярослава Мудрого. — А. Б.) от язычников».

Понятно желание составителя «Повести временных лет» придать Рюрику большее значение, распространив его власть на Полоцк, Ростов и Муром, но никаких подтверждений этим прибавкам к тексту Начального свода нет. Понятно и желание позднейшего редактора, благодаря которому в Ипатьевском и Радзивилловском списках «Повести» Рюрику и его мужам приписано строительство Новгорода, Полоцка, Ростова и Белоозера. Правда, Полоцк к этому времени давно стоял, а самые ранние датированные сооружения Новгорода и Белоозера относятся только к X веку. Ростов же существовал с VIII века как неукрепленный племенной центр племени меря; самые ранние городские постройки княжеского периода датированы временем княгини Ольги (дендрохронологическая дата — 963 год).

Никакого государства Рюрик вместе с его дружиной и «родом» не основывал. Предпосылки для создания государства сложились позже, благодаря деятельности Вещего Олега, а создано оно было, как увидим далее, только княгиней Ольгой. Все значение Рюрика состояло в том, что позднее утвердилась традиция делить княжескую власть на Руси исключительно между его потомками. Именно эту традицию настойчиво утверждали летописцы. Именно поэтому они связали с Рюриком и его варягами само название народа русь. При этом сами летописцы не слишком ясно понимали, что же такое Русь, производя это название от русских князей, сидевших в Киеве, и никак не связывая его с варягами, которых четко отличали от руси.

«Мы от рода русского»

Солидное исследование вопроса, как именно древнерусские летописцы представляли себе Русь, провел академик М. Н. Тихомиров³¹. С тех пор оно было многократно повторено и дополнено, но суть ответа

³¹ Тихомиров М. Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // *он же*. Русское летописание. М., 1979. С. 22—45.

осталась прежней: Русью летописи неизменно считали Киевскую землю, а также те или иные земли, на которые распространялась власть киевских князей. Я приведу свою подборку летописных указаний на смысл этого понятия, постаравшись сделать ее более логичной и понятной, чем это удалось предшественникам. А главное — приведу летописные указания на Русь без пропусков, чтобы показать, как один и тот же летописец толковал это понятие по-разному.

В Начальной летописи Никон Великий связал «начало Руской земли» с основанием Киева тремя братьями и началом племени полян (845 год)³². Сразу затем он рассказал по греческому источнику, как «русь» атаковала Царьград. Это было еще до кончины Кия, Щека и Хорива, пришествия на полян хазар, княжения Аскольда и Дира в Киеве и призвания северными племенами варягов. Затем, желая подчеркнуть значение Рюрика и его братьев, он заметил, что «от тех варягов, пришельцев тех, прозвалась русь, и от тех слывет Русская земля». Впрочем, вскоре он уточнил, что не только от варягов. Когда Олег с Игорем захватили Киев, «сел Игорь, княжа в Киеве, и были у него мужи варяги, словене³³, и с тех пор прочие прозвались русью». Воинов «русь» Игорь послал в 920 году на Царьград, но патрикий Феофан «огненными устройствами пожег корабли русские и возвратилась русь восвоися». В статье 921 года состав русского войска перечислен подробно: «варяги, поляне, словене, кривичи». В статье о походе на Царьград в 922 году русь и словене получают от греков паруса из разных материй, то есть подчеркнуто, что ильменские словене — не русь.

Казнив Игоря в 945 году, древляне говорят: «вот убили князя русского». В 955 году в Царьграде «Ольга, княгиня руская», приняла крещение от патриарха,

³² Начальная летопись. С. 12. Далее цитирую этот текст с моими поправками к переводу, сделанными по оригиналу.

³³ Я поставил здесь запятую: «варяги, словене», — однако можно прочесть и по-иному: «варяги словене», т. е. морские разбойники из племени словен.

который сказал ей: «Благословенна ты среди жен русских». В 968 году «пришли печенег на Рускую землю» и осадили Ольгу с внуками в Киеве. В 969 году Святослав счел, что «середина земли его» на Дунае, куда сходятся все богатства от греков, венгров и чехов, «а из Руси же меха, и воск, и мед, и челядь». В 977 году Ярополк Святославич, убив брата Олега, князя древлянского, «посадил посадников в Новгороде и владел один на Руси».

В 981 году «пошел Владимир к ляхам и взял города их: Перемышль, Червень и иные города, которые теперь под Русью». В 988 году, насильно отдавая свою сестру в жены князю Владимиру Святославичу, византийские братья-императоры говорят ей, согласно летописи: «Может, тобой как-нибудь Бог обратит Рускую землю в покаяние... видишь ведь, сколько русь сотворила грекам зла». Когда Владимир крестился и стал отбирать детей, чтобы учить их книгам, «сбылось пророчество на Руской земле», что «услышат глухие слова книжные». В 989 году «крестился Владимир и вся земля Руская, и поставил в Киеве митрополита, а в Новгороде архиепископа, а по иным городам епископов». Здесь Новгородская земля не отделена от Руси.

В 1015 году «печенег прошли на Русь», и князь Борис выступил против них из Киева. В 1047 году Ярослав Мудрый освободил из польского плена «800 человек руси полоненных». В 1054 году «преставился великий князь русский Ярослав». В 1060 году эсты атаковали Псков, «и вышли против них псковичи и новгородцы на сечу, и пало руси 100», а врагов — «без числа». Как видим, Новгород и вассальный ему Псков вновь составляют здесь неотъемлемую часть Руси.

В 1061 году «пришли половцы впервые на Рускую землю воевать». В 1065 и 1068 годах вновь упоминаются нашествия половцев «на Рускую землю», во владения великих князей Киевских и Черниговских. Наконец, в 1071 году явился в Киеве волхв с пророчеством, что Днепр потечет вспять, а земли переменят места, «так что стать Греческой земле на Руской земле, а Руской земле на Греческой земле». В обоих случаях име-

ются в виду государства: Империя ромеев и Великое княжество Русское.

Полвека спустя после трудов Никона Великого над Начальным сводом в «Повести временных лет» летописец упоминает «полян, которые ныне зовутся русью». Но это не исключает отнесения к руси всех поселившихся в Киеве воинов. Когда Олег сел княжить в Киеве, он сказал: «Се будет мать городам руским». «Были у него варяги, и словене, и прочие, назвались русью». О славянском племени, жившем в междуречье верхнего Днепра и Десны, по реке Сож, летописец заметил: «были же радимичи от рода ляхов, пришли и поселились тут и платят дань Руси, повоз везут и доньне» — то есть исполняют повинность в пользу князей киевских. В последующем летописании Русью обычно зовутся все земли Древнерусского государства, населенные славянами и финно-утрами. Но сохраняется признание исконной «рускости» за Киевом, где правит великий князь русский. Новгородцы временами говорили, что, направляясь в Киев, «идут в Русь», а суздальцы писали, как киевский князь сжег в их земле Дмитров и «возвратился опять в Русь».

Итак, русью летописи именуют воинов и торговцев, которые во главе со своими князьями постепенно объединили славянские и финно-угорские союзы племен под властью великого князя в Киеве, с сохранением некоторого своеобразия других земель, прежде всего Новгорода. Русская земля — владения великого князя, в Киеве и Чернигове довольно прочные, в Новгороде условные. Но уже в XI веке Русской землей без сомнений считали все славянские земли Рюриковичей, а также и славянизированные владения части финно-угорских племен. Киевские земли как первоначальный центр великого княжения, по справедливому выводу М. Н. Тихомирова, были еще более «Русью» для городов и земель, не склонных излишне восторгаться властью великих князей Киевских. И упаси Боже нас рассматривать эти представления предков в связи с современной антиисторичной публицистикой любой из попусту спорящих об истории сторон!

Варягов как иноземных врагов или наемников летописцы в любом случае отличают от руси и всех племен, вошедших в состав Русского государства. Согласно «Повести временных лет», варяги, которых чудь, словене и кривичи призвали в 862 году, были вообще какими-то особыми варягами, называвшимися «русью». Послы наших племенных объединений «пошли за море к варягам, к руси, ибо так себя звали те варяги — русь, как другие зовут себя шведы, другие же — норвежцы, англичане иные и готы, так и эти назывались русь». Летописец, как бы предвидя последующие построения норманистов, запрещает называть этих варягов шведами и норвежцами, подчеркивая, что «русь» — их самоназвание. Так что производить слово «русь» от «ruotsi», как финны называли шведов, никак не получится.

Если понимать этот рассказ летописи буквально, а не в качестве легенды, обеспечивавшей политический заказ Рюриковичей, то величайшая загадка: как же на чисто растворились эти варяги, оставив Руси ее название? Ведь варяги, берущие день с северных земель Руси, фигурируют в летописях до смерти Ярослава Мудрого (1054). Так же и варяги-наемники призываются русскими князьями до середины XI века. Эти варяги, согласно летописям, — точно не русь, не славянские, не финно-угорские и никакие иные, а балтийские племена.

По археологическим данным мы знаем, что в основном славянский, но этнически пестрый состав княжеских дружин включал, помимо прочих иноплеменников, скандинавских воинов. Присутствие скандинавов в русских крепостях и комплексах захоронений во второй половине IX века несколько увеличилось, что вполне понятно в эпоху максимальной активности викингов. Заметно оно и в первой половине X века, примерно до начала государственной деятельности княгини Ольги. Но уже при ее сыне и внуке выделить захоронение викинга среди прочих дружинников очень трудно. Влияние Скандинавии исчезает даже из обычного культурного обмена (когда, например, форму скандинавской фибулы дорабатывают на Руси, а затем она распространяется в таком виде

в Скандинавии). Его нет ни в материальной культуре, ни в языке. То есть викинги на Русь всё еще приходят и здесь служат, с ними общаются и заключают договоры, они продолжают быть партнерами по торговле, но их влияние столь же ничтожно, как, например, в Германии.

Само отнесение летописцами XI—XII веков происхождения русских князей и названия Руси к варягам — только не к шведам и норвежцам — говорит о их безопасности для самостоятельности Русского государства. К Византии и Священной Римской империи германской нации на Руси относились очень осторожно, не желая усиления их влияния. С монаршими родами Европы, включая государства кочевников, роднились, но тщательно ограждались от их вмешательства во внутренние дела Руси. А к никому не ведомым варягам-руси вдруг возвели правящую династию и всё ее дружинное сословие!

Очевидно, что пришельцы «из-за моря» с Рюриком, кем бы они ни были, моментально и бесследно растворились среди славян, позволив названием «русь» отличить княжеско-дружинное сословие, берущее дань, от народов и племен, эту дань дающих. Согласно «Повести временных лет» Олег после смерти Рюрика пошел вниз по Днепровскому пути с войском, в которое входили варяги, чудь, словене, меря, весь, кривичи. Он занял Любеч, затем Киев, объявил последний «матерью городам руским», то есть устроил здесь столицу. Тут летописец и добавляет: «...и были у него словене, и варяги, и прочие (то есть чудь, меря, весь, кривичи. — А. Б.), прозвались русью». Было это в 882 году, но чуть выше в статье под 866 годом описано, как первые киевские князья³⁴ Аскольда и Дир ходили с русью на Царьград...

То есть летописец понимал, что русскими были все-таки князья — объединители воинов в форми-

³⁴ Что они первые, сказано в начале летописного свода: «Первые начали княжить в Киеве Дир и Аскольда, одно княжение. А после них Олег» (Ипатьевская летопись // ПСРА. Т. 2. С. 2).

рующей Русь, а домыслы о принесении названия «русь» варягами Рюрика он произвольно использовал, выполняя политический заказ. Конечно, получилось неудобно: Византию русь атакует, по ромейским данным, в 860-х, а Рюрикова русь впервые спускается по Днепру лишь в 882 году, при том, что составитель «Повести временных лет» и так даты Рюриковой Руси удревил. Исправляя это неудобство, составитель «Повести» изменил статус независимых киевских князей Аскольда и Дира, сделав их «мужами» Рюрика (по Ипатьевской летописи даже боярами), которых тот отпустил в Царьград с «их родом», а те самочинно заняли Киев, собрали много варягов и стали владеть Полянской землей. Вполне сделать их «русами» летописец не мог: он должен был подчеркнуть, что самозванцы не принадлежали к «племени» Рюрика, которое одно имело право княжить, и поэтому для Олега законным делом было их убить. Тем не менее нарушенное подданство Рюрику, изобретенное составителем «Повести», хоть как-то объясняло, почему налетевшую на Царьград рать Аскольда и Дира ромеи восприняли со словами: «Русь идет!»

Последним аргументом в пользу идеи происхождения Руси от варягов было перечисление имен русских послов и купцов в договорах Руси с греками по «Повести временных лет»³⁵. Имена эти, сильно искаженные при записи по-гречески, а затем при переводе текста на славянский, действительно звучат странно.

В 907 году Олег прислал к грекам неких Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида. В 911 году его послы, сказав, что «мы от рода русского», перечислили свои имена так: «Карлы, Инегелд, Фарлоф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Рюар (Руал), Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемир (Стеמיד)»³⁶.

³⁵ О договорах и обстоятельствах их заключения подробно: Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1989.

³⁶ См. параллельный текст Ипатьевской и Лаврентьевской (ее варианты в скобках) летописей: Никитин А. А. Текстология русских летописей XI — начала XIV вв. Вып. 1: Киево-печерское летописание до 1112 г. М., 2006. С. 50.

В 944 году в Царыград прибыли «от рода русского послы и купцы: Ивор, посол Игоря, великого князя русского, и общие послы: Вуефаст от Святослава, сына Игоря; Искусеви от княгини Ольги; Слуды от Игоря, племянник Игорев; Улеб от Володислава; Каницар от Предславы; Шигоберн (Шихберн) Съфандр от жены Улеба; Прастен Турдуви (Турьдуви); Либиарь Фастов; Грим Сфирьков; Прастен Якун (Акун), племянник Игорев; Кары Тудков; Каршев Тудоров (Турьдов); Егри Ерлисков (Евлисков); Воистов Иков (Воист Войков); Истр Яминдов (Аминодов); Прастен Бернов; Ятьвяг Гунарев (Гунаров); Шибьрид Алдан; Кол Клеков; Стегги Етонов; Сфирка; Авад Гудов; Фудри Тулбов (Туадов); Мутор (Мутур) Утин; купцы Адунь, Адулб, Ангивлад (Игтивлад), Улеб (Олеб), Фрутан, Гомол, Куци, Емиг, Турьбрид (Турьбид), Фурьстен, Бруны, Роалъд, Гунастр, Фрастен, Ингелд (Игельд), Турьберн, Моны, Руалд, Свеньстир, Алдан, Тилии, Апубкаръ (Пубьксарь), Свень, Вузелев (Вузлев), Синько бирич (то есть глашатай. — А. Б.), посланные от Игоря, великого князя русского, и от всякого княжья, и от всех людей Русской земли»³⁷.

Сначала все они клялись Перуном и оружием, а при князе Игоре среди этих язычников восточнославянского толка были уже и христиане. Славянофилов, желающих видеть в руси некое славянское племя (например, полян), имена этих послов и купцов смущают. Ведь здесь явно представлены восточные, западные и южные славяне, ятвяги (балты, близкие к пруссам), степные народы, франки и германцы, а также многочисленные скандинавы. У разных ученых имена эти расшифровываются и атрибутируются по-разному, но смысл все равно получается один: перед нами представители практически всей Европы севернее Византии, заинтересованные в торговле с Восточной Римской империей через земли Руси.

На мой взгляд, это вполне логично. В Константинополь ехали купцы, которых в русских источниках

³⁷ Никитин А. А. Текстология... С. 67—68.

будут именовать «гостями», — специалисты по международной торговле. Именно таким людям русские князья и города должны были поручать заключение договоров об условиях торговли в крайнем южном пункте великого торгового пути, северные окончания которого находились в бассейнах Балтийского и Северного морей. Дальняя торговля, как и военное дело в раннесредневековой Европе, была занятием полиэтничным. Однако официально выступая при заключении договоров от имени руси, ее князей и «от всех людей Русской земли», эти люди принимали ее правила: говорили на славянском языке и клялись славянским богом Перуном.

Именно способность объединять все народы и их представителей в рамках своего языка, культуры и защиты общих интересов Руси лежала в основе формирования русского народа. Ни о какой «чистоте крови» — причем именно славянской, как будто немалая доля формировавших Древнюю Русь племен не принадлежала к финно-уграм, а значительная часть к балтам, — ни в седую старину, ни даже в XIX веке не шло речи. Роль славян состояла в том, что именно они заселили земли будущей Руси, построили на ней города, открыли великие торговые пути и что именно их культура объединила в одной державе множество народов. Варяги на Русь приходили и, в переносном смысле, всегда будут приходить. Чтобы вскоре адаптироваться и иметь право с гордостью сказать: «Мы от рода русского»!

Начало Руси по Никону Великому

Легенда о варягах-руси нужна была летописцам для остроактуального в XI веке утверждения идеи, что только и исключительно потомки Рюрика могут быть князьями русскими. Никон Великий и его продолжатели старались даже не упоминать о существовании князей иного происхождения. Только по отдельным их оговоркам и договорам Руси с греками 911 и 944 годов,

включенным в «Повесть временных лет», мы узнаём о существовании неведомых нам князей, не входивших в стройное генеалогическое древо Рюриковичей.

В договоре 911 года послы честно говорят императорам Льву и Александру: «...мы от рода русского... посланы от Олега, великого князя русского, и от всех, кто под рукою его светлых и великих князей и его великих бояр... желанием наших великих князей и по повелению от всех иже есть под рукой его сущих руси»³⁸. То есть разных князей — и светлых, и великих, помимо великого князя Олега, у русов было такое множество, что бегло перечислить их послы не могли.

По договору Руси с греками у русского князя Игоря был сын Святослав, жена Ольга и два племянника, Слуды и Прастен Якун. Если Игорь был сыном Рюрика, то племянники его — от братьев, или брата, или сестер Рюрика. Допустим, дядями Игоря были Синеус и Трувор, которые благополучно умерли до похода Вещего Олега с младенцем Игорем из Старой Ладogi (или Новгорода) в Киев. Но тогда племянники, а не Игорь, должны были быть старшими в роде. В те времена наследовал старейший в семье, а не сын князя. Что-то должно было произойти среди Рюриковичей, чтобы целых два племянника князя Русского выпали из истории. Сам Игорь потому и зовется в договоре великим князем, что русские послы представляли, кроме него, «всех князей»³⁹. Можно допустить, что Предслава, которую представлял посол Каницар, была еще одной, кроме Ольги, женой Игоря. Но кто такой Улеб, интересы жены которого представлял посол со звучным именем Шигоберн (Шихберн) Съфандр? Почему не был представлен послом древлянский князь Мал — взрослый муж, который в следующем году убьет Игоря и захочет взять в жены его

³⁸ По Лаврентьевской летописи. В Ипатьевской: «от Олега, великого князя русского, и от всех кто под рукою его светлых бояр», далее одинаково. См.: *Никитин А. Л.* Текстология... С. 50.

³⁹ «Посланнии от Игоря, великаго князя руского, и от всея (всякая) княжья, и от всех людей Руское земли (Руския земля)».

беззащитную вдову Ольгу? В Начальной летописи из этой компании присутствуют только Игорь, Святослав, Ольга и Мал. Последний упомянут лишь раз, при сватовстве к Ольге, и тут же отправлен летописцем в лету: нет даже упоминания, что при подавлении восстания древлян он был убит.

По замыслу летописца, не должно быть сомнений, что править Русью может только определенная ветвь Рюриковичей, князья, которые и есть единственно русские. Заметьте: названия у Древнерусского государства как такового не было еще много веков. Говорилось только о русских князьях и Русской земле, в которой они княжили (прежде всего — о их владениях вокруг Киева, но также, расширительно, на подвластных им славянских и финно-угорских землях). Сказать слушателям летописи, что русские князья имеют право на власть не только потому, что они потомки Рюрика, но и потому, что само определение «русские» связано с их заморским родом, — это был сильный ход. Ведь если бы русскими могли называться люди какой-то славянской земли или какого-то племени, а не подданные единственно русского по роду великого князя-Рюриковича, то видные представители этих земель и племен могли бы тоже претендовать на власть!

В начале XII века составитель «Повести временных лет» высоко оценил эту идею Никона Великого и постарался ее развить. «И пошли за море к варягам», — писал Никон. «И пошли за море к варягам, к руси, — уточняет «Повесть», — ибо так звались те варяги, русь... и от тех варягов прозвалась Руская земля». Варяги-русь, в понимании летописцев, — это именно род Рюрика. Больше никаких варягов они русью не именуют и подчеркивают отличие варягов не-Рюриковичей от Рюриковой руси. Иначе и быть не могло — ведь и варяги, будь реально среди них русь, могли претендовать на княжение русское! Русь эту исследователи, как ни искали, среди разбойников-варягов на Балтике не нашли. Точно так же историки и самые солидные археологи не смогли доказательно

установить существование племени русь среди восточных славян (хотя гипотез было обосновано великое множество).

Надо полагать, что этой легендарной руси нигде не было уже в 1070-х годах — иначе Никон Великий не смог бы связать происхождение названия «Русь» исключительно с Рюриком. И тем более около 1113 года, когда составитель «Повести временных лет» усовершенствовал родословную легенду правящих князей, отличив варягов-русь от шведов, норвежцев, готов, англов и объявив их отдельным племенем. Пропустил он прибалтийских славян (чем порадовал позднейших антинорманистов) и данов (из которых был герцог Рёрик Ютландский). Просто киево-печерский монах в начале XII века и подумать не мог, что какая-то живущая при нем народность может претендовать на тождество с его абсолютно легендарной варяжской русью...

Лишь много позже летописная легенда о Рюрике и его варягах-руси породила в исторической литературе колоссальную полемику норманистов и антинорманистов. Однако на самой Руси, по крайней мере в середине XI века, когда в Святой Софии говорил свое «Слово», прославляя русских князей (еще без Рюрика) митрополит Иларион («Ибо не в худой и неведомой земле владычество ваше, но в Русской, о которой знают и слышат во всех четырех концах земли!»), проблема происхождения названия «Русь» никого не волновала. Именно поэтому летописцам так легко было использовать название Руси в мотивации власти Рюриковичей.

Для Никона Великого главным было не расставить акценты в рассказе о легендарном, ничего особого не совершившем, а потому забытом Рюрике. Он хотел изложить историю героев, оставшихся в памяти русской дружины, так, чтобы укрепить родословную легенду Рюриковичей. Когда Рюрик после смерти братьев «начал владеть один», он, согласно Начальной летописи, «родил сына и нарек ему имя Игорь. И выросши, он, Игорь, был храбр и мудр. И был у него вое-

вода, именем Олег, муж мудрый и храбрый. И начали (Игорь и Олег. — *А. Б.*) воевать, и нашли на⁴⁰ Днепр реку и Смоленск город. И оттуда пошли вниз по Днепру, и пришли к горам Киевским, и узрели город Киев, и спрашивали, кто в нем княжит».

Им ответили, что княжат в Киеве «два брата, Аскольд и Дир», — те самые варяги, что у Никона перед его рассказом о призвании Рюрика пришли к полянам, которых обижали хазары и соседи, «нареклись князьями... и княжили в Киеве», воюя с древлянами и уличами. Взрослый Игорь и хитроумный Олег, «притворившись идущими мимо и утаившись в ладьях, с малой дружиной вышли на берег под Угорским», то есть под Угорской (Венгерской) горой, на которой стояла княжеская резиденция.

С воинственными степняками-венграми у первых русских дружин были прочные связи. Венгерские воинские украшения (украшенные серебром пояса, сумочки-ташки и пр.) с IX века обозначали принадлежность к воинскому сословию и распространялись не только по всей Руси, но и на Балтике, а сабли венгерского образца, как уже говорилось, отличали захоронения знатных воинов в большей мере, чем каролингские мечи. Венгры, несомненно, присутствовали и в первых русских дружинах. Любопытно, что, несмотря на яркий материальный след их культуры в формировании воинского сословия Руси и, шире, во всей Восточной и Северной раннесредневековой Европе, в исторической литературе не сформировалась партия «венгристов».

Итак, Игорь и Олег «вышли на берег, притворяясь гостями (так называли на Руси купцов, занимавшихся международной торговлей. — *А. Б.*), и позвали Аскольда и Дира». Те пришли — гостей в те времена высоко

⁴⁰ «Налезли», в данном случае — пришли с войском, совершили нашествие. Дружина Игоря и Олега шла по давно проторенному русами Днепровскому водному пути, от озера Ильмень вверх по Ловати, с перелоками в Западную Двину и с нее в Днепр.

чтили, они не только возили товары, но и распространяли новости. Тут Игоревы воины (Никон подчеркнул, что Игоревы) выскочили из ладей на берег. «И сказал Игорь Аскольду: “Вы не князья, не роду княжеского, но я князь и мне достойно княжить!” И убили Аскольда и Дира, и отнесли обратно на гору, и погребли их, Аскольда на горе, которая ныне Угорская называется, где двор Олмин, на той могиле поставил Олма церковь, Святого Николу, а Дирова могила за Святой Ириной».

То, что позже христиане поставили на могилах Аскольда и Дира храмы, толкуется историками в том смысле, что они были христианами. Действительно, среди летописных варягов упоминаются христиане, что не позволяет относить их к шведам и норвежцам, которые и два века спустя упорно сопротивлялись христианизации. Несколько больший успех проповедь христианства имела в IX веке среди данов и балтийских славян, хотя и те в массе своей оставались язычниками. В любом случае, согласно греческим источникам, христианство приняли неведомые вожди русов, атаковавших Царыград, берега и острова империи в 860 году. Согласно «Окружному посланию» константинопольского патриарха Фотия (867), после заключения русами мира с империей в 866 году на Руси была учреждена епископия. «Даже для многих многократно знаменитый и всех оставляющий позади в свирепости и кровопролитии, тот самый так называемый народ рос, — восторженно сообщал восточным патриархам Фотий, — те, кто, поработив живших окрест них и оттого чрезмерно возгордившись, подняли руки на саму Ромейскую державу... ныне... переменили языческую и безбожную веру, в которой пребывали прежде, на чистую и неподдельную религию христиан... став в положение подданных и гостеприимцев вместо недавнего против нас грабежа и великого дерзновения. И при этом столь воспламенило их страстное стремление и рвение к вере... что приняли они у себя епископа и пастыря, и с великим усердием и старанием встречают христианские обряды». По

другим греческим источникам мы знаем, что около 875 года Русь вновь заключила мир с Византией, по условиям которого император Василий и патриарх Игнатий отправили на Русь архиепископа, который и крестил великого князя («архонта русов»). Имя этого князя неизвестно, и гадать о том, кем он был, я не берусь. Легенды о Фотии как крестителе долго бытовали и на Руси. Распространенность православия у нас вряд ли была велика, однако в списках Константинопольских епархий Русская числилась в конце IX века 61-й, а затем 60-й. Никон Великий, упоминая об этом нашествии русов до появления Аскольда, Дира и даже Рюрика, оставил слушателей летописи гадать, не были ли те русы от рода Рюрика. А составитель «Повести временных лет» исправил этот текст, как мы помним, к вящей славе Рюриковичей.

Кульминационный момент начала новой династии у Никона не датирован: «И сел Игорь, княжа в Киеве, и были у него мужи варяги, словене, и с тех пор прочие прозвались русью». С каких именно пор, летописец не удосужился указать, а скорее всего, просто не знал. Однако Игорь изображен первым правителем Древнерусского государства. Он «начал города ставить и установил дань давать — словенам, и варягам, и кривичам, и мери дань давать варягам, а от Новгорода 300 гривен в год ради мира». Новгородская гривна — брусок серебра весом около 204 граммов в виде палочки, чтобы легче было рубить на части. 300 гривен — это крупная сумма в 61,2 килограмма серебра в год.

Какие города ставил Игорь — неведомо, но, уйдя с русского севера, который Рюрик был призван защищать, князю было логично от морских разбойников-варягов просто откупиться. Причем откупиться должны были и местные славяне с финно-уграми, и пришедшие сюда варяги. Дань морским разбойникам жители севера Руси платили, видимо, с перерывами до 1054 года (согласно «Повести временных лет», от нее отказались только после смерти Ярослава Мудрого). Причем указанная Никоном сумма — это огромное богатство, на которое можно было нанять для оборо-

ны хорошую дружину. Но наличие на севере сильной дружины не устраивало князя в Киеве: ни Игоря, пришедшего из Новгорода и убившего Аскольда и Дира, ни Владимира Святого, пришедшего из Новгорода и убившего Ярополка, ни Ярослава Мудрого, пришедшего из Новгорода и захватившего престол, в борьбе за который погибли почти все его братья. Удивляться нечему — таково было «государство», основанное князьями-разбойниками. Какая ирония: отразив нашествие балтийских пиратов, отказав им в дани и перессорившись, древнерусские племена нанимают Рюрика с его родом, чтобы уже по приказу русских князей больше ста лет снова платить дань морским грабителям...

Киев и Смоленск с их торговыми путями, конечно, приносили князю доход, но именно удачный грабеж мог помочь Игорю привлечь к себе достаточно воинов для сохранения власти. «По прошествии же сих времен, — констатировал Никон Великий, — в год 920 послал князь Игорь на греков воинов русь, ладей⁴¹ 10 тысяч. И приплыли к Царьграду, и много зла сотворила русь. Суд (гавань Константинополя. — А. Б.) ведь весь пожгли огнем, а когда брали пленников, одних распинали, иных же на земле иссекали, в других же, поставив, стрелами стреляли, как враги творят; изломав руки и связав, гвозди железные посреди головы вбивали; и многие церкви огню предали. Во время же то царствовал в городе Роман (император 920—944. — А. Б.), и послал Роман цесарь патриция Феофана с воинами против Руси, и [тот] огненными устройствами пожег корабли русские. И возвратилась Русь восвоися».

Слог этого не очень приятного для руси рассказа явно византийский. И точно, он взят Никоном Великим из русского перевода греческой Хроники Амартола. Но все греческие авторы, а также итальянец — епископ Кремоны Лиутпранд (ок. 922—972) подробно

⁴¹ В летописи «скедий», от греческого σκεδίη, σκεδία — «легкое судно».

описывают этот поход под 941 годом⁴². Никон вновь или «забыл» дату при пересказе, или намеренно удревнял поход, приближая княжение Игоря по времени к событиям IX века, к призыванию Рюрика. Поражение, конечно, не украшало первого русского князя. Это надо было исправить.

Под 921 годом Никон написал, что «Игорь и Олег собрали воинов многих — и варягов, и словен, и кривичей, и корабли многие бесчисленные». Сбор произошел в землях Новгорода — ведь ни поляне, ни древляне, ни одно из сильных плененных объединений юга не упомянуты. Но без киевских воинов, по мнению историков вроде бы уже носивших имя руси, попытка взять реванш у греков была бессмысленной. Именно в преданиях русских дружинников из Киева Никон и нашел великолепный сюжет, самый знаменитый и романтический в нашей древней военной истории:

«В год 922 пошел Олег на греков и пришел к Царьграду. И греки замкнули Суд (перекрыли гавань цепью. — А. Б.), а город затворили. И высадился Олег, и повелел вытащить корабли на берег, и повоевал около града, и много убийств сотворил грекам, и разрушил многие палаты и церкви. И повелел Олег воинам своим колеса сделать и установить корабли на колеса. И был попутный ветер, и подняли паруса, и с поля пошли к городу. Увидев же, убоялись греки, и сказали, выслав к Олегу (парламентеров. — А. Б.): “Не губи города, дадим дань, какую хочешь”. И остановил Олег воинов, вынесли ему еду и вино, и не принял его — было ведь приготовлено с отравой. И убоялись греки (как не убояться непьющего руса! — А. Б.), и сказали: “Это не Олег, но святой Дмитрий послан от Бога на нас”. И заповедал Олег дань давать на 100 кораблей по 12 гривен на человека, а в кораблях по сорок мужей

⁴² Отсюда и несусветное количество русских кораблей — меньшим числом, по мнению греков, было просто неприлично атаковать Царьград. Подробно: *Половой Н. Я.* К вопросу о первом походе Игоря против Византии (сравнительный анализ русских и византийских источников) // *Византийский временник.* 1961. Т. 18. С. 85—104.

(9792 килограмма серебра. — А. Б.). Сам же взял золото и паволоки (дорогие шелковые ткани. — А. Б.), и возложил дань, ее же дают и доселе князьям русским». А в утверждение победы русского оружия он повесил на воротах Царыграда свой щит...

Дани Руси, вплоть до наследников Ярослава Мудрого, Империя ромеев никогда не платила, хотя иногда подкупала русских князей, например, прося их о военной помощи. Единственное возможное объяснение слов о дани — за нее дружинники принимали деньги (что-то вроде «суточных»), вино, продукты, бесплатное жилье и баню, а также паруса и такелаж на обратный путь — всё, что в Константинополе предоставляли, по договорам, варварам, приходившим в столицу империи с товаром. Греки соблюдали свою выгоду: варвары везли сырье, а деньги всё равно оставляли в городе, производившем огромный ассортимент качественных товаров. Но столь материалистичная реальность, конечно же, сильно уступает романтическому описанию великой победы команд ста кораблей над крупнейшим городом всего известного русским летописцам мира.

Завершение этой истории прекрасно отражает противоречия между воинами князя Киевского, считавшими себя исконно русскими, и их главными торговыми и политическими конкурентами новгородцами. Никон Великий выступает в пользу киевлян: «И сказал Олег: шейте паруса паволочные (шелковые. — А. Б.) руси, а словенам кропинные (полотняные? — А. Б.), и было так. И подняли паруса, русь паволочные, а словене кропинные, и разодрал ветер кропинные. И сказали словене: возьмем свои толстины, не даны словенам паруса». (Здесь киевляне должны были смеяться.)

Эта легенда о героическом походе Вещего Олега чиста и неопровержима — ведь о подвигах русского воеводы не узнали греки и вообще ни один иностранец, который мог бы заставить нас внести поправки и в чем-либо усомниться. Единственная загвоздка с этой великолепной легендой состоит в том, что «Повесть временных лет», передавая ее даже более живо и

красочно, именует Олега князем и датирует поход не 922-м, а 907 годом. Поскольку рассказ «Повести» более ярок, а поход в нем более «древен», официально эта виртуальная победа Руси над Византией описывается как реальное событие нашей истории именно по летописной версии 1113 года, а не 1070-х годов.

Предпочтение историками «Повести временных лет» обоснованно и по другой причине. Там живописно рассказано о смерти Вещего Олега, как добропорядочного князя, в Киеве, от укуса змеи, прятавшейся в черепе его боевого коня. Никон же Великий поведал, что сразу после набега на Царыград «пошел Олег к Новгороду, а оттуда в Ладогу. Другие же говорят, будто пошел он за море, и укусила змея в ногу, и оттого умер; могила его в Ладоге». Признать, что один из основателей Русского государства пришел из-за моря, пограбил на Руси, совершил удачный налет на греков и отправился с добычей обратно за море, историкам было не вполне удобно. Даже в те времена, когда правителей Руси трудно было подозревать в стремлении награбить и утечь с добытым богатством за рубеж...

Сегодня главных причин предпочтения поздней «Повести временных лет» более ранней Начальной летописи остается три. Во-первых, «Повесть» сообщает нам больше дат и лучше обосновывает ими древность русской истории. Во-вторых, она более подробна и красноречива. Наконец, она сохранилась во множестве списков и лежит в основе всех классических трудов по русской истории, начиная с Н. М. Карамзина.

Начало Руси по «Повести временных лет»

Надо признать, что в изложении «Повести временных лет» династическая легенда Рюриковичей и сегодня звучит выигрышнее. В начале XII века составитель «Повести» не был удовлетворен Начальной летописью 35-летней давности — и доработал ее основательно. Уже в заголовке он взял быка за рога, поставив главный вопрос: «откуда пошла Руская земля стала есть и

кто в ней начал первее княжить?» Так написано в более точном Ипатьевском списке. Историки предпочли цитировать Лаврентьевский, сразу связавший начало русского княжения с Киевом: «откуда пошла Руская земля, кто в Киве начал первее княжить и откуда Руская земля стала есть».

Далее, желая придать своему труду максимальную солидность и вид объективности, составитель «Повести» повел рассказ от разделения мира (Евразии и Северной Африки) между сыновьями Ноя, а затем о разделении языков при строительстве Вавилонской башни. Одним из 72 языков, по его мнению, и стал язык славян — потомков сына Ноя Афета. Историки безмерно благодарны летописцу за подробный рассказ о расселении и обычаях южных, западных и особенно восточных славянских племен, среди которых он весьма избирательно похвалил добронравных киевских полян, подчеркнув — это «поляне, что ныне зовутся русь»⁴³. Легендарный Кий, по его мнению, был не перевозчиком, но князем «в роде своем», он был с честью принят императором в Цареграде и даже пытался построить крепость на Дунае. Однако славяне были лишь частью народов будущей Руси. Поэтому далее летописец рассказал о веси, чуди, мери, муроме, черемисах, мордве, перми, печере и других племенах, которые говорят не по-славянски, но входят в состав Русского государства.

Начало самой Руси он датировал точно: 6360 год от Сотворения мира, то есть 852-й от Рождества Христова. Основания для такой датировки, отличной от Начальной летописи, где «начало земли Русской» отнесено к 6362 (854) году, в «Повести» приведены. В этот год «начал Михаил царствовать», уверил летописец (на самом деле Михаил III царствовал с 842 по 867 год), и при нем «начала себя прозывать Руская земля». «Об этом узнаем, — уверил летописец, — потому, что при сем Михаиле царе приходила русь на Царьград, как пишется в летописании греческом».

⁴³ Никитин А. Л. Текстология... С. 42.

Речь идет о походе Руси 860 года, рассказ о котором стоял в Начальной летописи именно здесь, в статье о царствовании Михаила и матери его Ирины. В «Повести» он перенесен значительно дальше по тексту и датирован 867 годом, с целью приписать поход Аскольду и Диру — варягам, якобы ушедшим от правившего на севере князя Рюрика, с которым летописец последовательно связал призвание варягов-руси.

Удалив описание похода со своего места, составитель «Повести» потряс слушателя его летописи хронологическими подсчетами лет от Адама до смерти великого князя Киевского Святополка Изяславича в 1113 году. Именно здесь он заложил датировки ранней русской истории, которые доселе воспринимаются историками как святое писание:

«От первого лето Михайлова (по «Повести» 852. — А. Б.) до первого лета Олега, русского князя, лет 29. А от первого лета Олега, поскольку сел в Киеве, до первого лета Игоря лет 31. От первого лета Игоря до первого лета Святослава лет 33». И т. д. Рюрик, благодаря которому на Руси появилась русь, здесь не упомянут, но ему летописец отвел княжить 17 лет, описав призвание варягов под 862 годом, через десять лет после начала царствования Михаила. Логика составителя «Повести временных лет» понятна. Ему надо было привязать летописные события к датам, а даты как-то вычислять.

И всё бы ничего, только составитель «Повести» ошибся: Михаил III, сын Феофила, начал царствовать на десять лет раньше, в 842-м, а не в 852 году. Историки обратили на это внимание давно, но не стали сдвигать хронологию летописи на десять лет: всё равно она вымышленная. Не ошибись летописец, и он смог бы подогнать призвание Рюрика к походу руси на Царьград. Поправь его ученые — у них был бы аргумент в пользу легенды, что русь — какого-то неизвестного варяжского рода. Но историки остались верны букве «Повести временных лет». Для официальных дат истории Русского государства это определяющие «летописные свидетельства».

Описав призвание Рюрика под 862 годом, «Повесть временных лет» поставила на законное, с точки зрения концепции варягов-руси, место Аскольда и Дира, которые, согласно Начальной летописи, «княжили в Киеве и владели полянами». Составитель «Повести» счел, что первый русский князь в Киеве должен быть русом по племени. Этим критериям, по его мнению, отвечал Вещий Олег. «Незаконных» князей следовало изобразить.

Итак, составитель «Повести» распространил власть Рюрика на словенский Новгород, где он «княжил» (хотя город еще не был построен), кривичский Полоцк, мерянский Ростов и муромский Муром, которыми он «обладал». У Рюрика, как мы помним, были «два мужа, Аскольд и Дир, не племени его, но боярина», — читаем в Ипатьевском списке «Повести». Нет, они «ни племени его, ни бояре», — продолжил обличение самозванцев редактор Лаврентьевского списка. Оба «отпросились в Царыград с родом своим. И пошли по Днепру. И идучи мимо, увидали на горе городок». Аскольд и Дир спросили: «Чей это городок?» И получили ответ, что после смерти Кия, Щека и Хорива, «которые сделали город этот и погибли, мы сидим [здесь] родами своими и платим дань хазарам». Аскольд и Дир остались в Киеве, собрали много варягов и начали владеть землей союза племен полян. Логично было бы защитить полян от хазар, но это выглядело менее прибыльным, чем лихой набег на богатых ромеев.

Именно эти братья-варяги ходили на Царыград в 867 году (ведь правильный 860 год неправильно был *до* Рюрика), представившись как русь, но город был, как мы помним, спасен Пречистой Богородицей. Составитель «Повести» решил таким образом проблему первого упоминания руси греками. Теперь, вместо «незаконных», следовало объявить истинных русских князей. Умертвив Рюрика в 879/880 году, он заставил его «передать княжение свое Олегу, бывшему его рода, дав ему на руки (то есть на воспитание. — А. Б.) сына своего Игоря, ибо был очень молод» (по Ипа-

тьевской летописи, а по Лаврентьевской — «совсем ребенок»).

Вводя в историю княжение Олега, составитель «Повести» решал важнейшую задачу: растянуть правление Рюриковичей по хронологии от их призвания в 862 году до смерти Игоря в 945-м. Княжение взрослого Игоря с 879/880 года заняло бы 65 лет, а этому душа монаха-летописца сопротивлялась. К тому же Олег уже был обозначен в Начальном своде как вещей воевода, предводитель победоносного похода на Царьград. Кроме него было в общем-то и некого назначить первым русским князем в Киеве.

Итак, уже не Игорь, а именно Олег в 882/883 году собрал «варягов, чюдь, словен, мерю и всех кривичей (изборских, полоцких и смоленских. — А. Б.) и пришел к Смоленску с кривичами, и принял град Смоленск, и посадил в нем своих мужей. Оттуда пошел вниз (по Днепру. — А. Б.) и приидя, взял Любеч (город радимичей, который последующим князьям тоже пришлось брать. — А. Б.) и посадил мужей своих». У Киева Олег обманул и убил Аскольда и Дира так, как описано в Начальной летописи, с той разницей, что «княжича» Игоря несли на руках, ибо он был малым ребенком. «И сел Олег княжить в Киеве», — сказано в «Повести» буквально по предшествующему тексту («И сел Игорь княжить в Киеве»), с добавлением: «И сказал Олег: “Это будет мать городам русским”⁴⁴. И были у него словене, и варяги, и прочие, прозвались русью». Уже не Игорь, но Олег начал «города ставить» и учредил 200-летнюю дань варягам.

Княжение Олега в «Повести» отмечено интересными событиями. В 883/884 году он завоевал живших западнее Киева древлян и стал брать с них дань по черной кунице (надо полагать, с «дыма» в год). В сле-

⁴⁴ Почему Киев, мужского рода, назван «матерью», понять невозможно. Если не вспомнить, что первым городом Руси выступает Старая Ладога, куда Олег и ушел после его приключений, а киевские летописцы упорно старались передать полянам первенство во всем, даже в праве называться русью.

дующем году победил северян (сильный союз племен к северо-востоку от Киева, в районе Чернигова), возложил на них дань легкую, зато запретил платить дань хазарам, объявив себя их противником. В 885/886 году Олег послал спросить у радимичей: «Кому дань даете?» Те ответили, что хазарам. (Из чего логично заключить, что Любеча Олег прежде не брал и в главном городе радимичей своих мужей не сажал.) В результате переговоров радимичи согласились давать хазарскую дань Олегу. А с племенами уличей и тиверцев к юго-западу от Киева он воевал безуспешно.

На этом предположения составителя «Повести» о том, чем мог бы заняться Олег, иссякли на 17 лет. Он старался, конечно, заполнить эти годы самыми разными рассказами о древних временах, в частности о Кирилле и Мефодии, создателях славянской азбуки, и даже об апостоле Павле, который приходил учить славян в Иллирик. Этот рассказ помог составителю «Повести» объяснить читателю ту странность, что русь получила название от варягов, а язык у нее отчего-то славянский.

«Славянскому языку, — сказано в «Повести», — учитель есть Павел, от которого языка и мы есть русь. Тем же и нам, руси, учитель есть Павел апостол, потому что учил он язык славянский и поставил епископа и наместника после себя Андроника славянскому языку. *А славянский язык и русский один: ибо от варягов прозвались русью, а раньше были славяне.* — Мы и так не сомневались, что воинственные отряды руси состояли в основном из славян со множеством примкнувших к ним представителей других народов, потому и говорили они на объединяющем всех славянском языке, но подтверждение этого летописцем звучит приятно. Русь как племя Рюриковичей — явная ошибка, поскольку воинственные русы появились на международной сцене до Рюрика, даже если верить в его призвание славянами и финно-уграми в 862 году. Но верное служение летописца династии заслуживает уважения. И служит примером для историков до сего дня.

Все-таки заполнять пустующие годы «княжения Олега» было трудно. В 903 году составитель «Повести» объявил Игоря взрослым и женил его на Ольге. Год был выбран произвольно, через 20 лет после завоевания Олегом Киева (когда Игоря еще носили на руках). Это выглядит сомнительно. В те времена юноши женились не в 21, а в 12—15 лет. Много позже, в XIII веке, князь Александр Ярославич, вскоре прославившийся битвой на Неве, женился в 18 лет; это было немалое отступление от обычая. Так что Ольге еще «повезло»: подумав о традиционном возрасте женитьбы князей, монах-летописец мог датировать ее брак IX веком.

Итак, в 903 году «Игорь вырос и ходил по Олеге и слушал его. И привели ему жену из Пскова именем Ольгу». В Начальной летописи этот брак не датирован, зато сказано, что «Ольга была мудра и смыслена». Составитель «Повести» Ольгу хвалить не стал. Зато он расцвел рассказ предшественника о походе Олега на Византию, перенеся его с 922 на 907 год. В состав войска Олега он включил варягов и почти все известные ему племена Руси: словен, чудь, кривичей, мерю, полян, северян, древлян, радимичей, хорватов, дулебов и тиверцев. А число их ладей увеличил со ста до двух тысяч. Соответственно, число русских воинов выросло с четырех тысяч до 80 тысяч, а размер взятой с греков дани повысился с 9792 килограммов до 19 с половиной тонн серебра. А ведь русские, согласно «Повести временных лет», пошли на Царьград «на конях и кораблях», то есть их войско было еще больше!

Кроме того, пока Олег с войском стоял, «мало отступив от города», его послы «Карл, Фарлоф, Вельмуд, Рулав и Стемид»⁴⁵ заключили с императорами Леоном и Александром договор. Помимо упомянутой

⁴⁵ Ср. список послов в приведенном в «Повести временных лет» далее договоре с греками 911 г.: «Мы от рода русского — Карлы, Инегелд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид» (Никитин А. Л. Текстология... С. 48, 50).

огромной дани войску, греки якобы согласились платить дань «русским городам»: во-первых, Киеву, затем Чернигову, Переяславлю, Полоцку, Ростову, Любечу и «прочим»: «ибо по тем городам сидели князья, под Олегом бывшие». О них ничего не сказано, ибо они явно не Рюриковичи, но мы понимаем теперь, что Русь уже в начале X века была союзом городов, возможно, с великим князем во главе, а возможно, объединявшимся вокруг одного вождя только в военном походе и на важных торговых переговорах.

Интересно, что летописец заставил ромеев платить выкуп руси в понятном ему серебре на вес. Именно серебром, в основном кладами арабских дирхемов, отмечены изученные археологами торговые пути русов между Каспийским и Балтийским морями, по Балтике, из Балтики в Черное море и от Дона через Днепр и Чехию в земли франков. Однако как раз у ромеев серебра было мало. Они в ограниченном объеме чеканили из него свои мелиариссии и кератии, но основная монетная масса была из меди и золота. Золотой солид веками служил признаком солидности Империи ромеев на мировой арене. Однако летописцам он был знаком мало. Только составитель «Повести временных лет» включил в летопись договоры руси с греками 911 года, где раб оценивался «по 20 золота», и 944 года, в котором «юноша или девица добра» ценились по 10 «златников», люди среднего возраста — 8, а дети и старцы — 5; также русским купцам запрещалось покупать в Царьграде шелковые ткани больше чем на 50 «златников»⁴⁶.

Сомнительно, чтобы летописец понимал, какая это огромная сумма в привычном ему серебре. Он знал арабские дирхемы (хотя бы в виде монист на русских женщинах), видел, конечно, и русские сребреники, чеканившиеся с конца X века. Возможно, он даже держал в руках золотой солид — такие монеты в небольшом числе появлялись в IX—XII веках на Руси. Владимир Святой под конец жизни даже отчеканил некоторое

⁴⁶ Никитин А. А. Текстология... С. 70.

количество собственных солидов, известных нам как «златники»... по упоминанию златников в летописи. Но для понимания соотношения цены златника с весом серебра практики их обмена на Руси было недостаточно.

Еще интереснее, что ужасное поражение Империи ромеев с выплатой дани в тоннах серебра, которые Олег не довез до Киева⁴⁷, вылилось в «Повести временных лет» в заключение взаимовыгодного торгового договора. Русские послы, передает его содержание летописец, «пусть берут хлебное⁴⁸, сколько хотят; а если придут гости (купцы. — А. Б.), пусть берут мясину на 6 месяцев: хлеб, вино, и мясо, и рыбу, и овощи. И пусть устраивают им (бесплатно. — А. Б.) баню, сколько захотят. Когда пойдут на Русь домой, пусть берут у царя вашего на дорогу еду, якоря, канаты, паруса и что им нужно».

Эти обычные в X веке условия приема в Царыграде послов и купцов варварских архонтов слушатели летописи воспринимали как явное доказательство «победы» Олега над греками. Однако следующие статьи договора, точнее ромейской жалованной грамоты-хрисовула, запрещали русским, явившимся без товара, претендовать на содержание от греков и буйствовать на территории империи. Прибывшие с Руси по делу (на переговоры или с товаром) должны были остановиться у церкви Святого Мамонта, записать у греческих чиновников свои имена и получить месячное пропитание: сначала люди из Киева, затем из Чернигова, Переяславля и других городов. В город они могли входить через одни ворота в сопровождении византийского чиновника, без оружия, группами по 50 человек. Хорошее поведение вознаграждалось: с русских торговцев

⁴⁷ «И вернулся Олег в Киев, неся золото и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим» — так завершает «Повесть временных лет» рассказ об обращении Империи ромеев в русское подданство, не упоминая о доставке в Киев огромного выкупа в серебре.

⁴⁸ Продуктовое месячное содержание в виде хлеба, вина, мяса, рыбы и фруктов. Для купцов оно было бессрочным, сколько требуют переговоры, для купцов ограничивалось шестью месяцами.

не брали пошлин⁴⁹. Именно так Империя ромеев вела себя с новыми, еще не втянутыми в ее экономическую орбиту варварами. Их надо было всячески привлечь — и лишь затем можно было «закручивать гайки».

Но составитель «Повести временных лет» не желал, чтобы отношения руси с греками выглядели как мирное сотрудничество. Описанный им договор с Русью в 907 году якобы заключили император Лев IV Мудрый (886—912) и его брат-соправитель василевс Александр (879—913). Они целовали крест, «имшеся по дань», то есть признавая себя подданными Вещего Олега. Понятие «дань» было для летописца фундаментальным признаком подданства. «Повесть временных лет» подробно перечисляет народы, платившие дань руси (греков среди них нет), рассказывает о дани полян, северян и вятичей хазарам, о дани славен, кривичей, чуди, мери и веси варягам и т. п. Причем выплата дани четко означает подданство, а отказ от выплаты — освобождение от подданства. Создание Древнерусского государства рисуется как последовательное наложение русскими князьями дани на разные союзы племен. Но при оценке достоверности совершенно фантастического рассказа о завоевательном походе Олега исследователи не придали значения тому, что он, Олег, согласно «Повести временных лет», обратил в свое подданство василевсов Империи ромеев — самого крепкого, богатого и просвещенного государства X века. Варвары подчинили себе Восточную Римскую империю! Вот к какой победе привело упорство летописцев, начавших с описания набега четырех тысяч русов на ста ладьях в 922 году и завершивших свой труд полным покорением великой империи в 907 году армией более чем в 80 тысяч воинов.

Но даже эта стратегическая победа руси — покорение и обращение в подданство Империи ромеев — оказалась напрасной. Греки снова не заметили ни огром-

⁴⁹ Эти статьи являются вольным пересказом договоров руси с греками 911 и 944 гг., помещенных в «Повести временных лет» далее.

ной рати варваров, ни своих немислимых расходов, ни даже щита Олега, прибитого на воротах столицы. Это тем более обидно, что в развлечениях ромеи знали толк, и такое действо, как хождение на ладьях под парусами посуху, не могло оставить их равнодушными. Не была империя и неуязвимой от мощных вражеских нашествий. После осады Царьграда в 896 году болгарским князем Симеоном Великим ромеи не только вынуждены были вновь допустить в Царьград болгарских купцов, но и обязались платить болгарам ежегодную дань. Отказ от этой дани в 913 году вызвал новое нашествие болгар на Царьград. Восемилетний василевс Константин Багрянородный обязался возобновить дань и даже обещал жениться на дочери Симеона, который был официально провозглашен не просто цесарем и императором, но василевсом болгар, равным по статусу василевсу ромеев. Симеону этого было мало — он хотел взять власть в самом Царьграде. Войска императрицы Зои, отказавшей болгарину в титуле и браке своего сына Константина с его дочерью, были разбиты в ужасающе кровавых битвах. Столица едва спаслась от разорения и при узурпировавшем власть Романе Лакапине. В результате великих битв на суше и на море царь Болгарии сохранил титул василевса и дань с Империи ромеев (договор 927 года), но его сын Петр взял в жены дочь императора — впервые в истории Царьграда. Столица Болгарии Преслав стала вторым центром вселенной. Болгарский патриарх не уступал Цареградскому. До этого империя платила дань лишь могущественным Аварскому и Хазарскому каганатам. Что не надо путать с периодическими подарками разным варварским правителям с целью получения их услуг. И всё это сообщают нам византийские источники, авторы которых не стыдились описания нашествий, поражений, заговоров и подкупов на международной арене, особенно когда дело касалось столицы.

На этом фоне незримое нашествие русов в 907 или 922 году кажется тем менее вероятным, чем более грандиозным оно изображается. Между тем летописец в каждом слове настаивает на победе грозных русов над

трусливыми греками. Добившись клятвы от императоров, Олег и его мужи присягнули «по рускому закону: клялись оружием своим, и Перуном, богом своим, и Волосом, скотьим богом, и утвердили мир». Если имена русских переговорщиков напоминают выходцев из Северо-Западной Европы, то боги, которыми они клялись, — чисто славянские. Громовержец Перун был богом дружины, а бог плодородия и прибыли Волос (или Велес) — покровителем торговли.

Это первое отмеченное в летописи соглашение о постоянных отношениях руси с Восточной Римской империей вызывает у историков много сомнений. Слишком пылко изложенная легенда об обращении империи в подданство русским князьям и городам легко могла быть отвергнута, но... составитель «Повести временных лет» подкрепил ее приведенным далее текстом договора Олега с теми же императорами от 2 сентября 911 года⁵⁰.

Ни о каких сокрушительных походах руси против греков в этом договоре речи нет. Олег попросту отправил в Царьград послов, которые договорились об условиях пребывания в Константинополе русских посольств и купцов и привезли домой дубликат соглашения, написанного «Ивановым написанием на двух хартиях, цесаря вашего (василевса ромеев. — А. Б.) и своею рукою». Договор в основных чертах соответствует царьградской традиции, хотя местами и отступает от нее⁵¹.

⁵⁰ См. подробно: *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси.

⁵¹ «Формула договора 911 г. — “равно друтаго свещания” — аутентичный экземпляр, дубликат официального актового текста. “По первому убо слову” — обычное греческое вступление документов; “суть яко понеже” сопоставимо с аналогичной фразой известного византийско-персидского мира 562 г.», — пишет известный византинист. В то же время текст договора, приведенный на славянском языке в «Повести временных лет», содержит невозможное в греческом церемониале титулование василевса более низким титулом «цесарь», именует ромеев «греками» и имеет иные отступления от византийской практики. См.: *Бибиков М. В.* Русь в византийской дипломатии: договоры Руси с греками X в. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2005. № 1 (19). С. 5—15.

Если бы составитель «Повести временных лет» не прибавил описания переговоров на ту же тему к сказочному уже в Начальной летописи походу Олега на Царьград, превращенному им в совершенную фантастику, то документ 911 года не подтверждал бы подлинность прекрасно сочиненной легенды о Вещем Олеге. По содержанию договор не требует объяснений в виде каких-либо завоевательных походов. Олег и сам мог заключить подобное соглашение в результате мирного посольства. Возможно, оно и состоялось в 922 году, когда русь во главе с князем пришла в Царьград на ста ладьях, на что имела право по договору 911 года. Именно сочетание волшебной сказки о жестокой войне и трудных переговорах с протокольным языком помещенного далее документа, пусть и другого времени, придало легенде о Вещем Олеге достоверность в глазах древнерусских слушателей летописи и устойчивость в исторической науке. Составитель «Повести временных лет» был, безусловно, великим писателем и тонким знатоком человеческих душ.

Для нас договор 911 года служит прекрасным доказательством реальности Вещего Олега и его княжения. Но в то же время подтверждает подозрения, что летописцы своей легендой о Рюриковичах и варягах-руси старались замаскировать наличие в истории множества других князей. Русские послы, гласит договор, прибыли в Царьград «от Олега, великого князя русского, и от всех что под его рукой (подчиненных ему. — А. Б.) светлых и великих князей и его великих бояр». Договор составлен для подкрепления и сохранения «многолетней между христианами и русью бывшей любви», что полностью дезавуирует легенду об ужасном погроме, якобы учиненном Олегом в Византии в 907 году. Послы говорят от имени многих «*князей светлых наших русских*», пылающих любовью к ромеям, в их понимании — грекам. «Также и вы, греки, соблюдайте такую же непоколебимую и неизменную дружбу к князьям нашим светлым русским и ко всем, кто находится под рукою нашего светлого князя... всегда и во все годы».

Текст посвящен деталям решения всевозможных споров между русскими и греками в ходе путешествий и торговли. Он действительно закреплял отношения «мира и любви», царившие между русью и империей уже полстолетия (после страшной войны 860 года). Неизвестные, но светлые и великие русские князья, некогда славно повоевавшие, спокойно торговали с Царьградом, возможно, иногда нанимаясь помочь ромеям в морских войнах с арабами. Предположительно, о их «скифских ладьях» и легких военных судах-«дромонах» идет речь в трактатах «Навмахия» и «Тактика» Льва Премудрого и Хронике Псевдо-Симеона об участии росов в войне против арабского флота изменника Льва Триполитанского в начале X века⁵².

Договор 911 года Олег прочитал в Киеве. Этим, говорит летописец, он и завершил свою карьеру правителя. Вскоре он был укушен змеей, выползшей из черепа старого боевого коня, от которого кудесник предрек ему смерть, умер и был с честью похоронен в Киеве на горе Щековице: «И было всех лет его княжения 33».

Князь Игорь

Княжение Олега, в описании которого составитель «Повести временных лет» опирался, как полагают, на старинные предания, русский перевод Хроники Амартола и добытые им копии договоров Руси с греками, заметно сократило срок правления на Руси князя Игоря Рюриковича, сведя его для летописца к 32—33 годам (912—945).

Уже для составителя Начальной летописи Никона Великого датированные деяния Игоря начинались неудачным походом на Царьград в 920 году. И заполнить его княжение событиями было сложно. После победоносного похода Олега на Царьград в 922 году и его смерти в Старой Ладоге, писал Никон Великий, «Игорь сидел в Киеве, княжа и воюя с древлянами и

⁵² Бибииков М. В. Русь в византийской дипломатии. С. 7—9.

уличами. И был у него воевода, именем Свенельд, и принудил уличей, возложив на них дань, и отдал Свенельду. И не дался один город, именем Пересечен, и сидел около него три года, и едва взял. И сидели уличи по Днепру вниз, и после этого перешли между Бугом и Днестром, и сели там».

Тут не ясно, кто именно одолел воинственный союз славянских племен уличей и взял Пересечен, Игорь или Свенельд. Скорее всего, Свенельд, иначе почему князь отдал всю дань ему? В любом случае уличи не покорились — они просто ушли, что для непокорных славян, склонных к переселениям, было легко. Предположительно, Свенельд воевал и с древлянами. Никон Великий продолжает текст так: «И дал также дань древлянскую Свенельду, и брали по черной куне с дыма. И сказала дружина Игорю: “Вот, дал ты одному мужу много”». Прямое продолжение этого текста: «Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги; так пойдя, князь, с нами за данью, и ты добудешь, и мь», — читаем уже в статье 945 года, повествующей о смерти Игоря.

Никон понимал, что лакуна в 23 года между статьями о походе Олега (922) и смертью Игоря (945) слабо заполняется упоминанием о войнах с уличами и древлянами, дань с которых была отдана воеводе Свенельду. А дань с северных племен (словен, кривичей, мери и варягов) была Игорем же отдана варягам. Получается, что он «кормился» только от Киева — вот и сидел, по словам дружины, буквально без «портов» (так в летописи названа одежда).

Никон честно пытался заполнить эту лакуну. После слов «дал ты одному мужу много» он написал: «потом скажем о приключившемся в эти годы», — и даже проставил годы с 6431-го до 6452-го, то есть с 923-го до 944-го. Заполнить он смог лишь одну годовую статью, под 6448-м, то есть 940 годом. И то рассказав здесь вновь о взятии Пересечена, которое, таким образом, датировано 940 годом: «В тот год дали уличи дань Игорю, и Пересечен взят был. В тот же год дал дань с них Свенельду». А через пять лет князь погиб

от жадности, пытаясь грабить древлян, дань с которых принадлежала, как мы читали выше, Свенельду...

Никон Великий, как ни старался, плохо справился с задачей рассказа об Игоре Старом, с княжения которого еще в середине XI века, незадолго до его летописных трудов, митрополит Иларион начал государственную и династическую историю Руси. С точки зрения летописца, именно Игорь был прямым родоначальником династии русских князей в Киеве, которая с него прослеживалась очень хорошо, а до него была абсолютно туманна. Связав Игора с Рюриком и его особым родом варягов-русов, составитель Начальной летописи «обосновал» право на власть именно потомков Игора, в отличие от остальных русских князей, упомянутых в договорах Руси с греками.

Однако с 854 года, с которого Никон начал повествование, до смерти Игора в 945 году прошло почти столетие — время жизни минимум четырех (а реально шести) поколений, из которых указано лишь два, Рюрик и Игорь. После Никона составитель «Повести временных лет» проявил героические усилия, вставив в рассказ 33-летнее княжение Олега. Но хоть тот и был назван родственником Рюрика, прямых поколений все равно осталось два. В «Повести» удалось лишь сократить возможное время жизни Игора до 67 лет (Рюрик умер в 879 году, а его сын в 945-м) и чуть лучше заполнить его княжение событиями.

В 913 году, сказано в «Повести», «начал княжить Игорь после Олега». «И древляне заратились (начали воевать. — А. Б.) от Игора по смерти Олега». Поэтому в 914 году «пошел Игорь на древлян и, победив, возложил на них дань больше Олеговой». В 915 году «пришли впервые печенеги на Русскую землю и, заключив мир с Игорем, пошли к Дунаю». Союз тюркских кочевых племен, известных на Руси как печенеги, а в Византии как пачинаки (или пачинакиты), в конце IX века переправился через Волгу и обосновался в южнорусских степях, где номинально правил Хазарский каганат. Набеги печенегов на Русь, Болгарию, Венгрию и владения Византии (особенно в Крыму) были постоянной

угрозой. В 920 году «Игорь воевал с печенегам». За сим он ничего не делал в течение двадцати лет, не уделяя, очевидно, внимания и своей премудрой жене Ольге, у которой после свадьбы в 903 году так и не рождалось детей. К 941 году Игорь собрал огромное войско и воистину великий флот для набега на Византию...

Несчастный для русов набег был хорошо описан в русском переводе греческой Хроники Амартола, которым располагал составитель «Повести временных лет». Он не только исправил дату похода, ошибочно отнесенного Начальной летописью к 920 году, но и полнее пересказал греческую хронику:

«Пошел Игорь на греков. И послали болгары весть царю, что идет русь на Царьград: 10 тысяч ладей. Они же пришли и приплыли, и стали воевать Вифинскую страну, и брали в плен по Понту (Черному морю. — А. Б.) до Гераклеи и до Пафлагонской земли, и всю страну Никомидийскую попленили, и Суд весь пожгли. А кого захватили — одних распинали, в других же, перед собой ставя, стреляли, хватали, связывали назад руки и вбивали железные гвозди в головы. Много же и святых церквей огню предали, монастыри и села пожгли и по обоим берегам захватили немало богатств».

Время для набега было выбрано отлично: весь византийский флот сражался в Средиземном море с мусульманами. По словам современника событий, епископа Кремоны Лиутпранда, в Константинополе оставалось лишь 15 ветхих кораблей-хеландий⁵³. Среди византийцев действительно ходили панические слухи о 10 тысячах русских кораблей (тут наши летописцы воспроизвели греческий источник). Но итальянский очевидец, со слов которого писал Лиутпранд, насчитал у русов тысячу ладей. Это тоже довольно много, но явно ближе к истине.

По его рассказу, пока этот флот грабил берега, император «Роман велел прийти к нему кораблестро-

⁵³ Рассказ Лиутпранда: *Лиутпранд Кремонский*. Антаподосис; Книга об Отгоне; Отчет о посольстве в Константинополь / Пер. с лат. и коммент. И. В. Дьяконова. М., 2006. Антаподосис 5, XV.

ителям, и сказал им: “Сейчас же отправляйтесь и немедленно оснастите те хеландии⁵⁴, что остались. Но разместите устройство для метания огня не только на носу, но также на корме и по обоим бортам”. Итак, когда хеландии были оснащены согласно его приказу, он посадил в них опытейших мужей и велел им идти навстречу королю Игорю. Они отчалили; увидев их в море, король Игорь приказал своему войску взять их живьем и не убивать. Но добрый и милосердный Господь... укротил ветры, успокоив тем самым море; ведь иначе грекам сложно было бы метать огонь. Итак, заняв позицию в середине русского [флота], они [стали] бросать огонь во все стороны. Русы, увидев это, сразу стали бросаться с судов в море, предпочитая лучше утонуть в волнах, нежели сгореть в огне. Одни, отягощенные кольчугами и шлемами, сразу пошли на дно морское, и их более не видели, а другие, поплыв, даже в воде продолжали гореть; никто не спасся в тот день, если не сумел бежать к берегу. Ведь корабли русов из-за своего малого размера плавают и на мелководье, чего не могут греческие хеландии из-за своей глубокой осадки».

Византийский хронист, продолжая Хронику Амартола, умножил греческие силы, рассказав, что разбежавшийся после удара огненосных хеландий флот русов был окончательно добит атакой боевых кораблей: дромонов и триер⁵⁵. Это преувеличение. Рассеянные патрицием Феофаном, согласно Лиутпранду, у города Иерон, недалеко от пролива Босфор, русы высадились на берег к востоку от пролива и продолжали грабежи всё лето, с июня по сентябрь, пока императору не удалось стянуть в Малой Азии достаточно сильные войска.

⁵⁴ Хеландия (лат. *Chelandium*) — в арабских источниках шаланда (*ash-shalandiya*), вместительный глубоко сидящий транспортный и боевой корабль с заостренным носом и кормой, с небольшой кормовой надстройкой, большим парусом и гребными веслами, служившими для маневрирования.

⁵⁵ Дромон в это время — небольшое быстроходное судно с косым латинским парусом и одним рядом весел. Триера — крупное парусно-гребное судно с тремя рядами весел.

По продолжению Хроники Амартола (вошедшему в русский перевод XI века), «ущелевшие поплыли к восточному берегу... И послан был тогда по суше им наперехват из стратегов патриций Варда Фока с всадниками и отборными воинами. Росы отправили было в Вифинию изрядный отряд, чтобы запастись провиантом и всем необходимым, но Варда Фока этот отряд настиг, разбил наголову, обратил в бегство и убил его воинов. Пришел туда во главе всего восточного войска и умнейший domestik схол (командующий регулярной армией. — А. Б.) Иоанн Куркуас, который, появляясь то там, то здесь, немало убил оторвавшихся от своих врагов. И отступили росы в страхе перед его натиском, не осмеливались больше покидать свои суда и совершать вылазки».

Описанные в Начальной летописи и «Повести временных лет» зверства были совершены воинами Игоря именно в этот период. «Однако надвигалась зима, — продолжает греческий хронист, — у росов кончалось продовольствие, они боялись наступающего войска domestика схол Куркуаса, его разума и смекалки, не меньше опасались и морских сражений и искусных маневров патриция Феофана и потому решили вернуться домой. Стараясь пройти незаметно для флота, они в сентябре пятнадцатого индикта ночью пустились в плавание к фракийскому берегу, но были встречены упомянутым патрицием Феофаном и не сумели укрыться от его неусыпной и доблестной души. Тотчас же завязывается второе сражение, и множество кораблей пустил на дно и многих росов убил упомянутый муж. Лишь немногим удалось спастись на своих судах, подойти к побережью Фракии и бежать с наступлением ночи»⁵⁶.

⁵⁶ Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 147—148; Половой Н. Я. К вопросу о первом походе Игоря против Византии... С. 85—104. Ср.: Веселовский А. Н. Видение Василия Нового о походе русских на Византию в 941 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. Ч. 261. С. 85. Цит. по: *Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей* / Пер., ст., коммент. Я. Н. Любарского. СПб., 1992. Кн. VI. Царствование Романа, 39.

Итак, отягощенный добычей флот Игоря в сентябре 941 года был добит в море. Но князю с частью воинов все же удалось вернуться на Русь. Хорошо зная греческий источник, составитель «Повести временных лет» попытался придать этому набегу некоторый героизм, описав сначала жесточайшее сражение на суше, которое Игорь чуть не выиграл, и лишь затем разгром его флота с помощью страшного оружия греков. Возможно, такой подход был справедлив: иноземцы могли преувеличить значение первой стычки русов с Феофаном, якобы спасшим Царыград, на который Игорь, возможно, и не собирался нападать.

«Потом же, — сказано в «Повести временных лет» после описания зверств русов, — пришли воины с востока, Панфир domestik с сорока тысячами, Фока же патриций с македонянами, Федор же стратилат (воевода. — А. Б.) с фракийцами, с ними же и сановные бояре, окружили русь. И советовалась русь, и вышла против греков с оружием, и бой между ними был злой, — едва одолели греки. Русь же к вечеру возвратилась к дружине своей и ночью, сев в ладьи, отплыли. Феофан же встретил их в ладьях с огнем и стал пускать огонь трубами на ладьи русские. И было видно страшное чудо (греческий огонь, что-то вроде напалма. — А. Б.). Русь же, видя пламя, бросалась в воду морскую, стремясь спастись. И так оставшиеся возвратились домой. Пришедшие в землю свою, поведали каждый своим о происшедшем и о ладейном огне. “Будто молнию небесную, — говорили, — имеют у себя греки и, пуская ее, жгли нас; потому и не одолели их”».

«Игорь же, — завершает рассказ «Повесть временных лет», — вернувшись, начал собирать множество воинов и послал за море к варягам, приглашая их на греков, снова собираясь идти на них».

Эта героическая версия, конечно, устраивает нас больше, чем рассказ Начальной летописи о том, что Игорь сам не ходил в поход, но послал своих воинов, которых греки пожгли огнем, а после возвращения домой русь предалась безделью: «в том же лете препочила, и на другой год».

Смерть Вещего Олега

Но именно негероическая версия Начальной летописи нашла подтверждение у иностранцев. О том, что походом на греков где-то в 930—940-е годы командовал не Игорь, а некий воевода Х-л-г (H-l-g-w — Олег?), рассказывает недатированное письмо одного иудея, подданного хазарского кагана Иосифа (930—960-е годы), своему другу на Средиземном море. Первоначально «царь Руси» Х-л-г был нанят византийским императором Романом для войны против хазар. Но хазарский полководец разбил византийцев в Крыму и выбил Х-л-г(а) из захваченной им крепости Самкерц у Керченского залива. Тогда Х-л-г вынужденно принял предложение хазар напасть на Византию: «И пошел тот против воли и воевал против Константинополя на море четыре месяца. И пали там богатыри его, потому что македоняне осилили огнем. И бежал он, и постыдился вернуться в свою страну, а пошел морем в Персию, и пал там он и весь стан его. Тогда стали русы подчинены власти хазар»⁵⁷.

Совпадение сроков набега (четыре месяца) и первой (согласно летописям) встречи русов с греческим огнем в походе 941 года позволяет думать, что Х-л-г и летописный Олег вполне могут быть одним лицом. Для князя, собиравшегося воевать против каганата, было вполне уместно призвать славянские племена давать дань ему, а не хазарам. С тем ли Олегом заключили приведенный в «Повести временных лет» договор императоры Византии в 911 году, сказать нельзя. Но иудейско-хазарский автор совершенно уверен, что воевать против кагана Х-л-г начал именно по наущению империи.

Явно легендарная кончина Олега и спор летописцев о его могиле (от Киева до Ладоги) показывают, что вещий князь исчез как-то странно. Почему бы ему не

⁵⁷ Семенов И. Г. К интерпретации сообщения «Кембриджского Анонима» о походах Хельгу, царя Руси // Хазары. Второй международный colloquium. Тезисы. М., 2002.

пропасть на южном берегу Каспия, куда русы совершали военные походы с IX века? Они не отражены в летописании, прославлявшем деяния строго избранных героев, связанных с родом Рюрика, но от этого не менее внушительны, даже по рассказам противников древних русов.

Ибн Исфандийар в «Истории Табаристана» (XIII век) рассказал, что во времена правления эмира Алида ал-Хасана ибн Зайда (между 864 и 884) они напали на порт Абаскун, но эмир «перебил всех русов». В начале X века атаки русов совершались постоянно; «царь Ширваншах получил об этом известие, он приказал устроить в море засаду и, в конечном счете, ни одного из них не осталось в живых, и так частое появление русов в этой стране было приостановлено».

Путешественник из Багдада Аль-Масуди как раз в 940-х годах красочно описал набег русов на Каспий в 913 году. Русы пришли с Дона и Волги по договору с хазарским каганом, которому обещали половину добычи. Они разорили множество городов и разграбили берега. Закрепившись на островах в районе нынешнего Баку, они потопили флот царя Ширвана и несколько месяцев пиратствовали, после чего ушли на Волгу. Однако на переволоке в Дон русов атаковала конница кагана (15 тысяч всадников). В трехдневном сражении полегло 30 тысяч русов, 5 тысяч ушли вверх по Волге, а остальные, бросив корабли, сошли на западный берег реки, но были уничтожены буртасами и волжскими булгарами. И до сей поры, констатировал Аль-Масуди в 943 году, о набеге русов на Каспий не было слышно.

Однако Масуди поспешил со своим успокоительным заявлением. В том же 943 или 944 году русы, как буря, ворвались на Каспий и взяли крупный город Бердаа. Персидский историк, поэт и философ Ибн Мискавейх (ок. 932—1030) был искренне восхищен их силой и мужеством: «Народ этот могущественный, телосложение у них крупное, мужество большое, не знают они бегства, не убегает ни один из них, пока не убьет или не будет убит. В обычае у них, чтобы

всякий носил оружие. Привешивают они на себя большую часть орудий ремесленника, состоящих из топора, пилы и молотка... Сражаются они копьями и щитами, опоясываются мечом и привешивают дубину и орудие подобное кинжалу. И сражаются они пешими, особенно же эти, прибывшие [на судах]. Они проехали море, которое соприкасается со страной их, пересекли его до большой реки, известной под именем Куры, несущей воды свои из гор Азербайджана и Армении и втекающей в море... Когда они достигли Куры, вышел против них представитель Марзубана и заместитель его по управлению Бердаа... После того как они начали сражение, не прошло и часу, как русы пошли на них сокрушающей атакой. Побежало регулярное войско, а вслед за ним все добровольцы и остальное войско, кроме дейлемитов (местное правящее племя. — А. Б.). Поистине, они устояли некоторое время, однако все были перебиты, кроме тех среди них, кто был верхом. (Русы) преследовали бегущих до города. Убежали все, у кого было вьючное животное, которое могло увести его, как военные, так и гражданские люди и оставили город. Вступили в него русы и овладели им».

В богатейшем торговом городе Бердаа вождь русов решил укрепиться. Его люди объявили жителям: «Нет между нами и вами разногласия в вере. Единственно, чего мы желаем, это власти. На нас лежит обязанность хорошо относиться к вам, а на вас — хорошо повиноваться нам». Окрестные мусульмане напрасно пытались отбить город: «Русы выходили против них и обращали их в бегство». С местной знатью русам удалось сговориться, но простонародье выступало против иноземной власти. Тогда жители города были изгнаны силой, а часть их захвачена с целью получения выкупа. С мужчины брали 20 серебряных дирхемов, как русы брали за пленного в Царьграде по договору 911 года, но в золотых солидах (по договору 944 года — 8 золотых за взрослого). Похоже, цифра «20» была устойчивой суммой выкупа, да и вообще, на Руси считали двадцатками.

«Таким образом, скопилось у русов в городе Бердаа большое богатство, стоимость и достоинство которого были велики. Овладели они женщинами и юношами, прелюбодействовали с теми и другими и поработили их». Относительно милых сердцу персидского автора юношей спешу заметить, что в отрядах русов всегда было много женщин. Вообще, явившаяся в Бердаа со своим нехитрым скарбом и инструментами компания весьма напоминает славянских поселенцев, уже занявших обширные земли на Восточно-Европейской равнине и в X веке продолжавших движение на восток.

Среди мусульман был объявлен военный призыв. Эмир Азербайджана Марзубан ибн Мухаммед повел в бой 30 тысяч воинов, «но не мог сопротивляться русам, несмотря на большое число собранных им сил, не мог произвести на них даже сильного впечатления. Утром и вечером он начинал сражение и возвращался разбитым. Продолжалась война таким способом много дней, и всегда мусульмане были побеждены». Только когда среди русов началась эпидемия, Марзубану удалось разбить их военной хитростью, с помощью засады. И то русы сражались столь яростно, что победа показалась мусульманам чудом.

Вождь русов, схавший в битву на осле, был убит с 700 воинами, но оставшиеся ушли в крепость. Там русы гибли от эпидемии. «Когда умирал один из них, хоронили его, а вместе с ним его оружие, платье и орудия, и жену или кого-нибудь другого из женщин, и слугу его, если он любил его, согласно их обычаю. После того как дело русов погибло, потревожили мусульмане могилы их и извлекли оттуда мечи их, которые имеют большой спрос и в наши дни, по причине своей остроты и своего превосходства», — заметил Ибн-Мискавейх, указывая, таким образом, на наличие среди русов скандинавов, предпочитавших трупоположение с оружием славянскому трупосожжению.

Не дожидаясь окончания осады, русы подожгли крепость и прорвались к своим кораблям, стоявшим на реке Куре. Хотя их охраняло всего 300 русов, мусульмане не осмелились нападать на этот флот. Уход

страшного врага они восприняли как спасение. О том, что русы ушли непобежденными, сообщают и другие арабоязычные авторы. В Закавказье русы стали настоящей легендой. 160 лет спустя великий персидский поэт Низами сделал их сильнейшими противниками Александра Македонского, а его современник Шараф ал-Заман Тахир Марвази, вспоминая взятие Бердаа, написал: «Их мужество и храбрость хорошо известны, так что один из них равен нескольким из какого-либо другого народа. Если бы имели они лошадей и были всадниками, стали бы они великим бичом для людей». Воистину, прав был произнесший свое «Слово» на полвека раньше митрополит Иларион, говоря, что русские князья «не в худой и не в неведомой земле владычествуют, но в русской, о которой знают и слышат во всех четырех концах земли!»

«Слышал я от людей, которые были свидетелями [набега] этих русов, — завершал свою повесть Ибн-Мискавейх, — удивительные рассказы о храбрости их и о пренебрежительном их отношении к собранным против них мусульманам. Один из этих рассказов был распространен в этой местности, и слышал я от многих, что пять людей русов собрались в одном из садов Бердаа; среди них был безбородый юноша, чистый лицом, сын одного из их начальников, а с ними несколько женщин-пленниц. Узнав о их присутствии, мусульмане окружили сад. Собралось большое число дейлемитов и других, чтобы сразиться с этими пятью людьми. Они старались получить хотя бы одного пленного из них, но не было к нему подступа, ибо не сдавался ни один из них. И до тех пор не могли они быть убиты, пока не убили в несколько раз большее число мусульман. Безбородый юноша был последним, оставшимся в живых. Когда он заметил, что будет взят в плен, он влез на дерево, которое было близко от него, и наносил сам себе удары кинжалом своим в смертельные места до тех пор, пока не упал мертвым»⁵⁸.

⁵⁸ Якубовский А. Ю. Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 943—944 гг. // Византийский временник. Л., 1926. Т. 24; и др.

Вероятная гибель Вещего Олега в 943/944 году в Бердаа выглядит в столь возвышенно-героическом контексте даже лучше, чем превосходный рассказ составителя «Повести временных лет» о волхве, коне и змее. Хотя и смерть от болезни в Старой Ладоге, по Начальной летописи, — это смерть героя-победителя на пути с добычей домой. А уход непобежденных русов, оставивших местным народам непревзойденный пример доблести, напоминает подвиги сына Игоря и Ольги, великого князя Святослава.

Возможно, что летописцы не знали об этом героическом эпизоде: для них Вещий Олег просто исчез в Руси, оставив власть Игорю. Возвращение дружинников, потерявших вождя, но позорно не павших на поле брани вместе с ним, вряд ли было триумфальным. Учитывая явный скандинавский элемент, оно могло проходить не через Дон к Днепру, но по Волжскому пути далеко мимо Киева, в Ладогу, с которой более ранний летописец связал последнее упоминание об Олеге. В любом случае активная деятельность Олега во время якобы единоличного княжения Игоря не вписывалась в концепцию летописцев.

Гибель Игоря

Насколько героической выглядела смерть Вещего Олега — по любой из версий, — настолько жалкой признавали все гибель князя Игоря. Даже византийцы упоминали его имя исключительно в укоризненном смысле. Разумеется, составитель «Повести временных лет» пытался спасти положение, отправив Игоря в поход на Черное море и даже придав его опаленным греческим огнем портам оттенок героизма. Пылая после поражения 941 года мезью, Игорь якобы не пропал на два года, согласно Начальной летописи, но немедля стал собирать воинов для нового набега. Оправдать это смелое заявление «Повесть» не смогла. В следующем, 942 году «Повесть» (по Ипатьевскому списку) констатировала лишь одно событие: «В это лето родился Святослав у Игоря».

На следующий год тоже было затишье. Наконец, в 944 году (хотя ряд историков полагает, что все-таки в 943-м) «Игорь собрал воинов многих: варягов, и русь, и полян, и словен, и кривичей, и тиверцев, — и нанял печенегов, и заложников у них взял, — и пошел на греков в ладьях и на конях, желая отомстить за себя. Услышав об этом, жители Корсуни (греческого Херсонеса в Крыму, на месте современного Севастополя. — А. Б.) послали к [императору] Роману со словами: “Идет русь, без числа кораблей их, покрыли море корабли”. Также и болгары послали весть, говоря: “Идет русь, и наняли себе печенегов”. Услышав об этом, цесарь прислал к Игорю лучших бояр, моля и говоря: “Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег⁵⁹, и прибавлю еще к той дани”. Также и к печенегам послал паволоки и много золота.

Игорь же, дойдя до Дуная, созвал дружину, и начал думать, и поведал им слова цесаря. Сказала же дружина Игорева: “Если так говорит цесарь, то чего нам еще нужно, — не бившись брать золото, и серебро, и паволоки? Ибо кто знает, кто одолеет, мы или они? Или кто с морем в союзе? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской: всем общая смерть”. Послушал их Игорь и повелел печенегам воевать Болгарскую землю, а сам, взяв у греков золото и паволоки на всех воинов, возвратился назад и пришел к Киеву восвояси».

Греческие источники об этом несостоявшемся походе не знают. Откупаться от варваров и сглаживать их друг с другом было в традициях Византии. Подарки варварским вождям-архонтам стоили дешевле организации военного похода и много меньше оплаты потерь — подготовленный воин стоил очень дорого. Но в данном случае подтверждения слов летописи нет. Напрасно отдельные историки видят упоминание об этом походе у греческого хрониста. «В апреле месяце первого индикта, — пишет тот, — снова напали боль-

⁵⁹ В контексте составленной в начале XIII в. «Повести временных лет» это дань 907 г., полученная героическим завоевателем в Царьграде. В свете современного событиям иудейско-хазарского письма — плата Олегу за защиту Крыма от хазар.

шими силами турки. Выступивший на них патриций Феофан заключил с турками мирный договор и взял знатных заложников. После того пять лет сохранялся мир»⁶⁰. Турками византийцы называли венгров, о взятии русских заложников летопись не говорит, а мир Руси с Византией продлился гораздо дольше пяти лет.

Если бы поход большими силами русов и печенгов действительно состоялся, то как минимум Игорь и его дружина должны были обогатиться. А этого не случилось. Более того, договор, заключенный Русью и Византией в следующем, 944 или 945 году, говорит нам об ослаблении позиций Руси на переговорах. После поражения 941 года это выглядит естественно. Значит, масштабный «отмстительный» поход Игоря — такая же выдумка летописца, как и победоносный поход на Царьград Вещего Олега. В начале X века Русь всего лишь удачно договорилась с Византией о дипломатических отношениях и торговле, а в 940-х годах сделала империи значительные уступки.

В новом договоре, датированном в «Повести временных лет» 945 годом, император Роман (свергнутый в декабре 944 года) в целом подтвердил послам «великого князя Игоря Русского», его сына Святослава, княгини Ольги и «всех князей» (в числе которых, как мы помним, упомянуты «Володислав», «Предслава», «жена Улебова» и др.) старые условия мира, но... обязал «князей русских» воевать на стороне Херсонеса — колонии Византии в Крыму, за охрану которого ранее получал деньги Х-л-г. Русы должны были охранять греческие владения и запретить своим людям зимовать в устье Днепра. Греки, совершившие преступления против руси, не могли быть подвергнуты казни, но передавались правосудию императора. Договор фиксировал подчиненное положение Руси не просто к Византии, но к ее крымской колонии.

Этому договору Игорь с дружинниками принес присягу в присутствии греческих послов, на холме

⁶⁰ *Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Кн. VI. Царствование Романа, 39.*

в Киеве, сложив перед идолом Перуна свое оружие, щиты и золото. Его воины и купцы христианской веры клялись Богом «в церкви Святого Ильи над Ручьем», сообщает летописец: «это была соборная церковь, ибо многие варяги были христианами». Одарив и отпустив имперских послов, «Игорь начал княжить в Киеве, мир имея ко всем странам. И настала осень. И начал мыслить на древлян, хотя добыть большую дань».

Казалось бы, после успешного похода и заключения мира, за который греки всегда готовы были платить, Игорь с дружинниками не должен был особо нуждаться в средствах. Но летописцы, с этого момента абсолютно единодушные, говорят нам об обратном:

В 945 году «сказала дружина Игорю: “Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, и себе добудешь, и нам”. И послушал их Игорь — пошел к древлянам за данью. И прибавил к прежней дани новую, и творили им насилие мужи его. И взяв дань, пошел он в свой город. Идя назад, поразмыслив, сказал своей дружине: “Идите вы с данью домой, а я возвращусь и похожу еще”. И отпустил дружину свою домой, а с малой же дружиной возвратился, желая большего имения. Услышав древляне, что опять идет, подумали с князем своим Малом и сказали: “Если повадится волк к овцам, то вынесет по одной все стадо, если не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит”. И послали к нему, говоря: “Зачем идешь опять? Взял уже всю дань”. И не послушал их Игорь. И древляне, выйдя из города Искоростеня, убили Игоря и дружину его, ибо было их [дружинников] мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня в Древлянской земле и до сего времени».

Четверть века спустя об участии Игоря напомнил его сыну Святославу император Иоанн Цимисхий: «Полагаю, что ты не забыл о поражении отца твоего Игоря, который, презрев клятвенный договор, приплыл к столице нашей с огромным войском на 10 тысячах судов, а к Киммерийскому Боспору прибыл едва лишь с десятком лодок, сам став вестником

своей беды. Не упоминаю уж я о его жалкой судьбе, когда, отправившись в поход на германцев, он был взят ими в плен, привязан к стволам деревьев и разорван надвое. Я думаю, что и ты не вернешься в свое отечество, если вынудишь ромейскую силу выступить против тебя, — ты найдешь погибель здесь со всем своим войском, и ни один факелоносец не прибудет в Скифию, чтобы возвестить о постигшей вас страшной участи»⁶¹.

Не важно, что император в запале спутал древлян с германцами. Историки сочли русскую летопись и греческий рассказ равно достоверными. Они даже соединили эти рассказы в один, не сомневаясь, что древляне разорвали русского князя, привязав его к двум склоненным деревьям, как славяне делали, для острастки, с волками.

Жалкая гибель ленивого, жадного и незадачливого князя долго маскировала значительно более важный факт. Именно с этого момента две древнерусские летописи, до того почти во всем противоречившие друг другу, внезапно стали писать одно и то же. И эти сведения вдруг стали точно соответствовать иностранным источникам, не будучи переписаны из них!

Древнейшее сказание

Поразительное единство текста летописей началось статьей о неудачливости и гибели князя Игоря в 945 году. Оно продолжалось подробным и точным описанием деятельности княгини Ольги, рассказом о подвигах ее сына Святослава и завершилось известием об утверждении ее внука Владимира на великокняжеском престоле в Киеве (11 июня 978 года, но в летописях ошибочно — 980 год). Предыдущие события были для летописцев туманным предметом гаданий и вычислений. Но и последующие, более близкие к ним по времени события на Руси представлены в летопи-

⁶¹ *Лев Диакон*. История. М., 1988. Кн. VI, 10. С. 57.

сании более туманно и легендарно, чем рассказ о временах княгини Ольги.

«Историки, — удивлялся этому обстоятельству академик М. Н. Тихомиров, — относящие создание летописи ко второй половине XI столетия, не могут ответить на вопрос, почему повествование о Владимире Святом и Ярославе Мудром включает более легендарные мотивы (о белгородском киселе, богатыре-кожемяке), чем рассказ об Игоре и его потомстве. Не могут они ответить и на другой вопрос: по какой причине летописное повествование о Владимире и Ярославе носит более компилятивный характер, изобилует большим количеством вставных статей, чем рассказ о событиях второй половины X в. Объяснить такую особенность летописного повествования легче всего, если предположить, что существовало особое произведение, рассказывавшее о судьбах Руси» — со смерти Игоря до вокняжения Владимира Святославича⁶².

Ответ, по мнению М. Н. Тихомирова, может дать только летописеведение, поставленное на научную основу академиком А. А. Шахматовым. Тот еще в конце XIX века установил и научно издал текст Начального летописного свода, предшествовавшего «Повести временных лет», и доказывал, что Начальной летописи предшествовал Древнейший свод конца 1030-х годов⁶³, представления о котором углубили к середине XX века еще три академика.

А. В. Черепнин отнес создание Древнейшего свода к 997 году⁶⁴. Д. С. Лихачев, не сомневаясь в датировке произведения второй четвертью XI века, утверждал,

⁶² Тихомиров М. Н. Начало русской историографии // *он же*. Русское летописание. М., 1979. С. 57—66 (ранее: Вопросы истории. 1960. № 5).

⁶³ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; *он же*. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938 (обе книги переизданы в одном томе: Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., 2001).

⁶⁴ Черепнин А. В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. М., 1949. Т. 25. С. 293—333.

что это было еще не летописное, не разбитое по годам сказание⁶⁵. М. Н. Тихомиров в указанном выше труде примирил обе точки зрения, изучив состав и содержание не разделенного на годы «Сказания о русских князьях X века», наиболее раннего русского источника летописания. «Сказание о русских князьях X в., — по словам М. Н. Тихомирова, — начиналось с повествования об убиении Игоря и кончалось известием о вокняжении Владимира в Киеве 11 июля 978 г.».

Этот «древнейший памятник славянской историографии», который я буду называть Древнейшим сказанием, появился, когда была свежа память о временах княгини Ольги (после ее смерти в 969 году прошло от 9 до 48 лет), и через какое-то непродолжительное время был записан. Именно обращением летописцев XI—XII веков к Древнейшему сказанию объясняются их удивительная осведомленность о событиях 940—970-х годов сравнительно с более поздними известиями и не менее удивительное единство текстов Начальной летописи и «Повести временных лет» в рассказе об Ольге, ее сыне и внуках.

Однако, как подчеркнул М. Н. Тихомиров, это было именно сказание, а не летопись. Его текст не был разделен на погодные статьи, а многие события не были датированы. Поиски дат и разделение текста происходили уже в XI веке (вероятнее всего, во второй его половине), а выявленные четверьмя академиками⁶⁶ вставки в первоначальный текст делались и в XI, и в начале XII века.

«Вставка годов была сделана примитивно, — отметил Тихомиров, — когда-то единый текст оказал-

⁶⁵ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 35—172; *он же*. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. 2-е изд. М., 1979. С. 46—140; и др.

⁶⁶ Интересно, что двое из них были выдающимися филологами (А. А. Шахматов, Д. С. Лихачев), а двое — крупнейшими историками-источниковедами (М. Н. Тихомиров и Л. В. Черепнин). С Лихачевым и Черепниным мне посчастливилось сотрудничать, у учеников Тихомирова я учился.

ся разорванным на отдельные годы. Так, после слов: “И реща дружина Игореве: се дал еси единому мужеве много”, — поставленных под 922 г. (6430), в Новгородской Первой летописи имеется продолжение под 945 г. (6453): “отрочи Свенелжи изоделися суть оружием и порты”. Таким образом, хронологически начало фразы отделено от ее продолжения 23 годами.

Такой же разрыв в повествовании путем введения заголовка (“начало княжения Святослава” и др.) имеется и дальше. Рассказ о мести Ольги кончался словами: “А Ольга възвратися в Киев и пристрой вои на прок их”; непосредственное же продолжение этих слов поставлено под 946 г. (6454) (“иде на Деревскую землю”). Новый разрыв повествования сделан в результате вставки 947 г. (6455), в силу чего первоначальный текст оказался разделенным на две фразы: первая — “и прибывше лето едино” и вторая — “иде Ольга к Новугороду”.

Явной вставкой является обозначение 969 г. (6477), разделившее первоначальный текст на две фразы: (Святослав) “собра воя и прогна печенегы в поле и быть мирно” и “рече Святослав к матери своей и к боярам”. Такого рода вставки в текст сказания об Игоре и его потомках отмечены были уже А. А. Шахматовым в его реконструкции Древнейшего свода».

К работе летописца XII века относилось несколько содержательных вставок, менявших первоначальный смысл текста, например, о сожжении мстительной княгиней столицы древлян Искоростеня, в то время как по Древнейшему сказанию она умиралась с древлянами. Эти вставки мы, безусловно, учтем в рассказе о княгине, а отсутствовавшие в первоисточнике даты событий X века, над которыми ломали голову летописцы спустя сто и более лет, будем уточнять по другим материалам.

Эти детали не мешают осознать главное: в ранней истории Древней Руси именно с княжения Ольги начинается недолгий период, когда вместо позднейших и мифологических по содержанию легенд мы имеем максимально достоверный для тех времен рассказ о

реальных событиях русской истории, сохраненный в Древнейшем сказании.

Построение Тихомирова, завершившее в древней части принятую в фундаментальной науке концепцию Шахматова⁶⁷, основано на столь твердом материале, что доселе не вызывает возражений. В отличие от гипотетических летописей и сводов (играющих роль в системе летописеведения) Древнейшее сказание имеет для историков практический интерес, поскольку текст его известен. С примитивной, грубо разрывающей рассказ вставкой годов, заглавий и незначительными дополнениями он вошел в летописание как его самая стабильная часть. Рассказ о княгине Ольге драматически открывает Древнейшее сказание.

Но если Древнейшее сказание почти не различается в редакциях летописей, логичен вопрос: что нового дает историкам знание, добытое летописеводами? Очень многое, если обратить внимание на то, чего в окружающем Ольгу историческом контексте в Древнейшем сказании *нет*. Например, там нет разбивки по годам от Сотворения мира и попытки «натянуть» их на византийскую хронологию. В результате старушка Ольга не вынуждена рожать своего единственного сына Святослава через много десятков лет после выхода замуж за Игоря, подгадав момент, когда мужу исполнилось не менее шестидесяти.

Именно оценку *сравнительной* достоверности сведений М. Н. Тихомиров считал первым и важнейшим выводом из правильного понимания вопроса о начале русской историографии. «Принимая за дату написания

⁶⁷ В текстологической парадигме Шахматова работали крупнейшие летописеведы: М. Д. Присёлков, Д. С. Лихачев, А. В. Черепнин, М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков, А. Н. Насонов, М. Х. Алешковский, О. В. Творогов, Я. С. Лурье, Б. М. Клосс и др. Сомнения в существовании Начального свода как предшественного «Повести временных лет» высказывали В. М. Истрин в 1920-х и А. Г. Кузьмин в 1960—1970-х гг., причем последний отвергал метод системного анализа сводов, честно поставив во главу угла принцип удобства историка (которым пользуются многие).

первых летописных известий середину или вторую половину XI в., — иронизировал академик, — многие историки со странной непоследовательностью вполне серьезно цитировали и комментировали летописные сказания, относящиеся даже к IX в. В силу этого, например, легенда о призвании князей трактовалась как известие достоверное, хотя тут же сказание о Кие, Щеке и Хориве зачислялось в разряд преданий».

К княгине Ольге эта ирония относится непосредственно. Историки не раз ухитрились отбросить как несущественное указание Древнейшего сказания X века на то, что княгиня внезапно осталась вдовой с маленьким сыном на руках, в пользу даты ее свадьбы с Игорем в 903 году, появившейся только в летописи начала XII века. Раз княгиня не могла оставаться бездетной до начала 940-х годов, говорили они, то Святослав к моменту ее вдовства был уже взрослым князем! Указание Древнейшего сказания на то, что княжич в 945 году был ребенком, а Ипатьевской летописи, что он родился в 942 году, так же смело решались отбросить.

Мы не будем пытаться насиловать материал в пользу понравившейся концепции. Только понимание истории развития древнерусской историографии является критерием научной оценки достоверности тех или иных сообщений. Конкурирующий критерий — удобство историка — существует в литературе, но не может восприниматься в науке иначе как шутка.

В Древнейшем сказании нет даты свадьбы Игоря и Ольги. Нет рассказов о подвигах Вещего Олега и тем более нет ранней даты его сокрушительного, но, как выяснилось, виртуального похода на Царыград. Нет ни Аскольда и Дира, ни Рюрика, ни легенды о варягах-руси, загадочно говоривших по-славянски, ни красивого мифа о Кие, Щеке, Хориве, сестре их Лыбеди и основании Киева князем или перевозчиком. История Руси начинается ошибками и смертью незадачливого первого князя Игоря, мудрая вдова которого строит государство.

Эта версия Древнейшего сказания никак не отрицает трудов последующих летописцев, оставивших нам свои концепции и море связанных с ними, часто зага-

дочных для нас сведений. В свою очередь, и их версии рождения русской государственности не могут заставить нас отказаться от более раннего и поэтому более авторитетного взгляда на начало Руси в Древнейшем сказании о ее истории.

Еще интереснее узнать, в какой последовательности привычный для нас исторический контекст вокруг Ольги формировался. Примерно в конце X века было составлено Древнейшее сказание о строительстве Русского государства княгиней Ольгой, подвигах ее сына Святослава и приходе к власти внука Владимира. Из предшествующей княжению Ольги истории Древнейшее сказание включало только рассказ об убитом древлянами князе Игоре — том самом, которого митрополит Иларион, выступая в Святой Софии Киевской до начала русского летописания, именовал «старым Игорем» и раньше которого не знал русских князей.

Оставшаяся без мужа и дружины, но с маленьким сыном княгиня подавила восстание древлян, установила в стране единые законы, ввела налоги, устроила пути сообщения, съездила в Царьград, приняла христианство и наладила отношения с Византией, перехитрив императора. Несоответствие этих достижений ничтожным средствам, которыми располагала княгиня Ольга, потрясло автора Древнейшего сказания. Сказитель не ограничился рассказом об образцовой мести Ольги за мужа и не просто описал ее подвиги — он начал с них саму историю Русского государства.

Краткий рассказ Древнейшего сказания о князе Игоре, «сидевшем» в Киеве, пока его воевода Свенельд безуспешно «примучивал» уличей (которые попросту ушли), а затем брал себе (а не ленивому князю) дань с древлян, вполне анекдотичен. Его суть в том, что дружина непутевого мужа Ольги осталась без «портов», а двинувшись за данью, потеряла князя, назидательно казненного древлянами. И мы могли бы, посмеявшись над Игорем, счесть рассказ о нем лишь удачным зачином дружинного сказания о мести Ольги, если бы в таком же точно контексте о князе не упомянул Лев Диякон, византийский историк второй половины X века.

Здесь уместно вспомнить, что не Игорь, а его жена Ольга была первой из русских правителей, чье имя с уважением упоминалось за рубежом. Император Константин VII Багрянородный в книге «О церемониях византийского двора» описал беспрецедентно почетные приемы в своем дворце «Эльги, архонтиссы России», о ее муже и крещении не упоминая⁶⁸. Только в XI веке византийский хронист Иоанн Скилица поправил оба «упущения» лично принимавшего Ольгу императора: «Супруга государя Руси, некогда приводившего флот против ромеев, по имени Эльга, по смерти своего мужа прибыла в Константинополь. Крестившись... она была почтена по достоинству»⁶⁹.

Бурно обсуждаемая в литературе проблема крещения Ольги нас в данном случае не волнует: описанное в Древнейшем сказании крещение в Константинополе от императора все же подтверждено византийцами⁷⁰. Важно, что Константин не счел нужным упоминать о муже княгини, хотя о существовании его в прошлом знал. В принятом им посольстве с Ольгой были представители ее сына Святослава, а образ жизни русских «архонтов», описанный Константином в трактате «Об управлении империей», соответствует рассказу Древнейшего сказания о княжении Игоря; император даже упоминает здесь об «Ингоре» как «архонте России», отце «Сфендослава»⁷¹.

В Византии эти «архонты» торговали или пытались грабить. О таком неудачном грабеже и вспомнил в 971 году император Иоанн Цимисхий, воюя на Ду-

⁶⁸ Текст: *Литаурин Г. Г.* Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. Проблема источников // Византийский временник. 1981. Т. 42. С. 42—44.

⁶⁹ *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX—XI вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 114. Это сообщение повторил в XII в. хронист Иоанн Зонара: *Бибииков М. В.* Византийские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2000. С. 118 и след.

⁷⁰ Исчерпывающе: *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси. С. 260—292.

⁷¹ Константин Багрянородный об управлении империей. М., 1991. С. 44/45 (текст и перевод).

нае с подростшим сыном Ольги и Игоря Святославом⁷². Плачевно окончившийся поход Игоря на Византию в 941 году был, как мы помним, известен грекам очень хорошо. Имя вождя варваров-росов, который нарушил с империей «клятвенный договор», упоминалось в Константинополе (хотя хазары, описавшие политическую подоплеку похода, были убеждены, как мы помним, что флотом в 941 году командовал Х-л-г, Олег, который в 943—944 годах ходил в Закавказье и там умер⁷³). Но императоров имена роских вождей не особо интересовали до тех пор, пока в Константинополь не явилась Ольга, а затем не понадобилось урезонивать буйного Святослава неудачливостью его отца Игоря.

Иоанн Цимисхий не случайно ошибся, назвав казнивших Игоря древлян «германцами». В германской хронике освещены отношения с Русью, начавшиеся в 959 году с прибытия к королю Оттону (первому императору Священной Римской империи с 962 года) «послов Елены, королевы ругов, которая при Романе, императоре Константинопольском, крестилась в Константинополе»⁷⁴. Ольга, в крещении Елена, обращалась к Оттону с просьбой «поставить епископа и пресвитеров» на Русь, так что византийцы, настороженно следившие за политической и миссионерской деятельностью своих противников-германцев и заинтересованные в собственной христианизации Руси, должны были об этом посольстве знать. Цимисхию не мешало напомнить Святославу, какие враги эти германцы!

⁷² *Лев Диакон*. История. С. 57.

⁷³ *Галб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X в. М., Иерусалим. 1997. С. 134—142 (текст Кембриджского документа).

⁷⁴ Сообщение Хроники продолжателя Регинона повторили многие хронисты X—XI вв., причем уже Титмар Мерзебургский исправил «ругов» на «Русь». См.: *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси. С. 261; *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 107—109. Взошедший к этому времени на престол император Роман царевичем присутствовал за столом на приеме Ольги своим отцом Константином.

Итак, в середине X века княгиня Ольга-Елена была первым правителем Руси («архонтессой» или «королевой»), имя которой считали достойным упоминать при дворах византийского и германского императоров. Во второй половине X века вместе с ее сыном Святославом в Византии припомнили бесславный конец Игоря, потопление флота которого автор Древнейшего сказания в конце века предпочел не упоминать (если в дружинной среде о нем рассказывали).

Итоги

С точки зрения распространенных сегодня представлений, что Ольга после смерти мужа спасала могучее Русское государство, создание которого описали позднейшие летописцы, ситуация в Древнейшем сказании на конец X века сложилась обидная. Где, спрашиваем мы, героические князья, «призываемые» на Русь истомившимся по «порядку» народом, объединяющие племена восточных славян и финно-угров, прибывающие щит на врата Царьграда и заставляющие дрожать Империю ромеев?

Примерно такой вопрос задавали себе наши предки после Крещения Руси Владимиром Святым в 988 году и особенно в связи с ее просвещением при Ярославе Мудром (1019—1054). Приобщение Руси к культуре христианского мира в новых школах, храмах и монастырях поставило перед русскими вопрос о национальном самоопределении.

В обращенном к Ярославу «Слове о законе и благодати» первый родом русский митрополит Иларион в середине XI века прославил князя Владимира, предки которого «не в худой и не в неведомой земле владычествовали, но в Русской, которая ведома и слышима есть всеми четырьмя концами земли». Крестив Русь, князь не сделал ее младшим братом Византии, как полагали приехавшие просвещать ее верой ромеи, но открыл новую страницу истории, на которой русские являются избранным Богом народом. Национальная

историческая концепция Илариона легла в основу зародившегося при Ярославе летописания: подобного хроникам рассказа о событиях по годам.

Древнейшее сказание, сложившееся в дружинной среде в конце X века, было записано в XI веке, возможно, в 1030-е годы. К середине века летописи, вероятно, уже велись в Киеве и Новгороде. А в 1073—1093 годах иноками Киево-Печерской обители был создан Начальный летописный свод. Помимо Древнейшего сказания и продолживших его киевских и новгородских летописей в свод вошли предания о племенах восточных славян и их соседях с V века, в том числе по византийской хронике, причем летописец (предположительно Никон Великий) старался привести историю Руси в соответствие с мировой хронологией.

Созданию государства Ольгой Никон Великий предпослал легенды об основателях Киева Кие, Щеке, Хориве и сестре их Лыбеди, объединении племен призванной из-за моря династией Рюриковичей, князьях Аскольде и Дире, подвигах Вещего Олега и князя Игоря. Включив сказание о крещении Владимира в Корсуни, а не в Киеве, он представил принятие христианства как завоевание веры у Византии.

Начальная летопись была сохранена и продолжена новыми записями в Новгородской I летописи XII—XV веков, а в начале XII века переработана в «Повести временных лет». Ее составитель хорошо знал жития святых и византийские хроники, смело использовал фольклор. Он прекрасно разбирался в географии, гораздо подробнее, чем автор Начальной летописи, рассказал о происхождении и обычаях восточных славян, их внутренних и международных отношениях V—IX веков. В «Повести» была усилена легенда о призвании князей, изменено описание походов на Византию, приведены договоры Руси с греками. Просвещение Руси было поставлено в ряд со строительством государства и утверждением православия. Включившая огромный круг знаний, написанная ярко и увлекательно, «Повесть временных лет» стала начальной частью почти всех летописных сводов.

Летописи создавались для князей, которых авторы прославляли и наставляли служить Русской земле, бояр и дружинников, именитых горожан и деятелей Русской церкви. Повествование рождало в них чувство гордости за древнюю историю славян и Руси, которое испытываем и мы. Отвергать рассказы Начальной летописи и «Повести временных лет» только потому, что они появились много позже событий, никто не собирается. Но в интересах объективности истории полезно оценить сравнительную достоверность рассказов о княгине Ольге и предшествовавших ей князьях-разбойниках.

Подвиги князей, совершавших лихие набеги на христианскую империю, описаны с воодушевлением и являются несомненным литературным достижением летописцев. Однако рассказы о них имеют два недостатка: в «Повести временных лет» они изложены иначе, чем в Начальном своде, при этом оба летописных свода повествуют о набегах, оставшихся не замеченными их цивилизованными жертвами.

Когда за сто лет до смерти князя Игоря окрестности Константинополя грабили северные варвары (в которых легко видеть объединенные воинства варягов, восточных славян и финно-угров), византийцы о них с должным ужасом писали. А когда, по Начальной летописи, гавань Царьграда в 920 году выжег Игорь, в империи его не заметили. По той же летописи, в 922 году Олег ходил вокруг Константинополя посуху под парусами, взял огромную дань, прибил на врата свой щит, но его всё равно не увидели. В «Повести временных лет» этот поход Олега датирован 907 годом. В результате вековых усилий подтвердить эту дату полюбившие летописных князей-разбойников в версии «Повести» историки нашли, что, возможно, появление россов под Константинополем упоминалось в несохранившемся фрагменте одной из версий хроники Симеона Логофета под 905 или 906 годом⁷⁵. То есть как только

⁷⁵ *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. Возможные упоминания набега начала X в. видят и в трудах императора Льва VI по военному делу: *Бибиков М. В.* Византийские источники. С. 114—115.

речь идет о набегах болгар — всё зафиксировано, а о «подвигах» русов — так нет.

Арабы о переменных успехах русских грабежей на Каспии как раз во времена Игоря рассказали⁷⁶, хотя более близкие к Руси хазары были убеждены, что в начале 940-х годов русов водил в набеги Олег. По хронологической раскладке Начальной летописи Олег скончался до 923 года, когда после победоносного похода на Царьград в 922 году «пошел... к Новгороду, а оттуда в Ладогу. Другие же говорят, будто пошел он за море, и укусила змея в ногу, и оттого умер; есть могила его в Ладоге». Согласно «Повести временных лет», поведавшей нам знаменитую историю с любимым конем и волхвом, Олег умер еще в 912 году и был похоронен в Киеве «на горе, называемой Щековицей. Есть могила его и доньне, зовется могилой Олеговой», — уверил читателя самый поздний из разбираемых летописцев.

Легко понять, почему научный вывод о последовательности создания рассказов Начальной летописи и «Повести временных лет» не вызывает восторга у ряда историков, которые не видят в сравнении их текстов ничего хорошего. В Начальной летописи Олег — «мудрый и храбрый» воевода Игоря, который и сам «храбр и мудр». В «Повести» «умер Рюрик и, передав княжение свое Олегу, родичу своему, отдал ему на руки сына Игоря, ибо тот был еще мал». В Начальной летописи Игорь с Олегом пошли вниз по Днепру и обманом убили неведомых Аскольда и Дира. В «Повести» Аскольд и Дир были «боярами» Рюрика, прославились походом на Царьград в 866 году, а в 882 году были убиты Олегом, который действовал один: Игорь был так мал, что его носили на руках. В Начальной летописи ставил города и платил дань варягам Игорь, в «Повести временных лет» — Олег. И т. д.

Очевидно, что даже в рассказах об Олеге и Игоре, не говоря о совсем уж мифическом Рюрике и его загадочном роде варягов-руси, мы имеем дело с весь-

⁷⁶ Коновалова И. Г. Восточные источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2000. С. 221—225.

ма вольной интерпретацией легенд через столетие с лишком после смерти княгини Ольги, в более древнем рассказе о которой нет противоречий. Единственный случай, когда добавленный в «Повесть» рассказ о походе Игоря на Византию в 941 году совпал с византийской хроникой, текстологи объяснили давно: летописец его у греков и переписал⁷⁷. А вот победоносного похода Игоря к рубежам империи в 944 году у имперских авторов (как и в Начальной летописи) нет. Да и откуда взяться, если якобы заставившая греков платить выкуп дружина в летописи уже осенью говорит князю, что не имеет портов? (Тут Начальная летопись и «Повесть» уже полностью совпадают, поскольку с этого момента передают текст Древнейшего сказания.)

Тенденцией «Повести временных лет» относительно Начальной летописи было удревнение Рюриковичей, больно затронувшее Ольгу. В Начальной летописи Игорь сам «привел себе жену от Плескова, именем Ольгу, и была мудра и смысла, от нее же родился сын Святослав». В «Повести» этот текст, ранее не имевший даты, был помещен под 903 год и переделан в пользу введенного в рассказ княжения Олега: «Игорь вырос и собирал дань после Олега, и слушались его, и привели ему жену из Пскова именем Ольгу...» (а «княжить» юноша начал через десять лет, в 913 году). Однако монах-летописец в «Повести временных лет» не подумал изменить текст Начальной летописи (из Древнейшего сказания) о том, что в 945 году Святослав был совсем мал («детеску») и в 946 году едва смог перекинуть копые между ушами коня.

То, что летописца не трогали страдания княгини, вынужденной по его воле рожать в преклонном возрасте от старичка-мужа, понять можно. Он сам объ-

⁷⁷ Обычно ссылаются на Житие Василия Нового (*Вилинский С. Житие св. Василия Нового в русской литературе. Одесса, 1913. Ч. 1—2. Исследование и тексты*), датируя его первый русский перевод по использованию в статье 941 г. в «Повести временных лет». Это удобное для филологов построение историко-ведчески излишне, так как все характерные детали приведены Симеоном Логофетом в «Русском Амартоле».

яснил, что руководствовался в хронологии высшими соображениями, ведя отсчет от 852 года, когда «стала называться Русская земля. Узнали мы об этом потому, — рассказывает «Повесть», — что при этом царе (Михаиле. — А. Б.) приходила русь на Царьград, как пишется об этом в летописании греческом. Вот почему с этой поры начнем и числа положим».

Хронологические идеи составителей «Повести временных лет» и Начальной летописи подробно рассмотрены летописеводами. Нам важнее их политическая составляющая — стремление притянуть жившего в середине X века Игоря, попавшего в Древнейшее сказание в качестве незадачливого мужа Ольги, а главное — легендарного Олега, заключившего договор с ромеями в 907 году и, судя по Кембриджскому документу, действовавшего в начале 940-х годов, — к героическому походу русов на Царьград в IX веке. Растянув жизнь Игоря и женив младенца в 903 году, уморив удревненного Олега еще в 912 году, «Повесть» убеждала неискушенного читателя, что Рюриковичи появились на Руси аж в 862-м.

Однако в мировой хронологии «почти» не считается. Переделав канву Начальной летописи, «Повесть временных лет» все же «не попала» подвигами Рюриковичей в годы реальных походов росов IX века на Царьград: последний из них описан в византийских и латинских текстах под 860 годом (он по греческому источнику⁷⁸ отнесен в Начальной летописи просто к «русии», без даты, а в «Повести» произвольно приписан Аскольду и Диру под 866 годом).

При этом удревнял события еще и составитель Начальной летописи! Описанный им неудачный поход Игоря на Царьград в 920 году, когда патриций Феофан пожег его флот греческим огнем, датирован в визан-

⁷⁸ См. Хронику Георгия Амартола, продолженную в X в. (до 948 г.) Симеоном Логофетом: *Истрин В. М.* Книги времени и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исслед. и словарь. Т. 1—3. Пг., 1920—1930 (с греч. оригиналом). Подробно: *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси. С. 48—59.

тийской хронике и по ней в «Повести временных лет» 941 годом. То есть составитель «Повести» растягивал хронологию, уже растянутую в Начальной летописи, и героизировал князей, слава которых и до него была «несколько преувеличена». Отсюда возникли все неприятности историков, вынужденных выдумывать двух-трех Олегов и двух Игорей (или одного в стиле нестигаемых библейских старцев; при этом проблемы рожавшей от него Ольги никого не волнуют).

Объективно затея составителей Начальной летописи и особенно «Повести временных лет» показать, что в Царьград с успехом ходила не только Ольга, провалилась. Но в период формирования российской науки сомневаться в родословной легенде Рюриковичей было неудобно, а к XX веку каждое слово «Повести временных лет» превратилось в священное писание. Историкам до сих пор проще писать тома в полемике о происхождении Рюрика, чем усомниться в существовании этой «священной коровы», ни имя, ни сомнительная дата появления которой на Руси для истории строительства государства не важны⁷⁹.

С позиции ложного патриотизма огорчительно, что летописцы XI—XII веков не углубили родословную легенду еще немного, отнеся ее в первое 40-летие IX века, когда «Русский каганат» проявил максимальную военно-политическую активность, а смутность датировок европейских и восточных источников не позволила бы сомневаться в подвигах князей-разбойников⁸⁰.

С точки зрения объективности странно, что историки не обращают внимания на четкую привязку летописцами появления династии Рюриковичей к Новгороду. Новгород, по данным археологии, зародился,

⁷⁹ Это разъяснено: *Сахаров А. Н.* Рюрик, варяги и судьбы российской государственности // Сборник Русского исторического общества. № 8 (156). М., 2003. С. 17.

⁸⁰ См.: *Новосельцев А. П.* Восточные источники о славянах и Руси в VI—IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XI—XIII вв. М., 1982. С. 284—294.

самое раннее, на рубеже IX—X веков и оформился как город к 920-м годам⁸¹. Как раз ко времени, которым Никон Великий датировал первые походы Рюриковичей (920 и 922), пытаясь удревнить их появление на Руси. В договоре Олега 907 года с ромеями указаны Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов и Любеч: «ибо по тем городам сидят князья (в Ипатьевской летописи; в Лаврентьевской — «великие князья». — А. Б.), под Олегом сущие»⁸². Новгород как подвластный этой иерархии русских князей город не упомянут. Он появляется в летописании вместе с Рюриковичами, которых древнерусские авторы пытались представить единственными князьями вместо множества реально существовавших, но вычеркнутых из истории великих и светлых русских князей.

С точки зрения летописевода смысл переделок и значительного расширения рассказов о ранней истории Руси в XI—XII веках совершенно ясен. Первоначально история начиналась Ольгой — одной из русских женщин, которые, судя по договорам с ромеями, действовали вместе с великими и светлыми князьями Руси. Год ее прихода к власти (945) — первый в собственно русской истории, соответствующий мировой хронологии. Она — первый правитель Руси, названный по имени при византийском и германском дворах. В конце X века автор Древнейшего сказания описал леность, жадность и смерть Игоря, чтобы показать, в каких условиях начала действовать Ольга. Только в конце XI века в Начальную летопись попали князья Аскольд и Дир, Рюрик и Олег. Подвиги Игоря и особенно произведенного в князья Вещего Олега были ярко расписаны в «Повести временных лет» в начале XII века. Ольга была оттеснена на второй план, но из истории государства не вычеркнута; более того, жи-

⁸¹ Носов Е. Н. Новгород и новгородская округа IX—X вв. в свете новейших археологических данных (к вопросу о возникновении Новгорода) // Новгородский исторический сборник. 1984. Вып. 2 (12). С. 3—38; и др.

⁸² Никитин А. А. Текстология... С. 48.

вописные рассказы о князьях и грубо вставленные в текст договоры их с ромеями были прямым откликом на совершенное Ольгой в Царьграде, явной попыткой уподобить легендарных князей-разбойников реальной великой правительнице.

Древнейшее сказание конца X века начинало историю Руси с Ольги не потому, что его составитель не слышал легенд о более древних владыках. (И легенды, и сами владыки, несомненно, были, причем их — легенд и владык — было гораздо больше, чем попало в летописание Рюриковичей.) И не только потому, что был потрясен ее образцовой мстью за мужа. Прародитель русской историографии рассказывал историю государства, а в ней он, подобно писавшим затем мни-ху Иакову⁸³ и митрополиту Илариону, просто не видел иного «начала Руси», кроме мести Ольги за непутевого, но законного мужа Игоря.

В этом контексте важно, что статья Начальной летописи о замужестве Ольги оставлена без даты: ее текст определенно был в Древнейшем сказании. Можно себе представить, что сказание начиналось фразой, что «Игорь сидел в Киеве, княжа и воюя с древлянами и с уличами». Но по законам жанра сказания абсолютно невероятно, чтобы главная героиня вводилась фразой: «А Ольга была в Киеве с сыном своим малым», без указания, откуда она взялась и в каких отношениях была с Игорем. Причем эта неизвестная нам пока фраза в самом деле должна была начинать сказание: возможно, после предварительных генеалогических сведений о князе.

Вырывать фразу о женитьбе из контекста нельзя, поэтому скажем с прямотой Начальной летописи: «И сидел Игорь, княжа в Киеве, и были у него варяги мужи словене, и с того времени (оттоле) прочие прозвали себя русью... И еще привел себе жену от Пскова именем Ольгу, и была мудра и смысла, от нее же родился сын Святослав». Эта необходимая в сказании

⁸³ «Память и похвала мниха Иакова»: *Срезневский В. Мусин-Пушкинский сборник 1414 г.* СПб., 1893.

фраза, без которой невозможно дальнейшее действие, в Начальной летописи стоит прямо перед первой датированной статьей о Рюриковичах — 920 года.

Под 920 годом в Начальной летописи описан неудачный поход Игоря на Царьград, когда патрикий Феофан сжег русский флот греческим огнем. Этот поход достоверно датирован 941 годом в переведенной на Руси византийской Хронике Георгия Амартола, продолженной в X веке (до 948 года) Симеоном Логофетом⁸⁴. Опираясь на нее, составитель «Повести временных лет» поправил предшественника и перенес рассказ о походе Игоря в 941 год.

С таким уточнением (941-й вместо заведомо ошибочного 920-го) свадьба Игоря и Ольги перед походом на Византию гармонирует с рождением у них наследника в 941 или 942 году (по Ипатьевской летописи), каковой наследник в 945 году был «велим детеск». То, что составитель «Повести» оставил статью о свадьбе Игоря и Ольги в начале повествования (да еще датировал 903 годом), объясняется его соображениями о лучшем обустройстве «княжения» Олега, и наших суждений о замужестве Ольги никак не затрагивает. В деторождение после 39 лет брака можно верить, как в библейскую историю об Аврааме и Саре, но использовать эту веру в исторических построениях не следует.

Очевидно, что мудрая девица из доселе славящегося красавицами Пскова вышла замуж за Игоря перед его походом на Царьград в 941 году, а в 945-м осталась во враждебном мире одна с маленьким сыном. Теперь, опираясь на Древнейшее сказание (с учетом его незначительных изменений в летописях) и привлекая все известные источники, посмотрим, что и в каких условиях совершила сама княгиня.

⁸⁴ *Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе.

РОЖДЕНИЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Древнейшее сказание, которое легло в основу русских летописей, начинается историю Руси с подвига княгини Ольги — строительницы Русского государства. последуем за сказанием и попробуем реконструировать картину событий максимально подробно и достоверно. Рассказ здесь едва ли не самый яркий и детальный, внутренне непротиворечивый и одинаковый во всех летописях. Нам остается лишь пополнить его представлениями и деталями, которые для сказителей и летописцев Древней Руси были настолько очевидны, что их было бессмысленно истолковывать. Мы, люди другого времени, делаем это с немалым трудом, который, я надеюсь, не будет слишком заметен в нашем рассказе. Стремительность развития событий от этого пострадает. Поэтому сначала познакомимся с рассказом Древнейшего сказания, наполняя его деталями повседневной жизни.

Одна против мира

Весной 945 года к берегу Днепра под Биричевым взвозом пристала средних размеров ладья. Княгиня хлопотала по хозяйству на своем дворе вне укрепления града Киева. Она сразу послала слуг узнать, кто пожаловал: ведь мужа Игоря дома не было. Ей сказали, что пришли древляне — 20 лучших мужей сосед-

него союза племен, с которого князь Игорь собирал дань. Вероятно, княгиня догадалась, что случилось неладное. Ратники воеводы Свенельда, которому Игорь отдал право брать дань с древлян, вернулись еще осенью⁸⁵. Именно тогда дружина заявила князю: «Дал ты одному мужу много; отроки Свенельда изоделись оружием и портами, а мы наги; пойди княже, с нами на дань, и ты добудешь, и мы». Но и эта дружина уже вернулась в Киев, добыв себе «порты» и похваляясь сотворенным древлянам насилем.

А от князя вестей не было. Дружина рассказывала, что на обратном пути в Киев он «размышлял». В полюдь по землям союзных славянских племен, где киевские дружины могли «кормиться» с ноября по апрель, Игорь выезжал редко и далеко от дома старался не забираться⁸⁶. Раз уж вышел за владения племенного союза полян на среднем Днепре и зашел по снежному пути в леса на западе, — то решил вернуться с малой дружиной и взять побольше. С тех пор только его и видели. Ольга с тревогой ожидала, что скажут приглашенные ею в каменный терем древляне.

«Добрые пришли гости, — сказала она. — Говорите, чего ради пришли». «Послала нас Деревская земля, — сказали послы, — передать: мужа твоего убили, потому что он, как волк, расхищал и грабил. А наши князья добры, расплодили землю нашу. Пойди замуж за князя нашего Мала».

Древнейший киевский сказитель был весьма осведомлен о судьбе князя и его малой дружины в земле

⁸⁵ Возможно, в этот сезон Игорь и не пустил Свенельда в полюдь к древлянам. Но рассказ Древнейшего сказания о том, что тот «брал», а дружина Игоря заявила: «Дал ты одному мужу много», прямо продолжался словами, что «отроки Свенельда изоделись оружием и портами, а мы наги», в статье о походе Игоря под 945 г.: разрыв вставкой «лет» был учинен в Начальной летописи (Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 57).

⁸⁶ Представление о регулярности походов княжеских дружин за портами и пропитанием, «кружения», идущее от трактата Константина Багрянородного, отражает византийский государственный, а не княжеский разбойный подход, хорошо показанный в Древнейшем сказании.

древлян. Полагать, что из компании «волка» кто-то спасся, нет никаких оснований. Скорее всего, описание гибели Игоря восходит к речи, которую добрые древляне сказали потрясенной вдове. Послушаем их.

«Услыхав, что Игорь идет опять, советовались древляне с князем своим Малом: “Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, коли не убьют его. Так и этот, если не убьем, всех нас погубит!” Решив так, древляне послали людей навстречу Игорю: “Почто идешь опять? Взял уже всю дань!”». Князь не послушал увещаний и двинулся дальше. Когда он достиг их столицы Коростеня, древляне вышли за стены, убили Игоря и дружину его, и там же, около города, погребли.

Маловероятно, что степенные послы сообщили княгине детали расправы над «волком». Византийский император Иоанн Цимисхий говорил позже сыну Игоря и Ольги князю Святославу, что отец его «был взят в плен, привязан к стволам деревьев и разорван надвое». Подобная расправа над серыми хищниками, идущая от языческих времен, была распространена среди крестьян и много веков спустя.

Все летописцы, передававшие этот рассказ, были восхищены тем, что Ольга никак не выдала своего горя. Справившись с внезапным и страшным потрясением, она мгновенно приняла единственно верное решение, последствия которого мы ощущаем через тысячелетие.

«Люба мне речь ваша, — сказала княгиня. — Уже мне мужа моего не воскресить. Но хочу вас почтить наутро перед людьми моими. А ныне идите в ладью свою и ложитесь в ладье, величаясь. Я утром пошлю за вами, вы же, величаясь, скажите: не пойдём на конях, ни пешими не пойдём, но несите нас в ладье, — и понесут вас в ладье».

«И отпустила их в ладью», — говорит Древнейшее сказание.

Наутро Ольга, сидя в тереме, послала за гостями: «Зовёт вас Ольга на честь великую». «Не пойдём ни на конях, ни на возах, — сказали послы, — но несите нас в ладье». «Неволя нам, — ответили слуги, — князь

наш был убит, а княгиня наша хочет за вашего князя». И понесли их в ладье.

Древляне сидели в ладье и гордились. Их принесли на двор Ольги и скинули в яму прямо с ладьей.

Ольга, сойдя к ним из терема и наклонившись, сказала: «Вы послы Деревской земли и пришли к нам от своего князя Мала. Добра ли вам честь?»

— Хуже нам Игоревой смерти!

Княгиня велела засыпать их живьем. Их тут и засыпали.

* * *

О жестокой мести Ольги древлянам помнят все. Этот архетипический эпос о жестоком, но справедливом возмездии незащитной женщины сильным врагам достойно входит в ряд первичных образов русской и мировой культуры. Для древнейшего сказителя он знаменовал собой начало истории Руси. В летописании он находится на границе между легендарным, в разных источниках противоречивым и не подтверждающимся в иностранных текстах, и унифицированным, в основных пунктах достоверным и литературным, плавно переходящим в хронографический периодами русской истории.

О том, как мудрая и справедливая Ольга взяла власть, чтобы начать строить Русское государство, знали только русские авторы. Само начало державной истории в связи с выдающейся женщиной архетипично для славян. Своеобразие Ольги в том, что, появившись в русской книжности в образе из героического эпоса, она оказалась — как не без удивления и восторга подчеркивают сами летописцы — реальнейшим государственным деятелем, оставившим Руси не только единую державу, но и собственные конкретные следы, видимые много поколений спустя. Она же и благодаря ее трудам непутевый князь Игорь стали первыми правителями Руси, чьи имена были известны иностранцам. Легендарная Ольга вдруг материализовалась в Константинополе, за столом императора и его семьи, и русский эпос о ее подвигах

сочетается с детальными протокольными записями о ее приемах во дворце Константина Багрянородного.

Это также поразительно, как если бы мы нашли счет Елены Прекрасной на покупку косметики в Спарте перед ее бегством в Трою. Или если бы западная хроника включила рассказ о церемониале свадьбы легендарной чешской предводительницы Либуши с пахарем Пржемыслом и описала платье, в котором не менее эпичная польская княжна Ванда бросилась в Вислу, чтобы не выходить замуж за излишне агрессивного немца. По времени (первая половина X века) и воздействию на принятие в стране христианства — в обоих случаях при их внуках — с Ольгой близка чешская княгиня Людмила, мудрая правительница и воспитательница Вацлава Святого. Но даже высоко почитаемая чехами святая Людмила, подобно другим легендарным прародителям, не оставила потомкам зримых следов своей деятельности в виде домов, саней, сел, заповедных лесов и иностранных протокольных документов (помимо сохраняемых в Праге мощей).

В отличие от большинства эпических героев, отцов и матерей основателей, Ольга оставила след в истории на удивление конкретный. Поэтому и нам самое время задуматься, какие важные детали и обстоятельства в рассказе о мести Ольги древнейший сказитель и последовавшие за ним летописцы пропустили, благодаря их абсолютной ясности для них. В этом рассказе все прекрасно — недаром он в неизменном виде передавался летописцами и любителями книжности. Но для того, чтобы современный человек наслаждался им так же, как древнерусский, нам очень не хватает деталей, которые предки представляли себе очень хорошо, а мы — нет.

Ладья

Итак, к берегу Днепра под Биричевым взвозом пристала средних размеров ладья. Читатель, я уверен, представляет это судно близко к действительности, в духе картин Билибина и Рериха. Это была большая по

нашим меркам весельная лодка с килем, выточенным из цельного ствола дерева, красиво загнутым вверх к носу и корме. Носовые и кормовые украшения в виде головы и хвоста дракона домысливают на ладье любители викингов. Такие украшения найдены на кораблях викингов в Скандинавии. Поборники родной старины, вспоминая прозрения Билибина, заменяют их на изображения коня, лебедя и иной милой русскому сердцу живности. Подобных носовых и кормовых фигур, как и больших ладей, в Древней Руси пока не найдено. В любом случае, реальные драконьи и воображаемые конские головы были съемными, для парадных случаев, вроде генерального сражения или посольства.

Ладья, какой читатель ее представляет, была парусно-гребным судном, хорошо приспособленным для хождения по морям и рекам. Но историки упорно сажают древних славян и, в частности, 20 наших древлянских мужей... в утлую долбленку!

На том, что древние русы ходили по рекам и морям на «моноксилах», то есть «однодеревках», настаивал современник и добрый знакомый княгини Ольги византийский император Константин Багрянородный в своем знаменитом трактате «Об управлении империей». Следуя за ним, историки воображали славян, упорно гребущих по рекам и морям на долбленках, в стиле пирога островитян западной части Индийского и южной части Тихого океанов. Гребцы в такой лодке вынуждены сидеть один за другим и грести, осторожно балансируя, чтобы не перевернуть узкое, сравнительно с длиной, пустотелое бревно. В нашем случае это бревно для двадцати мужей — около 20 метров! Более совершенной и принципиально более легкой конструкцией были сделанные из бересты или шкур каркасные пироги индейцев и каяки северных морских зверобоев. Но историки и даже археологи, строго следуя указанию императора, представляли себе славян именно в долбленках.

Действительно, лодки, выдолбленные из ствола дерева, археологами на Руси найдены. Одна из них, в

виде узкого длинного бревна, выставлена в Государственном историческом музее в Москве. Такие конструкции, подкупающие простотой изготовления (путем выжигания и выдалбливания), использовались в сельской местности для рыбной ловли и охоты на водную птицу даже в значительно более позднее время. Проблема в том, что переносить их из водоема в водоем сложно из-за большого веса. Груза на них можно перевезти немного и с риском замочить его, перевернувшись. Балансиры на маленьких долбленках в более поздние времена встречались, но в торговой практике древней Европы такое диво после каменного века не отмечено. Правда, упорный в помещении славян на моноксилы император рассказал, что южные славяне приходили в Константинополь на «связанных моноксилах», в которых историки увидели катамаран. Если верить такой трактовке текста Константина Багрянородного, славяне по каким-то причинам фанатично отвергали принципы кораблестроения, принятые у их соседей, друзей и врагов, с которыми они тесно общались столетиями.

Общим принципом строительства судов в бронзовом и железном веках было создание деревянного каркаса из тщательно выточенных и выгнутых поперечных шпангоутов, опирающихся на прочный продольный киль. Концы киля завершались поднимающимися вверх штевнями (форштевень впереди и ахтерштевень позади судна). Они либо выгибались из цельного киля, или, на более крупных судах, где и сам киль был наборным, прочно соединялись с ним. Любопытно, что на античных судах крупного размера форштевень и ахтерштевень были собраны в плавном изгибе, как будто выгнутые из одного бревна. Так было даже на боевых греческих и римских кораблях с подводными таранами, продолжавшими киль вперед перед форштевнем.

Со времен легендарного «Арго», на котором греки, согласно сказаниям, появились в Черном море, морские килевые суда обивались досками внакладку — как на современной деревянной шлюпке. Неизбежно про-

пускающие воду швы шпаклевались просмоленной пенькой (шерстью, мхом и т. п.). Археологами найдено и изучено великое множество античных и ранне-средневековых судов разного назначения, как затонувших (в основном), так и вытщенных на берег. Среди найденных судов были и плоскодонные, не только небольшие, но и огромные, вроде плавающих дворцов, в которых развлекался император Калигула на озере Неми близ Рима. Плоскодонки обходились без кия: продольную прочность им придавали толстые доски или брусья, на которых крепились поперечные шпангоуты. В любом случае, все килевые и плоскодонные суда в Европе набирались из досок на более или менее прочный каркас.

Император Константин, говоря о целом флоте «однодеревку», который славяне и русы выводили на Днепр каждый год для путешествия с товарами в Империю ромеев, несомненно, имел в виду именно солидные килевые суда. Малой осадкой, позволяющей ходить по рекам, и достаточной мореходностью для преодоления Черного моря отличались килевые суда викингов. Мы имеем для изучения целый набор узких длинных боевых кораблей-драккаров и широких торговых судов кнорров, неплохо сохранившихся в морских глубинах и в курганах-захоронениях.

Исторические реконструкторы несколько раз удачно воспроизвели несложную и эффективную технологию их изготовления. Киль изготовлялся из цельного ствола дерева, гнутого на концах, шпангоуты выгибались из упругих веток или корней, доски делались путем раскалывания ствола дерева железными клиньями. Хороший лес и простые железные инструменты позволяли за один сезон собрать очень удачную конструкцию из кия, шпангоутов и досок обшивки, позволяющую быстро ходить на веслах и пересекать бурные северные моря под парусом. В отличие от крепко сбитых средиземноморских судов с их огромной технологической историей, новоделы викингов были весьма гибкими на плаву. Они допускали изгиб кия и досок поперек продольной оси и выдерживали

заметное скручивание, как бы поддаваясь волнам, без разрушения корпуса.

Суда викингов не могли быть огромными, какими бывали античные и более поздние европейские, где киль и шпангоуты были набраны из разных кусков дерева и жестко скреплены между собой. Но они прекрасно отвечали потребностям войны, разбоя и торговли небольших «банд»⁸⁷. Самый большой из изученных драккаров викингов имел 28 метров в длину и 4,5 метра в ширину. Средний размер драккара — 18 на 2,6 метра. Такой корабль вмещал от 26 до 70 воинов, которые были и гребцами. Торговые суда были сравнительно шире в обводах: 16 на 4,8 метра, 14 на 3,3 метра, 11,2 на 2,5 метра. По сходной технологии строились и более мелкие лодки, предназначенные для рек и моря.

На Руси найдено несколько мелких судов сходной конструкции. Но, увы, их трудно отнести к X веку. Письменные источники тоже рисуют более позднюю ситуацию. В «Правде Ярославичей» — княжеском законе для Новгорода, составленном более чем через столетие после деяний княгини Ольги, описаны штрафы-продажи за кражу различных судов, при условии их возврата в целостности и сохранности. Самой ценной была морская ладья (штраф 75 серебряных монет), затем — просто ладья, видимо, речная (60). Набойная ладья ценилась меньше (50). Струг (25) и челн (20) были самыми дешевыми судами⁸⁸.

Челн и, судя по позднему северному названию долбленной лодки, «стружек» исследователям было легко отнести к однодеревкам. Тогда и «набойная ладья» интерпретируется не разумно с инженерной точки зре-

⁸⁷ Бандой в Восточной Римской империи именовали отряд со своей хорутвью (лат. «bandum» — знамя). Банда во времена княгини Ольги являлась основной боевой единицей империи.

⁸⁸ «Аже лодью оукрадеть, то 60 кун (арабских серебряных дирхемов) продаже, а лодью лицемь воротити; а морскую лодью 3 гривны (три слитка серебра или 75 кун), а за набойную лодью 2 гривны (т. е. 50 кун), за челн 20 кун, а за струг гривна (25 кун)».

ния, как речная бескилевая плоскодонка, насад⁸⁹, но именно как долбленка, увеличенная в размерах путем напивания на борта досок. Похоже, что исследователи, ослепленные своей трактовкой «моноксилов» ромейского императора, не пытались представить воочию странную конструкцию, которую описали словесно.

Долбленка не сужается к носу и корме, просто потому, что срубить слои дерева под малым углом наискосок нельзя — оно расслоится в воде. Поэтому известные нам древние долбленки похожи на пустотелое бревно или корыто, в зависимости от соотношения длины и ширины⁹⁰. Никакой набивкой досок длинному корыту нельзя придать обводов, характерных для речных и морских судов, широких в середине и плавно сужающихся к носу и корме. Шириной долбленка может быть до метра; пусть доски расширят ее даже до двух метров — этого все равно мало, чтобы получить достаточно остойчивую речную лодку. Ведь борта долбленки слишком круто уходят вверх. Если их наращивать досками под другим, более пологим к воде углом, долбленка прекратится в глубоко сидящий в воде киль. Ура! Мы добились своего!

Но зачем выдалбливать киль, если главное требование к нему — прочность и... тяжесть?! Для остойчивости килевых судов викингов и ромеев в них вдобавок загружали тонны камней, служивших балластом. Без этого даже довольно широкое судно (не корыто в прямом смысле) перевернется, едва подняв парус. Но

⁸⁹ Известный с XII до XVIII в. насад — речное плоскодонное судно изрядной грузоподъемности, вмещавшее и крепкую дружину, и большие грузы. Эту деревянную баржу с высокими бортами, но небольшой осадкой водили по рекам, особенно по Волге и Днепру выше порогов, на веслах, под парусом и с помощью бурлаков. В непогоду, как отмечают летописи, насад нередко сносило ветром. Крупные насады было невозможно поднять вверх по реке, и в низовьях их продавали на доски. Зато один большой насад мог перевозить сотни людей, не считая десятков тонн тяжелых и негабаритных грузов вроде леса.

⁹⁰ Не осмеливаюсь противоречить атрибуции археологов, но до сих пор все найденные на Руси «долбленные суда» как две капли воды похожи на поилки для скота.

балласт, скажете вы, можно загрузить и в долбленку! Верно, и долбленный киль сломается даже на легкой морской волне, не выдержав продольного скручивания. Делать киль из цельного бревна людей научила жизнь, полная горького опыта и успешных попыток избежать лишней работы. Ведь раскалывать стволы деревьев на доски, крепить их между собой и к шпангоутам гораздо проще, чем долбить или выжигать изнутри огромное дерево, которое превратится в итоге в тяжелое и ненадежное корыто с большой осадкой — средство от ожирения при преодолении порогов Днепра и прекрасный гроб-домовина в море.

Теперь представим себе картину более наглядно. Викинги приходят на своих легких, быстроходных и надежных судах по рекам на Восточно-Европейскую равнину. Вместе с огромной массой местного населения они образуют среди славян военно-торговое объединение русов. И это дурно сказывается на их умственных способностях. Они бросают свои довольно легкие в изготовлении суда и начинают действовать, как описал Константин Багрянородный:

«Славяне... рубят в своих горах моноксилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти [водоемы] впадают в реку Днепр, то и они из тамошних [мест] входят в эту самую реку и отправляются к Киеву. Их выгаскивают для [оснастки] и продают росам, росы же, купив одни эти долбленки и разобрав свои старые моноксилы, переносят с тех на эти весла, уключины и прочее убранство, снаряжают их. И в июне месяце» начинают спуск по Днепру. Преодолев пороги разными экстравагантными способами (император не знал о волоках), русы «снова... переоснащают свои моноксилы всем тем нужным, чего им недостает: парусами, мачтами, кормилами, которые они доставили [с собой]». Превратив, таким образом, долбленки в парусные суда, русы идут вдоль восточного берега Черного моря до границ империи, «где завершается их мучительное и страшное, невыносимое и тяжкое плавание». Причем даже там они не могут

продать на дрова тот хлам, на котором пришли, потому что надо возвращаться назад, а на берегах их подстерегают жестокие печенеги.

Вы можете вспомнить, что более легким способом самоубийства, чем путешествие на глазах врагов по морю в парусных корытах, у скандинавов было повешение, освященное примером самого бога Одина. Нельзя предположить, что на долбленках везли грузы, в то время как сами русы передвигались на судах викингов: ведь перемещение совершал единый флот. Принципиально разные мореходные качества судов просто рассыпали бы его. Да и Константин Багрянородный никакого разнобоя в судах русов не отмечает. Остается заключить, что пресловутые моносилы были просто морскими и речными ладьями — килевыми судами по типу кораблей викингов, для которых славянские племена при необходимости заготавливали материалы: бревна, доски, упругие корни и ветви.

Именно на таких кораблях русы не только торговали, но и успешно атаквали берега Византии, с переменным успехом сражаясь против ромейских дромонов и триер, причем даже крупные хеландии могли отразить их атаку, только поставив на носу, корме и по бортам установки греческого огня. В описании морских сражений 941 года греки называли их просто «скедиями» — легкими судами. Чуть позже русы воевали на своих «скифских ладьях», которые иногда были достаточно большими, чтобы их можно было назвать «дромонами». В любом случае, и на войне против русов, и в союзе с ними против арабов ромеи не видели никаких удивительных «моносил».

В русских летописях в связи с походами в Царьград и усами до XII века упоминается только один тип судна — ладья, пригодная и для войны, и для торговли. Число воинов в морской ладье стандартно — 40. Это невозможно много для долбленки, но вполне уместно для судна викингов класса река-море. Сравнительно с драккаром, ладья была легче, ведь ее приходилось многократно переволакивать и на пути «из варяг в греки», и на еще более богатом Волжском торговом

пути с Балтики в Каспий. Все наши речные пути были с «переволоками», которые ладьи преодолевали по суше. Легкость достигалась, в частности, за счет более низких бортов. Весла не проходили через отверстия в бортах, как на хорошо сохранившихся драккарах в знаменитом музее в Осло, но вставлялись в упомянутые императором уключины. Как и у скандинавов, каждым веслом греб один воин. Поэтому «Повесть временных лет» рассказывает, как Вещий Олег взял с Константинополя дань «на уключину», то есть на каждого дружинника. Уключины, необходимые при низком борте ладьи, найдены археологами, например, в слоях X века в Старой Ладоге — древнейшем центре контактов славян и финно-угров с викингами⁹¹.

Нельзя сказать, чтобы низкий борт ладьи, слабо защищающий гребцов от метательного оружия, не беспокоил русских дружинников. Конечно, и викингам приходилось крепить по бортам щиты, чтобы защитить головы и плечи гребцов. Но, похоже, только лихой воевода князь Изяслав Мстиславич в 1152 году догадался полностью прикрыть гребцов досками. Стрелков в броне он поставил на возвышении, а весьма уязвимых кормщиков — не только на корме, но и на носу своих боевых ладей, ходивших, по словам летописца, без разворота (полный поворот требовал только разворота гребцов на скамьях). Новшество принесло Изяславу победу в стычках с Юрием Долгоруким на Днепре, у Вышгорода и Витичева, и в итоге закрепило за ним киевский стол⁹².

⁹¹ *Петренко В. П.* Работы Староладожской экспедиции // Археологические открытия. 1977 г. М., 1978. С. 28; *он же.* Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 112, 116.

⁹² Согласно Лаврентьевской летописи, князя «бяхуться межи собою, ездяче в лодях, не могшим же им (атакующим) что успети противу Киеву. Бе бо изъхитим Изяслав лодье дивно: беша бо в нем гребци гребуть невидимо, токмо весла видети, а человек бяше невидети. Бяхуть бо лодье покрыты досками; бяхуть же борци стояще горе во бронех и стреляюще, а кормника 2 беста, един на корме, а други на носе, и аможе хотяхуть, тамо поидяхуть, не обращающа лодьями». Потерпев поражение

Итак, невзирая на попытки историков навязать славянам и русам долбленки, мы все-таки правильно представили себе, как выглядела стандартная древнерусская ладья. Древлянские мужи пришли в гости к княгине Ольге на небольшом судне, вдвое меньше боевой ладьи. Они сидели на скамьях, по одному человеку с каждого борта, имея 9 пар весел, кормчего и впередсмотрящего. Из раскопанных археологами судов викингов к этому случаю подходит небольшое торговое судно 11,2 на 2,5 метра. Борта его явно были увешаны щитами, остальное вооружение надето на древлян. В те времена выходить за порог дома без оружия было не принято. Тем более — совершать визит в соседний племенной центр, князя которого древляне только что убили. Для одной Ольги мужей было многовато. И нам самое время разобраться, кто такие эти мужи.

Мужи

Муж — фундаментальное понятие традиционной патриархальной культуры. Бородатые мужи с оружием в руках владели при княгине Ольге всей Евразией, от Ирландии до Японии. Всюду господствовало право силы. Эта сила принадлежала большому числу энергичных, независимых и вооруженных взрослых мужчин. Даже Империя ромеев с ее развитыми законами и государственным аппаратом опиралась на стратиотов — ополчение местного (в европейской части в основном сельского славянского) населения. Возглавляли империю, прихотливо сменяя друг друга, наиболее храбрые, мудрые и коварные мужи, включая выходцев из даль-

у Вышгорода, князь Юрий изменил направление атаки. Он не осмелился провести свои ладьи мимо Киева, откуда действовал флот Изяслава, и перебросил ладьи в Долобское озеро, откуда доставил волоком в реку Золотчу и по ней в Днепр к Витичеву броду. Но даже в битве на самом броду («почаши битися в лодях о бродъ») древоносные ладьи Изяслава победили — т. е. подъем бортов или полная обшивка деревом не слишком углубили их осадку.

них провинций и даже простых крестьян. «Грозен и лют этот муж», — сказали о сыне Ольги, великом князе Святославе, хитроумные греки; муж, который презирает богатство, но любит острое железо, достоин того, чтобы получать дань. Так говорило еще Древнейшее сказание, так этот текст вошел в летописи. Но и сами ромеи признавали в то время силу законным правом.

Физически мужем был мужчина в расцвете сил и разума, не мальчик и не юноша. Неясно, в каком возрасте в X веке юноша становился мужем и был ли такой возраст определен вообще. В XVII веке условно называли 22 года, но в древности число лет значило мало. Молодой человек должен был выглядеть, действовать и говорить, как муж, и быть признанным окружающими в этом статусе. В идеальном представлении древнерусский муж воплощал в себе силу, разум, храбрость и независимость. Независимость ценилась очень высоко. Самыми сильными, а потому самыми независимыми и в наибольшей степени «мужами» были русский князь и его воины.

Все они, сам князь, его воспитатель-дядька, воевода, старшие дружинники (позже они станут боярами), для древнерусских авторов — мужи. Обычно их называют по высоким званиям, но о князе, как мы видели, могут уважительно сказать «муж», и о его наиболее видных воинах — «княжьи мужи»⁹³. Именно таких «мужей» легендарный воспитатель княгини Ольги Вещий Олег «посадил» по городам — центрам славянских союзов племен, которые он с большим или меньшим успехом объединял под своей властью. Через полтора столетия после него «Русскую правду» Ярослава Мудрого перекладывали по требованиям времени его сыновья-князья «и мужи их, Кснячко, Перенего, Никифор».

Воины присягали на верность князю, оставаясь лично свободными мужами. А вот главные слуги князя: огнищанин (мажордом), тиун, доезжачий, — ко-

⁹³ О знати других стран в Древней Руси могли сказать: «мужи царевы»: «присла к нему король мужа своего с полком боле тысящи» и т. п.

торым он доверял управление своим имуществом и хозяйством, были его домашними рабами-холопами. Они добровольно, по договору-ряду, отказывались от личной свободы, чтобы стать частью «семьи» на срок жизни их хозяина. В хозяйстве князей и других видных мужей работало множество менее видных холопов, как «рядовичей», так и «закупов», попавших в домашнее рабство за долги, продавших себя или проданных их близкими. В число этих подневольных слуг входили холопы из людей, захваченных в военных походах, причем в основном на Руси. Общее мнение было однозначным: холоп — не муж, он лишь служит мужу, который за него отвечает перед другими мужами.

Смерды-крестьяне, составлявшие основную массу населения Древней Руси, были людьми свободными, но... мужами не считались. Можно лишь предположить, что виной тому — их глубокая, хоть и мало отраженная в источниках зависимость от сельской общины-верви. По крайней мере сыновья Ярослава Мудрого и их мужи в 1172 году ничтоже сумняшеся возложили на верви круговую повинность, назначив самый высокий штраф за убийство холопа-огнищанина, и лишь за ним — за убийство княжьего мужа или княжьего тиуна. Возможно, сравнительно мирные смерды не считались мужами потому, что князья возложили на них налоги и повинности. Это сделала, как увидим, как раз княгиня Ольга. Разделение населения Евразии на тех, кто дает, и тех, кто берет, было довольно глубоко и явно выражалось внешне, как мы с вами еще увидим.

Историки дискутируют, жили смерды уже соседскими или еще родовыми общинами. Рассказ «Повести временных лет» о брачных «игрищах меж селами» с танцами и песнями, которые восточнославянские племена (кроме полян, «тихо и кротко» отдававших девушку за выкуп) устраивали «меж сел», с «умыканием» девушки, слюбившейся с парнем⁹⁴, в другое село,

⁹⁴ «С нею же кто свещавашесь», «с нею кто совещашася», — т. е. по согласию.

говорит нам о родовой общине. Это соответствует представлениям о племенах и союзах племен, основой которых были сельские родовые общины. В то время как города, находясь на территории племенных союзов и будучи связанными с ними, явно представляли собой общины соседские, судя по археологии, не одноплеменные и даже не мононациональные. Рискну предположить, что города уже в X веке господствовали над сельскими общинами. В них жили военные лидеры племен — князья, их воины и свободные мужи-ремесленники; здесь имели дворы бояре-землевладельцы, собственные нивы, скот и зависимые люди которых находились среди старинных племенных вервей.

Но... разве князья русские не были господами в городах? Разве они не брали с градских мужей налоги и подати, не заставляли их выполнять повинности? Нет! В благословенные времена княгини Ольги и нескольких поколений ее потомков князья не были господами горожан. Не только в Новгороде двор князя стоял за городскими стенами — в Киеве Ольга с мужем и дружиной жили также на выселках. Горожане или призывали князей на службу, или соглашались, чтобы те исполняли обязанности военного защитника и третейского судьи за определенную плату. Мы познакомимся с этими обычаями чуть позже. Сейчас довольно сказать, что русский князь жил и содержал дружину в основном за счет косвенных, судебных и таможенных сборов.

Конечно, градские мужи могли в экстренном случае добровольно пожертвовать князю на его войско часть своего добра. Это нисколько не умаляло чести градских мужей. В 1018 году правнук Ольги Ярослав Мудрый потерпел поражение на войне и вздумал бежать за море. Тогда новгородцы во главе с посадником (выборным главой города) Коснятином, сыном Добрыни, изрубили его лады и «начали скот (то есть деньги. — А. Б.) брать, от мужа по четыре куны, а от старост (руководителей районов-концов города. — А. Б.) по 10 гривен, а от бояр по 80 гривен, и привели

варягов (наемных воинов. — А. Б.), и дали им скот», — гласит Лаврентьевская летопись⁹⁵.

По этому описанию мы видим, что простые городские мужи, без выборной должности (старосты, посадника) или крупного землевладения (бояре), и через полвека после Ольги не отличались зажиточностью. Позже среди них появятся и богатейшие купцы-гости, и хозяева огромных ремесленных мастерских, и вожди городских партий, за которыми пойдут тысячи людей. Сейчас нам принципиально важно понять, что все экономически независимые свободные граждане, не считая, разумеется, холопов и добровольных рабочих людей, были мужами. Да, среди них были «великие мужи», «большие мужи», «добрые мужи», «лучшие мужи», «избранные мужи», «нарочитые мужи», «старейшие мужи». По сравнению с ними другие мужи были «молодшими» и «меньшими». Но хотя социальных и политических возможностей у последних было меньше, их статус мужей был в полной силе. Градские мужи уступали профессиональным воинам княжеской дружины в боевом мастерстве, но превосходили их числом и экономическими возможностями.

Объединение градских мужей делало их практически непобедимыми. «Поди княже прочь, та нам еси не надобен», — говорили собравшиеся на городской совет-вече мужи⁹⁶. И князь, как правило, даже не думал противостоять их воле, но собирал свои нехитрые пожитки и отправлялся восвояси. Силу объединения всех мужей, от князей до городских бедняков, понимали, по крайней мере в изложении летописцев, многие в трудные для Руси времена. В романе Дюма-отца «Три мушкетера» силу единства мужчин-воинов в жестоком мире выражал девиз: «Один за всех и все за одного». В 1147 году среди усобиц подобный девиз прозвучал по-русски, более точно: «Будем вси за один мужу»⁹⁷. Проблема была в том, что древнерусские мужи,

⁹⁵ ПСРА. Т. 1. Вып. 1. Стб. 143.

⁹⁶ В Новгороде, Киеве, Чернигове, Смоленске, Полоцке, Галиче и других городах.

⁹⁷ Ипатьевская летопись // ПСРА. Т. 2. Стб. 342.

подобно французским дворянам XVII века, прекрасно понимая свое корпоративное преимущество, в то же время считали долгом силой отстаивать свои достоинства и права против всех других мужей.

Как и сегодня, взрослый и физически крепкий мужчина признавался окружающими «настоящим мужчиной», когда он вел себя «по-мужски», противопоставляя силу любому насилию. «Русская правда» в самой ранней ее части, «Правде Ярослава» (1016), рисует мужское общество, в котором на вторжение в личное пространство — хоть вырывание бороды, хоть утыкание пальцем — незамедлительно следует ответ: удар мечом, топором или подвернувшейся под руку лавкой. Ярослав Мудрый (а потом его сыновья) пытался заменить штрафами господствовавшую при его прабабушке Ольге мужскую месть за оскорбление, кражу или порчу имущества. За убитого мужа правом была кровная месть его родственников, недаром носивших гордое имя мужей.

Женщины и дети находились за широкой спиной мужа — отца, брата, мужа, тестя и других взрослых мужчин их рода. В обществе, где обидчика положено по закону избить или рубануть топором⁹⁸, слабый имел лишь те права, которые давались ему силой сильного. Поэтому ни о каком наследовании от отца к сыну не могло быть и речи: после смерти сильнейшего в семье роль главного мужа переходила к старшему, к брату почившего мужа или другому взрослому, материальному родственнику, готовому ответить ударом на удар. Взять женщину силой было правом мужа, которое никто не оспаривал. За исключением другого мужа, претендовавшего на ту же жену, и мужей ее рода, которые по праву обязаны были ее защитить⁹⁹. Рискну предпо-

⁹⁸ Так было в Великом Новгороде, для которого создавалась «Русская правда» и где топор был таким же основным видом оружия, как копьё на юге Руси, в Киеве или Чернигове.

⁹⁹ Неспособность защитить «свою» женщину тогда, как и сейчас, означала гибель в бою или потерю статуса. С той разницей, что в X в. статус мужа, «настоящего мужчины», был социально определяющим.

ложить, что так было и среди смердов. Относительно мирное «умыкание» девиц по согласию из другой верви гарантировалось сравнительным равенством сил соседних вервей. Но даже смерды «имели по две и три жены», — рассказывает «Повесть временных лет». «Умыкание» девицы по ее согласию означало уважение к ее верви, а не к девице. Мужчина мог проявить такое уважение к соседям столько раз, сколько мог и хотел. Воля женщины мало что значила при господстве силы.

Характерный пример — спор внуков княгини Ольги, князей Ярополка Киевского и Владимира Новгородского, за Рогнедь, дочь князя Рогволода Полоцкого. Рогнедь согласилась пойти за Ярополка и отказала Владимиру. Тогда Владимир с большим войском пошел на Полоцк, «и убил Рогволода и двух его сыновей, а дочь его Рогнедь взял себе в жены; и пошел на Ярополка»¹⁰⁰. Победив, он взял себе и беременную жену брата, пленную гречанку. При таком способе близкого знакомства женщин у сильных и удачливых мужей было много. Добычу они не привыкли бросать — кто-то становился у русов-язычников женами, кто-то наложницами, но всех надо было обеспечивать. Владимир, например, расселил множество своих жен и сотни наложниц по разным селам: и к хозяйству ближе, и навещать проще.

Другой пример говорит нам, что лихость в обращении с женщинами проявляли не только князья. В 1016 году Ярослав Мудрый, разбив войско брата Святополка, держал своих наемников-варягов в Новгороде. «И начали варяги насиловать замужних жен», то есть оскорбили права их защитников-мужей. О насилии над девицами, заметьте, ничего не говорится, как будто это было в порядке вещей. Согласно «Повести временных лет», интимное знакомство девиц с парнями происходило на Руси везде, кроме района Киева, на весьма легкомысленных игрищах, так что «защищать девичью честь» родственники были не обязаны.

¹⁰⁰ Начальная летопись. С. 30.

Браки заключались по согласию и с помощью силы, а идея невинности язычникам была незнакома. Другое дело, покушение на женщину «за мужем», то есть на собственность и честь этого мужа. Насилие вызвало столкновение варягов и градских мужей. Летописец выделяет только главное событие. «Сказали новгородцы: “На это насилие мы не можем смотреть”. И, собравшись ночью, иссекли варягов в Поромоновом дворе»¹⁰¹.

Целое войско ничего не смогло противопоставить разгневанным мужам. Что могла противопоставить им вдова?

Похороны

Теперь становится почти понятным положение Ольги, муж которой был убит вместе со всеми значительными мужами его дружины, среди которых у княгини могли найтись защитники. Древлянские мужи, представлявшие могучий племенной союз славян с центром в городе Искоростень, были вправе делать с ней, что хотят. Заступить за одинокую женщину было некому. Титул для человека в юбке не значил ничего.

То, что я называю Ольгу княгиней, проявляя почтение к будущей основательнице Русского государства и равноапостольной святой, не должно вводить читателя в заблуждение. Автор Древнейшего сказания в конце X века и составитель Начального свода в конце XI века писали о выдающейся женщине просто «Ольга», без всяких титулов. Обращение от древлян: «мы пришли, княгиня» появилось только в «Повести временных лет» в начале XII века, когда потомки Ольги прочно держали в своих руках власть по всей Руси. А указание на «княжение Ольгино» вошло в русское летописание уже в Новое время, ибо неформальный характер ее власти был непонятен русским людям XVI века. Публичная, тем более политическая роль женщин в об-

¹⁰¹ Там же. С. 67.

ществе сильных мужей X века была близка к нулю¹⁰². Это прекрасно осознавал младший современник Ольги, автор Древнейшего сказания, творивший при ее внуках. Эпичность подвига беззащитной женщины привела его в такой восторг, что этот достойный муж, выразивший в своем сказании вполне мужскую, даже воинскую точку зрения на женщин, заложил в древнерусской литературе основу... мягко говоря, трепета перед женским умом¹⁰³.

Древлянские мужи проявили удивительную для того времени сдержанность, «добром» пригласив Ольгу замуж за их племенного князя Мала. Но, разумеется, отказа или просто недовольства ничьей женщины мужи бы не потерпели. Здесь мужская сила драматически столкнулась с тем, что вызывало глубочайший ужас наших могучих, но простодушных предков — с женским умом. Ольга похоронила древлянских мужей заживо... с их согласия!

Древляне, готовые к применению насилия, были настолько сражены любезностью приема, который оказала им Ольга, что не обратили внимания на понятные нам сегодня нюансы. Они услышали предложение лечь в ладье спать, «величаясь», — и несколько не обеспокоились. Как же они не заметили очевидного: что в ладье русы сжигали знатных покойников? Причем тело усопшего клали в ладью именно перед началом траурных церемоний...

Благодаря сочинению замечательного арабского путешественника Ахмада ибн ал-Аббаса Ибн-Фадлана, который побывал в 922 году на берегах Волги, мы имеем яркое и детальное описание похорон знатного мужа

¹⁰² Впрочем, и в более позднее время титул «княгиня» и даже «великая княгиня» (жена и вдова великого князя) не ограждал от насилия. По рассказу Московского летописца, в 1434 г. «князь Юрьи... город взят и великих княгинь поймав, посла в Звенигород».

¹⁰³ Об этом трепете, переходящем в ужас, написал тонкий литературовед: *Демин А. С. Ужасное и саркастическое: женские загадки в древнерусской литературе XI—XIV вв. // Чтения по истории русской культуры. М., 2000. С. 83—95.*

у русов — народа прекрасного телом и воинственно-го духом, — которым автор уделил особое внимание. Я не перескажу, но процитирую этот великолепный текст¹⁰⁴, давая пояснения в скобках, дабы не быть запоз-дозренным в приукрашивании.

Итак, русы рассказывали Ибн-Фадлану много ин-тересного о своих языческих обычаях. Араб особенно заинтересовался обрядом похорон, которому сам стал свидетелем. На его (и наше) счастье, у русов случилась смерть «выдающегося мужа из их числа. И вот они по-ложили его в его могиле и покрыли ее крышей над ним на десять дней, пока не закончили кройки его одежда и их сшивания. А это бывает так, что для бед-ного человека из их числа делают маленький корабль, кладут его в него и сжигают его, а для богатого собира-ют его деньги и делят их на три трети — треть для его семьи, треть чтобы для него на нее скроить одежды, и треть чтобы приготовить на нее (хмельной напиток) набид, который они будут пить в день, когда его де-вушка убьет сама себя и будет сожжена вместе со своим господином; а они, всецело предаваясь набиду, пьют его ночью и днем, (так что) иногда один из них (уми-рает), держа чашу в своей руке».

Эта преамбула о всеобщем обычае русов-путеше-ственников к сжиганию мертвецов в лодке или ладье и их традиционном «руси есть веселие пить» могла бы насторожить ученых, почему-то уверовавших, что Ибн-Фадлан пишет о скандинавах. Правда, скандина-вы хоронили знатных покойников в драккарах, а ме-нее знатных в лодках, помещая туда неповрежденный скарб и аккуратно засыпая их землей. Благодаря этому замечательному обычаю мы имеем прекрасно сохра-нившиеся суда, неповрежденное оружие и множество чудесных предметов быта древних скандинавов. Сож-

¹⁰⁴ Цит. по: Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Пер. и ком-мент. А. П. Ковалевского; под ред. И. Ю. Крачковского. М.; Л., 1939. Ср. издания: *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956; *Путе-шествие Ахмеда Ибн-Фадлана на реку Итиль.* Казань, 1992.

жение покойных со всем их скарбом было характерным погребальным обрядом восточных славян. Кроме того, при всей детальности скандинавских саг, в них нет сведений о том, что отважные купцы и викинги брали в поход жен и наложниц. С женщинами путешествовали (в том числе, судя по договорам руси с греками, в Царыград) славяне и русы. Жены, которым русские мужи отдавали свои драгоценности, наложницы и даже дети изобиловали в их лагере. Разумеется, обделенный женской лаской небогатый араб обращал на них особое внимание всегда и в описании погребального обряда в частности:

«И если умирает главарь, то говорит его семья его девушкам и его отрокам: “Кто из вас умрет вместе с ним?” Говорит кто-либо из них: “Я”. И если он сказал это, то это уже обязательно, так что ему уже нельзя обратиться вспять. И если бы он захотел этого, то этого не допустили бы. И большинство из тех, кто поступает (так), — девушки».

Это нам совершенно понятно. Именно русские женщины склонны к самопожертвованию — и были еще более склонны на заре Древней Руси, когда слово «замужем» означало социальный статус и защиту в противовес бесправию одинокой женщины в мире мужей. Ольга поступила беспрецедентно — вместо себя она принесла в жертву мужу множество его убийц. Оцените восторг древнерусского сказителя, который, как все дружинники, обожал удачу и победителей!

Но вернемся к красочному рассказу Ибн-Фадлана, ибо хорошо известная история Ольги интересует нас прежде всего как путеводная нить к повседневной жизни ранней Руси.

«И вот, когда умер этот муж, о котором я упомянул раньше, то сказали его девушкам¹⁰⁵: “Кто умрет вместе с ним?” И сказала одна из них: “Я”. Итак, поручили ее двум девушкам, чтобы они оберегали ее и были бы

¹⁰⁵ Ибн-Фадлан не различает жен и наложниц, а женщин умершего знатного мужа именует «девушками», скорее всего за их молодость.

с нею, где бы она ни ходила, до того даже, что они иногда мыли ей ноги своими руками. И принялись они (родственники) за его дело, — кройку одежды для него, за приготовление того, что ему нужно. А девушка каждый день пила и пела, веселясь, радуясь будущему.

Когда же пришел день, в который будет сожжен (знатный рус) и девушка, я прибыл к реке, на которой (находился) его корабль, — и вот, он уже вытасчен (на берег) и для него поставлены четыре подпорки из дерева хаданга (белого тополя) и другого (дерева), и поставлено также вокруг него нечто вроде больших помостов из дерева. Потом (корабль) был протасчен (дальше), пока не был помещен на эти деревянные сооружения. И они начали уходить и приходиться, и говорили речью, (которую) я не понимаю. А он был далеко в своей могиле, (так как) они (еще) не вынимали его.

Потом они принесли скамью, и поместили ее на корабле, и покрыли ее стегаными матрацами, и парчой византийской, и подушками из парчи византийской. И пришла женщина старуха, которую называют ангел смерти, и разостлала на скамье подстилки, о которых мы упомянули. И она руководит обшиванием его и приготовлением его, и она убивает девушек. И я увидел, что она ведьма большая (толстая) и мрачная (суровая)». Не иначе это была жрица Мокоши — славянской версии Великой Матери, богини судьбы, удачи, плодородия, благоденствия и, разумеется, смерти. Историки считают Мокошь едва ли не центральной фигурой «народного» культа дохристианской Руси, в отличие от «дружинного» культа Перуна. Все это, однако, лишь предположения. А вот наличие жрицы смерти среди русов в далеком и опасном походе очевидно и оправданно.

«Когда же они прибыли к его могиле, они удалили в сторону землю с дерева (с деревянной крыши) и удалили в сторону (это) дерево и извлекли его (мертвого) в изаре (большом плаще), в котором он умер, и вот, я увидел, что он уже почернел от холода (этой) страны. А они еще прежде поместили с ним в его могиле набид и (некий) плод и тунбур (струнный инструмент).

Итак, они вынули все это, и вот он не завонял и не изменилось у него ничего, кроме его цвета (проще говоря, русы сохранили труп знатного мужа в холодном погребке). Итак, они надели на него шаровары и гетры, и сапоги, и куртку, и кафтан парчовый с пуговицами из золота, и надели ему на голову шапку из парчи, соболевою. И они понесли его, пока не внесли его в ту палатку¹⁰⁶, которая на корабле, и посадили его на матрац, и подперли его подушками и принесли набид, и плод, и благовонное растение, и положили его вместе с ним. И принесли хлеба, и мяса, и луку, и бросили его перед ним, и принесли собаку, и разрезали ее на две части, и бросили в корабле. Потом принесли все его оружие и положили к его боку. Потом взяли двух лошадей и гоняли их обеих, пока они обе не вспотели. Потом разрезали их обеих мечом и бросили их мясо в корабле. Потом привели двух коров (быков) и разрезали их обеих также и бросили их обеих на нем (корабле). Потом доставили петуха и курицу, и убили их, и бросили их обоих на нем (корабле).

А девушка, которая хотела быть убитой, уходя и приходя, входит в одну за другой из юрт, причем с ней соединяется хозяин юрты и говорит ей: “Скажи своему господину: ‘право же, я сделала это из любви к тебе’”».

Из этого описания, если только арабский путешественник не выдал желаемое за действительное, легко сделать вывод, что древлянские мужи не слишком возражали бы, если бы красавица Ольга вздумала принести себя в жертву на могиле мужа. Жена знатного руса «соединялась» со всеми его спутниками, присутствовавшими при его кончине на Волге, чтобы передать их благие пожелания супругу в загробном царстве. Ольга решила иначе и отправила древлян самих сказать Игорю всё, что они хотят. Это было такое грубое

¹⁰⁶ Треугольная палатка на деревянной основе найдена на женском погребальном корабле из Осеберга, у Осло-фьорда. Этот украшенный красивой резьбой корабль 21,6 на 5,1 м, на 30 гребцов, с останками старой и молодой женщин, похороненных в восточных шелках, с богатой утварью и даже павлином. Больше палаток в Скандинавии и на Руси не найдено.

нарушение традиции, какое ни один муж не мог предположить!

«Когда же пришло время после полудня, в пятницу, привели девушку к чему-то, что они (уже раньше) сделали наподобие обвязки (больших) ворот, и она поставила обе свои ноги на руки (ладони) мужей, и она поднялась над этой обвязкой (обозревая окрестность) и говорила на своем языке, после чего ее спустили, потом подняли ее во второй (раз), причем она совершила то же (действие), что и в первый раз, потом ее опустили и подняли в третий раз, причем она совершила то же, что сделала два раза. Потом подали ей курицу, она же отрезала ее голову и забросила ее (голову). Они взяли (эту) курицу и бросили ее в корабле. Я же спросил у переводчика о том, что она сделала, а он сказал: “Она сказала в первый раз, когда ее подняли, — вот я вижу моего отца и мою мать, — и сказала во второй (раз), — вот все мои умершие родственники сидящие, — и сказала в третий (раз), — вот я вижу моего господина сидящим в саду, а сад красив, зелен, и с ним мужи и отроки, и вот, он зовет меня, так ведите же к нему”».

Эта сцена ясно говорит нам, что девушка была соплеменницей русов, одной с ними веры. Ее видение загробного мира не имеет никаких аналогов у скандинавов, но вполне укладывается в языческие представления славян. Хорошо подготовленная десятидневной тризной, девушка «видит» загробный мир, где счастливо обитают все ее умершие родственники и где в прекрасном саду ее ждет любимый мужчина. Какой контраст с Вальгаллой для избранных скандинавских героев, где не было места ни их родным, ни их женам, ни их любимым, а «обслуживание» осуществляли многочисленные валькирии!

На самом деле я уверен, что эта мифология отщепенцев, социальных изгоев, неполна. Она просто вытеснила из источников и основанных на них трудов ученых представления нормальных скандинавов, рыбаков и земледельцев, которых ведь тоже хоронили с небольшим набором предметов быта, очевидно,

надеясь не только на Вальгаллу знаменитых воинов. И украшения, которые скандинавы, как славяне и русы, почти все отдавали женщинам, свидетельствуют, что им не чужда была любовь, а значит, надежда на встречу в каком-то ином загробном мире, о котором мы, к несчастью, не знаем. Но вернемся к рассказу араба.

«И они прошли с ней в направлении к кораблю. И вот, она сняла два браслета, бывших на ней, и дала их оба той женщине, которая называется ангел смерти, а она та, которая убивает ее. И она сняла два ножных кольца, бывших на ней, и дала их оба тем двум девушкам, которые обе служили ей, а они обе дочери женщины, известной под именем ангела смерти. Потом ее подняли на корабль, но не ввели ее в палатку, и пришли мужи, (неся) с собой щиты и деревяшки, и подали ей кубком набид, и вот она пела над ним и выпила его. Переводчик же сказал мне, что она прощается этим со своими подругами. Потом дан был ей другой кубок, и она взяла его и затянула песню, причем старуха побуждала ее к питью его и чтобы войти в палатку, в которой ее господин.

И вот я увидел, что она уже заколебалась и хотела войти в палатку, но всунула свою голову между ней и кораблем, старуха же схватила ее голову и всунула ее в палатку и вошла вместе с ней. А мужи начали ударять деревяшками по щитам, чтобы не был слышен звук ее крика, причем взволновались бы другие девушки, и перестали бы искать смерти вместе со своими господами. Потом вошли в палатку шесть мужей и совокупались все с девушкой¹⁰⁷. Потом положили ее на бок рядом с ее господином и двое схватили обе ее ноги, двое обе ее руки, и наложила старуха, называемая ангелом смерти, ей вокруг шеи веревку, расходящуюся в противоположные стороны, и дала ее двум (мужам), чтобы они оба тянули ее. И она подошла, держа кин-

¹⁰⁷ По-моему, Ибн-Фадлан вновь выдает свои сексуальные фантазии за действительность. Описание умерщвления женщины тоже, скорее всего, сделано не очевидцем, если дело происходило в палатке. Убийство кинжалом при удушении избыточно.

жал с широким лезвием, и вот начала втыкать его между ее ребрами и вынимать его, в то время, как оба мужа душили ее веревкой, пока она не умерла.

Потом подошел ближайший родственник мертвеца, взял деревяшку и зажег ее у огня, потом пошел задом, затылком к кораблю, а лицом своим... (в рукописи пропуск. — А. Б.) зажженная деревяшка в одной его руке, а другая его рука на заднем проходе, (он) будучи голым, пока не зажег сложенного дерева, бывшего под кораблем. Потом подошли люди с деревяшками и дровами, и с каждым — деревяшка, конец которой он перед тем воспламенил, чтобы бросить ее в эти куски дерева. И принимается огонь за дрова, потом за корабль, потом за палатку, и мужа, и девушку, и все, что в ней (находилось). Подул большой, ужасающий ветер, и усилилось пламя огня, и разгорелось неукротимое воспламенение его.

И был рядом со мной некий муж из русов, и вот, я услышал, что он разговаривает с переводчиком, бывшим со мною. Я же спросил его, о чем он говорил ему, и он сказал: “Право же он говорит: ‘Вы, о арабы, глупы’”... (в рукописи пропуск. — А. Б.) Это он сказал: “Воистину, вы берете самого любимого для вас человека и из вас самого уважаемого вами и бросаете его в прах (землю) и съедают его прах и гнус и черви, а мы сжигаем его во мгновение ока, так что он входит в рай немедленно и тотчас”. Тогда я спросил об этом, а он сказал: “По любви господина его к нему уже послал он ветер, так что он унесет его за час”. И вот, действительно, не прошло и часа, как превратился корабль, и дрова, и девушка, и господин в золу, потом в пепел.

Потом они построили на месте этого корабля, который они вытащили из реки, нечто подобное круглому холму и водрузили в середине его большую деревяшку хаданга (белого тополя), написали на ней имя мужа и имя царя русов и удалились».

Вероятно, Ибн-Фадлан не все правильно понял из увиденного и услышанного, а что-то неправильно истолковал. Его живой рассказ о русах, встреченных им на Волге, отражает и реалии этой жизни (поклонение

идолам, украшения женщин — мужчины на Руси их почти не носили, детали богатой одежды, похоронные обряды), и чрезмерную увлеченность восточных авторов темой сексуальной раскрепощенности руси, равно относимой ко всем славянам. Вообще, описания нравов и обычаев славян и руси у многочисленных арабских и персидских авторов, использовавших работы друг друга, тесно переплетаются, сливаются и просто заменяются одно другим.

Если свободные отношения мужчин и женщин у северных язычников очень увлекали мусульманских авторов, а привычное им многоженство славян и руси просто констатировалось, то погребальные и поминальные обряды они описывали с большим вниманием и точностью. Ибн-Русте, например, существенно дополнил яркое описание похорон руса в труде Ибн-Фадлана рассказом о поминках у славян, на которых одна из жен покойного добровольно приносит себя в жертву и ее труп сжигают. Для археологов погребальный и поминальный обряд является важным определителем археологической культуры, характерной для того или иного этноса. Но кого же описал в столь ярком рассказе Ибн-Фадлан?

Норманисты и антинорманисты

Ответить на этот вопрос о происхождении погребального обряда русов на Волге было бы нетрудно, если бы он не стал полем битвы для двух научных и публицистических «партий» — норманистов и антинорманистов.

Начиная с XVIII века, когда М. В. Ломоносов сцепился в этом вопросе с немцами из Санкт-Петербургской академии наук, в пылу дискуссии было издано несколько десятков книг и сотни статей. Некоторые из этих работ написаны столь ярко и талантливо, что могут служить прекрасным развлекательным чтением. До сей поры вызывает заслуженный интерес читателей превосходная в литературном и полемиче-

ском плане книга первого директора Эрмитажа Степана Александровича Гедеонова «Варяги и Русь». В ней обстоятельно рассмотрены практически все источники и детально освещены основные вопросы долгой и увлекательной полемики¹⁰⁸.

Проблема лишь в том, что сама полемика искусственна и основана на драматической *провокации*. Норманисты изначально относили название Русь к викингам-скандинавам, коих почему-то именовали норманнами¹⁰⁹. Провокационный вывод из этой концепции, всегда следовавший перед ее аргументацией, обеспечил долгую жизнь спору: «Русское государство, как таковое, основано норманнами, и всякая попытка объяснить начало Руси иначе будет напрасным, праздным трудом»¹¹⁰. Неудивительно, что патриотически настроенные антинорманисты немедля объявили Русь автохтонным славянским племенем.

Собственно спор, невзирая на массы аргументов той и другой стороны, свелся к вопросу, являются ли племена восточных славян государствообразующими, или славяне вкупе с финно-уграми суть рабы, способные только ссориться между собой, податной материал для строительства государства пришельцами из Северной Европы. Даже сегодня, когда суть спора не всегда бывает озвучена, этот смысл обязательно присутствует в самых солидных на вид академических трудах. Придавая им, на мой взгляд, несколько ирониче-ский оттенок.

Норманистов не беспокоит, что с точки зрения концепции цивилизующего влияния Запада на Древнюю (а впрочем, и Новую) Русь викинги (будем называть так этнически скандинавскую часть морских раз-

¹⁰⁸ Гедеонов С. А. Варяги и Русь. СПб., 1876. Ч. 1—2. Новое изд.: М., 2004.

¹⁰⁹ Норманны — одно из скандинавских племен, даны, осевшие на северо-западе Франции, в Бретани, и завоевавшие затем Англию, Южную Италию и Сицилию, северный берег Африки и часть Греции.

¹¹⁰ Браун Ф. А. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1890. С. 3.

бойников и балтийских купцов варягов) представляли собой даже не нулевую, а отрицательную ценность. «Запад» в данном случае без прикрас олицетворяет собой разбой. Причем разбой, который еще Древняя Русь сумела пресечь силами создавших могучее государство славян и финно-угров.

Норманны в узком смысле — это даны, цивилизованные со второй половины IX до XI века франками, перенявшие у франков христианскую веру, язык и культуру. Викинги вообще — люди, мягко говоря, не государственные, имевшие отношение к цивилизации только с точки зрения грабежа материальных ценностей. Нигде, в том числе на Руси, куда они действительно захаживали, не осталось заметных следов их языка и обычаев. Хуже того, история норманнских завоеваний позволяет бросить обвинение в «негосударственности» скорее Западу Европы, чем ее Востоку.

Свои государства норманнам удалось создать в Англии (где они одолели саксов, которые ранее одолели англов, завоевавших бриттов после ухода римлян), Южной Италии и Сицилии (под эгидой римского папы). И всюду они очень быстро растворились без остатка. Не только норманны, но и викинги-скандинавы в широком смысле не могли принести другим народам ничего созидательного. Особенно плохи были у них дела именно с государственностью. Вожди-конунги, с IX века более-менее владевшие Данией, создали очень непрочное государство (Дания, Норвегия и Англия) только в XI веке при Кнуде Великом. Швеция пребывала в раздорах под властью своих мелких конунгов и датчан до смерти Александра Невского. Там все было настолько печально, что смутная «государственная» история шведов IX—XIII веков до сих пор описывается лишь в общих чертах. «Государства», точнее владения разных конунгов в Норвегии, начали образовываться в конце IX века, но и в начале XI века, при крестителе норвежцев Олафе II Толстом (одно время спасавшемся в Новгороде у Ярослава Мудрого), были крайне неустойчивыми. Словом, опыт государственного строительства скандинавы, тем более та их

часть, что упорно шла в морские разбойники-викинги, передать славянам и финно-уграм не могли в силу убожества собственных представлений о государственности.

В XVIII веке норманисты использовали также апелляцию к прусскому опыту, памятуя родословные легенды, согласно которым предки династии Романовых выехали на Русь из Пруссии. На фоне бурной просветительской деятельности прусского короля Фридриха Великого эта идея выглядела неплохо. Не считая того, что пруссы были балтским племенем, покоренным немцами только в XIII веке.

Итак, с точки зрения нелепой идеи «государственных» и «негосударственных» народов отнесение создания Русского государства к скандинавам смехотворно. Что не мешало патриотически настроенным русским антинорманистам воспринимать ее всерьез.

Ответ антинорманистов состоял (и состоит) в том, что русы, начиная с легендарного князя Рюрика и его родни, были отнесены к западным, прибалтийским славянам, жившим в IX веке на южном побережье Балтийского моря от современной Калининградской области до Дании. А Русь определена как особый район в Южной Руси (вблизи Киева или в современной Липецкой области), выходцы из которого и дали свое название вначале верхушке, а со временем и всем поданным Древнерусского государства. Естественно, эти древние русы (или, в греческом написании, росы) были восточными славянами. Всякий, кто не вполне доверял слабым доводам в пользу автохтонности этого русского племени, моментально причислялся к стану врага.

Антинорманистов не смущает, что идея изначальной и вечной славяно-русской идентичности противоречит фундаментальной основе русской государственности, объединяющей со времен Древней Руси множество народов. Именно отношение ко всем народностям, языкам и культурам как к равным поданным одной Русской державы сформировало и поддерживает тысячелетний феномен России, где чи-

стокровный грузин князь П. И. Багратион восклицает вместе с русскими, немецкими и сербскими по крови генералами: «Мы русские! Клянемся в том пред все-сильным Богом!» — и побеждают «одной лишь силой воли русского человека»¹¹¹. Казалось бы, возможность проследить процесс формирования спланированной нас державной идеи на заре Древней Руси должна патриотических историков вдохновлять. Но и тут провокация оказывается сильнее здравого смысла.

Как обычно бывает, полярные точки зрения — равно неправомерные — питают друг друга. Стороны веками громоздят аргументы и контраргументы, интересные не сами по себе, но исключительно в процессе спора. Даже если собрать и сжечь все работы норманистов (или антинорманистов, разницы нет), тексты одной стороны передадут всю дискуссию целиком, поскольку полярные мнения друг без друга не живут. Функционально спорщики выступают лучшими друзьями, у которых на самом деле есть лишь один истинный противник — любой благоразумный историк, который анализирует источники вне этой псевдоантагонистической парадигмы.

Дискуссия норманистов и антинорманистов до сих пор выглядит весьма занимательной, хотя к науке может быть отнесена только за счет формы. По сути она мешает историкам объективно разбираться в интереснейших культурных взаимоотношениях, на фоне которых в X веке в Восточной Европе сложилось Древнерусское государство. В основе этих взаимоотношений лежали удобнейшие, стратегически чрезвычайно важные водные пути по землям восточных славян и дружественных им финно-угров.

Водные системы Волги, Днепра, Дона, Западной и Северной Двины и прилегающих, доступных по «волокам» рек соединяли север и юг, запад и восток Европы. Благодаря им германские владения на Дунае, славянские, балтские и скандинавские земли на Бал-

¹¹¹ *Старков Я. М.* Рассказы старого воина о Суворове. М., 1847. С. 212—218.

тийском море были связаны с Византией и Великим шелковым путем, проходившим с востока на запад от Китая через южный берег Каспия к Средиземному морю (с ответвлением на Индию).

Просто указать на эти связи — значит не сказать ничего, если не пояснить: это были определяющие связи для развития небольшого северо-западного отростка Евразии, известного нам как Европа. Особенно для севера Европы, не втянутого в свое время в орбиту античной цивилизации, и для восточных ее районов, знакомых с достижениями средиземноморской культуры только через торговлю. Водные пути Восточной Европы вели северных варваров, в том числе и наших с вами предков, к непокоренной варварами Восточной Римской империи: державе ромеев, известной в научной литературе как Византия. Именно ее культура оказала определяющее воздействие на формирующийся господствующий слой всех государств Европы. Как показывают нам материальные и изобразительные источники, уже с IX века всё воинское сословие, все берущие дань, от Волги до Ирландии, строго следовали византийской моде, в отличие от дающих дань землепашцев и ремесленников, веками сохранявших племенные костюмы, утварь и украшения.

В VII веке в низовьях Волги появились арабские купцы с дарами культур всей Передней Азии и Северной Африки, входивших в Арабский халифат. Великий шелковый путь, названный по одному товару, производимому в основном в Центральной Азии в операции с Китаем, предлагал всем, кто имел к нему доступ, колоссальное богатство материальных культур Китая, Средней Азии и Индии.

Раскопки торговых центров на Балтике, таких как Бирка (на озере Миларен в Швеции), показали, что культурный юго-восток мог предложить северу (кроме тканей, которые практически не сохраняются в земле) множество ценных вещей, от удобных степных доспехов до китайских бронзовых статуэток. Найденные археологами клады арабских серебряных монет, густо

покрывающие Волжский и Волго-Донской торговые пути и растекающиеся более тонкими ручейками по берегам Балтики, свидетельствуют, что страдавшей от нехватки драгоценных металлов Восточной и Северной Европе было что предложить в обмен.

С северными купцами, появившимися на Великом шелковом пути, и связано самое раннее упоминание русов в восточных письменных источниках. Около 847 года персидский географ-мусульманин Абу-ль-Касим Убайдаллах ибн Абдаллах ибн Хордадбех, видный чиновник почтовой службы Арабского халифата, в первом дошедшем до нас географическом описании халифата и его окрестностей сообщил: «Если говорить о купцах ар-Рус, то это одна из разновидностей славян. Они доставляют заячьи шкурки, шкурки черных лисиц и мечи из самых отдаленных [окраин страны] славян к Румийскому морю. Владелец ар-Рума (византийский император. — А. Б.) взимает с них десятину. Если они отправляются по Танаису (Дону. — А. Б.) — реке славян, то проезжают мимо Хамлиджа (Саркела. — А. Б.), города хазар. Их владелец также взимает с них десятину. Затем они отправляются по морю Джурджан и высаживаются на любом берегу. Окружность этого моря 500 фарсахов. Иногда они везут свои товары от Джурджана до Багдада на верблюдах. Переводчиками [для] них являются славянские слуги-евнухи. Они утверждают, что они христиане, и платят подушную подать»¹¹².

Русы (в арабоязычных источниках ар-Рус) названы не народом или племенем, а разновидностью (джинс — вид) славян. Из последующих многочис-

¹¹² Прочитированный отрывок из сочинения ибн Хордадбе-ха о купцах ар-Рус, его последователь Ибн ал-Факих, писавший около 903 г., как полагают, по более полной рукописи ибн Хордадбе-ха, чем имеется в нашем распоряжении, во всех известных списках относит к славянам: «Что касается славянских купцов, то они вывозят меха лисиц...» и т.п.; «И что касается славян, то они везут...»; наконец, просто: «Славяне едут к морю...» У более поздних авторов изначальное различие славян и руси и вовсе сглаживается, становясь темой для фантазий.

ленных сочинений арабских и персидских авторов мы узнаём, что это преимущественно воинское сословие, живущее мечом, но не гнушающееся торговлей. «Я не оставляю тебе в наследство никакого имущества, — говорит русский отец сыну, согласно сочинению персидского ученого первой половины X века Ибн-Русте, — и нет у тебя ничего, кроме того, что приобретешь этим мечом». «Они не имеют ни оседлости, ни городов, ни пашен, — продолжает этот компилятор 930-х годов, — единственный промысел их — торговля соболями, беличьими и другими мехами, которые и продают они желающим; плату же, получаемую деньгами, завязывают накрепко в пояса свои». Русы «имеют царя, который зовется хакан-Рус. Они производят набеги на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, отвозят в Хазран и Булгар и продают там. Пашен они не имеют, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян». Арабский географ второй половины X века аль-Мукаддаси сходным образом полагал, что страна русов граничит с землей славян, первые нападают на вторых, расхищают их добро и захватывают их в плен.

Персидский историк Абу Саид Абд аль-Хай ибн аз-Заххак ибн Махмуд Гардизи в середине XI века, незадолго до смерти Ярослава Мудрого, сообщал о русах, что «всегда сто—двести из них ходят к славянам и насильно берут с них на свое содержание, пока там находятся... Много людей из славян... служат им, пока не избавляются от зависимости». И позже многие восточные авторы, не смущаясь существованием Древнерусского государства, продолжали писать, что русы служили своему правителю-кагану, жили в постоянной боевой готовности, были отважны в бою и не гнушались пиратством, в том числе на Черном море¹¹³.

Норманистам казалось необычайно привлекательной мысль отнести эти многочисленные (я упомянул

¹¹³ Подробно: *Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв.

лишь часть) рассуждения о русах к викингам-скандинавам. Действительно, у скандинавов до XIII века сохранялись смутные, но от того не менее приятные воспоминания об Аустрвегре¹¹⁴, Восточном пути с Балтики в сказочно богатые страны, откуда отдельные герои привозили фантастическую добычу. Судя по археологическим находкам, восточная добыча и восточные товары обогащали торговые центры скандинавов, такие как Хедебю в Дании, Бирка в Швеции, Каупанг в Норвегии, остров Готланд, служивший важным центром торговли. Их многолюдность и богатство, добываемое в набегах и торговых экспедициях, были несравнимы с убогими небольшими поселениями сравнительно мирных скандинавов, не столь тесно связанных с викингами. По величине и богатству эти центры торговли-разбоя сравнимы только с пограничными пунктами транзитной торговли и военных экспедиций, вроде Дорестада в Нидерландах, через который шла торговля с Рейнскими землями (откуда происходили чудесные мечи как скандинавов, так и славян, любимые также персами и арабами). Не меньшим богатством и населенностью отличались смешанные по населению «скандинаво-славянские» города варягов: Старая Ладога, Рёрик и Аркона, к коим часто прибавляют полулегендарные города Венету и Йомсбург.

Скандинавы не слишком заметно отметились на Волжском и Волго-Донском путях, зато хорошо «наследили» своими металлическими изделиями на Руси. В связанных с их посещениями городах, таких как Старая Ладога и Изборск, остались следы скандинавского быта. А русские княжества X — начала XI века покрыты воинскими захоронениями в курганах, в части которых хорошо прослеживается скандинавский элемент. Пока археологи, изучив клейма мастеров на клинках мечей, не установили их общее немецкое происхождение.

¹¹⁴ *Джаксон Т. Н.* Austr í Gørdum: древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001. Гл. 3: Austrvegr — «Восточный путь» скандинавских викингов.

ние, почти все самые богатые могилы воинов считали скандинавскими. Когда выяснилось, что собственно викингов на Руси похоронено не так уж и много от общего числа эксгумированных археологами воинов, норманистам это было уже неинтересно. Они уверились, что славянские племена были завоеваны викингами, которые открыли великие водные пути и прозвались русами.

Озадачивало норманистов лишь то обстоятельство, что у скандинавов не было ничего похожего на название «русь». В то время как у славян оно было связано с реками и зафиксировано в великом множестве топонимов (отсюда, кстати, пошли «русалки»). Не беда: вспомнили, что финны именуют шведов словом *Ruotsi*, — и произвели самоназвание воинов «русь» от него. Вы спросите, при чем здесь финны, да еще поздне? Примерно при том же, при чем скандинавское название общины гребцов: *Rodhsin*, — еще одна слабая попытка найти у викингов источник слова «русь». «О» вместо «у» в слове «русь» изначально писали греки. Именно от них русские получили название Россия, которое с XV века вошло в обиход наших ученых книжников, затем — в церковные тексты, а с XVII века — в название государства («Великая Россия») ¹¹⁵. Это навело часть норманистов на еще одну мысль: что название русским (росам) придумали греки...

Смехотворность спора норманистов с историческими реалиями показывает пример толкования рассказа Ибн-Фадлана о похоронах руса. Норманисты не сомневаются, что сожженный на глазах ученого араба рус был скандинавом. А как же иначе — ведь тут в деталях описан именно скандинавский погребальный обряд в ладье! Увы, пройдя по ссылкам наших норманистов к шведским, норвежским и датским исследованиям, мы обнаруживаем у них описание этого «скандинавского» обряда по тексту... Ибн-Фадлана! То есть араб описал именно «скандинавский» обряд потому,

¹¹⁵ Клосс Б. М. О происхождении названия «Россия»; Богданов А. П. 1612. Рождение великой России. М., 2013.

что скандинавские исследователи описывают «свой» древний погребальный обряд по его труду.

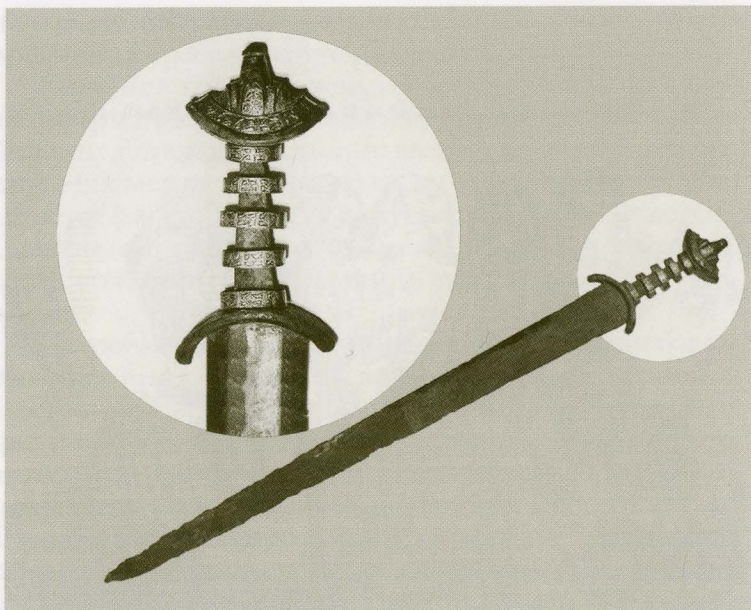
Ситуация вполне анекдотическая. Как и попытки антинорманистов приписать похороны руса по Ибн-Фадлану славянам. Скандинавы изначально закапывали своих мертвецов в землю, в том числе в ладье, но не жгли (за что им огромное спасибо от археологов). Славяне сжигали мертвецов, но без ладьи. Красиво сопровождаемый в мир иной рус нарушает все традиции.

Погребальный обряд, как важнейший признак различения этносов, изучен археологами в Северной и Восточной Европе очень основательно. В частности, у нас имеются подробные исследования скандинавских археологов по материалам реальных раскопок могил простых людей, викингов и конунгов. В отличие от Руси, на севере Европы действительно был обычай погребать знатных людей в ладье с оружием и богатой утварью (в то время как могилы простых скандинавов были просто нищенскими). Но ни тела, ни ладьи они не сжигали! Описанный Ибн-Фадланом обряд представляет собой смесь скандинавских традиций (ладья, оружие, утварь) со славянским обрядом трупосожжения и жертвоприношений. Переводчик, столь живо объяснивший Ибн-Фадлану смысл трупосожжения как кратчайшего пути проводов героя в загробный мир, излагал концепцию славян, которые не могли себе представить иной способ обеспечить загробную жизнь покойного.

Очевидно, что русы — воины и торговцы на Великом Волжском пути — представляли собой смесь разных этносов, подобно варягам на Балтике, где северный и западный берега занимали скандинавы, а южный и восточный — славяне, балты и финно-угры. Какой этнический элемент здесь преобладал, нетрудно догадаться, раз язык русов был славянским, а славянский обычай трупосожжения постепенно проник в Скандинавию, появившись сначала на ведущих к ней Аландских островах, затем в торговом городе Бирке, куда прибывали воины-купцы с Аустрвегра, и со вре-

Великий князь Святослав Ярославич (впереди) с сыновьями (вверху слева направо) Глебом, Олегом, Давыдом, Ярославом, женой Одой Штаденской и маленьким сыном Ярославом.
Миниатюра из Изборника Святослава 1073 г.

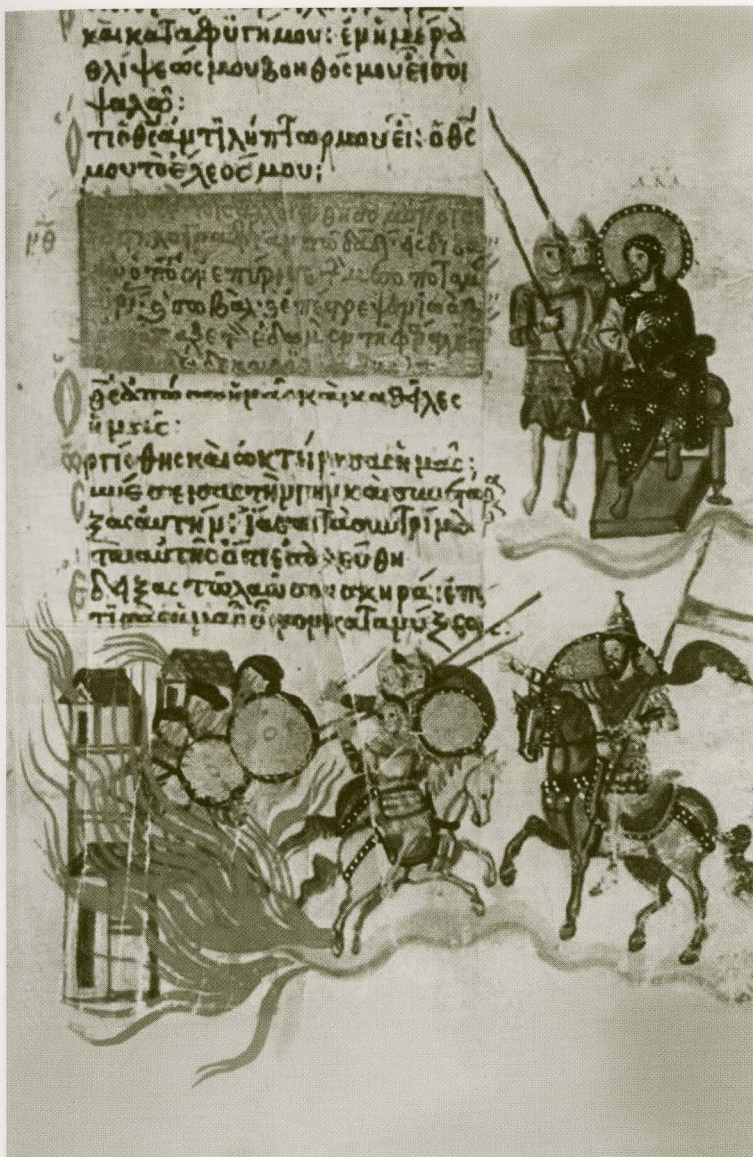

Ранний «карolingский» меч. IX в.

Воинская мода времени первого посольства русов.

Миниатюра Штутгартской псалтири. Государство франков, 820—830-е гг.

Ромейская военная, придворная и городская мода времен нашествия
 русов на Константинополь.
 Миниатюра Хлудовской псалтири. Империя ромеев, середина IX в.

Ромейская брошь с орлом, найденная в Германии.
Рубеж IX—X вв.

Наконечник
«рогатого» копья.
IX—X вв.

Так представляли себе призвание варягов русские книжники XV столетия.
Миниатора Радзивилловской летописи

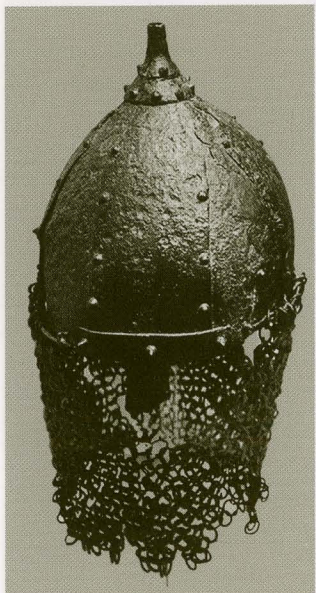

Воины времен
легендарного
князя Рюрика.
Золотая псалтирь,
монастырь
Сен-Галлен,
883—900 гг.

Гражданская мода
времен легендарного
князя Рюрика.
Псалтирь Фолхарда,
монастырь
Сен-Галлен,
872—883 гг.

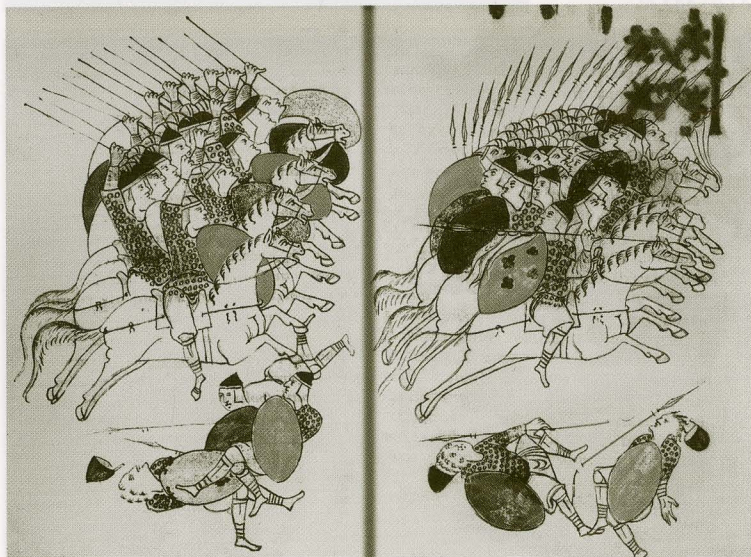

Хазарский шлем IX—X веков

Русская сабля IX—X веков

Конный бой. Миниатюра Лейденского кодекса. Первая половина X в.

Меч русского дружинника и шлем. X в.

Война глазами ромеев. *Свиток Иисуса Навина, первая половина X в.*

Женские украшения
и арабские дирхемы
из русского
клада X века

Придворная женская
одежда времени
посольства княгини
Ольги в Царьград.
Миниатюра
Парижской псалтири.
Империя ромеев,
950—970 гг.

Кубок императора Романа II, с которым трапезовала княгиня Ольга. *Империя ромеев, 960-е гг.*

Ромейская серьга времен княгини Ольги

Княгиня Ольга на приеме у императора Константина Багрянородного. *Миниатюра Мадридского списка «Хроники» Иоанна Скилицы. XII—XIII вв.*

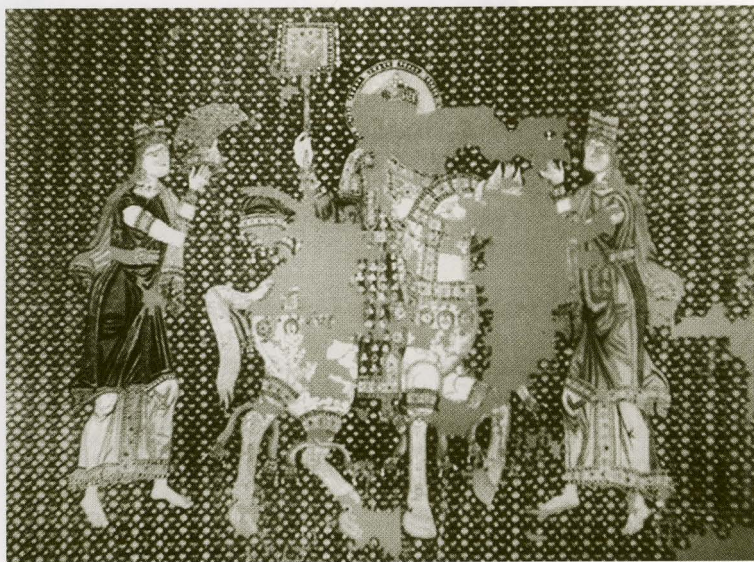

Боевой топор, меч и умбон щита времен великого князя Святослава.
Южное Приладожье

Серебряная крышка и накладки на ремни воинской сумочки-ташки. *X в.*

Триумф императора Иоанна Цимисхия. Вокруг императора дамы-патрикии в придворных платьях и статусных поясах.
Расшитая ткань. Константинополь, 971 г.

Святой Димитрий
Солунский в тяжелом
ламеллярном доспехе
времен Святослава.
Резьба по кости.
Константинополь,
вторая половина X в.

Переговоры Святослава
с императором
Иоанном Цимисхием.
Миниатюра
Мадридского списка
«Хроники»
Иоанна Скилицы

Златник Владимира Святого. *Конец X — начало XI в.*

Болгары в русских кафтанах.

Миниатюра из Миналогия Василия II. Империя ромеев, 976—1025 гг.

Суздальский боевой топорик. X—XI вв.

Воины в парадной одежде: расшитой рубахе (слева — святой Сергий) и плаще-корзне (святой Евгений).

Мозаики монастыря Неа Мони, остров Хиос. Середина XI в.

Дочери великого князя Ярослава Мудрого. *Фреска Софии Киевской. XI в.*

Скоморохи. *Фреска Софии Киевской. XI в.*

Шлем с личиной
времен решительной
победы русских
над половцами

Венец королевы
Анастасии Ярославны.
Подарок императора
Константина IX
Мономаха на свадьбу
с венгерским королем
Андрашем I.
1046 г.

Князь Ярополк Изяславич, его жена графиня Кунигунда Веймарская и склонившаяся в молитве мать Гертруда.
Миниатюра из Молитвенника Гертруды. 1078—1087 гг.

менем распространившись по Швеции, не вытеснив, moreover, исконного обряда трупоположения¹¹⁶.

Помимо характерного именно для славян трупосожжения, на решительное преобладание в среде русов восточнославянской культуры указывает поведение их женщин. Скандинавские дамы даже не думали кончать с собой при смерти мужа. В то же время о славянах еще в VI веке византийский военный трактат «Стратегикон» говорил: «Скромность их женщин превышает всякую человеческую природу, так что большинство их считает смерть своего мужа своей смертью и добровольно удушают себя, не считая пребывание во вдовстве за жизнь». На могиле руса у Ибн-Фадлана дама была именно удушена. Писавший почти в одно время с ним Ибн-Русте тоже говорит о добровольном удушении славянских жен:

«Когда умирает у них кто-либо, труп его сжигают. Женщины же, когда случится у них покойник, царапают себе ножом руки и лица. На другой день после сожжения покойника они идут на место, где это происходило, собирают пепел с того места и кладут его на холм. И по прошествии года после смерти покойника берут они бочонков двадцать, больше или меньше, меда, отправляются на тот холм, где собирается семья покойного, едят там и пьют, а затем расходятся. И если у покойника было три жены и одна из них утверждает, что она особенно любила его, то она приносит к его трупу два столба, их вбивают стоймя в землю, потом кладут третий столб поперек, привязывают посреди этой перекладины веревку, она становится на скамейку и конец (веревки) завязывает вокруг своей шеи. После того как она так сделает, скамью убирают из-под нее, и она остается повисшей, пока не задохнется и не умрет, после чего ее бросают в огонь, где она и сгорает».

Ту же самую картину археологи наблюдают в дружинных курганах, покрывших всю Древнюю Русь в

¹¹⁶ См., напр.: *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985; *он же.* Погребальный обряд скандинавов эпохи викингов. Автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1972.

IX—X веках, до Крещения Руси Владимиром Святым и распространения христианского обряда погребения князей, воевод и дружины. В знаменитых Гнездовских курганах женщина, сопровождающая мужа в загробный мир, — обычное дело. И не надо вспоминать о скандинавских фибулах-черепашках: парных застежках женского костюма скандинавки, находки которых вроде бы говорят о поселении на Руси скандинавских женщин. Из сотен курганов они есть всего в двадцати, причем в шестнадцати встречено по одной фибуле (так их носить со скандинавским костюмом было нельзя), а в одном — четыре (явный перебор). То есть скандинавки если на Русь и приезжали, то по-славянски ни на родине, ни на Руси себя не вели и за мужчиной в лучший мир не следовали. В курганы уходили с любимыми славянские девушки, которым мужчины дарили добытое в походах серебро. На Руси женщины аналогично кончали с собой в Тимиревских, Черниговских, Шестовицких и прочих курганных комплексах. Это поведение женщин на Руси служит абсолютно верным признаком разграничения русской и скандинавской культур.

При этом все авторы, начиная с создателя «Стратегикона», подчеркивают добровольность женского самопожертвования — это было отнюдь не убийство рабыни! Но ведь славянская девушка могла влюбиться и в скандинава, резонно скажете вы, особенно в удачливого воина и купца, приносящего шелка и серебро. Да вполне могла, столь же резонно отвечу я, тем более что «чистые» скандинавы в ранних русских дружинах присутствовали и кому-то свою добычу должны были приносить¹¹⁷. Только большинства, как думают норманисты, и даже существенной части воинов-купцов они не составляли.

¹¹⁷ Находки украшений (шейных обручей-гривен, браслетов, колец и т. п.) в мужских захоронениях на Руси и в Скандинавии единичны. Воины и купцы уходили в иной мир только с дорогим оружием, статусными воинскими поясами и полезной утварью. Основная часть добытых ими драгоценных металлов оказывалась в виде украшений на их женщинах.

Пример соотношения разных этнических элементов среди русов дают ранние дружинные курганные комплексы. Самый большой из них находится в Гнездове под Смоленском, где на пути «из варяг в греки» во второй половине IX века возник перевалочный пункт воинов-купцов. «Не вызывает сомнения полиэтничность населения, составившего Гнездовские поселения и могильники», — пишет выдающийся археолог В. В. Седов. Доминировали в дружине славяне, прежде всего местные смоленские кривичи, но также представители других союзов племен и переселенцы из Дунайских земель. Кроме них присутствовали балты, не вполне ассимилированные на этих землях славянами. «Отчетливо выделяется и скандинавский этнический элемент. Типично скандинавскими были погребение умершего в ладье, помещение железной гривны с молоточками Тора на остатки погребального костра или в урну с остатками кремации, а также захоронение в убранных с парой скорлупообразных фибул. Согласно наблюдениям Д. А. Авдусина, среди 950 курганных захоронений, раскопанных в Гнездове, скандинавскими можно считать примерно пятьдесят»¹¹⁸.

Пять-шесть процентов скандинавов в той среде, которая и формировала Древнерусское государство, — явно маловато для идеи «цивилизации» Руси дикими северными варварами-викингами. При этом «чистые» скандинавы выявляются в основном в курганах второй половины IX века (где их доля несколько выше). В X веке скандинавские археологические маркеры стираются до того, что даже северный обряд захоронения в ладье уже не зависит от племенного происхождения покойного. Он понравился самым знатным воинам и стал их привилегией. Ту же примерно картину археологи обнаружили в Ростовской и Ярославской земле, в курганных комплексах, поселениях и кладах Великого

¹¹⁸ Седов В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 556. Далее цитируется этот фундаментальный труд.

Волжского пути: Тимиревском, Михайловском и Петровском. В них господствовал обряд трупосожжения, похоронены были в основном славяне и культурно смешанные с ними финно-угры. «Несомненен в этих памятниках и скандинавский этнический элемент, — пишет В. В. Седов, — вещи североевропейского происхождения встречены и в курганах, и в культурном слое Тимиревского поселения. Единичные собственно скандинавские захоронения с характерными особенностями похоронного ритуала и набора вещей относятся лишь ко второй половине IX в. В погребениях X в. скандинавские вещи нередки, но норманнские черты обрядности в большинстве случаев оказываются стертыми». Иными словами, скандинавы в русских дружинах присутствовали в небольшом числе и быстро растворились среди славян.

Аналогичную же картину рисуют археологические памятники южной Руси: курганные комплексы в окрестностях Чернигова, поселение и могильник Шестовицы (ниже Чернигова по реке Десне), а также некрополи Киева, Изборска, Пскова, раскопки Старой Ладоги и других древнерусских городов. Полиэтническое дружинное сословие, согласно этим данным, формировалось прежде всего из всех племен восточных славян и финно-угров, с добавлением западных и южных славян, скандинавов, тюрков, венгров и разнообразных по происхождению воинов Хазарского каганата. Их предметный мир, наличие в котором скандинавских вещей так взбудоражило некогда норманистов, формировался в основном из славянских артефактов, среди которых присутствовали добыча и товары с Балтики, из Германии, Великой Степи, Византии, Средней Азии и даже Дальнего Востока. Кстати, складные весы и гирьки, указывающие на занятие торговлей, присутствуют во множестве могил древних русов, причем 34 процента этих находок — в могилах с оружием¹¹⁹.

¹¹⁹ *Перхавко В. Б.* Зарождение купечества на Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1988. С. 87—88.

Эти данные отнюдь не означают победу антинорманистов, которые упорно искали, но так и не нашли племя «русь» среди восточных славян. Даже В. В. Седов, предпринявший наиболее серьезное изучение этого вопроса применительно к археологическим культурам при поддержке солидного исследования гидронимов, проведенного видным лингвистом О. Н. Трубачевым¹²⁰, убедительных доказательств наличия славянского племени «русь» привести не смог. И свети на нет роль скандинавов, которые, как мы видели, хоть и в небольшом числе, но явно присутствуют в русских дружинах с середины IX века, никому из антинорманистов не удалось.

Ведь тот же красивый похоронный обряд в ладье, который так поразил Ибн-Фадлана, понравился и разноплеменным русским воеводам, в X веке «зарезервировавшим» его для себя. А княгиня Ольга реализовала скандинавский обряд в чистом виде, закопав «живых покойников» в неповрежденной ладье. Балтийские морские разбойники, безусловно, внесли заметный вклад в формирование культуры полиэтничного воинского сословия, даже стимулировали его появление. Недаром Никон Великий написал, что вся история появления Древнерусского государства началась с изгнания разбойников-варягов за море. Которое завершилось тем, что часть их вновь призвали на Русь, чтобы те служили ей.

Нам с вами спор сторон, равно отрицающих исторические факты в пользу одной надуманной концепции, интересен с трех точек зрения. Во-первых, полезно знать, откуда и на каком основании растут «уши» различных исторических мифов. Во-вторых, важно понимать, чем научное исследование истории отличается от «партийного». Наконец, в пылу споров сторонники антагонистических концепций обнаружили много полезного для развития науки, предоставив де-

¹²⁰ Трубачев О. Н. В поисках единства: Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1992; 2-е изд.: М., 1997; 3-е изд.: М., 2005.

лать верные выводы тем, кто в споре не участвует. Это не может не вызвать сердечной благодарности — не только моей, но и вашей, поскольку оригинальные научные выводы делаются на ваших глазах.

Двор князя русского

Итак, Ольга поступила с древлянскими мужами в стиле викингов: закопала их в ладье. Никакого сожжения, никакого почетного для славян пути в загробный мир! Ведь древляне были славянами и противопоставляли себя русам. «Вот убили князя русского, — радовались они, согласно Древнейшему сказанию, — возьмем жену его Ольгу за князя своего Мала, и Святослава возьмем, и сотворим ему что хотим»¹²¹. Потому «и прислали древляне лучших мужей, числом 20, в ладье к Ольге». Угрозы жизни маленького сына Ольги было вполне достаточно, чтобы мать решила древлянских мужей закопать. Древляне вряд ли оглашали этот план перед Ольгой. Даже между собой, если верить Древнейшему сказанию, они не упоминали об убийстве ребенка. Но догадаться, зачем им понадобился Святослав, было нетрудно.

Искоренить едва появившуюся поросль князей русских было разумным планом древлян, уставших от набегов со стороны Киева. Сами киевляне вряд ли были особенно счастливы тем, что прямо у стен их города базировался отряд буйных мужей без роду и племени, князь которых требовал разнообразных благ «за защиту и справедливый суд». Правда, до появления русского князя с киевлян и всего их племени полян брал дань каган хазар — кочевников, основавших в Северном Причерноморье и Прикаспии огромный Хазарский каганат. Но от Киева хазары были далеко и брали не сколько хотят, как муж Ольги Игорь, а строго по договору — как народ отчасти цивилизованный и в меру прогрессивный. Правда и то, что киевляне

¹²¹ Начальная летопись. С. 17.

имели хороший доход от морской торговли с Восточной Римской империей, которую организовали русы и которая шла через Киев, куда собирались товары и ладьи со многих славянских земель. Но градские мужи имели лишь часть этих доходов, с завистью глядя на прибыль князя русского, точнее — его воеводы Свенельда. Князь русский был хорошо вооруженным пришельцем — правителем Киева, но не представителем города и тем более не вождем полянского племени. Так было во времена Ольги и так осталось навсегда.

Центром русской ватаги возле Киева был большой княжеский двор с каменным теремом, который летописцы упоминали весьма усердно. Древляне, как гласит Древнейшее сказание, «пристали под Биричевым, тогда ведь вода текла подле горы Киевской, а на поле (где позже возник целый район — Подол. — А. Б.) не жили люди, но на горе. Город же был Киев где есть ныне Гордятин и Никифоров двory. А княжеский двор был в городе (современном сказителю. — А. Б.), где ныне двory Воротислава и Чудина, а сначала так был вне города двор другой, был ведь тут терем каменный». В «Повести временных лет» уточняется: «И был вне города дворец теремной и другой, где есть (то есть стоит. — А. Б.) двор демесников (церковного певчего. — А. Б.) за Святою Богородицей над горой, был ведь тут терем каменный».

В этом каменном тереме вне стен города и жила Ольга. Сюда по Биричеву взвозу поднялись к ней древлянские мужи. Отправив их почивать в ладье, «Ольга же повелела выкопать яму большую и глубокую на дворе теремном вне города. И наутро Ольга, сидя в тереме, послала за гостями». «И принесли их на двор к Ольге и тут низринули в яму и с ладьей. И Ольга, сойдя к ним (из терема) и наклонившись», убедилась, что смерть ее мужа отомщена.

Внимание летописцев к княжескому двору с каменным теремом понять легко. Других каменных сооружений во всей Руси и в окрестностях тогда и близко не было. Чтобы полюбоваться на каменные здания, надо было ехать далеко на запад к Рейну или поближе, на

юго-восток, на реку Дон, где ромейские инженеры еще в 830-х годах возвели для хазарского кагана каменную крепость — Белую Вежу (то есть башню), по местному Саркел. И та лишь выглядела белокаменной из-за побелки, а на самом деле была сложена из кирпича¹²². Лишь немного белого камня от старых греческих построек ромеи привезли на Дон из Крыма. Туда в середине X века и следовало держать путь, чтобы насладиться чем-то подобным каменному терему Ольги.

Итак, что же увидели древлянские мужи в их последнем путешествии, когда сидели в ладье и величались, а работники Ольги несли их вверх по Биричеву взвозу? Прежде всего — небольшой деревянный город Киев, окруженный рубленными из толстых бревен стенами. Академик Б. А. Рыбаков отнес основание города к V веку, когда на холмах на высоком правом берегу Днепра появилось поселение. Однако древнейших укреплений, позволяющих назвать городом это селение над удобным перевозом через Днепр, не обнаружено. Находившиеся здесь славянские поселения объединились и оградилась стенами довольно поздно, в конце IX века, примерно за 50 лет до выступления Ольги на политическую авансцену.

Прославлению Киева способствовали монахи-летописцы, составители Начальной летописи и «Повести временных лет», жившие близ города в XI и начале XII века. Они предпослали Древнейшему сказанию, начинавшему историю Руси с Игоря и Ольги, рассказ о «мудрых и смышленных» основателях Киева — предках славянского племени полян. Составитель Началь-

¹²² «Поскольку же на месте не было подходящих для строительства крепости камней, соорудив печи и обжегши в них кирпич, он (спафарокандидат Петрона Каматир) сделал из них здание крепости, изготовив известь из мелких речных ракушек», — написал Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей». О раскопках в Саркеле: *Артамонов М. И.* Саркел — Белая Вежа. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1: Материалы и исследования по археологии СССР. № 62. 1958; *он же.* История хазар. Л., 1962; *Плетнева С. А.* Саркел и «шелковый» путь. Воронеж, 1996; и др.

ной летописи в XI веке написал прямо: «В год 6362 (854). Начало земли Русской. Жили каждый с родом своим по своим местам и странам, владея каждый родом своим. И было три брата: одному имя Кий, второму же имя Щек, третьему же имя Хорив, а сестра их Лыбедь. И сидел Кий на горе, где ныне увоз Боричев, и был с родом своим; а брат его Щек на другой горе, от него же прозвалась Щековица; а третий Хорив, от него же прозвалась Хоривица. И сотворили городок во имя брата своего старшего, и нарекли имя Киев. И был около них лес и бор великий, и добывали зверя. И были мужи мудрые и смышленные, нареклись поляне, и до сего дня от них же кияне — поляне. Были же поганые (язычники. — А. Б.), жертвовали озерам и ручьям и рощам, как и прочие поганые»¹²³.

Изалюбленные летописцем поляне, кроме их смышленности, ничем в истории не отличились. Единственное событие, которое автор летописи смог описать (без даты), — это рассмотренный нами в первой части поход руси на Царьград, когда 200 их кораблей ворвались в городскую гавань. Морские разбойники «много зла сотворили грекам». После этого громкого грабежа, устроенного русью, никак не связанные с нею братья-основатели Киева «скончались. И (их потомки-поляне) были обижаемы древлянами и иными соседями. И нашли их хазары на горах сих сидящими в лесах, и сказали: “Платите нам дань”». Поляне же, посоветовавшись, дали от дыма меч.

Прекрасная история о «сидящих в лесах», «обижаемых», но славных предках! Великолепный обоюдоострый меч каролингского типа поляне в IX веке действительно могли отдать в качестве дани хазарам. Но один. В качестве годовой дани. Ибо сравнительная цена такого меча из земли саксов в те времена намного превышала стоимость современного «мерседеса».

Дань в виде меча — отдадим должное красивой легенде — говорила не о мастерстве или доблести древних полян, но об их месте на торговых путях ран-

¹²³ Начальная летопись. С. 12.

несредневековой Европы, которые изучил выдающийся современный исследователь А. В. Назаренко. Он установил, что путь «из варяг в греки», с Балтики в Черное море по Днепру, был лишь одним из проходивших через Русь торговых путей, из которых более важными были пути через всю Европу на Восток. По солиднымкладам арабских монет археологи уже знали о превосходном значении Волжского торгового пути. Но он шел через дальнюю восточную окраину и север Руси, через Ладогу. Для возникновения Киева, как правильно отметил летописец, важнейшим было именно место на перевозе через Днепр, на пути запад — восток. В качестве главной базы на пути с севера на юг по Днепру можно было использовать любое другое место. Например, стоявшие выше по течению Любеч, город племенного союза радимичей, и Смоленск, город западных кривичей. Или находившийся ниже по течению Днепра Пересечень, город уличей. Но путь из Центральной Европы к Дону и Волге был удобнее через Киев.

Здесь, над Биричевым спуском к реке, князем Игорем или его предшественниками был поставлен двор и возведен каменный терем. Архитектуру этого двух- или трехэтажного здания представить легко. Это приземистый, основательный романский стиль с низкими прочными колоннами и пологими сводами. Толстые, не меньше метра стены стояли на грунте почти без фундамента. Входы были украшены полуциркульными арками на полуколоннах, нижние этажи перекрыты полуцилиндрическими сводами, высокие верхние этажи — деревянными крышами на мощных стропилах. Все это, по меньшей мере изнутри, было расписано яркими красками. Строители, скорее всего, были из Восточной Римской империи, менее вероятно — из государств франков или германцев, где их было намного меньше. Но архитектурный стиль, включая даже Арабский восток, в то время был один.

Ничем не выдающийся деревянный город полян и поразительный каменный терем князя русского, которые увидели на их торжественном пути в загробный

мир древяне, символизировали разную роль славянских племенных союзов и таинственной руси на торговых путях Европы. Действующей силой, будь то грабеж, торговля или дипломатия, выступала именно русь. Причем не только во времена Ольги, но и гораздо раньше, более чем за столетие до нее. В византийских источниках на греческом языке предположительно, а в латинских точно русь начинает упоминаться в 830-х годах, во время строительства хазарской Белой Вежи.

Появление в письменной истории «многократно знаменитого и всех оставляющего позади в свирепости и кровопролитии... народа рос» (по словам патриарха Фотия) произошло мирно и вовсе не в хрониках юга Европы, а в Бертинских анналах, летописном своде Сен-Бертенского монастыря на севере Франции. В статье 839 года французский монах-хронист записал, что «в пятнадцатые календы июня» (18 мая) к «императору Запада» Людовику Благочестивому (правителю франков из рода Каролингов, 814—840) прибыло посольство от византийского императора Феофила (829—842). В императорской резиденции Ингельгейме митрополит Феодосий и сановник-спафарий Теофаний вручили владыке Запада подобающие дары, поздравили с военными победами и предложили подтвердить мир и союз между двумя державами. Посольство было обычным, но Людовика весьма заинтересовали люди, которых византийские послы привезли с собой и которых просили сопроводить на родину, к «народу рос»:

«Он (император Феофил. — А. Б.) также послал с ними тех самых, кто себя, то есть свой народ называли рос, которых их король, прозванием каган, отправил ранее ради того, чтобы они объявили о дружбе к нему, прося посредством упомянутого письма, поскольку они могли получить благосклонностью императора, возможность вернуться, а также помощь через всю его власть. Он не захотел, чтобы они возвращались теми [путями] и попали бы в сильную опасность, потому что пути, по которым они шли к нему в Константинополь, они проделывали среди варваров, очень жестоких и страшных народов».

Людовик Благочестивый, сын и наследник Карла Великого, был человеком образованным и имел хороший геополитический кругозор. Как и император Феофил, он вел множество войн с мусульманами и старался распространить свое влияние на славянские земли — вдоль побережья Балтики (ободриты), в Подунавье (где он основал Восточную марку на месте будущей Австрии) и на Адриатике (Карантанская марка, позже Штирия). Логично предположить, что император Запада, подобно его противникам-мусульманам, знал о Руси во главе с русским каганом: титулом степным, но употреблявшимся самими русскими (даже патриотичный митрополит Иларион в середине XI века называл так великих князей Владимира Святого и Ярослава Мудрого).

Императора Запада крайне насторожило то, что послами Руси оказались скандинавы. Набеги викингов уже полтора десятилетия допекали его страну. Попытка крестить данов и шведов фактически провалилась. Гамбург, куда Людовик поставил для этого епископа, еще держался, но более крупный торговый город Дорестафт подвергался грабежам чуть ли не ежегодно, а Антверпен был разрушен. Крайне важная для Империи франков международная торговля была под угрозой. А теперь скандинавы явились послами Руси, через которую шел не единственный, но все же немаловажный для франкских купцов водный путь в Византию с Балтики и к Каспию из Чехии. Неудивительно, что Людовик Благочестивый отнесся к ним с чрезвычайными предосторожностями, зафиксированными в Бертинских анналах:

«Очень тщательно исследовав причину их прихода, император узнал, что они из народа свеонов (шведов. — А. Б.), как считается, скорее разведчики, чем просители дружбы того королевства и нашего, он приказал удерживать их у себя до тех пор, пока смог бы это истинно открыть, а именно, честно они пришли от того или нет. И это он не преминул сообщить [императору] Феофилу через своих упомянутых послов и письменно, и то, что он охотно принял (по-

слов Руси? — А. Б.) по сильному его желанию, а также, если они будут найдены верными, и для них было бы дано разрешение на возвращение в отечество без опасности; их следовало отпустить с помощью (от императора Запада. — А. Б.); если в другой раз вместе с нашими послами, направленными к его присутствию, появился бы кто-нибудь из таких [людей] он сам должен был назначить решение»¹²⁴.

Проще говоря, император Запада не вполне поверил в то, что назвавшиеся послами Руси скандинавы не могли вернуться на Русь общеизвестными Днепровским или Донским путями: из Константинополя по Черному морю или по суше через Болгарию — страну воинственную, но в это время ослабленную. Людовик Благочестивый сам девять лет назад (в 930 году) победоносно закончил войну с болгарями, пытавшимися отбить у Империи франков славянские земли Среднего Подунавья, а год назад (838) благополучно вернул себе власть над славянами Паннонии, поддержанными было болгарями. В 839 году, когда к Людовику Благочестивому прибыло посольство императора Феофила, не слишком сильный болгарский хан Пресиян потерпел поражение от сербов (на земли которых претендовали оба императора), так что даже сухопутный путь от Константинополя к Днепру не представлял явной опасности. Кочевавшие с 830-х годов в Северном Причерноморье венгры жили в мире и союзе с Хазарским каганатом, а каган дружил с императором Феофилом, который около 834 года прислал на Дон инженеров, чтобы помочь хазарам построить Саркел и другие крепости вдоль Донского торгового пути.

В общем, подозрительность Людовика Благочестивого, вынужденного быть в курсе текущих политических отношений, справедлива. Как и его решение помочь шведам вернуться на Русь, если они не ока-

¹²⁴ Назаренко А. В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 1999. С. 288—289; *он же*. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 4: Западноевропейские источники. М., 2010.

жуются шпионами викингов, но... отказ впредь предоставлять услуги сопровождения подобных делегаций из Византии по действительно спокойному торговому пути из державы франков на Русь без особого рассмотрения. Важно, что Людовик Благочестивый нисколько не удивился тому, что его венценосный «брат» император Феофил знает о вполне безопасном пути из державы франков на Русь и в Хазарский каганат. Настолько безопасном, замечу, что на нем в IX веке практически нет монетных кладов, густо покрывающих весь торговый путь «из варяг в персы» по Волге и южному побережью Балтики... Клады эти были из арабского серебра. Что объясняется просто: именно мусульманская денежная система преобладала в международной торговле, и именно в их землях начинались и кончались важнейшие торговые маршруты того времени.

Путь, которые имел в виду император Феофил, отсылая послов Руси к императору Запада под предлогом заботы о их безопасном возвращении на Русь, начинался (если считать с запада — ведь у торговых путей всегда два направления) в мавританской Испании. Уже упоминавшийся Ибн-Хордадбех, писавший около 847 года о купцах ар-Рус, знал по меньшей мере два магистральных пути торговли в обход Византии. «Что касается пути по суше, — заметил он, — то они (купцы. — *А. Б.*) выходят из Испании или Франции и идут сушей» к городу Сусу в Марокко, затем к Танжеру, далее через Тунис к Египту, оттуда через Палестину к Багдаду, затем к Басре в Средней Азии и т. д. до Китая. Те же купцы «иногда следуют позади Византии к областям славян, затем к Хамлиджу, городу хазар, затем в море Горгана (Каспийское. — *А. Б.*), затем к Балху (на севере Афганистана. — *А. Б.*) и Маверранахру (в междуречье Амударьи и Сырдарьи. — *А. Б.*)... затем к Сину (Китаю. — *А. Б.*)»¹²⁵.

¹²⁵ Подробно о сухопутном торговом пути через всю Европу на Восток: *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII вв. М., 2001. Гл. 3: Русь на «пути из немец в хазарь». С. 71—112.

«Позади Византии», то есть по арабским картам севернее ее, торговый путь пролегал в IX веке от Кордовы через Южную Францию и Восточную Баварию, затем через чешскую Прагу и польский Краков в земли Руси, а из нее в Хазарский каганат. В «Баварском географе» — латинском списке племен к востоку от Франкской империи, составленном в первой половине IX века, перечислены за чехами, моравами и болгарями восточные ободриты (бодричи), ляхи (поляки), бужане, уличи, тиверцы, лужичи (в X веке вошедшие, согласно русским летописям, в сферу влияния Русского государства), наконец, руссы (Ruzzi) и хазары (Caziri). Около 905 года Раффельштеттенский таможенный устав Восточно-Франкского королевства, написанный для его Восточной марки, созданной как раз при Людовике Благочестивом (Австрия и славянские земли у Дуная), упомянул русов как «ругов» — приходящих торговать славян, наравне с чехами. Торговали они воском, рабами и лошадьми, а их денежная единица называлась «скот» (как позже в «Русской правде» и летописях). Интересно, что особый для Европы двадцатеричный счет на «скоты» утвердился в Восточной Баварии (1 баварский солид = 20 скотам), прямо восходя к древнерусской денежной единице (1 гривна = 20 ногатам), восходящей, в свою очередь, к арабской системе (1 золотой динар = 20 серебряным дирхемам).

На обоих сухопутных торговых путях, описанных Ибн-Хордадбехом, — по южному берегу Средиземного моря и через Европу, — уже в первой половине IX века успешно действовали купцы-иудеи. Так что когда в середине следующего, X века, при княгине Ольге, видный чиновник Кордовского халифата Хасдай Ибн Шапрут захотел установить отношения с Хазарским каганатом, иудеи (из которых он сам происходил) ответили — да запросто! «Дай нам твои письма, и мы доставим их царю чехов, а он... пошлет твоё письмо к израильтянам, живущим в Венгрии. Точно так же [те] перешлют его в страну Рус и оттуда [страну] Булгар¹²⁶,

¹²⁶ Имеется в виду Волжская Булгария.

пока не придет твое письмо... в то место, куда ты пожелаешь». Ибн Шапрут, установивший, как и княгиня Ольга, дипломатические отношения с императорами Византии и Германии (Священной Римской империи германской нации), не смог отправить свое письмо кагану Иосифу через Константинополь (византийцы не приветствовали такие контакты), зато легко переслал его по европейскому сухопутному торговому пути — и получил от кагана ответ¹²⁷. В те же времена Ольги 11 мужей иудейской общины Киева¹²⁸ дали рекомендательное письмо двенадцатому, Якову бен Ханукке, для сбора среди других общин денег на выплату долга¹²⁹.

Огромное значение сухопутной трансевропейской ветви Евразийской торговой магистрали — Великого шелкового пути — объясняет появление Киева как общепризнанного в летописании центра Руси, «матери городам русским». Смысл основания Киева на высоком правом (западном) берегу Днепра еще Никон Великий справедливо объяснил в Начальной летописи существовавшим здесь «перевозом», переправой через Днепр с востока на запад и с запада на восток. Логичный путь по Днепру с севера на юг и с юга на север был описан как важный, но вторичный, — и это подтвердила затем «Повесть временных лет». Не случайно основная часть походов русских князей, отраженных в летописях, шла не с севера на юг, по пути «из варяг в греки», а в широтном направлении — прежде всего

¹²⁷ *Кокорцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка X в. Л., 1932.

¹²⁸ На иврите *Qiryob*. Среди рекомендателей читаются тюркские родовые имена «Кабар», «Савар» и славянское «Гостяга», — явно купцы, принявшие иудаизм в интересах международной торговли.

¹²⁹ Это говорит о заметном положении Киева на международных торговых путях. Но легкомысленно делать из присутствия в Киеве иудеев вывод, что изначально это был хазарско-иудейский город, завоеванный в X в. русскими князьями. См.: *Golb Norman, Pritsak Omeljan.* Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1982; *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X в. / Науч. ред., послесл. и коммент. В. Я. Петрухина. М.; Иерусалим, 1997 (2-е изд.: 2003).

в земли славян и балтов на западе, а также на восток — к вятичам на Оке, на Волжскую Булгарию и Хазарский каганат.

Значение этого пути для формирования Русского государства и первоначального состава самой руси (в отличие от подданных племен) отразилось в составе первых древнерусских дружин IX—X веков. По археологическим и лингвистическим данным, а также путем анализа фольклора было установлено, что отважные дружинники в воинских центрах у Волги и Днепра и былинные богатыри в Киеве имели в своем составе, помимо восточных славян и финно-угров с небольшой примесью скандинавов, много западных и южных славян, балтов, венгров, волжских и юго-западных болгар. Несомненно в формировании этой дружиной культуры и присутствие народов Хазарского каганата (прежде всего алан). Словом, изначальная русская дружина, сформировавшаяся на базе племенных союзов восточных славян и говорившая их языком, вобрала в себя воинов всех племен, заинтересованных в поддержании международных торговых путей от Волги до Империи франков.

Для Франкской империи, владевшей западной частью этого сухопутного маршрута, он также был основным. Хотя водные пути «из варяг в персы» и «из варяг в греки» также начинались в державе франков, в низовьях Рейна, откуда до Дамаска и Египта везли превосходные мечи местных умельцев. Недаром при Людовике Благочестивом жадные викинги активно атаковали крупнейший торговый центр Дорестада и жгли Антверпен. Они опоздали, потому что форпостом морской имперской торговли уже становился основанный Карлом Великим в 808 году Гамбург на реке Эльбе. Немецкий хронист Адам Бременский, составлявший свои «Деяния гамбургских архиепископов» в одно время с работой Никона Великого над Начальным сводом¹³⁰,

¹³⁰ Между 1072 и 1076 гг. См.: *Адам Бременский. Деяния архиепископов гамбургской церкви // Немецкие анналы и хроники X—XI столетий.* М., 2012. С. 297—449.

описал северный торговый путь на Русь — с хронометражем — именно из Гамбурга, через Шлезвиг и город поморских славян Волин. От Волина, города лютичей, всего «14 дней ходу под парусами до Острагарда Руси, столицей которого является Киев».

Волин — славянское название острова в устье реки Одры (позже немецкого Одера) и располагавшегося на нем города. Немцы называли его Винета (Winetha), Юмне, Юмна (Jumne), Юмнета (Jumneta), Юлин (Julin); датчане — Юмне; исландцы — Юлне. Адам Бременский пишет: «За страной лютичей, которые иначе называются вильцами, протекает река Одер... В устье ее... славнейший город Юмне... Это поистине самый большой из всех городов, какие есть в Европе. Населяют его славяне и другие народы, греки и варвары. И приезжие саксы также получают равное право проживать вместе со всеми, если, однако, оставаясь там, не будут проявлять свою принадлежность к христианству. Ибо ведь все они до сих пор блуждают неверными путями языческих обрядов. Впрочем, что касается нравов и гостеприимства, не найдется ни одного народа, более достойного уважения и радушного. Город этот, богатый товарами всех северных народов, имеет все, что есть приятного или редкого... Одер... течет посреди [земли] племен винулов, пока не достигает Юмне, где отделяет поморян от вильцев» (славянские союзы племен). По данным археологов, помимо множества привозных товаров, богатый Волин имел свои металлургическое и стеклянное производства.

Расцветший еще в IX веке Волин во времена княгини Ольги стал центром бурных событий. Младший современник княгини, первый польский князь Мешко (960—992) сразу же покусился на земли воинственного союза племен лютичей в Западном Поморье, явно мечтая получить свой кусок от морской торговли. Волину для борьбы за свободу пришлось на ум призвать морских разбойников викингов. В результате около 965 года здесь утвердил свою власть датский король Харальд Синезубый. Это был неправильный шаг. Вскоре Харальд потерпел поражение, и Волин под-

чинился поморскому князю Бориславу (Бурислейву). В ходе этой борьбы в городе или его окрестностях на острове образовалась республика разноплеменных и чрезвычайно воинственных йомсвикингов во главе с датчанами Пальнатоки, а затем Сигвальди. Первый дал благородным разбойникам на службе славянского князя законы пиратского братства, а второй освободил поморян от дани датчанам, захватив их конунга Свейна и женив его на дочери Бурислейва. На другой дочери князя Сигвальд женился сам, первым открыто нарушив закон республики не жениться, и вскоре йомсвикинги благополучно растворились среди лютичей.

Упоминает Адам Бременский в связи с торговыми путями на восток и шведскую Бирку — городок викингов с постоянным населением в пределах 700 человек (по археологическим данным), много меньше всех известных торговых городов IX—X веков. Хотя и в Бирке, как и в упоминаемом Адамом Бременским датском городе викингов Хедебю (где в период его расцвета жило до тысячи человек), обнаружилось множество предметов со всего известного тогда мира, счесть его стратегически важным торговым центром нельзя. И Бирка, и Хедебю, и более мелкие города викингов не имели главного — собственного источника товаров для активного участия в международном обмене.

Считать их важными центрами раннесредневековой евразийской торговли всё равно, что назвать таковой пиратскую Тортугу в позднейшей торговле на Атлантике. И тут и там товаром могла служить разве что неверная добыча морских разбойников, вещицы, которые давало незамысловатое скандинавское ремесло, да скудные местные продукты питания и алкогольные напитки. Похоже, как и Тортуга, центры викингов торговали «крышей» — возможностью на время укрыться в этих пиратско-купеческих колониях от превратностей лихого разбоя и дальних путешествий.

Добыча скандинавских викингов никак не могла сравниться с богатствами державы франков, племенных объединений западных и восточных славян и финно-угров, государствами болгар, венгров и хазар,

Византии и наследников Арабского халифата. Соответственно, невысоким было и их участие в формировании торговых путей, включая северный путь с Балтики на Волгу и обратно. Но вовсе отрицать участие в этом процессе скандинавских викингов, знаменитых своими дальними походами на морских кораблях-драккарах, столь же нелепо, как и отводить им в освоении торговых путей Европы главную роль.

Единственный способ понять, «откуда есть пошла Русская земля» и «кто в Киеве начал першее княжити», как говорила «Повесть временных лет», это отказаться от простых этнических привязок руси к славянам или скандинавам, а Киева — к единственному пути «из варяг в греки». И внимательно посмотреть, что же было на самом деле.

Русы и славяне

Итак, холмы над Днепром, на которых стоял деревянный город Киев и каменный терем князя Русского, были местом бойким, торговым. Оградившиеся дубовой стеной в Киеве поляне могли дать кагану в качестве дани прекрасный немецкий меч, доставленный из земли саксов сушей через Чехию или с Балтики по Днепру. Путешествие сушей было безопаснее. Но таинственные русы, особо возлюбившие рейнские мечи, предпочитали водные пути. Летом 860 года по христианскому летосчислению их ладьи прошли мимо киевских холмов вниз по Днепру. Осенью русы упорно гребли вверх по течению с богатой цареградской добычей. Летом 867 года история повторилась. Только на этот раз русских ладей вернулось совсем мало. Покупая продовольствие у местного населения, как они делали всегда, когда не могли его отобрать, русы рассказывали о страшной буре, потопившей их ладьи у цареградского берега, гордо не упоминая о ромейском флоте. Поражение они объясняли случайностью, но после этого долго не ходили по Днепру в набег на Империю ромеев.

Русские купцы тем не менее вниз по реке мимо Киева ходили. Целыми таборами, подобными тому, что видел на Волге Ибн-Фадлан. Возможно, из-за жары их мужчины «с совершенными телами», сплошь покрытыми от ногтей до шеи татуировками, носили лишь штаны и переброшенное через плечо одеяло, совсем как ранние шотландцы. Штаны, которые ромейские авторы в VI веке только и видели на славянских воинах, Ибн-Фадлан, сам носивший штаны, не упомянул среди отсутствующих у русов предметов одежды. Вот что он писал: «Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились (высадились) на реке Атиль. И я не видел (людей) с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, румяны, красны. Они не носят ни курток, ни кафтанов, но носит какой-либо муж из их числа кису, которой он покрывает один свой бок, причем одна из его рук выходит из нее. С каждым из них секира, и меч, и нож, и он не расстанется с тем, о чем мы упомянули. Мечи их плоские, с бороздками, франкские. И от края ногтя кого-либо из них до его шеи (имеется) собрание деревьев и изображений и тому подобного» (татуировки). Гетры, сапоги, куртка, парчовый кафтан с золотыми пуговицами и парчовая шапка с соболем, в которые русы парадно одели знатного мужа, похороненного ими путем сожжения в ладье, не были обязательными предметами туалета в их повседневной жизни. В отличие от топора, широкого франкского меча с плоской выемкой по всему клинку — долом, и ножа.

По археологическим источникам мы знаем, что наряд богатого руса дополнялся узким и длинным статусным поясом из кожи, покрытой серебряными бляшками — чем чаще, тем лучше. Этот пояс прочно закрепился в дружинной культуре. Самый поздний, насколько я знаю, принадлежал русскому воину, убитому на восточном рубеже, в Сурской крепости, во время нашествия Батыя. Пояс с позолоченными медными бляшками (видимость важнее благосостояния!) был брошен в горящий сарай и не найден татарами. На поясе руса висела маленькая кожаная сумка-ташка с

серебряной крышкой, покрытой изумительным, часто золоченым орнаментом; иногда крышка просто отделялась бляшками. Пояс и ташка по происхождению и орнаментам были предметами культуры Великой Степи. Их, как и найденные в дружинных захоронениях сабли, долгое время называли (и нередко называют сегодня) «венгерскими», по локализации многих находок в Венгрии. Кочевые угры (родственные северным финно-уграм) на самом деле были культурно связаны в то время с хазарами, аланами и другими племенами Русского поля — Причерноморской части Великой Степи. И влияние этой общей степной культуры распространялось через Русь на самый дальний север, до Скандинавии.

Кроме ташки, на поясе непременно висел небольшой односторонне острый нож с прямой деревянной или костяной рукоятью — практически одинаковый в те времена у славян, финно-угров и скандинавов. Этот нож был вполне бытовым и ничем не напоминал кинжал. Лишь некоторые затейники могли иметь длинный односторонний нож-переросток: известный по всей Северной Европе скрасамакс в украшенных цветным металлом ножнах. Он крепился к степному поясу как степная сабля, на двух подвесах с кольцами. Такой «сабельный» подвес, известный в Степи минимум с IX века, а на Руси с X века, начал применяться на западноевропейских мечах только в XIII веке. Но в арабской Испании он был известен с XII века, как показывает найденный в степях Украины и хранящийся в Эрмитаже меч с каролингским клинком, в серебряном с арабскими надписями убранстве рукояти и ножен, носившихся на двух серебряных кольцах.

Женщины русов носили нож на груди, в ножнах, прикрепленных, как виделось Ибн-Фадлану, к обручугривне. Кроме этого, на них были богатейшие монисты из золота, серебра и зеленых бусин, каждая ценой в серебряный дирхем, а также браслеты на руках и на ногах, которые мы видели на жене знатного руса, добровольно ушедшей с ним в загробный мир. «А что касается каждой женщины из их числа, — пишет на-

блюдательный араб, — то на груди ее прикреплено кольцо или из железа, или из серебра, или меди, или золота, в соответствии со средствами ее мужа и с количеством их. И у каждого кольца — коробочка, у которой нож, также прикрепленный на груди. На шеях у них монисты из золота и серебра, так как если человек владеет десятью тысячами дирхемов, то он справляет своей жене одно монисто, а если владеет двадцатью тысячами, то справляет ей два мониста, и таким образом каждые десять тысяч, которые у него прибавляются, прибавляются в виде мониста у его жены, так что на шее какой-нибудь из них бывает много монист. Самое лучшее из украшений у них — это зеленые бусы из той керамики, которая находится на кораблях. Они заключают контракты относительно них, покупают одну бусину за дирхем и нанизывают, как ожерелья, для своих жен».

Массивные шейные гривны, в основном из серебра, богатые ожерелья и браслеты археологи действительно обнаружили с останками русских женщин в дружинных курганах. Наблюдения арабского путешественника, что русы отдавали добытые в походах ценности своим женщинам, полностью подтверждены. Это вообще характерно для предприимчивых, склонных к дальним и опасным походам мужчин, например — скандинавских викингов. С той разницей, что викинги не брали женщин в походы, тогда как у русов их в походах было очень много. Часть этих женщин составляли рабыни. Ибн-Фадлан сладострастно описывает, как русы, остановившись на Волге для торговли и построив себе большие деревянные дома на десять—двадцать мужей, прилюдно предавались с рабынями сексуальным утехам, каждый на своей скамье, не смущаясь обществом и даже появлением купцов, которым русы этих девушек собирались продать. Рекламный ход с демонстрацией девушек — «восторг для купцов» — был вполне оправдан. Продавали русы и мужчин — по единодушной оценке мусульманских купцов, это были сильные и красивые рабы. Полагают, что зримым отличием свободных мужей и жен от ра-

бов было наличие ножа у женщины и более серьезного оружия у мужчины. Женской одежды, как и одежды рабов, арабские и персидские авторы не описывают.

Мусульманам русы туманно рассказывали о своем могучем государстве во главе с каганом. Оно якобы находилось где-то в землях славян, которых русы отважно грабили и облагали данью. В 930-е годы упоминавшийся персидский ученый Ибн-Русте увлекательно рассказал о русах (ар-русийа) как чрезвычайно воинственном сообществе, живущем «на острове, окруженном озером. Остров, на котором они живут, протяженностью в три дня пути, покрыт лесами и болотами, нездоров и сыр до того, что стоит только человеку ступить ногой на землю, как последняя трясется из-за обилия в ней влаги»¹³¹. Но ни этот болотистый «остров», на котором русы всё же могли бы оставлять свои семьи во время опасных торговых и военных походов, ни иная их археологически отличимая территория не обнаружены.

Я полагаю, что единой территории русов просто не было, иначе им не приходилось бы путешествовать с семьями. О реальном расселении русов говорят нам 48 больших курганных могильников воинов и купцов IX—XI веков с оружием и торговым инвентарем, расположенных вдоль старинных водных путей в Ярославской, Смоленской, Ленинградской, Псковской, Новгородской, Черниговской, Киевской, Витебской, Гомельской, Минской и других областях¹³². Лишь в Старой Ладоге, Пскове, Чернигове и Киеве они совпадают с расположением городов. Гнездовский комплекс, возможно, отмечает место старого Смоленска, да рядом с богатейшим Тимиревским могильником возник позже город Ярославль. Некоторые предположения историки делают и о расположении важных для русов святилищ славянских богов купцов и воинов Во-

¹³¹ *Ибн Русте*. Книга дорогих ценностей. Цит. по: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 3: Восточные источники / Пер. Т. М. Калининой. М., 2009. С. 47—48.

¹³² Подробный список: *Перхавко В. Б.* Торговый мир средневековой Руси. М., 2006. С. 108—119.

лоса и Перуна. Рискну предположить, что русы постоянно ходили своими путями и имели стационарные базы только для зимовок и для тех, кто не мог больше идти в поход.

Позднее восточные авторы, не ведая о существовании Русского государства даже после его просвещения при Ярославе Мудром, продолжали писать о русах, которые живут на острове в море, не пахут и не жнут, а только грабят славян и торгуют награбленным. Историки немедленно постарались локализовать их на острове Рюген в Балтийском море, невзирая на то, что археологически своеобразный ареал русов там тоже не прослеживается, а источник говорит о мифическом «острове в море» через два столетия после проявления русов на Руси и через столетие после создания Ольгой Русского государства.

Каган русов в восточных рассказах выглядит как цыганский король в мусульманском раю. Даже Ибн-Фадлан, весьма внимательный в личных наблюдениях, записал рассказ руса явно степного происхождения: «К порядкам царя русов (относится) то, что вместе с ним в его замке (дворце) находятся четыреста мужей из богатырей, его сподвижников, и у него надежные люди из их (числа) умирают при его смерти и бывают убиты за него. И с каждым из них девушка, которая служит ему, и моет ему голову, и приготовляет ему то, что он ест и пьет, и другая девушка, (которую) он употребляет как наложницу. И эти четыреста (мужей) сидят под его ложем. А ложе его огромно и инкрустировано драгоценными самоцветами. И с ним сидят на этом ложе сорок девушек для его постели. Иногда он употребляет как наложницу одну из них в присутствии своих сподвижников, о которых мы упомянули. И он не спускается со своего ложа, так что если он захочет удовлетворить потребность, то он удовлетворяет ее в таз, а если он захочет поехать верхом, то лошадь его подводится к ложу, так что он садится на нее верхом с него (ложа). А если он захочет сойти (с лошади), то подводится его лошадь (к ложу) настолько, чтобы он сошел со своей лошади. У него есть заместитель, ко-

торый управляет войсками и нападает на врагов и замещает его у его подданных»¹³³.

У перса Ибн-Русте, писавшего в то же время, что араб Ибн-Фадлан, русы «храбры и мужественны, и если нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат его полностью. Победенных истребляют и обращают в рабство. Они высокого роста, статные и смелые при нападениях. Но на коне смелости не проявляют, и все свои набеги и походы совершают на кораблях». Здесь источником рассказа явно был уже не степняк, а рус из варягов.

В других аспектах полусказочное повествование араба и перса о невиданной никем из их соплеменников «стране Рус» взаимно дополняется. Араб подробно рассказал о молитвах и жертвоприношениях руса-путешественника его неведомым богам в виде разной величины деревянных идолов: «И как только приезжают их корабли к этой пристани, каждый из них выходит и (несет) с собою хлеб, мясо, лук, молоко и набид, пока не подойдет к высокой воткнутой деревяшке, у которой лицо, похожее на лицо человека, а вокруг нее маленькие изображения, а позади этих изображений высокие деревяшки, воткнутые в землю». Чтобы умиловать богов, рус «несет к каждому изображению... по подарку и просит их о ходатайстве и говорит: “Это жены нашего господина, и дочери его, и сыновья его”. И не перестает обращаться к одному изображению за другим, прося их и моля у них о ходатайстве и униженно кланяясь перед ними». В благодарность за помощь богов рус приносил в жертву деревянным идолам коров и овец, часть мяса раздавал, а часть клал перед идолами, надевая головы убитых животных на палки. Как на картинах Билибина и Васнецова, опиравшихся не только на арабский рассказ, но и на русский фольклор с его «головушками на тычинушках».

Перс отметил власть, которую имеют у русов языческие жрецы, именуемые им знахарями: «Есть у них знахари, из которых иные повелевают царем, как будто

¹³³ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. С. 83—84.

бы они их (русов) начальники. Случается, что они приказывают принести жертву творцу их тем, чем они пожелают: женщинами, мужчинами, лошадьми. И если знахари приказывают, то не исполнить их приказания никак невозможно. Взяв человека или животное, знахарь накидывает ему на шею петлю, вешает жертву на бревно и ждет, пока она не задохнется, и говорит, что это жертва богу». У араба русский обычай повешения применен к преступникам: «И если они поймают вора или грабителя, то они ведут его к толстому дереву, привязывают ему на шею крепкую веревку и подвешивают его на нем навсегда, пока он не распадется на куски от ветров и дождей». Здесь надо отметить, что у скандинавов повешение было не уголовным наказанием или жертвой, но почетной смертью, следованием по пути верховного бога Одина, так что герою было не грех и повеситься самому.

Похороны руса Ибн-Русте сам не видел. Он описал их совершенно отлично от Ибн-Фадлана, но явно имея в виду один из отраженных в курганной похоронной культуре обычаев погребения в домовине: «Когда у них умирает кто-либо из знатных, ему выкапывают могилу в виде большого дома, кладут его туда, и вместе с ним кладут в ту же могилу его одежду и золотые браслеты, которые он носил. Затем опускают туда множество съестных припасов, сосуды с напитками и чеканную монету. Наконец, в могилу кладут живую любимую жену покойника. После этого отверстие могилы закладывают, и жена умирает в заключении». Последнее несколько преувеличено: жена умирала сама или с чужой помощью перед закрытием могилы. Но труп жены в домовине, нежно положившей руку на плечо мужа, археологами найден. Ибн-Русте не упомянул только нередкое наличие в такой могиле любимого коня руса в драгоценной сбруе и погребальных сосудов с едой и питьем на дорогу.

Преувеличено и представление перса, что русы все до единого имеют драгоценные мечи, вручаемые еще сыну-младенцу. «Мечи у них сулеймановы», то есть превосходные, сообщает Ибн-Русте. Относительно

каролингских мечей это правда. Только во всех захоронениях воинов с оружием, исследованных археологами на Руси и в Скандинавии (в христианизированной Германии таких захоронений практически нет), мечи исчисляются десятками на тысячи могил. Но преувеличения перса относительно мечей объяснимы: они связаны с его представлением о воинственности русов.

«Все они постоянно носят мечи, так как мало доверяют друг другу, и коварство между ними дело обыкновенное. Если кому из них удастся приобрести хоть немного имущества, то родной брат или товарищ его тотчас начнет ему завидовать и пытаться его убить или ограбить», — пишет Ибн-Русте. В такой системе отношений, если вспомнить «Русскую правду», нет ничего невозможного. Историки редко обращают внимание, что перс довольно точно описал значение судебного поединка, сохранившегося от начала Руси до XVII века и превратившегося по мере христианизации в суд Божий.

Во всех случаях, как и на протяжении многих веков, русский поединок выступал альтернативой княжьего суда: «И если один из них возбудит дело против другого, то зовет его на суд к царю, перед которым (они) и препираются. Когда же царь произнес приговор, исполняется то, что он велит. Если же обе стороны недовольны приговором царя, то по его приказанию дело решается оружием, и чей из мечей острее, тот и побеждает. На этот поединок родственники приходят вооруженные и становятся. Затем соперники вступают в бой, и кто одолеет противника, выигрывает дело».

При том, что ссоры были нередки и решались кроваво, что мы с вами увидим и после Ольги, во времена Ярослава Мудрого и его потомков, сила русов состояла в их единстве перед внешним врагом: «И если какое-либо их племя поднимается, то вступаются они все. И нет между ними розни, но выступают единодушно на врага, пока его не победят».

В довершение картины Ибн-Русте дал, как полагают современные исторические реконструкторы, бесценное описание главного для каждого мужа пред-

мета туалета древних русов — шаровар в сто локтей: «(Русы) носят широкие шаровары, на каждые из которых идет сто локтей материи. Надевая такие шаровары, собирают их в сборку у колен, к которым затем и привязывают». Ценность этого описания не в точности. Напротив, все попытки сшить шаровары из такого длинного полотнища ткани, даже узкого, тканого на домашнем станке, успехом не увенчались. Но в меру широкие штаны чуть ниже колен найдены во фрагментах в Скандинавии и зафиксированы там на изображениях. Конечно, ношение кем-то из русов коротких шаровар не позволяет отнести их к скандинавам. Но для Древней Руси описания мужских штанов нет и их оригиналов не найдено совсем. Изображения, например у скоморохов в Софии Киевской, присутствуют, но там верхняя часть штанов укрыта рубахой и конструкция их остается загадочной. Спасают греки, описавшие славянских воинов как могучих мужчин в штанах в VI веке, когда предки викингов пребывали в полной дикости.

Чтобы представить себе, как реагировали киевляне IX века на появление около их города такого пестрого табора во главе с вооруженными до зубов татуированными русами в шароварах, удивительно напоминающих восточные, в окружении жен и дев, потрясающих монистами, нам надо понять: а кто же, собственно, жил в Киеве?

Как выглядели киевляне до княгини Ольги, мы не знаем совершенно. Было ли это излюбленное русскими летописцами племя полян, возможно с вкраплениями русов и иудеев? Никон Великий в Начальной летописи и автор «Повести временных лет» в конце XI и начале XII века настаивают, что Киев построили поляне — самое культурное племя среди восточных славян. Возвышенность их душ, по словам «Повести», проявлялась в брачном обычае: зять не ходил за невестой, но ему приводили девушку вечером, а утром он платил за нее. При этом разнополые члены семьи имели друг к другу «великое стыдение», не вполне обычное для русских крестьян даже в XIX веке.

Полян не так просто выделить по археологической культуре, как, скажем, кривичей, из племени которых происходила княгиня Ольга. Она, даже если род ее был беден, родилась не в южной полуземлянке, а в крепкой избе, срубленной из бревен, с деревянным полом и глиняной печью. То есть почти в современном нам доме, разве что без больших окон — окна были волоковыми, в виде широкой щели между бревен, «заволакивавшейся» в непогоду дощатой заслонкой. Да и трубы печь, возле которой маленькая Ольга училась прясть, не имела: дым выходил через отверстия в соломенной или крытой дранкой крыше.

Дом всегда был новым. Ведь раз в несколько лет большой род поджигал старые дома, бани и сараи для скота, уходя на новое место. Оно было не слишком далеко от прежнего. Переносить туда скарб было легко. Железный наконечник сохи, топор, ножи, серп, коса, лук и стрелы, копьё, прялки и швейные иглы, немного тканей и шкур, немного глиняной и берестяной посуды — вот почти всё, что требовалось взять с собой. Славянские пришельцы с запада и юга нередко пытались привнести изменения в эту традиционную культуру. Например, посуду не лепили из глины руками, а делали на гончарном круге. Но кто же будет носить с собой при переселении гончарный круг? И будет ли у такой гладкой и одинаковой посуды индивидуальность и душа, вложенная руками родного человека?

Кривичи принадлежали к «старым» славянам, пришедшим на земли балтов и финно-угров в незапамятной древности. Их стольный град Псков — родина Ольги, согласно летописям, — был большим и неукрепленным поселением, где мирные кривичи жили вместе с финнами. Их длинные курганы, где веками хоронили членов одного рода, освещая землю ритуальными кострами и продолжая насыпь, выглядели как настоящие крепостные валы. Не то — соседи словене, вторгнувшиеся сюда с далекого запада. За почти два столетия после появления словенских селений среди кривичей и их местных друзей те так и не научились

вести себя по-соседски. Археологи легко различают селения кривичей и словен, которые в поисках удобных для земледелия земель часто располагались чересполосно, но веками не сливались. Горделивые словене хвастались своим былинным вождем, князем-оборотнем Волхом, любили рассказывать о великих походах и завоеваниях, хоронили мертвых в огромнейших курганах-сопках, выстраивая их цепочками, а жили, ставя избы тесно друг к другу, как будто боялись нападения. Словене постоянно нарушали древние обычаи. Именно они ввели в моду мытье в банях. Некоторые из них даже жили в старых, посеревших и поеденных жучком домах, потому что ленились переселяться. Они просто расчищали от леса больше земли, чем им надо, и не засевали часть своих полей ячменем и рожью.

Кривичи считали, что именно неуживчивость словен ссорит их с финно-уграми. Мало того что со словенцами нельзя было дружить, как положено, родами — в силу их странного характера, так и для защиты от рассерженных финнов кривичам пришлось строить княжий град Изборск. Князь его Избор, память о котором сохранялась в былинах, построил крепость для своей дружины, согласно данным археологов, на рубеже VII и VIII веков, после чего, как говорили сказители, умер от укуса змеи¹³⁴. Как Вещий Олег, с которым связывает Ольгу «Повесть временных лет». Именно он (хотя по Начальной летописи — русский князь Игорь) забрал ее из дома в дружину буйных русов.

Оказавшись в Киеве, Ольга убедилась, что прежних патриархальных, гордящихся древними традициями славян почитай и не осталось. Пересекая на пути в Киев по Днепру земли радимичей, украшавших головные повязки женщин странными семилучевыми височными кольцами (в отличие от скромных про-

¹³⁴ *Алексеев С. В.* Славянская Европа VII—XII вв. М., 2007. С. 346. Здесь сведены данные об особенностях всех славянских племен и археологических культур.

волочных, расплющенных внизу колец кривичей и словенских колец с ромбиками), Ольга узнала, что они даже не всегда сжигают мертвых и вообще ведут свой род от ляхов! Как и живущие восточнее вятичи (их височные кольца имели не семь лучей, а семь лепестков). Археология в Польшу радимичей и вятичей не уводит, но скорее всего их легендарные предки, братья Радим и Вятко, были западными славянами с верховьев Днестра. Восточные соседи полян северяне украшали женщин височными кольцами в виде спиралей. Хотя своими узкими лицами они были похожи на смоленских кривичей, по археологии, они являлись смесью древних славян-антов со степной салтовской культурой алан, находившейся под влиянием хазар.

Сами поляне, обоснованно отнесенные археологом В. В. Седовым к дулебской группе восточных славян (в нее входили также древляне, воляняне и дреговичи), даже височных колец особых не имели. Точнее, их женские украшения представляли собой набор из разных племен. Их древние предки дулебы и анты действительно помнили еще нашествие авар, но сами поляне образовались на стыке разных археологических культур. К моменту появления Ольги в княжеском дворце у стен Киева к племени полян примешались вторгшиеся сюда из междуречья Днестра и Дона предки северян (волынцевская культура) и степняки салтовцы. В тех же VIII—IX веках на все восточнославянские земли хлынул поток славян переселенцев из Дунайского региона, отмечавших свой путь, в частности, женскими украшениями с зернью, в технике, заимствованной у византийцев. Эти красивые вещи и эстетические идеи, явно с помощью русов, достигли Скандинавии. Переселение дунайских славян на Днепр, где окопались на знаменитом перевозе поляне, продолжалось и при Ольге, в X веке. Плоды просвещения можно было видеть и в красивой гладкой керамике, изготовленной на гончарном круге, и в женских украшениях с привесками в виде винограда (свойственных, впрочем, и салтовцам), и в вычурных железных ножах, контрасти-

рующих с функциональной простотой более раннего и позднего времени¹³⁵.

К предкам черниговцев, донцов, сербов, болгар и чехов, которые целыми родами переселялись на Правобережье Днепра и входили в союз племен полян, следует прибавить отряды путешественников русов, соседей хазар и влиятельную еврейскую общину, жившую в Киеве чуть не с основания города. Маловероятно, чтобы этот склонный к смене мест интернационал, внешнего вида которого мы себе не представляем, был потрясен появлением самых экзотических путешественников. Тем более что внешний вид русов мы тоже представляем смутно. Фадлан описал почти голых татуированных мужчин летом в жару, а Русте явно хватил лишку со штанами в 100 локтей. Описание погребального наряда руса у Фадлана дает обычный набор одежды, начиная с отороченной мехом шапки.

В захоронениях русов изредка сохраняются куски шелка, более стойкого к гниению, чем лен и шерсть. «Китайский», реально производившийся в Средней Азии, и ромейский шелк, вытканый узорами или с набивным рисунком, был для русов важным признаком зажиточности, то есть успеха в набегах и торговле. Знатная дама могла позволить себе верхнюю одежду, похожую на разрезной сарафан на застежках, из довольно большого куска красного шелка. Знатный воин из кургана Черная Могила — широкий распашной халат из красного шелка с золотым узором. По литым серебряным и бронзовым пуговкам в форме гриба, которых на теле купца-воина могло быть и пять, и три десятка, мы понимаем, что они носили и частично разрезную одежду, типа свиты с разрезом от горловины до пояса, и распашную, вроде кафтана. Но представить себе эту одежду можно лишь приблизительно, по аналогии с ромейским изображением болгарских воинов в кафтанах и по прекрасно сохранившимся в скальных захоронениях Северного Кавказа кафтанам

¹³⁵ Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 531—551.

алан. Могилы алан дают нам полный комплекс мужской и женской одежды, увы, другого племени, заметно отличного от славян и русов.

Но, скажете вы, художники ведь не случайно рисуют наших предков не голыми! На картинках мы видим довольно складный костюм, простые нижние и богато отделанные верхние рубахи мужчин, средней ширины штаны, невысокие сапоги или обмотки с кожаными онучами или лыковыми лаптями. Археологи воссоздали и несколько женских многослойных нарядов, соответствующих позднейшей народной традиции. Увы, все это реконструкция по обрывкам тканей, деталям одежды (например, золотому шитью на вороте, оплечье и манжетах-зарукавьях) и изобразительным источникам за все время XI—XIII веков и именно с учетом фольклорных исследований народного костюма. Результат этой усредненной, не разделенной по племенам реконструкции очень приблизителен. Достаточно вспомнить, что еще в XIX веке народный костюм разных губерний и даже уездов сильно различался. Но главное, что общий результат реконструкции древнерусской одежды отражает сильнейшее влияние Византии.

Например, русская мужская рубаха с отделкой вокруг ворота и по разрезу на груди, по плечевым швам, спускающимся до середины плеча, манжетам и подолу, прямо восходит к поздним римским образцам, сохранившимся в изображениях на мозаиках в Сицилии и в оригиналах в коптских захоронениях в Африке. Русские скоморохи, изображенные в XI веке на фресках в Софии Киевской, вполне могли выступать в таком виде и в Византии. Их широкие рубахи до колен, с длинными рукавами, довольно узкие штаны, невысокие сапоги и вязаные или войлочные колпаки мы видим на греческих мозаиках того же века. Но вопрос, когда произошла такая унификация и какие слои населения она охватила, остается открытым.

Судя по изобразительным источникам, парадным предметам и даже комплектам одежды, сохранившимся в Европе с X—XIII веков, вся без исключения

знать, от Руси до Ирландии, видела в Константинополе непререкаемый центр моды. Народная одежда могла различаться очень сильно. Но все, кто брал дань, а не давал ее, всё воинское сословие от дружинника до короля и их дамы одевались так, как предписывал церемониальный этикет византийского двора. Эта система начала ломаться только в начале XIII века, когда крестоносцы разорили и надолго захватили Константинополь. И тем не менее общая мода, включающая качество, узоры и цвет тканей, продержалась до конца столетия. Когда княгиня Ольга, утвердив свою власть на Руси, приедет в Царьград, у императора и его семьи не будет никаких причин удивляться ее костюму. Когда княжна Елизавета Ярославна поедет просвещать Норвегию и покончит там с эпохой викингов, а Анна Ярославна отправится во Францию, чтобы безуспешно учить своего мужа-короля грамоте, им не придется перешивать наряды по местной моде. Даже много позже Александр Невский, принимая послов-шпионов от крестоносцев и стремглавным мечом снося головы рыцарям из Швеции, Дании и Германии, внешне будет отличаться от них только бóльшим богатством и чистотой своих одежд.

Мода неизменно зарождалась в верхах и постепенно спускалась в низы общества. Когда византийский стиль захватил русские города и пошел в деревни, мы не знаем. Дунайские славяне, приходившие целыми родами жить в земли полян и вступавшие в отряды русов, находились под влиянием Восточной Римской империи с VI века, когда ее чуть не завоевали. Возможно, хотя и не обязательно, Ольга уже весной 945 года, склоняясь над разверстой могилой древлянских мужей, была одета в тунику с ярким воротником, оплечьем, опястьями и подолом, поперх которой лежала неподпоясанная шелковая далматика с широкими рукавами чуть ниже локтя. И покачивала она, склонившись, не киевскими колтами на вышитой головной повязке, а длинными драгоценными рясами, спускающимися от ромейского золотого с эмалевыми картинами венца. Все это не только муж, но и собственный посол княги-

ни в Царьграде мог добыть, заключая в прошлом году торговый договор с империей. Не исключено, что именно тот торговый договор с империей, заключенный от имени ее мужа, сына, ее самой и ее родственников, а затем уже русских городов, делал Ольгу и Святослава желанной для древлян добычей после смерти Игоря. И даже закопав их мужей, Ольга свои проблемы не решила.

У стен Киева

Хитростью отправив 20 древлян вслед за мужем, Ольга отомстила сильному племени, но не обезопасила себя и сына. За отплывшими на ладье в загробный мир мужами стояли их родичи, обязанные мстить, племенная организация из «лучших мужей» сильного племени древлян, наконец, сам князь Мал и его дружина. За Ольгой мы не видим никого, даже малого отряда воинов, которым она могла бы приказать изрубить древлянских послов вместо того, чтобы одолевать их с помощью хитрости и небольшого числа слуг.

На помощь киевлян, как будет продолжаться затем веками, надежды не было. Каменный терем княгини не зря стоял «вне города», и яма была выкопана «на дворе теремном вне города». Киевляне из города Ольге не помогли. У нее не было даже мужей, членов рода Игоря, которые по неписаному закону (вошедшему потом в «Русскую правду») должны были за князя мстить. Мечь, я подчеркиваю, была в те времена не государственным, но родовым делом. Первыми в списке мстителей должны были стоять родственники Игоря.

Судя по договору Руси с греками 944 года, у Игоря было два племянника, Слуды и Прастен Якун (Акун), достаточно взрослые, чтобы быть его послами в Царьграде. Были еще некий муж Володислав, Улеб, представленный послом его жены, и еще немалый список мужей. Они или полегли с князем, или бежали, потеряв лицо, и справедливо не упоминаются в летописи. Старшие дружинники Игоря, приносившие ему клят-

ву верности и мести, полегли вместе с ним. Недавно «беспорочные» младшие дружинники могли оставить Игоря с «малой дружиной» родичей и советников лишь в том случае, если не присягали собственно князю, а объединялись под его началом в походах. В этом и была суть системы «призванной» власти: князь приходил «на стол» (кормление) в город со своей воинской «шайкой» (по выражению С. М. Соловьева), как третейский судья обеспечивал местному союзу племен внутренний мир, а его воинам — поживу от зимнего полюдья по землям княжеских «пактиатов» — союзников по договору. «Пакт» дружинно-княжеской верхушки союзов племен ильменских словен, кривичей, полян, древлян, дреговичей и северян с князем в Киеве преследовал две цели: взаимно обеспечить безопасность важнейшего торгового пути «из варяг в греки» и временами объединять силы для большого грабительского похода. Но поход Игоря в 941 году провалился, а в 944 году не состоялся; обеспеченная договорами торговля лучше окупалась. Профессиональные дружины на Руси были, но Ольге они не подчинялись. Игорь личную дружину потерял, а вернувшиеся домой киевляне не были надежной опорой даже его кровным родичам (если они остались живы), не то что вдовепсковитянке из союза племен кривичей.

Вообще, кто такая была Ольга без мужа? Нет оснований сомневаться, что она была женой князя русского Игоря и, как положено жене, заправляла хозяйством на его дворе. Но была ли она единственной женой? Если это так, то Игорь радикально отличался от языческих князей Руси, о личной жизни которых мы знаем. Хотя бы несколько жен и несколько десятков наложниц были необходимы князю для поддержания авторитета сильного мужа среди русских дружинников и знатных мужей славянских племен. Возможно, еще одной женой князя была Предслава, посол которой в Царьград выступал третьим после посла Ольги. Однако у Предславы не обозначено сына, который на Руси делал женщину после смерти мужа «матерой вдовой», выполнявшей обязанности мужа при отсутствии в роде

старших мужчин. Это не значило, что древнерусских мужей заботили права женщины. Право «матерой вдовы» на публичные действия (например, выступление в суде, вызов на судебный поединок) служило лишь защите прав наследника, будущего «мужа». То же касается и «жены Улеба» — если бы у нее был сын, именно посол от его имени представлял бы этого неизвестного нам, но видного на Руси человека. В роду Ольги мужчин, способных мстить, не оказалось. Однако ей было кого защищать.

О родных Ольги из Пскова мы ничего не знаем. Хотя уже Древнейшее сказание связывает ее с этим городом, Начальный свод указывает на него настойчиво, а «Повесть временных лет» подтверждает ее псковское происхождение. Дальше начинаются гадания.

Составитель Жития княгини (внесенной в русские месяцесловы как общероссийская святая только в XIV веке¹³⁶) постарался развить столетие бытовавшую в летописании идею варягов-руси. «Святая великая княгиня Ольга, — писал он, — родилась в псковской («Плесковской») стране, в деревне под названием Выбуты. Отца имела язычника, также и мать некрещеную от языка варяжского; и от рода не княжеского, не из вельмож, но из простых была людей». Это указание довольно важно. Составитель Жития старательно собирал легенды об основательнице Русского государства, а знатное происхождение в его время играло очень важную роль.

Историки, проводившие исследование по его следам, обнаружили, что в деревне Выбуты, в 12 километрах выше по реке Великой от Пскова, сохранилось множество связанных с Ольгой топонимов, однако ясно, что возникли они уже после прославления великой княгини. Не свидетельствуют в пользу варяжского происхождения Ольги и археологические находки. Следов скандинавского влияния здесь не больше, чем в других районах Руси X века, где присутствовали кня-

¹³⁶ Лосева О. В. Русские месяцесловы XI—XIV вв. М., 2001. С. 87—88.

жеские дружины. Скорее можно говорить о влиянии западнославянском (пришлых словен на кривичей)¹³⁷. Но кривичи, даже живя чересполосно с поселениями словен, сохраняли культурно-племенное своеобразие.

Составитель Типографской летописи в конце XV — начале XVI века, а вслед за ним составитель Пискаревского летописца XVI века сочли незнатное происхождение Ольги недопустимым и добавили к описанию ее брака с Игорем (по «Повести временных лет») важную деталь: «Некоторые же говорят, что Ольга была дочерью Олега»¹³⁸. Вовсе уж недостоверная Иоакимовская летопись (известная нам в изложении историка XVIII века В. Н. Татищева) возвела Ольгу к роду легендарного славянского правителя Руси, старейшины Гостомысла: «Когда Игорь возмужал, оженил его Олег, выдал за него жену от Изборска, рода Гостомыслова, которая Прекраса звалась, а Олег переименовал ее и нарек в свое имя Ольга. Были у Игоря потом другие жены, но Ольгу из-за мудрости ее более других чтил». Указание на укрепленный центр кривичей Изборск, а не мирный кривичско-финский Псков, и на многоженство Игоря (характерное для первых князей Руси) придает этому сообщению некоторый оттенок достоверности. В отличие от фантастической истории, рассказанной в XVI веке составителем Степенной книги Сильвестром, который буквально открыл Житием княгини Ольги историю Руси по «степеням» — ступеням, состоящим из славных правителей.

Рассказ Степенной книги для нас — вовсе не исторический источник о княгине Ольге. Но на фоне полностью приводимых нами аутентичных источников он прекрасно показывает, как вольно и высокохудожественно толковали старинные русские авторы доступный им летописный и житийный материал. Здесь

¹³⁷ Александров А. А. Ольгинская топонимика, выбутские сопки и руссы в Псковской земле // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб., 1994. С. 22—31.

¹³⁸ Под 6411 г. Типографская летопись: ПСРА. Т. 24. Пг., 1921 (новое изд.: М., 2000); Пискаревский летописец: Там же. Т. 34. М., 1978.

язычница Ольга предстает воплощением христианской добродетели:

«Когда еще совсем юный Игорь был в Псковской земле — рассказывают некоторые дивное сказание (имеется в виду Житие. — А. Б.) — однажды тешился он охотой и увидел на той стороне реки хорошую добычу; и не мог он перейти на ту сторону реки, потому что не было лодки. И увидел он, что кто-то плывет по реке в лодке, и позвал он лодочника к берегу, и велел перевезти себя за реку. И когда плыли они, взглянул Игорь на гребца того и увидел, что это девица — а это была блаженная Ольга — совсем юная, красивая и отважная. Он никогда ее раньше не видел, и вид ее поразил его — а ведь сказано в Писании: “Похотливые очи зарятся на запретное”. И разгорелась в нем страсть, и обратился он к ней с бесстыдными словами. Она же поняла коварство этих непристойных слов и, пресекая его непристойные речи, не как юная, но как умудренная зрелым умом, сказала, обличая его: “Зачем напрасно позоришь себя, о князь, склоняя меня на срам? Зачем, думая о неподобающих вещах, постыдные слова произносишь? Не обольщайся, видя меня, молодую девушку, совсем одну, и не надейся — не возьмешь меня силой. Хоть я неученая, и очень молодая, и проста нравом, как ты видишь, но я понимаю, что ты обидеть меня хочешь и говоришь непристойные слова, которых я и слышать не хочу. Лучше подумай о себе, откажись от своего помысла. Пока ты юн, блюди себя, чтобы не победило тебя неразумие, чтобы не пострадать тебе самому. Откажись от всякого беззакония и неправды — если ты сам будешь побежден разными постыдными делами, то как сможешь другим запрещать неправду и как сможешь праведно управлять державой своей? Знай, что если ты не перестанешь соблазняться моей беззащитностью, то лучше мне будет, чтобы глубина реки этой поглотила меня, чем быть тебе на соблазн, так я избегну поругания и позора, а ты не впадешь в соблазн из-за меня”. И много другого разумного сказала она о целомудрии. Это первое проявление, благое и достойное удивления,

благоразумного юношеского целомудрия блаженной Ольги, еще не знающей Бога и заповедей его не слышавшей. Такую премудрость и чистоты соблюдение обрела она от Бога, что удивился Игорь зрелому ее разуму и благоразумным ее словам. И сразу Игорь отказался от своего юношеского порыва, и, устыдившись, в молчании перебрался через реку, запечатлев все это в сердце своем до времени, и вернулся в Киев. Когда же пришло время, повелел он, чтобы нашли ему невесту, и стали ему подыскивать ее, как это было в обычае для властителей. И многими он пренебрег и вспомнил дивную в девицах Ольгу, отвагу и красоту которой видел своими глазами, и из уст которой слышал речи разумные, и целомудренный нрав которой видел. И послал он за ней родича своего, вышеназванного князя Олега, и взял ее в жены с подобающей честью, и так сочетались они законным браком!»¹³⁹

Прославить княгиню Ольгу — и заодно заявить права на ее наследие — стремились не только русские авторы. Так, в одной из редакций Владимирского летописца XVI века¹⁴⁰ болгарские коллеги нашли указание, что Олег Игоря «женил в болгарях, взял за него княжну Ольгу». И моментально летописный Псков (в ряде летописей — «Плесков») превратился в древнюю болгарскую столицу Плиску. Прекрасная идея, помогающая объяснить, почему сын Ольги Святослав чрезвычайно заинтересовался Болгарией и, утвердившись там, счел ее «серединой земли своей». Впрочем, раскопки в Прикарпатье (Западная Украина) выявили кроме Плиски крупное воинское городище VII—VIII веков Плесненск, которое, по тут же открытым местным преданиям, было объявлено родиной княгини.

Эти новейшие относительно Древней Руси версии, при всей их прелести, не занимают умы историков столь же серьезно, как идея варяжского — причем конкретно скандинавского — происхождения основа-

¹³⁹ Библиотека литературы Древней Руси. В 20 т. СПб., 2003. Т. 12: XVI век.

¹⁴⁰ ПСРА. Т. 30. М., 1965.

тельницы Русского государства. Ажиотаж у историков вызвало именно сходство имен Олег и Ольга с именами Хельги и Хельга. В скандинавских письменных источниках имя Хельга упоминается значительно раньше, чем его мужской аналог — Хельги. Впрочем, оба имени были вполне употребимыми.

Взятая в жены Игорем (по «Повести временных лет» — приведенная ему Олегом), она могла получить прозвание в знак вступления в род, где имя Ольги было наследственным. Невеста киевского князя могла получить свое имя и в честь Вещего Олега. Хотя эта идея тоже весьма сомнительна. Ряд древних летописей (в том числе такая авторитетная, как Лаврентьевская, по которой Д. С. Лихачев счел правильным издать «Повесть временных лет») именует княгиню то Ольгой, то Вольгой. А Вольга — имя вполне славянское, более того, словенское.

Словенский князь-богатырь и кудесник Вольга (Вольга Святославич, он же Волхв Всеславич) обращался то в волка, то в сокола и завоевал со своей лихой дружиной «царство Индийское» (где мужчин они убили, а жен и девиц «поимали себе», в соответствии с историей расселения индоевропейцев-ариев на полуострове Индостан). Это весьма древний фольклорный персонаж, даже более архаичный у славян, чем Хельги у данов из династии Скёльдунгов (герой, продолживший род, женившись на собственной дочери).

Датские Скёльдунги, к роду которых относился мифологический скандинавский Хельги, связаны с Русью не только предположительным отождествлением их конунга Рёрика Ютландского с легендарным князем Рюриком. Согласно «Саге о Хервер», окончательно сложившейся в XIII веке, они происходят от сына бога Одина, Сирглами, — конунга Гардарики, то есть Руси. Наследовал ему сын Свафрлами. Бесноватый викинг-берсерк Арнгрим, приехав на Русь, убил престарелого внука бога, Свафрлами, взяв себе его волшебный меч и вполне земную дочь, от которой родилось 12 сыновей берсерков. По другой версии саги мудрый Свафрлами сам отдал берсерку дочь и меч. Берсерков у сканди-

навов в честь Одина и должно было быть 12. Однако один из них, по имени Ангантюр, оказался в своем уме: он стал королем готов и женился на Свафе, дочери конунга Альдейгьюборга, то есть Старой Ладogi. Таким образом, датские Скёльдунги, связанные исторически с торговым городом Хедебю, в легендах, по крайней мере по женской линии, происходят с Руси и связаны с главным восточным партнером Хедебю — Ладогой. При этом Русь-Гардарика рассматривается как древнейшая страна, где правил сын бога Одина...

С другой стороны, очевидно, что воин-кудесник Вольга, отвоевавший своим людям царство (обширные владения пришедших с запада словен в Северо-Восточной Руси), и княгиня Вольга, построившая Русское государство, имеют смысловое сходство, возможно, и побудившее редактора Лаврентьевской летописи временами называть Ольгу Вольгой. Впрочем, в статье о браке Ольги тот же летописец называет ее Оленой («и приведоша ему жену от Пьскова, именем Олену»). Это указывает еще одну возможность: Ольгой молодую княгиню Алену назвали (ее муж или летописцы) в честь Олега. Правда, Олега как раз и не было в Древнейшем сказании: он возник в Начальном своде как воевода, а в «Повести временных лет» как князь только спустя сто и более лет. То есть по упоминанию в русских источниках Ольга первична, а Олег — вторичен, так же, как в скандинавских источниках Хельга упоминается раньше Хельги.

Само имя Ольга не обязательно было связано со скандинавским именем Хельга. Имя *Olha* — вполне славянское, оно зафиксировано у древних чехов. А именно миграция западных славян в VIII—IX веках способствовала славянской колонизации северных земель Руси по данным археологии. По диалектным особенностям союз племен кривичей, занимавших огромную территорию в центрами в Полоцке, Пскове (прежде в Изборске) и Смоленске, как полагают современные лингвисты, восходил как раз к северо-западной славянской диалектной группе, расселявшейся вплоть до современной Германии. Словене, пришедшие с запада

позже, расположились восточнее кривичей, но и в их землях имели отдельные селения. Жили среди кривичей, по данным археологии, и немногочисленные семьи варягов: прибалтийских славян и скандинавов, но не отщепенцев-викингов, а вполне солидных, хотя и небогатых, земледельцев, ремесленников и торговцев.

Как бы то ни было, в славянском роде основательницы Русского государства сомневаться не приходится: сына она назвала Святославом, а внуков — Ярополком, Олегом и Владимиром. Единственное спорно славянское имя Олег, очевидно, дано в честь самой Ольги или легендарного князя-воеводы Олега. То есть скандинавских пристрастий у княгини, которую пытались вольно отнести к варяжскому роду, категорически нет. А представление о благах государственности, отсутствовавшее в то время у скандинавов, у нее, как увидим, присутствовало в полной мере, что и заставило позднего летописца возвести княгиню к легендарному Гостомыслу. Однако положение одинокой женщины в каменном тереме, стоявшем в 945 году около Киева, эти славянофильские обстоятельства не улучшали никак.

Для полян, державших Игоря на княжеском «столе» (буквально — кормлении) в Киеве, после его смерти Ольга была никем. Да, она княгиня, но мало ли было в то время княгинь! Даже в Царьград «от рода русского» ездили послы Предславы и жены Улеба, не считая дам, к которым принадлежность послов не обозначена. Воевода Свенельд, чьи подвиги при Игоре были расписаны уже в Древнейшем сказании и позже в летописях, согласно этим рассказам везде брал дань себе, то есть не подчинялся князю, а действовал как его союзник. Силы у него были, но за Игоря он не мстил и Ольге не помогал.

Сын ее Святослав, если верить условной датировке сообщения Константина Багрянородного, до 952 года номинально княжил в Новгороде¹⁴¹ (как это делалребенок, мы знаем по детству внука Ольги Владимира).

¹⁴¹ Константин Багрянородный об управлении империей. С. 44/45, коммент. С. 292.

Но новгородцы, по признанию летописей, давали во времена Олега и Игоря дань варягам (300 гривен серебра в год). В числе всех северных племен — словен, варягов, кривичей и мери — они платили «ради мира», предпочитая откупаться, а не держать на те же деньги собственное войско (оно действительно бывало опаснее врага) и тем более не платить князю из чужого города. Впрочем, согласно Древнейшему сказанию, в год смерти Игоря маленький Святослав еще жил с матерью в Киеве, то есть и надежда на помощь из Новгорода у Ольги не было никаких.

Некоторые историки, на основании самой поздней летописной даты брака Ольги и Игоря в 903 году, полагают, что Святослав в 945 году был взрослым. Их не волнует вопрос, который в этом контексте возник бы у каждого человека Древней Руси: почему за отца мстит не великий полководец, а его слабая старушка мать, которой по совести и закону, по «Правде Русской», мстить при наличии сына-воина не положено никак?!

Я придерживаюсь прямых указаний древнейшего сказителя, что Святослав был еще совсем малым ребенком: княгиня сидела в тереме «с сыном своим детским Святославом». Согласно Ипатьевской редакции «Повести временных лет», Святослав родился в 6450 (942/943) году. Но при сравнении летописных дат 940-х годов с греческими событиями историки обнаружили, что летописная датировка сдвинута на год вперед. Описанный в «Повести» раньше поход на Византию датирован 941/942 годом и реально состоялся в 941 году, второй поход отмечен под 944/945 годом, а последовавший за ним мирный договор — под 945/446 годом, — но мир с императором Романом мог быть заключен только до декабря 944 года, когда император был свергнут. Поэтому дату договора Руси с греками по «Повести временных лет» историкам пришлось передвинуть с 945/946 на 944 год. Соответственно, дату второго похода на греков (когда войнство Игоря дошло только до Дуная и вернулось, заключив мир) — с 944/45 на 943 год. Так что, скорее всего, и Святослав родился не в 942-м, а в 941 году.

В любом случае в год смерти отца в 945 году он действительно был «вельми детеску» — четырех-пяти лет, и едва перешел от «мамоку» к «кормильцу». Ко времени похода Ольги на древлян (по Начальной летописи и «Повести временных лет» 946/947, реально в 946 году) княжичу определенно исполнилось пять лет.

Дата смерти Игоря, одинаковая в Начальном своде и «Повести временных лет», — 6453 (945/946) год — не сдвигается на год назад. Дело в том, что составитель «Повести временных лет», вставляя статью о договоре Руси с греками и иначе, чем Начальный свод, датируя походы Игоря, ошибся, продублировав летописный 6453 (945/946) год дважды. В одном «лете» описал договор, в другом с такой же датой — смерть Игоря и месть Ольги. Как выяснилось, «потесниться назад» должна статья о договоре и предшествующие ей «лета». Не исключено, что редактор Ипатьевской летописи сам вычислил дату рождения Святослава, опираясь на те же соображения, что и мы, только не зная, что дату договора с греками следует сдвинуть на год назад.

Святослав, согласно Древнейшему сказанию, в момент появления древлянских послов имел «кормильца» (дядьку, воспитателя) Асмуда. Сразу после описания казни и погребения Игоря древлянами сказание говорит: «А Ольга была в Киеве с сыном своим малым («детском») Святославом, и кормилец его Асмунд, и воевода был Свенельд, тот же отец Мстишин».

Мы уже говорили, что в руки кормильца мальчиков княжеской семьи у Рюриковичей (по данным XI—XIII веков) передавали в возрасте около пяти лет. Дядька занимался первоначальным воинским обучением княжича, длившимся семь лет (обычно до двенадцатилетнего возраста, когда юноша мог уже воевать, командовать в походах и жениться). Раз Святослав в 946/947 году (по Начальному своду и «Повести временных лет») уже сидел на коне, но не смог бросить во врага копьё, он едва начал воинское обучение. То есть родился пять лет назад, в 942/943 году, — так мог посчитать редактор Ипатьевской летописи. Учитывая годовой сдвиг в датах летописи для начала 940-х годов,

получаем 941 год. Эта дата лучше согласуется с княжескими обычаями, ведь редактор Ипатьевской летописи не учел, что в руках «кормильца» Асмуда Святослав находился на год раньше сражения, в 945/946 году.

Если бы Святослав был взрослым, как полагают некоторые историки, авторам еще тысячу лет назад пришлось бы отвечать на вопрос: что подельвал отважный воин, чьи последующие подвиги ими ярко описаны, когда мать осталась одна против всего мира? Дядька Асмуд, хоть и был наверняка знаменитым ратоборцем, мальчика спасти не мог. Дядькой назначали, как мы знаем из истории последующих князей и царей, старого заслуженного воина, не только мудрого, но опытного и терпеливого в воспитании мальчика. В любом случае, сражаться один против целого племени древлянских мужей он не мог.

Воеводу Свенельда Древнейшее сказание именует «отцом Мстиши» — то есть его сын Мстиша был знаменит во времена сказителя. До этого в летописи упоминался и другой его сын, Лют, из-за которого началась война внуков Ольги, Олега и Ярополка. Это значит, что прошло не так уж много времени после подвигов Свенельда, живо представленных в сказании и при Игоре, и при Святославе Игоревиче, и при Ярополке Святославиче. Вероятно, с этим Мстишей древнейший сказитель был хорошо знаком. Иначе почему в его рассказе Свенельду уделено почти столько же внимания, сколько Начальный свод затем уделил воеводе Олегу?! Если верить Древнейшему сказанию, то Свенельд был единственным стоящим упоминания полководцем на Руси времен князя Игоря, правой рукой великого Святослава и первым советником Ярополка!

Казалось, ему бы и отмстить за смерть своего благодетеля, за которого он много воевал и который отдавал воеводе самые лакомые куски, даже в ущерб собственной дружине. Когда пришли древлянские послы с вестью о смерти Игоря, Свенельд был в Киеве, как Ольга, Святослав и Асмуд, причем был воеводой. Однако могучий воин даже не подумал мстить представителям племени, которое он же сам покорял и с которого, в награду от

князя, брал дань, на зависть дружине Игоря. А ведь древляне устроили бунт! И вопрос о дани, судя по их идее взять Ольгу за своего князя Мала, для древлян отпал.

Если бы право сбора дани с древлян все еще принадлежало Свенельду, покарать их должен был именно он. Но за данью в этом году неожиданно пошел сам Игорь. Причем пошел с конкретным, озвученным его дружинниками мотивом: Свенельду этой дани слишком много, его воины и так богаты, а рать князя бедна. По-моему Древнейшее сказание прямо сообщает о том, что Игорь по воле своей дружины решил отобрать у Свенельда право сбора древлянской дани. В этих условиях мудрому воеводе, имеющему сильное войско, было разумно подождать в сторонке и посмотреть, как будут развиваться события. А затем получить максимальный выигрыш при минимальных потерях. Помимо прочего, Свенельд сам мог еще раз победить древлян, когда они запятнают себя убийством юного Святослава, и занять престол князя русского. Игорь ведь был, по Древнейшему сказанию и Начальному своду, первым киевским князем своего рода, его династия только основывалась. Вместо нее вполне могла начаться княжеская династия Свенельдичей.

А не могла ли Ольга приказать Свенельду покарать древлян именем князя Святослава? Теоретически могла, доказав, что Святослав (ребенок и, вполне вероятно, один из многих сыновей Игоря) — князь русский. Хотя реально Игорь и позже сам Святослав не отдавали приказы Свенельду. В поход с Игорем на древлян воевода не пошел, и Игорь погиб. На Русь со Святославом из Болгарии Свенельд не пошел на ладьях — он двинулся степью на конях — и Святослав погиб. Ярополк Святославич убил брата Олега, князя древлянского, по воле Свенельда — «этого ты хотел», — сказал он воеводе, оплакивая брата. После чего Ярополк расстался со Свенельдом и был убит в войне с братом Владимиром. А его сын Мстиша Свенельдич был важным человеком при великом князе Владимире. Настолько, что древнейший сказитель из дружины Владимира Красна Солнышка прославил Свенельда

больше, чем князей. Уместно задуматься: кто же реально имел в то время власть на Руси?!

Трудно, но все же можно представить себе положение женщины в богатых одеяниях, в византийских узорчатых шелках (которые носили в то время, согласно археологическим данным, даже простые дамы и дружинники), увешанную серебряными украшениями (они были прерогативой, судя по захоронениям, почти одних только женщин), на большом собственном дворе, в каменном (редкость для Руси тех времен) тереме, с обширным хозяйством и множеством слуг, среди которых, увы, не было воинов, за исключением разве что юнцов, стариков и калек. Женщину умную, богатую, знатную и совершенно бессильную перед мужами, взбунтовавшимися подданными, которые уже убили ее мужа, а вполне могли убить и сына — чтобы избежать принятой в те времена кровной мести. А ее саму решившими — как простой знак княжеской власти — забрать для своего лесного князя, имевшего неведомо сколько жен и наложниц... Если у древлян вообще были в то время жены, а не сожигательницы, — летописцы в чистоте их нравов сильно сомневаются. Поляне, приносившие жертвы языческим богам прямо посреди города, выглядели с точки зрения киевских авторов сущими агнцами сравнительно с дикими лесными древлянами.

Увы, древляне были недостаточно дикими, чтобы не представлять для Ольги и Святослава реальной военной опасности. У Ольги оставалась единственная сила — собственный ум (недаром автор Начальной летописи делает ей необычный комплимент: еще выходя замуж за Игоря, она «была мудра и смыслена»). Самая неодолимая и страшная на Руси сила, если верить древнерусским писателям. Нам придется им поверить.

Месть

Закопав послов живыми, Ольга немедленно послала к древлянам сказать: «Если меня правда просите, то пришлите мужей нарочитых, да с великой честью пойду за вашего князя, потому что ведь так не пустят

меня люди киевские». Зная о ее первой мести наем был ясен. Ольга напомнила киевлянам, что древяне — их старинные враги, а она сражается за Киев не хуже получившего «стол» князя. Древяне же, не зная о мести, прислали людей нарочитых, которые держали Деревскую землю, то есть уже не просто знатных мужей, а правителей племен своего союза. Ольга приняла их с честью и велела натопить баню: «Вымывшись, придите ко мне». Эти послы тоже не слишком думали о смерти. Они забыли, что у славян принято топить баню для покойника. Как только древяне отправились мыться, баню заперли, причем предусмотрительная Ольга велела зажечь ее от дверей. Сгорели все. За Игорем отправилось весьма представительное посольство, какое не ходило в загробный мир ни за одним знатным русом.

Просто схватить и перебить посольство у княгини сил не было. Для этого, как и раньше, нужны были воины. Но двойная месть очень подняла ее в глазах дружинников. Недаром Древнейший сказитель с восторгом описал ее действия, а летописцы были настолько ими довольны, что ничего в тексте не меняли. Когда Ольга пошла в Деревскую землю, «мало дружины» у нее появилось.

«Вот уже иду к вам, — послала гонца Ольга, — приготовьте мне много меда у города, где убили моего мужа, да поплачу над гробом его и сотворю тризну». Тризна, если верить восточным авторам, была у славян укоренившимся обычаем. Она устраивалась не сразу после похорон, но некоторое время спустя. Именно на тризне вдова, горюя о муже, могла покончить с собой. И многие славянские женщины X века, судя уже не только по письменным источникам, но и по археологическим раскопкам, так поступали. Возможен был, судя по былинам, и обратный вариант, когда муж уходил в могилу вслед за женой, доказывая, что любовь сильнее смерти. Просто археология этой последовательности не улавливает.

Древян возможность соблюдения женой древнего обычая не пугала. И без Ольги власть на Руси перехо-

дила к их князю как к победителю, не затрагивая власть русских воевод, типа Свенельда. И с Ольгой им, скорее всего, пришлось бы утверждать эту власть на переговорах с другими союзами племен и силой оружия. Коли вдова удавится на могиле Игоря — это будет достойным завершением эпического убийства русского князя. А вдруг да Ольга, всласть поплавав и исполнив все приличествующие обряды, и впрямь по доброй воле выйдет за их князя Мала? Это несколько облегчит для них наследование власти... Так что древляне, в предвкушении захватывающего праздника, свезли со своей земли и еще заново сварили меда «зело много».

Если бы просочился слух о судьбе двух посольств, Ольга была обречена на лютую смерть. Она не медлила — пришла к древлянам налегке и великим плачем плакала над могилой Игоря. По ее приказу «люди» (неясно, местные или пришлые) насыпали большой холм и справили на нем тризну, то есть пели, плясали и пили, провожая на тот свет душу покойного.

Во время пира, когда отроки Ольги обносили древлян питьем, кто-то из местных спросил в последнем проблеске трезвости: «Где дружина наша, которую послали за тобой?» «Идут за мной с дружиной мужа моего», — ответила Ольга. Как видим, киевской дружины Игоря при ней не было. Зато остроумие присутствовало в полной мере. Дружина Игоря (настоящие мужи, а не люди, оставившие своего князя погибать) шла не за Ольгой. Она шла за своим князем в загробном мире. И там же шествовали за князем обе делегации древлян.

Мужчины, как обычно, не оценили женского остроумия. По обыкновению, прекрасно отраженному в древнерусской литературе, они просто не поняли смысла игры женских слов. Древлянские мужи сели пировать и веселиться, наблюдая рыдания княгини.

Когда древляне упились, княгиня отдала странный приказ: «велела отрокам пить за них». Она отошла в сторону, а дружинники перерезали пьяных. Число жертв достигло в глазах сказителя пяти тысяч, но важно не количество: это были знатнейшие люди, способные поднять землю против малолетнего князя Свя-

тослава в Киеве. Звуки резни — а она и в меньших масштабах не могла быть бесшумной — не слишком дисгармонировали с положенным на тризне диким весельем, перемежающимся с воплями скорби.

Приказ Ольги «пить за них» объясняется тем, что она с кучкой людей находилась в сердце вражеских владений, у столицы древлян, где был убит и похоронен ее муж. Чтобы в Искоростене не заподозрили неладное, гулянка на могиле Игоря продолжалась среди трупов, когда Ольга с немногими имевшимися у нее тяжеловооруженными воинами уже бежала назад. Легконогие отроки — младшая дружина — могли догнать ее в пути. Изображая «продолжение банкета», княгиня оттянула начало преследования и добралась в Киев живой.

Уже много веков историки пытаются дать действиям Ольги моральную оценку. Составитель Древнейшего сказания и последующие летописцы были в восторге от ее действий, хотя, как увидим, по-разному. В любом случае люди, способные живо представить себе ситуацию, признавали за действиями Ольги целесообразность. Никто не упрекал ее в «лишней» жестокости. Но с XIX века модное морализаторство побудило историков «оправдывать» княгиню. Дескать, время было трудное, нравы кровожадные... «Не удивляемся жестокости Ольгиной, — написал еще Н. М. Карамзин, — вера и самые гражданские законы язычников оправдывали месть неумолимую; а мы должны судить о героях истории по обычаям и нравам их времени»¹⁴².

Оправдания эти для великой княгини унижительны. Они подразумевают, что Ольга, во-первых, слишком жестоко мстила, а во-вторых — могла и остановиться в своей мести, не убивая столь великое множество людей. Но то, что историки называют местью, было для нее простой самозащитой, и не столько защитой себя, сколько своего маленького сына. Соперник в претензиях на престол «князя русского» и законный кровник

¹⁴² Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 1. М., 1988. Стб. 100.

за своего отца был не нужен и опасен древлянам. Собственно, и вдова Игоря была им не особо нужна, даже в качестве добычи князя Мала. Просто в ней не видели особой опасности — ошибка роковая. Ольга нанесла древлянам три упреждающих удара прежде, чем они осознали, кого на самом деле стоит опасаться. Первыми двумя ударами Ольга оградила своего сына от непосредственной угрозы смерти. Но за едва зарождающийся русский престол неизбежна была война! Поэтому третьим ударом княгиня ослабила противника — так, чтобы эта предстоящая война была как можно менее кровавой.

Предстояло (даже если бы древлянам удалось убить Ольгу и Святослава) столкновение двух могущественных союзов славянских племен, издавна не любивших друг друга. Поляне, первыми принявшие и всячески поддерживавшие власть русского князя на юге, конфликтовали с древлянами не менее столетия. Причем этот конфликт, почти не отраженный в Древнейшем сказании X века, со временем не утих. О нем пишет Начальный свод XI века, а особенно подробно и изощренно — «Повесть временных лет» начала XII века. То, что для киевского летописца поляне были образцом высокой нравственности, а древляне — всесторонне плохими, в данном случае не важно. Составитель «Повести» односторонне изобразил древний конфликт, который поддерживали обе стороны. Нам довольно посмотреть, как в этом конфликте чувствовали себя поляне с центром в Киеве.

«Повесть временных лет» рассказывает, как восточные «словене пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в лесах, а другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, именуемой Полота, от нее и назвались полочане. Те же словене, которые сели около озера Ильменя, назывались своим именем — словенами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле, и назвались северянами. И так

разошелся словенский народ, а по его имени и грамота назвалась словенской».

Поляне не просто упомянуты первыми. Они, по мнению составителя «Повести», занимали центральное место на главных торговых путях через земли восточных славян. «Когда же поляне жили отдельно по горам этим, — продолжает он свой рассказ, — тут был путь из варяг в греки и из греков по Днепру, а в верховьях Днепра — волок до Ловоти, а по Ловоти можно войти в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево, и устье того озера впадает в море Варяжское. И по тому морю можно плыть до Рима, а от Рима можно приплыть по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда можно приплыть в Понт море, в которое впадает Днепр река».

Действительно, это была сильная позиция для участия в международной торговле — главным источнике обогащения того времени. Но не единственная! На пути «из варяг в греки» еще сильнее была позиция ильменских словен, контролировавших заодно (в союзе с ростовской мерей, муромской муромой, моравой и жившими вдоль реки Оки пришлыми западными славянами вятичами) северную часть Великого Волжского пути. Еще более мощной была позиция огромного союза племен кривичей (из которого Игорь недаром взял в жены Ольгу) в верховьях Волги, Днепра и Западной Двины, в водных системах Чудского и Псковского озер. Изборск и Псков, Полоцк и Смоленск были важны не менее, чем славенская Старая Ладога.

С кривичами было связано благополучие радимичей, которые облюбовали место южнее, расселившись вдоль Сожа — левого притока Днепра. Городом их был Любеч, стоявший близ впадения Сожа в Днепр. По своему положению радимичи зависели от Смоленска, державшего ключи между речными системами Волги, Днепра и Двины. Кривичи же полоцкие, в древние времена прозванные полочанами, оказывали сильное влияние на дреговичей, занимавших обширные земли южнее Западной Двины по правому берегу

Днепра до самой Припяти. Землю дреговичей связывала с Днепром река Березина с притоками, на севере столь близко подходившими к притокам Двины, что там сам собою возник волок.

К югу от дреговичей бассейн Припяти с его густыми лесами заселили древляне. Даже город их Искоростень был упрятан в чащобах. Однако считать их дикими лесными жителями, как хочет убедить нас автор «Повести временных лет», было бы ошибкой. По притокам Припяти как раз и лежал удобный путь на запад, в земли волян на Буге, через которые можно было попасть к ляхам на Вислу, через ее верховья в Карпатах — к морavam и чехам. Западный конец этого великого торгового пути находился в землях немцев и в современных Нидерландах. А можно было от древлян двинуться на юг по Днестру, на восточном берегу которого лежали во времена княгини Ольги земли тиверцев, а на западном — уличей. От них тоже шли дороги на запад, в неметчину.

Все славянские племена по этому магистральному пути в Центральную и Западную Европу составитель «Повести временных лет» прекрасно знал. Но о существовании важнейшей трансконтинентальной трассы от Империи франков через Русь до Хазарского каганата и Великого шелкового пути даже словом не обмолвился. Хотя она была прекрасно представлена в западных источниках уже в X веке¹⁴³.

Это молчание автора «Повести временных лет» не случайно. Он проигнорировал не только торговый путь, лежащий в землях древлян, но и его продолжение во владениях северян. Их сильный и воинственный союз племен жил на левобережье Днепра по берегам реки Десны и ее многочисленных притоков. На Десне стоял град северян Чернигов. Северяне в стремлении к плодородным землям юга заняли также бассейны Сейма, Сулы и Донца, который доселе в напоминание о древних жителях называется Северским.

¹⁴³ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Гл. 3: Русь на «пути из немец в хазарь». С. 71—112.

Через Северский Донец открывался путь на Дон, отсюда на восток — волоком в Волгу и Каспий, или на юг — в Азовское и Черное моря. Именно Донской и Волго-Донской пути археологи считают первыми и долгое время — основными торговыми магистралями Древней Руси.

Проще говоря, поляне не были на древних торговых путях главными, как хотелось бы киевскому монаху-летописцу XII века. Не были они также более «государственными» и культурными, как он хотел показать в «Повести временных лет». Именно основатель Киева, князь (а не перевозчик!) Кий, рассказывает «Повесть», со своими братьями Щеком и Хоривом первыми основали у восточных славян княжество. «И после этих братьев, — уверяет летописец, — стал род их держать княжение у полян, а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у словен в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане. От этих последних произошли кривичи, сидящие в верховьях Волги, и в верховьях Двины, и в верховьях Днепра, их же город Смоленск; именно там сидят кривичи. От них же происходят и северяне».

«Все эти племена, — рассказывает «Повесть» о восточных славянах, — имели свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, и каждые — свой нрав. Поляне имели обычай отцов своих кроткий и тихий, были стыдливы перед снохами своими и сестрами, матерями и родителями; перед свекровьями и деверями великую стыдливость имели. Имели и брачный обычай: не идет зять за невестой, но приводили ее вечером, а на утро приносили за нее что дадут.

А древляне жили зверским обычаем, жили поскотски и убивали друг друга, ели всё нечистое, и брака у них не было, но умыкали девиц у воды. А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как всякие звери, ели всё нечистое и срамословили при отцах и при снохах. И браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни, и здесь умыкали себе жен по стовору с ними; имели же по

две и по три жены... Этому же обычаю держались и кри-вичи, и прочие язычники, не знающие закона Божь-его, но сами себе устанавливающие закон».

Обида полян на «дикие» племена остальных восточных славян очевидна. Для таких обид в истории всегда можно найти основания. Составитель «Повести временных лет» повторил рассказ Начального свода о том, что после смерти Кия и его братьев поляне «были обидимы древлянами и иными окольными». Он рассказал старую байку про хазар, которые потребовали с полян дани, но получили взамен меч и испугались. Однако на самом деле хазар было нелегко испугать, и дань они продолжали брать. Когда на Днепре появились Аскольд и Дир, поляне, согласно той же «Повести», грустно сказали им, что Кий с братьями «построили этот городок (Киев. — А. Б.) и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хазарам».

Составитель «Повести временных лет» был прав в том смысле, что именно с появлением князей полянам стало во всех смыслах лучше. Князья пробивали путь в Византию, возобновив торговый путь «из варяг в греки». Олег назвал Киев «матерью городов русских» и сделал его главным пунктом этого пути. Сев в Киеве, он немедленно «начал воевать против древлян и, покорив их, брал дань с них по черной кунице». Сразу затем «пошел Олег на северян, и победил северян, и возложил на них легкую дань, и не велел им платить дань хазарам», после чего повторил ту же операцию с радимичами. Когда соседи полян с востока (древляне), севера (радимичи) и запада (северяне) были усмирены, настал черед живших южнее уличей и тиверцев. Не сумев их покорить, киевские князья вытеснили их на запад. Понятно, что это лишь отголоски реальной борьбы, связанные летописцами с именами прославляемых ими Олега, а прежде Игоря и еще раньше Свенельда.

Общая мысль летописцев наверняка имела основание: с русскими воеводами и князьями полянам было хорошо. Но не все их соседи были с этим положением согласны. «Древляне заратились от Игоря» сразу по его вступлении на киевский престол. Уже на второй год

княжения «пошел Игорь на древлян и, победив их, возложил на них дань больше Олеговой», — рассказывает, удревняя события, «Повесть». Характерно, что в закончившемся миром походе Игоря на Византию древлян среди русских воинов не было (в отличие, например, от похода Вещего Олега). В войске Игоря перечислены варяги, русь, поляне, словене, кривичи, тиверцы и даже печенеги, — без ближайших соседей полян: древлян, северян и радимичей.

Складывается впечатление, что древляне не просто в порыве гнева, а по здравому размышлению убили Игоря и предложили своего Мала в качестве князя русского. У ближних соседей, древлян, радимичей и северян, наверняка были свои претензии и к полянам, изначально поддержавшим идею Русского княжения. Междоусобная война назрела, а со смертью Игоря фактически началась.

Ольга не могла сдать сама и отдать на смерть своего сына. Разноплеменные дружины готовы были биться каждая за своего ставленника на русский престол. Поляне должны были отстаивать с оружием в руках выгодное им право «держат» князя Руси в своей столице. Древляне и, вероятно, столь же недовольные соседи с севера и запада должны были как минимум власть русского князя в Киеве сокрушить, а в идеале — занять его «стол» своим ставленником, тем же Малом.

В этих условиях нанести опережающий удар по племенной верхушке противника значило снизить накал и кровопролитность уже начавшейся войны. Убивая верхушку древлян, Ольга спасала не только себя и сына, но и несметное количество человеческих жизней. Она уберегала и, как увидим, уберегла только рождающуюся Русь от ужасов войны. Те, кто считает, что во избежание кровопролития княгиня могла бы сдать Малу и пожертвовать сыном, на мой взгляд, не только безразличны — они еще и слепы к историческим реалиям.

Война была объявлена казнью князя русского и уже шла. Вопрос был лишь в том, сколько она продлится и какой цены потребует. Это прямо зависело от того, кто

возглавит киевские войска — и русскую дружину Свенельда, и ополчение полян. Разноплеменным дружинникам война давала возможность разорять, грабить и насиловать. Ускорять ход войны им было не с руки. Но мудрая княгиня могла завершить войну молниеносно — и уже начала это делать. Единственное, что ей было сейчас необходимо, — это получить войско, то есть убедить ратоборцев следовать за ней.

Тремя ударами по древлянам Ольга выполнила все то, что должен был сделать преемник русского князя, если бы титул был тогда не номинальным. Показав дружинникам, что умная и решительная женщина может вполне обойтись без них, Ольга на следующий год «с сыном своим Святославом собрала воинов многих и храбрых».

Дружинники, ходившие прежде с Игорем, воины Свенельда и, видимо, разнообразныи удалыцы были привлечены Ольгиной «удачей», но о том, чтобы пойти на службу непосредственно к женщине, не помышляли. Матери пришлось взять с собой сына, которому дружине уместно было служить, и рисковать им на поле брани. Она не могла иначе покончить с древлянской опасностью, хотя подвергала себя новой: после победоносного похода старшая дружина и воеводы, вроде Свенельда, непременно захотели бы взять власть на Руси от имени юного князя Святослава.

Против вторгшегося в Деревскую землю сборного войска вышли дезорганизованные потерей военной верхушки древляне. Святослав сидел на коне, символично зажатый с двух сторон Асмудом и Свенельдом, который уже не выпускал князя из-под своего влияния до самой его смерти. Мальчик метнул копьe, и оно пролетело только между ушей коня. «Князь уже потрудился! — крикнули кормилец и воевода. — Потягнем, дружина, и мы по князе!»

В этом рассказе присутствует важнейший момент, который меняет наши представления о русах. Вероятно, потому что они сами изменились. Древнейший сказитель, между прочим, проговаривается, что Святослав во главе дружины вступил в бой на коне. Хотя в

рассказе Ибн-Фадлана о кагане русов тот описан прирожденным кавалеристом, слезающим с коня прямо на наложниц и с постели забирающимся в седло, все описания боевых действий русов до этого свидетельствовали о их сражениях на ладьях и в пешем строю. Атака против древлян на конях говорит о большом прогрессе в военном деле, который еще предстояло реализовать в новой тактике и стратегии. Только использование лошадей позволяло русам воевать круглогодично и, наряду с атаками на кораблях с севера на юг, совершать широтные походы по торговому пути от Чехии на западе до столицы хазар на востоке.

Это была вовсе не позднейшая рыцарская кавалерия. Таранный удар копьями в Европе еще не был изобретен. Что бы там ни говорили о византийских, полностью закованных в броню катафрактах, даже они не смогли в X веке нанести сокрушительный таранный удар довольно легко вооруженным воинам взрослого князя Святослава. И более столетия спустя, в битве при Гастингсе в 1066 году норманны Вильгельма Завоевателя размахивали копьями, как дружинники Свенельда сулицами, и метали их на скаку в саксов, так и не пробив их стену щитов, пока те сами не сломали строй.

Оружие участников битвы в Древлянской земле мало отличалось от сражения саксов с норманнами, разве что через столетие железных сфероконических шлемов, мечей и кольчуг в войске стало больше, так как их производство развивалось, а цена падала. У Свенельда и древлян полное дорогое вооружение имели только командиры. Подавляющее большинство воинов обходилось копьями и топорами для ближнего боя, сулицами и луками для дальнего. Главной защитой служил большой деревянный, обтянутый кожей щит с металлическим умбоном, защищавшим державший его кулак. В бою даже умелые всадники могли спешиваться, чтобы построить привычную стену щитов. Конь служил пока не столько оружием, сколько транспортным средством, дающим стратегические возможности в наступлении на вражеские земли и преимущество скорости в маневренной схватке.

Первая известная нам атака русской конницы была успешной. Древлян победили и возложили на них тяжкую дань, причем две ее части шли в Киев, а одна — в Вышгород Ольге: «был ведь Вышгород Ольгин град», — уточняют летописцы. Княжеский двор у стен Киева, раз Святослав смог начать битву, матери его уже не принадлежал. Распределение дани отражало представление дружины о вкладе в победу: оценка роли княгини в треть была очень высока. Но наивны были те, кто полагал, что Ольга удовлетворится состоянием страны, ставящим сбор дани в зависимость от лихости воинов.

Строительство

Уже в походе на древлян выяснилось, что власть разбойных князей и дружинников Ольгу не устраивает. После распределения дани «пошла Ольга по Деревской земле с сыном своим и дружиной своей», — то есть со своими воинами, а не Свенельда и не киевскими. Она устанавливала уставы и уроки, устраивала становища и ловища, которые и ныне *есть*, подчеркнул древний сказитель и много позже повторили летописцы.

Уставы — это единые княжеские законы, о которых Русь до той поры не ведала. Уроки — ставки налогов и повинностей, отменяющие произвол дружинного грабежа. Становища — опорные пункты княжеской власти, в которых население получало, наконец, княжий суд и могло заплатить налоги. Ловища — устраивавшиеся тогда по всей Европе заповедники, знакомые нам по Шервудскому лесу в Англии.

Сакраментальная фраза: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет, пойдите к нам княжить и владеть нами», напрасно была обращена летописцами XI—XII веков к варягам-руси. Ни о каком «порядке» на Руси до Ольги речи не было. Составителю Начального свода минимум через 128 лет после начала трудов княгини очень хотелось связать установленный ею «порядок» с призванием или нашествиями вовсе не

упомянутых в Древнейшем сказании легендарных князей и воевод вроде Олега.

Еще позже составитель «Повести временных лет» добавил в рассказ Древнейшего сказания и Начального свода о походе 946 года на древлян безобидную на первый взгляд легенду о долгой осаде Искоростеня, сожженного хитроумной княгиней с помощью птиц. Смысл перелицовки старой притчи о птицах, возвращающихся на свои гнезда, под события на Руси раскрывался в финале: город был уничтожен, старейшин Ольга забрала в плен, «а других людей убила, третьих отдала в рабство мужам своим, а остальных заставила платить дань». Приведу этот вставной текст целиком.

После того как маленький Святослав символически первым метнул во врага копьё, дружина Ольги победила, «древляне же побежали и затворились в своих городах. Ольга же устремила с сыном своим на Искоростень град, так как те (жители его. — А. Б.) убили ее мужа, и стала около града с сыном своим. А древляне затворились в городе и крепко оборонялись из города, ибо знали, что сами убили князя и не на что им надеяться.

И стояла Ольга все лето (слово обозначало и лето, и весь год. — А. Б.) и не могла взять город. И замыслила так: послала она к городу со словами: “До чего хотите досидеться? Ведь все ваши города сдались мне¹⁴⁴, и согласились на дань, и возделывают свои нивы и земли; а вы собираетесь умереть с голода, отказываясь платить дань”. Древляне же ответили: “Мы бы рады платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа своего”. Сказала же им Ольга, что-де “я уже отомстила за обиду мужа своего, когда приходили вы к Киеву, и во второй раз, а в третий — когда устроила тризну по муже своем. И уже не хочу отмщение творить, но хочу

¹⁴⁴ О походе княгини Ольги по землям древлян и устройстве ею нового управления, в том числе дани, в Древнейшем сказании говорилось далее. Вставив рассказ об осаде Искоростеня после слов о первой битве Святослава, составитель «Повести временных лет» не озаботился перенести текст о походе Ольги по землям древлян.

взять с вас малую дань и, заключив с вами мир, уйду прочь”. Древляне же спросили: “Что хочешь от нас? Мы рады дать тебе мед и меха”. Она же сказала: “Нет у вас теперь ни меда, ни мехов, поэтому прошу у вас немного: дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья. Я ведь не хочу возложить на вас тяжелой дани, как муж мой, поэтому-то и прошу у вас мало. Вы же изнемогли в осаде, оттого и прошу у вас мало”».

По-древнерусски последняя фраза Ольги звучит зловеще: «вы бо есть изнемогли в осаде, да сего у вас прошу мала» (по Лаврентьевской летописи). Филологи давно обратили внимание, что Ольга вновь говорит правду, прося у древлян Мала, князя, убившего ее мужа. В Летописце Переяславля Суздальского составитель, разобравшись в этой притче, прямо добавил, зачем Ольга просит малую дань: «дать богам жертву от вас, и ослабу вам подать, (и) себе на лекарство главной болезни»¹⁴⁵. Большинство составителей и редакторов других летописных сводов в ситуации не разобрались и исказили эту игру слов. В реальной ситуации Мал, скорее всего, был уже убит на тризне по Игорю, вместе с остальной древлянской знатью. Но все равно история, сочиненная в начале XII века, звучит замечательно.

«Древляне же, — продолжает составитель «Повести временных лет», — были рады, и собрали от двора по три голубя и по три воробья, и послали к Ольге с поклоном. Ольга же сказала им: “Вот уже вы покорились мне и моему дитяте, а идите в город, а я завтра отступлю от города и пойду в город свой”».

Древляне вновь не проникли в смысл игры слов Ольги, которая на деле обещала войти в Искоростень, покорив его себе. Их парламентары, согласно летописи, «рады были, вошли в город и поведали людям, и обрадовались люди в городе. Ольга же (в Лаврентьевской летописи вновь — Вольга, как звали древнего кудесника. — А. Б.) раздала воинам по голубю каждому,

¹⁴⁵ Летописец Переяславля Суздальского // ПСРА. Т. 41. М., 1995. С. 16.

а другим по воробью, и повелела каждому голубю и воробью привязывать трут, обертывая его в платки малые и повязывая ниткой ко всем голубям и воробьям.

И повелела Ольга своим воинам, когда стало смеркаться, пустить голубей и воробьев. Голуби же и воробьи полетели в свои гнезда: одни в голубятни, а воробьи под стрехи. И так загорелись голубятни, клетки, башни и сеновалы, и не было двора, где бы не горело, и нельзя было гасить, ибо все дворы загорелись. И побежали люди из города, и приказала Ольга воинам своим хватать их. И взяла город и сожгла его. Старейшин городских забрала в плен, а прочих людей одних убила, а иных дала в рабство мужам своим, а остальных оставила платить дань. И возложила на них день тяжкую».

Как видим, описания похода Ольги к древлянам в Древнейшем сказании (отраженном в Начальном своде) и «Повести временных лет» принципиально различны. Древняя версия конца X века гласит, что княгиня разбила древлян в сражении, затем определила им платить дань, а после прошла по всей их земле, устанавливая новый закон и порядок. Это даже в начале XII века не вполне укладывалось в дружинное сознание — а составитель «Повести временных лет» как раз был близок к дружинной среде. Набег, ловкое взятие города, грабеж и порабощение — именно это было ему понятнее, это выглядело доблестью. Он все-речь полагал, что своей вставкой в Начальный свод он похвалил княгиню, сделал ее подобной лихому князю-разбойнику...

Летописец начала XII века хотел видеть итогом похода погром и военную добычу, Ольга же — установление мира и правовой системы, в которой основную роль должна играть впервые создаваемая ею княжеская администрация. Мы еще могли бы поверить версии «Повести временных лет», если бы княгиня ограничилась устройством своего рода оккупационной власти в Деревской земле. Но административно-правовая деятельность княгини охватила все подвластные ей земли Руси.

С чисто женским стремлением начать с главных беспорядков в «доме», Ольга двинулась на фактически бесконтрольный север, плативший при Игоре (по Начальному своду, а по «Повести временных лет» — и при Олеге) дань варягам. Великий русский историк С. М. Соловьев очень точно объяснил общий для летописания краткий текст о многолетнем землеустроительном походе княгини, описанном в Древнейшем сказании (а затем во всех летописях):

«Пошла Ольга к Новгороду и устала по Мсте погосты и дани. И ловища ее есть по всей земле, и знаки, и места по всей земле, и погосты. А санки ее стоят в Пскове. И до сего дня по Днепру перевесища¹⁴⁶ и села, и по Десне есть село ее доселе. И возвратилась к сыну своему в Киев, и пребывала с ним в любви».

В «Повести временных лет» текст этот несколько более развернут: «В год 6455 (947/948). Пошла Ольга к Новгороду и устала по Мсте погосты и дани, и по Луге оброки и дани. И ловища ее есть по всей земле, знаки, и места, и погосты. И сани ее стоят в Пскове и до сего дня. И по Днепру перевесища, и по Десне. И сохранилось село ее Ольжичи до сих пор. Изрядивши (установив всё. — А. Б.), возвратилась к сыну своему в Киев и пребывала с ним в любви».

Я намеренно привел две цитаты, чтобы показать, что Начальный свод в Новгородской I летописи, по которому обычно выделяют Древнейшее сказание, не всегда передает его текст лучше «Повести временных лет». Надо учитывать, что сохранившиеся рукописи не восходят даже к одному протографу (первоначальному списку) и в любом тексте есть свои утраты и искажения. Первоначальный текст воссоздается летописеводами путем долгого и кропотливого сопоставления всех имеющихся летописных произведений, с учетом истории текста каждого из них.

В данном случае текст «Повести временных лет»

¹⁴⁶ Историки толкуют «перевесища» как места для ловли птиц и/или паромные переправы. Переправы лучше объясняют, почему они стоят именно по Днепру.

(прежде всего по Ипатьевскому и Лаврентьевскому сводам) передает содержание древнего памятника гораздо лучше, за исключением даты. Составитель «Повести» поставил себе цель привязать все описываемые им события к конкретным годам. В данном случае, как и с предыдущими датами, он ошибся с датировкой начала землеустроительной деятельности Ольги, сдвинув ее на год «вперед»: дату в летописной статье правильно читать как 946/947 год. И рассматривать ее не как год совершившегося в нем события, а как начало упорного труда княгини, продолжавшегося много лет. Именно так, началом, было принято датировать описание длительных процессов в летописях.

Работа княгине Ольге предстояла титаническая. «Хотя летописец упоминает о распоряжениях Ольги только в земле древлянской и в отдаленных пределах Новгородской области, — констатировал С. М. Соловьев, — однако, как видно, путешествие ее с хозяйственной, распорядительной целью обнимало все тогдашние русские владения; по всей земле оставила она следы свои, повсюду виднелись учрежденные ею погосты»¹⁴⁷. Первым делом княгиня привела в порядок Новгород, затем ходила на Мсту и Лугу, в Псков, по Днепру и Десне.

Фактически независимый при Игоре словенский Новгород и неопределенной принадлежности кривичский Псков представляли, видимо, большие проблемы с точки зрения их отношений с центральной властью, которой они практически не подчинялись, и с разбойниками-варягами, которым с одобрения киевского князя платили дань. Посадить своего сына Святослава на княжение в Новгород, как об этом писал в трактате «Об управлении империей» (закончен к 952 году) император Константин Багрянородный, было бы для Ольги разумной идеей. Ведь, по сути, князю с дружиной нечего было делать в Киеве, а его пребывание в Новгороде позволяло оставить варяж-

¹⁴⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. М., 1988. С. 148 и след., прим. 212.

скую дань в семье. Впоследствии мотив получения положенных князю доходов с Новгорода всегда был важнейшим в стремлении князей занять крайне беспокойный новгородский «стол»¹⁴⁸.

Река Мста составляла крайний северо-восток владений княгини в землях ильменских словен, кривичей и финно-угров. Она течет в нынешних Тверской и Новгородской областях, от Вышнего Волочка до озера Ильмень. Река Луга обозначила северо-западный рубеж Руси, протекая в землях тех же словен, кривичей и финно-угров от современной Новгородской области через Ленинградскую, мимо северной границы Псковской области.

«Почему распоряжения Ольги коснулись берегов этих двух рек? — спрашивал себя Соловьев и отвечал так: — Взглянувши на карту, мы видим, что Луга со своими берегами составляет крайнее владение Новгородской области на северо-западе, а Мста — в противоположную сторону, на северо-востоке; вспомним, что верховье Мсты и следующий за ним волок, отделявший озерную область от области Верхней Волги, был по этому самому границей Новгородской и Ростовской областей, пределом новгородских владений». Волок из Мсты вел на Великий Волжский путь. В свою очередь река Луга, впадающая в Финский залив, проходила по славянским землям в Балтику, обозначая северную границу расселения кривичей на северо-западе.

Вспомним также, что все последующие законодательные и административные учреждения древнерусских князей до Александра Невского включительно касались только единоговерного славянского населения; навязывать русских чиновников и «Правду Русскую» иноплеменному населению страны считалось немислимым. Другими словами, летопись указанием на Новгород, Псков, Мсту и Лугу обозначает нам круг северных славянских земель Руси, где Ольга считала возможным установить русские законы и посадить княжескую администрацию. Финно-угорские же владения и

¹⁴⁸ См., напр.: *Богданов А. П.* Александр Невский. М., 2009.

много позже описывались как подвластные русским князьям, но не управляемые ими.

Реки Днепр и Десна обозначают два направления на юг Руси. Днепр проходил через земли смоленских кривичей и любечских радимичей к киевским полянам, оставляя западные земли полоцких кривичей, дреговичей (живших между Березиной и Припятью) и уже «устроенных» древлян. О Полоцке, как и о возникшем в X веке Турове (городе дреговичей на притоках Припяти) летопись не упоминает; мы не знаем почему. Из сознания летописца вообще как бы выпала западная часть Руси. Зато восточная ее часть обозначена деятельностью Ольги на реке Десне очень хорошо. Десна текла с севера на юг, из земель смоленских кривичей, по восточной границе владений радимичей (далее на восток начинались уже леса непокорных вятичей), через земли сильного союза племен северян (со столицей в Чернигове) и впадала в Днепр чуть выше Киева.

Везде Ольга строила «места» и «погосты»: пункты, где чиновники давали суд и собирали твердо установленные дани — то есть уже не грабительские поборы, а государственные налоги. Местное население обеспечивало их деятельность оброками: платой (в основном продуктами) за пользование государственной властью (например, судом княжьего мужа) и ее владениями (перевозами, ловищами и пр.). Фиксация размера оброков защищала людей от произвола расселившихся по стране княжьих мужей и была принципиальна для спокойствия государства.

Разбросанные по всей стране села Ольги — первые устроенные государством населенные пункты (не считая ничем не подтвержденных легенд о строительстве Олегом и Игорем городов). Характерно, что сама княгиня жила вначале в неукрепленном дворце вне стен Киева и мужи ее тоже не спешили укрыться за стенами города. Села означали многое. Прежде всего княгиня по договору с местными жителями получала в свое владение землю и угоды. Затем она и последующие князья и бояре стали такие земли населять. Земля оз-

начала появление на территориях союзов славянских племен княжьей собственности. То есть само строительство сел свидетельствует о переходе от отношений правителя и подданного в стиле «вооруженный грабитель — жертва» к отношениям мирным и постоянным, правовым и договорным. Это совершенно иная форма государственности, если, конечно, князя-разбойника можно считать государственным деятелем.

Наконец, князьи села требовали устройства государственных путей сообщения. Поэтому не меньшее значение имели «перевесища»: речные переправы, без строительства которых было невозможно сухопутное сообщение летом. Русь была связана исключительно водными путями, годными для сезонной торговли или набега на крупные города, но не для обеспечения постоянной защиты и порядка в государстве. Задачей Ольги было так расставить погосты с проложенными к ним мощенными деревом дорогами от крупных водных путей, чтобы они были в любое время доступны для чиновников и военных¹⁴⁹.

«Мосты» (большей частью помосты на топких местах, но также и собственно мосты) были совершенно необходимы для русских сухопутных дорог. Иначе страна была проезжей только на ладьях летом и на саних (по тем же рекам) зимой. Сани Ольги в Пскове говорят нам о том, что княгиня использовала для объезда земель и зимние пути. Это был настоящий подвиг! Не только сегодня Россия нелегка для передвижения. После Смутного времени начала XVII века сам освободитель Москвы князь Дмитрий Пожарский потребовал себе чрезвычайных полномочий, чтобы восстановить разрушенные дороги и обслуживающую их государственную ямскую систему. А во времена Ольги о системе дорог, ямских слободах в городах и станциях-ямах на дорогах еще не знали.

¹⁴⁹ Чтение одной из летописей — «помосты» (дорожное покрытие) — было отмечено еще Соловьевым, но не изучено, хотя уже в «Правде Ярослава» появился «Урок мостникам» — древнейший государственный тариф дорожным строителям, профессии которых на Руси скоро исполнит 1000 лет.

В лаконичном летописном рассказе о строительстве Ольгой государства на месте прежней деятельности князей-разбойников есть очень любопытный момент: при всей любви сказителей и летописцев к дружинным подвигам, они вскоре после событий не помнили, а позже не придумали никаких вооруженных конфликтов! Установить единую княжескую власть и рассадить своих чиновников-тиунов на огромной территории так, чтобы народ потом с гордостью указывал на сохранившиеся сани Ольги в Пскове или село Олжино на Десне, — не просто подвиг. Ольга совершила невозможное, сформировав гражданскую администрацию и сохранив за ней ту треть доходов, которую ее резиденция в Вышгороде получала уже не только с древлян, но со всей Руси.

Вышгород, о строительстве которого летописи не рассказывают, был занят или возведен Ольгой не случайно. Он стоял на высоком холме над Днепром, выше Киева и устья Десны, как раз на торговом пути с запада, от осколков Империи франков, на восток, в Хазарию и к Великому шелковому пути. Находясь здесь, Ольга равно контролировала полян на юге, древлян на западе, радимичей на севере и северян на востоке. Контролировала с самой чувствительной, торговой стороны. Ведь главные их коммерческие интересы сходились на водных путях именно у Вышгорода. Не случайно этот город упоминал как важный центр Руси византийский император Константин Багрянородный, с которым княгиня вскоре успешно провела переговоры.

Древнейший сказитель и последующие летописцы особо восторгались дипломатическими способностями Ольги. Мирно установить власть и порядок по всей стране она могла, только убедив влиятельных лиц на местах в выгоде такой организации. Наиболее очевидной выгодой для тех, кого не удовлетворяли плоды натурального хозяйства, было удобство внешней торговли, а самым очевидным и привлекательным партнером — легко доступная по воде Византия. Туда Ольга и направилась сразу после создания Русского государства.

Русь и Византия

Византийская империя, куда ежегодно отправлялись русские купцы, время от времени — отряды воинов-наемников и очень редко — разбойничьи рати, виделась древнерусскому сказителю X века и летописцам XI—XII веков как некое сказочное царство. Так она представляется и современному читателю. Это миф, сложившийся не только в русской, но во всей европейской историографии. Дело в том, что реальное восприятие Византии было оскорбительно для самосознания народов, веками прозябавших в варварстве рядом с государством, цивилизационно относившимся к другой эпохе.

Судите сами. Могли ли потомки варваров, захвативших и разграбивших западную часть Римской империи, но считающих себя наследниками римской и в целом античной средиземноморской цивилизации, признать, что восточная половина империи устояла и процветала многие века?! Само название Византия, по старому, доимперскому имени Константинополя — Византий, утвердилось в западной историографии как отрицание того факта, что речь идет о Восточной Римской империи, по-гречески Βασιλεία Ῥωμαίων (Василия Ромеон) — Царство римлян. Отрицание это было старательно наполнено ложными представлениями, рисующими Византию как восточную сатрапию, а не наследницу римской культуры и права. После того как через сто лет после Ольги, в 1054 году, римский папа Лев IX получил отказ восточных патриархов на его странные претензии быть главой всего христианства и непогрешимым наместником Бога на земле, отрицание ортодоксальной, не принявшей папскую ересь Византии приобрело и религиозный характер.

Строители варварского мира, с правом, основанным на силе, принципиально не принимали идею правового и социально ориентированного государства, в которое превратилось Царство римлян ко временам Ольги. Славяне, хотя и оставшиеся в большинстве в лоне православия, тоже отрицали империю как

чудовищный бюрократический механизм, своим бездушием сводящий на нет лежащую в его основе идею равной защиты всех подданных. Да и мы, современные историки, не без восторга описываем сокрушительный натиск славян на империю в VI веке. Забывая, что в итоге наши варварские предки были приняты в ней как добрые подданные и получили не только земли, но все права и блага римской цивилизации, став в сообществе цивилизованных народов не последними людьми.

Пышные одеяния, сложные церемонии, непонятные византийские чины и функции развитого административного аппарата, наконец, сочинения византийских либералов, жестко и остроумно порицавших порядки империи и искавших нравственные образцы в неведомом ими мире варваров, — все это помогает современным историкам укреплять в сознании читателя тот образ, который сложился в сознании наших далеких предков.

В варварах, конечно, говорила обида, заставлявшая их, как мы видели в русских летописях, превращать мирное посольство к богатым и отвратительно снисходительным ромеям в победоносный разбойничий набег с прибитием княжеского щита на врата Царьграда. Мы не можем не гордиться за своих предков. Но объективности ради должны понимать, что их рассказы об отношениях с Царством римлян отражают их собственное мировоззрение гораздо больше, чем реальную ситуацию. Предки не смогли понять даже родную им княгиню Ольгу, которая сумела разобраться в хитросплетениях имперской организации и стала едва ли не самым успешным дипломатом в истории сношений варваров с ромеями.

Рассказ Древнейшего сказания о посольстве Ольги в Царьград лучше всего передает Начальный свод. В «Повести временных лет», составитель которой обычно стремился расширить повествование, текст о мирной победе женщины над византийцами, в войне против которых не преуспел князь Игорь, был сокращен. И дружинников, передававших друг другу

рассказы о княгине, и летописцев, оставивших эти рассказы в истории, деятельность Ольги несколько смущала. Естественно, что они понимали ее победы и оценивали их на свой, мужской и весьма brutальный вкус.

«Пошла Ольга в греки, — поведал нам сказитель, — и пришла в Цесарыград. И был тогда цесарь именем Цимисхий».

Иоанн I Цимисхий, в переводе с его родного армянского «Иван Карлик», — император Византии (968—976) и главный военный противник сына Ольги Святослава, — был очень, даже чересчур хорошо знаком русской дружине. Выдвинувшись как отважный полководец, а затем еще более мужественный любовник жены императора Никифора Фоки, он по ее воле убил своего старого командира и друга, но, заняв престол, сумел справиться с жесточайшим социальным и военным кризисом в империи. Для Руси это означало поражение в войне с ромеями и гибель Святослава. Поэтому прозвище Цимисхия и заслонило целую череду императоров в глазах наших летописцев — и в Начальном своде (по Новгородской I летописи), и в большинстве списков «Повести временных лет». Только в Ипатьевском своде имя императора приведено точно: «и бе тогда цесарем Коснянтин, сын Леонтов». Действительно, посольство Ольги принимал император Македонской династии Константин VII Багрянородный (фактически царствовал в 945—959), сын императора Льва VI Мудрого и его незаконной четвертой жены Зои Черноокой (Карбонопсины). Он был прекрасным администратором и человеком ученым, но не военным, и потому дружинникам и летописцам был неинтересен.

Неинтересны были им и административные проблемы, которые пришлось, по прибытии в гавань Константинополя, решить княгине Ольге. В Начальном своде остались следы текста, говорящего нам, что в Древнейшем сказании после имени цесаря шел рассказ о долгой борьбе Ольги за прием у императора. Не то чтобы имперские чиновники не любили при-

шельцев или ждали взятку: они просто не знали, по какому протоколу принимать русскую даму. Конечно, ее пустили бы в Царьград, разместили со всеми удобствами, включая баню, дали подарки, предоставили гида и разрешили торговать. Не только закрепленные в договорах права русских, но и узаконенные в Кодексе Юстиниана права женщин не оспаривались. Империя вообще жила по закону.

Но доклад об Ольге императору требовал оснований. Вдова русского князя, по-ромейски архонта, по аналогии с империей имела властные полномочия. В Константинополе, в отличие от полудикой тогда Европы, императрица даже венчалась на царство перед тем, как выйти замуж за императора, и в случае его смерти определяла судьбу трона. Это снимало все вопросы о ее происхождении. Здесь надо напомнить, что восхождение на трон империи вообще не было ограничено династией, национальностью, социальным происхождением и родом службы. Августейшим императором и василевсом мог стать даже крестьянин; такие случаи действительно были. Повторяю: Восточная Римская империя была государством совершенно иной стадии развития, чем европейские государства, стремившиеся еще только достичь наследственной передачи власти без обычной резни. Элегантность использования яда и кинжала без социальных ограничений была им все еще недоступна.

Долгое стояние Ольги в царьградской гавани, о котором она напомнила послам императора, вернувшись на Русь, явно было вызвано ее отказом от приема в городе по предложенному чиновниками протоколу и требованием признания ее более высокого статуса. Насколько более высокого, мы с вами увидим дальше. Ведь Ольга победила. Чиновники, наконец, «поведали цесарю о ее приходе. И тут же цесарь призвал ее к себе. Она же пошла к нему, нимало не медля.

И увидел ее цесарь весьма красивую лицом и смыслящую в премудрости. Удивился же цесарь разуму ее и, еще побеседовав, сказал ей: “Достойна с нами царствовать в городе этом”.

Она же, уразумев, сказала цесарю: “Я язычница. А если хочешь меня крестить, то крести меня сам. Если этого не сотворишь, то не буду креститься”.

Царь же послушал словес этих и тут же крестил ее вместе с патриархом. Она же, просвещена будучи (святым крещением. — А. Б.), радовалась тогда душой и телом.

И поучал ее патриарх о вере, и так сказал ей: “Благословенна ты среди жен русских, ибо оставила тьму, а свет возлюбила. И благословлять тебя будут сыны русские в последующие дни, потомки внуков твоих!” И заповедал ей о церковном уставе, и о молитве, и о посте, и о милостыне, и о воздержании чистого тела.

Она же, преклонив голову, стояла, как губка впитывающая, внимая учению. И поклонившись патриарху, сказала: “Молитвами твоими сохранена буду, честнейший владыка, от сети неприязненной”. Было ведь имя наречено ей в святом крещении Елена, как древней цесарице, матери Великого Константина¹⁵⁰.

И благословил ее патриарх и отпустил.

И после крещения призвал ее цесарь и сказал ей: “Хочу взять тебя себе женой”.

Она же сказала: “Как хочешь меня взять, окрестив меня сам и назвав меня своей дочерью? У христиан нет такого закона, ты, цесарь, сам ведаешь”.

И сказал цесарь предстоящим тут вельможам своим: “Упремудрила меня Ольга словами своими!” — была же она мудра на слова.

Цесарь же тот Цимисхий, слыша речи ее, дал ей дары многие: золото, и серебро, и паволоки, и сосуды различные. И тут цесарь отпустил ее, нарек себе дочерью.

И Ольга, княгиня русская, желая возвратиться в страну свою, пришла к патриарху, благословения про-

¹⁵⁰ Святая равноапостольная Елена (ок. 250—330), мать римского императора Константина I Великого (306—337), перенесшего столицу в Константинополь. Внесла огромный вклад в утверждение и распространение христианства в Римской империи.

ся дому своему, и сказала ему: “Люди мои язычники, и сын мой тоже язычник, да сохранил бы меня Бог от всякого зла”.

И сказал ей патриарх: “Чадо верное, во Христа крестилась, во Христа облачись, Христос будет хранить тебя, как сохранил Еноха в первом роду, и потом Ноя в ковчеге, Авраама от Авимелеха, Лота от содомлян, Моисея от фараона, Давида от Саула, трех отроков от печи, Даниила от зверей — так и тебя избавит от неприязни и от сетей его”.

И благословив, патриарх со вселенским собором¹⁵¹ отпустил ее с миром в свою землю.

И пришла она опять в Киев, приняв святое крещение и Божественные дары в Цесарском граде от святейшего патриарха. Это было так же, как при Соломоне царе: пришла эфиопская царица к Соломону, слышать желая мудрость Соломонову многую и знамения видеть; так эта блаженная Ольга искала добра и Мудрости Божьей; но та человеческой, а эта Божьей».

Рассказ Древнейшего сказания, дополненный вышесказанными словами первых христиан-летописцев, на этом не завершился. В нем не без злорадства к византийцам описано крушение их ожиданий, что крещеная русская княгиня будет служить интересам Империи ромеев:

«К этой же Ольге, когда она уже пришла в Киев, — гласит сказание, — как о ней прежде сказали, послал к ней царь Цимисхий, говоря так: “Многим одарил тебя; ты мне ведь говорила так, что ‘когда возвращусь в Русь, многие дары пришлю тебе, челядь, и воск, и меха, и воинов в помощь’”.

И отвечала Ольга, и сказала Соломеру (послу императора. — А. Б.)¹⁵²: “Если ты так говоришь от Ци-

¹⁵¹ Здесь: освященным собором высшего духовенства Константинопольской епархии. Вселенские соборы в X в. не собирались.

¹⁵² Имя это больше нигде не упоминается. Возможно, прав составитель «Повести временных лет», заменивший неведомого Соломера на «рече к слов» (т. е. «сказала послам»).

мисхия цесаря, скажи ему: 'Так придя, постой у меня на Почайне, как я у тебя в Суду (гавани Царьграда. — А. Б.) стояла, так тогда дам тебе' ". И еще таких слов говорила много, и после отпустила приходивших послов в Царский город».

Легко заметить, что древнейший сказитель, весьма польщенный вниманием императора к Ольге, основал описание ее посольства на довольно ехидной дружинной байке, популярной в кругу буйных богатых князя Владимира Святославича. Никон Великий, излагая в Начальном своде Древнейшее сказание, знал, что Ольга долго ждала приема у императора и обсуждала с ним серьезные военные и экономические темы, но удержаться от шуточек в дружинном духе тоже не смог. Цесарь, по его словам, сразу позвал Ольгу к себе, а она «пошла к нему, нимало не медля». «И увидел ее цесарь весьма красивую лицом и смыслающую в премудрости. Удивился цесарь разуму ее» и после краткой беседы распалился настолько, что предложил выйти за него замуж. Ольга его намерения «уразумела» и потребовала, чтобы он лично ее крестил.

Цесарь выступил восприемником княгини, крещенной патриархом Полиевктом¹⁵³ под именем Елена, в честь равноапостольной матери Константина Великого. И немедля продолжил свои домогательства: «Хочу взять тебя в жень». — «Как ты хочешь взять меня, — заметила Ольга, — окрестив меня сам и назвав своей дочерью? У христиан нет такого закона». Придя в себя, цесарь сказал вельможам: «Перемудрила меня Ольга словами своими!» И богато одарив княгиню, отпустил восвояси, назвав дочерью.

Для сказителя и летописцев это «назвал дочерью» было игрой слов, позволявшей сначала подвергнуть Ольгу похотливому интересу императора, а затем спастись от него. Однако в Восточной Римской империи такими словами не бросались. В идеальной имперской модели мира «духовный сын» императора занимал

¹⁵³ См.: Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. С. 279.

очень высокое место среди земных правителей (которые, естественно, все были ниже цесаря василевса автократора). Таким «сыном» для Константина Багрянородного был, например, царь Болгарии — ближайшего соседа и временами главного военного противника империи в Европе.

Объявление «сыном» или, как в уникальном случае с нашей княгиней, «дочерью» означало, помимо прочего, применение к Ольге высшего титулования, на уровне василевсов-соправителей. В империи, напомним, соправительство с соответствующим титулованием было весьма развито, укрепляя преемственность власти. Сам Константин Багрянородный, родившийся в 905 году, получил от отца титул соправителя василевса в 913 году и, спокойно занимаясь науками, пережил череду самовластных императоров автократоров, пока сам не стал таковым.

Сказитель запомнил это ромейское выражение: «назвал дочерью», — из своих литературных соображений. И ошибся с мотивами выбора ее христианского имени, вспомнив самую знаменитую Елену, какую только знал, распространительницу христианства в Римской империи. Однако Еленой звали и жену Константина Багрянородного, дочь узурпатора Романа I Лакапина, на которой василевс не по своей воле женился в 14 лет и с которой прожил в любви и согласии всю жизнь. Так что византийская традиция косвенно подтверждает наименование Ольги «дочерью» императора. «Крещальное имя Ольги “Елена”, — пишет современный специалист, — данное в честь супруги Константина VII августы Елены Лакапины, действительно предполагает наречение ее духовной дочерью императорской четы — такова была практика «политически» крещений средневековья»¹⁵⁴.

Высший государственный статус Руси, которого сумела добиться Ольга в Константинополе, оказался выше понимания древнейшего сказителя и летопис-

¹⁵⁴ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 299—300.

цев. Русским авторам совершенно не было дела и до того, что встречавший Ольгу в Царьграде император Константин был не лихим бесшабашным воякой, а образованнейшим из всех византийских императоров, солидным администратором и на редкость примерным семьянином. Дружинный сказитель, естественно, не упоминал, что император принимал княгиню за своим столом со всей августейшей семьей: с женой Еленой, дочерьми, взрослым сыном Романом и его женой Феофано.

Ромейский автократор придавал чрезвычайное значение традициям, порядку и протоколу. В то же время Константин полагал переговоры с Ольгой столь важными, что после изрядных сомнений допустил серьезное нарушение протокола, позволив княгине не бить перед его женой-императрицей земных поклонов и не простираться ниц, как было обязательно не только для иноземных послов, но и для высших сановников империи. Кроме... соправителей-басилевсов, к статусу которых приравнивало Ольгу положение «духовной дочери».

Тут мы должны остановиться и... с восхищением выдохнуть. Ольга, у которой в 945 году вообще не было «мужей», которая объединила союзы племен и создала Русское государство, несмотря на свой нулевой социальный статус, которая могла править (бесprecedентно) только как мать своего сына, но сын которой был у нее отобран дружиной, неформальная владычица захудалой еще страны, прибывшая в Царьград без войска, получает честь на уровне василевса! Для завоевания которой болгарскому царю потребовались десятки тысяч воинов и серия войн!

Если бы это понимали и доказывали летописцы, мы могли бы судить только об уровне притязаний Руси. Но Ольга, как мы в деталях увидим ниже, рассмотрев византийские источники, действительно сумела поставить себя на переговорах с империей очень высоко. Она держалась во дворце Константина как автократор сильной державы и была названа ромеями «игемоном (владыкой) и архонтиссой (правительни-

цей) росов». Ее прием сам император счел нужным описать в трактате «О церемониях» как пример некоторой гибкости дворцового протокола в столь сложных и важных случаях, как переговоры с единовластным правителем Руси.

Древнейшее сказание, однако, сводит всю историю отношений княгини с императором к женской хитрости. Сказаний о страшной силе женского владения словом немало было на Руси¹⁵⁵. Сказитель вполне этот ужас разделял, и хотя украсил рассказ массой благочестивых рассуждений, суть его сохранил. Общий же смысл байки прост и доселе актуален: «Знаем-де, чем баба его взяла!»

Методом внешней политики Ольги, согласно Древнейшему сказанию, было чисто женское коварство. Княгиня обманула императора в Царыграде, а вернувшись в Киев, не выполнила обещаний о посылке военной помощи, рабов, меда и воска. Княгиня якобы сказала византийскому послу, что император получит все, когда простоит на Почайне столько, сколько она ждала приема в Золотом Роге. Византия за свои богатые дары желала видеть Русь вассалом, обязанным службой и данью, считая распространение своей веры надежным рычагом воздействия на «варваров». Ольга намекнула послам, что это не так.

Буйная дружина, с которой у княгини уже вскоре после посольства возник конфликт, была в восторге от ее «женской хитрости» — и пребывала в этом восторге до создания «Повести временных лет» в начале XII века. Но, на нашу удачу, Ольга была не только литературным образом, подобно мифическому Рюрику или Вещему Олегу.

Ее прием в Константинополе подтвержден восточно-римскими источниками. Византийский хронист Иоанн Скилица, продолжая хронику Феофана Исповедника рассказом о событиях 811—1057 (и даже 1079) годов, в конце XI — начале XII века, то

¹⁵⁵ *Демин А. С.* Ужасное и саркастическое. Женские загадки в русской литературе XI—XIV вв. С. 83—89.

есть как раз тогда, когда работал составитель «Повести временных лет», написал: «Супруга архонта Руси, некогда приводившего флот против ромеев, по имени Эльга, после смерти своего мужа прибыла в Константинополь. Крестившись и явив свою преданность истинной вере, она была почтена по достоинству этой преданности и вернулась восвояси»¹⁵⁶.

Приезд Ольги в Царьград не только попал в греческую хронику, но и был отмечен в современном событию дипломатическом документе. Причем на самом высшем уровне — в трактате императора Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора»¹⁵⁷. Разумеется, главными церемониями были коронационные, которым и посвящена первая книга трактата. Во второй книге на конкретных примерах раскрыты нормы дипломатического церемониала. Рассказ о двух приемах княгини Ольги («архонтиссы Эльги») помещен здесь в конце 15-й главы, рассказывающей, «что нужно соблюдать, когда прием происходит в большом зале Магнавры и когда императоры восседают на троне Соломона».

Магнаврский дворец был одним из великолепнейших зданий величественного дворцового комплекса Константинополя. В его огромном зале — триклине Юстиниана, построенном в VII веке императором Юстинианом и украшенном затем базилиевсом Феофилом (820—842), стоял знаменитый золотой трон, вознесенный над всеми, кого допускали в эту святая святых византийского церемониала.

Все движения как ромейских чиновников, так и гостей дворца были строго расписаны в инструкциях-сценариях, как их позже называли в России — «чинах». Всякий прием посольства тоже должен был проходить «чинно». Но по какому именно «чину»? Этим вопросом

¹⁵⁶ Цит. по: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 266—267.

¹⁵⁷ *Constantini Porphyrogeneti imperatoris. De cerimoniis aulae byzantinae libri duo* // Rec. I. I. Reiskii. Т. 1. Bonnæ, 1829. P. 594.15—598.12. Перевод см. ниже.

император был весьма озадачен летом 957 года¹⁵⁸, когда в гавань Царьграда, Суд, вошла флотилия русских судов с многолюдным посольством княгини Ольги.

Но не могла же княгиня прибыть в столицу империи, с которой неудачно воевал ее муж, без предупреждения, опираясь только на мирный договор 944 года с императором Романом, свергнутым вскоре после заключения этого мира, чтобы на его законном престоле самодержавно правил Константин? Разумеется, в это трудно поверить. Как и всё в империи, пропуск посольства Руси согласовывался с центром. Константин Багрянородный, до сорока лет занимавшийся в основном науками (и после восшествия на престол сделавший крупный вклад в просвещение империи), превосходно работал с бумагами. Он лично просматривал огромную корреспонденцию со всех концов страны и из-за рубежа, диктуя секретарям ответы и корректируя подготовленные для него документы.

«Следует рассказать, — писал византийский хронист, Продолжатель Феофана, — как заботился царь о государственных делах, о его бесконечных усовер-

¹⁵⁸ Вопрос о годе посольства Ольги в Царьград был предметом долгой дискуссии, ход которой и все аргументы рассмотрены: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Гл. V: «Мудрейши всех человек»: крещение Ольги как факт международной политики (середина X в.). С. 219—310. Аргументы сторонников приезда княгини в Царьград в 946 г. и ее крещения там (при вторичном посещении) в 955 г. еще раз приведены Г. Г. Литавриным: Византия и славяне. СПб., 2001. Статья: К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги. С. 429—437. Спор шел из-за разной интерпретации источников. Однако датировка Назаренко, подтвердившая господствующее в науке мнение, доказана максимально убедительно и вряд ли может быть пересмотрена. Анекдотические версии, вроде приезда Ольги в Царьград в 944 г. при императоре Романе I Лакапине, который, не будучи женат, будто бы покусился на старости лет, в 74 года (род. ок. 870), на русскую красавицу, не стоит учитывать, так как они основываются не на анализе источников, а на желании любой ценой подтвердить слова летописи. Впрочем, даже курьезная версия, что Ольга крестилась в Царьграде в 944 г., при шаловливом старце Романе I, а затем приезжала туда вторично к императору Константину VII, критически рассмотрена в работе Назаренко.

шенствований и трудах по управлению. Отовсюду слали ему письма стратеги, царские протонотарии, должностные лица в селах, областях, городах. Кроме того, отправлялись послания вождям племен, и он, читая их, сразу схватывал смысл и определял, как быть с теми, что с Востока, и с теми, что с Запада. Он проглядывал письма с быстротою птицы и при этом еще принимал послов, отправлял послания чиновникам, отменял опрометчиво сделанные нововведения. И был сей Константин советником, радетелем, стратегом, воином, военачальником, предводителем». «Ничто не укрывалось от его острого ума, — добавляет хронист, — ни ложь в соединении с истиной, ни приданная речи убедительность, ни составленные втайне изысканные писания, которые обличем истины обманывали даже самых дельных людей»¹⁵⁹.

Итак, о появлении посольства русов во главе с самой княгиней император, вероятнее всего, заранее знал. Но как он мог к нему относиться? Как раз недавно, в 948—952 годах, он (во главе группы ученых, разумеется) составил для своего подросткового сына Романа конфиденциальный трактат «Об управлении империей», включив в него основное, что император должен знать о своем государстве и, особенно, о его соседях¹⁶⁰. Как и его предшественники, Константин был убежден, что ромейский император подобен Христу среди апостолов, что его империя — «мировой корабль», а Константинополь — столица городов и всего мира. Благо — то, что делается на пользу империи. Вне державы ромеев существуют только «варвары», которые в идеале должны служить интересам империи. Их надо держать в узде силой золота, оружия, обмана и в особенности стравливая их между собой.

На севере от ромейской границы главным союзником Константин в начале 950-х годов видел не Русь, с

¹⁵⁹ *Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей.* Кн. VI: Самодержавное правление Константина. 17, 16.

¹⁶⁰ *Константин Багрянородный. Об управлении империей* / Пер. Г. Г. Литаврина; под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосильцева. М., 1991.

которой договорился его неудачливый предшественник на троне, а печенегов — «пачинакитов», поселившихся незадолго до того в южнорусских степях и кочевавших между Доном и Дунаем. Этих «друзей», как изволил выразиться император, удобно использовать как военную силу против росов, венгров, хазар и болгар. В случае разрыва союза с печенегами против них следовало использовать венгров или узов (тюркоязычный народ, выдвинувшийся из Приуралья и бассейна Сырдарьи в Восточную Европу, вытеснив в южнорусские степи печенегов). Это было общим принципом византийской политики. Например, против хазар Константин предлагал при необходимости использовать узов, алан и черных болгар.

Буквально во второй главе трактата император отметил: росы настолько зависят от их отношений с печенегами, что специально об отношениях с росами можно не беспокоиться. Печенеги, заявил он, «стали соседними и сопредельными также росам, и частенько, когда у них нет мира друг с другом, они грабят Росию, наносят ей значительный вред и причиняют ущерб. [Знай], что и росы озабочены тем, чтобы иметь мир с печенегами. Ведь они покупают у них коров, коней, овец и от этого живут легче и сытнее... Но и против удаленных от их пределов врагов росы вообще отправляться не могут, если не находятся в мире с печенегами, так как печенеги имеют возможность — в то время, когда росы удалятся от своих, — напав, всё у них уничтожить и разорить. Поэтому росы всегда питают особую заботу, чтобы не понести от них вреда — ибо силен этот народ — привлекать их к союзу и получать от них помощь, так чтобы от их вражды избавляться и помощью пользоваться. [Знай], что и у царственного сего града ромеев, если росы не находятся в мире с печенегами, они появиться не могут, ни ради войны, ни ради торговли, ибо, когда росы с ладьями приходят к речным порогам (на Днепре. — А. Б.) и не могут миновать их иначе, чем выгавив свои ладьи из реки и переправив, неся на плечах, нападают тогда на них люди этого народа печенегов и легко — не могут

же росы двум трудам противостоять — побеждают и устраивают резню».

В четвертой главе император подчеркивает, что «тока василевс ромеев находится в мире с печенегими, ни росы, ни турки (венгры. — *А. Б.*) не могут нападать на державу ромеев по закону войны, а также не могут требовать у ромеев за мир великих и чрезмерных денег и вещей, опасаясь, что василевс употребит силу этого народа против них, когда они выступят на ромеев. Печенеги, связанные дружбой с василевсом и побуждаемые его грамотами и дарами, могут легко нападать на землю росов и турок, уводить в рабство их жен и детей и разорять их землю».

Иными словами, стратегически Русь была Константинополю Багрянородному неинтересна. С экономической точки зрения она представляла ценность как источник сырья и рабов. Но политической организации, с которой можно было бы иметь дело, император у росов не видел. Посвятив девятую главу «росам, которые управляются с ладьями (в трактате всюду «моноксилами» — однодеревками. — *А. Б.*) из России в Константинополь», василевс отметил, «что приходящие из внешней России в Константинополь ладьи являются одни из Новгорода, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта России¹⁶¹, а другие из крепости Смо-

¹⁶¹ Некоторые историки напрасно датируют это упоминание о Святославе временем до смерти Игоря в 944 г. Прямой смысл текста не в том, что Игорь жив, а в том, кто такой новгородский князь Святослав — «сын Ингора, архонта России». Сочинение Константина Багрянородного было написано в начале 950-х гг., когда об Игоре и на Руси, и в Византии остались только неприятные воспоминания. Ошибка коллег состояла в том, что, в отличие от Константина Багрянородного, они не считали власть Ольги великокняжеской. По этой хромой логике, если Святослав княжит в Новгороде и не назван «архонтом России», то таковым должен быть Игорь. Но император описал в трактате «о церемониях», как лично принимал «архонтиссу России» Ольгу. И в русских летописях Ольга не просто именуется княгиней, но с указанием, что она княгиня киевская («княгиня наша», говорят киевляне), что Киев ее город («и пришла в свой град Киев»). Святослав до возмужания и у Константина, и в летописях занимал место ниже матери, реальной наследницы власти мужа.

ленска¹⁶², из Любеча, Чернигова и из Вышеграда. И так, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киев», около которой оснащаются для похода. «И в июне месяце, двигаясь по реке Днепр, они спускаются к Витичеву, который является крепостью-союзником росов, и, собравшись там в течение двух-трех дней, пока соединятся все ладьи, тогда отправляются в путь и спускаются по названной реке Днепр». Далее император описывает днепровские пороги и волоки вокруг них, подчеркивая, что это удобное место для нападения печенегов на росских купцов. Затем он тщательно прослеживает торговый путь росов вдоль западного берега Черного моря от устья Днепра до Болгарии и границы империи, «где завершается их мучительное и страшное, невыносимое и тяжелое плавание».

Неясно, кто или какие соображения побудили императора чрезвычайно настойчиво проводить в трактате мысль о том, что росы и славяне — совершенно разные народы, имеющие разный язык. Никакой государственной организации он у всех этих варваров не видел, кроме того, что племена славян являются «пактиатами» росов (союзниками по договору), снабжающими их заготовками для ладей и кормящими во время зимних полудий:

«Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киева и отправляются в полудия, что именуется “кружением”, а именно — в Славинии древлян, дреговичей, кривичей, северян и прочих славян, которые являются союзниками росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киев. Потом так же, как было рассказано, взяв свои ладьи, они оснащают [их] и отправляются в Романию».

Как видим, Константин, с которым княгиня Ольга приехала вести переговоры, о проведенной ею на

¹⁶² Названия городов, искаженные в греческой транскрипции, приводятся по общепринятым научным атрибуциям.

Руси государственной реформе не знал. Не ведал он до посольства Ольги даже имени великой княгини, полагая, что княжит на Руси еще кто-то, например, сын Игоря Святослав (о его «сидении» в Новгороде сказано в прошедшем времени). А впрочем, этих вождей-«архонтов» там всегда было много...

Соответственно этому «никакому» статусу, Ольгу и приехавших с нею послов от ее сына, родственников, других князей и городов могли принять в Царьграде только в рамках договора 944 года. То есть выдать небольшое посольское содержание и корм, устроить бесплатную баню, организовать для групп не более 50 человек экскурсии по Константинополю, помочь продать привезенный товар и купить византийские изделия (с положенными ограничениями). Разумеется, уполномоченные русские послы во главе с Ольгой могли обсудить и продлить (в письменном виде) старый договор с императором Романом, отказавшись еще от каких-то привилегий. Постепенное ущемление прав партнеров было старой традицией византийской дипломатии.

Чтобы утвердить свой статус единовластной правительницы независимой державы, которая перед августейшими особами может не падать ниц, а лишь кивать императрице ромеев, сядя с нею за один стол, Ольга должна была победить сверхмощную по тем временам бюрократию. И в корне изменить представление о Руси у самого императора. Вот уж действительно, легче поверить дружинной байке, что русская княгиня сразила императора наповал своей красотой! А что, императору было лишь 52, Ольге около тридцати, почему бы ученому бюрократу не сойти с ума от нашей красавицы?! К сожалению, эту патриотичную версию невозможно принять.

Император не мог звать Ольгу замуж — она прекрасно знала, что он женат. А если бы сделал это фигурально, предлагая пурпурную постель, то не сажал бы княгиню за стол со своей женой, снохой и пятью дочерьми. Тем более что прием со всей семьей он дал только Ольге — такого не было в дипломатической

практике... Конечно, сын его все равно через пару лет отравил. Но при глубине знаний ромеев о ядах, Константин, совершив такую глупость, и двух дней бы не прожил...

«Игемон и архонтисса росов»

О методах, которые употребила княгиня Ольга, мы можем только догадываться. Очевидно, что ее посольство началось с прибытия в Царьград и предложения посольских даров чиновникам логофета дрома (он ведал почтой и внешними сношениями). Речь идет не о взятках (которые, естественно, были), а о дипломатических дарах очень большого масштаба. Объединив Русь и наладив сбор налогов, великая княгиня могла накопить за 12—13 лет весьма существенный дар, сразу поставивший ее в особое, отличное от прежних русских послов положение.

Дело в том, что дипломатические дары непременно требовали равноценного ответного дара. Эта византийская традиция впоследствии приводила в Европе к диким казусам: взвесив присланную посуду из серебра, получившая дар сторона заказывала ровно такую же по суммарному весу посуду и при нехватке металла... переливала в нее полученные дары. Византии, чеканившей собственную золотую и серебряную монету, всегда было чем платить. Но очень крупная, далеко выходящая за рамки обычного сумма требовала бюрократического согласования и утверждения на самом верху.

Это был вопрос решаемый. Однако Ольга должна была, в свою очередь, согласиться на определенный уровень посольского приема, изучив его протокол, чтобы чинно вести себя согласно правилам. Без официального приема у императора посольство считалось «как бы не бывшим», даже если все вопросы переговоров согласовывались на уровне чиновников. Здесь-то во всей истории европейской дипломатии коса и налетала на камень. Протокол приема отражал статус дер-

жав относительно друг друга и остального мира. Даже в XVII веке на отказ Короля-Солнце встать и снять шляпу при звуке имени царя русское посольство отвечало отказом прийти на прием и даже взять ответные дары — оскорбление для короля немыслимое! Хотя и ответное.

Именно согласование протокола с чиновниками всё более высокого звена позволяло дипломатам привести аргументы, обосновывающие их позицию относительно державного статуса своей страны. К чести Константина Багрянородного надо сказать, что в рассмотрении дел (даже о коррупции) он был весьма внимателен и в основном справедлив. Ольга сумела доказать, что Русь является автократическим государством под ее властью, богатым и сильным не менее арабских халифатов (с которыми император долго и много воевал, постепенно отодвинув границы в районы современных Сирии и Ирака). По образцу впечатляюще торжественной встречи их посольств (А. В. Назаренко доказывает, что это были послы самого багдадского халифа) были в итоге организованы приемы княгини Ольги во дворце.

Но «мудрейшей из жен», как называет ее летописец, удалось сделать больше. Она доказала императору (который один мог принимать решения на таком уровне), что ее прием должен отличаться от приема даже и багдадских послов. Как единовластный правитель независимого государства она готова была, приняв крещение от императорской четы (Константина и Елены), стать их «дочерью», равной василиссе. То есть обязательные для всех послов и чинов двора земные поклоны и падение ниц были исключены. С духовными отцом и матерью (Константином и Еленой), «братом» (их августейшим сыном, императором-соправителем Романом) и «сестрами» (дочерьми Елены и женой Романа Феофано) Ольга должна была общаться на равных.

Учитывая довольно большую демократичность и доступность Константина (вполне в традициях императоров), это вроде бы было легко. Но речь шла не о встрече в его кабинете или на прогулке. А о церемонии во дворце, где поколения чиновников свято

хранили ритуал, на который накладывались не менее «священные» для бюрократии традиции посольского церемониала.

Ольга должна была для начала объяснить императору, что Русь, вопреки его представлениям, представляет собой самостоятельную экономическую, политическую и военную силу, вовсе не заслоняемую печенегами. Доказать, что она, княгиня, крепко держит свою страну в руках. Наконец, что не только сам автократор, но и его семья могут свободно общаться с «варварской» правительницей, не боясь быть оскорбленными ее грубыми манерами.

Разумеется, чтобы сесть за стол с семьей императора, Ольга должна была принять православие. Нет оснований полагать, что она сама этого не хотела. Мы не будем гадать о мотивах этого решения княгини, судьбоносного для России. Довольно сказать, что Ольга приняла крещение в Константинополе, возможно от самого патриарха (как говорят летописи), пройдя необходимое обучение.

Все эти заботы задержали посольство княгини надолго, практически на все лето. Разумеется, переговоры по конкретным вопросам мира, союза, торговли и участия русских войск в византийских войнах всё это время могли идти. Но приемы в императорском дворце, подчеркнувшие державный статус Руси и ее правительницы, состоялись лишь осенью. Первый прием датирован императором 9 сентября и описан им очень подробно, как пример разрешения сложной дипломатической ситуации, который должен стать руководством на будущее.

Рассказ, написанный чиновниками и авторизованный императором, представляет собой сценарий протокольного мероприятия, в который, разумеется, вносились изменения, что называется «жизненные коррективы», если они происходили. Можно ли в этом случае считать, как делается в популярной исторической литературе, что принятая на довольно высоком уровне послов арабских стран, княгиня покорно заняла свое место на церемонии — и неожиданно осталась

стоять, когда ее дамы пали ниц перед императрицей Еленой? А описавший прием император Константин понял ошибку, лично принял Ольгу и усадил за стол со своим семейством?

Увы, нет. Грубое нарушение согласованного протокола приема (а он обязательно согласовывался заранее, чтобы все вели себя согласно сценарию) было во всей истории дипломатии страшным скандалом. Обычно оно означало прерывание церемонии, ведь ее завершение увековечивало «урон чести» стороне, обиженной несоблюдением протокола. В данном случае оскорбленная императрица просто не села бы с Ольгой за стол и, уж конечно, не пригласила бы ее на десерт. В своем трактате «О церемониях» Константин Багрянородный описал прием Ольги в качестве образца. Значит, император был доволен тем, как сумел разрешить уникальный казус с русской правительницей, и оставил его детальное описание в назидание потомкам.

Приведу этот интереснейший документ по переводу выдающегося историка Г. Г. Литаврина, временами заменяя множество оставленных им в тексте греческих терминов его же переводом и делая пояснения в круглых скобках.

Первый прием княгини Ольги в трактате Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора»¹⁶³:

«Девятого сентября, в четвертый день (в среду) состоялся прием, во всем подобный вышеописанному (приему арабского посла), по прибытии Эльги, архонтиссы Росии. Эта архонтисса вошла (в большой зал-триклин Магнаврского дворца) с ее близкими, архонтиссами-родственницами и наиболее видными из служанок. Она шествовала впереди всех прочих женщин, они же по порядку, одна за другой, следовали за ней. Остановилась она на месте, где логофет (министр внешних сношений) обычно задает вопросы

¹⁶³ Перевод и комментарии: *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.) СПб., 2000. Приложение 1.

(о здоровье и благоденствии приезжих, их государя и народа). За ней вошли послы и купцы архонтов России и остановились позади, у занавесей (отделявших зал приема от вестибюля, в котором ожидали аудиенции). Все дальнейшее было совершено в соответствии с вышеописанным приемом.

Выйдя снова через внутренний сад и зал кандидатов (чин имперской гвардии), а также зал, в котором стоит парадная императорская корона и в котором посвящают в сан магистра, она прошла через Онопод (вестибюль соседнего здания, дворца Дафна) и Золотую Руку (проход между дворцами), в портик Августия и села там (в главном зале старейшей части дворцового комплекса). Когда же василевс обычным порядком вступил во дворец (из своих жилых покоев), состоялся другой (относительно арабских послов) прием следующим образом.

В зале Юстиниана стоял помост, украшенный пурпурными индийскими тканями, а на нем — большой трон василевса Феофила, сбоку же — золотое царское кресло. За ним же, позади двух занавесей, стояли два серебряных органа двух партий, и их трубы находились за занавесями. Приглашенная из Августия архонтисса прошла через Апсиду (соединявшую старые здания дворца с новыми), Ипподром и внутренние переходы самого Августия и, придя, присела в Скилах (зале между триклинием Юстиниана и Ипподромом).

Деспина (императрица Елена, жена Константина) между тем села на упомянутый выше трон, а ее невестка (императрица Феофано, жена Романа II) — на кресло. И вступил весь персонал дворцовых евнухов, и были введены главным евнухом и евнухом-привратником вилы (титулованные персоны): вила первая — зосты (две дамы высшего придворного чина), вила вторая — магистратиссы (жены магистров), вила третья — патрикииссы (жены патрициев), вила четвертая — протоспафариссы-официалы (жены действующих военных чиновников-протоспафариев), вила пятая — прочие протоспафариссы, вила шестая — спафарокандидатиссы (жены спафарокандидатов),

вила седьмая — спафариссы, страториссы и кандидатиссы (жены воевод-спафариев, стратегов и заслуженных гвардейцев-кандидатов).

Итак, лишь после этого вошла архонтисса, введенная главным евнухом и двумя евреями-привратниками. Она шла впереди, а родственные ей архонтиссы и наиболее видные из ее прислужниц следовали за ней, как и прежде было упомянуто. Главный евнух задал ей вопрос как бы от лица августы (Елены — о здоровье и благоденствии княгини, ее близких, вельмож и всего народа), и, выйдя, она присела в Скилах.

Деспина же, встав с трона, прошла через Левсиак (помещение между залом Юстиниана и вестибюлем Хрисотриклина) и Трипетон (сам вестибюль Хрисотриклина) и вошла в Кенургий (новый дворец, построенный Василием I и украшенный Константином Багрянородным), а через него — в свой собственный китон (покои для отдыха). Затем тем же самым путем архонтисса вместе с ее родственницами и прислужницами вступила через зал Юстиниана, Лавсиак и Трипетон в Кенургий и отдохнула.

Далее, когда василевс с августой и его багрянородными детьми (пятью дочерьми и сыном Романом) уселись, из зала Кенургия была позвана архонтисса. Сев по повелению василевса, она беседовала с ним, сколько пожелала.

В тот же самый день состоялся пир в том же зале Юстиниана. На упомянутый выше трон воссели деспина и невестка (Елена и Феофано). Архонтисса же стояла сбоку. Когда распорядитель царской трапезы по обычному чину ввел архонтисс (Ольги) и они совершили проскинесис (поклон и простираание ниц перед августейшими особами, его совершали все высшие сановники империи и иностранные послы), архонтисса, немного наклонив голову, села к императорскому обеденному столу¹⁶⁴ на том же месте, где стояла, вместе

¹⁶⁴ За ним имели право сидеть с августейшими особами лишь шесть высших вельмож (кесарь, патриарх, новелиссим, куролат, василеопатор и зоста-патрикия).

с зостами, по уставу. Знай, что певчие — апостолиты и агиософиты (из усыпальницы императоров в храме Апостолов и собора Святой Софии) присутствовали на этом пире, распевая величальные гимны в честь августейших особ. Разыгрывались также и всякие театральные игрища.

В Хрисотриклине происходил другой пир, где пировали все послы архонтов Росии, люди и родичи архонтиссы и купцы. [После обеда] получили: ее анепсий (племянник или двоюродный брат) — 30 милиарисиев (серебряных монет), 8 ее людей — по 20 милиарисиев, 20 послов — по 12 милиарисиев, 43 купца — по 12 милиарисиев, священник Григорий — 8 милиарисиев, 2 переводчика — по 12 милиарисиев, люди Святослава — по 5 милиарисиев, 6 людей послов — по 3, переводчик архонтиссы — 15 милиарисиев.

После того как василевс встал от обеда, состоялся десерт в столовой для закусок, где стоял малый золотой стол, установленный в Пентапиргии («пятибашеннике» — царской сокровищнице). На этом столе и был сервирован десерт в украшенных жемчугом и драгоценными камнями чашах. Сидели: василевс, Роман — багрянородный василевс, багрянородные их дети, невестка и архонтисса.

Было вручено: архонтиссе в золотой, украшенной драгоценными камнями чаше 500 милиарисиев¹⁶⁵, 6 ее женщинам — по 20 милиарисиев и 18 ее прислужницам — по 8 милиарисиев».

Сегодня, живо представляя себе пышность комплекса императорских дворцов в Константинополе, к тому времени строившегося и украшавшегося более семисот лет, можно сказать, что летописная княгиня Ольга напрасно обижалась, что Константин Багрянородный

¹⁶⁵ Согласно византийскому протоколу: в таких же чашах было преподнесено по 500 милиарисиев от императора каждому из двух арабских послов 31 мая и 9 августа 946 г. Ольгу принимали по сходному протоколу.

долго продержал ее в гавани столицы. Именно основательное знакомство с достопримечательностями Царьграда — самого богатого и могущественного города мира — помогло княгине подготовиться к невероятной роскоши императорских дворцов и торжественности проводимых там церемоний. Не стоит забывать, что Константинополь был столицей не завоеванной варварами Восточной Римской империи и воплотил в себе все высшие достижения античной культуры. Столетия дикости и упадка, обрушившиеся на Европу и Северную Африку в результате гибели Западной Римской империи, для Константинополя были веками культурного и экономического созидания.

Не только на Руси — нигде в мире Ольга не могла видеть ни таких могучих крепостных стен, длиной более пяти с половиной километров, с 96 башнями (считая только по внешнему обводу), ни огромного, целиком каменного города с мощеными улицами и тротуарами, с мастерскими, производящими все мыслимые товары в объемах, превышающих в день производство иных городов и стран в год. Высококачественная посуда, несравненно украшенное оружие, узорчатые шелка, ярко окрашенная шерсть и новомодный хлопок, представленные тут в мелкой лавочке, могли составить предмет гордости кичащегося своими богатствами северного правителя. Дворцы патрициев, дома промышленников и купцов далеко превосходили размерами и роскошью всё, что могли себе позволить варварские короли.

Величие храмов, своды которых, выше самых высоких деревьев, уходили в небеса, потрясало приезжих до глубины души. Никакие рассказы путешественников, которые, конечно же, слушала Ольга, не могли подготовить ее к масштабу собора Святой Софии, занимавшего место целого города на Руси. Дворцовый комплекс, много столетий возводившийся и украшавшийся императорами Восточной Римской империи, был не только больше городов тогдашней Европы — ему не было близких аналогов по фантастической красоте убранства.

Знакомство приезжих с чудесами Константинополя планировалось византийцами специально, в том числе и для руси. В заключение статьи о русско-византийском договоре 911 года «Повесть временных лет» сообщает, что император, почтив русских послов дарами, «приставил к ним мужей своих показать им церковную красоту и палаты златые, и в них собранные богатства, золото, и шелка, и драгоценные камни, и страсти Господни: (терновый) венец, и гвозди (которыми Христос был прибит к кресту. — А. Б.), и хламиду багряную, — и мощи святых, приучая их к вере своей и показывая им истинную веру; и так отпустил их в землю свою с честью великой». По словам Никона Великого, именно величием храмов и несказанной красотой греческого богослужения объясняли свое предпочтение православию посланцы великого князя Владимира, которых в 987 году аналогично принимали императоры Василий и Константин, просившие самого патриарха показать росам торжественную службу.

Вместе с Ольгой к красотам Царьграда приобщалась уникально представительная делегация русов. В 911 году посольство «от рода русского» в Царьграде состояло всего из 14 человек (как указано в договоре). По договору 944 года делегация русов в Константинополе состоит уже из 54 человек. Это 26 послов «от рода русского», в том числе 4 посла от князя Игоря, по одному от его сына Святослава, от Ольги, от Володислава, Предславы и жены Улебовой, словом, «от всех князей», а остальные, видимо, «от всех людей Русской земли». К ним присоединяются 27 купцов и 1 бирич (глашатай), также участвовавшие в заключении договора. Ольга привезла с собой вдвое больше людей от всех князей, городов и купцов нового государства. Посольство княгини было для Руси беспрецедентно представительным: 105 человек только видных людей, которые участвовали в церемониях и получали подарки!

Однако эти 105 участников русского посольства (считая с Ольгой) просто затерялись в огромном дворце Магнавра, где чиновников, гвардейцев и слуг хватил

ло бы на целую северную армию. Княгине пришлось одной, сопровождаемой лишь вереницей своих дам (6 архонтисс и 18 прислужниц), войти в необозримый зал приемов, в то время как остальное посольство Руси толпилось у занавесей, отделяющих зал от вестибюля, через который они пришли.

Величественная архитектура, обилие золота и драгоценностей, яркие краски и утонченные орнаменты (коих у варваров тогда не было)¹⁶⁶ не исчерпывали арсенал ромейских средств воздействия на посетителей дворца. Посреди огромного парадного зала, где торжественно оглашались ее имя и титул, а она выслушивала вежливые вопросы логофета дрома и давала на каждый столь же вежливый ответ, инженерами была прекрасно налажена акустика, делавшая каждое правильно произнесенное слово особо торжественным. Надо полагать, Ольга была подготовлена к этим акустическим эффектам, посещая при подготовке к крещению торжественные службы в соборе Святой Софии.

Из зала Ольгу с дамами (отправив куда-то отдельно мужей русского посольства) повели через оранжерею с экзотическими растениями и еще несколько парадных залов поменьше первого (в одном стояла, переливаясь драгоценностями и эмальями, большая императорская корона). Затем через вестибюль изысканного дворца Дафна княгиню привели на отдых в античный портик Августия. Отдых подразумевал омовение, удобные кресла и кушетки, прохладительные напитки, фрукты и сладости.

После отдыха княгиню с ее дамами проводили через колоссальный Ипподром, предназначенный для соревнований колесниц, в зал недалеко от тронного. Оттуда она, после обязательного ожидания, вступила в зал Юстиниана, где на большом троне восседала императрица Елена, а в золотом кресле рядом — ее юная невестка императрица Феофано, обе в окружении пышно разодетых чиновных дам. Византийские

¹⁶⁶ Значительная часть древнерусских орнаментов, сохранившихся со времен после княгини Ольги, — родом из Византии.

придворные наряды в то время превосходили роскошью и изяществом всё, что только могли вообразить себе женщины Западной, Центральной, Восточной и Северной Европы.

Недаром уже с IX века сначала франки и италийцы, а позже все представители господствующего военного сословия Европы копировали именно византийскую моду, решительно отказавшись от племенных и национальных костюмов и украшений. В X—XIII веках картина была полностью подобна тому, как в начале XIX века весь господствующий слой Европы копировал французский стиль ампир, только место Парижа занимал придворный Царыград.

Но и тронного зала, и нарядов организаторам приёма было мало. Впечатление передаваемого величия императорской семьи усиливали серебряные органы, ничего подобного звуку которых Ольга раньше слушать не могла. Звук, умноженный акустикой тронного зала, шел буквально ниоткуда — ведь органы стояли позади трона за занавесями. Ольга с сопровождающими ее дамами сумела перебороть зависть к императрицам и их первым дамам — светочам византийской моды. Но после того как княгиня протокольно поговорила с императрицей Еленой через главного евнуха, ей явно требовалось присесть.

Ошеломление посетителя было предусмотрено — на него ромеи и рассчитывали. Ольгу провели через новые для нее прекрасные залы во дворец, украшенный на изысканный вкус самого Константина Багрянородного, и там предложили отдых недалеко от покоев старшей императрицы. Это было разумно: император пожелал познакомить Ольгу со своей семьей. Зачем ему было далеко водить супругу, взрослого сына Романа с женой и дочерей (их было пятеро: Зоя, Феодора, Агата, Феофано и Анна)?

В личном дворце Константина и Елены они все уселись (зал не указан, ибо событие явно было «другим не в пример») и позвали княгиню. Это было уже крайне необычно. Никого из послов или иноземных владык, как мы точно знаем по трактату «О церемони-

ях», император не принимал в семейном кругу! А фраза трактата: «Сев по повелению василевса, она беседовала с ним, сколько пожелала», — могла вызывать инфаркт у блюстителей дворцового этикета. Сидеть в присутствии императора! Беседовать с ним и членами его семьи по своему усмотрению, без протокола!

Ольга должна была так подготовить этот прием за долгие месяцы ожидания и так показать себя в непривычной обстановке дворца, чтобы ученый сухарь Константин Багрянородный и императрица Елена, бывшая за ним замужем 40 лет (919—959), захотели общаться с ней именно по-семейному, без протокола. Начнем с того, что она сама, 6 княгинь ее свиты (архонтиссы в этом контексте именно княгини, равные Ольге по титулу, среди которых она главная — игемон, великая княгиня) и 18 знатнейших прислужниц (до XVIII века на Руси боярыни считались прислужницами великих княгинь и цариц) должны были выглядеть достойно императорского дворца. А не представлять там бродячий цирк из провинции и тем более этнографический музей. То есть уловить тенденции диктуемой двором моды, закупить ткани, сшить наряды, заказать украшения и обувь, сделать прически и научиться накладывать макияж, выработать правильную походку и знать, куда девать руки, чтобы все эти старания не выглядели смешными. Только тот, кто пытался выполнить подобную задачу, способен понять ее критический масштаб. Воистину, прав был летописец, назвавший Ольгу «мудрейшей из жен»!

Конечно, княгине было что рассказать августейшей семье. А в верхушке империи страсти бушевали не слабее, чем на Руси. Но, думаю, это не главное. Восточная Римская империя была уникальным в то время гражданским государством. Когда по всей Евразии, от Ирландии до Японии, власть по своему произволу осуществляли суровые мужи с оружием в руках, империя управлялась большей частью гражданскими чиновниками на основании тщательно продуманных и кодифицированных законов. Невзирая на времена плохие отношения императоров и патриархов (напри-

мер, Константина Багрянородного и Полиевкта Нового Златоуста, 956—970), в империи поддерживалась гармоничная симфония светской и духовной власти. Во всех областях государственного, экономического, культурного и религиозного развития именно империя была для Ольги образцом. Даже то, что ее политика всегда была крайне эгоистичной и коварной по отношению к соседям, могло послужить Ольге важным уроком. А что может быть лучше для мудрой женщины, чем попросить всяческих советов у императора, кичившегося своим умом и образованностью?

Но разговоры не могли быть бесконечными. По протоколу император должен был идти на пир с буйными мужами посольства Ольги: послами от архонтов Руси (князей — во множественном числе), людей и родственников княгини, представителями городов и купцами.

Ольга же пировала в парадном зале Юстиниана с императрицами Еленой и Феофано. Судя по всему, она пришла с ними, так как трактат говорит просто, что в начале церемонии она стояла сбоку от трона. Сопровождающих Ольгу архонтисс (княгинь — во множественном числе) распорядитель царской трапезы ввел в зал, и они почтили августейших особ по византийскому образцу: поклонились и простерлись перед ними ниц. Ольга, отнюдь не приняв этого простирания на свой счет, «немного наклонила голову» и села к императорскому обеденному столу, за которым, собственно, и стояла. Место ее было рядом с императрицами, вместе с зостами — дамами высшего придворного чина, которых в империи было только две.

По этому поводу историки предположили, что Ольга была пожалована высшим для придворных дам чином «препоясанной зосты», зосты-патрикии. Ведь варварские князья-мужчины, крестившиеся в Константинополе на столь же высоком уровне, звание патрикиев получали: например, венгерские князья Вулсу (Вулчу) и Гилас (Дьюла) в 948 и 952 годах, о крещении которых рассказал в своей хронике Иоанн Скилица. Однако другие историки возражают, что Ольге как

главе посольской делегации Руси и владычице страны не было необходимости в таком пожаловании, чтобы сесть за стол вместе с зостами. К тому же «вместе» не означает — наравне. Статус княгини как духовной дочери августейшей семьи был выше — иначе ей, как и зостам, пришлось бы простираться перед императрицей ниц. Хотя на данной церемонии зостам не надо было простираться, ведь они пришли к столу вместе с Еленой и Феофаном.

Думаю, в этом и состоял замысел хитроумных ромеев, которые вывели княгиню к столу вместе с императрицами и зостами, а дам свиты Ольги заставили явиться отдельно и представиться по канону царского двора. Своим кивком Ольга лишь показала, что тоже относится к гостям пира. Таким образом, традиции не был нанесен урон. А красовалась ли Ольга в пожалованном ей роскошном поясе дамы-патрикия или нет — не важно¹⁶⁷. Всё равно ее почтили гораздо больше, чем других варварских архонтов и послов багдадского халифа.

Пир был вполне в античном духе. Лучшие певчие столицы из храма Апостолов и Святой Софии распевали величальные гимны в честь августейших особ, к семье которых Ольга была причтена как духовная дочь. «Разырывались также и всякие театральные игрища», то есть княгиня познакомилась и с греческим театром (мы не знаем только, со средневековым, кстати весьма развитым, или, учитывая ученость Константина, античным).

После развлечений ее ждала еще одна беседа с императором. Для того чтобы ее устроить, Константин вновь дополнил посольский протокол. Обычной схемой приема были официальное представление

¹⁶⁷ Отказаться от этого шикарного украшения, изображенного чуть позже, при Иоанне Цимисхий, на византийском гобелене (на императоре и двух дамах), женщине было вряд ли возможно, даже учитывая его придворный, то есть подчиненный Империи ромеев статус. Но ведь и статус патрикия не был ниже других самостоятельных правителей, например, болгарских и венгерских, которые его принимали.

посольства, неофициальная беседа с императором и пир. Однако попирав с мужской частью посольства русов, император отправился в небольшой зал дворца на придуманный им для новой встречи с Ольгой «десерт в столовой для закусок, где стоял малый золотой стол», на котором «был сервирован десерт в украшенных жемчугом и драгоценными камнями чашах».

За столом с императором сидели его сын и дочери, внучка и молодая императрица Феофано, а также княгиня Ольга. Феофано, вышедшая из социальных низов империи (как многие императоры и императрицы), с большим интересом познакомилась с женщиной, которая после смерти мужа правит одна. После смерти Романа в 963 году она вспомнит этот опыт и начнет править при двух малолетних сыновьях. Но «наиболее прекрасная, обольстительная и утонченная женщина своего времени, одинаково выделявшаяся своей красотой, способностями, честолюбием и порочностью», не смогла, подобно Ольге, держать власть в руках самостоятельно. Она сделала ставку на мужчин, вначале выйдя замуж за прекрасного полководца, но скучного мужа Никифора Фоку, а затем, убив его, за более молодого полководца Иоанна Цимисхия, который ее заточил. А сыновья Феофано, Василий и Константин, впоследствии выдали ее дочь Анну замуж за внука Ольги, князя Владимира, принявшего крещение именно в связи с этим браком.

Встреча оказалась запоминающейся для обеих сторон переговоров. Император не только описал прием Ольги, но и скрупулезно отметил расходы на денежные подарки роскошному посольству в честь этого события, по которым мы точно знаем относительное значение его участников. Младшими были слуги послов, получившие по 5 серебряных монет, и люди князя Святослава, которым после пира тоже выдали по 5 монет. Прибывший с Ольгой священник Григорий и 18 ее служанок получили по 8, два переводчика, 43 стряпчих (от разных городов и сообществ) и 20 послов русских князей — по 12 монет, переводчик самой княгини — 15, ее люди (в том числе шесть архонтисс-«родственников»

и восемь мужчин) — по 20, племянник — 30. Этот второй человек в русском посольстве мог быть сыном брата или сестры как Ольги, так и Игоря. Знатность рода Ольги крайне сомнительна. Значит — обратим внимание — у Игоря был брат, о котором летописи прочно забыли! Княгиня получила «на золотом украшенном каменьями блюде» 500 монет (как и багдадские послы).

Внимательный к церемониям император, долго наводивший справки перед приемом Ольги, оценивал сравнительный вес русских властей не на глазок. Для него ситуация была очевидной: княгиня единовластно правила Русью, ее люди были выше послов всех тамошних князей, которые оценивались на одном уровне с городскими стряпчими; Святослав был лишь сыном своей матери, вряд ли дееспособным. Ольга, безусловно, была на Руси первым лицом, ее племянник — с большим отставанием вторым.

Новый прием Ольги, состоявшийся 18 октября 957 года, Константин Багрянородный описал в трактате «О церемониях» кратко, так как он ничего не прибавлял к отработанному протоколу:

«Восемнадцатого октября, в воскресенье, состоялся пир в Хрисотриклине. Василевс сидел с росами. И другой пир происходил в Пентакувуклии св. Павла (зале дворца при храме Святого Павла), где сидела деспина (Елена) с ее багрянородными детьми, с невесткой (Феофано) и с архонтиссой (Ольгой).

И было выдано: архонтиссе 200 милиарисиев, ее племяннику — 20 милиарисиев, священнику Григорию 8 милиарисиев, 16 ее женщинам — по 12 милиарисиев, 18 ее рабыням — по 6 милиарисиев, 22 послам — по 12 милиарисиев, 44 купцам — по 6 милиарисиев, 2 переводчикам — по 12 милиарисиев».

Послы Святослава тут посчитаны — подарки получили 105 человек, тогда как на предыдущем приеме, где число представителей сына Ольги не указывалось, без них было 102 человека. Значит, от князя людей было трое, причем двое послов (тут их 22, а прежде отмечено 20) и один купец (без человека Святослава

их было 43, а на втором приеме, где его люди не выделены, стало 44). Оценка императором людей князя Святослава — крайне низкая сравнительно с людьми его матери — вряд ли могла понравиться его дружине в Киеве.

После второго приема русское посольство отправилось домой. Время и так было осеннее, а дорога через пороги — небезопасной.

Первое просвещение Руси

Посольство Ольги в Царьград оказало определяющее влияние на государственную, духовную и повседневную жизнь Руси. На века. Наиболее быстро оно оказало влияние на быт древних русов. До этого купцы и воины привозили из походов ткани и разрозненную одежду, частью сшитую на себя, частью снятую сtrupов. Представления о комплексе нарядов знати никакие рассказы и даже наблюдения мужчин дать не могли. Представления о каменной архитектуре проникали на Русь вместе с наемными мастерами — ведь Игорь смог построить свой каменный двор с теремом. Но осознать весь комплекс созданных великой культурой орнаментов и распорядиться украшать ими одежду и предметы мужчины были неспособны. Одежда, дом и домашний быт были женской сферой.

Сама Ольга, 6 княгинь и 18 боярынь, вернувшись на Русь в новых полных и гармоничных нарядах, ясно сознающие, как теперь будет выглядеть двор каждой, как они оденут своих мужей и девушек, что они будут заказывать купцам, какие узоры будут вышивать их мастерицы и вырезать на всем, включая ложки, ремесленники, — это была настоящая культурная революция. Не отзвуки моды в виде обрывков тканей и отдельных предметов, но сама восточноримская мода пришла на Русь и довольно быстро охватила население городов, а одно-два столетие спустя — и сел.

С тех пор русская знать, а за ней и народ с пониманием следили за модой и после падения Восточной

Римской империи творчески ее продолжали. «Чисто русские» одежда и орнаментика Древней Руси, представленные в замечательных исследованиях археологов образцами в основном господствующих и городских слоев общества, были хорошо усвоенными ромейскими. Огромное влияние посольство Ольги оказало на архитектуру, светскую и храмовую, которая стала развиваться именно при ее поддержке. Первые каменные здания на Руси были византийскими, и впоследствии в основе исканий русских зодчих лежал восточноримский стиль.

Помимо богатых даров культуры, посольство Ольги везло в Киев новое торговое соглашение с Византией, крайне заинтересованной на этот раз в русской военной помощи. Но главным достижением княгини стало ее крещение в центре православия, из рук патриарха, при участии императора. Это были честь и престиж, которых удостаивался царь Болгарии и упорно добивались в те времена другие варварские правители, например, венгерские «архонты» Вулчу и Дьюла в 948 и 952 годах. Это был шаг к просвещению Руси христианством, без которого государство, упорно создаваемое Ольгой, просто не смогло бы выжить (как не выжили, несмотря на упорную четырехвековую борьбу, сохранившие язычество славянские государства боричей, лютичей и поморян). И в то же время это был еще один, помимо неравномерно распределенных подарков императора, пункт столкновения с дружиной ее сына.

Третьим камнем преткновения стал, как ни странно, вопрос о военной помощи Византии, которую Ольга, согласно Древнейшему сказанию, должна была обещать ромеям в Царьграде. Русы, как гордо именовали себя дружинники, служившие Ольге, Святославу и множеству других, специально не упоминаемых летописью князей (не являющихся потомками Игоря), были склонны к военным авантюрам, в том числе и в качестве наемников. Лучше всего наемникам платили в Византии: в гвардии, составленной из всяческих варягов, оклады вообще были сказочные (по 3 золотых

в год рядовому, то есть по 36 миллиарисиев, — и это на всем готовом, включая казарму, столовую, баню, вино и девушек). А как раз после того, как император закончил в 952 году свой трактат «Об управлении империей», показав в нем относительную бесполезность русов, его потребность в войнах резко возросла.

Наступление ромеев против сарацин захлебнулось. В 953 году эмир Мосула разбил имперскую армию и пленил ее стратигов, в том числе отважного сына доместика схол Востока Константина Фоку. Арабы перешли в решительное наступление. Остановить натиск военных профессионалов с помощью мобилизации военнообязанных крестьян (стриатов) оказалось невозможно (воссозданием имперской пехоты займется позже только император Никифор Фока). В византийскую армию были призваны наемники со всех концов света, в том числе росы. Уже в 955 году византийцы с помощью росов осадили Хадат. В следующем году росы входили в состав гарнизонов крепостей вдоль сирийской границы. Надо полагать, не без их участия в 957 году был взят Хадат, а в 958-м Самосата¹⁶⁸.

Император прекрасно понимал, что может свободно нанимать воинов на Руси, где князья и их дружины в общем-то никому не подчинялись. Любой воевода мог снарядить ладьи и пойти в поход на юг, а там станет ли он грабить болгар как союзник ромеев или нападет на греческие берега, нарушая договор с Византией, или наймется в ее войско — кто знает? Ольга, убедив Константина Багрянородного в том, что на Руси есть один владыка — она сама, должна была по возвращении убедить князей, воевод и буйных дружинников в том, что наниматься к грекам по государственному соглашению выгоднее, чем поодиночке, мелкими отрядами.

С этим связан с удовольствием изложенный в Древнейшем сказании скандал, устроенный Ольгой греческому посольству в Киеве после возвращения туда

¹⁶⁸ *Литаврин Г. Г.* Византия и славяне. С. 435—436.

осенью 957-го или весной 958 года. Посол Соломер требовал «челядь, и воск, и меха, и воинов в помощь». Вполне вероятно, что не в качестве ответных даров (такой «рассрочки» посольских даров в византийской практике не было), а желая приобрести все это на Руси за наличные (позже, в 967 году, как мы увидим, патрикий Калокир прибыл в Киев для найма войск с 15 кентинариями золота — 108 тысячами золотых монет). Ольга не просто отказала Соломеру, но и укоризненных слов «говорила много», прежде чем «отпустила приходивших послов в Царский город», — сообщает Древнейшее сказание.

Это не значит, что княгиня не хотела торговать воинами. Как она могла не хотеть, если это было чрезвычайно выгодно? Но эта выгода должна была стать государственной, воины должны были наниматься от русского князя, по ее соглашению с императором, а не покупаться в розницу, как встарь. И действительно, в 957—958 годах в Малой Азии действовали (и то лишь по предположению исследователей) те отдельные отряды росов, которые появились там в середине 950-х. Затем сведения о росах исчезают. Зато в походе 960—961 годов на Крит под командой Никифора Фоки с арабами сражался уже большой русский отряд, практически войско. Полагаю, Ольге и в этом удалось договориться и с Византией, и со своими князьями и дружинниками.

Но тактической победы Ольге было мало. Она мыслила в стратегической перспективе. Учитывая наличие разных русских князей, не считая малозависимых от них воевод, и самостоятельность городов, посылавших от себя представителей в посольства, минуя князя, принятие правящей верхушкой христианства было необходимо именно как стратегия развития государства. Один Бог на небе — один князь на земле! Эту идею Ольге просто необходимо было утвердить на Руси, где многие люди в городах — как выражается летописец, «варяги» — были уже христианами. Старалась она для своего сына. Но именно в нем нашла твердого противника христианства.

«Жила Ольга вместе с сыном своим Святославом, — повествует Древнейшее сказание сразу после рассказа о скандале с греческим послом, — и учила его мать принять крещение. Но не ценил он слов тех и в уши не влагал себе; а если кто хотел по своей воле креститься, не возбранял ему, только ругался.

Неверующим ведь вера христианская — юродство; не смыслят ведь, не понимают, во тьме ходят, не видят славы Господней; огрубели сердца их, и ушами тяжело слышать, а очами видеть. Сказал ведь Соломон: “Делатель нечестивого далек от разума; поскольку звал вас — не послушали, обратился к вам, и не внимали, но отвергли мои советы и обличениям моим не внимаете; возненавидели ведь Премудрость, а страха Господня не пожелали, не хотели внимать моим словам, презрели обличения мои”.

Так и Ольга часто говорила: “И я, сын мой, Бога познала и радуюсь; если и ты познаешь — радоваться начнешь”.

Он же не внимал, говоря: “Как захочу я закон иной принять один? А дружина смеяться начнет и ругаться!”

Ольга же сказала ему: “Сын, если крестишься, все будут то же творить”.

Он же не послушал матери, следуя нравам языческим; ибо не ведал, что кто матери не послушает — снова в беду впадет, как сказано: “Если кто отца не слушает или матери — смерть примет”.

Этот притом гневался на мать. Соломон же сказал: “Поучающий злых наживет себе беды, обличающего нечестивого самого оскорбят; ибо обличения для нечестивых, как язвы. Не обличай злых, чтобы не возненавидели тебя”.

Но все равно любила Ольга сына своего Святослава, говоря себе: “Воля Божия да будет; если хочет Бог помиловать род мой и землю Русскую, да возложит им Бог на сердце обратиться к Богу, как и мне Бог даровал”.

И, говоря так, молилась за людей и за сына все ночи и дни, воспитывая сына до возмужалости его и до совершеннолетия его».

Совершеннолетие Святослава, то есть достижение им двенадцати лет (возраст начала военных походов юных княжичей), наступило еще в 952/953 году, а в 957-м, при возвращении крещеной Ольги из Константинополя, ему было уже 16—17 лет — возраст взрослый по всем статьям. До какого же «мужества» мать собиралась его «вскармливать», если буквально понимать выражение летописи? Начальный свод и «Повесть временных лет» в этой дате едины — до 964 года, когда Святослав «возрос и возмужал» в возрасте... 23—24 лет. Да у нас юношей много раньше в армию берут! Это было не просто нехарактерно для той эпохи. Это был нонсенс, объяснимый только тем, что мать не желала признавать сына взрослым и передавать ему власть над страной.

Власть на Руси она так сыну и не передала. До смерти Ольги Святослав будет только полководцем в далеких походах, помогая матери на Руси лишь по ее настойчивой просьбе — и спеша обратно в поход. Но и Ольга, в свою очередь, не могла осуществить крещение Руси против воли сына. Именно его видели символом единства только что родившейся страны народ и, что гораздо важнее, воины, среди которых он вырос и с которыми провел всю жизнь.

Воины крепко держались за своего громового бога Перуна, хотя и не были так уж нетерпимы к иноверию, как показывает нам летопись. Согласно договорам Руси с греками, все «послы от рода русского», вне зависимости от того, что большинство их носило скандинавские, германские, франкские, западнославянские, степные и кавказские имена, дружно клялись именно Перуном и своим оружием. В раскопках дружинных курганов археологи весь X век находят — хоть и не так часто, как многие считают, — перевернутые Т-образные подвески: молоточки Тора, скандинавского аналога Перуна, который, однако, не был на севере Европы главным богом воинов. Эти амулеты отличают дружинников, сохранивших веру в скандинавских богов.

Таких захоронений сравнительно немного, так же как и странных курганов первой половины X века с

устроенными под ними срубными гробницами, «колодами-домовинами», в которые тела погребали не сожженными, как было принято у дружинников. Эти гробницы найдены на Киевщине, Черниговщине (вплоть до Стародуба), у Искоростеня, у Плеснеска и в других местах. Академик Б. А. Рыбаков полагал, что это своего рода дань христианской обрядности, категорически запрещавшей трупосожжение. Хотя и ему казалось несколько неуместным класть в могилу христианина его коня, оружие и любимую женщину, а на курганной насыпи править тризну.

Особенно замечательный курган такого рода был найден в дружинном комплексе в Шестовицах близ Чернигова. Там воин в домовине сидел, обнимая за талию сидевшую рядом женщину, а подле них лежал оседланный и взнузданный конь. Точно такую картину погребения рисует нам едва ли не древнейшая русская былина о Михайле Потоке, который сам спустился в могилу за своей женой¹⁶⁹.

При общей вере в Перуна и свое оружие древнерусские воины вполне допускали в своей среде разные верования и обычаи, в том числе столь важные, как погребальный обряд. Почему же Ольга еще в Константинополе так боялась вернуться на Русь христианкой, что патриарх, известный как Новый Златоуст, утешал ее примерами спасения Даниила из рва со львами, отроков из горящей печи, Давида от Саула и т. п.? А княгиня причитала: «Люди мои язычники, и сын мой тоже язычник, да сохранил бы меня Бог от всякого зла!»

Это странно, ведь летопись признаёт, что в Киеве было немало христиан, а в собственной свите княгини, согласно тексту Константина Багрянородного о приездах Ольги в Константинополе, присутствовал «священник Григорий». Конечно, священники в те времена не носили специальных облачений вне церковной службы. Но всё равно, скрыть наличие православного священника от представителей сына, других князей,

¹⁶⁹ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 393—411.

городов и купцов в посольстве из 105 человек было невозможно. Да и не нужно.

Христианство на Руси распространялось уже в течение ста лет, с середины IX века, с первого победоносного похода на Царьград, и никуда ко временам Ольги не делось. В договоре Руси с греками 944 года, заключенном при ее муже Игоре, прямо сказано, что приходящая в Константинополь русь частью состоит из христиан, а частью — из язычников (они по-разному приносили клятвы в суде). Более того, многие из 54 послов Руси, присланных Игорем, были христианами:

«Мы же, — говорят послы, — сколько нас крестившихся есть, клянемся церковью Святого Ильи в соборной церкви, в предлжании честного креста и хартии этой, хранить всё, что на ней написано, и не преступить от того ничего. А если преступит это из нашей страны, или князь, или иной кто, крещеный или некрещеный, — да не получит от Бога помощи, да будут они рабами в сей век и в будущий, и да будет заколот своим оружием».

«А некрещеные русы, — продолжает текст договора, — да кладут свои щиты и обнаженные мечи, обручи и прочее оружие, и да клянутся, что всё, что написано в хартии этой, будет соблюдаться Игорем, и всеми боярами, и всеми людьми, и Русской страной во все будущие годы и всегда.

Если же кто из князей или людей русских, христиан или некрещеных, переступит всё, что написано в хартии этой, — да будет достоин умереть от своего оружия и да будет проклят от Бога и от Перуна за то, что нарушил свою клятву. И если на благо Игорь, великий князь, сохранит любовь эту верную, да не нарушится она до тех пор, пока солнце сияет и весь мир стоит, в нынешние века и в будущие».

Рассказ о ратификации этого договора, приведенный в «Повести временных лет» сразу после его текста, рисует совершенно идиллическую картину одновременной клятвы язычников и христиан в Киеве:

«Наутро призвал Игорь послов и пришел (с дружиной. — А. Б.) на холм, где стоял Перун. И сложили

оружие свое, и щиты, и золото, и присягали Игорь и люди его — сколько было язычников между русами. А христианскую Русь приводили в церковь Святого Ильи, что стоит над Ручьем в конце Пасынчей беседы и Хазар, — это была соборная церковь, ибо многие варяги были христианами.

Возможно, именно в указании «Повести временных лет», что христианами были варяги, кроется объяснение конфликта княгини с ее сыном-язычником. Ведь при наличии собора в Киеве и священника в свите княгини говорить о «скрытом христианстве» Ольги, как пытаются многие историки, нельзя. Составитель «Повести» не устает подчеркивать, что первые христиане были именно из варягов. Когда Владимир Святой позже провел языческую реформу, обновил капище в Киеве и решил публично приносить Перуну человеческие жертвы (из-за чего «осквернилась кровью земля Русская и холм тот»), для умерщвления, согласно «Повести», избран был именно юноша-варяг.

Упор на варяжскую версию христианства до Крещения Руси в 988 году имел для летописца большой смысл. Он позволял возвысить подвиг первой просветительницы страны Ольги, ее внука Владимира Святого и правнука Ярослава Мудрого: ведь княгиня заронила семя христианства, Владимир засеял им землю Русскую, а Ярослав взрастил всходы, просветив страну книжным учением. Эта стройная концепция не учитывала, что русская православная епархия существовала к моменту крещения Ольги почти столетие, с 860-х годов.

Но летописец не мог признать, что первого епископа на Русь пригласили неведомые князья — ведь они, очевидно, не были от рода Рюрика, который уже Начальный свод искусственно отождествлял с «родом руским»! Отрицать, что христианство на Руси было и до Ольги, летописец не решился. Но нашел выход, объявив его христианством варяжским, не русским, — и свою концепцию спас. Русь просвещали Ольга, Владимир и Ярослав, а все, кто уже не нуждался в этом просвещении, были названы варягами.

Правда, в договорах Руси с греками, включенных в «Повесть временных лет», наши христиане прямо говорят: «мы от рода русского». Однако если объявить «род русский» варягами, как это было сделано в летописях XI—XII веков, и уточнить, что это были особые варяги (русские язычники, надо полагать), а были варяги другие (вот они-то и христиане!), все становится на свои места. Мы эти логические маневры летописцев понимаем, но всё же должны рассмотреть и вопрос о христианах-варягах, которые на Руси, среди крестившихся до Ольги и Владимира славян, тоже вполне могли быть.

Какие варяги с Балтики и Северного моря могли столь прилежать христианству? Прежде всего даны, среди которых давно действовали католические миссионеры и святой конунг которых Харальд I Синезубый сам крестился через три года после посольства Ольги, в 960 году. Он постепенно продвигался в крещении данов и боролся за насаждение христианства на захваченном им юге Скандинавии. Однако шведы от крещения отбились, а их святой конунг Олаф Шётконунг, крестившийся в 1008 году, при жизни так и не преуспел в жестокой борьбе за распространение христианства среди подданных. Святой конунг Норвегии Олаф Харальдссон, крестившийся за границей около 1013 года, объявил Норвегию христианской страной на тинге (народном собрании) в 1024 году, но, несмотря на массовые сожжения непокорных, сопротивления язычников не сломил. Как и шведский Олаф, норвежец стал мучеником, пав в бою со своими языческими подданными. В X же веке, при княгине Ольге, жители Скандинавского полуострова даже в торговом городе Бирке изгоняли миссионеров и свято хранили языческий похоронный обряд.

Наряду с данами, больше всего христиан на Балтике было среди славян-ободритов (бодричей). У них, на южном берегу моря, христианские миссии появились в IX веке, а первый князь (Славомир) крестился еще в 821 году. В X веке среди бодричей было немало крещеных, однако основная часть на-

селения оставалась верной язычеству. При княгине Ольге они имели сильное государство, которое позже (в XI веке) включило мощный племенной союз лютичей. Те тоже в IX—X веках не сопротивлялись распространению христианства, но в 983 году возглавили восстание против германской колонизации, отбросив немцев от славянских земель на 200 лет. В условиях борьбы против немцев-христиан язычество стало у западных славян знаменем независимости. В 1066 году объединивший бодричей и лютичей князь-христианин Годеслав был убит сторонниками старой веры, и в стране настало радикальное возрождение язычества.

Варяги-христиане среди прочего крещеного народа в Киеве, таким образом, могли быть морскими разбойниками и купцами родом из Ютландии и с южного, славянского берега Балтики. Христианство их, идущее от немецких в основном миссионеров, было римского толка. Хотя до раскола христианства было еще далеко и собственно религиозных разногласий будущих католиков с православными в то время накопилось немного, политические их расхождения были очевидны.

Ортодоксальное христианство распространялось Восточной Римской империей с целью просвещения варваров, приобретения новых союзников и вассалов. Римскую веру на северо-восток несли немцы. В 962 году немецко-римское объединение официально оформилось в Священную Римскую империю германской нации, откровенно (в том числе военным путем) противостоявшую претензиям Константинополя на идейную и политическую гегемонию. Уже за несколько лет до этого Ольга, с которой на Русь, вопреки давней ромейской традиции, не отправился епископ от патриарха Константинопольского, запросила такового епископа у германского короля Оттона (с 962 года — императора Оттона I).

История с запрошенным Ольгой немецким епископом, которым стал монах Адальберт, была изложена в Продолжении хроники Регинона Прюмского,

составленном, как полагают, самим Адальбертом¹⁷⁰. В статье 959 года он пишет: «Послы Елены, королевы ругов, крестившейся в Константинополе при императоре константинопольском Романе¹⁷¹, явившись к королю (Оттону. — А. Б.), притворно, как выяснилось впоследствии, просили назначить их народу епископа и священников». Оттон, в это время страшно занятый на тяжелой войне с западными славянами, отреагировал на посольство Ольги с задержкой.

В статье 960 года хронист записал, что «Либуций из обители Святого Альбана» в Майнце был посвящен гамбургским архиепископом Адальдагом в сан «епископа народу ругов». Но в статье 961 года сказано, что «Либуций, который не смог отправиться в путь в прошлом году из-за каких-то задержек, умер 15 февраля сего года. Его, по совету и из-за вмешательства архиепископа Вильгельма (Майнцкого. — А. Б.), сменил Адальберт из обители Святого Максимиана (в Трире. — А. Б.), который, хотя и ждал от архиепископа лучшего и ничем перед ним не провинился, должен был отправиться на чужбину. С почестями назначив его [епископом] для народа ругов, благочестивейший король, по обыкновенному своему милосердию, снабдил его всем, в чем тот нуждался». За этими сборами, не слишком спешными, так как король усиленно собирался в поход в Италию, а затем там упорно воевал, время было потеряно. Ситуация на Руси радикально изменилась. Католического епископа не приняли.

Под 962 годом хронист сообщает, что «в этом же году Адальберт, назначенный епископом к ругам,

¹⁷⁰ В 866 г. он стал аббатом Вейсенбургского монастыря, в 968 г. — первым архиепископом Магдебурга, умер в 981 г. Текст много раз издан. Научный перевод М. Б. Свердлова см.: Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. Вып. I. Середина IX — первая половина XII в. М., 1989. Лучший перевод А. В. Назаренко: Немецкие латиноязычные источники IX—XI вв. М., 1993.

¹⁷¹ Из двух принимавших Ольгу императоров именно он продолжал царствовать в Константинополе во время описываемой хронистом истории 959—962 гг.

возвращается, не сумев преуспеть ни в чем из того, ради чего он был послан, и убедившись в тщетности своих усилий. На обратном пути некоторые из его [спутников] были убиты, сам же он, после больших лишений, едва спасся». Адалберт был хорошо встречен на родине. В 966 году «Адалберта, епископа, посвященного для ругов», поставили аббатом Вайсенбургского монастыря — так завершает свой рассказ хронист.

Печальная история епископа Адалберта была рассказана также во множестве немецких анналов, восходящих в этой части к утраченной хронике монастыря в Херсфельде (в северо-восточной Франконии). «К королю Оттону явились послы от народа Руси с мольбою, чтобы он послал кого-нибудь из своих епископов, который открыл бы им путь истины; они уверяли, что хотят отказаться от языческих обычаев и принять христианскую веру. И он согласился на их просьбу и послал к ним правоверного епископа Адалберта. Они же, как показал впоследствии исход дела, во всем солгали», — повествуют под 960 годом Хильдесхаймские анналы. Альтайхские и Кведлинбургские анналы добавляют, что «упомянутый епископ едва избежал смертельной опасности от их происков». Ламперт Херсфельдский и Оттенбойренские анналы констатируют, что Адалберт «с трудом ускользнул из их нечестивых руж». Титмар Мерзебургский, связанный не с монастырем в Херсфельде, но с Магдебургской архиепископской кафедрой, которую возглавил Адалберт, указал, что тот был «ранее назначен епископом Руси, но изгнан оттуда язычниками». Известие о миссии Адалберта на Руси было отражено также в документах X века и во множестве более поздних германских хроник¹⁷².

Русские летописи не упоминают, что Ольга отправила послов к германскому королю Оттону с просьбой прислать на Русь епископа. Но в XI веке Никон Великий включил в Начальный свод большой рассказ о выборе веры князем Владимиром, который отослал

¹⁷² Все эти немецкие источники цит. по: *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. С. 263—266.

послов римского папы со странными словами: «Идите вы к себе, а отцы наши этого не творили!» Этот текст (дошедший до нас в Новгородской I летописи и, видимо, не вполне исправный) прояснен в «Повести временных лет», где «сказал Владимир немцам: “Идите, откуда пришли, ибо отцы наши не приняли этого”» (одинаково по Ипатьевской и Лаврентьевской летописям; перевод Д. С. Лихачева).

Время «отцов» — это время Святослава. Именно с его неприятием христианства (не только римского толка) связаны и опасения княгини Ольги в Царьграде, и отсутствие с ней при возвращении на Русь греческого епископа, и последующее изгнание епископа Альберта.

Историки, разумеется, постарались придать проблеме с епископами высокую международно-политическую окраску. Дескать, не взяв епископа в Константинополе, но испросив его у немцев, княгиня Ольга утверждала церковную независимость Руси от Восточной Римской империи. Это звучит довольно странно, ведь после Крещения Руси ее внуком князем Владимиром все епископы и киевский митрополит многие века были греками и все поставлялись в Константинополе (за исключением Илариона при Ярославе Мудром). Скорее дело могло быть в конкретной политической ситуации.

Плохо принятый на Руси Адалберт вернулся в Германию в 962 году, как раз в тот момент, когда королю Оттону удалось, вступив в союз с римским папой, подчинить себе Италию и основать Священную Римскую империю германской нации. Действительно, в политическом плане он мог быть могущественным союзником Руси, находящимся пока что далеко от ее границ. Однако Ольга и Святослав не могли знать, что его «натиск на восток» будет на века остановлен западными славянами (прежде всего лютичами) и что немецкие рыцари не появятся при их жизни на рубежах Руси. В то же время Константинополь не претендовал на русские земли, желая видеть их лояльными империи, но вовсе не обязательно вассальными.

Огромное преимущество ортодоксального христианства состояло в том, что константинопольский патриарх, в отличие от римского папы, не претендовал на непогрешимость и власть над сюзеренами. Но эта тонкость, трагичная, прежде всего для Запада, при Ольге вряд ли была осознана на Руси. Она обращалась к Оттону в то время, когда направить на Русь католического епископа мог именно король. Ольга, как выясняется, правильно понимала, к кому обращаться «в немцах», раз уж не получила греческого епископа. И король, хоть и с промедлением, удовлетворил ее просьбу.

Очевидно, проблема с христианством крылась в самом Киеве, где христиан было довольно, чтобы иметь соборный храм Ильи Пророка — небесного аналога Перуна. Во всех племенах и землях языческих славян, широко известных своей терпимостью, временами начиналась своеобразная языческая реакция именно против христиан. Думаю, источником ее была христианская нетерпимость к иноверию, выраженная как минимум в высокомерии представителей «истинной веры», а как максимум — в открытом оскорблении веры языческой.

Кажется странным, что при наличии христиан в дружине и среди «мужей» русских городов, начиная с Киева, Святослав говорил матери: прими он крещение — «дружина смеяться начнет и ругаться». Здесь можно видеть, если принять версию летописцев, внутреннее напряжение среди дружинников, вызванное неприязнью большинства к варягам-христианам — данам и балтийским славянам, а также к русским ветеранам-наемникам, принявшим крещение в Византии. И зарождение гордости особостью Руси, выраженной позже Святославом в его речах воинам:

«Уже нам некуда деться, волей или неволей надо стоять. Да не посраим земли Русской, но ляжем костью, ибо мертвые сраму не имут. Если же побежим — осраимся. Не отступим, но станем крепко. Я впереди вас пойду — если моя голова падет, тогда делайте, что хотите» («Повесть временных лет»).

«Погибнет слава, спутница русского оружия, если мы постыдно уступим грекам. С храбростью предков

наших и мыслью, что роская сила была доселе непобедима, сразимся мужественно. У нас нет обычая бегством спастись в свое отечество, но или жить победителями, или, совершив знаменитые подвиги, умереть со славою!» (Лев Диакон, История).

Вероятно, именно мечта о сплочении русов на почве родного (и чисто славянского) язычества двигала сыном Ольги Святославом, не позволившим поставить на Руси никакого епископа — ни грека, ни немца. И ее внуком князем Владимиром, заново отстроившим языческое капище с центральным идолом Перуна на месте разрушенного христианского храма¹⁷³, а затем залившего кровью человеческих жертв «холм тот».

О том, что эти жестокости начались при Святославе, рассказывает лишь поздняя Иоакимовская летопись, сохранившаяся к тому же только в цитатах историка XVIII века В. Н. Татищева. Согласно этим цитатам, Святослав не просто гневался на мать за уговоры принять христианство, но запрещал своим людям креститься и даже казнил за это: «...а от вельмож и смерть многие приняли». Впоследствии, потерпев поражение от ромеев, Святослав и его вельможи «начали клеветать на христиан, бывших в воинстве, якобы сие падение воинов приключилось от прогневания лжебогов их христианами. Он же (Святослав) настолько рассвирепел, что и единственного брата своего Глеба не пощадил¹⁷⁴... Они же (крещеные русы) с радостью на мучение шли, а веры Христовы отречься и идолам поклониться не хотели... Он же, видя их непокорность, еще больше на священников разъярившись, будто бы те колдовством людей отвращают и в вере их утверждают, послал в Киев, повелел храмы христиан разорить и сжечь. И сам вскоре пошел, хотя всех христиан погубить».

¹⁷³ «Постамент идолов киевских языческих богов, поставленный в самом центре княжеского Киева, был вымощен плитой и фресками христианского храма, разрушенного до 980 г.». Цит. по: Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. С. 392.

¹⁷⁴ Брат Святослава Глеб более нигде не упомянут. Он вполне мог быть и от другой жены Игоря.

Этой яркой картине мы вправе не верить, но напряженность между языческим большинством дружины, державшей веру славянских племен, и христианами, уже в 957 году была известна Ольге и страшила ее, а в 962 году обернулась гонениями на епископа Адальберта.

Нам важна позиция несгибаемой княгини, которая боится, но сама принимает крещение в Константинополе, сама посылает за епископом к германскому королю, сама уговаривает Святослава обратиться в христианство. Хотя и не стремится пострадать за веру. Весь ее конфликт с сыном происходит «при закрытых дверях». Себя княгиня всюду, кроме посольства к королю Отгону, именует не христианским именем Елена, а по-язычески — Ольгой (традиция двуименности сохранится у Рюриковичей надолго и будет отражена, например, на их монетах). Не только сын княгини был назван языческим именем Святослав, но и внуки — Ярополк, Олег и Владимир. Не исключено, что княгине тоже увлекала идея уникальности Руси и Русской державы, в которой принятие христианства выглядело необязательным.

Наконец, никаких свидетельств прямой государственной поддержки христианства на Руси при Ольге, располагавшей у себя в Вышгороде третью всех доходов, нет. А они, при огромном внимании к княгине уже древнейшего сказителя в конце X века, появились бы в летописании при малейшем намеке на ее богоугодные дела.

У правительницы Руси в начале 960-х годов возникли более серьезные проблемы, чем религиозные расхождения с сыном-язычником, которые монаху-летописцу выгодно было подчеркнуть и преувеличить. Сын, его воеводы и дружина требовали самостоятельных действий. Святослав и так просидел без власти и без дела чрезвычайно долго. Отказать ему в праве на власть и самостоятельность Ольга по обычаю того времени не могла. Или все-таки могла?

ВРЕМЕНА БЫЛИННЫЕ

В Древней Руси, как и на всем пространстве Евразии и Северной Африки, торжествовала сила. Редкие островки права и разума захлестывались ею; почти всюду господство принадлежало грубым мужам с мечами и топорами у пояса. Создание Русского государства княгиней Ольгой радикально изменило политическую и экономическую ситуацию на востоке Европы. Русские воины-купцы, в IX—X веках постепенно наводнившие Восточно-Европейскую равнину, теперь могли получать стабильный доход с податного населения, не утруждая себя разбоем и грабежом. Население, пользуясь миром, правым судом и открытыми путями сообщения, процветало и умножалось. Уже в XI веке при Ярославе Мудром, несмотря на ряд усобиц, страну было не узнать. В XII—XIII веках Русь станет весьма многолюдной, богатой, сильной и культурной страной Европы. Создательница государства Ольга наверняка предвидела эту лучезарную перспективу. Но оставшиеся без дела лихие воины были проблемой княгини здесь и сейчас. У нее имелись идеи, как использовать их на благо страны. Часть этих замыслов ей даже удалось реализовать.

И все же X век был не ее, премудрой княгини, временем. Это был век богатырей, которые обязательно возьмут свое во всем, включая культуру. Именно они сформируют своей повседневной жизнью, подвигами и увлечениями тот образ Древней Руси, который

будет воспитывать последующие поколения. Времена былинного «Владимира Красна Солнышка», в образе которого народ совместил князей Владимира Святого и Владимира Мономаха, стали в общественном сознании эпохой богатырской. И первым, самым знаменитым русским воином стал вполне реальный князь Святослав, сын Ольги от Игоря.

Русское оружие

Святослав Игоревич воплотил в себе два начала: героизм древних русов, прорубавших свой путь мечами, и заложенную его матерью идею государственного единства Руси. Ольга ничего не могла сделать против дружинной среды, отнявшей у нее сына почти сразу после смерти мужа. Ближайшими людьми к Святославу были воины Свенельд и Асмуд. «Кормилец» со временем исчез, однако воевода Свенельд сопровождал князя до самой его смерти. Ольга лишилась сына как сподвижника в государственном строительстве. Но она могла обеспечить ему средства для подвигов.

После своего похода на север Ольге пришлось посадить сына княжить в Новгороде — естественно, в окружении бояр и дружинников. Княжил он там на тех же правах, что потом были приписаны легендарному Рюрику — то есть по соглашению с жителями защищал землю от врагов и судил по местному праву. Наличие этого права наивно связывают с «Русской правдой» XI—XII веков — отдельными княжескими узаконениями для Новгорода, основанными на местном праве и новых княжеских законах. Полагают, что правнук Ольги Ярослав Мудрый начал создавать «Правду», желая постепенно заменить царившие среди воинов и городских «мужей» древние обычаи кровной мести, например за удар оружием, денежными штрафами (вирой). Но на столетие раньше в договоре Игоря с греками 944 года читаем то же самое: «Если же ударит мечом, или копьём, или иным каким-либо оружием русский грека или грек русского, то для гре-

ха пусть заплатит виновный 5 литр серебра *по закону русскому*». То есть законы, подобные утвержденным в «Правде», существовали на Руси задолго до Ярослава. В дружинной и городской среде они действовали еще до начала правовой деятельности княгини Ольги.

Дружинники, как и горожане, были особым социальным слоем над колоссальной толщей славян, финно-угров и быстро ассимилируемых славянами балтов. Они, как мы помним, не считали важной принадлежность к какому-то племени. Напротив, материальная культура дружин и городов, которую исследуют археологи, была подчеркнута полиэтнична. Городские ремесленники в своем производстве не исходили только из местных нужд. Купцы, обеспечивая местные племена товарами, которые те сами не производили, старались получить взамен именно товар для международной торговли. Воины полагали, что относятся к некоему высшему братству, призвание которого всюду — брать дань, в то время как всем, блюдущим племенные традиции, на роду написано им эту дань давать.

Именно князья со своими воинами (а князей на Руси, видимо, было довольно много) диктовали свою волю всем, за исключением городских «свободных мужей», которые при случае могли поправить, а то и отправить подальше князей с их дружинами. Саму княгиню, жившую в личном замке Вышгороде, терпели лишь постольку, поскольку ее многолетняя деятельность по «устроению Руси» была удобна дружинникам и городским мужам. Они богатели, сбор налогов больше не напоминал военные операции. Зимой можно было пировать, а не искать себе «порты» в полюдь. Выгодный сбыт собранной дани и скупленных у племен товаров «за морем» позволял лучше вооружаться, расширять число воинов, возводить города.

Выросший среди ратоборцев Святослав стал настоящим барсом, а собранные матерью средства позволили ему сформировать большую профессиональную дружину. Это были уже не «шайки» князей, кормившиеся разбоем и служившие ядром ополчений всей Ильменско-Днепровской водной системы для «масштабно-

го грабежа» на Черном и Каспийском морях. Святослав, после своего правления в Новгороде княживший в Киве, получил небольшое, до 10 тысяч воинов (таково их число в летописях), но мобильное войско, способное самостоятельно решать стратегические задачи.

Древнейшее сказание и за ним летописцы говорят об этих новшествах кратко и обобщенно:

«В год 964. Князь Святослав вырос и возмужал, стал собирать много воинов храбрых. Ибо сам был храбр и ходил легко, словно барс, и много воевал. А возов с собой не возил, ни котла, ни мяса не варил, но, тонко нарезав мяса — конину, или дичину, или говядину — и испекши на углях, ел. Не имел он шатра, но потник постилал, а седло в головах. Такими же были и все остальные его воины. И еще посылал (Святослав) в иные земли, говоря им так: “Хочу на вас идти”».

«Иду на вы» — позднейшая литературная перелицовка слов летописи, буквально говорящей: «Хочу на вы ити». Кем были эти «вы», вовсе не разделявшие стремление князя Святослава явиться к ним, мы вскоре узнаем. Эти сведения, хотя и кратко, отражены в письменных источниках. Гораздо сложнее вопрос, с чем Святослав собирался идти «на вы»: каким войском, оружием и боевыми возможностями он располагал. Здесь нам может помочь только археология.

Отсутствие лагерного оборудования, перегружающего обоз и замедляющего движение войск, — признак высокомобильной армии. Из сообщения летописей мы видим, что воины Святослава передвигались на конях, то есть могли совершать дальние походы со скоростью до 140 километров в сутки (как позже скакал Владимир Мономах), хотя реально, без дорог и переутомления коней, гораздо меньшей. Сбор коней на юге Руси, где пахали в основном на волах, был непростым делом. Немалая предварительная работа требовалась, чтобы, к удивлению соседей, полагавших, будто русы мало знакомы с лошадьми, внезапно двинуть на них большое конное войско. Слишком долгая и кропотливая, чтобы в ней можно было заподозрить буйных князей и дружинников. Видимо, кня-

гиню Ольгу следует считать еще и матерью русского коннозаводства...

В середине X века на Руси не было налажено и масштабное производство оружия. Данные археологии по воинским захоронениям времен Ольги и Святослава (до Крещения Руси) рисуют нам чрезвычайно мобильное, но слабовооруженное воинство. Мечи, шлемы и кольчуги (чаще всего по отдельности, а не в комплексе) имели единицы из сотен воинов. Мало кто был похоронен с конем (хотя бы с конской сбруей), или с удобным и гибким степным пластинчатым доспехом, или с саблей. На севере Руси основная часть воинов имела топор, на юге — копье, множество дружинников было похоронено со стрелами; нередко могилы с сочетанием этих видов оружия.

Даже если придать всем воинам деревянные щиты (не сохранившиеся при трупосожжении), вооружение армии Святослава будет явно недостаточным для его громких побед. Слабовооруженное войско, даже сомкнув «стену щитов», о которой пишут византийцы, не смогло бы устоять против атак отлично вооруженных конников Хазарского каганата, и тем более против византийских катафрактов, закованных в железо с головы всадника до груди лошади. Остается признать, что предки снабжали покойников на тот свет чисто символически, лишь обозначая воина, а захоронения знакомят нас с видами оружия русов, но не с оснащенностью им. Просто не поверю, что, поддерживая дружину Святослава 20 лет, мать не позаботилась хорошо ее вооружить и отпустила сына на войну с полутольми воинами!

Боевые возможности воинства князя-барса вытекали из качества его оружия и умения владеть им. Ольге не удалось бы держать сына и его воинов под Киевом, если бы они ежедневно в течение двадцати лет (945—965) не были заняты наиболее увлекательным и важным для них делом — обучению искусству владеть оружием. Оружие, как сказано в договорах с греками, было для русов свято — именно на нем они приносили клятвы языческим богам. Самое время посмотреть внимательно, что это было за оружие.

Древнейшим сакральным символом был меч. Еще сарматы, развив технологию металлообработки до возможности производить длинные мечи и изгнав из Южнорусской степи скифов с их короткими мечами-акинаками размером с кавказский кинжал, втыкали священный меч на вершине кургана знатного воина. В русских курганах меч выполнял схожую функцию, обозначая экстраординарность похороненного здесь мужа. Священность меча была связана с его редкостью, а та — со сложностью изготовления и мастерством, необходимым для его употребления. Даже вид меча, которым пользовались Святослав и его воины, обманчив. Со стороны плоскости он выглядит очень массивным, а его металлические гарда и навершие кажутся объемными и тяжелыми. Посмотрев на меч с ребра, вы его едва увидите. Тонкое лезвие переходит в чуть более утолщенную гарду, сделанную, как и узкое в этом ракурсе навершие меча, из собранных на заклепки металлических пластин, под которыми было дерево, мягкий металл или пустота.

Изготовленный саксами каролингский меч был таким же таинственным произведением секретнейшего искусства, как много позже японский однолезвийный меч — катана. В русских сказках и скандинавских сагах это статусный, а зачастую и волшебный предмет. Лишь не выпустив из рук меча в момент смерти в бою, скандинав мог попасть в Вальгаллу, где до конца мира пировали, сражались и любили валькирий дружинники Одина — эйнхерии. Их число к моменту последней смертельной битвы, Рагнарека, сказители определили с запасом, в 432 тысячи воинов. Похоже, наша княжна Елизавета Ярославна, прибыв в Норвегию и покончив с эпохой викингов в 1066 году, оставила Вальгаллу с весьма незначительным населением. Умереть скандинаву было гораздо легче, чем добыть себе драгоценный меч. Саги редко говорят о его покупке или добыче в бою. Самый ценный меч был старым, передававшимся по наследству или добытым из кургана. На Руси такой меч «кладенец» тоже ценился выше всего.

Чтобы вооружить мечами хотя бы элиту войска Святослава, Ольга должна была вложить немалые силы и средства в заморскую торговлю. Я полагаю, что она это сделала. Но меч был не только самым дорогим, но и самым сложным в употреблении оружием. Это вытекало из его конструкции.

Даже лучшие ремесленники саксы, скрытные и гордые, как гномы, не могли получить в достаточном количестве хорошую клинковую сталь. Упругую и одновременно твердую сталь они вообще не умели делать. Длинный, во весь клинок дол — пологая выемка, занимавшая до половины его ширины, — первоначально образовался от того, что основой меча была полоса дамасской стали, на которую накладывали и к которой приваривали ковкой твердые лезвия с двух сторон. Такое же лезвие, в разрезе напоминающее уголок или ласточкин хвост, японские мастера наваривали с одной стороны на полосу простого железа при изготовлении древней катаны. Задача была одна: не позволить сильно закаленной и потому ломкой стали лезвия раскрошиться. Но японцы вынуждены были многократно перековывать брусок железа, науглероживая и складывая его снова и снова, в твердый дамаск для узкой рубящей кромки. А саксы, в достаточном объеме получая углеродистую сталь, которую могли закалить до большой твердости, использовали дамаск для создания упругой основы клинка.

По сравнению с каролингом катана по форме и материалу напоминала топор. Все хорошие и, уж безусловно, все боевые топоры на Руси делали, как катану: на массив мягкого железа наваривали узкую полосу твердой стали. Она-то и образовывала рубящую кромку, опирающуюся на расширяющийся массив железа. В сечении топор и катана напоминали плавно сходящийся к острию клин, за которым у топора следовал обух с проушиной, а у катаны примерно такая же по форме массивная часть клинка. Мастер должен был ковкой и обточкой убрать лишнее, чтобы вес и баланс изделия соответствовали его функции. Тут изготовители русских топоров не отстали от японцев:

рабочие топоры, и сегодня поражающие удобством, весили у нас 600—800 граммов, боевые — от 200 до 450 граммов. И заточку они держали не хуже современных нам топоров из массива стали.

Теперь представьте себе, насколько волшебным оружием был каролинг, если повторить его могли лишь немногие мастера на Руси, где катану сумел бы изготовить почти любой профессиональный кузнец! Не слишком длинный (от острия до навершия рукояти 0,8—1,1 метра) меч был тонким, широким и легким (менее 700—1200 граммов вместе с массивной рукоятью). Его клинок плавно сужался от рукояти к концу: с 6 до 4 сантиметров, с 5 до 3 сантиметров¹⁷⁵. Конец, на котором закаленные рубящие кромки сходились, был заострен. Теоретически это давало возможность колоть в бою. На практике меч был преимущественно рубящим оружием. Массивная рукоять состояла из широкой, но короткой, чуть шире клинка, гарды, очень короткой, едва в ладонь, деревянной, обтянутой кожей или бронзой рукоятки и навершия, повторяющего размером и формой гарду, с дополнительным объемным выступом на конце.

Эта конструкция сильно отличается от всех клинков, которые читатель, если он не исторический реконструктор эпохи викингов, мог держать в руках. Сам академик Б. А. Рыбаков, очень крепкий муж, хорошо знакомый с шашкой, рассказывал мне, как чуть не вывихнул себе запястье, взмахнув найденным им в отличной сохранности каролингом. Если все последующие мечи, шпаги, сабли и шашки воин держал в руке как птичку, цепко, но расслабленно, повернув клинок вдоль руки вперед, то меч Святослава так нельзя было взять в принципе. Каролинг держали сжатым кулаком, стиснутым с двух сторон гардой и навершием, строго перпендикулярно руке. Движения кистью были ограничены, если не выворачивать ее, пропуская массивное навершие мимо запястья.

¹⁷⁵ По таблицам измерений: *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 1: Мечи и сабли IX—XIII вв. М.; Л., 1966.

В бою это означало очень короткую дистанцию до противника. Воин не прибавлял длину клинка к длине руки, но бил сплеча, не добавляя клинку скорости и длины движением кисти. Такой более короткий удар гарантировал, что меч никогда не придет в противника под углом 90 градусов, наиболее опасным для перелома и наименее эффективным для разрезания. Действительно, тонкое, бритвенной остроты лезвие каролинга прекрасно резало не защищенного доспехами противника. В бою воины отрубали головы, руки, а у более-менее доспешных противников — ноги. Удар во вражеский клинок был практически исключен: даже не сломавшись, лезвие меча крошилось. Удар по доспехам, например кольчуге и шлему, был способен прорубить их, но ценой серьезной порчи клинка. Умелый воин, если верить сагам, мог так скользнуть своим мечом вдоль вражеского, что за два взмаха затуплял его. Тупой меч, как сетовали скандинавы, уже ничего не рубил — его останавливала даже волчья или медвежья шкура на плечах, да и раны на голом теле были не глубоки. Колоть мечом было можно, только упершись своим щитом в щит противника — на большем расстоянии он не доставал. Легким и тонким клинком даже оглушить врага было сложно — меч или резал, как бритва, или был бесполезен.

За 20 лет обучения, с пяти до двадцати пяти лет, Святослав должен был в совершенстве овладеть всеми хитростями, связанными с использованием меча в индивидуальном и групповом бою, когда только молниеносная скорость отработанных приемов давала возможность попасть противнику в не защищенное доспехами место — лицо, локоть, кисть, лодыжку. Любой удар в оружие был ошибкой и, несомненно, наказывался строгими воспитателями, Асмудом и Свенельдом. Такой же непростительной ошибкой была атака на непосредственного противника: в строю рубить следовало не того, в кого ты уперся щитом, а того, кто атакует товарищей слева и справа; твой противник закрыт от тебя, те же открываются удару клинка. Индивидуализм приветствовался на пиру, в хвастовстве по-

сле битвы, а в бою был просто исключен. Побеждал только отряд, дружина, в которой молодой князь был первым среди воинов. Недаром летопись подчеркивает: каким барсом вырос Святослав, «таковы же у него и прочие все воины были». С тех самых пор русский воин может сказать после боя: «я победил», — а до боя только: «мы победим».

Главным оружием защиты от меча был щит. Увы, такой же хрупкий, как меч. На изображениях воинов Восточной Римской империи и романизированных народов Европы мы видим круглые выпуклые, явно окованные металлом щиты, видимо, с ремнями для крепления к плечу. Действительно, форма купола была наиболее прочной. За ней следовала цилиндрическая форма — такие выпуклые, сужающиеся к ногам воина щиты в форме вороньего клюва появились у ромеев во время или вскоре после Святослава. Только ни одного выпуклого щита X века ни на Руси, ни в окрестных странах не найдено.

Археологи могут предложить нам только редкие и найденные в основном не на древнерусской земле щиты викингов. Это большие, около 70 сантиметров в диаметре, плоские круглые конструкции из досок, собранные всего на одну планку, которая проходила через центр и служила рукояткой: для этого в середине щита вырезалось круглое отверстие, закрытое снаружи сильно выпуклой, до полусферы и больше, железной бляхой-умбоном. Умбон прибывался на доски большими гвоздями, острия которых смотрели наружу и были просто загнуты. Это помогало, отогнув гвозди, снять умбон с разбитого щита. На Руси времен Святослава в дружинных курганах найдено два десятка поврежденных умбонов и оковок края щита — небольших железных скобок, которых могло быть до двадцати, — а также, предположительно, металлическая ручка щита, говорящая нам о кулачном хвате¹⁷⁶.

¹⁷⁶ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3: Доспех, комплекс боевых средств IX—XIII вв. Л., 1971. С. 33—35 и таблица.

Конечно, щиты делали хорошие мастера. Доски в середине щита могли быть толщиной в 1,5 сантиметра и больше, к краям они искусно стачивались. Снаружи щит обтягивался довольно тонкой кожей, поверх которой доски прошивались кожаными ремешками в нескольких местах. По краю щита мог идти стягивающий доски и защищающий край обруч из более толстой сыромятной кожи вместе или вместо мелких металлических оковок. По коже нередко делалась яркая роспись. Единственный русский щит, по останкам которого удалось определить основную окраску, был красным и очень большим — диаметром до 1 метра, с крючками для ремня, на котором щит в походе носили на спине¹⁷⁷.

Несмотря на красоту, щит был почти одноразовой вещью. Меч легко отрубал от него куски. Стрела, как показали эксперименты, почти непременно пронзала щит в любом месте, кроме умбона. Стрела могла затормозить, не достав воина, держащего щит в кулаке на вытянутой руке, только за счет трения древка о пробитую доску. Но мудрые предки знали об этом, делая древки стрел веретенообразными. Или заготавливали ровные побегов, например, орешника, сушили их, подвесив груз, выглаживали и... насаживали наконечник на более толстую часть. Такая стрела пролетала сквозь щит без трения. Более того, копьё, даже тупое, в экспериментах чаще всего проламывало щит, оставляя в нем большую дыру и доставая щитоносца, если он не отводил копьё мгновенным и точным движением щита. Боевой топор и метательное копьё-сулица могли пробить щит, но могли и застрять в нем, в зависимости от силы и направления удара. Чаще всего использовать правильно сделанный щит X века даже после тренировочного боя было уже нельзя. Умбон приходилось переставлять на новый щит, поскольку старый часто уже не подлежал ремонту.

Исходя из археологии на ее нынешнем этапе, мы должны признать, что кажущаяся несокрушимой «сте-

¹⁷⁷ Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии // Материалы по археологии России. № 28. СПб., 1902. С. 167.

на щитов» означала не прочную механическую защиту строя, а предельно отточенную взаимовыручку и мгновенную реакцию на пробитие щита, со сменой разбитого щита удачливого воина и заменой не столь ловкого дружинника его товарищем из второго ряда. В «стене щитов» использовалось и удвоение толщины защиты: воин накладывал край своего щита на щит товарища слева, и его товарищ справа клал свой щит на край его щита. Для защиты от стрел и сулиц друг из второго ряда клал руку со щитом на плечо переднего воина (напомню, что щит держали за деревянную ручку в кулаке): «стена» становилась выше. Воины третьего ряда подкрепляли эту защиту, держа щит над головами передних товарищей. Получалась своего рода «черепаха», прикрытая заходящими друг за друга щитами с фронта и спереди сверху. При всей хрупкости индивидуального щита, эта мгновенно создаваемая и разбираемая при переходе к рукопашной схватке конструкция выдерживала обстрел, удары топоров и ног; крепкие мужчины могли прыгать на нее и даже ходить по ней. «Стена» была надежна, это показали многочисленные жесткие эксперименты исторических реконструкторов.

При этом отдельные щиты всё равно рассыпались, и после серьезного боя их приходилось менять. Вопросы «от разума» тут лучше не задавать. Почему щиты из прямоугольных досок были круглыми? Почему иконы сбивались из досок, без единого гвоздя, крайне прочно и надежно, а щиты даже без повреждений изгибались в руках, как драккар на волне? Почему хват щита на далеком севере был кулачным, как у римских легионеров, а не локтевым, на который уже перешли в Византии под влиянием Степи? Нет ли здесь намеренного ослабления индивидуального воина по отношению к дружине? Почему мудрые мастера-саксы, тщательно вбивая металлической насечкой названия своих мастерских на каждый клинок, не делали рукояти мечей чуть длиннее? Где, наконец, романские мечи, теоретически и по изобразительным источникам ромбического сечения, которые Восточная Римская империя должна была массами ковать для своей армии?

Археологи их не нашли. А мы можем судить только по тем источникам, которые у нас есть.

Древнерусские боевые топоры имели в основном одну форму: с удлинением легкого лезвия вниз, в виде тупого крюка. Это снимало много лишнего металла при переходе от обуха к острию, оставляя режущую кромку довольно длинной. Лезвие почти всегда чуть скошено внутрь, к древку: то есть топор держали как меч, перпендикулярно руке, не работая в бою кистью. При таком хвате скошенное лезвие прилетало во врага прямо, сразу нанося максимально широкую рану. При всей легкости боевых топоров, они отрубали руки, ноги и головы не хуже, чем мечи. Легкость эта говорит нам об отсутствии у противников тяжелых сплошных доспехов, которые необходимо проламывать, и об очень высокой скорости боя, для которого требовался крайний профессионализм. Боевой топор, как и меч, в принципе мог пробить кольчугу и даже шлем. Быстрый удар внешним углом закаленного лезвия, тем более на полном скаку, резал даже сплошное железо шлема, как консервный нож. Но вытащить топор было уже невозможно. У топориков были и другие формы, например, равномерно расширяющегося к лезвию конуса или узкого лезвия против доспехов. Однако проушины под древко у всех боевых топоров непривычно для нас узки: всего 2—3 сантиметра! Древко топора — топориче — было очень тонким. Значит, и здесь ловкость воина была важнее силы. Богатырь от сохи Микула Селянинович с оглоблей в руках в дружине не котировался.

Боевой топор был не просто очень распространенным — гораздо больше, чем меч, особенно на севере Руси, — но и статусным оружием. Об этом говорят нам топоры с красивым узором, выполненным золотой и серебряной насечкой. Среди украшенных топоров или, скорее, топорков есть такие маленькие и легкие, что они больше похожи на символ власти, чем на боевое оружие. Носили их, как позже шестопер, просто заткнув за пояс, в то время как обычный боевой топор вешали в кожаном чехле на пояс.

Топорки эти прославились во время мятежа волхвов в 1071 году. Воевода Ян Вышатич, приехав собирать подати в Белоозеро, нашел огромную толпу смердов во главе с волхвами на реке Шексне. Он вышел к ним «сам, без оружия», с одним топорком. Когда волхв хотел ударить его топором, Ян, «обернув топор» (то ли волхва, то ли свой), «ударил обухом», начав общий бой. В то же время в Великом Новгороде князь Глеб Святославич в одиночку подошел к волхву, на сторону которого встали большинство горожан, с топором, прикрыв его плащом.

— Знаешь ли, что завтра случится и что сегодня до вечера? — спросил князь.

— Знаю всё, — ответил волхв.

— А знаешь ли, что будет с тобою сегодня?

— Чудеса великие сотворю! — заявил волхв.

«Глеб же, вынув топор, разрубил волхва, и пал он мертв, и люди разошлись». Впоследствии новгородцы изгнали князя Глеба, а язычники всё равно убили его. Но отличные боевые свойства княжеского топора он доказал¹⁷⁸.

На юге Руси копьё было распространено больше, чем топор. В основном это были копья с небольшими листовидными или кинжалообразными наконечниками, крепящимися к древку металлической втулкой довольно малого диаметра, до 3 сантиметров в самой широкой части. Это говорит нам, что копьё крепилось на легком древке и предназначалось для быстрого удара. Никакой металлической оковки, какую мы часто видим впоследствии, вплоть до казачьих пик Первой мировой войны, на древках не было. Копьем, как и мечом, не фехтовали, но наносили стремительный удар и отдергивали, чтобы противник не мог тонкое древко сломать или срубить.

Иногда археологи находят копья с большими, напоминающими кавказский кинжал наконечниками. Такие копья были статусным оружием в Скандинавии.

¹⁷⁸ Обе истории в летописях: *Никитин А. А.* Текстология... С. 243, 249—250.

На Руси большой наконечник на толстом древке использовался при охоте на крупного зверя, в особенности на медведя. В этом случае на древке за наконечником делалась поперечина — упор, который не позволял зверю, наткнувшемуся на копьё, продраться, пропуская сквозь себя древко, до охотника. В Скандинавии такое копьё называлось «рогатым», на Руси — рогатиной. Отдельные находки украшенных рогатин относятся ко времени после Святослава, когда охота на крупного зверя стала элитарным развлечением знати. Более поздним является и копьё-совня с наконечником, напоминающим казачий кинжал-бебуг. Таким копьём можно было нанести рубящий удар большой силы. Но это стало актуальным только после заметного усиления шлемов и доспехов в XIII веке, когда дружина превратилась в тяжелую рыцарскую кавалерию.

В исторической реконструкции применение легкого копья справедливо связывают с легковооруженными воинами, часто не имевшими доспехов, действовавшими из задних рядов и на флангах дружины. Защитой копейщикам, держащим древко двумя руками, служили воины первых рядов со щитами. Перед копьеносцами стояла задача не обязательно убить или серьезно ранить врага, но ограничить его боевые возможности, например пронзив ступню или икру. Воины первого ряда, казалось бы, могли использовать против кавалерии рогатины с довольно толстыми древками, упирая их задний конец в землю, как при схватке с медведем. Но охотничьи рогатины были короткими, а копья византийских всадников, с которыми вскоре столкнется дружина Святослава, длинными. К тому же находки рогатин слишком редки, чтобы их можно было считать боевым оружием, разве что у единичных воинов.

Зато короткие копья-сулицы, не выше человеческого роста, могли бросать все. Воин в доспехах со щитом вполне мог держать в левой руке, вместе с рукоятью щита, еще и пару сулиц. Защитное оружие совершенно не мешало их метанию, которое оставляло время сомкнуть щиты. Сулиц найдено довольно много — они легко терялись, особенно если их бросали

с коня. Удаче археологов способствовал и обычай не закреплять наконечник сулицы на древке: так враг, выдернув не попавшую в цель сулицу из земли, не мог сразу бросить ее назад, ведь наконечник оставался в почве. Часто предки не считали необходимым делать наконечник сулицы, как у копья, с втулкой. Достаточно было выковать тонкий хвостовик, как у наконечника стрелы, чтобы держался на просверленном с торца древке. Сулица лишь теоретически могла пробить шлем, доспехи и даже щит. Ее сила была в точности броска. Чтобы попасть в незащищенное место противника с 10, максимум 20 метров, Святославу и его дружине приходилось упорно тренироваться. Только мастера могли дождем сулиц не просто повредить щиты, но нанести врагу серьезный урон до схватки стенка на стенку.

Точнее и убийственнее сулиц оказывались стрелы. Их железными наконечниками завалено все пространство Восточной Европы, особенно в южнорусской лесостепи. Складывается впечатление, что после боя стрелы не собирали. Они были, как пули, расходным материалом. И точно так же соответствовали нескольким стандартам по форме и весу. Самыми распространенными формами наконечников были ромб с двумя заточенными передними гранями, кинжал, ивовый лист и... почти точное подобие автоматной пули калибра 5.45, только квадратного сечения, со старательно выточенными посреди каждой стороны квадрата канавками. Получалась, если смотреть на наконечник с острия, четырехлучевая звездочка с четырьмя режущими гранями. Такие наконечники были чуть меньше (в размер современной нам пули) и чуть легче остальных. Они могли проскользнуть в кольцо кольчуги, но с меньшим весом имели и меньшую убойную силу.

Наши разумные предки не тратили бы массу времени и сил на изготовление режущих граней, если бы считали эффективными и даже «бронбойными» наконечники в виде шила. Воина в доспехах он не мог серьезно ранить или убить, рана от него и на голом теле была невелика. Задачей обычного наконечника дли-

ной 3—5 сантиметров было пробить, точнее — прорезать путь древку: шило для этого не подходит совсем. Скорее всего, относительно редкие шила, долота, полумесяцы и наконечники с зацепами предназначались для охоты на мелкую дичь, птицу и рыбу. Массовые боевые наконечники никаких крюков и острых выступов, мешающих их извлечению из тела, не имели.

Расходный характер стрел побуждал не тратить время на изготовление втулок: втульчатых наконечников найдено меньше, чем один на сто черешковых. Сужающиеся, похожие на шило черешки были длинной с внешнейю часть наконечника и даже больше. Они вставлялись в стрелу глубоко и крепко. Боевые наконечники обычно имели между черешком и рабочей частью плоский упор, чтобы при ударе в цель наконечник не уходил в древко. Ведь стрела весом в 50—80 граммов поражала цель за счет скорости. При малейшем торможении, например погружении наконечника в торец древка или сминании его острия о доспех, кинетическая энергия падала катастрофически. Это позволяет нам лучше понять русский фольклор.

Богатыри в былинах обязательно поражают недруга каленой стрелой. Твердость закаленной стали на острие стрелы позволяет всей вложенной в нее энергии действовать целесообразно. На практике это означает, как показали эксперименты, что стандартная каленая стрела из не слишком тугого древнерусского лука (с натяжением 20—25 килограммов) пробивает два слоя кольчуги и уходит глубоко в тело. Закаленный обычный наконечник, в сечении — плоский ромб с двумя режущими гранями, пробивает лоб шлема насквозь, вместе с головой. Проколотая с максимальной энергией стрелы (10 и более килограммов на площадь булавочного острия) дырочка в железе шлема разрезается в обе стороны и раскрывается при движении наконечника цветком, сквозь который следует древко. Остановить его может лишь задняя стенка шлема. Но незакаленный железный наконечник оставляет на шлеме только вмятину, а кольчугу может пробить, потеряв почти всю энергию.

То, что на Руси былинных времен калеными стрелами пользовались лишь герои, связано со сложностью получения высокоуглеродистой стали из болотного железа и дороговизной таких расходных материалов. Зато если Ольга обеспечила своего барса и его дружину запасом каленых стрел (их требовались сотни тысяч на одну кампанию), спастись от них никто в те времена не мог. Дружинники получали уникальную возможность стрелять не в отдельные незащищенные места, а по всему силуэту врага в уверенности, что стрела найдет себе путь сквозь доспехи — лишь бы попала под тупым углом. Потому что луки на Руси X века были превосходные.

По сравнению со знаменитым английским длинным луком лук самого простого русского охотника был технологически революционным. Англичане просто брали испанский тис и обтесывали его так, чтобы наружная часть дерева, заболонь, образовывала его внешнюю сторону, растягивающуюся при натяжении, а более твердые внутренние слои работали на сжатие. Древнерусский лук, изученный археологом А. Ф. Медведевым¹⁷⁹, был сложным, состоящим из множества частей и рекурсивным — выгнутым в спущенном состоянии в обратную от выстрела сторону. Иван Царевич на картинах Билибина и в мультфильмах стреляет именно из такого, правильно изображенного лука. Лук состоял из рукоятки, выгнутых плечей, склеенных из березы (снаружи) и можжевельника (в тыльной части), и костяных «рогов», выполняющих роль рычагов при натяжении. Он был усилен сухожилиями и защищен от влаги аккуратным наклеенным покрытием из бересты.

Эффективность такого сложного рекурсивного лука была выше, чем у английского, на 30 процентов. Но преимущества его этим не ограничивались. Мы помним, как 300 лет спустя английские лучники разгромили закованных в латы французских рыцарей при Креси и Азенкуре, ведя в основном неприцельную

¹⁷⁹ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв. М., 1966.

стрельбу по площадям. Русский лук, при натяжении которого надо было прилагать намного меньше усилий, давал воинам Святослава возможность стрелять точно в цель, причем в любую погоду. Эксперименты показали, что стрела, вылетающая из русского лука с большей скоростью, заметно более устойчива к ветру и даже сильному дождю. На расстоянии в 30 метров она летит почти по прямой, как пуля, сохраняя пробивную способность на 200 метрах. В стрелах и оперении русских и английских луков (из крепких маховых перьев гусей и других крупных птиц) большой разницы не было. За исключением наконечников, которые изготавливали на Руси более тщательно и аккуратно. Стрелы хранились в легких и прочных колчанах из дерева и бересты с крышками, оберегающими их от капризов природы. Идея втыкать стрелы в землю перед стрельбой подвижному русскому воину вряд ли пришла бы в голову.

Отличием воинов Святослава от бойцов иных стран и времен было практически полное отсутствие кинжалов. Вообще больших ножей размером с хлебный в Древней Руси найдено крайне мало. Лезвие в 10—15 сантиметров считалось вполне достаточным. Упора на прямой деревянной или костяной рукоятке ножа не было. Конструктивно заточенный с одной стороны нож дружинника не отличался от ножа смерда. Нож не рассматривался как оружие, но в экстремальной ситуации мог использоваться. Победив в борьбе без оружия кавказского богатыря Редедю, внук Святослава, князь Мстислав Владимирович, «ударил его о землю и, вынудив нож, ударил его в гортань ножом, и тут был зарезан Редедя», говорит Ипатьевская летопись. Кавказские воины сочли это честным поединком и покорились князю¹⁸⁰.

Саксы с запада и скандинавы с северо-запада заносили на Русь разной формы большие, до 40 сантиметров, воинские ножи-скрамасаксы, но те у нас не прижились. Зато распространено было своеобразное оружие, которым фольклор почему-то обычно воору-

¹⁸⁰ Никитин А. А. Текстология... С. 202.

жает разбойников. Это кистень — красивая, сложной формы, специально отлитая гирька со скобой, в которую вставлялась ременная петля. Кистенем можно было бить, как немецким боевым цепом-моргенштерном, его можно было даже бросать на расстояние ремешка, и он возвращался в руку опытного бойца. Также специально отливались навершия булав с узкой проушиной для древка. Дробящее оружие в X веке не было тяжелым, поскольку предназначалось для противников в легких доспехах.

Оружие соседей, которым Святослав рассылал грамоты о желании на них идти, не уступало вооружению его дружины. Скорее даже превосходило его. Главным признаком более высокой технологии служила длинная хазарская сабля, выкованная целиком из стали. В Великой Степи, простиравшейся от Венгрии до Тихого океана, культурное взаимодействие, торговля и разделение труда были в то время более развиты, чем у оседлых народов. Узкий, в среднем 3,5—3,8 миллиметра, и длинный клинок сабли (от острия до конца рукояти 110—117 сантиметров) был весьма твердым и одновременно крепким на излом. Даже его очень тонкое, сходящееся в иглу острие не ломалось при сильном ударе. Конечно, у хазар была не позднейшая легированная сталь персидских и турецких сабель XVII века. Обух клинка, в сечении сходящегося к режущей кромке на клин, был довольно толстым, до 0,7 сантиметра (я видел и более), и утоньшался к острию очень плавно. Рукоять с маленьким, только чтобы не соскользнула рука, перекрестьем не имела массивного навершия, которое могло бы хоть немного уравновесить саблю. Значит, степняков вполне устраивало, что их оружием нельзя фехтовать. Зато хазарской саблей можно было нанести на полном скаку очень тяжелый удар, прорубающий доспехи.

Более того, сабля служила колющим оружием. Об этом говорят форма острия и конструкция рукояти, плавно выпнутой в сторону режущей кромки. Такая «пистолетная» (в духе пистолетов XVIII века) рукоять делала направленный на противника клинок прямым

продолжением руки, позволяя поражать противника на максимальном расстоянии. Удобство, принципиально важное в конном бою. Хазарскую саблю в атаке можно было держать как палаш времен Наполеоновских войн, на вытянутой руке, направленной на противника, который с более коротким и не приспособленным для длинного выпада клинком не мог хазарина достать. Но это еще не всё. Очень тонкий и острый кончик клинка был предназначен для пробивания «брони», как тогда на Руси называли самый распространенный вид доспеха — кольчугу.

Кольчугу считают «русским» доспехом, хотя она была распространена по всей Евразии. Может быть, потому, что в Древней Руси действительно найдено много кольчуг, больше, чем где бы то ни было в X—XI веках. Только к временам Святослава из них относится более двух десятков. Кольчуга, укрывавшая тело воина от шеи до середины бедра и его руки до локтей, могла носиться в походе постоянно, как рубашка. Она не мешала движениям, не способствовала перегреву, спасала от тяжелых ран при прямом ударе меча и некаленой стрелы, сулицы, а при удаче и копья. Эксперименты показали, что кольчуга смягчала даже дробящие удары. Скользящие и не чрезмерно сильные удары она отражала совсем. Это было то, что нужно. Русские воины не искали абсолютной защиты — им нужна была достаточная постоянная защита.

Конструкция кольчуги дружинников Святослава была проста, но нашим современникам эта простота не общеизвестна. Выдающийся знаток древнерусского оружия А. Н. Кирпичников считает, что славяне заимствовали кольчугу в империи Карла Великого, который специально запрещал продавать им «оружие и броню» («*arma et brunias*»). С VIII—IX веков до времен Александра Невского включительно русские воины носили броню из рядов просечных колец, вырубленных из раскованного листа железа, и проволочных колец с концами, склепанными на крохотный гвоздик или шип. В сечении те и другие имели толщину 1,5—2 миллиметра и были чуть сплюснутыми в плоскости

кольца. Диаметр колец колебался на разной броне от 7—9 до 13—14 миллиметров. Иногда знатные воины украшали свои железные кольчуги каймами из медных колец¹⁸¹. Кольчуги целиком из клепаных колец появились гораздо позже, когда изготовлять проволоку мастерам стало легче, чем расковывать пластины для вырубания просечных колец. Тогда же кольца стали в сечении круглыми, а не овальными.

Современные исторические реконструкторы, убеждая тело от ударов, а рубахи от повреждений, нередко носят кольчуги на стеганых или кожаных одеждах. Это не дает телу возможность дышать и выводит мужчин из строя уже после получаса боевых действий. Как носили кольчугу Святослав и его дружина, мы знаем по раскопкам Гнездовского кургана № 24: там к кольцам прикипели в пламени погребального костра золотые нити от роскошно украшенной рубахи знатного воина. Бой был для дружинника праздником, к нему он упорно готовился всю жизнь, поэтому надевал под броню свое лучшее платье. Через ткань и кольца тело его могло свободно дышать.

На это был ориентирован и главный степной доспех X века: ламелляр, собранный на кожаных шнурах, пропущенных в отверстия небольших кованых железных пластин. Несмотря на небольшую, около 0,7 миллиметра, толщину каждой пластинки, он давал прекрасную защиту от стрел и даже копий. Дело в том, что пластинки одного ряда накладывались краями, удваивая защиту, а последовательные, от горла до живота, ряды пластин сильно заходили друг за друга, снизу вверх (противоположно чешуе), учетверяя прочность. Ряды были соединены с большим запасом свободного хода, поэтому ламеллярная кираса, закрывающая грудь и спину, не мешала движениям. При перевозке она складывалась в брусок, по высоте равный размерам пластин одного ряда (например, 5—7 сантиметров).

¹⁸¹ *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 3. С. 7—11 и таблицы.

Защитить тело без просветов, как кольчуга, ламелляр не мог. Византийцы, заимствовав его из Степи еще в VI веке, хорошо показали это на своих мозаиках, фресках и миниатюрах. Висящая на ремне под кирасой бронированная юбка (из множества или двух сегментов, чтобы садиться на коня) отвисала на животе. Просвет закрывался, только когда воин садился на коня. Плечи степного ламелляра шли от шеи и висели, как крылья. Византийцы сумели превратить их в короткий рукав, более длинный на внешней стороне плеча и короткий на внутренней. Они сделали кирасу достаточно гибкой, чтобы продолжить ее до самого плеча (при широкой сверху жесткой кирасе воин не может вытянуть руку вперед). И даже придумали для соединения кирасы и рукава полусферический наплечник — предок рыцарских доспехов. Но подмышки воина всё равно оставались открытыми (позже рыцари вставляли куски кольчуги в это место своих жестких доспехов).

Эти недостатки отчасти объясняют, почему простой и дешевый, легко чинившийся ламелляр не вытеснил кольчугу ни в дружине Святослава, ни в последующие века. Он использовался на Руси, но, по данным археологов, сильно уступал кольчуге в популярности. Воины Святослава не хотели менять свою броню на пластинчатый доспех. В том числе потому, что ламелляр всюду, и в Степи, и у ромеев, использовался как конный доспех. Он защищал от колющих ударов, снизу и прямых, но в меньшей мере — сверху: ведь ряды пластин накладывались, оставляя сверху небольшой зазор. Русская дружина X века сражалась пешей и предпочитала кольчугу. Когда в XII веке дружинники стали тяжеловооруженными конными воинами и оставили археологам больше характерных рыцарских шпор с острыми зубчатыми колесиками, чем все рыцари Западной Европы¹⁸², они сохранили кольчугу как основной доспех. Во время господства таранного уда-

¹⁸² *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. Л., 1973. С. 56—70.

ра тяжелой кавалерии при Александре Невском ламелляр надевали поверх кольчуги.

Совсем не приняли на Руси X века тяжелую и длинную хазарскую саблю. Она была специализированным оружием конного боя. Дружинники же являлись универсальными воинами. Много позже, когда на Русь с подобными саблями покатались волны половцев, наши ратники уже имели более удобные и легкие мечи, сменившие былинные каролинги. Но это не значит, что Святославу не нравились сабли вообще. Более короткие, тонкие (0,5—0,6 миллиметра) и легкие сабли в то время использовались разными народами в степях Поволжья, на Дону и территории современной Венгрии. Всюду это было красиво украшенное статусное оружие. Австрийцы до сих пор считают один из таких богатых клинков «саблей Карла Великого» и благоговейно хранят вместе с императорскими реликвиями в государственном музее Хофбург.

Изогнутая рукоять этих сабель, так же как и у хазар, позволяла наносить прямые уколы на максимально длинном выпаде. Заточенный от острия с двух сторон на четверть длины клинок, сохраняя преимущества сабли, придавал ей полезные свойства меча (например, возможность рубить возвратным ударом). Такие сабли, возможно попавшие в район Киева с селившимися там салтовцами, производились на Руси и были найдены в самых богатых воинских курганах. Не исключаю, что Святослава, как одного из двух знатнейших воинов его времени (наряду со Свенельдом), следует изображать не с мечом, а с такой саблей на боку.

Сабля, как самое передовое в то время клинковое оружие, носилась на специальном степном поясе с кольцами, ремни от которых спускались к кольцам на ножнах. Примерно так сабли и сегодня носят на парадах офицеры. Уже тогда деревянные, обтянутые кожей ножны имели металлический наконечник (он надевался на конец ножен, как плоский стакан). Кольца на сабле, которую мог носить Святослав, закрывались богато гравированными накладками из бронзы или серебра. Короткое перекрестье и навершие рукояти были

из тех же металлов. Резные металлические накладки могли украшать и полотно ножен. На рукояти почти обязательно крепилось кольцо под темляк — ремennую петлю, в которую всадник просовывал кисть руки, чтобы он мог выпустить из рук саблю, например, стреляя из лука.

Если же Святослав предпочитал меч, то его рукоять сверкала бронзой, серебром или всечками разных металлов попеременно, но ножны не были украшены. Резной наконечник ставился на них иногда — ведь меч был достаточно коротким, чтобы не задевать землю. Кроме того, он высоко висел на ременной перевязи через грудь, прижатой на талии воинским поясом. Все мечи того времени крепились одинаково, по образцу позднего римского кавалерийского меча — спаты. Плечевой ремень обматывался вокруг ножен и проходил через вертикальную скобу на их лицевой стороне, которая не позволяла ему соскользнуть вверх. Как ни странно, такой подвес в экспериментах показал себя устойчивым и даже удобным.

На голове у Святослава и его наиболее опытных воинов был сфероконический шлем с кольчужной пелериной-бармицей, как у всех тяжеловооруженных воинов Европы X века. Железный шлем выковывался из четырех сегментов, соединенных внакладку заклепками и опоясанных железным обручем. К нему снаружи крепились бармица, а изнутри — кожаный подвес, который не давал голове соприкоснуться с куполом (примерно как в современных строительных касках). Шлем надевался на войлочную, вязаную или сшитую из шерстяной ткани шапку в форме колпака или полусферы. Шапку, кстати говоря, мужчины на Руси не снимали, даже когда оставляли в сенях меч, входя в дом. Это уберегало их от перепада температур и сквозняков. То, что позже Святослав встретился с ромейским императором без шапки, могло означать его высокую степень неуважения к противнику.

Конечно, в шлемах допускались некоторые вариации. Например, сегменты могли быть соединены не внакладку, а приклепаны на вертикально поставленные

полуобручи, для пущей крепости. Мастер мог собрать шлем из трех, а то и двух сегментов. Он мог изобразить на лбу воина декоративные «глаза» и опоясать шлем растительным орнаментом. А мог, работая на суровых хазар, выполнить заклепки в виде граненых шипов.

Лица воинов были открытыми. Только у диких шведов в маленьком торговом городе Бирка кто-то имел необычный полусферический (!) шлем с полумаской, имеющей большие «совиные» глаза. Похожая, но богато украшенная полумаска, уберегающая от рубящего удара в лицо, найдена без шлема в древнем Киеве. В Степи, видимо, в это время уже появились шлемы с полной маской, в деталях изображающей человеческое лицо. Вне боя она вертикально поднималась на петле на лбу шлема и крепилась ремнем к кольцу на его куполе. Возможно, старую традицию римских конных шлемов с масками продолжали в Восточной Римской империи. По крайней мере Святослав, упорно желавший сразиться с главным ромеем, зарубил сплошь закованного в латы главу его телохранителей в уверенности, что сразил императора. Но это было отступление от общей тенденции иметь в бою лица открытыми. Даже плоские железные «носы» на массовых сфероконических шлемах, к которым крепилась закрывающая лицо бармица, вошли в моду только в следующем столетии.

Важным, но при Святославе еще не определяющим оружием былинного времени был боевой конь. Его снаряжение на Руси, реконструированное Кирпичниковым, поражает роскошью: оно все изукрашено сверкающими металлическими бляшками (серийного производства). Тут надо заметить, что по бляшкам мы и узнаём, например, форму конского оголовья, ведь его кожа не сохранилась. Неудивительно, что русские кони вообще представляются нам в «уздах золотом кованых», как у былинных богатырей, даже если «золото» — это штампованная бронза, залитая для солидности изнутри свинцом.

Все элементы снаряжения боевого коня X века, включая седло, знакомы нам и используются с неболь-

шими изменениями сегодня. По некоторым позициям, например, стременам и шпорам, в том числе богато украшенным, Русь опережала все другие европейские страны, что является как заслугой наших мастеров и их заказчиков-воинов, так и в немалой степени успехом наших археологов. Во времена Святослава круглые в месте опоры ноги стремяна говорят нам о мягкой военной обуви, без твердой подошвы. А простые шпоры с небольшим шипом, как современные спортивные, — о том, что всадник не был перегружен доспехами и легко находил общий язык с конем.

Утраченную сегодня прекрасную идею раскрывают сохранившиеся металлические рукоятки плетей со странностями на вид лирообразными металлическими подвесками на кольце, к которому крепилась ременная плеть. Реконструкция показала, что эти подвески звенят, как камертоны, показывая лошади, что всадник желает выполнения приказа, и если не дожидается этого — может ударить. При этом сделать две одинаково звенящие пласти почти невозможно! Лошадь очень тонко воспринимает мир на слух, а мы используем это хуже, чем делали воины Святослава.

Суммируя наблюдения Кирпичникова в книге о снаряжении всадника и верхового коня на Руси, надо признать, что князь располагал отлично снаряженной для боя и похода конницей. Но сражаться против степняков ему было выгоднее в пешем строю. Русская броня была более уязвима для стрел, чем степной пластинчатый доспех. Щит не крепился к левому локтю и не мог использоваться в бою, чтобы закрыть лицо, — ведь левой рукой всадник держал повод. Если дружинники Святослава были величайшими мастерами, способными в суматохе боя управлять лошадью ногами, корпусом и голосом (что даже у лучших военных кавалеристов впоследствии не было принято), то щит в левом кулаке не давал возможности, например, стрелять из лука. В то время как степной локтевой щит не мешал править лошадью и стрелять. Не слишком многочисленные мечи русов доставали лишь на короткое расстояние. Сабли их тоже были короче хазарских, не

только длинных, но и массовых. Наконец, самый лучший боевой конь слишком нежен, уязвим и непредсказуем, чтобы обеспечить боевое взаимодействие сверхстойких воинов Святослава, стоявших за други своя, несмотря на усталость, кровь и раны.

Не превосходя соседей оружием, русская дружина прославится своим боевым духом и мастерством. Обратите внимание: все знаменитые сегодня иностранные школы боевых искусств пестуют мастерство индивидуального боя. Все зарубежные фильмы демонстрируют победы и одоления индивида, на которого ополчаются толпы врагов. Потому что эти толпы, в свою очередь, состоят из крайних индивидуалистов. Никто и не думает представить «групповой Шаолинь». Потому что такового нет.

Но русы формировались именно как боевой коллектив. Еще до Святослава в основе их воинского обучения и действий лежала тактика группового боя, в котором два воина в три раза сильнее, чем один. Когда Суворов спокойно утверждал, что соотношение сил один к пяти гарантирует русским победу, он имел в виду не то, что один русский солдат сильнее, храбрее или умелее пяти иностранных. Он был уверен, что любой отряд его солдат непременно разобьет более многочисленного неприятеля, потому что этот отряд действует как «одушевленный могучий организм».

Все последующие битвы Святослава показали, что единство, заложенное в самом понятии «дружина», вместе с двадцатью годами совместного воинского обучения, дает русам чудесный, воистину волшебный перевес над иноземными противниками. И гибель князя станет неизбежной, когда его дружина разделится.

Домашние заботы

Первой заботой Святослава, по Древнейшему сказанию и здравому суждению, было формирование непобедимого русского войска. Но как можно было заниматься военными тренировками 20 лет? Легко! Если

речь шла именно об отработке боевого взаимодействия. В римском легионе оружие было не более разнообразно, чем в дружине Святослава. Тем не менее легионеры тренировались постоянно в течение 25 лет службы, как «чудо-богатыри» Суворова, вооруженные лишь мушкетом со штыком. Минимальная срочная служба в Риме первоначально составляла 6, затем 16 лет, после чего легионеры считались уже вполне надежными ветеранами и служили до 25 и более лет. При Цезаре «были чрезвычайно храбрые легионы из ветеранов, — писал его легат Авл Гирций, продолжая книгу патрона «Записки о Галльской войне», — 7-й, 8-й и 9-й; большие надежды подавала и отборная молодежь 11-го легиона, прослужившая уже 8 лет, но по сравнению с остальными пока еще не приобретающая себе репутации такой же боевой опытности и храбрости». При Суворове срок солдатской службы вообще не был установлен; ветераны оставались в строю, пока могли его держать¹⁸³; лишь в конце XVIII века был введен срок 25 лет.

Для того чтобы придать новобранцу-рекруту внешний вид и манеры солдата, самому Суворову, когда он командовал полком, требовалось несколько недель. Только после долгих индивидуальных занятий новобранец передавался в роту. Но и там он мог встать в «строй со старыми рядовыми» минимум через месяц занятий с ротным капитаном, сержантом и старым солдатом-наставником. И в легионе, и в суворовском полку человеку, которого сначала делали внешне похожим на бойца, на вид бойким и удалым, начинали доверять нести службу вместе со старшими товарищами едва через год. Настоящим солдатом, «старым рядовым», он считался через несколько лет. Ветераном, которому командир мог позволить носить усы, — через 7—10 лет. После этого он мог получить и раз-

¹⁸³ Причинами отставки из строя, по законам Российской империи, были «раны, болезни, увечья, старость и дряхлость». Но даже таких солдат Суворов предпочитал оставлять в полку, находя им нестроевые занятия (починка обуви, например).

решение на брак. Средний возраст солдата-отца при рождении первенца составлял 40 лет.

В легионе Цезаря и полку Суворова ценились не юношеская энергия и задор, но отработанное годами взаимодействие солидных мужчин в бою, походе и лагерной жизни¹⁸⁴. Конечно, и Цезарь временами публично хвалил центуриона, лично сразившего массу врагов перед строем товарищей. И Суворов отмечал в приказах и рапортах солдата или сержанта, который «порвал штыком» нескольких вражеских кавалеристов. Но лишь в тех случаях, когда их личная доблесть не нарушала боевого взаимодействия, служила воодушевлению товарищей и примером военного мастерства.

Одобрение обоих полководцев вызывала разумная, проверенная опытом инициатива, а гнев их обрушивался на любое отступление от дисциплины и четкости выполнения приказов, мотивированное «храбростью» и воинским задором. Цезарь метал громы и молнии в храбрецов, атаковавших без приказа. Суворов запрещал без приказа даже кричать «ура!». И их весьма пожилые войска, не без труда переставляя ноги (большинство стремительных походов солдаты Суворова делали на полковых и наемных телегах, а легионеры Цезаря с помощью легионных лошадей и мулов), уверенно побеждали несметные толпы храбрых, отлично вооруженных, индивидуально тренированных, полных юношеской энергии врагов.

Личная дружина Святослава, которому самому исполнилось всего 25 лет, явно была моложе (в отличие от ветеранов Свенельда). Но и она была изначально элитарным сообществом русов, стоящих «над» массой славян и финно-угров благодаря объединяющему их воинскому духу и мастерству. Как солдаты Суворова, требовавшего прежде всего истребить в них все следы «подлых» крестьянских нравов, дружинники Святослава отличались от подданных смердов и даже «градских

¹⁸⁴ Как и сегодня в «горячих точках» успешно действуют отряды наших ветеранов, временами специально призванных из отставки, зато не несущих потерь.

мужей» не просто внешним видом (после Ольги — ромейским), но прежде всего чувством причастности к особому, высшему военному сословию.

Эта «особость» воинов в обществе, как показали последующие века, не означала конфликтности их существования, но была необходима для поддержания особого духа. «Хотя рядовому с крестьянами, кроме тех, которые из них в пьяных и иных мотовских подлых, грубых и беспокойных поступках обращаются, на квартирах сообщение иметь не воспрещается, — писал в «Полковом учреждении» Суворов, — но совсем военным правилам противно, что к их виду, образу, ухваткам, рассуждению и речам хотя мало солдату привыкать. Однако при том обходиться с ними (крестьянами) ласково и ни в чем их ни словом, ни делом не обижать».

Дружинники носили особую одежду, между прочим, те самые расшитые (у воевод золотом) поздне-римские рубахи, которые мы сегодня воспринимаем как русские, и разрезные кафтаны с множеством литых пуговиц, которые к X веку из ромейских воинских кругов появились даже при императорском дворе, а на известном византийском изображении зафиксированы у воинственных болгар. Дружинные украшения, прежде всего воинский пояс и сумка-ташка, не имели соответствий в племенных традициях.

По русским изобразительным источникам, сохранившимся со второй половины XI века (двум изображениям княжеских семей, иконам первых русских святых Бориса и Глеба и пр.), мы видим, что взрослые члены господствующего сообщества (еще не превратившегося в закрытое сословие) носили мягкие византийские сапожки, довольно узкие штаны и длинные, ниже колен, верхние рубахи. Эти льняные или шерстяные крашенные рубахи с узкими рукавами были цветными, украшенными отделкой вокруг ворота, по плечам и запястьям. По сохранившейся более поздней рубахе такой же формы (Роджера Сицилийского) и фрагментам княжеской одежды XI века (не распавшимся благодаря золотому и серебряному шитью) можно судить,

что украшения рубах, которые мы видим на изображениях, были из шелка и бархата, расшитые золотом, серебром, жемчугом, бисером и цветными нитками, с мелкими золотыми и серебряными накладками, украшенными по углубленному узору цветной эмалью.

Подданные и «отроки» в дружинной среде могли носить рубахи выше колен (как и скоморохи на фреске Софии Киевской). Знатным же людям, первыми из которых были воины «старшей дружины», показывать колени было зазорно иначе, чем в бою. Здесь мы приходим к пониманию смысла и времени получения воинского пояса, которым дружинник гордился не меньше, чем в Западной Европе «опоясанный рыцарь». На восточноримских и русских изображениях подол воинской рубахи под доспехами почти всегда чем-то подтянут вверх. О том, что открывающий колени подол не просто свободно висит, говорят характерные складки. На самых ранних русских изображениях расправленных длинных рубах мы видим свисающие с воинских поясов над бедрами парные ремешки. Такие совершенно непонятные сегодня ремешки сохранились на «кавказских» поясах, украшенных серебряными накладками подобно воинскому поясу воинов Святослава. Мысленно продолжив складки подтянутых вверх подолов рубах, уходящих под доспехи святых воинов на изображениях, мы приходим к их креплению именно в местах этих странных ремешков. Статусная длинная рубаха и дружинный серебряный пояс явно образуют пару. Проще говоря, то и другое воин должен был своими личными качествами заслужить, как сегодня краповый берет.

Когда свой пояс получил Святослав, мы не знаем. Почти три столетия спустя, когда наследственный статус князя стал безусловным, юный Александр Ярославич, впоследствии за укрепление русско-шведских отношений мечом прозванный Невским, потерял свои детские кудри под ножницами епископа Симеона, был препоясан и посажен на коня примерно в пять лет¹⁸⁵.

¹⁸⁵ Богданов А. П. Александр Невский. С. 85.

Святослав бросил копьё в бою, сидя на коне, тоже в пять лет. Как князь — предводитель воинов — он, возможно, был уже опоясан. Но простому отроку, пришедшему в дружину неведомо откуда, такую честь надо было заслужить многими годами тренировок и беспрекословного послушания старшим дружинникам.

Отроки в былинные времена обслуживают князя, его семью и старших товарищей на пирах, выступают загонщиками на охоте, посыльными и т. д. Совсем как молодые солдаты в армии. Нигде не подчеркивается, что они в то же самое время упорно учатся воинскому делу, чтобы оказаться в старшей дружине. Не исключено, что самого Святослава и отроков, начавших обучение вместе с ним, так же гоняли воины Свенельда. Ведь старшей дружины его отца не было на свете. Пример, который молодая дружина Святослава не должна была повторить, был очевиден.

Это не значит, что Святослав со товарищи беспрерывно махал мечом, бил копьём, метал сулицу и стрелял из лука, ходил в летние походы на ладьях и конях, а в зимние по замерзшим рекам на конях и на лыжах, в свободное время слушая наставления старших дружинников и полируя их доспехи. Вся повседневная жизнь древних русов была посвящена подготовке к войне. Начиная с княжеского «стола» — застолья, где старшие воины пировали и «вспоминали минувшие дни», а отроки служили им и мотали мудрость выживших в боях, а значит, умных собратьев на едва пробивающийся ус. Застольем прославился в жизни, летописях и былинах сын Святослава Владимир Святой. Но и отец не мог без них обойтись — общий стол объединял его дружину.

Пирь, при беспокойности дружинной жизни, устраивались не периодически. Более четкий график имели праздники служения дружинному богу Перуну, с которым мы лучше познакомимся, посетив далее языческое капище сына Святослава, князя Владимира. Но дружинники не уклонялись и от общих праздников славянских племен. Эти языческие праздники благополучно дожили до XVI века, когда Иван Грозный

подробно спрашивал о их допустимости созданный им церковный собор¹⁸⁶. Их отголоски заметны и сегодня.

Разъезжая по городам и весям, давая княжий суд, собирая дани и оброки, Святослав с малолетства был причастен к общей обрядности восточных славян. Он жег костры и «кликал мертвых», поминая предков и призывая их на помощь зимой. Отмечая начало каждого месяца, он с друзьями калядовал. В начале весны чествовал Масленицу, а в конце, во время молений о росте и благополучии взошедших на полях хлебов, развлекался играми скоморохов, пением и плясками. Праздник появления первых ростков-кринов 2 мая побуждал славян благодарить богов столь активно, что вскоре после Крещения Руси церковь постаралась превратить его в первый русский христианский праздник — день святых Бориса и Глеба. Их даже на иконах стали изображать с крином.

4 июня все праздновали Ярилин день. «Ярило — добрый молодец, на белом коне разъезжает, на русых кудрях венки, в левой руке ржи пучок, в правой палица. Взмахнет Ярило рожью — нивы тучнеют, хлеба колосятся; взмахнет палицей — громы гремят, дожди льют. Куда конь ступит, там трава шелковая с лазоревыми цветами стелется». По этнографическим наблюдениям, Ярилой мог выступать голый, светлоглазый и кудрявый парень в цветочном венке, с колосьями и палицей, или девица в белой мантии на белом коне, с черепом в одной руке и колосьями в другой. Где его образ появится — будет хороший урожай, на кого Ярила посмотрит — тот влюбится¹⁸⁷. Ярила, «распространяющий весенний или утренний солнечный свет, возбуждающий растительную силу в травах и деревьях и плотскую лю-

¹⁸⁶ Стоглав: Российское законодательство X—XX вв. В 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1984. С. 241—498. Реконструкция обрядности: Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981; *он же*. Язычество Древней Руси.

¹⁸⁷ Древянский П. Белорусские народные предания. Кн. 1 // Прибавления к Журналу Министерства народного просвещения. СПб., 1846.

бовь в людях и животных, юношескую свежесть, силу и храбрость в человеке»¹⁸⁸, напоминает древнегреческого Эроса — порождение Хаоса и светлого дня, — оплодотворяющего землю бога весны и любви. Этот древнейший из богов покровительствовал страсти, ярости равно в любви и в бою. Как и все древние боги, он служил созиданию и разрушению одновременно.

Знаменитым доселе праздником плодородия был день летнего солнцестояния, привязанный в христианской традиции к дню рождения Иоанна Предтечи 24 июня. Иван Грозный называл этот праздник русалиями. Христианские летописцы представляли их с внешней стороны, как «бесовские игрища» с музыкой (трубами и гуслиями), скоморохами, песнями и «потехами с плясанием». Стоглавый собор осуждал русалии на Ивана Купалу (как и в ночь перед Рождеством), когда «сходятся мужи, и жены, и девицы на ночное купание, и на бесчинный говор, и на бесовские песни, и на плясание, и на скакание, и на богомерзкие дела. И бывает отроком осквернение и девам растление. И когда мимо ночь ходит, тогда отходят к реке с великим криком, как бесы, и умываются водою. И когда начнут заутреню звонить, тогда отходят в дома свои и падают как мертвые от великой усталости».

Летние русалии были обрядом очищения огнем и водой, укрепления связей с предками, когда пары, взявшись за руки, прыгали через костры, вспоминая о переходе родовичей из этого в лучший мир. Но главный смысл был именно в уютном богам соединении очистившихся девушек и юношей, мужчин и женщин в обряде плодородия. Ритуал лишь помогал в этом. Искать в лесу растущие низко-низко маленькие цветочки папоротника обнаженные пары отправляются более тысячи лет. Многие в древности знали, что папоротник даже в волшебную Купальскую ночь не цве-

¹⁸⁸ Наблюдения по Архангельской губернии: *Ефименко П. С.* О Яриле, языческом божестве Русских Славян // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1868. Т. 2. С. 79—112.

тет. Тем не менее люди были довольны результатом поисков, находя в лесу гораздо большее, чем цветы.

На Купалу люди предстояли богам и предкам обнаженными. Но начало этого и множества других праздников требовало от них быть ряжеными — носить странные одежды (хотя бы вывернуть шубу мехом наружу), ритуальные кожаные или берестяные маски, стилизованно изображавшие предков, богов и животных. Такому перевоплощению, судя по археологическим находкам и исследованиям этнографов, наши предки предавались с увлечением и изрядной фантазией.

Осенью после жатвы дружинники вместе с народом устраивали веселую коллективную охоту на птиц («перевесы»), а затем на крупных рогатых зверей («тенета»). После завершения всех сельских работ, в конце осени — начале зимы, поминовение усопших (в христианстве Дмитриевская суббота) начиналось «плачем об умерших», после чего люди непременно «упиваются и кошуны деют», кормя землю и призывая предков, как вечно живых, в помощь. «Покойнички на Русь Дмитриев день ведут, — верили и позже, — покойнички ведут — живых блодут».

Праздники зимнего солнцестояния, позднейшие христианские Святки, от Рождества до Нового года, Стоглавый собор XVI века обличал в безудержном народном «бесновании, различных играх и плясаниях... в нощи и... весь день». В это время «мужи, и жены, и дети» в домах, на улицах и на льду замерзших рек развлекались «всякими играми сатанинскими», оставшимися от язычества. Двенадцатидневный праздник зимних Святков не был христианским изобретением. Помимо веселых игр, пения и танцев люди вспоминали прошлое, слушая исполнявшиеся гуслеями эпические сказания, и гадали о желанном плодородии, вознося «славу хлеба», ворожа о суженом и т. п.

Святочные маскарады, когда надевшие «хари» и переменявшие одежду люди «глумились» друг над другом, превращались в совсем безумное веселье в Велесовы дни 1—6 января. Велес был богом богатства и плодovitости, так что неудивительно, что христиан-

ские проповедники обличали «русалий» характер творимых в честь него игр, полезных для умножения населения. Например, в святочной игре «в быка» юный Святослав был наряжен быком, а группа польщенных вниманием русского князя девушек «уворачивалась от охальных рогов тура». Менее пафосный отрок из княжеской дружины мог гоняться за девицами, стараясь их «клянуть», нарядившись гусем. Финал в любом случае был понятен и желанен как пойманной девице, так и ее роду, стремящемуся получить свежую здоровую кровь. Нет сомнений, что мирные походы княжеской дружины по Руси и ее участие в народных праздниках способствовали популярности идеи единого князя русского и умножению его дружины новыми отроками.

Сегодня на Руси мы видим больше всего в мире праздников и нерабочих дней. Предки не меньше нас любили отдыхать и веселиться, собираясь в любую погоду, невзирая на зной и дождь, снег и вьюгу, на скomorошьи спектакли-«позорища», игры и пляски в любой свободный день, круглый год. Например, в «день недели», по воскресеньям, устраивали «трапезы Роду и Рожаницам», «написавши жену в человеческий образ» и поклоняясь ей.

Дружина Святослава любила и умела отдыхать с пользой для Матери сырой Земли, воплощения великой богини плодородия, любви и смерти, и для Рода, бога Отечества. Если внутренним их символом служения громовому богу Перуну был волк, то вовне, к народу, был обращен образ ярого быка-тура. Языческие праздники и игры, обеспечивающие связь поколений через поклонение предкам и служение культу плодородия, вели, при удаче бойких славянских девиц, к женьтибе и детям.

У Святослава в языческом браке родилось, точнее — выжило и стало известно нам, трое детей. Первенцем был Ярополк (родившийся около 956 года), вторым Олег, третьим Владимир. Мы знаем только мать последнего — Малушу Любечанку. Она была ключницей княгини Ольги. Ключи тогда не доверяли чужому — только доверенному холопу. Малуша

принесла Ольге клятву пожизненной верности и стала фактически младшим членом княжеской семьи. Владимира она родила около 960 года, когда Святославу было уже 20 лет. Женой князя Малуша не стала, но сына он признал, а бабушка внука вырастила. Свой долг перед родом Святослав выполнил и мог спокойно предаваться иным, более опасным занятиям.

Главным воинским развлечением, помимо тренировок и боевых игр, служила охота. Она укрепляла тело и дух, помогала формированию полезных навыков взаимодействия в меняющихся условиях. Ей Владимир Мономах, славный князь, живший через 150 лет после Святослава, уделил немалое внимание в первых сохранившихся на Руси мемуарах — «Поучении» детям-князьям, написанном около 1117 года и дошедшем до нас в составе Лаврентьевской летописи¹⁸⁹. «Вот когда жил я в Чернигове, — вспоминал в старости великий князь Киевский, — я трудился, охотясь», устраивая загонную охоту раз по сто в год, «не считая другой охоты у Турова, где с отцом охотился на всякого зверя. А вот что я делал в Чернигове: коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура (огромных первобытных диких быка, каких уж ныне нет. — А. Б.) метали меня рогами вместе с конем. Олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал. Вепрь у меня на бедре меч оторвал. Медведь мне у колена потник (подстилку на лошадь под седло. — А. Б.) укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул. И Бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал и руки и ноги свои повреждал — в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей».

Не щадить головы на охоте, демонстрируя свою ловкость и бесстрашие дружине по сто раз в год, было

¹⁸⁹ Публ. с переводом: Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 2.

обязанностью князя, который хотел иметь уважение воинов. Настолько безусловной, что это прочно вошло в привычку царственных особ. Царь Михаил Федорович в XVII веке частенько ходил с рогатиной на медведя; сын его Алексей делал то же в минуту кручины; внук Федор, по слабости здоровья, ограничивался бешеной скачкой на конях и стрельбой из лука по подброшенным в воздух войлочным колпакам. Французские короли проводили изрядное время на охоте вплоть до Великой революции.

Святослав, безусловно, и диких коней руками ловил (раз его потомок признал это самым заслуженным), и колоссальных быков-туров валил, и за оленем скакал, и с лосем (кто бы подумал, что это животное так опасно!) сражался, а уж медведей и вепрей просто перед завтраком на рогатину принимал. В отличие от Мономаха, потерявшего во время битвы с очередным зверем в черниговских лесах свой большой золотой амулет-змеевик (на одной стороне архангел Михаил, на другой — Медуза-Горгона), Святослав не оставил нам материальных свидетельств своих приключений. Но в том, что они плотно наполняли 20 лет его мирного воинского обучения, сомневаться не приходится.

Интересно, что все описанные великим князем виды охоты, в том числе с ловчими птицами, были на коне. И летопись подчеркивает, что Святослав и его воины в походах спали на потниках, с седлом в головах. Конные походы по извечно прославленному русскому бездорожью Мономах описал в завещании как первое и более трудное по сравнению с охотой княжеское дело. «А теперъ поведаю вам, дети мои, — писал он сразу после нравственных наставлений, — о труде своем, как трудился я в разъездах и на охоте с тринадцати лет». До того как получить в возрасте 25 лет княжий стол в Чернигове, он совершил из Переяславля Южного 20 «великих путей» между пятью подлежащими его управлению городами, проскакав за 12 лет по меньшей мере 16 тысяч километров. Затем настали военные годы, и походы князя умножились. Он мчался

с дружиной в Польшу, четыре месяца воевал в лесах Чехии, много раз ходил в степи на половцев, управлял княжеством Смоленским, неведомо как раздобыл себе бежавшую из Англии жену Гиту Уэссекскую, дочь павшего в битве при Гастингсе короля Гаральда (что подвигом не считал), и снова отправился в походы.

Мономах описывал, как стремительно скакал во главе воинов из Переяславля в Туров и обратно, из Смоленска зимой в Новгород, оттуда летом в Полоцк, затем в Чернигов, оттуда в Смоленск и вновь в Чернигов. Как «опять из Смоленска же придя, пробился я через половецкие войска с боем до Переяславля», потом войной в Чернигов и назад в Переяславль. Узнав, что князь Всеслав сжег Смоленск, Владимир с черниговскими воинами полетел туда, как на крыльях, с «подводными конями» в поводу. Не застав врага, он преследовал его до Лукомля, Логожска и Друцка, откуда все вернулись в Чернигов.

Повседневная жизнь князя складывалась из пиров, когда возможно, охоты, на которую не жалели свободного времени, и бесконечных походов, случавшихся часто против его желания. Даже молиться князь советовал детям, «едучи на коне», ибо специального времени для молитвы найти нелегко. Только сев на престол в Чернигове, Мономах узнал, что «в ту зиму повоевали половцы Стародуб весь. И я, идя с черниговцами и со своими (союзными) половцами, на Десне взяли в плен князей Асадука и Саука, а дружину их перебили. И на следующий день за Новым Городом разбили сильное войско Белкатгина», освободив множество пленных.

Тут оказалось, что не вся Русь хочет жить под властью Рюриковичей, а летописи упоминают только подвластные им города. Мы знаем это по археологии, но только Мономах в «Поучении» детям, написанном не для широкой публики, признаёт это совершенно между делом. В лесной земле вятичей, оказывается, не только прочно сохранялось язычество. Там были свои правители, Ходота с сыном, и своя столица «Корьдно». Против них князь совершил два зимних похода, о результатах коих предпочел умолчать.

Его уже ждали бои с князьями-соперниками в неудачной погоне «за Микулин», весной — княжий совет в Бродах, «в том же году гнались за Хорол за половцами, которые взяли Горошин. На ту осень ходили с черниговцами и с половцами-читеевичами к Минску, захватили город и не оставили в нем ни челядина, ни скотины. В ту зиму (снова) ходили к Ярополку на сбор в Броды и дружбу великую заключили. И на весну посадил меня отец в Переяславле выше всей братии, и ходили за Супой. И по пути к Прилуку городу встретили нас внезапно половецкие князья, с восьмью тысячами, и (мы) хотели было с ними сразиться, но оружие (наше) было отослано вперед на возах, и мы вошли в город; только семца одного живым захватили да смердов несколько, а наши половцев больше убили и захватили, и половцы, не смея сойти с коней, побежали к Суле в ту же ночь. И на следующий день, на Успение, пошли мы к Белой Веже, Бог нам помог и святая Богородица: перебили девятьсот половцев и двух князей взяли, Багубарсовых братьев, Осеня и Сакзя, и только два мужа убежали. И потом на Святославль гнались за половцами, и затем на Торческ город, и потом на Юрьев за половцами. И снова на той же стороне, у Красна, половцев победили, и потом с Ростиславом же у Варина вежи (башни. — А. Б.) взяли. И затем (я) ходил во Владимир опять, Ярополка там посадил, и Ярополк умер. И снова, по смерти отца и при Святополке, на (реке) Стугне бились мы с половцами до вечера, бились у Халепа, и потом мир сотворили с Туторканом и с другими князьями половецкими, и у Глебовой чади отняли дружину свою всю.

И потом Олег на меня пришел, — продолжает Мономах, — со всею Половецкою землею к Чернигову, и билась дружина моя с ними восемь дней за малый вал и не дала им войти в острог; пожалел я христианских душ, и сел горящих, и монастырей и сказал: “Пусть не похваляются язычники”. И отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы на святого Бориса день из Чернигова и ехали

сквозь полки половецкие, около ста человек, с детьми и женами. И облизывались на нас половцы, точно волки, стоя у перевоза и на горах, — Бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля.

И сидел я в Переяславле три лета и три зимы с дружиною своею, и много бед приняли мы от войны и голода. И ходили на воинов их за Римов, и Бог нам помог, перебили их, а других захватили. И вновь Итлареву чадь перебили, и вежи их взяли, идя за Голтав. И к Стародубу ходили на Олега, потому что он сдружился с половцами. И на Буг ходили со Святополком на Боняка, за Рось. И в Смоленск пошли, с Давыдом помирившись. Вновь ходили во второй раз с Вороницы. Тогда же и торки пришли ко мне с половцами-читеевичами, и ходили мы им навстречу на Сулу. И потом снова ходили к Ростову на зиму, и три зимы ходили к Смоленску. Из Смоленска пошел я в Ростов. И опять со Святополком гнались за Боняком, но... не настигли их. И потом за Боняком гнались за Рось, и снова не настигли его. И на зиму в Смоленск пошел; из Смоленска после Пасхи вышел...

В Переяславль вернувшись к лету, собрал (я) братьев. И Боняк пришел со всеми половцами к Кснятину; мы пошли за ними из Переяславля за Сулу, и Бог нам помог, и полки их победили, и князей захватили лучших, и по Рождестве заключили мир с Аепю, и, взяв у него дочь, пошли к Смоленску. И потом пошел к Ростову. Придя из Ростова, вновь (я) пошел на половцев на Урусову со Святополком, и Бог нам помог. И потом опять ходили на Боняка к Лубну, и Бог нам помог. И потом ходили к Воиню со Святополком, и потом снова на Дон ходили со Святополком и с Давыдом, и Бог нам помог. И к Вырю пришли было Аепа и Боняк, хотели взять его; к Ромну пошли мы с Олегом и с детьми на них, и они, узнав, убежали.

И потом к Минску ходили на Глеба, который наших людей захватил, и Бог нам помог, и сделали то, что задумали. И потом ходили к Владимиру на Ярославца, не стерпев злодеяний его».

Я специально привел, сильно сократив в начале, это перечисление походов, более подробное, чем описано в летописях. Этот рассказ о непрерывной скачке воинов по не отягощенной дорогами Руси пугает даже на слух. Хотя и выясняется, что после легендарных времен Святослава князя дали дружинникам послабление. За исключением отдельных стремительных рейдов с заводными конями, они ходили в походы с обозом, положив тяжелое оружие (броню, шлемы и щиты) на телеги. Составитель «Повести временных лет», работавший за несколько лет до того, как Владимир написал «Поучение», недаром счел необходимым вслед за предшественниками подчеркнуть, что Святослав, «войны многие творя», «легко ходил, как барс», без обоза, шатров и даже котлов — «такими же были и все остальные его воины».

Половецкие воины тоже имели обозы и передвигались, даже с использованием запасных и вьючных коней, ненамного быстрее русских. По вооружению противники были похожи, разве что половцы в большей мере употребляли длинные сабли, а русские — ставшие более дешевыми и крепкими мечи. Общим был круглый выпуклый, крепящийся ремнями на плече щит. Однако у русских он сочетался с выгнутым византийским щитом в виде вороньего клюва или перевернутой капли, какими вооружены норманнские воины на знаменитом ковре из Байо. Оба, круглый и вытянутый щиты не только крепились на руку, но и вешались на ремне на шею — это необходимо, чтобы правильно прикрываться щитом при таранном ударе длинным копьем.

На постепенное распространение таранного удара (по сути, на утверждение в Русском поле рыцарской конницы) указывают появляющиеся во времена Мономаха шпоры с зубчатыми колесиками. На Руси XII века их найдено больше, чем в Центральной и Западной Европе, и датируются находки, согласно Кирпичникову, более ранним временем. При Мономахе и особенно после него намного тяжелее и крепче становятся русские шлемы, с защитой носа, к которой

крепилась кольчужная бармица, и даже с полными стальными масками, поднимающимися по степному образцу. Половецкие шлемы, в том числе с такими забралами, отличаются от русских разве что большей угловатостью. Одновременно с распространением звездчатых шпор и тяжелых шлемов на Руси начинается применение двойной брони, когда на кольчугу надевали ламелляр. Ту же тенденцию, но без шпор, мы наблюдаем у степных противников русских дружин. Воинство становится все более тяжелым, профессиональным и элитарным.

Мономах, как и составитель «Повести временных лет», почитал доблесть предков и подчеркивал, обращаясь к детям, что князь — первый среди воинов. «Что надлежало делать отроку моему, то сам делал, — с гордостью написал он, — на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах и о ястребах заботился».

Это правда. О рачительности князя наглядно свидетельствуют результаты раскопок его замка в Любече с высоким валом, крепкими стенами и башнями, богатым дворцом, хорошо устроенными службами. Дорога от княжьего града Чернигова до Любеча, протяженностью 60 километров, была поделена сторожевыми курганами на участки, на каждом из которых Владимира ждали запасные кони. Князь не хвастался, говоря, что «из Чернигова в Киев около ста раз ездил к отцу, за один день проезжая до вечерни (это 140 километров. — А. Б.). А всего походов было восемьдесят и три великих, а остальных и не упомяну меньших». То есть даже тот список походов, который нас поразил, был неполон!

Помимо охоты, походов и войны князя занимала дипломатия. Он гордился, что «миров заключил с половецкими князьями без одного двадцать, и при отце, и без отца, а раздаривал много скота и много одежды

своей. И отпустил из оков лучших князей половецких столько: Шаруканевых двух братьев, Багубарсовых трех, Осеневых братьев четырех, а всего других лучших князей сто. А самих князей Бог живыми в руки давал: Коксусь с сыном, Аклан Бурчевич, таревский князь Азгулуй и иных витязей молодых пятнадцать, этих я, приведя живых, иссек и бросил в ту речку Сальню. А врозь перебил их в то время около двухсот лучших мужей». Мономах знал, как быть убедительным на переговорах с беспокойными соседями Руси!

Не столь яркой, но повседневной деятельностью князя были справедливость и благотворительность. Прежде всего он считал себя обязанным защищать слабых. «Также и бедного смерда и убогую вдовицу не давал в обиду сильным», — с гордостью писал Мономах. «Милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра», — советовал он сыновьям. «Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите, и подавайте сироте, и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека».

Как первый среди мужей, князь должен был являть пример чести, крепко держа слово. Как-то, рассказывал он, «встретили меня послы от братьев моих на Волге и сказали: “Поспеши к нам, и выгоним Ростиславичей, и волость их отнимем; если же не пойдешь с нами, то мы — сами по себе будем, а ты — сам по себе”. И ответил я: “Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить”». «Если же вам, — обращался Мономах к сыновьям, — придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей».

Нравственный кодекс князя, судя по всему, не слишком изменился после принятия христианства. То, что Мономах советовал своим сыновьям, язычник Свенельд вполне мог внушать язычнику Святославу: «И в земле ничего не сохраняйте (то есть не зарывайте кладов. — А. Б.)... Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем сами

наблюдайте. Не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам, ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод. Ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью. Сторожей сами наряжайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано. А оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего. Более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, — то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте им (женщинам во множественном числе! — А. Б.) власти над собой».

«Что умеете хорошего, — учил Мономах, — то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь, как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Лениость ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее... Пусть не застанет вас солнце в постели... Спать в полдень назначено Богом; по этому установленью почивают ведь и зверь, и птица, и люди».

Естественно, и Святослав с дружиной спали в полдень, особенно летом, когда кони хорошо идут по утренней и вечерней прохладе, а днем должны отстояться. И он, по описанному его потомком, «садился думать с дружиною, или собирався творить суд людем, или ехал на охоту или на сбор дани, или ложился спать» — всё, как заведено. О реальном наполнении

двадцатилетней жизни Святослава походами, вероятно, местными войнами и отражением набегов печенегов, путешествиями и т. п. мы не знаем. Впрочем, мы не ведаем большинства этих деталей и в жизни последующих князей.

Древнейшее сказание, а за ним летописи кратко описали только эпические подвиги Святослава и его дружины, принципиально важные для судьбы едва родившегося Русского государства и формирования его мировоззрения.

Великие пути

Правившая на Руси княгиня Ольга, потеряв сына как продолжателя своего дела административно-хозяйственного обустройства страны, могла под его командой направить энергию дружинных мужей и отроков на благие цели. Как государственный деятель, она просто вынуждена была использовать сына в качестве барса. Дружина должна была воевать против внешних врагов, иначе стала бы искать «чести и славы» дома. Княгине удалось продержать сына и его ратников в мире очень долго. Вечно это продолжаться не могло. Созданное с большими затратами войско — две трети дохода страны в год — должно было выступить. Главное было точно определить цель.

До Ольги князей-разбойников не волновало, что значительная часть восточных славян (в том числе регион нынешней Москвы) не входит в их сферу влияния. Жившие по Оке до самой Волги вятичи подчинялись Хазарскому каганату. Ходить туда в полюдь из бассейнов Днепра и Десны было неудобно, да и ссориться с хазарами, державшими выход на ценный для торговли и грабежа Каспий, князьям было не с руки. С хазарами они просто договаривались¹⁹⁰.

¹⁹⁰ *Коновалова И. Г.* Восточные источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2000. С. 221—225; *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X в. С. 134—142 (текст Кембриджского документа).

Государственная система Ольги делала присоединение земли вятичей выгодным, тем более что выше по Волге славяне успешно колонизировали земли союзных им финно-угорских племен муромы и мери со столицами в Муроме и Ростове. Еще выше по Шексне и Мологе лежали владения новгородских словен, через которые проходил водный путь в Балтику. Весь север, как мы помним, до Ольги князей-разбойников тоже не интересовал: он был отдан на откуп варягам, хорошо понимавшим значение Великого Волжского пути с точки зрения торговли и грабежа.

Княгиня смотрела на этот путь именно с точки зрения международной транзитной торговли. Она, торговая, шла от Великого шелкового пути на южном берегу Каспия до торговых городов на Северном море и была едва ли не более выгодной, чем вывоз товаров в Византию и перепродажа ромейских богатств на Балтике. Но для мирных караванов Великий Волжский путь был в начале правления Ольги перекрыт трижды. В среднем течении великой реки (примерно от современного Волгограда до Сызрани) купцов грабили воинственные буртасы. Расцветшая в X веке Волжская Булгария требовала с купцов пошлины, а часто их грабила. В Поволжье и Донских степях гнезился загнивающий, а потому особенно жадный Хазарский каганат.

Дальше по маршруту торговых ладей тоже было беспокойно. На берегах Каспия, помимо старых воинственных племен, яростно сражались друг с другом всадники под зеленым знаменем Пророка. Движение вдоль берегов моря на юг, где проходил Шелковый путь, было весьма опасно. Даже Вещий Олег, если это был он, с большими силами русов не смог удержать там город Бердаа.

Древнейший сказитель продемонстрировал, насколько Святослав и его дружинники были далеки от проблем геополитики. Не случайно, по его рассказу, «возмужав», князь попросту рассылал вызовы «в страны, говоря так: “Хочу на вас идти”». Желающих помериться силами с никому не известным воином не на-

шлось, но князь не унывал. Придя в 964 или 965 году «на Оку реку и на Волгу», он «нашел» (буквально: «налез») вятичей. И сказал вятичам: «Кому дань даете?» — «Хазарам дань даем, по шелягу с рала», — ответили вятичи. Дань была посильной — по монете с сохи — участка земли, обрабатываемого одним землепашцем, оратаем. Добровольно менять ее на дань русскому князю вятичи не желали. Хазары легко могли прийти к ним по воде и по льду замерзших рек. А защита от князя из Киева выглядела сомнительной.

Святослав со своими превосходными воинами мог нанести сильному союзу племен вятичей сколько угодно поражений. Но не мог завоевать их скрытые в густых лесах владения. С войском максимум в несколько тысяч дружинников он вообще ни одну страну, народ которой не был разобщен, завоевать не мог. Князь сделал правильный выбор. Он вернулся домой и в следующем году пошел на хазар. Каган со своей прославленной конницей вышел против князя — и на этом трехвековая история Хазарского каганата (650—969) закончилась. Древнейшее сказание и основанные на нем летописи говорят об этом великом походе возмутительно кратко:

«В год 6473 (965). Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли против него во главе со своим князем каганом. И сошлись биться, и одолел Святослав хазар, и столицу их и Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов, и привел к Киеву». Последние слова сохранила только Новгородская летопись. В Ипатьевской написано: «И пришел к Киеву», в Лаврентьевской этих слов вообще нет. Киевские летописцы не были в восторге от постоянного пополнения населения их города разными народами, подчеркивая чистоту и особость полян.

То, что Святослав сокрушил Хазарский каганат, казавшийся прочным и могущественным даже восточному римскому императору, — несомненно. Археология и письменные источники наших соседей это вполне подтверждают. Каганат с тех пор вообще исчез со страниц истории. Но как русскому князю это удалось? Мы знаем, что каганат был довольно рыхлым объединени-

ем множества оседлых и кочевых народностей между-
речья Волги и Дона, Северного Кавказа и Крыма под
властью тюркского кочевого народа хазар. Некоторые
из подданных им племен — например, аланы-ясы —
были многочисленными, сильными и не испытывали
восторга от власти пришельцев. Верхушка хазар испо-
ведовала экзотический в этом районе мира иудаизм, в
то время как аланы были христианами, ряд кавказских
племен и волжские булгары приняли ислам, а часть
подданных каганата оставалась язычниками.

Хазары составляли лишь тонкий правящий слой
над массой разноплеменных, разноязыких и разновер-
ных народов. Эта государственная рыхлость объясня-
ет, почему после гибели кагана и его войска в битве
со Святославом каганат быстро развалился. И почему
великому князю пришлось, помимо хазар, отдельно
побеждать отважных ясов (предков осетин) и их сосе-
дей касогов (адыгов — предков кабардинцев, черкесов
и других народов Северного Кавказа)¹⁹¹.

Но каким образом русскому войску, сражавшему-
ся в пешем строю, удалось одолеть сильнейшую в ре-
гионе, прекрасно вооруженную хазарскую конницу?
Археологи основательно исследовали превосходные
длинные сабли, крепкие шлемы, гибкие пластинчатые
доспехи, легкие конные топоры, острые копья и стре-
лы хазар. Если на Руси самое совершенное по техно-
логии оружие — мечи были почти полностью привоз-
ными, а значит, дорогими и редкими, то великолепные
длинные и узкие хазарские сабли из отличной стали
массово производились на месте. Хазарская знать, по-
селившись в городах, разжирела и утратила боевые
навыки, но масса хазар хранила традиции кочевников.
Они оставались великолепными всадниками, закован-
ными в железо от макушки до пят. Их пластинчатый
или кольчатый доспех, продолжавшийся ниже колен,

¹⁹¹ *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962; *Плетнева С. А.* Хазары. М., 1976; *она же.* Очерки хазарской археологии. М.; Иеру-
салим, 1999; *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в
истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

имел даже голени из вертикальных полос, как у византийских катафрактов. Историки вооружения полагают, что у тяжелой хазарской конницы морда и грудь коня тоже были прикрыты пластинчатой броней.

Князь, способный скакать на конях без усталости, мог догнать хазар в степи. Но разбить их конницу силами пехоты было нельзя, если каган не захочет дать решительный бой. Значит, каган сам должен был вступить в битву со Святославом, не подозревая об истинной силе его дружины. Именно поэтому Святослав, ничем еще не прославленный, двинулся из северских земель на Дон обычным путем русских торговых караванов и воевод, желавших пограбить на Каспии (вспомним Олега — X-л-гу). Столкновения с русами в этих местах были у хазар в памяти с первого упоминания о Русском каганате в 830-е годы. Именно тогда византийские инженеры построили для кагана крепость Саркел на Дону на пересечении сухопутных и водного торговых путей, а на его притоках — еще несколько крепостей, обнаруженных археологами. Приняв движение Святослава за обычный набег на укрепленную границу, каган выступил ему навстречу и опрометчиво принял бой с противником, силу которого себе не представлял.

Атака тяжелой конницы, не имеющей еще средств и навыков для таранного удара копьями, на легкой вооруженную, но чрезвычайно сплоченную русскую пехоту была обречена. Еще первые тяжелые всадники парфяне, атакуя легионы Красса, имели успех лишь в результате долгого методичного обстрела римских рядов своими легкими всадниками с их превосходными, не виданными по силе рекурсивными луками, пробивавшими римские щиты и доспехи насквозь. Но даже истратив возы запасных стрел, парфяне испытали в битве при Каррах серьезные трудности в бою с легкими германскими всадниками, привычно и храбро действовавшими вместе со своей пехотой. В бою со Святославом все было иначе. Хазарские лучники отнюдь не превосходили русских. На расстоянии точного выстрела их коней на полном скаку косили русские сулицы. Для эффективного использования их

длинных сабель нужны были скорость и пространство, а не увязание в русских рядах. Но главное — их тяжелая конница, принадлежавшая разным кланам, не могла действовать как «могучий одушевленный организм». Легкая конница их подданных вообще не рвалась в бой. В этой битве «голова» каганата была срублена начисто.

Затем наступила очередь Саркела. Раскопки показали, что крепость была взята и разрушена Святославом. Однако город сохранился, и его население не было истреблено. Саркел вошел в Русское государство под именем Белой Вежи. Из надписей в соборе Святой Софии в Киеве мы знаем, что в XI веке среди жителей Белой Вежи было много христиан, а их православные священники пользовались тюркским наречием.

После упоминания о разгроме кагана и взятии Саркела летопись сообщает, что Святослав победил союзных хазарам ясов и касогов. Аланы-ясы жили по Дону, на Кубани и дальше на юг до Главного Кавказского хребта. Адыги-касоги были тогда их соседями в Прикубанье. Возможно, их дружины, после должной демонстрации мужества, просто влились в войско Святослава. Как позже воины касожского вождя Редеди после его гибели в поединке перешли на сторону внука Святослава, Мстислава Тмутараканского. Ко времени первого похода Святослава историки относят подчинение русскому князю Германассы (Тмутаракани) на Таманском полуострове и взятие Керчи.

Смысл похода барса вырисовывается предельно четко. Великий князь одним ударом полностью очистил важный водный путь по Дону и Азовскому морю в Черное море, Закавказье и Византию. То, что киевские летописи рисуют торговый путь «из варяг в греки» только по Днепру, понятно. Но это заблуждение исправляется данными археологов. Кроме того, князем была очищена от препятствий и старая сухопутная дорога на восток из земель северян, от Чернигова, через земли их старых друзей салтовцев на Дон и к Волге.

К Волге, согласно Древнейшему сказанию, Святослав вышел в следующем, 966 году, когда «победил вятичей и дань на них возложил». После крушения Ха-

зарского каганата вятичам не было смысла сопротивляться Святославу. Район расселения вятичей сказание определило выше, в статье о мирном походе к вятичам 964 года: «...пошел на Оку реку и на Волгу». Там их поселения и курганы находят археологи.

К сожалению, здесь в наших источниках образовался большой пропуск, не позволяющий ясно представить войну Святослава на Волге и северном Каспии. Летописи пропустили, но восточные авторы отметили, что в 968 году русы на 500 ладьях взяли и сожгли Булгар — столицу Волжской Булгарии, победили буртасов, спустились по Волге и взяли хазарские города Итиль и Хазаран (видимо, это были районы хазарской столицы в устье Волги), а заодно и мусульманский Семендер в Прикаспии (крупный средневековый город на территории современного Дагестана). Как грустно констатировал в своей «Книге путей и стран» современник событий, географ и путешественник из Багдада Ибн-Хаукаль:

«Булгар — город небольшой, нет в нем многочисленных округов, и был известен тем, что был портом... и опустошили его русы, и пришли на Хазаран, Семендер и Итиль в году 358 (968/969)... В Хазарии есть область, в ней город, называемый Семендер, он между ней (областью) и Дербентом. Были в нем многочисленные сады; говорят, что содержали они около 40 тысяч виноградников. Я спрашивал о нем в Джурджане в [3]58 году у недавно [бывшего] в нем, и сказал [тот, кого я спрашивал]: “Там виноградник и сад [такой], что был милостыней для бедных, а если и осталось там [что-нибудь], то только лист на стебле. Напали на них русы, и не осталось в городе ни винограда, ни изюма”. А населяли этот город мусульмане, группы приверженцев [других] религий и идолопоклонники, и ушли они, но вследствие достоинств их земли и хорошего их дохода, не прошло и трех лет, и стало, как было. Были в Семендере мечети, церкви и синагоги. И совершили свой набег эти (руссы) на всех, кто был на берегу Итиля, из числа хазар, булгар и буртасов, и захватили их. Искали убежища жители Итиля на острове [близ] Дербента и укрепились на нем, а часть их — [укрылась] на острове

Сийах-Кух (видимо, полуостров Мангышлак. — А. Б.), живя в страхе»¹⁹².

Семендер интересовал Святослава вовсе не из-за любви князя к изюму. Да, виноград и изюм его воины съели, но атака на город была предпринята по другой причине. Он был древней столицей хазарских каганов, которые в середине VIII века перебрались отсюда в Итиль из-за опасности арабских нашествий с юга. Территория современного Дагестана, за которую арабы упорно рубились с хазарами, стала из центральной части каганата его южной границей. Но сам Семендер, в котором преобладало христианское население (смешанное с мусульманами, иудеями и язычниками), оставался крупным ремесленным и торговым центром, стратегически важным на пути от Волги на южный берег Каспия, по которому проходил Великий шелковый путь. Именно поэтому Святослав, разграбив город, не разрушил его, не вырезал и не продал в рабство все население. Князь даже не обложил горожан неподъемной данью, но позволил Семендеру быстро восстановиться: «...не прошло и трех лет, и стало, как было».

Историки предполагают, что воины Святослава некоторое время оставались в устье Волги. Именно поэтому бежавшая из Итиля хазарская знать «в страхе» пряталась на островах и полуостровах Каспия. Там она сумела отсидеться. По сведениям восточных авторов, в 970-х годах новопоставленный каган получил помощь то ли из Хорезма, то ли из Ширвана и вернулся в Итиль. Хазарам пришлось принять ислам, но не удалось восстановить каганат. В 985 году сын Святослава Владимир обложил хазар данью. На следующий год хазарские иудеи уговаривали великого князя принять их веру, но не преуспели. Хазары растворились среди других племен Великой Степи.

Легко заметить, что походы Святослава идут вдоль главных торговых путей. Несмотря на маневренность своего войска, он и не думает гоняться за хазарами по

¹⁹² Пер. Т. М. Калининой: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия, Т. 3: Восточные источники. М., 2009.

огромному степному пространству в треугольнике между Доном, Волгой и Кавказом. Великий князь наносит смертельные удары по опорным пунктам каганата, но не трогает становища, в которых могли спокойно жить и хазары, и их степные союзники. Почему же тогда Хазарский каганат не восстановился после ухода воинства русов?

Ответ кроется в мудром шаге Святослава или его матери, заключивших союз с торками (гузами), кочевавшими на восточном берегу Волги. Именно торки в свое время выбили печенегов из заволжских степей, а в середине X века совершали налеты на Итиль. Разбив войско и сразив верхушку хазар, Святослав вверх их разбросанные по степям становища в руки торков. Они же были и союзниками его сына Владимира в последнем походе на хазар в 985 году. Кочевников в степи преследовали и побеждали кочевники. В итоге каганат, считавшийся главным игроком на политическом поле Северного Причерноморья, исчез с византийских и арабских карт мира.

А ведь еще недавно (до 952 года) император Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империи» с удовольствием рассказывал сыну Роману, какую непреодолимую преграду представляет крепость Саркел, возведенная при императоре Феофиле византийскими инженерами во главе с хитроумным Петроной Каматиром в голой степи. «Поскольку же на месте не было подходящих для строительства крепости камней, — восторгался император, — соорудив печи и обжегши в них кирпич, он сделал из них здание крепости, изготовив известь из мелких речных ракушек».

Но ни Константин, ни его сын Роман во время восточных походов Святослава уже не царствовали, а императору Никифору Фоке (963—969) было не с руки враждовать с русами, помогавшими ему войском в войне с арабами на Крите. Византия, в середине IX века отбившая у Хазарского каганата часть Крыма и договором 944 года обязавшая русов защищать ее крымский округ (фему) Херсонес, должна была рассматривать поход Святослава как действия союзника.

Возможно, в это время в Русское государство наконец-то вошли радимичи, жившие вдоль Сожа — левого притока Днепра: предполагают, что они заключили со Святославом союз¹⁹³. То, что их город Любеч у Днепра не входил во владения князей-разбойников, еще раз говорит нам, что никакого «единого Русского государства» при них не было. Хотя приближенная Ольги Малуша, родившая Святославу младшего сына Владимира, была как раз из Любеча. И ее брат Добрыня, прототип былинного богатыря Добрыни Никитича, верно служил племяннику, будущему великому князю Русскому, с самого его рождения.

Благодаря мудрому объединению племен и походам Святослава под властью княгини Ольги появилось единое Русское государство. Оно твердо владело тремя мировыми торговыми путями: 1) из Балтики по Волге на Каспий; 2) из Центральной Европы через Киев и Чернигов, по Северскому Донцу и Дону в Азовское море и через Керченский пролив в Черное, с важным ответвлением — донским волоком в Волгу; 3) с Балтийского моря в Черное по системе озер, рек и Днепру. И еще тремя региональными: 1) по Онеге в Белое море и Сухоне до Северной Двины, а там и Печоры; 2) по Западной Двине в Балтику; 3) по древлянской Припяти к Бугу. Объединение под единым управлением такой территории и господство над такими путями сообщения позволили бы величайшему в мире государю почитать на лаврах.

Поход на Дунай

Тут Ольгу и настигло в общем-то предвиденное несчастье. Святослав после громких побед не захотел сидеть в Киеве. Он возомнил себя стратегом и был вовлечен византийцами в войну на Дунае. Там империя в очередной раз вступила в войну с Болгарским

¹⁹³ Подробно: *Сахаров А. Н.* Дипломатия Святослава. М., 1982; изд. 2-е: М., 1991.

царством, правящая верхушка которого была из тех же кочевых булгар, с которыми Святослав сражался на Волге. Но император Никифор Фока крепко завяз в борьбе с арабами на Средиземном море, а тут еще германский император Оттон I (с которым вела переговоры о епископе княгиня Ольга) вторгся во владения ромеев в Южной Италии. Против арабов Никифор держался, но Италийскую войну проигрывал, а на Болгарскую войну не имел сил. Зато у него было достаточно хитроумных дипломатов и золота, чтобы нанести удар по Болгарии силами росов. Никифор хотел лишь наказать Болгарское царство набегом варваров, чтобы беспокойные болгары не отвлекали его от войн в Азии и Италии. Этот «бедный и гнусный народ скифский», по выражению императора, то пропускал к византийским границам венгров, то требовал от императора дани за сдерживание тех же венгров.

Византийский историк Лев Диакон, современник и очевидец событий¹⁹⁴, живо передает обстановку, в которой Никифор Фока решил призвать против болгар россие дружины. Пытаясь завоевать популярность, император в 966 году развлекал цариградцев бегом колесниц, когда получил известие о том, что болгары требуют дани. Он лично, «собрав боееспособное войско, выступил в поход» и с первого же приступа овладел всеми пограничными крепостями болгар. Однако через горы и ущелья идти не решился. Лев Диакон пишет:

«Таким образом, он решил не подвергать опасности своих людей в непроходимых и опасных местах. Поэтому он отозвал войско и вернулся в Византий (Константинополь. — А. Б.). Затем, возведя в достоинство патриция Калокира, мужа пылкого нрава и во всех отношениях горячего, он отправил его к тавроскифам, которых в просторечии обычно называют росами, с приказанием распределить между ними врученное ему золото, количеством около пятнадцати кентинариев, и привести их в Болгарию, с тем чтобы они захватили

¹⁹⁴ Лев Диакон. История.

эту страну. Калокир поспешил к тавроскифам, а сам Никифор отправился в театр и сел наблюдать за проводимыми конскими ристаниями».

Здесь мы впервые встречаемся с Калокиром, сыном Протефона, выборного начальника Херсонеса — главного города греческих владений в Крыму. Он удачно обратился к императору с просьбой о защите от Святослава, вторгшегося в Крым и взявшего Керчь, в момент, когда Никифору очень хотелось наказать болгар, не проливая крови своих солдат. И император решил обе проблемы с помощью золота. 15 кентинариев византийских золотых монет — весьма крупная сумма. Это 490 с половиной килограммов золота; даже с учетом тогдашнего облегчения византийских монет — не менее 455 килограммов! Империя располагала такими, и даже большими суммами, для ее северных соседей немислимыми. Такой вес драгоценного металла русам, викингам, печенегам или венграм было трудно добыть в походе даже в серебре. Серебром в то время обходились и жители Европы, и арабы, чеканившие свою монету. Византийские золотые монеты с портретом императора были как мировая валюта вне конкуренции. На 15 кентинариев — 108 тысяч золотых монет — можно было купить войско любого варварского вождя.

Для империи сумма чуть менее полутонны золотых монет была весомой, но не чрезмерной. Это было годовое жалованье трех с половиной тысяч русских наемников в Константинополе, считая с их командирами. Проще говоря, Никифор дал Калокиру денег на наем отряда, достаточного для грабительского набега на Болгарию. Император не понял (или сделал вид, что не понял), что у посла из Херсонеса — города, имевшего глубокие традиции тайной дипломатии, — был в походе росов на Дунай свой, карьерный и стратегический интерес. Он должен был любой ценой отвлечь князя Святослава от Крыма. С другой стороны, императоры так часто сменяли друг друга на престоле, что крымский дипломат мог и сам попытаться счастья в Царьграде ...

По рассказу Льва Диакона, пока император был занят войной в Азии и бунтами в Византии, патриций Калокир прибыл на Русь, подружился со Святославом и стал его «побратимом». Дарами и «льстивыми речами» он уговорил князя двинуться против болгар. Уже не от имени императора, а от себя лично Калокир обещал Святославу Болгарию и несметные сокровища императорской казны, если тот поможет ему занять византийский престол.

Можно поверить Льву Диакону, что стремление Калокира занять константинопольский трон было главным его мотивом. Рассказ об этом не противоречит имперской практике. Престол Восточной Римской империи занимали люди разных сословий, даже из крестьян, с помощью военных и административных талантов, денег, влияния или сильного войска. Только удержаться на троне, не завоевав на свою сторону византийской аристократии, было затруднительно. Особенно уроженцу провинциального Крыма.

Итак, легко поверить рассказам византийских хронистов Льва Диакона и Скилицы, что Калокир излагал Святославу такие планы. Он оказался верным союзником и оставался с роским войском в Болгарии до конца войны. Иначе и быть не могло: дипломат жертвовал собой ради спасения родного Херсонеса. А версия, что он претендовал на престол автократора, позволяла Константинопольскому двору дезавуировать его миссию на Русь, когда в Калокире отпала нужда.

Мы не знаем, сопротивлялась ли Ольга влиянию Калокира и отговаривала ли она сына от похода. Возможно, что и нет. Ее устраивали и отсутствие Святослава в Киеве, и военная помощь союзной Империи ромеев, и щедрая плата за эту помощь, и ожидаемая в Болгарии богатая добыча, и выход русов на Дунай — еще один великий торговый путь. Увы, в Дунайском походе Святослава все пошло не так, как представляли себе мудрые политики.

«В лето 967/968 пошел Святослав на Дунай на болгар, — сообщает летопись, основанная на Древнейшем сказании (но с более поздним проставлением

дат), — и бились между собой». Войско болгар, с их более развитыми феодальными отношениями, состояло из небольшой царской гвардии и многочисленных, но не дружных отрядов крупных землевладельцев. Они успешно воевали с такими же неорганизованными и слабо обученными ополченцами-стратиотами Ромейской империи. Их отборные дружины могли сражаться даже с ромейскими профессионалами-схолариями. Но против монолитной и стремительной русской дружины их часто враждебные друг другу отряды и города шансов не имели. Итог описан в летописи кратко: «Одолеа Святослав болгар, и взяа городов 80 по Дунаю, и сел тут княжить в Переяславце, и брал дань с греков».

Болгарский царь Петр I, потерпев поражение в битве и сдав Святославу свою столицу Преслав, с горя заключил мир с ромеями и ушел в монастырь, передав корону старшему сыну Борису II. Болгария развалилась на владения отдельных правителей, плохо повиновавшихся царю. А Святослав решил сесть в Переяславце на Дунае надолго, если не навсегда. Он стал для империи еще большей угрозой, чем были болгары. Теперь ему надо было платить дань.

Никифор Фока просчитался. Он знал роских воинов, служивших у него, например, во время Критской войны. Но император не представлял себе силы войска, которое сформировал и обучил Святослав. С этой армией Святославу были малы задачи набега и грабежа. С ней он мог решать важные вопросы геополитики.

В рассказе Льва Диакона, написанном после событий, уже при императоре Василии II, когда умудренный опытом Калокир вернулся на дипломатическую службу в империю, проявилось сильное стремление оправдать Никифора Фоку — действительно честного и умного полководца. Но нахваливая его личные качества, государственные способности и военные реформы, Лев Диакон между прочим сообщил о стоворе императора с болгарами, против которых он призвал росов:

«Никифор не надеялся более договориться с таврами и знал, что нелегко будет подчинить своей воле окончательно уклонившегося от истинного пути патрикия Калокира, который вышел из-под его власти и возымел большое влияние на Святослава. Он предпочел отправить посольство к единоверцам болгарам. Никифор напомнил болгарам об их вере. Он попросил у них девиц царского рода, чтобы выдать их замуж за сыновей василевса Романа, укрепив посредством родства неразрывный мир и дружбу между ромеями и болгарями».

Рассказ Льва Диакона о претензиях Калокира на престол служит оправданием предательства императором росов, тем более что они были язычниками, то есть в глазах патриаршего диакона Льва почти животными. Но... в момент заключения мира с болгарами император еще не мог знать ни о коварстве Калокира, ни о том, то на Болгарию идет сам Святослав. Никифор разыгрывал простейший политический гамбит: в Болгарию врывается банда грабителей-тафроскифов, и вот уже болгары более стоворчивы на мир с Византией.

Все кончилось бы успехом византийского коварства, если бы Калокиру не удалось подбить на Дунайский поход самого Святослава. Болгары, имевшие сильную армию, пережили бы набег русов, император стал бы им лучшим другом, граница империи в Европе была бы спокойна. Сам Никифор продолжал бы, реформируя армию и возрождая в ней регулярную пехоту, громить арабов и немцев.

Однако Святослав двинул в Болгарию «войско, состоявшее, кроме обоза, из шестидесяти тысяч цветущих здоровьем мужей». Все историки признают, что это преувеличение. Главным в дружине Святослава была не ее численность, а высокий профессионализм воинов. Тридцатитысячная фаланга болгарского царя Петра была сметена одним ударом. Болгары, по словам Льва Диакона, «не вытерпели первого же натиска, обратились в бегство и... заперлись в безопасной крепости». Царя, после разных мытарств, постиг эпилептический припадок, и он скончался.

Болгарское царство досталось Борису II и фактически распалось, но с его славянским по преимуществу населением великий князь установил мирные отношения. Никифор Фока и тут попал впросак. Он вынужден был признать утверждение Святослава в низовьях Дуная, заключить с ним мир и платить росам дань за безопасность своих границ. Разумеется, это был дипломатический маневр. Еще Константин Багрянородный, при котором Никифор сделал военную карьеру, рекомендовал для сдерживания росов платить не им, а печенегам. Его преемник так и поступил — благо Святослав увел на Дунай почти все боеспособные войска Руси.

«В год 968/969 пришли печенеги на Рускую землю впервые, — сообщает летопись по Древнейшему сказанию, — а Святослав в Переяславце (на Дунае. — А. Б.) засел, а Ольга в городе с внуками своими, в городе Киеве. И осадили печенеги город в силе большой. И изнемогали люди от голода и жажды». Киев стоял там же, где и сейчас, — на правом, западном берегу Днепра. «Люди той стороны Днепра», то есть стража со степных застав и северяне из Чернигова и Переяславля, собрались у восточного берега с ладьями, но переправиться на виду у печенегов не решались. Такая переправа и в более поздние времена была сопряжена с немалыми трудностями.

Итак, Киев был обложен «бесчисленным множеством» врагов. Жители его голодали. Сказитель поведал, что лишь один юноша смог прокрасться из города сквозь лагерь печенегов. Он шел через их стан, вертя в руках уздечку и спрашивая на печенежском языке: «Не видел ли кто коня моего?» Дойдя до Днепра, юноша разделся и прыгнул в воду. Печенеги всполошились, но гонец под градом стрел поплыл через реку. С другой стороны Днепра ему на помощь поспешили ладьи воеводы Претича, оставленного Святославом с небольшой дружиной для управления северскими землями и пограничной стражей. Отрока выловили из воды и доставили к воеводе. «Если не приступите завтра к городу, — сказал он, — люди съедутся печенегам».

Дружина призадумалась. В Киеве находилась княгиня Ольга с наследниками Святослава. Старшему его сыну Ярополку было не меньше двенадцати лет. Мы знаем об этом потому, что примерно в том же 968/969 году отец привезет ему наложницу — красивую девушку из разоренного им греческого монастыря. Второго внука Ольги звали Олегом. О матери их ничего не известно; все предположения, которые высказаны в историографии, — чистые домыслы.

Зато мы знаем мать третьего сына Святослава — ключницу самой княгини Малушу, дочь Малко Любечанина. Историки приложили большие усилия, чтобы найти для матери будущего Крестителя Руси Владимира Святого происхождение познатнее. Одни производили Малушу от древлянского князя Мала. Другие считали, что ее отец — не просто родом из Любеча, в земле радимичей, но непременно был наместником этого города.

Всех смущало, что мать Владимира была «рабой» — холопкой княгини Ольги. Впоследствии, по словам Древнейшего сказания, княжна Рогнедь, дочь полоцкого князя Рогволода, отказала посватавшемуся к ней Владимиру со словами: «Не хочу разувать рабичича (сына рабыни. — А. Б.), но Ярополка хочу!» Этот текст вызвал множество кривотолков, в том числе об униженной доле женщины, вынужденной стягивать сапоги с мужа в знак покорности его воле. Однако плотно облегающие ногу кожаные сапоги-чулки, которые знать носила тогда по византийской моде, снять самому очень трудно. И если новобрачная хотела обойтись без мужнина денщика, ей надо было делать это самой.

Такое же непонимание реалий проявилось и в оценке решения Рогнеди, и в отношении историков к положению матери Владимира. Никто не хотел понять девушку, желающую выйти за великого князя Киевского Ярополка, а не за изгоя, бежавшего от брата за море и вернувшегося с бандой буйных варягов. И все делали вид, будто не знают, что доверенные слуги князя, по той же «Русской правде», приносили ему присягу на пожизненную службу и становились доброволь-

ными холопами. Чтобы сделаться таковым, согласно «Правде», существовало только три пути: продать себя в присутствии свидетеля (хоть за символическую сумму); жениться на холопке или челядинке (рабыне-иноплеменнице); поступить на службу тиуном (управляющим имением) или ключником (управляющим дворцовым хозяйством). То есть занять очень высокую и, учитывая степень доверия хозяина, пожизненную должность.

Холоп не был рабом в классическом, средиземноморском варианте этого понятия. Он был приемным членом семьи, обязанным служить господину как отцу до смерти господина. Власть того над холопом была равна его власти над сыном или дочерью. Главным в этих отношениях был высокий уровень взаимного доверия. Недаром категория холопов-управляющих со временем была дополнена обширной группой боевых холопов: воинов, сопровождавших господина в бою, подобно древним дружинникам с их пожизненной присягой князю.

Ключница Малуша Малковна по своему положению была самым доверенным лицом из приближенных Ольги. Для великой княгини не было лучше способа, чем свести Малушу со своим воинственным сыном, чтобы получить внука, мать которого всегда точно будет при ней. Не случайно летопись рассказывает, что княгиня проводила с маленьким Владимиром много времени, воспитывая его в христианской вере и добродетели.

Увы, и этого внука отняла у Ольги дружинная среда. Добрыня Малкович, брат Малуши, стал дядькой Владимира и воспитал его как сурового воина. А юноше так понравились приключения с буйными викингами, убийства, грабежи и насилия, что он, заняв «стол» князя в Киеве, стал истово бороться за обновление и укрепление язычества. Лишь на склоне лет, утомившись от бесконечных войн, многих жен и восьмисот наложниц, Владимир вспомнил заветы бабушки: заключил мир с Византией, женился на ромейской принцессе Анне, принял крещение и крестил Русь.

Все эти тонкости отношений в семье великого князя не занимали умы дружинников во главе с Претичем на левой стороне Днепра, против Киева, когда они получили весть о неизбежной сдаче города. Выслушав гонца, воевода сказал: «Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав!» Как видим, грозного князя дружина боялась больше, чем всего сонма печенегов.

Дружинники «на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенеги же решили, что пришел князь, и побежали от города врассыпную. И вышла Ольга с внуками своими и людьми к ладьям». Княжеская семья готова была бежать за Днепр. Но стольный град спасло чудо.

Увидев бегство своих войск, печенежский князь «возвратился один к воеводе Претичу и спросил: “Кто это пришел?” А тот ответил ему: “Люди той стороны (Днепра. — А. Б.)”. Печенежский князь спросил: “А ты не князь ли?” Претич же ответил: “Я муж его, пришел с передовым отрядом, а за мною идет войско с самим князем: бесчисленное их множество”. Так сказал он, чтобы их припугнуть. Князь же печенежский сказал Претичу: “Будь мне другом”. Тот ответил: “Так и сделаю”. И подали они друг другу руки, и дал печенежский князь Претичу коня, саблю и стрелы. Тот же дал ему кольчугу, щит и меч. И отступили печенеги от города».

Однако кочевники были не столь уж наивны. Они далеко не ушли и встали рядом с Киевом, на реке Лыбеди, так близко, «что нельзя было и коня напоить». Но послать гонца на Дунай оказалось можно. «И послали киевляне к Святославу со словами: “Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул, а нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?” Услышав это, Святослав с дружиною быстро сел на коней и вернулся в Киев;

приветствовал мать свою и детей и сокрушался о перенесенном от печенегов. И собрал воинов, и прогнал печенегов в степь, и наступил мир».

Прискакав к Киеву, Святослав, очевидно, оставил значительную часть войска на Дунае, иначе ему не пришлось бы для войны с печенегами «собирать воинов» на Руси. Князь отнесся к происшедшему легкомысленно, но Ольга оценила силу ответного удара Византии за его действия на Дунае. В этот момент история Руси могла закончиться, едва начавшись. Страну объединяли авторитет великой княгини и страх перед Святославом. Не вернись Святослав с Дуная, погибни Ольга и наследники престола — собирать земли Руси воедино пришлось бы заново. Но второго шанса могло не быть.

К счастью, великий князь прискакал вовремя. Но уже на следующий год стал рваться назад, на Дунай, будто не понимая, как много ставит на карту. «В год 969/970 сказал Святослав матери своей и боярам своим: “Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — ибо там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, шелка, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы”».

Взглянув на карту, мы убедимся, что Переяславец на Дунае отнюдь не был «серединой земли» великого князя русского. Это была прекрасная ставка для князя-разбойника, какими были его предки: центр для набегов на соседей и грабежа торговых путей. Серединой Русской земли в этой ситуации был Киев, уже один раз оставленный Святославом без защиты и подвергшийся удару печенегов.

Не понимая значения государства, которое строила Ольга, князь рвался от административных и политических забот на волю, на Дунай. Для дружинника на Дунае было раздолье! Значительно бо́льшая даже в торговом отношении ценность Руси Святослава не волновала. Ольга понимала, что закрепления ее сына на Дунае Византия не может допустить, но ничего поделать не могла.

У Ольги не было сомнений в том, что, если сын вновь отправится на Дунай, ромеи изыщут врагов, которые нападут на Русь, — если не показательно битых печенегов, то хотя бы венгров. В отличие от сына она понимала превосходство Восточной Римской империи над Русью в ресурсах и войсках. Святослав пока не сталкивался даже с фемным, содержащимся каждым военным округом ромейским войском, не говоря уже об отборных императорских полках-схолах — в том числе о восстановленной Никифором Фокой регулярной пехоте и тяжелой коннице катафрактов: эти полки воевали вдали от Болгарии. Сражаться с империей на Дунае означало одновременно подвергнуть Русь нашествиям нанятых ромеями соседей и рисковать потерять войско в земле болгар, когда туда вступят имперские легионы.

Споры с сыном, не склонным думать о судьбе Руси и предпочитавшим геройскую смерть жизни у юбки матери, лишили княгиню последних жизненных сил. «Видишь, я больна, куда хочешь уйти от меня?» — говорила мать. Ольга, сообщает Древнейшее сказание, действительно разболелась. Перед смертью единственное, чего добивалась княгиня, это чтобы Святослав не бросил страну без управления и войск. В том, что сын уйдет на Дунай, она не сомневалась.

«Погреби меня и иди, куда захочешь», — перед смертью сказала сыну княгиня. Святослав не унимался. Ольге становилось все хуже. Она «скончалась три дня спустя (11 июля 969 года. — А. Б.), и плакали по ней плачем великим сын ее, и внуки ее, и все люди, и понесли, и похоронили ее на выбранном месте». Княгиня «заповедала не творить над собой тризны, имела ведь священника втайне, и тот похоронил ее, блаженную Ольгу», — гласит Древнейшее сказание (согласно Начальной летописи Никона Великого). Составитель «Повести временных лет» опустил слово «втайне», так как считал, что первая княгиня-христианка должна была исповедовать свою веру открыто.

Проложное житие княгини (XIII века) уточняет, что «Ольга призвала своего сына Святослава и запо-

ведала ему: с землею ровно погрести ее, а могилы не насыпать, ни тризны не творить, ни бдына делать». По мнению Б. А. Рыбакова, княгиня опасалась, что сын-язычник «похоронит ее по торжественному языческому обряду под высоким холмом кургана с тризной и устройством бдына» — обозначающего могилу столба¹⁹⁵.

Святослав выполнил ее завещание. Похоронив Ольгу по христианскому обряду, князь-язычник, прежде чем уйти на Дунай, разделил страну между сыновьями, дав каждому дружину. У гроба княгини плакали три внука: Ярополк, Олег и Владимир, рожденный ключницей княгини. Первым двум великий князь сразу назначил княжения. «В год 970/971, — гласит летопись, — Святослав посадил Ярополка в Киеве, а Олега у древлян. В то время пришли новгородцы, прося себе князя: “Если не пойдете к нам, то сами добудем себе князя”. И сказал им Святослав: “А кто бы пошел к вам?” И отказались Ярополк и Олег. И сказал [новгородцам] Добрыня: “Просите Владимира”. Владимир же был от Малуши — ключницы Ольгиной. Малуша же была сестра Добрыни; отец же им был Малк Любечанин, и приходился Добрыня дядей Владимиру. И сказали новгородцы Святославу: “Дай нам Владимира”. Он же ответил им: “Вот он вам”. И взяли к себе новгородцы Владимира, и пошел Владимир с Добрынею, своим дядей, в Новгород».

Святослав, фактически уже не как великий князь русский, а как князь-разбойник или воевода форпоста Руси на юге, вновь устремился в Болгарию, набрав едва 10 тысяч воинов (еще одно преувеличение). Ему предстояло сразиться с империей, на престол которой взошел талантливый полководец Иоанн Цимисхий, завоевать бессмертную славу, проиграть войну и пасть на пути домой от рук печенегов.

Разделив созданное Ольгой единое государство между сыновьями, Святослав заложил основу будущих уособиц. Они начались сразу после смерти славного

¹⁹⁵ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. С. 389.

воина в 972 году и кончились смертью двух из трех его сыновей. Победитель, Владимир Святой, по примеру отца разделил государство между сыновьями: в итоге кровавой усобицы их выжило двое. Победитель в этой войне Ярослав Мудрый вновь раздал Русь сыновьям. Но окончательно разодрать созданное Ольгой государство на уделы князьям не удавалось целых сто лет. А память о ее единой Руси осталась на века. Именно эта память заставляла летописцев сурово обличать князей, которые своими раздорами «губят землю Русскую», и призывать к единству разодранной на уделы страны против внешних врагов. Единая Русь, которую обустроивала Ольга, стала прообразом Родины-Матери, которую все мы должны, не щадя живота своего, защищать.

«Она была предвозвестница христианской земле, как денница перед солнцем, как заря перед рассветом, — написал о княгине Никон Великий, — ибо сияла, как луна в ночи. Так и она светила среди язычников, как жемчуг в навозе; замараны были люди грехом, не омыты святым крещением. Эта же омылась в святой купели, и совлекла греховные одежды первого человека Адама, и облеклась в нового Адама, который есть Христос. Мы же взываем к ней: “Радуйся, русское познание Бога, началом примирению бывшая”. Она первая вошла в царство небесное от Руси, ее восхваляют русские князья и сыновья, как начальницу, ибо и по смерти молится Богу за Русь».

Война с империей

Великая война князя Святослава на Дунае уникальна тем, что она освещена сразу с двух сторон: в сочинениях современников, знавших о событиях из русской дружинной и византийской военной среды. Составитель Древнейшего сказания, к которому в данном случае летописцы Начального свода и «Повести временных лет» добавили только договор князя с императором, писал в конце X века со слов дружинников

сына Святослава, князя Владимира¹⁹⁶. В то же самое время подробнейшее, в нескольких книгах, описание войны в Болгарии составлял патриарший, а затем императорский диакон Лев¹⁹⁷. Оба, что принципиально для восстановления деталей повседневности, знали толк в военном деле своего времени. Русский автор, скорее всего, был в молодости дружинником. Лев Диакон, судя по его сочинению, сопровождал в походах воинственного императора Василия Болгаробойцу и хорошо понимал жизнь воинов. В 986 году он сам чуть не погиб в бою с болгарами. В конце XI и начале XII века эти два сочинения уточнили и дополнили ромейский хронист Иоанн Скилица и русский летописец в «Повести временных лет».

Так мы оказываемся в редчайшей ситуации, когда главное занятие князей и дружинников — война — описано детально и с разных сторон авторами, понимавшими суть дела. Используя их сочинения, мы с вами не окажемся в положении летописца, интерпретировавшего в «Повести временных лет» древнюю шутку о том, как погибли авары-обры. В седой древности они «примучили» племя дулебов «и насилие творили женам дулебским», в результате чего сами были заезжены насмерть. «Были обры телом велики и умом горды; и потребил их Бог, и умерли все, и не осталось ни единого обрина. И есть притча на Руси и до сего дня: “Погибли как обры”». Перед глазами монаха, попытавшегося представить себе, как это произошло, возникла яркая картинка: «Если приходилось поехать обрину, не давал впрячь ни коня, ни вола, но велел впрячь 3 или 4, или 5 жен в телегу и везти обрина; и так мучили дулебов». Мы с вами понимаем, насколько рискованна идея поехать враз на трех—пяти славянских женах; сознаем, что никакой телеги для верной гибели тут не нужно. И на этом примере видим, как важно верное представление древнего автора о живых

¹⁹⁶ Никитин А. А. Текстология... С. 97—104.

¹⁹⁷ Лев Диакон. История. Кн. 6—9. Здесь же опубликованы относящиеся к войне тексты ромейского хрониста Иоанна Скилицы.

деталях описываемого им процесса, в нашем случае о действиях русских и имперских воинов. Ведь в военном деле, которое составляло сердцевину повседневной жизни русской дружины, заблуждений историков накопилось едва ли не больше всего.

По летописям, Святослав, разделив дружину с двумя сыновьями, оставленными на Руси, и отпустив третьего сына в Новгород, прибыл на Дунай с частью войска в 971 году; по византийским источникам — осенью 969 года. То есть ромеи Святославу никакого временного зазора для сидения со старой матерью и обустройства Руси после набега печенегов не оставляют. При согласовании их с восточными источниками получается, что великий поход 968—969 годов по Волге до Каспия с покорением буртасов и болгар и добиванием хазар князь совершил после возвращения с Дуная в Киев из-за набега печенегов. Судя по глубине его боевых действий, мало степнякам не показалось, особенно если возвращался Святослав из Прикаспия традиционным путем через междуречье Волги и Дона. Даже без учета ромейской тайной дипломатии, ненависть печенегов к князю, едва ли мирно прошедшему через их кочевья, можно понять.

Тем временем и в Болгарии всё изменилось. Успокоив Святослава покорностью и заключив в 968 году союз с ромеями, болгары после отъезда князя на Русь захватили его города, включая Переяславец, где он оставил гарнизон. Дружинники князя были перебиты. Русское войско, подошедшее к Переяславцу на ладьях и конях, увидело закрытые ворота. Хорошо подготовившиеся болгары, по словам летописи, пошли на вылазку. «И была сеча великая, и одолевали болгары. И сказал Святослав воинам своим: “Тут нам и пасть. Потрудимся по-мужски, братья и дружина!” И к вечеру одолел Святослав. И взял город копьем, и сказал: “Этот город мой!” И послал к грекам, говоря им так: “Хочу на вас идти и взять город ваш, как и этому сотворил”».

Ромеи, которых Древнейшее сказание представляет трусливыми и коварными, запросили мира. «Мы не в силах против вас стоять, — сказали их послы Свято-

славу, — но возьми с нас дань на дружину свою, и поведайте нам, сколько вас есть, да дадим по числу голов». «И это сказали греки, обманывая русь, ведь греки лживы и до сего дня. И сказал Святослав: “Нас 20 тысяч”, — умножив число своих на 10 тысяч. И выставили греки 100 тысяч на Святослава, и не дали дани».

Сказитель, судя по рассказу Льва Диакона, был близок к истине. Иоанн Цимисхий, опытный полководец, в декабре 969 года убивший своего дядю и друга императора Никифора Фоку, быстро установил порядок в Константинополе, но сил и желания сражаться против росов не имел. В стране третий год свирепствовал голод; в Азии наступали сарацины. Поэтому «с катархонтом (верховным вождем. — А. Б.) войска росов, Сфендославом, он решил вести переговоры». Но — на своих условиях, чтобы Святослав, получив полный расчет за набег на болгар, ушел с Дуная, передав эти земли империи. Таким образом, новый автократор хотел получить за свое золото максимальную выгоду, присоединив Болгарское царство, которое никто из императоров, как подчеркивает Лев Диакон, не мог победить на болгарской земле.

Предложение золота было вовсе не трусостью, Цимисхию несвойственной. Хорошим ромейским полководцем в то время считался храбрый и умелый воин, который лично участвует в битвах, подавая пример воинам своим мужеством и личным боевым искусством. Для Льва Диакона, который провел немало времени в военных походах, это аксиома. Описывая нового императора Иоанна, которому шел сорок пятый год, он выделяет в нем именно черты воина:

«Что касается наружности Иоанна, то она была такова. Лицо белое, здорового цвета, волосы белокурые, надо лбом жидкие, глаза голубые, взгляд острый, нос тонкий, соразмерный, борода вверху рыжая и слишком суженная по сторонам, а внизу правильной формы и не подстриженная. Он был малого роста, но с широкой грудью и спиной; в нем таилась гигантская сила, руки обладали ловкостью и непреодолимой мощью; геройская душа его была бесстрашна, непобеди-

ма и отличалась поразительной для такого маленького тела отвагой». Даже среди его невысоких соплеменников армян Иоанн получил прозвище «Цимисхий», по-армянски «низкорослый». Но храбрости ему было не занимать: «Он один без боязни нападал на целый отряд и, перебив множество [врагов], с быстротой птицы возвращался к своему войску, целый и невредимый. В прыганье, игре в мяч, метании копья и стрельбе из лука он превосходил всех своих сверстников. Говорят, что он выстраивал в ряд четырех скакунов и, птицей мелькнув над тремя из них, садился на последнего. Он так метко направлял дротик в цель, что тот пролетал через отверстие величиной с кольцо... Он клал кожаный мяч на дно стеклянной чаши и, пришпорив коня, проносился на полном скаку, ударяя по нему рукоятью копья так, что мяч подпрыгивал и устремлялся в воздух, чаша же оставалась совершенно целой и не двигалась с места».

В остальных качествах Цимисхий тоже был достойным соперником русского князя. «Он всех превосходил щедростью и богатством даров: всякий, кто просил у него чего-либо, никогда не уходил обманутым в своих надеждах. Он был человеколюбив и ко всем обращался с открытым сердцем и лаской... Если бы паракимомен (постельничий) Василий не обуздывал его ненасытное стремление оказывать благодеяния согражданам, он очень скоро исчерпал бы всю императорскую казну на раздачу бедным. Но недостаток Иоанна состоял в том, что он сверх меры напивался на пирах и был жаден к телесным наслаждениям».

Как видим, Иоанн, вовсе не относившийся к любимым героям Льва Диакона, был как воин и полководец достоин уважения не только ромеев, но даже русской дружины, которая в безудержной щедрости, «веселии пить» и резвости с женами видела лишь достоинства. Не было в его предложении Святославу и коварства. Оно было сформулировано по-военному прямо: бери золото и уходи!

Не исключаю, что это был для руси лучший выход. Но, возможно, выше всякой выгоды были честь и доб-

лесть, примеры которых дал в этой безнадежной войне Святослав. Да, он по приглашению греков захватил Болгарию, но те обманули его, подняв против него болгар. Уйти — означало смириться с победой коварства. То, что новый император, захвативший власть уже после второго похода Святослава по Болгарии, не имел отношения к интригам Никифора Фоки и, более того, отомстил за них, зарубив дядю своим мечом, не было подчеркнуто на переговорах. И, наверное, зря. Встреча Святослава с Иоанном, случись она перед войной, а не в конце ее, могла способствовать заключению мира на основе взаимного уважения.

К началу переговоров русы уже вернули себе восточную Болгарию. «Сфендослав, — по рассказу Льва Диакона, — очень гордился своими победами над мисянами (болгарами); он уже прочно овладел их страной и весь проникся варварской наглостью и спесью. Объятых ужасом испуганных мисян он умерщвлял с врожденной жестокостью. Говорят, что, с бою взяв Филиппополь (Пловдив), он со свойственной ему бесчеловечной свирепостью посадил на кол двадцать тысяч оставшихся в городе жителей и тем самым смирил и [обуздал] всякое сопротивление и обеспечил покорность». Город на границе с империей действительно был разграблен, а проимперские силы болгар истреблены. Это подтверждают ромейский хронист Иоанн Скилица (писавший в конце XI — начале XII века, как раз между составлением Начального свода и «Повести временных лет») и другие авторы.

По рассказу Льва Диакона, Святослав «ромейским послам ответил надменно и дерзко: “Я уйду из этой богатой страны не раньше, чем получу большую денежную дань и выкуп за все захваченные мною в ходе войны города и за всех пленных. Если же ромеи не захотят заплатить то, что я требую, пусть тотчас же покинут Европу, на которую они не имеют права, и убираются в Азию, а иначе пусть и не надеются на заключение мира с тавроскифами”». Ответ этот соответствовал чаяниям императора по сути и мог расходиться с ними только в размере выкупа.

«Император Иоанн, получив такой ответ от скифа, снова отправил к нему послов, поручив им передать» свое стремление сохранить мир и «дружеское» требование «тотчас же, без промедления и отговорок, покинуть страну, которая вам отнюдь не принадлежит. Знайте, что если вы не последуете сему доброму совету, — продолжал император, — то не мы, а вы окажетесь нарушителями заключенного в давние времена мира». Вместо предложения выкупа Цимисхий зачем-то вспомнил о поражении отца Святослава от греческого флота и о его жалкой гибели, прибавив к оскорблению угрозу: «И ты не вернешься в свое отечество, если вынудишь ромейскую силу выступить против тебя. Ты найдешь погибель здесь со всем своим войском, и ни один факелоносец не прибудет в Скифию, чтобы возвестить о постигшей вас страшной участи».

Угроза уничтожить дружинников до единого означала конец переговоров. Это был неразумный шаг вспыльчивого императора, от которого Святослав требовал всего лишь заплатить русам за уход с Дуная. Скорее всего, Цимисхия донельзя огорчили их успехи в новом завоевании Болгарии, связанные с опасениями, что «мисяне» и «тавроскифь» объединятся против империи. Это в итоге и произошло.

«И пошел Святослав на греков», — констатирует Древнейшее сказание. «Это послание рассердило Сфендослава, — рассказывает Лев Диакон, — и он, охваченный варварским бешенством и безумием, послал такой ответ: “Я не вижу никакой необходимости для императора ромеев спешить к нам; пусть он не изнуряет свои силы на путешествие в сию страну — мы сами разобьем вскоре свои шатры у ворот Византия (Константинополя. — А. Б.) и возведем вокруг города крепкие заслоны, а если он выйдет к нам, если решится противостоять такой беде, мы храбро встретим его и покажем ему на деле, что мы не какие-нибудь ремесленники, добывающие средства к жизни трудами рук своих, а мужи крови, которые оружием побеждают врага. Зря он по неразумию своему прини-

мает росов за изнеженных баб и тщится запугать нас подобными угрозами, как грудных младенцев, которых страшат всякими пугалами'». Возможно, ромейский автор имел в виду, что Святослав презирал войска имперских округов-фем, набранные из военнообязанных крестьян-стратиотов (в том числе славян). Но если в основе рассказа Льва лежало реальное послание Святослава, оно показывало лишь обоснованное чувство превосходства профессиональных воинов дружины над всеми остальными мужами.

Цимисхий был достаточно умен, чтобы верно отреагировать, и тут же создал отряд «бессмертных», или «саларов» (военачальников) из детей погибших воинов, укрепляя и профессиональную пехоту, которую начал возрождать Никифор Фока. Все войска, какие он мог отвлечь от кампаний в Азии, император послал той зимой защищать границу с Болгарией. Командирами стали потомственный полководец и свойственник императора магистр Варда Склир и стратопедарх Петр. Военный чин стратопедарха («начальника лагеря») был создан императором Никифором Фокой специально для Петра, так как тот был евнухом. Это обстоятельство смущало и Льва Диакона, который поспешил подчеркнуть его мужественность: «Рассказывают, что во время набега скифов на Фракию, когда Петру, несмотря на то что он был скопцом, случилось выступить со своим отрядом против них в битве, в промежутке между рядами выехал на коне вождь скифов, муж огромного роста, надежно защищенный панцирем, и, потрясая длинным копьем, стал вызывать желающего выступить против него; тогда Петр, преисполненный сверх ожиданий (!) храбрости и отваги, мощно развернулся и с такой силой направил обеими руками копьё в грудь скифа, что острие пронзило тело насквозь и вышло из спины; не смогла защитить великана кольчужная броня, и он, не издав ни звука, распростерся на земле, а скифы, пораженные необычным, удивительным зрелищем, обратились в бегство». Чтобы пробить копьём кольчугу, как показали эксперименты, не нужно быть богатырем. Двумя руками копьё держали тяже-

довооруженные конники сарматы, у которых учились ромеи. Но храбрость Петра Лев нам доказал.

Переправившись из Азии в Европу, ромейское войско столкнулось у города Аркадиополя с войском болгар, венгров и печенегов, союзников Святослава. Варда Склир имел 10 тысяч «отборных воинов» (согласно Льву; у Скилицы 12 тысяч), численность противника ромеи преувеличили до 30 тысяч.

«Пламенея гневом и страстной отвагой», Склир разведал расположение варваров с помощью конницы. Он разделил «фалангу» на три части: «одной из них приказал следовать прямо за ним в центре, а двум другим — скрыться в стороне, в лесах, и выскочить из засады, как только они услышат трубный звук, призывающий к бою. Отдав эти распоряжения лохагам (командирам отрядов классической греческой фаланги. — А. Б.), он устремился прямо на скифов. Завязалась горячая битва... с обеих сторон гибли храбрейшие воины. И тут, говорят, какой-то скиф, кичась своей силой и могучеством тела, вырвался вперед из окружавшей его фаланги всадников, подскочил к Варде и ударил его мечом по шлему. Но удар был неудачным: лезвие меча, ударившись о твердь шлема, согнулось и соскользнуло в сторону. Тогда патрикий Константин, брат Варды, юноша, у которого едва пробивался пушок на подбородке, но который был огромного роста и непобедимой, непреодолимой силы, извлек меч и набросился на скифа. Тот устранился натиска Константина и уклонился от удара, откинувшись на круп лошади. Удар пришелся по шее коня, и голова его отлетела в сторону; скиф же рухнул вместе с конем на землю и был заколот Константином».

Каролингским мечом и венгерской саблей того времени действительно можно было отсечь голову коня, но для того, чтобы рубить сталь, они были не предназначены. Разрубить ими шлем и доспехи было настоящим подвигом, как Лев Диакон рассказал далее.

Эта победа в поединке не переломила ход битвы. Успех «склонялся то в пользу одного, то в пользу другого войска, и непостоянство счастья переходило бес-

перечь с одной стороны на другую, Варда приказал трубить военный сбор и часто бить в тимпаны. По сему знаку поднялась спрятанная в засаде фаланга и устремила на скифов с тыла: охваченные страхом, они стали склоняться к бегству. Однако в то время, когда отступление еще только началось, какой-то знатный скиф, превосходивший прочих воинов большим ростом и блеском доспехов, двигаясь по пространству между двумя войсками, стал возбуждать в своих соратниках мужество». Войска в битве сходились и расходились многократно. Римское искусство замены воинов первых рядов для непрерывного сражения было в значительной мере утрачено. В перерывах между схватками вызов командира противника на конный бой был логичен.

«К нему подсказал Варда Склир и так ударил его по голове, что меч проник до пояса; шлем не мог защитить скифа, панцирь не выдержал силы руки и разящего действия меча. Тот свалился на землю, разрубленный надвое; ромеи приободрились и огласили воздух радостными криками. Скифы пришли в ужас от этого поразительного, сверхъестественного удара; они завопили, сломали свой строй и обратились в бегство. До позднего вечера ромеи преследовали их и беспощадно истребляли. Говорят, что в этой битве было убито пятьдесят пять ромеев, много было ранено и еще больше пало коней, а скифов погибло более двадцати тысяч. Вот как закончилось это сражение между скифами и ромеями».

Нам тоже удар, разрубающий разом шлем и кольчугу, представляется удивительным. Но острие меча могло прийтись в край шлема, разрубив лицо, — против этого на Руси нижний обод шлема и укрепляли накладным обручем. Возможно, впрочем, что ромей разрубил венгру, печенегу или болгарину незащищенную голову и грудь.

Победа, как ни хотел ее возвеличить Лев Диакон, не означала еще перелома в войне. Уже в следующей строке он рассказывает, что «император Иоанн торопил азиатские войска с переправой через Геллеспонт в

Европу. Он приказал им провести зиму в областях Фракии и Македонии, ежедневно упражняясь во владении оружием, чтобы не оказаться неспособными к предстоящим боям и не быть разбитыми неприятелем». Весной он обещал явиться сам и, «ведя за собой войска свои», «всеми силами обрушиться на тавроскифов».

В русской летописи о действиях войска болгар и венгров не упомянуто, зато рассказано о неудержимом наступлении самого Святослава и его схватке с главными силами империи в Европе. Здесь соотношение сил было обратным. Менее десяти тысяч (за вычетом гарнизонов в Болгарии) имел русский князь, противников же было без счета. «И пошел Святослав на греков, и вышли (греки) против руси. Когда же увидела русь, убоялась великого множества воинов. И сказал им Святослав: “Уже нам некуда деться. Волей и неволей (придется) стать против. Да не посрамям земли Русской, но ляжем костями тут, ибо мертвые срама не имут. Если побежим, — объяснил он для тех, кто еще не осознал ситуацию, — то осрамятся. Поэтому не побежим, но станем крепко. Я же перед вами пойду. Если моя голова ляжет, то делайте, что хотите”. И сказали воины: “Где, князь, голова твоя, тут и головы наши сложим”. Ополчилась русь, также и греки против ополчились. И сразились оба полка, и окружили русь, и была сеча велика зело, и одолел Святослав, и бежали греки».

Пользуясь победой, Святослав двинулся по Фракии на Константинополь, «воюя и разрушая города, которые стоят пусты и до сего дня». Эти слова Древнейшего сказания подтверждаются ромейскими источниками. Скилица привел красноречивую эпитафию, начертанную на надгробии Никифора Фоки митрополитом Иоанном Милитинским: «Ныне восстань, о владыка, и построй пеших, конных, лучников, свое войско, фаланги, полки: на нас устремляется русское всеоружие. Скифские племена рвутся к убийствам. Все те народы, которые раньше трепетали от одного твоего образа... ныне грабят твой город... Если же ты не сделаешь этого, тогда прими нас всех в свою могилу». Анонимный трактат «Древности Константинополя»,

написанный около 995 года, сообщает, что на цоколе конной статуи, стоявшей на площади Тавра, были «вырезаны рассказы о последних днях города, когда росы будут готовы разрушить этот город».

Конечно, штурмовать Царыград со столь малыми силами Святославу было бы затруднительно. Но и остановить его движение ромеи не могли. У Цимисхия появилась более серьезная забота — родственник убитого им императора Варда Фока был провозглашен «императором ромеев» войском, оставленным в Азии против натиска сарацин. Эти отважные воины вообще относились к империи скептически. Стратеги пограничных фем даже не пускали на свою землю императора со слишком большой вооруженной свитой. Нередко они происходили по отцу или матери от арабов, как рассказано в популярнейшей в империи (а вскоре и на Руси) эпической поэме о Дигенисе Акрите — богатые пограничники, близком по доблести, духу и приключениям к героям русских былин¹⁹⁸. Защищавший европейские владения Империи ромеев Варда Склир был плоть от плоти их, свободный пограничный воин акрит со смешанной кровью и чувством долга перед соратниками и малой родиной. Император попал между двух огней. Хитростью и силой подавить восстание или умереть — такова была альтернатива Цимисхия. Он заключил мир со Святославом и сосредоточился на внутренней борьбе.

Древнейшее сказание описывает заключение мира с помощью притчи. Император прислал Святославу посольство с золотом и драгоценными тканями, но князь, не посмотрев на дары, отдал их отрокам: «Возьмите, кто что будет». Тогда мудрец посоветовал императору послать «оружие бранное». Тут князь посла «принял, начал любить и хвалить, и целовать, как самого пса». И сказали императору бояре: «Лют сей муж будет, потому что именем пренебрегает, а оружие

¹⁹⁸ Девгениево деяние / Подг. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 3: XI—XII вв.

берет и любит; дай дань». Тогда Цимисхий отправил Святославу, который уже «немного не дошел до Цареграда», предложение: «Возьми дань, какую захочешь». Святослав взял дань на живых и убитых русов, «говоря, что род его возьмет», «и возвратился к Переяславцу с похвалой великой». Этим рассказом сказитель завершает войну, которая на самом деле только начиналась.

Согласно Льву Диакону, Святослав вернулся в Болгарию. Весной 971 года он был в Доростоле, а его отряды «делали нечаянные набеги, грабили и опустошали Македонию». Конечно, это могли быть и болгары. Цимисхий, решая свои проблемы в Азии, вынужден был отозвать Варду Склира и его ветеранов, поручив оборону в Европе неопытному Иоанну Куркуласу. Пока Варда Склир утишал мятеж в Азии, стараясь не проливать крови соотечественников, участники набегов на болгарской границе стали «надменнее и опаснее». Скилица рассказывает о посольстве русов в Константинополе, которое император упрекал за «допущенные несправедливости». Но организация Святославом пограничной службы была невозможна: сама концепция богатых застав появится на Руси только при его сыне Владимире. По Льву Диакону, Цимисхий отправил к князю в Болгарию два посольства. Так прошли 970-й и начало 971 года. Весной император, в полной секретности сосредоточив войска, внезапно вошел через неохранные русами горные проходы в Болгарию. Святослав пренебрегал разведкой. Шпионы же императора, в том числе знающие русский язык, по словам Льва, активно работали уже второй год.

Вторжение было обеспечено большими складами продовольствия и фуража в Адрианополе. В устье Дуная заранее был послан флот огненосных триер в сопровождении эскадры мелких кораблей, всего «более трехсот» судов, «для охраны речного пути, чтобы скифы не могли уплыть на родину и на Киммерийский Боспор в том случае, если они будут обращены в бегство». Вслед за знаменем с крестом сам «Иоанн, прекрасно вооруженный, вскочил на быстрого благородного коня, вскинул на плечо длинное копьё и дви-

нулся в путь. Впереди него двигалась фаланга воинов, сплошь закрытых панцирями и называвшихся “бессмертными”, а сзади — около пятнадцати тысяч отборнейших гоплитов и тринадцать тысяч всадников. Заботу об остальной войске император поручил предедру (главе совета. — А. Б.) Василию; оно медленно двигалось позади вместе с обозом, везя осадные и другие машины. Когда они вопреки всякому ожиданию прошли опасные гористые места, император прервал напряженный марш, дал отдых всему пешему и конному войску, расположив его на неприступном холме, с одной стороны которого протекала река, обещавшая изобилие воды».

На рассвете, соблюдая все предосторожности, император, построив войско «в глубокие фаланги», под звуки труб, грохот кимвалов и тимпанов (тарелок и барабанов), внезапно атаковал город Преслав. Русский гарнизон был захвачен врасплох. Но пребывание дружинников в Болгарии прошло недаром. По крайней мере, у них были прочные и длинные щиты: «все же они поспешно схватились за оружие, покрыли плечи щитами — щиты у них прочны и для большей безопасности достигают ног». По описанию Льва Диакона, это могут быть только византийские щиты-воронны, выгнутые и каплевидные, в виде вороньего клюва, широкой верхней частью закрывающие плечи и сужающиеся к ногам. В империи они появились как раз в X веке, а через сто лет после битв на Дунае норманны победили с ними саксов в Англии. Русы «выстроились в грозный боевой порядок, выступили на ровное поле перед городом и, рыча наподобие зверей, испуская странные, непонятные возгласы, бросились на ромеев. Ромеи столкнулись с ними и храбро сражались, совершая удивительные подвиги: однако ни та, ни другая сторона не могла взять верх».

Исход битвы решила атака катафрактов, закованных в латы с головы до ног, на конях, также прикрытых броней. Оказалось, что «бессмертные», которых собрал и упорно тренировал Цимисхий, были вовсе не пехотой. По приказу императора «бессмертные, вы-

ставив вперед копы и сильно прищпорив коней, бросились на врагов. Скифы сражаются в пешем строю; они не привыкли воевать на конях и не упражняются в этом деле. Поэтому они не выдержали натиска ромейских копий, обратились в бегство и заперлись в стенах города. Ромеи преследовали их и беспощадно убивали. Рассказывают, будто во время этого наступления погибло восемь тысяч пятьсот скифов». Скилица пишет, что росов всего было 8 тысяч, преувеличивая их силы примерно в 10 раз. Даже если Святослав получал пополнения с Руси, он не имел столько воинов, сколько уничтожают в его войске щедрые ромейские авторы, пусть даже значительную часть гарнизона, вышедшего в поле перед Пловдивом, составляли болгары.

Пробить стену щитов тяжелая кавалерия могла лишь таранным ударом длинных копий, и то не всегда. Если византийцы использовали такой удар, они опередили развитие военного дела в Евразии на 150 лет. Но по рассказу Скилицы, росы под Преславом, проводившие учения в поле, были атакованы неожиданно, начали отступление и были отрезаны «фалангой» ромейских всадников, успешно действовавших против рассыпавшегося по полю противника. С ромейской стороны сражался передовой отряд императора: «около пяти тысяч пехотинцев облегченного вооружения и четыре тысячи всадников».

Как ни преувеличивали ромеи свою победу в поле, взять столицу Болгарского царства с ходу им не удалось. «Оставшиеся в живых, — продолжает Лев, — спрятались в крепости и, яростно сопротивляясь, метали сверху со стен копы и стрелы. Говорят, что в Преславе находился и патрикий Калокир, который, как я уже сообщил в свое время, двинул войско росов на мисян. Узнав о прибытии императора — а это невозможно было скрыть, так как золотые императорские знаки сияли чудесным блеском, — он глубокой ночью тайно бежал из города и явился к Сфендославу, который со всем своим войском находился у Доростола».

Русским гарнизоном Преслава, где на свободе жил болгарский царь Борис с семьей и во дворце храни-

лась его казна, командовал воевода Сфенкел, «который был у скифов третьим по достоинству после Сфендослава, их верховного катархонта». Когда на утро 13 апреля 971 года ромеи, подтянув главные силы и большое число катапульта, пошли на штурм, он не смог удержать слишком длинные для гарнизона стены города. Росы «оборонялись за зубцами стен и изо всех сил отражали натиск ромеев, бросая сверху дротики, стрелы и камни. Ромеи же стреляли снизу вверх из камнеметных орудий, забрасывали осажденных тучами камней, стрелами и дротиками, отражали их удары, не давали им возможности выглянуть из-за зубчатых стен без вреда для себя». Ромеи сумели взобраться на стены по многочисленным лестницам, однако росы в порядке отступили в царский дворец и выстроились в его дворе, оставив одни ворота открытыми.

«Ромеи все разом ворвались в город и рассыпались по узким улицам, убивали врагов и грабили их добро, — повествует далее Лев. — Так они достигли царского дворца, в котором сгрудилась лучшая часть войска росов. Но скифы, находившиеся во дворце, яростно сопротивлялись проникшим через ворота ромеям и убили около полутораста храбрейших воинов. Узнав об этой неудаче, император прискакал во весь опор ко дворцу и приказал своей гвардии всеми силами наступать на врага. Но, увидев, что из этого не выйдет ничего хорошего — ведь тавроскифы легко поражали множество воинов, встречая их в узком проходе, — он остановил безрассудное устремление ромеев и распорядился со всех сторон бросать во дворец через стены огонь. Когда разгорелось сильное пламя, сжигавшее все на своем пути, росы, числом свыше семи тысяч, вышли из помещения, выстроились на открытом месте у дворца и приготовились отразить наступление.

Император, — завершает Лев свой рассказ о битве за Преслав, — послал против них магистра Варду Склира с надежным отрядом. Окружив скифов фалангой храбрейших воинов, Склир вступил в бой. Завязалось сражение, и росы отчаянно сопротивлялись, не показы-

вая врагам спины; однако ромеи [победили] своим мужеством и военной опытностью и всех их перекололи. В этой битве погибло также множество мисян, сражавшихся на стороне врагов против ромеев, виновников нападения на них скифов. Сфенкелу с немногими удалось спастись бегством. Он ушел к Сфендославу».

Согласно хронике Скилицы, когда все атаки ромеев на дворец были отражены, император лично вступил в бой. «Вооружившись, он сам устремился пешим впереди прочих воинов, которые при виде этого тотчас же схватили оружие и бросились за ним; каждый спешил опередить государя, и с военным кличем и шумом они кинулись на укрепление». И... были отбиты, как рассказал нам и Лев. Заставить росов покинуть Преслав удалось только огнем, когда ромеи со всех сторон подождли дворец.

Если посмотреть на победоносные действия ромеев с русской стороны, мы обнаружим у дружины поразительные свойства. Часть русов, внезапно атакованная на равнине, где они, как пишет Скилица, проводили учения, устояла против пехоты. И только атака конницы, которую ромеи до последнего опасались бросить в бой, заставила их отступить за городские стены. Во время штурма русы, как мы уже определили по археологии, использовали сулицы, луки и, разумеется, камни. Одни болгары сражались за них, другие готовы были предать. Воевода Сфенкел принял верное решение, в ходе боя собрав русов в царском дворце, где они квартировали (царь Борис с семьей жил в городе). Взяв свое имущество и женщин, русы перебили брошенный против них отборный отряд ромеев и ушли, как будто и не были окружены сонмами врагов. Из примерно 800 дружинников (древние авторы умножали цифры в основном на 10 или 100) в бою под городом, на стенах и в воротах дворца их погибло до 100. Оставшиеся 700 сумели вырваться из Преслава (города, судя по раскопкам, площадью примерно в три с половиной квадратных километра), отбились от вражеской кавалерии и добрались к Святославу в Доростол. Конечно, ромейские авторы, усердно украшая победу

своего императора, не могли признать, что росы продемонстрировали высшую доблесть, устояв перед армией, намного превосходящей их численностью, техникой и вооружением. Но факт, что всячески истребаемый превосходящими силами гарнизон ушел и соединился с князем в Доростоле, они выбросить из текста не смогли. Как и мы не можем вообразить, что разрозненные кучки «разбитых» усилиями Льва Дякона пеших росов могли уйти от ромейской конницы, если были не способны отражать ее атаки в строю.

Имперское войско пришло от Преслава к Доростолу примерно через неделю. Цимисхий послал к Святославу нескольких пленных росов с требованием сложить оружие и покинуть страну, которую уже считал завоеванной. Царя Бориса с семьей он захватил, столицу Болгарии переименовал в Иоаннополь. Плиска и другие города перешли на сторону сильного без боя. Лев Дякон сохранил описание «знаков царского достоинства» Бориса, восходящих к византийской моде и сильно напоминающих наряд русских князей, когда мы видим их на изображениях XI века: «они состояли из тиары (в виде круглой шапки), отороченной пурпуром, вышитой золотом и жемчугом, а также из багряницы (плаща в форме корзны) и красных полусапог».

Тем временем Святослав, обезглавив 300 знатных болгар, «находившихся в подозрении», двинул «около шестидесяти тысяч» (то есть шести тысяч) росов против ромеев. Когда войска императора, пробившись через засады, «подошли к пространству, лежащему перед Дористолом... тавроскифы плотно сомкнули щиты и копья, придав своим рядам вид стены, и ожидали противника на поле битвы. Император выстроил против них ромеев, расположив одетых в панцири всадников по бокам, а лучников и пращников позади, и, приказав им безостановочно стрелять, повел фалангу в бой», — читаем у Льва.

Согласно хронике Скилицы, это было 23 апреля, в день святого Георгия. Число росов, вступивших в схватку с императорской армией на подходах к Доростолу, он оценивал в 7 тысяч, зато все войско Свято-

слава без стеснения посчитал за 320 тысяч. Похоже, тут число воинов умножено уже на сто, чтобы оправдать трудности, с которыми столкнулась армия императора. Сложение 7 тысяч с 3200 дает примерно 10 тысяч, как Святослав сам характеризовал свое войско за год до этого, с небольшим пополнением.

Под Доростолом, согласно Льву, «воины сошлись врукопашную, завязалась яростная битва, и в первых схватках обе стороны долго сражались с одинаковым успехом. Росы, стяжавшие среди соседних народов славу постоянных победителей в боях, считали, что их постигнет ужасное бедствие, если они потерпят постыдное поражение от ромеев, и дрались, напрягая все силы. Ромеев же одолевали стыд и злоба, что они, побеждавшие оружием и мужеством всех противников, отступят как неопытные в битвах новички и потеряют в короткое время свою великую славу, потерпев поражение от народа, сражающегося в пешем строю и во все не умеющего ездить верхом. Побуждаемые такими мыслями, войска сражались с непревзойденной храбростью; росы, которыми руководило их врожденное зверство и бешенство, в яростном порыве устремлялись, ревя как одержимые, на ромеев, а ромеи наступали, используя свой опыт и военное искусство. Много пало с обеих сторон, бой шел с переменным успехом, и до самого вечера нельзя было определить, на чью сторону склоняется победа. Но когда светило стало клониться к западу, император бросил всю конницу во весь опор; громким голосом призвал он воинов показать на деле природную ромейскую доблесть и вселил в них бодрость духа. Они устремились с необыкновенной силой, трубачи протрубили к сражению, и могучий клич раздался над ромейскими рядами. Скифы, не выдержав такого натиска, обратились в бегство и были оттеснены за стены; они потеряли в этом бою многих своих. А ромеи запели победные гимны и прославляли императора. Он раздавал им награды и устраивал пиры, усиливая их рвение в битвах».

Даже делая скидку на обязательную риторику Льва Дякона, мы видим, что численно превосходящие

силы ромеев (без значительного превосходства Цимисхий не начал бы битвы) не раз за день чувствовали себя на грани поражения. Прекрасная атака тяжелой конницы была проведена лишь в конце сражения, на расстроенные ряды росов. Блеск этой победы смазывает лишь указание Скилицы, что битва произошла в 12 милях от Доростола. То есть росы, если бы они были опрокинуты кавалерией, уже никуда уйти не могли. В критический момент император «сам двинулся... с развернутыми императорскими знаменами, потрясая копьём, часто понукая шпорами коня и побуждая воинов боевым кличем», но опрокинуть строй росов не смог. Сражение 12 раз «приобретало новый оборот»; наконец «росы, избегая опасности, рассеялись в беспорядочном бегстве по равнине», что, будь это правдой, означало бы их истребление конницей. На деле Святослав смог в порядке отступить в Доростол.

Тень на триумфальность победоносного шествия императора к Доростолу бросает описание лагеря на холме, который ромеи, надо полагать, с упомянутым пением победных гимнов, окружили глубоким рвом и валом, чтобы «враги никак не могли проникнуть внутрь». «Так разбивают обычно ромеи свой стан во вражеской стране», — кривит душой Лев Диакон, знающий, что идея укрепления лагеря рвом и валом не была общепринятой в армии его времени: утруждать ратников работой военные руководства рекомендовали только в случае реальной опасности атаки врагов. Последующие события показали, что Цимисхий опасался росов не напрасно.

На следующий день его войско, двинувшееся к Доростолу, было отбито стрелами и камнями («из метательных орудий»), которыми росы научились пользоваться. Отступление ромеев сопровождалось первой конной вылазкой росов — «они всегда прежде шли в бой в пешем строю, а ездить верхом и сражаться с врагами [на лошадях] не умели. Ромеи тотчас вооружились, вскочили на коней, схватили копьё — они пользуются в битвах очень длинными копьёями — и стремительно, грозной лавиной понеслись на врагов.

Ромейские копыя поражали [росов], не умевших управлять лошадьми при помощи поводыев. Они обратились в бегство и укрылись за стенами». Согласно Скилице, в вылазке росов через двое ворот участвовала и пехота. «Борьба долго шла с равным успехом, наконец ромеи обратили варваров в бегство своей доблестью и, прижав к стене, многих перебили в этой стычке и всего более — всадников. Ни один из ромеев не был ранен, и только три лошади были убиты», — то есть схватка была не такой уж крупной.

Управление лошадью без поводыев, необходимое, если всадник пользовался кулачным щитом (руку освобождало только крепление щита ремнями на плече и локте), требовало большого искусства. Но у ромеев в доспехах, с очень длинными копыями была все-таки более передовая кавалерия, как я предполагаю, уже овладевшая техникой таранного удара. Это не значит, что своими копыями они могли, атакуя строем, в русских всадников попасть. Русы не смогли их одолеть, но сумели скрыться. Подробную проблему испытывали позже и русские тяжеловооруженные дружинники князей Ярослава Всеволодовича и Александра Невского. Сметая таранным ударом копий немецких, датских и шведских рыцарей, они вынуждены были менять оружие в высокоманевренных боях с литовскими всадниками, снимая вторую броню, надевая открытые шлемы, беря в руки легкие копыя и мечи. Иначе вертикальных литовских всадников было просто не поймать.

Тем временем с Дуная Доростол был блокирован «огненосными триерами». Справедливо опасаясь «греческого огня», русы укрыли свои лады под стеной крепости, выходящей к реке, куда ромеи не могли подойти из-за мелководья и опасения попасть под удар камней. Цимисхию флот доставил продовольствие, Святославу блокировал снабжение. На следующий день князь, отозвав, как пишет Скилица, воинов из разных укреплений в Доростол, вывел дружину в поле на битву.

По рассказу Льва Диакона, русы «вышли из города и построились на равнине, защищенные кольчугами и доходившими до самых ног щитами. Вышли из

лагеря и ромей, также надежно прикрытые доспехами. Обе стороны храбро сражались, попеременно тесня друг друга, и было неясно, кто победит». После гибели воеводы Сфенкела, «доблестного, огромного ростом мужа», русы отступили в город. Скилица уточняет, что атака Святослава началась вечером, и бой продолжался всю ночь, охватив всю равнину. Русы отступили, лишь опасаясь, что их отрежут от города, который князь тут же благоразумно укрепил рвом. Но оборона была ему невыгодна, поскольку, не ожидая нарушения императором мира и не представляя реальную силу армии ромеев, русы не запаслись продовольствием, чтобы выдержать осаду.

Лев предпочел не упоминать об удачной вылазке Святослава с двумя тысячами воинов за продовольствием: об этом написал только Скилица, насильно усадив наших предков в «челны-однодеревки». Ночью, в «сильный дождь» и «страшный град», русы вышли в Дунай от Доростола и смогли собрать «зернового хлеба, пшена и прочих жизненных припасов». На обратном пути они истребили «многих обозных слуг, которые поили и пасли лошадей либо пришли за дровами. Сойдя со своих судов и пройдя бесшумно через лес, [руссы] неожиданно напали на них, многих перебили, а прочих принудили рассеяться по соседним зарослям. Усевшись снова в ладьи, они с попутным ветром понеслись к Доростолу. Великий гнев охватил императора, когда он узнал об этом, и он сурово обвинял начальников флота за то, что они не знали об отплытии варваров из Доростола; он угрожал им даже смертью, если нечто подобное повторится еще раз, и после того оба берега реки тщательно охранялись. Целых шестьдесят пять дней вел император осаду, и так как ежедневно происходившие стычки были бесплодны, он решил попытаться взять город блокадой и голодом. Ввиду этого он велел перекопать рвами все дороги, везде была поставлена стража, и никто не мог в поисках продовольствия выйти из города».

Блокировав Доростол на дальних подступах, император не смог предотвратить вылазок гарнизона. Русы

атаковали большие катапульты, которыми командовал магистр Иоанн Куркуас. У него, откровенно пишет Лев о нравах командования ромеев, после завтрака «сильно болела голова и... его клонило ко сну от вина». Поскакав со свитой в атаку, он упал с коня. «Скифы увидели великолепное вооружение, прекрасно отделанные бляхи на конской сбруе и другие украшения — они были покрыты немалым слоем золота — и подумали, что это сам император... они зверским образом изрубили его вместе с доспехами своими мечами и секирами, насадили голову на копье, водрузили ее на башне и стали потешаться над ромеями». Бляхи, лишь покрытые золотом (золотая или золоченая бронзовая фольга, залитая свинцом), стали в X веке модным украшением конской сбруи на Руси. По хронике Скилицы, русы не смогли пробиться до осадных машин.

Но на следующий день, пишет Лев Диакон, дружинники вышли из города «и построились к бою на открытом месте. Ромеи также выстроились в глубокую фалангу и двинулись им навстречу». Исход боя решила схватка между отрядом русского воеводы Икмора и кавалерией телохранителей императора, один из которых «настиг его и ударил [мечом] в шею — голова скифа, отрубленная вместе с правой рукой, скатилась на землю», что говорит нам об отсутствии на Икморе шлема с бармицей и брони. «Скифы не выдержали натиска противника. Сильно удрученные гибелью своего предводителя, они забросили щиты за спины и стали отступать к городу». «Если бы не наступление ночи, — добавил Скилица, — то и сам Свендослав не избежал бы плена. Спасшись от опасности и находясь за стенами, [скифы] подняли великий плач из-за смерти Икмора. Снимая доспехи с убитых варваров, ромеи находили между ними мертвых женщин в мужской одежде, которые сражались вместе с мужчинами против ромеев».

Как видим, женщины не только следовали за русскими дружинами, но и принимали участие в битвах, по крайней мере в критической ситуации, когда у Святослава было мало воинов. Ромейские авторы снова

попытались преувеличить победу императора, однако отступление русов со щитами, заброшенными за спину, говорит нам о том, что они ушли в Доростол без преследования. И поле не осталось за ромеями. В эту ночь русы совершили тризну, которую описал Лев Диакон: «Когда наступила ночь и засиял полный круг луны, скифы вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромоздили их перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра (Дуная. — А. Б.).

Говорят, — приписал тут Лев приятное славянофилам рассуждение о родстве русов с Ахиллесом, — что скифы почитают таинства эллинов, приносят по языческому обряду жертвы и совершают возлияния по умершим, научившись этому то ли у своих философов Анахарсиса и Замолксиса, то ли у соратников Ахилла. Ведь Арриан пишет в своем «Описании морского берега», что сын Пелея Ахилл был скифом и происходил из городка под названием Мирмикион, лежащего у Меотидского озера. Изгнанный скифами за свой дикий, жестокий и наглый нрав, он впоследствии поселился в Фессалии. Явными доказательствами [скифского происхождения Ахилла] служат покроя его накидки, скрепленной застежкой, привычка сражаться пешим, белокурые волосы, светло-синие глаза, сумасбродная раздражительность и жестокость, над которыми издевался Агамемнон, порицая его следующими словами: «Распря единая, брань и убийство тебе лишь приятны». Тавроскифы и теперь еще имеют обыкновение разрешать споры убийством и кровопролитием (по «Русской правде». — А. Б.). О том, что этот народ безрассуден, храбр, воинствен и могуч, [что] он совершает нападения на все соседние племена, утверждают многие».

Как бы то ни было, после тризны, 23 (по Скилице 20-го) июля 971 года, «на рассвете Сфендослав созвал совет знати» и «спросил у них, как поступить. Одни

высказали мнение, что следует поздней ночью погрузиться на корабли и попытаться тайком ускользнуть, потому что невозможно сражаться с покрытыми железными доспехами всадниками, потеряв лучших бойцов, которые были опорой войска и укрепляли мужество воинов. Другие возражали, утверждая, что нужно помириться с ромеями, взяв с них клятву, и сохранить таким путем оставшееся войско, ведь нелегко будет скрыть бегство, потому что огненосные суда, стерегущие с обеих сторон проходы у берегов Истра, немедленно сожгут всё... Тогда Сфендослав глубоко вздохнул и воскликнул с горечью: «Погибла слава, которая шествовала вслед за войском росов, легко побеждавшим соседние народы и без кровопролития порабо­щавшим целые страны, если мы теперь позорно от­ступим перед ромеями. Итак, проникнемся мужеством, [которое завещали] нам предки, вспомним о том, что мощь росов до сих пор была несокрушимой, и будем ожесточенно сражаться за свою жизнь. Не пристало нам возвращаться на родину, спасаясь бегством; [мы должны] либо победить и остаться в живых, либо умереть со славой, совершив подвиги, [достойные] доб­лестных мужей!»».

Лев Диакон добавил тут ромейское поверье, что росы «вплоть до нынешних времен никогда не сдаются врагам даже побежденные; когда нет уже надежды на спасение, они пронзают себе мечами внутренности и таким образом сами себя убивают». Это объясняет, от­чего росы, «выслушав речь своего повелителя, с радо­стью согласились вступить в опасную борьбу за свое спасение и мужественно противостоять могуществу ромеев».

Скилица описал то же самое без риторики: «Ког­да они собрали совещание, то одни советовали тайно удалиться ночью, другие — вернуться домой, попро­сив у ромеев мира и залогов верности, ибо нет другого пути к возвращению. Некоторые советовали предпри­нять и другие меры соответственно обстоятельствам, и все сходились на том, что следует окончить войну. Свендослав же убедил их решиться на еще одну битву

с ромеями и либо, отлично сражаясь, победить врагов, либо, будучи побежденными, предпочесть постыдной и позорной жизни славную и блаженную смерть. Ибо как возможно было бы им существовать, найдя спасение в бегстве, если их легко станут презирать соседние народы, которым они прежде внушали страх? Совет Свендослава пришелся им по нраву, и все согласились встретить общими силами крайнюю опасность для их жизни. На рассвете следующего дня варвары поголовно выступили из города».

24 июля 971 года, по Льву Диакону, «к заходу солнца все войско тавроскифов вышло из города; они решили сражаться изо всех сил, построились в мощную фалангу и выставили вперед копья. Император со своей стороны выстроил ромеев и вывел их из укрепления. Вот уже завязалась битва, и скифы с силой напали на ромеев, пронзали их копьями, ранили стрелами коней и валили на землю всадников. Видя, с какой неистовой яростью бросался Сфендослав на ромеев и воодушевляя к бою ряды своих, Анемас (знатный юноша сарацинского рода. — А. Б.), который прославился накануне убиением Икмора, вырвался на коне вперед — делать это вошло у него в обычай, и таким путем он уже поразил множество скифов — опустив поводья, устремился на [предводителя росов] и, ударив его мечом по ключице, поверг вниз головою наземь, но не убил. [Сфендослава] спасли кольчужная рубаха и щит, которыми он вооружился, опасаясь ромейских копий. Анемас же был окружен рядами скифов, конь его пал, сраженный тучей копий; он перебил многих из них, но погиб и сам — муж, которого никто из сверстников не мог превзойти воинскими подвигами.

Гибель Анемаса воодушевила росов, и они с дикими, пронзительными воплями начали теснить ромеев. Те стали поспешно поворачивать назад, уклоняясь от чудовищного натиска скифов. Тогда император, увидевший, что фаланга ромеев отступает, убоясь, чтобы они, устрашенные небывалым нападением скифов, не попали в крайнюю беду. Он созвал приближенных к себе воинов, изо всех сил сжал копье и сам помчался

на врагов. Забили тимпаны и заиграли военный призыв трубы; стыдясь того, что сам государь идет в бой, ромеи повернули лошадей и с силой устремились на скифов. Но вдруг разразился ураган вперемежку с дождем: устремившись с неба, он заслонил неприятелей; к тому же поднялась пыль, которая забила им глаза».

В этот момент «перед ромеями появился какой-то всадник на белом коне», не иначе как святой Феодор Стратилат. Под его предводительством разбитые было «ромеи вступили в бой с врагами. Завязалась горячая битва, и скифы не выдержали натиска конной фаланги. Окруженные магистром Вардой, по прозванию Склир, который со множеством [воинов] обошел их с тыла, они обратились в бегство... Сфендослав, израненный стрелами, потерявший много крови, едва не попал в плен; его спасло лишь наступление ночи. Говорят, что в этой битве полегло пятнадцать тысяч пятьсот скифов, подобрали двадцать тысяч щитов и очень много мечей. Среди ромеев убитых было триста пятьдесят, но раненых было немало».

Оставляя в стороне эпическую гигантоманию, нужно констатировать, что решительную битву, в которой против нескольких тысяч пеших русов билось по меньшей мере столько же тяжелых всадников, Святослав проиграл. Победу ромеям принесло ложное отступление императора и обходной маневр Варды Склира, как яснее рассказал Скилица, перенеся начало сражения с вечера на утро (иначе бой получался слишком скоротечным) и по-другому датируя его.

21 июля 971 года «на рассвете... варвары поголовно выступили из города. Чтобы никому не было возможности спастись бегством в город, они заперли за собою ворота и бросились на ромеев. Завязалось ожесточенное сражение. Варвары бились отважно, и ромеи в тяжелых доспехах, изнуряемые жаждой и сжигаемые солнцем (был как раз самый полдень), стали поддаваться. Узнав об этом, император прискакал на помощь со своими воинами и принял на себя главный удар, а утомленному солнцем и жаждой воинству приказал доставить мехи, наполненные вином и водой.

Воспользовавшись ими, избавясь от жажды и зноя и собравшись с силами, они стремительно и неистово бросились на скифов; те, однако, достойно их приняли.

Пока император не заметил, что место битвы очень тесно, она продолжалась с равным успехом. Но он понял, что по этой причине скифы теснят ромеев и мешают им совершать деяния, достойные их силы. И вот стратигам было приказано отойти назад на равнину, отодвинувшись подальше от города и делая при этом вид, будто они убегают, но на деле не бежать сломя голову, а отходить спокойно и понемногу; когда же преследователи будут отвлечены на большое расстояние от города, [им надлежит] неожиданно натянув поводья, повернуть лошадей и напасть на врага.

Приказание было исполнено, и росы, считая отступление ромеев настоящим бегством, с военным кличем устремились за ними, подбадривая друг друга. Но когда ромеи достигли назначенного места, они повернулись и отважно ринулись на врагов. Там завязалась жестокая битва, и случилось, что стратиг Феодор из Мисфии, конь которого был сражен пикой, упал на землю. В этом месте закипела упорная схватка, ибо росы порывались его убить, а ромеи старались защитить его. Этот Феодор, свалившись с лошади, схватил какого-то скифа за пояс и, двигая его силой своих рук во все стороны как небольшой легкий щит, прикрывался им от летящих в него копий, а сам, обороняясь таким образом, понемногу отступал, приближаясь к ромеям, которые оттеснили наконец скифов и спасли этого мужа от опасности. И хотя битва не была решена, оба войска закончили борьбу.

Видя, что скифы сражаются с большим жаром, нежели ранее, император был удручен потерей времени и сожалел о ромеях, переносящих страдания мучительной войны; поэтому он задумал решить дело поединком. И вот он отправил к Свендославу посольство, предлагая ему единоборство и говоря, что надлежит решить дело смертью одного мужа, не убивая и не истощая силы народов; кто из них победит, тот и будет властелином всего. Но тот не принял вызова и доба-

вил издевательские слова, что он, мол, лучше врага понимает свою пользу, а если император не желает более жить, то есть десятки тысяч других путей к смерти; пусть он и изберет, какой захочет. Ответив столь надменно, он с усиленным рвением готовился к бою».

Поведение Святослава не соответствует нашим представлениям о доблести князя и его стремлении «положить голову за други своя». Похоже, что Скилица поменял императора и князя местами. В продолжении текста он это невзначай признает: «Отказавшись от вызова на поединок (так! — А. Б.), император старался всеми способами отрезать варварам доступ в город. Он назначил для этого предприятия магистра Варду Склира с теми отрядами, которые тот возглавил, а патрикию Роману, который был сыном государя Константина, являвшегося сыном Романа Старшего, вместе со стратопедархом Петром было приказано с их силами напасть на врагов. И они ринулись на скифов и сражались упорно. Но и те сопротивлялись отчаянно. Долгое время борьба оставалась равной, и много было в сражении перемен и изменений. Но вот Анемас, сын критского эмира, повернул своего коня, сильно ударил его шпорами и с юношеской отвагой помчался на самого Свендослава. Разорвав вражеский строй, он нанес ему удар мечом в середину головы, сбросил с коня, но не убил, так как помешали бывшие на нем доспехи. Сам же [Анемас] был окружен и, подвергаясь со всех сторон нападению многих, погиб, геройски закончив жизнь и возбуждая великое удивление даже среди врагов. Говорят, что ромеи получили тогда и божественное вспоможение» от Феодора Стратилата. Силой святого «скифы обратились в бегство, но, найдя городские ворота запертыми, бросились от Склира врассыпную по равнине и погибли без числа, растаптываемые своими же и избиваемые ромеями, а остальные почти все были изранены».

Итак, русская пехота, прикрывшись длинными щитами, поражая неприятеля сулицами, стрелами, копьями, топорами и мечами, упорно теснит имперскую фалангу, состоящую, судя по описаниям, из одной

конницы. Мы знаем о ее построениях по военным руководствам¹⁹⁹. Это полки в три линии, по две-три шеренги всадников, атакующие в просветы между полками и сменяющие друг друга в бою. Им необходимо пространство для маневра, а не только для разгона и удара копьями. То, что воины Святослава отражают эти страшные удары и идут вперед, отбрасывая ромеев и заставляя их прекратить атаки, выглядит примером невероятного мужества и мастерства.

Объяснение русского напора бесчисленностью дружины, в которую Лев Диакон зачислил больше 40, а Иоанн Скилица — больше 230 тысяч воинов, бессмысленно. Дружинников никогда не было так много именно потому, что толпа была бы мгновенно расчечена и растоптана конницей. Удар держали первые три ряда воинов. Максимум, что они могли иметь в тылу, это смену старших, облаченных в шлемы и иногда кольчуги дружинников, и цепочку отроков — стрелков и легких копейщиков. Святославу было достаточно нескольких тысяч дружинников, чтобы не позволить ромеям обойти себя с флангов. Его наступление от Доростола при действительном или мнимом бегстве императорских войск было оправдано необходимостью решительной победы. Только лобовая атака кавалерии Романа и Петра, заранее обреченная на неудачу, не позволила русам заметить и отразить нападение Варды Склира с тыла.

Но и в этих условиях положить дружину врагу не удалось. Значительная часть израненных, но непобежденных воинов во главе со Святославом отступила в Доростол. Не сохрани русы боеспособность, император не пошел бы на переговоры с ними. Именно нерешенность сражения заставила Цимисхия согласиться на то, что, как мы видели, считали лучшими условиями воины Святослава перед битвой.

¹⁹⁹ Два византийских военных трактата конца X в. СПб., 2002; Стратегикон Маврикия. СПб., 2004; *Никифор II Фока*. Стратегика. СПб., 2005; О стратегии. Византийский военный трактат VI века. СПб., 2007; *Лев VI Муфрый*. Тактика Льва. СПб., 2012.

Лев описал условия договора еще более выгодными для Руси, ссылаясь на возвышенную любовь императора к миру: «тавроскифы уступят ромеям Дористол, освободят пленных, уйдут из Мисии и возвратятся на родину, а ромеи дадут им возможность отплыть, не нападут на них по дороге с огненосными кораблями — они очень боялись “мидийского огня”, который мог даже и камни обращать в пепел, — а кроме того, снабдят их продовольствием и будут считать своими друзьями тех, которые будут посылаемы по торговым делам в Византий, как было установлено прежде».

Якобы «двадцать две тысячи человек, избежавшие смерти», получили по два медимна (примерно по 20 килограммов) зерна каждый, «а остальные тридцать восемь тысяч погибли от оружия ромеев». Последнее сомнительно, но запаса зерна на человека, по меркам имперской армии, хватало на полтора месяца, на дорогу домой. То есть росы получили всё, вплоть до продления торгового договора 944 года.

По хронике Скилицы, Святослав получил «залог верности», был «внесен в число союзников и друзей ромеев», обеспечил себе с воинами беспрепятственный путь домой, а своим подданным — право «безопасно приходить по торговым делам» в империю. «Император принял послов и согласился на всё, о чем они просили, произнеся известное изречение, что обыкновение ромеев состоит в том, чтобы побеждать неприятелей более благодеяниями, нежели оружием». Иными словами, оружием ромеи росов не победили.

В «Повести временных лет» помещены собственное описание совета Святослава с воинами и текст правильно оформленного по византийским канонам договора с императором. Далеко не победоносная война русов в Болгарии во всех летописях опущена. После похода на Царьград, рассказывают они, князь «вернулся в Переяславец с похвалою великой». Но столь большими потерями «в полку», что дружины осталось мало. И Святослав сказал сам себе: «Как бы какой-нибудь хитростью не истребили дружину мою и меня не убили... Пойду на Русь, приведу еще дружи-

ны». Сразу затем, как будто исполненный коварства, он «отправил послов к цесарю в Доростол, ибо там находился цесарь, говоря так: “Хочу иметь с тобою прочный мир и любовь”». Как видим, здесь в летописях очевидный и болезненный для нас пропуск рассказа о Болгарской войне. Но слушатели летописей, не читавшие ромейских источников, могли его не заметить и не спрашивать, почему император оказался вдруг в Доростоле.

Этот эпизод показывает, что любое действие ромеев летописцы толковали как победу русов. Император, как мы помним, прислал оголодавшей дружине зерно. В летописях «цесарь же, услышав это, обрадовался и послал к нему даров больше прежнего. Святослав же принял дары и стал думать с дружиною своею, говоря так: “Если не заключим мир с цесарем и узнает цесарь, что нас мало, то придут и осадят нас в городе. А Русская земля далеко, а печенеги нам враждебны, и кто нам поможет? Заключим же с цесарем мир: ведь они уже обязались платить нам дань, — того с нас и хватит. Если же перестанут нам платить дань, то снова из Руси, собрав множество воинов, пойдем на Царьград”. И была любя речь эта дружине, и послали лучших мужей к цесарю, и пришли в Доростол, и сказали о том цесарю. Цесарь же на следующее утро призвал их к себе и сказал: “Пусть говорят послы русские”. Они же начали: “Так говорит князь наш: ‘Хочу иметь истинную любовь с греческим царем на все будущие времена’ ”. Цесарь же обрадовался и повелел писцу записывать все речи Святослава на хартию. И стал посол говорить все речи, и стал писец писать. Говорил же он так (следует текст договора. — А. Б.):

“Согласно другому уряжению, заключенному при Святославе, великом князе русском, и при Свенельде, писано при Феофиле Синкеле (вероятно, епископе Феофиле Евхайтском. — А. Б.) к Иоанну, называемому Цимисхием, цесарю греческому, в Доростоле, месяца июля, 14 индикта, в год 6479 (971).

Я, Святослав, князь русский, как клялся, так и подтверждаю договором этим клятву мою: хочу вместе со

всеми подданными мне русскими, с боярами и прочими иметь мир и истинную любовь со всеми великими цесарями греческими (формальными соправителями Цимисхия. — А. Б.), с Василием и с Константином, и с боговдохновенными цесарями, и со всеми людьми вашими до конца мира. И никогда не буду замышлять на страну вашу, ни на ту, что находится под властью греческой, ни на Корсунскую страну и все города тамошние (то есть на Крым. — А. Б.), ни на страну Болгарскую. И если иной кто замыслит против страны вашей, то я ему буду противником и буду воевать с ним. Как уже клялся я греческим цесарям, а со мною бояре и все русские, да соблюдаем мы неизменным договор. Если же не соблюдаем мы чего-либо из сказанного раньше, пусть я и те, кто со мною и подо мною, будем прокляты от бога, в которого веруем, — в Перуна и в Волоса, бога скота, и да будем золоты, как золото, и своим оружием посечены будем и умрем. Не сомневайтесь в правде того, что мы обещали вам ныне и написали в хартии этой и скрепили своими печатями”».

Святослав сам предложил статьи о ненападении и военном союзе с империей и продление старого договора, который подписывал его представитель в 944 году. Новым в договоре было то, что его утверждали с великим князем только Свенельд и бояре, а не другие князья и представители городов. Летописи понимают бояр как сановников (империи, Болгарии, Руси и других стран). То есть в военном походе русь естественно обретала иерархическое строение с одним князем во главе. Князей, посаженных им в Киеве, Древлянской земле и Новгороде, Святослав не упоминает.

«После утверждения мирного договора, — продолжает рассказ Лев Диакон, — Сфендослав попросил у императора позволения встретиться с ним для беседы. Государь не уклонился и, покрытый вызолоченными доспехами, подъехал верхом к берегу Истра, ведя за собою многочисленный отряд сверкавших золотом вооруженных всадников. Показался и Сфендослав, приплывший по реке на скифской ладье; он сидел на

весах и греб вместе с его приближенными, ничем не отличаясь от них». Как видим, в рассказах о том, что Святослав и почти все его дружинники были чуть не до смерти изранены, ромей выдавали желаемое за действительное. Зато мы в первый — и до появления князей на миниатюрах в конце XI века последний — раз имеем описание внешности Святослава.

«Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клок волос — признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вде́та золотая серьга; она была украшена карбункулом (красным камнем. — *А. Б.*), обрамленным двумя жемчужинами. Оде́яние его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой. Сидя в ла́дье на скамье для гребцов, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал. Так закончилась война ромеев со скифами».

Бритый череп и оселедец, усы и серьга были внешними признаками степного воина и впоследствии долго сохранялись у казаков. Скромность облика Святослава соответствует описанию Аттилы у Приска Панийского, встречавшегося с вождем гуннов в 448 году. Аттила также носил простую одежду, не украшал оружие золотом и ел с деревянной тарелки, когда его окружение пользовалось серебряными. Но обстоятельства встреч Приска с Аттилой и Цимисхия со Святославом не имеют сходства²⁰⁰, как и описания внешности вождя гуннов и русского князя. Ничего общего с рассказом Льва не имеет и упоминание встречи другого Приска, ромейского полководца, упорно воевавшего против славян на Дунае, с вождем аваров в

²⁰⁰ Ср.: *Приск Панийский. Готская история* / Пер. В. В. Латышева // *Вестник древней истории*. 1948. № 4. С. 675—698.

конце VI века²⁰¹. Рассказ Льва оригинален, и хотя Скилица детали опустил, личная встреча вождей им подтверждается: «После заключения договора Свендослав попросил о беседе с императором; тот согласился, и оба, встретившись и поговорив, о чем им было нужно, расстались».

«По просьбе Свендослава, — продолжает Скилица, — император отправил посольство к пацинакам (печенегам), предлагая им стать его друзьями и союзниками, не переходить через Истр и не опустошать Болгарию, а также беспрепятственно пропустить росов пройти через их землю и возвратиться домой. Назначен был исполнить это посольство Теофил, архиерей Евхаитский», который, вероятно, участвовал в подписании договора со Святославом. Печенеги «приняли посольство и заключили договор на предложенных условиях, отказавшись только пропустить росов. Когда росы отплыли, император укрепил крепости и города на берегах реки и возвратился в Ромейскую державу». Таким образом, обещание Цимисхия Святославу договориться с печенегами не было выполнено, а Болгарию император захватил.

По «Истории» Льва, «Сфендослав оставил Доростол, вернул согласно договору пленных и отплыл с оставшимися соратниками, направив свой путь на родину. По пути им устроили засаду пацинаки — многочисленное кочевое племя... Они перебили почти всех [росов], убили вместе с прочими Сфендослава, так что лишь немногие из огромного войска росов вернулись невредимыми в родные места».

Древнейшее сказание и основанные на нем летописи рассказывают, что, «заключив мир с греками, Святослав в ладьях отправился к порогам. И сказал ему воевода отца его Свенельд: “Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги”. И не послушал его и пошел на ладьях». Тем временем жители его южной столицы, Переяславца на Дунае, «послали

²⁰¹ *Феофилакт Симокатта. История* / Пер. С. С. Кондратьева; прим. К. А. Осипова. М., 1957 (переизд.: 1996).

к печенегам сказать: “Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа”. Услышав об этом, печенеги заступили пороги. И пришел Святослав к порогам, и нельзя было их пройти. И остановился зимовать в Белобережье. И не стало у них еды, и был у них великий голод, так что по полугривне платили за конскую голову, и перезимовал Святослав. Когда же наступила весна (972 года. — А. Б.), отправился Святослав к порогам». Здесь и «напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него. Свенельд же пришел в Киев к Ярополку. А было всех лет княжения Святослава двадцать восемь».

Святослав погиб, заложив фундамент силы и мировой славы русского оружия. Дети его первым делом решили познакомить мир со вторым, после войны, государственным занятием, ставшим излюбленным у русских князей и дружин, — усобицей.

Усобицы

Первую усобицу — войну между князьями-братьями, которая с веками превратилась в войну Рюриковичей чуть ли не «всех против всех», — древнейший сказитель при князе Владимире представил как трагическую и нелепую случайность. Занятие, которое будет отнимать у князей и дружин больше времени, чем войны с внешними врагами, было, по мнению сказителя, противоестественным. Позднейшие летописцы, не меняя древний текст, полностью приняли эту концепцию. Несмотря на то, что составитель «Повести временных лет», например, жил в разгар княжеских распрей. Лишь после него летописцы отдельных княжеств смогут найти оправдание действиям своих дружин против соседей. Но никто не рискнет оправдывать само явление усобиц как нравственно преступное и вредящее Русской земле. И никто не возьмется переделывать древний рассказ об их начале.

Общая моральная норма древнерусского летописания да и всей литературы будет выглядеть так: «Мой князь, может быть, и прав в этой усобице. Но все князья вместе безнравственно творят беззаконие и губят усобицами Русь!» То есть с древних времен русская литература станет в оппозицию власти. Несмотря на то, что большинство авторов, кроме изгоев типа Даниила Заточника, в той или иной форме получали поддержку власти. Отличие этой оппозиционности от современной очевидно. Фундаментальной идеей наших предков был общий интерес Русской земли, всех жителей Руси, не разделяемых по княжествам, языкам и вере (язычество без препятствий сохранялось у нерусских народов и в XIII веке, а у русского лишь обличалось священством). Моральной основой новейшей литературы выступает интерес частный, большое и всё отрицающее «я», в лучшем случае — позиция какого-то узкого слоя людей. Чувство единства Руси, отраженное в каждом частном событии, и ощущения индивида, полагающего, что его права должны и могут быть обеспечены индивидуально, вне российской общности, сталкивались и в древности. Тот же Даниил Заточник издевается над имеющими социальный вес современниками, полагая никчемными всех, кроме умного, но отчего-то неостребованного себя: «Храброго быстро добудешь, а мудрый дорог!»²⁰² Однако в целом требование возвысить себя любимого как априори бесценного индивида, вне контекста служения Руси, было для предков нехарактерно.

К зачинателю первой усобицы Ярополку летописцы относились сочувственно. Он и в самом деле был неплохим князем Киева. В Новгороде подозревали, что его отец Святослав посылал Свенельда с Дуная в Киев за помощью и что Ярополк, сговорившись со старым воеводой, обрек отца на гибель. Действительно, времени для оказания помощи дружине Святослава, переносившей голодную зимовку в Белобережье,

²⁰² «Слово» и «Моление» Даниила Заточника // Памятники литературы Древней Руси. XII в. М., 1980. С. 388—400.

было достаточно. Заключив мир с императором в конце июля 971 года, Святослав попытался прорваться через Днепровские пороги и погиб весной 972-го. Была и дружина, коли Святослав, разделив Русь между тремя сыновьями, оставил часть войска двум старшим, Ярополку Киевскому и Олегу Древлянскому. Другое дело, что война в Болгарии дружину больше не увлекла. Ярополк предпочитал жить в мире с соседями. Он подтвердил договор деда и отца с ромеями, послал послов к германскому императору, милостиво принял посланников папы римского. Конечно, он был обязан отмстить за смерть отца печенегам. Но и тут, совершив на них победоносный поход, заключил мир и взял печенежского князя Илдея на службу.

К трагическому событию, которое свершилось в 975 году в пограничных древлянских лесах, Ярополк не имел отношения. Сын воеводы Свенельда Лют, выехав на охоту из Киева, несчастливо заехал на чужую землю, где охотился князь Олег. К охоте в те времена (да и гораздо позже) военная знать Европы относилась крайне серьезно. Увидев, что кто-то гонит зверя в его лесу, Олег в гневе спросил: «Кто это?!» Ему сказали: «Свенельдич». «И, догнав, убил, ведь лов творил Олег», — говорит автор Древнейшего сказания, полагая ясным, каким преступлением было пересечь пути чужой охоты. Хотя вряд ли Олег забыл, что дань с Древлянской земли когда-то брал Свенельд, а Лют, охотясь здесь, показывал, что считает ее своей.

Главным воеводой у Ярополка был Блуд. Но Свенельд, имея высший авторитет в старой дружине, пылал мщением. «Пойди на брата своего и примешь власть его», — год за годом твердил он Ярополку. В 977 году киевская рать выступила против Олега. Конные полки сразились под городом Овруч. Олег был разбит и на пути к городским воротам сбит с моста в глубокий ров толпой бегущих. Сверху падали кони и люди. Войдя в город, который, судя по летописи, был столицей Олега, Ярополк послал искать брата.

«Искали его и не нашли, — говорит сказание. — И сказал один древлянин: “Я видел вчера, как спихну-

ли его с моста”. И послал Ярополк искать. И волокли трупы изо рва с утра до полудня, и нашли Олега внизу под трупами. Вынесли его и положили на ковре. И пришел Ярополк, плакал над ним и сказал Свенельду: “Смотри, этого ты и хотел!” И похоронили Олега в поле у города Овруча, и есть могила его у Овруча и до сего времени. И наследовал власть его Ярополк».

Больше о Ярополке летописцам сказать было нечего, кроме того, что у него «была жена гречанка, а перед тем была она монахиней, в свое время привел ее отец его Святослав и выдал ее за Ярополка, красоты ради лица ее». Раскаиваясь в смерти брата, он мирно княжил в Киеве. Брат его Владимир, получив известие о смерти Олега, бежал за море. Ярополк посадил в Новгороде своих посадников «и один владел на Руси».

Подростку Владимиру «за морем» было весело. На Балтике и в Северном море роились флотилии черных драккаров морских разбойников. На берегах процветали пиратские центры типа Волина. Князей, конунгов и ярлов было гораздо больше, чем их владений. Лихой налет на берега Англии был славным подвигом, но атаковать берега Испании или сходить в Средиземное море считалось большей доблестью. Владимиру, руководимому его дядей и воеводой Добрыней Малковичем, сопутствовала удача, всегда привлекавшая пиратские сердца. В 980 году князь вернулся в Новгород с сильной дружиной и первым делом изгнал посадников, правивших именем Ярополка: «Идите к брату моему и скажите ему: Владимир идет на тебя, готовясь с ним биться». И сел в Новгороде.

Новгород в его время действительно был новым городом. В 920—930-х годах на берегу Волхова появилось поселение с огороженными заборами дворами и мощенными деревом улицами — Людин конец мужей кривичей. Рядом возник Неревский конец финноугров (чуди). На противоположном берегу — Словенский конец племенного союза словен. На Словенской стороне возник большой торг. Затем от торгога через Волхов навели деревянный мост. Владимир, видимо, не занял построенную на Людиной стороне крепость —

Детинец. Князья и их посадники продолжали жить в старой крепости — Городище. Буйные мужи новгородские изначально не позволяли князьям иметь над собой большую власть. Пойти за Владимиром они могли — если юный князь предложит солидным купцам и ремесленникам что-то получше грабежа.

Варяжская дружина Владимира свидетельствовала только, что он — хороший военный вождь. Идти с одними варягами на Киев было нельзя. Новгородцы же, несмотря на склонность к торговле, а может быть, и благодаря этому были славными воинами. В летописях и былинах о мирной торговле на Балтике описано немало случаев, когда злодеи пытались избить наших Василиев Буслаевых, Садко и прочих гостей. И тут случалось такое, что «ни в сказке сказать, ни пером описать». Например, в 1142 году какой-то шведский князь с епископом на шестидесяти судах-шнеках атаковал три шедшие домой из-за моря новгородские торговые ладьи. Мирные гости покروшили полторы сотни пиратов, а три шнека забрали себе в компенсацию ущерба²⁰³. В 1187 году, не нарушая мира, обиженные шведами новгородские гости как бы «флотом карел» уничтожили самый большой, богатый и укрепленный город Швеции Сигтуну, повесив ее великолепные железные ворота в портале новгородского Софийского собора²⁰⁴.

В X веке даже по скандинавским сагам Новгород-Хольмгард был важнейшим торговым центром, куда честные купцы, при случае занимавшиеся пиратством, и морские разбойники везли свои нехитрые товары — от рабов до тонкой керамики из Фрисландии. Соперником богатевшего Новгорода на восточном конце балтийской морской торговли был более старый и крупный Полоцк. Преимуществом Новгорода были выход на Волжский путь и огромные внутренние ресурсы бескрайней территории объединения словен,

²⁰³ Новгородская Первая летопись // ПСРА. Т. 3. С. 26.

²⁰⁴ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978. С. 72—105.

кривичей, финно-угров, балтов и северных народов. Такой пушнины, моржовой кости, охотничьих соколов и иного драгоценного товара не было ни у кого. Полоцк, в котором правил не имевший никакого отношения к Рюрику князь Рогволод, был не единственным, но сильнейшим соперником новгородцев среди русских городов. Когда Владимир или Добрыня предложили: «А не сходить ли нам на Киев через Полоцк?», новгородцы тут же согласились: «Сходить!» Предлог для войны был найден моментально.

По Древнейшему сказанию, едва снова сев в Новгороде, Владимир «послал к Рогволоду в Полоцк сказать: “Хочу дочь твою взять в жены”. Тот же спросил у дочери своей: “Хочешь ли за Владимира?” Она ответила: “Не хочу разуть Владимира, но хочу за Ярополка”. Этот Рогволод пришел из-за моря, — объясняет автор, — и держал власть свою в Полоцке, а Туры держал власть в Турове, по нему и прозвались туровцы. И пришли отроки Владимира и поведали ему всю речь Рогнеди, дочери полоцкого князя Рогволода. Владимир же собрал много воинов — варягов, словен, чуди и кривичей — и пошел на Рогволода. А в это время собирались уже вести Рогнедь за Ярополка. И напал Владимир на Полоцк, и убил Рогволода и двух его сыновей, а дочь его Рогнедь взял в жены».

Насильная женитьба на Рогнеди впоследствии больно отзовется Владимиру, в которого княжна, к несчастью князя, влюбилась и которому затем годами предъявляла супружеские права, доводя Владимира до неистовства и не позволяя от себя избавиться. Зато он сравнительно мирно присоединил Полоцк, избежав большой войны с его градскими мужами.

«И пошел на Ярополка, — продолжает летопись. — И пришел Владимир к Киеву с большим войском, а Ярополк не смог противостоять Владимиру. И затворился Ярополк в Киеве со своими людьми и с Блудом, и стоял Владимир, окопавшись, на Дорогожиче — между Дорогожичем и Капичем, и существует ров тот и поныне. Владимир же послал к Блуду — воеводе Ярополка — с коварством говоря: “Будь мне другом!

Если убью брата моего, то буду почитать тебя как своего отца и честь большую получишь от меня; не я ведь начал убивать братьев, но он. Я же, убоившись этого, выступил против него”. И сказал Блуд посланным Владимиром: “Буду я тебе друг”».

«О злое коварство человеческое! — воскликнули тут все летописцы. — Как говорит Давид: “Человек, который ел хлеб мой, возвел на меня клевету”. Этот же обманом задумал измену князю... Зол совет тех, кто толкает на кровопролитие; безумны те, кто, приняв от князя или господина своего почести или дары, замышляют погубить жизнь своего князя; хуже они бесов. Так вот и Блуд предал князя своего, приняв от него многую честь; потому и виновен он в крови той. Затворился Блуд (в городе) вместе с Ярополком, а сам, обманывая его, часто посылал к Владимиру с призывами идти приступом на город, замышляя в это время убить Ярополка, но из-за горожан нельзя было убить его». Киевлянам не в чем было упрекнуть Ярополка, да и воины Владимира были им не друзья. То, что княжеский воевода с сильной дружиной вынужден был считаться с мнением киевлян, показывает нам силу градских мужей, способных, если что, перебить и дружину.

«Не смог Блуд никак погубить его, — продолжает летопись, — и придумал хитрость, подговаривая Ярополка не выходить из города на битву». Впоследствии основным способом решения спора князей будет битва у стен города, «на приз зрительских симпатий», потому что горожане станут принимать себе в князя не обязательно победителя, но того, кого захотят впустить.

Между тем «сказал Блуд Ярополку: “Киевляне посылают к Владимиру, говоря ему: ‘Приступай к городу, предадим-де тебе Ярополка’. Беги же из города”. И послушался его Ярополк, бежал из города. И, придя в город Родень в устье реки Роси, затворился там, а Владимир вошел в Киев и осадил Ярополка в Родне. И был там жестокий голод, так что осталась поговорка и до наших дней: “Беда как в Родне”. И сказал Блуд Ярополку: “Видишь, сколько воинов у брата твоего? Нам

их не победить. Заключай мир с братом своим” — так говорил он, обманывая его. И сказал Ярополк: “Пусть будет так!” И послал Блуд к Владимиру со словами: “Сбылась-де мысль твоя, и как приведу к тебе Ярополка, будь готов убить его”. Владимир же, услышав это, вошел в отчий двор теремной, о котором мы уже упоминали (двор княгини Ольги. — А. Б.), и сел там с воинами и с дружиною своею. И сказал Блуд Ярополку: “Пойди к брату своему и скажи ему: ‘Что ты мне ни дашь, то я и приму’”. Ярополк пошел, а (его дружинник) Варяжко сказал ему: “Не ходи, князь, убьют тебя; беги к печенегам и приведешь воинов”, и не послушал его Ярополк. И пришел Ярополк к Владимиру; когда же входил в двери, два варяга подняли его мечами под мышки. Блуд же затворил двери и не дал войти за ним своим. И так убит был Ярополк. Варяжко же, увидев, что Ярополк убит, бежал со двора того теремного к печенегам и долго воевал с печенегами против Владимира. С трудом привлек его Владимир на свою сторону, дав ему клятвенное обещание».

Серия несчастий, начавшихся случайным убийством Олега братом, продолжалась. «Владимир же стал жить с женою брата — гречанкой, и была она беременна, и родился от нее Святополк. От греховного же корня зол плод бывает: во-первых, была его мать монахиней, а во-вторых, Владимир жил с ней не в браке, а как прелюбодей. Потому-то и не любил Святополка отец его, что был он от двух отцов: от Ярополка и от Владимира». Этот-то Святополк и прославился сразу после смерти Владимира как «Окаянный».

В рассказе о первой усобице заложены и другие зловещие начала великих бед. Положительный, потому что верный князю, герой Варяжко как ни в чем не бывало предлагает использовать в усобице печенегов, и никто его за это не порицает. Как и Владимира, которого летописцы и не думают укорять за призыв на Русь варягов, но хвалят за коварство по отношению к ним. По летописям, «после всего этого сказали варяги Владимиру: “Это наш город, мы его захватили, — хотим взять выкуп с горожан по две гривны с

человека”. И сказал им Владимир: “Подождите с месяц, пока соберут вам куны”. И ждали они месяц, и не дал им Владимир выкупа, и сказали варяги: “Обманул нас, так отпусти в Греческую землю”. Он же ответил им: “Идите”. И выбрал из них мужей добрых, умных и храбрых и роздал им города; остальные же отправились в Царьград к грекам. Владимир же еще прежде них отправил послов к царю с такими словами: “Вот идут к тебе варяги, не вздумай держать их в столице, иначе натворят тебе такое же зло в городе, как и здесь, но рассели их по разным местам, а сюда не пускай ни единого”».

Летописцы равнодушны к использованию варягов на Руси и в рассказе о второй усобице, гораздо более страшной и кровавой. Владимир, «побежденный похотью женской», о которой мы еще расскажем, оставил много сыновей от разных жен, которые ненавидели друг друга и передали эту ненависть детям. Помня, как едва не был обделен княжеством, он заранее роздал сыновьям хорошие владения. Первенца Вышеслава (от варяжки или чешки) посадил в Новгороде, Изяслава (от Рогнеди) — в Полоцке, Святополка (от гречанки и «двух отцов») — в Турове, Ярослава (от Рогнеди) — в Ростове, Святослава (от чешки) — у древлян, Всеволода (от Рогнеди) — во Владимире-Волынском, Мстислава (от Рогнеди) — в Тмутаракани, Станислава — в Смоленске, младшего, Судислава, — в Пскове. Когда старший сын умер, на его стол в Новгороде Владимир перевел Ярослава. На место того в Ростов посадил Бориса, а в Муром — Глеба (оба от болгарки).

Взрослые дети, даже получив столы, отцом довольны не были. Летописцы, склонные обличать Святополка Окаянного, между делом отмечают, что благополучия в семье Владимира не было. Всеволод сговорился с варягами, решившими повоевать в северных владениях Руси, потом испугался гнева отца и бежал за море. Святополк, женившись на дочери воинственного польского короля Болеслава Храброго, плел против отца интриги с помощью ляхов и немцев. Он попал в опалу, радуясь, что не в тюрьму. В 1014 году Ярослав,

женившийся на дочери шведского конунга Олафа и набравший дружину буйных викингов, возмутился в Новгороде. Он отказался посылать отцу дань на содержание воинства — две тысячи гривен в год, только тысячу оставляя на свою дружину. Владимир приказал готовить поход на Новгород: «Расчищайте пути и мостите мосты!» Но выступить против Ярослава не успел: разболелся.

Ярослав, впоследствии названный Мудрым, призвал из-за моря варягов, чтобы сражаться против отца. Святополк за спиной Владимира готовил гибель братьям в Киеве. Борис выступил с отцовской дружиной против печенегов, нашествие которых угрожало всей Руси. Но «Бог не дал дьяволу радости»: сыновья не начали войну против отца. 15 июля 1015 года великий князь Владимир Святославич умер в своем селе Берестове. Старшая дружина хранила его смерть в тайне, чтобы дать Святополку время захватить власть в Киеве. Затем среди братьев началась такая резня, какой еще не видывали на Руси. Вначале пал князь Борис, ставший первым русским святым.

История смерти Бориса показательна. Не найдя в поле печенегов, он при возвращении домой узнал, что «Святополк сел в Киеве после смерти отца своего и созвал киевлян и стал давать им дары. Они же брали, но сердце их не лежало к нему, потому что братья их были с Борисом». То есть княжеское войско, как мы и предположили раньше, состояло из дружины, присягнувшей князю, и городских мужей. Те и другие оказывали серьезное, даже определяющее влияние на решения князя («сказала дружина Игорю» и т. д.). Пока Борис, остановившись на реке Альте, «плакался по отцу горько, потому что любим был отцом больше всех», «сказала ему дружина отцовская: “Вот у тебя отцовская дружина и (городское. — А. Б.) войско. Пойди, сядь в Киеве на отцовском столе”». Он же отвечал: “Не подниму руки на брата своего старшего: если и отец у меня умер, то пусть этот будет мне вместо отца”. Услышав это, воины разошлись от него. Борис же остался стоять с одними своими отроками», покинутый и дру-

жиной, и мужами Киева («войском»). Князь, который не слушает волю мужей, был никому не нужен. Кроме Святополка, твердо вознамерившегося его убить.

Святополк «послал сказать Борису: “Хочу с тобою любовь иметь и придам тебе еще к полученному от отца владению”, но сам обманывал его, чтобы как-нибудь его погубить. Святополк пришел ночью в Вышгород, тайно призвал Путшу и вышгородских мужей боярских и сказал им: “Преданы ли вы мне всем сердцем?” Отвечал же Путша: “Согласны я и вышгородцы головы свои сложить за тебя”. Тогда он сказал им: “Не говоря никому, ступайте и убейте брата моего Бориса”. Те же обещали ему немедленно исполнить это».

24 июля 1015 года убийцы застали юного князя, отказавшегося от власти ценой собственной смерти и смерти брата, за пением псалмов и молитвой: «Господи Иисусе Христе! Как ты в этом образе явился на землю ради нашего спасения, собственной волей дав пригвоздить руки свои на кресте, и принял страдание за наши грехи, так и меня сподобь принять страдание. Я же не от врагов принимаю это страдание, но от своего же брата, и не вмени ему, Господи, это в грех». «И, помолившись Богу, возлег на постель свою. И вот напали на него, как звери дикие, обступив шатер, и проткнули его копьями, и пронзили Бориса, и слугу его, прикрывшего его своим телом, пронзили. Был же тот любим Борисом. Был отрок этот родом венгр, по имени Георгий; Борис его очень любил, и одел он на него большое золотое ожерелье, в котором тот и служил ему. Убили они и многих других отроков Бориса. Не могли они быстро снять ожерелье с шеи Георгия и отсекали голову ему, и только тогда сняли ожерелье, а голову отбросили прочь; поэтому-то впоследствии и не обрели тела его среди трупов. Убив же Бориса, окаянные завернули его в шатер, положив на телегу, повезли, еще дышавшего. Святополк же окаянный, узнав, что Борис еще дышит, послал двух варягов прикончить его. Когда те подошли и увидели, что он еще жив, то один из них извлек меч и пронзил его в сердце. И так скончался блаженный Борис... сравнявшись

с пророками и апостолами, пребывая с сонмом мучеников... и в веселье пребывая со всеми святыми. И положили тело его в церкви Василия, тайно принеся его в Вышгород. Окаянные же те убийцы пришли к Святополку, словно хвалу заслужившие, беззаконники. Вот имена этих законопреступников: Путша, Талец, Еловит, Ляшко, а отец им всем Сатана».

В Вышгороде, замке Ольги, прабабки Святополка, базировались старшие дружинники, на которых князь хотел опереться в неизбежной истории с кровной местью. «Если убьет муж мужа, так мстит брат за брата или сын за отца», — гласил русский закон. У Бориса не было детей, но все его братья имели право на месть Святополку. Первым — единокровный брат Бориса, Глеб. Святополк немедля послал гонца к нему в Муром, «говоря так: “Приезжай сюда поскорее, отец тебя зовет: сильно он болен”». Глеб тотчас же сел на коня и отправился с малой дружиной, потому что был послушлив отцу. И когда пришел он на Волгу, то в поле споткнулся конь его на рытвине, и повредил Глеб себе немного ногу. И пришел в Смоленск, и отошел от Смоленска недалеко, и стал на (речке) Смядыне на корабле. В это же время пришла от Предславы (единокровной сестры Ярослава. — А. Б.) весть к Ярославу о смерти отца, и послал Ярослав сказать Глебу: “Не ходи: отец у тебя умер, а брат твой убит Святополком”».

Вместо активных действий, которые вызвали бы уважение дружины, Глеб стал молиться — и мгновенно остался без воинов, с одними отроками. «И неожиданно захватили посланные (Святополком) корабль Глебов, и обнажили оружие. Отроки же Глебовы пали духом. Окаянный же Горясер, один из посланных, велел тотчас же зарезать Глеба. Повар же Глеба, именем Торчин (из степного племени торков. — А. Б.), вынув нож, зарезал Глеба, как безвинного ягненка». Тело его было брошено на месте, а не доставлено для опознания Святополку.

Но тот и так был доволен. Его план: «Перебью всех своих братьев и стану один владеть Русской землею», — исполнялся. Дружина и воины благоволили

князю, который проявлял решительность, а своим людям «стал... давать кому плащи, а другим деньгами, и роздал много богатства». Его брат Святослав при известии об этих преступлениях бежал из Древлянской земли. Посланные Святополком в погоню настигли его в Карпатах и убили. Обстоятельства смерти еще нескольких Владимировичей неведомы. Но к моменту, когда в борьбу вмешался Ярослав, из одиннадцати его братьев на просторах Руси осталось трое: ненавистный Святополк и двое младших, Мстислав в Тмутаракани и Судислав в Пскове.

Поучительную историю Ярослава Древнейшее сказание и за ним летописцы передали особенно подробно. «В Новгороде же тогда Ярослав кормил варягов много, боясь рати. И начали варяги насиловать замужних жен. Сказали новгородцы: “На это насилие мы смотреть не можем” и, собравшись ночью, иссекли варягов в Поромоновом дворе». Случилось это, когда князь был в отъезде. Ярослав страшно разгневался на мужей, поставивших под угрозу его дружбу с викингами, но чувств своих не показал. Он обласкал новгородцев и призвал лучших мужей на княжеский загородный двор. Здесь их и убили, немногим удалось уйти. Той же ночью из Киева к Ярославу прискакал гонец от сестры Предславы: великий князь скончался, между братьями началась война за престол. Без поддержки новгородцев князя ждала гибель. Наутро интересы наемников уже не волновали Ярослава. Собрав мужей Новгорода на вече, Ярослав заплакал: «О, моя любимая и честная дружина, которую я вчера в безумии своем изрубил! Смерть их теперь никаким золотом нельзя искупить...» Утерев слезы, князь продолжил: «Братья! Отец мой Владимир умер; в Киеве княжит Святополк. Я хочу идти на него войной — поддержите меня!»

Новгородцы сочли, что лучше сделать великим князем Ярослава, чем дожидаться, пока война придет в их земли. Новгород дал три тысячи воинов, варягов была тысяча. Но и с этими силами Ярослав три месяца прождал у Любеча, не решаясь переправиться через Днепр и напасть на войско Святополка, состоявшее из

дружины отца, киевлян и печенегов. Наступила поздняя осень. Старый, еще от отца, воевода Святополка по имени Волчий Хвост, разбивший в 984 году радимичей на реке Пищане, вызывал людей Ярослава на бой: «Чего пришли с хромцом этим, вы же плотники? Мы и поставим вас нам хоромы рубить!» Врожденную хромоту князь усугубил в боях — исследование его останков показало, что у него была перерублена нога — а слова Волчьего Хвоста говорят, что хромота была сильна еще до его первой битвы на Руси. Услыхав эту хулу, «сказали новгородцы Ярославу: “Завтра мы переправимся и пойдем на них; если кто не пойдет с нами, сами убьем его”». Днепр начал замерзать. В то время климат был холоднее нынешнего. Война рисковала затянуться до появления крепкого льда.

Муж Святополка, с которым поддерживал связь Ярослав, советовал атаковать ночью, когда южная рать упьется хмельного меду. Вечером рать Ярослава высадилась на другом берегу и отпустила по течению ладьи, не намереваясь отступить. Ярослав приказал воинам повить головы платками, чтобы ночью отличать своих. Поскольку лагерь Святополка стоял между двумя озерами, его союзники печенег не смогли участвовать в сече. В жестоком сражении грудь в грудь Святополк к утру был разбит. Он бежал к тестю в Польшу, а Ярослав пришел в Киев и занял великокняжеский престол. Было ему тогда 37 лет.

Победитель мог распустить полки, щедро наградив новгородцев. Служившим в его войске крестьянам-смердам князь дал по гривне, сельским старостам и городским мужам — по десять гривен серебра. Это бесценное свидетельство Древнейшего сказания сохранилось только в новгородской летописи, но не попало в киевские. Оно говорит нам о социальном составе войска, которое пошло за Ярославом, несмотря на убийство им новгородских мужей, и само побуждало князя дать битву. Целью новгородцев было освобождение от тяжелой дани Киеву. И они этого добились. В ознаменование заслуг Новгорода Ярослав пожаловал ему льготную грамоту на налоги, собиравшиеся в киев-

скую казну. Кроме того, в своем судебном уставе князь решительно поставил новгородцев и вообще русских вдвое выше заморских гостей. Что получили наемные варяги? По летописи — ничего. Киевская дружина, оставшаяся от Владимира, и градские мужи, обогатившиеся подарками Святополка, своего щедрого князя от бегства не удержали. Усобица, как видим, внешне мотивировалась схваткой за власть князей, но внутренне была поддержана и решена стремлением горожан и крестьян севера покончить с поборами и диктатом Киева. При этом ограничены были права киевского князя, а сам город и поляне не пострадали.

Столь патриотичная позиция Ярослава была предусмотрительным ответом на вызов со стороны Святополка, который вынужден был опираться на иноземцев. Беглец нашел приют у тестя, польского князя Болеслава Храброго, и снова искал помощи у печенегов. В противовес Болеславу, Ярослав заключил союз с германским императором Генрихом II. Но немцы были так побиты поляками, что император просил о мире и сам посоветовал Болеславу обратить силы на восток. Использовать в своих целях «права» Святополка хотели и печенеги. В 1017 году они напали на Киев. Ярослав едва одолел их в сече под стенами города. На следующий год на Русь двинулось войско поляков, печенегов, немцев и венгров под командой Болеслава и Святополка. Ярослав, собрав русь, варягов и новгородских словен, поспешил на Волынь и встретил врага у переправы через пограничную реку Буг. Болеслав был так велик и тяжел, что едва сидел на коне, но русские напрасно дразнили его толстяком. Знаменитый воин, не стерпев насмешек, бросился на коне в реку, крикнув своим воинам: «Коли вам сего укора не жаль, я погибну один!» Не ожидавшее стремительного нападения войско Ярослава было уничтожено.

Князь с четырьмя спутниками прибежал в Новгород и намерен был податься за море. Но новгородцы во главе с посадником Константином, сыном Добрыни, изрубили приготовленные к бегству ладьи, сказав князю: «Хотим еще биться с Болеславом и Святопол-

ком». Объявили сбор воинства и денег: сельские старосты дали по десять гривен, бояре — много больше. В том же 1018 году князь двинулся на Киев с новым войском наемных варягов и новгородцев, по пути к ним охотно присоединялись русские воины. Ведь иноземцы, вступив в Киев со Святополком, разошлись по другим городам «на покорм», всюду грабя и буйствуя. Скоро народ восстал. Болеслав, уже имевший печальный опыт столкновения с расви́релевшим народом в Чехии, бросил своего союзника и бежал, прихватив киевскую казну, бояр и сестер Ярослава. За одну из них — Предславу — Болеслав безуспешно сватался прежде. Теперь он сделал ее наложницей. Разумеется, такое с русской девушкой не прошло. Немецкий хронист Титмар Мерзебургский отметил, что Болеслав объявил Предславу законной женой, хотя был христианином и был женат.

Святополк бежал к печенегам, а Ярослав вновь утвердился в Киеве. Братья готовились к решающей битве. В 1019 году войско великого князя сошлось с печенежской ордой на реке Альте, притоке Трубежа. На восходе солнца противники вступили в бой столь жестокий, какого еще не бывало на Руси, и к вечеру печенеги полегли под русскими мечами. Израненный Святополк спасся с поля брани, но не ушел от расплаты. Ненавидимый народом и проклинаемый церковью князь бежал, согласно летописи, все дальше и дальше, терзаемый манией преследования, пока не сгинул где-то между Польшей и Чехией. По скандинавскому преданию, он был убит Эймундом, тем самым, кто ранее по приказу князя «Ярислейва» отрубил голову князю «Бурислейву» и принес ее своему повелителю. Историки, начиная с XIX века видевшие в рассказах двух полусказочных саг намек на убийство святого князя Бориса по воле Ярослава, благоразумно не приводят обстоятельства приключений скандинавов, не имеющие ничего общего с ситуацией на Руси. И делают вид, что не знают о том, что в сагах «Бурицлейвами» именовались полабские князья и польские правители, Болеслав I и Болеслав II. В народной памяти князь,

сражавшийся против иноземцев, остался Ярославом Мудрым, а Святополк — Окаянным.

Но усобица еще не была завершена. Пока Ярослав боролся за великокняжеский престол, его младший брат Мстислав в благодатном граде Тмутаракани на берегу Керченского пролива развлекался войной и охотой. Мстислав был дороден телом, румян, с большими глазами. Он был храбр в бою, любил выпить и поесть, но больше всего любил и берег дружину, для которой ничего не жалел — так хвалит князя «Повесть временных лет». Во время войны с касогами он предпочел решить исход битвы единоборством вождей, одолел великана Редедю и принял побежденных в подданство. Служили князю и потомки хазар. Однако когда в 1024 году Мстислав неожиданно ворвался в Киев, воспользовавшись отъездом Ярослава в Новгород, городские мужи попросту указали ему на ворота. Князь не обиделся и сел в Чернигове, где северяне приняли его с распростертыми объятиями.

Ярослав ходил в Новгород потому, что его племянник Брячислав Изяславич, князь Полоцкий, ограбил город и угнал немало жителей. Великий князь сумел отбить добычу и полон, однако не наказал любимого племянника, внука Рогнеди, но во избежание новых буйств добавил ему городов во владение.

При известии о набеге Мстислава Ярослав обратился за помощью к варягам. Их привел некий слепой «князь варяжский» Якун, у которого «плащ был золотом выткан». Неизвестно, был ли это «Прастен Якун, племянник Игорев», упомянутый в договоре с ромеями 944 года. Но варяги под его командой бились крепко. Их полк Ярослав поставил в центре войска в битве под Лиственном близ Чернигова. При последних отблесках вечерней зари Мстислав успел выстроить против северных разбойников ратников из Чернигова, города северян. «Пойдем на них», — сказал Мстислав воинам. Ночью, в грозу началась страшная сеча. Тмутараканская дружина, поставленная Мстиславом на флангах, в критический момент обошла варягов, но не помешала Ярославу бежать. «Кто этому не обрадуется? — спра-

шивал полководец утром, объезжая поле битвы. — Вот лежит северянин, вот варяг, а своя дружина цела!»

Мстислав Владимирович Храбрый — типичный русский князь, богатырь, во всем первый среди воинов, ценящий и хранящий многонациональную дружину как главное сокровище. Победив и зарезав Редедю, он берет себе «имение его, и жену его, и детей его», равно как и его воинов, а племя касогов облагает данью так же, как племена славян. Эти племена, с их старостами и крестьянами-смердами, и даже сравнительно полиэтничные градские мужи для него — чужие, союзники или противники по обстоятельствам. Он понимал, что сил его дружины хватит на лихой налет на город или глубокий обход вражьего войска в бою. Но сражаться против градских мужей и тем паче бесчисленных смердов ему было не с руки.

За Ярославом Мстислав послал вдогонку сказать: «Садись в своем Киеве, ты старший брат, а мне пусть будет эта сторона Днепра» (то есть Левобережье. — А. Б.). Ярослав, конечно, не поверил брату и счел за благо не возвращаться в Киев, управляя им из Новгорода через посадников, пока не собрал много воинов. Только в 1026 году он вернулся, но не решился на битву и заключил с Мстиславом мир. «И начали жить мирно и в братолюбии, — говорит киевская летопись, — кончилась усобица и мятеж, настала тишина великая в земле Русской». Несколько лет люди просто не верили, что вражда князей завершилась. Под 1029 годом летописец записал всего два слова: «Мирно было». То есть был мир внутри страны. Ярослав покорил чудь (в современной Эстонии) и поставил там город Юрьев, названный по его христианскому имени (немцы переименовали город в Дерпт, а эстонцы в прошлом столетии — в Тарту). Вместе с Мстиславом они отбили у поляков захваченные Болеславом во время усобицы Червенские земли и в назидание повоевали Польшу. Через несколько лет Мстислав разболелся на охоте и умер, не оставив сыновей. Власть на Руси перешла к Ярославу Мудрому.

«Самовластец Русской земли», по словам «Повести временных лет», правил безраздельно, ибо ему не с

кем было делить землю. Единственного живого брата Судислава Псковского он по навету засадил в темницу в 1036 году, когда ездил в Новгород, чтобы почтить северную столицу и дать ей в правление сына своего Владимира. Новгородцы же дали Ярославу деньги и много воинов для выручки южной столицы, когда ее обложили печенеги. Жестокая битва под Киевом оказалась для печенегов последней. Бежали они в разные стороны, иные потонули в реках, «а остальные, — писал летописец, — бегают, неизвестно где, и до сего дня». Отодвинутая в степь южная граница по реке Рось, которую Ярослав много лет населял людьми и укреплял городами, стала безопасной. Тихо было и на севере, где россияне продвигались всё дальше в земли эстов, карелов и к берегам Северной Двины.

Усобицы и война

Внутренний мир превратил Русь в великую державу, которую Ярослав с гордостью оставил наследникам. Когда в 1054 году, на 76-м году жизни Ярослав скончался, в Софийском соборе была сделана торжественная надпись об «успении царя нашего». Но слава и титулы не делали русского князя похожим на хазарского кагана или ромейского автократора. Представления о государстве как едином организме у Ярослава, как у множества других средневековых владык, не было. Русь представлялась князю семейной собственностью княжьего рода, его, Ярослава, сыновей. Им великий князь и роздал при жизни земли Руси, как это сделал бы любой крестьянин, заботящийся, чтобы по его смерти сыновья не поссорились, деля между собой двор, поле, лужок и лесок. Завещание — «наряд» — Ярослава записано в летописях:

«Вот отхожу с сего света, сыны мои. Живите в любви, потому что все вы братья, от одного отца и одной матери. И если будете жить в любви друг к другу, Бог будет с вами и покорит вам врагов ваших и проживете в мире. Если же будете в ненависти жить, в расприх

и междоусобии, то погибнете сами и погубите землю отцов и дедов своих, которую они добыли трудом великим, — но живите в мире, слушаясь брат брата.

Вот я завещаю в свое место престол Киевский старшему брату вашему Изяславу. Его слушайтесь, как слушались меня, пусть он будет вам вместо меня. А Святославу даю Чернигов, Всеволоду — Переяславль, Игорю — Владимир (Волынский), Вячеславу — Смоленск.

Если кто захочет обидеть брата своего, — велел напоследок Ярослав старшему сыну Изяславу, — то ты помогай обиженному».

Со смертью Ярослава Русь перестала существовать как единая держава, разделившись на княжения. Всего десять лет понадобилось сыновьям, внукам и племянникам «царя русского», чтобы начать братоубийственную войну. Напрасно Ярослав уповал, что дети одной матери, в отличие от его братьев-соперников, избегнут ненависти друг к другу и смогут поддерживать мир, несмотря на то, что в Полоцке сидел Всеслав Брячиславич, потомок Изяслава, старшего сына Владимира Святого, а в Ростове — Ростислав Владимирович, внук Ярослава от старшего сына, умершего при жизни отца и потому обойденного в завещании. Великий князь подразумевал, что Новгород останется во владении князя Киевского и будет управляться его наместником, что никогда не нравилось новгородцам. Земли на восток от Днепра, до Мурома и Тмутаракани, вроде бы зависели от князей черниговских. Однако в результате перетасовок Ростов, Суздаль, Белоозеро и Поволжье оказались в зависимости от князей переяславских. Якобы мудрый Ярослав не оговорил в завещании принадлежность многих русских земель, заложив возможности для княжеских ссор.

Внешняя угроза, которая, по мнению Ярослава, должна была укрепить братскую любовь суверенных князей, никогда не могла заставить их забыть своекорыстные интересы. Хотя за одно десятилетие по смерти Ярослава общие враги Руси сделали всё, чтобы доказать князьям необходимость союза. На южнорус-

ские степи надвигались полчища кочевников-кипчаков, или половцев. Первым признаком опасности стали нападения прежних союзников — торков, выбитых половцами со своих пастбищ и теснимых на запад. Зимой 1055 года Всеволоду Ярославичу пришлось защищать от них пограничную крепость Воинь. В том же году Всеволод встретился с передовой ордой половцев и заключил мир с их ханом Болушем. На этот раз половцы ушли.

Объединившись против торков, князья в 1060 году повели на юг на конях и в ладьях бесчисленное войско. Кочевники были разбиты «и перемерли в бегах, кто от стужи, кто от голода, иные от болезней». На освободившееся место пришли половцы. 2 февраля 1061 года хан Искан одолел выступившую против него дружину Всеволода. Необходимость объединения князей против нового, опаснейшего врага Руси стала очевидной. Они же беспечно воевали за Тмутаракань, захваченную Ростиславом Владимировичем, внуком Ярослава, у Глеба Святославича. Того самого, кто — уже после отравления Ростислава греком из Херсонеса — в 1068 году измерил ширину Керченского пролива: «мерил море по леду, от Тмутараканя до Корчева 14 000 сажень». И за земли современной Белоруссии — там Изяслав, Святослав и Всеволод изрубил мужей в Минске, поработив их жен и детей, и разбил Всеслава Полоцкого в жестокой зимней сече на реке Немиге. Всеслав бежал, но братья пригласили его на переговоры, целовав крест в его безопасности, захватили и бросили с двумя его сыновьями в Киеве «в поруб» — темницу, в которой, как известно по былинам, не раз сиживали Илья Муромец и другие русские богатыри.

Расплата за усобицу и клятвопреступление пришла в 1068 году. На Русь двигались орды кочевников. Трое князей — Изяслав, Святослав и Всеволод — соединили силы, чтобы встретить половцев на реке Альте. В излюбленном русами ночном сражении дружины, ослабленные братоубийством предыдущих лет, были разбиты, князья бежали и заперлись каждый в своем

городе. Села и мелкие города впервые за долгое время подверглись всеобщему разорению.

В Начальном своде 1070-х годов активный участник этих событий Никон Великий поместил рассуждение о том, что беда пришла не случайно. Усобица — наваждение дьявола, война же — справедливое наказание от Бога. «Наводит Бог, в гневе своем, иноплеменников на землю, и тогда, в горе, люди вспоминают о Боге. Междоусобная же война бывает от дьявольского соращения. Бог ведь не хочет зла людям, но блага; а дьявол радуется злomu убийству и кровопролитию, разжигая ссоры и зависть, братоненавидение, клевету. Когда же впадает в грех какой-либо народ, казнит Бог его смертью, или голодом, или нашествием поганых, или засухой, или гусеницей, или иными казнями, чтобы мы покаялись». В чем провинились одержимые дьяволом князья, понятно. Но в чем виноват простой народ? В прегрешениях! В прелюбодействе и ложных клятвах, в обидах наемным работникам, сиротам и вдовам, в неправом суде. Особо беспокоило Никона язычество, все эти круглогодичные праздники с молениями об урожае и дожде, обращенные вовсе не к Богу и служителям его. Всё изобилие, проповедовал Никон, только от Бога, «но вы обрушили на меня слова ваши, говоря: “Ничтожен служащий Богу!”». Покайтесь, призывает он, и не будет вам погубления урожая градом и инеем, Бог даст «все просимое, и дождь ранний или поздний. И наполнятся гумна ваши пшеницею, а давила — вином и маслом» (хотя на Руси не выращивали виноград и оливки). Ведь мы «словом только называемся христианами, а живем, как язычники. Вот разве не язычески мы живем, если во встречу верим? Ведь если кто встретит черноризца, то возвращается, так же поступает и встретив кабана или свинью, — разве это не по-язычески? Это ведь по наущению дьявола держатся этих примет; другие же в чихание веруют, которое на самом деле бывает на здравие голове. Но дьявол обманывает и этими, и иными способами, всякими хитростями отвращая нас от Бога: трубами и скоморохами, гусями и русалиями. Видим ведь, как места игрищ

утоптаны, и людей множество на них, как толкают друг друга, устраивая зрелища, бесом задуманные, — а церкви пусты стоят... Потому и казни всяческие принимаем от Бога и набеги врагов».

Но народ, предпочитавший стоянию в храме песни, пляски и обряды плодородия с женами и девицами, на христианского Бога надеяться не стал. Сбежавшие под защиту стен Киева люди, видя, что князь Изяслав дрожит только за свою шкуру, устроили на торгу народное собрание — вече: «Половцы рассыпались по всей земле, выдай, князь, оружие и коней, мы еще побьемся с ними!» Народ сказал свое слово, князь не внял. Киевляне восстали, изгнали Изяслава и посадили на престол Всеслава Полоцкого, который был изменой захвачен Ярославичами, ослеплен и замурован в темнице. Начальный свод, а за ним «Повесть временных лет» красочно передают бытовые подробности, которые в будущие века станут в Киеве повседневностью.

С веча новгородцы пошли, разделившись, одни — на гору, на двор воеводы Коснячки, чтобы потребовать оружия, и затем к порубу Всеслава: «Пойдем освободим дружину свою из темницы» (как в былинах, когда надо было освободить заточенных князем богатырей!). «И разделились надвое: половина их пошла к темнице, а половина их пошла по мосту, эти и пришли на княжеский двор. Изяслав в это время на сених совет держал с дружиной своей, и заспорили с князем те (киевляне), кто стоял внизу. Когда же князь смотрел из оконца, а дружина стояла возле него, сказал Туку, брат Чудина, Изяславу: “Видишь, князь, люди расшумелись; пошли (воинов), пусть постерегут Всеслава”. И пока он это говорил, другая половина людей пришла от темницы, отворив ее. И сказала дружина князю: “Не к добру это; пошли к Всеславу, пусть, подзвав его к оконцу, пронзят мечом”. И не послушал того князь. Люди же закричали и пошли к темнице Всеслава. Изяслав же, видя это, побежал с Всеволодом со двора. Люди же освободили Всеслава из поруба в 15-й день сентября (1068) и поставили его среди кня-

жеского двора. Двор же княжий разграбили — бесчисленное множество золота и серебра, и монеты, и меха. Изяслав же бежал в Польшу».

Брат его Святослав, затворившийся сначала в Чернигове, народного суда дожидаться не стал. Собрав небольшую дружину, он атаковал рассыпавшихся по Русской земле половцев. Перед битвой, видя множество врагов, Святослав сказал дружине своей: «Сразимся, некуда уже нам деться». «И припустили коней, и одолел Святослав с тремя тысячами, а половцев было двенадцать тысяч; и так их перебили, а другие утонули в (речке) Снови, а князя их взяли в первый день ноября. И возвратился с полоном в город свой Чернигов Святослав».

Половцы отступили, уводя с собой массу рабов. Тем временем Изяслав не обратился за помощью к братьям, а повел на Русь полки польского короля Болеслава. Выступив ему навстречу во главе с войском киевлян, Всеслав бросил их и тайно бежал. В Киеве вновь собралось вече. Решили обратиться «к Святославу и Всеволоду, говоря: “Мы уже дурное сделали, князя своего прогнав, а он ведет на нас Ляшскую землю, идите же в город отца своего; если же не хотите, то поневоле придется нам поджечь город свой и уйти в Греческую землю”». Учитывая мобильность славян, и в особенности русских градских мужей, угроза была реальной. Тем более что европейская часть Империи ромеев была с VI века в немалой мере заселена славянами.

И сказал им Святослав: «Мы пошлем к брату своему; если пойдет с ляхами губить вас, то мы пойдем на него войною, ибо не дадим погубить город отца своего; если же хочет идти с миром, то пусть придет с небольшой дружиной». И утешили киевлян. Святослав же и Всеволод послали к Изяславу, говоря: «Всеслав бежал, не веди ляхов на Киев, здесь ведь врагов у тебя нет; если же хочешь дать волю гневу и погубить город, то знай, что нам жаль отцовского стола».

Желание доблестного Святослава защитить Киев имело успех. «Изяслав оставил ляхов и пошел с Болеславом, взяв немного ляхов, а вперед себя послал к

Киеву сына своего Мстислава. И, придя в Киев, Мстислав перебил киевлян, освободивших Всеслава, числом семьдесят человек, а других ослепил, а иных без вины умертвил, не испытал. Когда же Изяслав подошел к городу, вышли к нему люди с поклоном, и приняли князя своего киевляне; и сел Изяслав на столе своем... И распустил поляков на покорм, и избивали их тайно. И возвратился Болеслав в землю свою. Изяслав же перевел торг на гору и, выгнав Всеслава из Полоцка, посадил сына своего Мстислава в Полоцке; он же вскоре умер там. И посадил на место его брата его Святополка, Всеслав же бежал».

Усобица продолжилась. Князья рубились за Полоцк. Половцы разоряли Южную Русь. В Ростовской земле восстали языческие волхвы. Князья строили храмы и старались поразить народ церковными праздниками. Это не помешало дьяволу прельстить Святослава, чтобы вместе с Всеволодом изгнать из Киева брата Изяслава. Во время нашествий и смут на авансцену вышел князь Владимир Мономах, образ которого народные сказители слили с образом Владимира Святого, воспев в былинах одну фигуру: Владимира Красно Солнышко.

Отпрыск Всеволода, любимого сына Ярослава, и Марии, дочери греческого императора Константина Мономаха, носил княжеское имя Владимир, христианское Василий и дедовское по матери прозвание — Мономах. Отец Владимира изучил пять иностранных языков. Сам он блестяще владел доступной в его время литературой и обладал писательским талантом. Он княжил в нескольких городах, участвовал в 83 военных походах по Руси, южным степям и западным странам. С именем Мономаха связаны почти все важные события русской истории второй половины XI — первой четверти XII века. Ни об одном из князей после Владимира Святого не сохранилось столько преданий. Именно о нем вспоминали московские государи, готовясь объявить себя царями всея Руси.

Сам Мономах рассказал нам в «Поучении» сынам, из чего слагалась повседневная жизнь князя конца

эпохи былинных богатырей. Это путешествия и охота, заботы о хозяйстве своего замка и пиры с дружиной, восстановление справедливости среди подданных в княжеском суде и бесконечные войны, обычно связанные с усобицами.

Детские годы родившегося в 1053 году княжича прошли в Переяславле, на южном рубеже, где начинались «Змиевы валь» — древние оборонительные сооружения против кочевников. Неизвестно, принимал ли отрок участие в бедственном для его отца и дядей сражении с половцами на реке Альте в 1068 году. Но он запомнил нашествие Шарукана, который, по народному преданию, «широку дорожку прокладывает, жгучим огнем уравнивает, людом христианским речки-озера запруживает». В тринадцатилетнем возрасте Владимир совершил путешествие из Переяславля в Ростов для хозяйского догляда за отцовским княжеством. Ехать пришлось сквозь глухие Брынские леса, где гнезился былинный Соловей-разбойник, реальные вятичи сжигали покойников по древнему обряду и насыпали над ними курганы, а язычники убивали христианских миссионеров.

В 1077 году Владимир совершил поход в Польшу, чтобы помочь королю Болеславу II Смелому против чехов — союзников германского императора Генриха IV. Император дерзостно требовал от любимого дяди Владимира, Святослава, вернуть киевский престол другому дяде, Изяславу, ездившему на поклон к немцам и обещавшему признать зависимость Руси от папы римского. Воля папы и императора помогла чехам и полякам помириться, но Владимир воевал в Чехии, пока не принял честный мир и дары.

Иноземцы, нашествия которых народ воспринимал как ужаснейшее бедствие, а священники изображали справедливой Божьей карой за грехи, не воспринимались Владимиром как чужаки. Их воины были такими же, как русские, дружинниками, а короли и ханы — «братьями» князей. В «Поучении» князь писал, что сам в юности водил половцев на упорствующее в непокорности Ярославичам Полоцкое княжество. К чести

Владимира следует отметить лишь, что с ближними родичами он не воевал. Даже отец его Всеволод, после смерти Святослава выступив против Изяслава, педшего на Русь с поляками, без боя уступил Киев старшему брату, когда тот отказался от помощи иноземцев. Но именно Мономах взял приступом и сжег внешний город изменивших его отцу черниговцев. В жесточайшем сражении с половцами на Нежатиной ниве 3 октября 1068 года погибли великий князь Изяслав и приведший кочевников изменник Борис, но враг был разбит. Всеволод Ярославич стал князем Киевским, а сын его Владимир Мономах — Черниговским.

В столицу Юго-Восточной Руси князь пришел с молодой женой Гитой — дочерью английского короля Гаральда, что погиб в сече с норманнами при Гастингсе — и двухлетним сыном Мстиславом. В это время на Руси входили в моду и рыцарские турниры — «игрушки». Но русским витязям с избытком хватало и настоящих боев. Только с половцами Мономах сражался в княжение его отца 12 раз. В 1080 году он подавил восстание подвластных Руси торков. Через четыре года вернул во Владимир-Волынский Ярополка Изяславича, изгнанного оттуда неугомными Ростиславичами, угнездившимися за польской границей. Облагодетельствованный вскоре сам выступил на Всеволода, и Владимиру пришлось изгнать Ярополка в Польшу. Но Ярополк повинился — и ему вернули престол.

Между тем с 1092 года половцы напирала повсюду, разоряя села и грабя небольшие города. Сушь, неурожай и эпидемии усугубляли бедствие, мрачные знамения предвещали еще худшие беды. Продолжение усобиц могло погубить Русь. Владимир был тем человеком, который, подобно былинному Красну Солнышку, совершает ошибки, но старается служить благу Руси. Хотя к собирательному образу князя Киевского примешаны и неразумные поступки других князей, которые приходится исправлять богатырям.

13 апреля 1093 года Владимир и его младший брат Ростислав Переяславский плакали над умирающим

отцом. Мономах должен был провозгласить себя великим князем Киевским, но пребывал в сомнениях: выдержит ли он вдвоем с братом войну за передел земель, которую начнут многочисленные родичи? Поддержат ли их города, особенно Киев, знатные люди которого были возмущены тем, что почивший Всеволод окружил себя людьми неродовитыми? Мономах почел за благо отказаться от опасного великокняжеского престола.

Киевским князем стал вызванный из Турова Святополк Изяславич. Союз Святополка Киевского, Владимира Черниговского и Ростислава Переяславского был достаточно силен, чтобы не позволить другим князьям начать усобицу. Но Святополк оказался жадным и неразумным правителем. Если раньше киевляне не желали видеть на престоле Владимира, то теперь возлюбили его в сравнении со Святополком, который везде расставил своих людей, приведенных из Турова, и душил народ налогами. Когда в Киев пришли половецкие послы требовать дани, подручные дали Святополку дурной совет. Князь сначала заточил половецких послов, а потом выпустил их, испугавшись войны. Увидав перед собой врага и труса, половцы войну начали.

Первыми приняли удар подвластные Киеву племена черных клобуков, состоявшие из остатков кочевых племен торков, печенегов и берендеев, а также переселенных Ярославом ляхов. Частью они кочевали на огромном степном пространстве между Днепром, Стугной и Росью, частью осели в городах по Роси — Каневе, Юрьеве, Корсуни, Дверене и Торческе. Только когда половецкая орда обложила Торческ, Святополк понял, что оскудевшая от войн и налогов земля не даст ему сильного войска.

Он воззвал к Владимиру, и тот привел к Киеву черниговскую рать, приказав брату Ростиславу прийти с воинами переяславскими. Собравшись в Михайловском монастыре, князья препирались о дальнейших планах, пока не сказала дружина: «Чего вы ссоритесь между собою? А поганые губят землю Русскую. Пос-

ле договоритесь, а теперь идите навстречу половцам, либо заключать мир, либо воевать!» Князья выступили в сомнениях. На берегу реки Стугны спор продолжился. Владимир склонялся к миру, полагая, что лучше откупиться от половцев, пока те сильны, и дожидаться, когда ханы перессорятся. Князь вспоминал в старости, что ему 19 раз удавался этот прием. Но большинство, и прежде всего киевляне, выступило за войну.

20 мая 1093 года русские перешли вздувшуюся от талой воды реку и тремя отдельными полками заняли позиции у Треполя между древними валами. Половцы первой атакой опрокинули киевлян, затем ударили на черниговцев, наконец, пустился в бегство и центральный полк переяславцев. Все бояре Владимира пали в битве или оказались в плену. С остатками дружины князь бросился в Стугну и не смог помочь брату своему Ростиславу, который утонул у него на глазах. Мономах вспоминал, что это было его единственное поражение в битве за всю жизнь.

В слезах вернулся Владимир в Чернигов, Святополк же убежал в Киев. Узнав о приближении кочевников, киевляне дали Святополку большое войско, но поздно. Все оно полегло под городом, сам князь едва вырвался из побоища. Более девяти недель оборонялся Торческ, пока не сдались защитники города, оставшиеся без помощи, умирающие от голода и жажды. Стон и плач стояли по всей Южной Руси, огромными толпами гнали половцы людей в рабство. Раб с Руси и в это время, и в последующие века считался в южных землях одним из лучших товаров.

Не зная, как остановить врага, Святополк взял в жены дочь половецкого хана Тугоркана, известного в былинах как Тугарин Змей. Когда былинный богатырь Алеша Попович, на пути из родного Ростова, бьет в поле злого красавца Тугарина Змеевича, а приехав в Киев, видит того подле великой княгини, положившего голову ей на белую грудь, — это не то, о чем вы подумали. Змеевич ее родной брат! Хотя и былины в чем-то правы. На честь жен богатырских такой смаз-

ливый змееныш вполне мог покуситься. Да ведь и сам Алеша к супруге Добрыни Настасье Микулишне в былинах подкатывается...

Когда Киев обезопасил таким образом себя, половцы во главе с Олегом Святославичем, который уже в третий раз вел врагов на Русь, бросились на Чернигов. Горожане не любили Владимира, некогда сжегшего полгорода, и князю с малой дружиной пришлось отбиваться в замке. На девятый день боев, видя кругом горящие села и монастыри, Владимир сказал: «Не хвалиться поганым!» Чтобы половцы не ворвались в город, он отдал Олегу Чернигов. Не более ста человек, считая с женами и детьми, уехало с Владимиром в Переяславль сквозь толпы врагов, видя кругом ужасные зверства кочевников и союзных им русских дружинников.

Орда, приведенная князьями, затопила Русскую землю. «Сидел я в Переяславле три лета и три зимы с дружиною своею, — писал Владимир, — и много бед натерпелись мы от войны и голода». Князь выкупил из плена оставшихся в живых после Трепольского побоища и собирал дружинников, когда в 1095 году ханы Китан и Итларь (былинное Идолище Поганое) пришли к Переяславлю за данью. Дав Китану в заложники своего сына Святослава, Владимир пригласил Итларя в город. Ночью дружинники сначала выкрали Святослава, затем прикончили Китана с его воинами. Итларя со свитой заперли в бане и всех перестреляли через крышу. Эти былинные на вид события рассказывает летописец, бывший их свидетелем...

В том же году Владимиру удалось объединиться со Святополком. Князья ринулись в степь и захватили Итларевы станы вместе с людьми и скотом. Олег Черниговский укрыл у себя сына Итларя. Когда Олег отказался «урядиться о Русской земле... чтобы сообща оборонять Русскую землю от поганых», Владимир и Святополк силой изгнали его из Черниговского княжества. Но и это не принесло мира. В жестоких усобицах князья разоряли землю, в бою пал и сын Владимира Изяслав.

Одни половцы сражались на стороне Мономаха и даже несли в сражении его стяг, другие тем временем грабили Русь. Хан Боняк выжег в 1096 году окрестности Киева, хан Куря — пригороды Переяславля. Напал на Переяславль и тесть киевского князя Тугоркан, но этому не повезло: объединенное войско Мономаха и Святополка прижало орду к стенам города и истребило. Тело хана Тугоркана зять с честью похоронил близ Киева, куда вскоре едва не ворвался Боняк. В столь плачевном состоянии находилась Русь, что даже разорение волжскими болгарами Муррома осталось безнаказанным. Города всё чаще закрывали перед князьями ворота, говоря попросту: «Не ходи к нам». Князьям пора было браться за ум.

В 1097 году в захваченном у Владимира и принадлежавшем теперь Олегу Любечском замке состоялся княжеский съезд «для устроения мира». Первым вопросом было: «Зачем губим Русскую землю, сами на себя ссоры навлекая? А половцы землю нашу расхищают и радуются, что нас раздрают междоусобные войны». Князья договорились о разделе земель и наказании любого, кто преступит договор: «Да с этих пор объединимся чистосердечно и будем охранять Русскую землю».

Решение было благое. Но всего через несколько месяцев Святополк в сговоре с Давыдом Игоревичем предательски ослепил князя Василька Ростиславича. Мономах немедленно воззвал к Давыду и Олегу Святославичам: «Бросили между нами нож; если это оставим так, то большее зло встанет, начнет убивать брат брата и погибнет земля Русская — враги наши половцы придут и возьмут ее!» Соединенные полки князей пошли к Киеву. Святополк порывался бежать, но горожане непустили его. «Если станете воевать друг с другом, — объявили киевляне, — то поганые обрадуются, возьмут землю Русскую, которую приобрели деды и отцы ваши». Князья не смогли пойти против города и помирились на том, что Святополк сам накажет Давыда Игоревича. Эта карательная мера вылилась в кровавую войну всех против всех в Западной Руси, где князья

использовали поляков, венгров и половцев. Только в 1100 году княжеский съезд в Уветичах надолго закрепил мир. Мечта Мономаха об объединении Руси против половцев близилась к осуществлению.

В 1101 году Святополк, Владимир и трое Святославичей собрали войнство, но половцы упредили — предложили мир. Стороны обменялись заложниками. Весной 1103 года Мономах съехался со Святополком в Долобске и уговорил его двинуться в степь. Многие князья присоединились к ним и пошли, на конях и лабях, вниз по Днепру до острова Хортица. Оттуда четыре дня шли степями, пока не нагрянули в самое сердце половецких кочевий. Двадцать ханов полегли в битве. Князья увели на Русь огромный полон, угнали скот и увезли имущество, прежде награбленное степными разбойниками. Но половцы были еще сильны.

В 1105 году хан Боняк разгромил берендеев и торков. Через год русские воеводы едва отбили полон, угоняемый злодеями у Заречска. В 1107 году налетел Боняк, захватил лошадей у Переяславля, показал ханам, что открыт путь на Русь. Старый Шарукан и иные половецкие князья шли следом. На Лубне их встретили объединенные силы русских: гнали и рубили до Хорола, добыли обоз и четырех ханов, сам Шарукан едва удрал. Мономах, Олег и Давыд Святославичи взяли за своих сыновей дочерей тех ханов, что еще не были побеждены.

И вновь тщетно призывал Мономах добить половцев в их гнездовьях на Дону — князья не видели в этом смысла. Зимой 1109 года его воевода Дмитр Иворович дошел с боями до Дона. Весной в поход с Владимиром выступили Святополк и Давыд, но повернули вспять от крепости Воинь. Тогда Церковь поддержала Мономаха, пугая верующих небесным знамением и доказывая, что «ангел вложил Владимиру мысль поднять братию свою, русских князей, на иноплеменников». Только весной 1111 года объединенная русская рать выступила в поход.

На Дону город Шарукань открыл князьям ворота, Сугров пришлось сжечь, а половцев все не было. Мо-

номах пошел дальше, к Кавказу. 24 марта половцы решились на битву, заполонив собою весь оком. Князя, поцеловавшись, сказали: «Станем крепко, насмерть». Двинулась дружина и истребила половцев видимо-невидимо. Но еще не все враги собрались, еще сбегались воины со степей к молодому хану Шарукановичу. На третий день вновь обложили половцы полки русские. С громом столкнулись полки, головы летали и кровь заполняла овраги. Говорили потом, что ангелы реяли над русскими и секли врага сверкающим оружием. Остатки половцев бежали за Волгу и Кавказ. Слава об этой победе разлетелась по Греции, Венгрии, Польше, Чехии и до самого Рима.

Ужасные нашествия и великая победа над кочевниками и усамицами, губившими Русь, были связаны в народном сознании с великим князем Владимиром Киевским. Но в действительности Мономах занял киевский престол и придал ему прежнее значение после того, как одолел половцев. Вспоминая уже под ордынским игом славные времена Киевской Руси, люди имели в виду положение единства, которого добился в X веке Владимир Святой, а в начале XII века вновь создал Мономах.

На Руси даже после победы на Дону ситуация была печальной. Когда в 1113 году умер великий князь Святополк Изяславич, киевляне послали сказать Мономаху: «Пойди, князь, на престол отцовский и дедовский». Шестидесятилетний Владимир колебался. Тем временем люди стольного града принялись мстить тем, кто наживался на их бедствиях в правление корыстолюбивого и жестокого Святополка. Первым делом разнесли по бревнышку дом богатейшего киевского боярина, тысяцкого Путяты Вышатича, затем принялись за его помощников — сотских. Бросились и на дворы ненавистных ростовщиков евреев, которых подозревали в изобретении соляного налога (вызывавшего восстания по всей Европе). Духовенство и задолжавшая евреям знать недолго радовались. Вскоре от этих «смысленных» киевлян к Мономаху полетело новое послание: «Нападут на невестку твою, и на бояр, и на монастыри,

и ты будешь держать ответ, князь, если разграбят монастыри». Владимир приехал. Киевляне утихли. Зато зашевелились половцы, понадеявшись на княжескую смуту. Однако сбор русских войск был отлажен Владимиром — разбойники бежали, не успев пограбить.

Позже русские ратники по приказу великого князя вновь навели порядок на Дону, утвердив его границей Руси на юго-востоке. Половцев загнали за Волгу и Яик, остатки печенегов и торков переселили под Киев. На западе границей Руси стал Дунай. Воевода Иван Войтишич захватил там торговые города для Леона, сына византийского императора Диогена и зятя Владимира.

Военные силы, накопленные для борьбы с половцами, и отношения между князьями, когда младшие привыкли выступать в поход по зову старшего, обеспечили Руси относительный мир в течение двенадцати лет великого княжения Мономаха (1113—1125) и семи лет при державе его сына Мстислава Великого (1125—1132). Восставших против его власти князей Владимир по первому разу прощал с одним условием: «Всегда иди, когда я позову». Попытки призвать на помощь поляков, венгров или чехов оканчивались для князей-смутников изгнанием. Поражения, которые во время усобиц осмеливались наносить русским дружинам племена северные, были отомщены, а Новгород и Ладога окружены могучими крепостями. На востоке сын Мономаха Юрий Долгорукий, князь Ростовский, пресек бесчинства болгар на Волге и возвратился в Ростов с большим полоном, честью и славой.

После смерти Владимира совет князей принял решение избирать великих князей только из рода Мономаха. Великим князем Киевским стали именовать первого среди равных правителя, по указу которого все князья должны были собираться с войском для защиты мира и безопасности Руси. Но Русь уже распалась на полтора десятка самостоятельных княжеств, и вскоре титул утратил свое значение. О славе и величии государства остались лишь воспоминания. Наступил период раздробленности, длившийся три с лишним столетия.

Закон и порядок

Смысл жизни князей и дружинников ускользал от народного сознания, поскольку был ему чужд и даже противоположен. Источником богатств князя, которые позволяли ему одевать, вооружать и содержать дружину, были дани и оброки, судебные штрафы (вира) и доходы собственного хозяйства. Там, как и во владениях бояр, работали зависимые люди — холопы, от главного управляющего замком, огнищанина, до последнего свинопаса. Начальствовали, как правило, холопы по договору-ряду (рядовичи), но большинство были захваченными в походах рабами-пленными. Без них хозяйства князей, их бояр и старших дружинников, начинавших жить своими домами и искавших дополнительных доходов, просто не могли обойтись. Торговля рабами была на Руси развитой — недаром рабы упоминаются в ромейских, еврейских и восточных источниках в числе главных русских товаров — и прибыльной. Конечно, в Киеве никто не дал бы за раба 40 золотых монет, как в Царьграде, но все же раб был дорог. А для развития собственного хозяйства, при изобилии свободной земли, — бесценен. Особенно если угонять целыми семьями славянских, все понимающих и адаптированных к нашей природе смердов.

Многие кажущиеся бессмысленными с военной точки зрения походы князей во владения друг друга во время усобиц обретают разумную цель, если мы осознаем: из каждого набега дружинники пригоняли новых холопов. В самом деле, что еще можно было взять с русской деревни-веси? В северных лесах огромные, рубленные из вековых бревен дома самым ценным предметом имели печь. Но она передвигалась только в сказках. Большую часть дома занимали хлев для скотины, овин с запасами сена, житницы для зерна, сарай для саней, телеги, лодки и прочего нехитрого инвентаря. Скот и транспорт можно было угнать, нагрузив зерном, рыбой и медом в бочках, ралом для сохи, серпами, топорами, долотами и стругами, домотканью.

У смерда можно было отнять копье, лук и стрелы, нож, у его жены — красивое пряслице (грузик на веретено в виде бублика из розового шифера с Воыни). Мебель в веси ограничивалась столом и лавками, убранство — половиками, полавочниками, скатертями и полотенцами-ширинками. В доме имелись ручные жернова для размола зерна, деревянные бочки, корыта, глиняные корчаги и горшки. Не слишком завидная добыча! Если не заставить смердов самих везти это всё, угоняя их в рабство. Тем более что смерды были мобильны и их хозяйство было нетрудно переместить во владения нового господина. Женщины вообще все богатство носили на себе: цепочки, мониста, серебряные и бронзовые подвески, кольца, браслеты, жемчужное и бисерное шитье головных уборов — кокошников, разноцветные бусы и куски узорчатого шелка, продаваемые бродячими купцами-коробейниками.

В центральной полосе Руси дела обстояли так же, разве что большая изба здесь сменялась множеством отдельных построек для жилья, скота и припасов. Чем дальше на юг, тем реже встречались маленькие избушки у воды — бани. На среднем Днепре, Десне, Припяти и южнее княжеские и боярские дружинники встречали хаты чуть ли не наполовину вкопанные в землю и даже сложенные не из бревен, а из обмазанных глиной хворостин. Вместо печей здесь были открытые очаги: ведь людям больше досаждал не холод, а летний зной. Вместо рала здесь можно было отобрать у смерда лемех тяжелого плуга. И за зерном лучше было ходить на черноземный юг.

Только угоняя смердов, дружинник мог мечтать о настоящих хоробах — укрепленном центре собственных владений. Хоробы появились задолго до того, как письменные источники начинают рассказывать нам о бурной деятельности князей и дружин. Уже в VIII—IX веках они состояли из деревянных срубов, подобно хороводу окружавших сомкнутыми стенами небольшой двор, обычно на холме. В хоробах гнездилися боярин со своими домочадцами и слугами (челядью), всего 20—30 человек. У подножия холма была разбросана

сотня-другая жилищ холопов-рабов, закупов — временно несвободных должников, отрабатывающих взятую ссуду-купю, и рядовичей, ставших холопами по договору-ряду с ограничительными условиями. Хоромы знаменовали собой господство над крестьянами, принадлежащими владельческому семейству. Кроме хором и людей боярин владел землей, угодьями, пчелиными бортями, рыбными ловлями, скотом и птицей, запасами зерна и снеди, хозяйственным инвентарем и деньгами — всем тем, что могло понадобиться обычному крестьянину-смерду, особенно в тяжелый год. Лично свободных крестьян и при Владимире Мономахе было подавляющее большинство, однако шансов угодить в кабалу у смердов хватало. Важнейшим способом добыть холопов был военный поход, а отличный повод к нему давали усобицы.

Раб был вещью, имуществом господина, и убить его хозяин мог так же просто, как разбить горшок. Если раб поднимал руку на свободного — его убивали. Убить чужого раба без повода значило нанести вред имуществу: за это по «Русской правде» следовало заплатить цену холопа владельцу и штраф князю, как за всякую порчу чужой собственности, далеко не дешевой. Холоп не мог свидетельствовать в суде, а дети и все изделия раба принадлежали хозяину. Женившийся на рабе без ряда с ее господином становился не рядовичем, а полным — обельным — холопом. Смерду, взявшему в тяжелый год ссуду, приходилось отрабатывать ее почти как холопу. Хозяин мог побить закупа за провинность (за битье без вины полагался штраф), но не мог продать. Закуп отвечал за порчу имущества господина, а не выплатив купю, совершив преступление или попытавшись бежать, превращался в раба.

Особая подлость системы угнетения состояла в том, что порабощение проводили сами рабы. Приказчиками, ведавшими хозяйством и домом любого господина, — тиунами и ключниками — могли быть только холопы или рядовичи. Они ненавидели свободных смердов и стремились обратить их в рабство. Смерды, жившие на земле, так или иначе присвоенной или

пожалованной боярину князем, постоянно чувствовали эту опасность. Развитием этих отношений стало появление в селах принадлежавших боярам укрепленных дворов, тип которых местами сохранился до сих пор: дом, хлев и сарай стоят глухими стенами наружу, а свободное пространство между ними перекрыто высоким забором с воротами, в которых имеется калитка. Здесь, как в тюрьме, жили холоп-приказчик, рабы и закупы, вынужденные оберегать хозяйское добро от свободных и окруженные ненавистью соседей. Но у боярских хором и дворов было свое пугало — княжеские замки.

Вся Западная и Центральная Европа была тогда покрыта различными по архитектуре, но одинаковыми по замыслу следами Средневековья: замками, тяжелыми и зримыми символами господства вооруженного меньшинства над покоренным населением и постоянной войны владетелей микроскопических государств между собою. На Руси таких символов Средневековья почти не осталось, но это не значит, что их не было. Экспедицией академика Б. А. Рыбакова были тщательно изучены остатки замка в Любече, построенного Владимиром Мономахом в бытность его князем Черниговским. Рассмотрев устройство и жизнь этой крепости, мы можем быть уверены, что познакомились с основными чертами всех русских княжеских замков и отношений, завязанных вокруг них.

Замковая гора в древнем городе Любече у Днепра отрезана от домов горожан глубоким рвом. Укрепленная площадка на вершине крутого холма невелика — всего 35×100 метров. Князю на ум не приходило строить защиту для кого-либо, кроме себя, своей дружины и имущества. Дубовые срубы с жилыми клетями внутри образовывали с внешней стороны высокую стену. Стена с проходящей по ее верху крытой стрелковой галереей охватывала замок отдельно от города. Подъемный мост через ров вел в мостовую башню. Пробившийся через нее супостат попадал в узкий проезд между двумя стенами, поднимавшийся к главным воротам с двумя башнями.

Неприятель, избежавший убиения со стен на этом пути, упирался в расположенный под башнями длинный туннель с тремя заслонами. Проломав оные, обваренный кипятком и оглушенный камнем незванный гость оказывался во дворике внешней стражи, огороженном тыном (стенкой из врытых в землю заостренных сверху кольев). Во дворике располагались каморки с очагами для обогрева часовых, погреб и ход на стены. Увы, отдохнуть здесь штурмующему не пришлось бы. Главная четырехъярусная башня-вежа, подобная западному донжону, высилась над всеми замковыми постройками, не связанная со стенами, но позволяющая простреливать все крепостное пространство. Только через вежу с ее мощными воротами можно было пробиться к хозяйственным клетям со всевозможной «готовизной» — мясом, рыбой, вином, пивом и медом, к овощехранилищам и сеновалам, к глубоким подвалам с запасами зерна и воды. Благодаря этим запасам 200—250 человек жителей замка могли просидеть в осаде более года. Без ведома хранителя вежи нельзя было попасть ни к парадному двору с шатром для почетной стражи, за которым высился княжеский дворец с тремя высокими теремами, ни к небольшой церкви под свинцовой кровлей.

Терем и сени — два понятия, постоянно употребляемые в древнерусской литературе и фольклоре, — порядком запутаны для читателя. Тем и другим словом часто называли дворец, причем герои во дворце могли оказаться как «в сенях», так и «на сенях». На самом деле все просто. Любое солидное древнерусское здание, за редкими исключениями, было деревянным (как дворец в Любече). Оно состояло как минимум из двух клеток — срубов высотой в один-два этажа. Два сруба соединял прочный, укрепленный в середине на столбах навес, который давал тень и потому назывался сенями (тенями). Над ними могла быть двускатная крыша. Тогда сени просто защищали от солнца, дождя и снега. Но чаще по дощатому покрытию сеней можно было ходить из одной клетки в другую. Такие открытые с двух сторон и покрытые крышей сени назывались

переходом. Переход связывал вторые, жилые этажи клеток. Нижний их этаж не имел окон, кроме крошечных волоковых (щель между бревнами с заслонкой); в более поздних источниках он назывался подклетом. Под его полом мог быть еще погреб-подпол, куда в былинах князь нередко сажал богатыря Илью Муромца. Второй, жилой этаж, на который надо было подняться вверх по внутренней или внешней лестнице, назывался горницей. Вместо крыши над сенями и клетями могла быть возведена третьим этажом светлица: более легкое, чем клетки, сооружение из столбов и досок с большими (в несколько десятков сантиметров) окнами, где жены и девы проводили время за рукоделием, требующим света. Островерхую крышу крыли тогда поверх светлицы.

Представив себе сооружение из двух клеток с переходом между ними и светлицей сверху, вы легко поймете конструкцию любого богатого дома, боярских палат и княжеского дворца, просто умножая количество клеток и переходов, разбросанных по всей площади огороженного высоким забором двора. Сени могли отходить от всех четырех стен каждой клетки и легко превращались в крытые галереи. Переходы на сенях закрывались для защиты от непогоды досками и становились неотопливаемыми внутренними помещениями, в которых князь с дружинниками любил пировать. Именно на таких сенях совещался князь Изяслав с дружиной, глядя вниз из оконца на бушующую толпу киевлян. На сени вели прямые или коленчатые, имевшие промежуточные площадки внешние лестницы, обычно имевшие крышу. Крытые и торчащие по сторонам, как крылья, они назывались крыльцами.

Все вместе помещения для людей, кроме тщательно запертых кладовых, погребов и крылец, о которых источники говорят отдельно, именовались теремом, то есть жильем. Разумеется, жильем богатым. Две клетки с простыми сенями или огромный северный бревенчатый дом-пятистенок предки назвали бы просто избой. Палатой именовали одно большое помещение богатого дома или дворца. Поэтому древнерусские ав-

торы могли назвать дворец княжескими или боярскими палатами, во множественном числе.

В нижнем этаже дворца в Любече стояли печи, хранились запасы для повседневного дворцового обихода, жила челядь. Парадным был второй этаж, опоясанный широкой крытой галереей с дощатыми стенами — сенями для летних пиров. Зимой в теплой княжеской палате, украшенной майоликовыми щитами, оленьими и турьими рогами, можно было принимать почти 100 человек. Наверху, в теремах, хозяйничали женщины. Как и везде на Руси, они собирались на посиделки с прялками, только помечая пряслица своими именами, как грамотные горожанки, а не значками, подобно большинству крестьянских жен, и прядя не лен, а тонкую шерсть да драгоценные золотые и серебряные нити на вышивку (лишь такая вышивка со времен Древней Руси и сохранилась в захоронениях).

Замок был полон тайн. В каждом здании прятались свои запасы пищи и воды, которой накапливались сотни тонн. Из дворца, одной из медуш и от церкви на разные стороны замковой горы вели глубокие подземные ходы. Но из мрачных подземелий центральной вежи, владыка которой управлял всем движением людей в замке, тайного выхода не было. Этот человек не мог отступить и спрятаться. Он успел только зарыть под башней груду великолепных золотых и серебряных украшений, доставшихся археологам.

Кто же был хранителем высокой вежи замка Мономаха? И как случилось, что столь основательно подготовленное к обороне сооружение было без больших трудов взято смоленским князем и разграблено в 1147 году? Ни пожаров при штурме, ни проломов, ни утыканых стрелами стен и рассыпанных костей: чистенькое пепелище с одной лишь зловещей деталью — драгоценным кладом, за которым так и не смог вернуться хранитель вежи...

С высокой башни замка далеко озирал окрестности Любеча особо доверенный княжий холоп — огнищанин. Он — глава княжой вотчины, выше любого боярина, не только местного, но и дружинного. Ему под-

чинялись княжий подъездной — сборщик податей, и приказчики-тиуны. Разве что старший конюший мог сравниться с огнищанином, хотя жизнь всех этих важнейших для хозяйства рабов князь оценивал одинаково. 80 гривен (четыре килограмма серебра) — сумма годовой дани с крупной волости — такой штраф налагался на убившего княжьего слугу из праведной мести за причиненную обиду. Если убийца был неизвестен, штраф налагался на округу, где было найдено тело: эта круговая порука называлась дикой вирой. Когда же огнищанина или подъездного убивали без оправдательных в глазах закона обстоятельств — преступника уничтожали «во пса место».

Не стоит удивляться, что жизнь холопа в «Русской правде» сыновей Ярослава Мудрого оценивалась ровно вдвое выше, чем свободного мужа (например, дружинника или купца), и что княжьего раба нельзя было убить даже по священному праву кровной мести. Холопство прихлебателей всегда было дорого власть имущим. Для истории важен перепад цен на жизнь. Убийство знатной женщины оценивалось, например, в 20 гривен, а вот княжий сельский староста, боярский тиун, ремесленник и ремесленница, пестун (воспитатель) и кормилица стоили одинаково, по 12 гривен. Жизнь рабыни ценилась в 6, а раба — только в 5 гривен.

Видно, крепко был ненавидим огнищанин с его подъездными, вирниками, мечниками и иными бодрыми подручными, коли его жизнь пришлось охранять воистину диким штрафом. Не случайно князь доверил ему высокую вежу — сердце обороны замка. Изменить князю огнищанин не мог, не пригодился бы ему и подземный ход. Без защиты князя едва ли не каждый встречный убил бы злого холопа с превеликим удовольствием. Ведь правители замков пользовались тем, что князья то и дело переходили в новый город, на новый престол, особо не заботясь о сохранении благосостояния местных жителей и стремясь как можно скорее взять с владений елико возможно больше. Свора огнищан с подручными рыскала по всей

стране от Киева до Белоозера, обогащаясь за счет едва прикрытого грабежа и «творимых вир» — надуманных поводов для штрафов.

Не только смерды, но и бояре страдали от жадности слуг, поставленных князьями собирать дани и творить суд вместо себя. Недаром древний книжник советовал боярину: «Не имей двора близ княжа двора и не держи села близ княжа села: тиун его как огонь... рядовичи как искры. Коли от огня уберешься — от искр не сможешь устеречься». Рядовичи здесь упомянуты не случайно. Замки правдами и неправдами обростали собственным хозяйством. Даже смерд, пораженный с огнищанином, мог покуситься на лужок или лесок соседей — ведь обогащая себя, он расширял владения замка. Поборы князей и их холопов ослабляли крестьянское хозяйство, лишая его запасов на случай неурожая. Многие смерды могли выжить в тяжелый год, лишь сделавшись закупами или холопами. А постоянные набеги князей на владения друг друга повергали в рабство и состоятельных крестьян.

Единственной рекомендацией, которую давали подданным церковные авторы, составлявшие поучения, было «послушным быть до смерти, трудиться до смерти». Богатым и знатым советовали: «Князя бойся всею силою своею». Бояре понимали, что не могут сравниться с князем и в мере господства над зависимыми людьми. «Не разгневай мужа в нищете его», — говорило поучение тому, кто не располагал достаточной силой для обуздания отчаявшихся бедняков. Алчность власть имущих, готовых разорить и уморить голодом тех, кто их кормит, испокон веков ограничивалась силой сопротивления подданных.

Установления «Русской правды» — свода законов для земель Великого Новгорода, создававшегося князьями от Ярослава Мудрого до Владимира Мономаха, защищали замок от гнева бедняков. «Русская правда» уже в конце XI — начале XII века стеной стояла за слуг князя, его земли, закрома, кладовые, хлева, борти (ульи диких пчел) и прочие владения. Она оберегала княжеских коней, волов, коров, коз, овец, свиней, кур, голубей,

уток, гусей, лебедей и журавлей, рабов, рабынь, рядовичей, собак, ястребов, соколов и пр.

Угроза княжеской дружины не всегда могла отратить отчаявшегося человека от вооруженного сопротивления огнищанину или тиуну. Но огромный штраф — фактически грабеж всей округи — заставлял самих смердов сдерживать гнев разоренных соседей. Иное дело, когда речь шла об общем бедствии. «Видишь князь, люди взвыли!» — услышав такое, не один князь считал благом поскорее бежать. Восстания смердов и горожан указывали, где проходит грань, переступив которую власть имущие должны были думать о спасении своей жизни.

Положения «Русской правды» должны были охранять и существующие отношения в целом. Наказание за разрушение межи — границы между земельными владениями, или за кражу, разбой, убийства и пытки, защищают даже смердов (хотя пытка смерда «стоила» 3 гривны, а огнищанина — 12). Но охрана порядка, которой ожидают от власти подданные, интересовала власть прежде всего с точки зрения самосохранения и особенно — выгоды. Ведь основная часть штрафов шла не в пользу пострадавших, а в кошелек князей.

Еще Ярослав Мудрый, жалуя новгородцев льготной грамотой, под предлогом борьбы с кровной мстью, во-первых, присвоил себе право регулировать отношения оскорбителя и оскорбленного; во-вторых, при отсутствии у погибшего родных ближе отца, сына, дяди и племянника забирал штраф за убийство себе. В дальнейшем князья установили, что имущество смерда, не оставившего после себя сыновей, переходило в их казну. Общинникам не оставалось ничего, хотя они были связаны круговой порукой. Забрать имущество смерда князь мог, а вот забрать имение умершего боярина и дружинника не мог, потому что его право обирать смердов обеспечивала именно дружина. Однако самые острые мечи дружины и могучие дубовые стены не гарантировали неприступности княжеского замка.

Превышение возможностей грабежа народа способно было вышвырнуть князя с престола и из любого

замка. А многочисленность князей позволяла подданным обеспечить переход власти тому, кто их больше устраивал. Одному говорили: «Ты — наш князь, где узрим твой стяг, там и мы с тобой!» Другому заявляли: «Поди, княже, прочь. Ты нам еси не надобен!» Те, кто был способен подкрепить подобные заявления делом, заставляли власть считать их выгоду своей.

Увы, это были не крестьяне, которые даже в былинах редко и с неохотой отрывались от плуга для участия в битвах и походах. Зато земское боярство, из племенной знати или старых дружинников, нуждалось в князьях как защитниках собственной власти. Оно могло выставить в поле воинов, превосходящих числом княжьи дружины, способно было дать денег для сбора войска. Боярам не раз удавалось добиться, чтобы городские ворота оказались затворенными перед претендентом на престол. Недаром Устав Владимира Мономаха — новые статьи, внесенные князем в «Русскую правду», — тщательно учитывал интересы боярства.

Конечно, князь, занявший престол во время народного восстания, должен был померить пыл своих управителей. Покон вирный определял, какой прокорм должно давать население вирникам — чиновникам, взимавшим штрафы за преступления. Мономах строже регламентировал продажу — княжескую долю штрафов. Более четко было определено положение закупов и холопов. Однако главное отличие Устава Мономаха в том, что здесь реже употребляется слово «княжее», добавляется — «боярское», а в основном речь идет о «господине» — то есть защищаются и княжеский замок, и боярские хоромы, и строящееся имение старшего дружинника. Темы укрепления прав собственности и ограничения чиновного произвола развиваются в «Русской правде» на фоне признания земского боярства и старой дружины как мощной политической силы.

Даже вовсе не разумное на первый взгляд разделение страны между Мономашичами отвечало настоящему требованию бояр. Их не устраивала власть,

способная прийти им на помощь лишь спустя несколько недель, и при этом не радовало правление наместников-временщиков. Для боярского хозяйства не нужны были огромные масштабы Древней Руси. Наоборот, поработать смердов, извлекать больше доходов из труда холопов и закупов было удобнее при своем князе. Таким князем, который старался бы прожить в мире с боярством и передать детям не разоренную грабежом землю, а крепкую княжескую вотчину — наследственное владение.

Возможность основательно строить свое гнездо при поддержке боярского войска и получившей землю старшей дружины, которую уже не надо было кормить, оказалась весьма привлекательной для князей. Тем паче, что, когда князь тянул засевших в своих вотчинах бояр на какую-нибудь нежеланную для них войну, те, по меткому выражению летописца, «идучи не идяху». Зато слишком ретивому князю спешили намекнуть на широкий выбор из числа его родичей, кормившихся в городках типа Клечска, Вщижа или Курска. А дружина, с помощью которой можно было бы покарать непокорных, сама видела свое будущее в теплых и уютных хоробах посреди собственных вотчин. Героические времена после Мономаха минули.

Богатыри

Герои русского эпоса отличались от реальных дружинников и бояр, с которыми мы познакомились. Прежде всего тем, что богатыри сражались не против братьев, но против врагов, защищая от нашествий Святую Русь, а заодно изводя в ней разбойников и реликтовых чудовищ. Летописание, охотно включавшее эпические мотивы, особенно в рассказах о Владимире Святом, укрепляло представления историков и читателей о блаженных временах единства Руси, существовавших в народном самосознании, но не на практике.

Таковую же картину мы наблюдаем и в Восточной Римской империи, где идеальный герой Дигенис

(«Двоерожденный»), сын обратившегося в христианство сирийского эмира и дочери ромейского стратега, защищает родную страну, сражаясь с разбойниками и внешними врагами на границе. Поэма о пограничном страже — акрите, писавшаяся, с новыми деталями, в X—XII веках, была популярна и на Руси, где в то же самое время богатыри совершали похожие (но не списанные у ромеев) подвиги. Перед нами факт народного самосознания, идеализирующий реальность, но признанный во всех слоях общества и... отражающий повседневную жизнь как слушателей и сказителей, так и подлинных героев.

Самая ранняя из записанных былин о славных временах Владимира Святого попала в «Повесть временных лет» при Владимире Мономахе. Ранее в Начальной летописи под 993 годом было написано только, что «пошел Владимир на хорватов» (славянское племя в верхнем Поднестровье). «Когда же возвратился он с хорватской войны, — добавил составитель «Повести», — пришли печенеги по той стороне Днепра от Сулы. Владимир же выступил против них и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались наши перейти на ту сторону, ни те на эту. И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему: “Выпусти ты своего мужа, а я своего — пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года и разойдемся; если же наш муж бросит вашего оземь, то будем разорять вас три года”. Владимир же, вернувшись в стан свой, разослал глашатаев объявлять: “Нет ли такого мужа, который бы поборолся с печенегом?” И не сыскался нигде.

На следующее утро, — продолжает «Повесть», — приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не оказалось. И стал тужить Владимир, посылая по всему войску своему, и пришел к князю один старый муж и сказал ему: “Князь! Есть у меня один сын меньшей дома; я вышел с четырьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился на меня

и разодрал кожу руками”. Услышав об этом, князь обрадовался и тут же послал за ним. Привели его к князю, и поведал ему князь всё. Тот отвечал: “Князь! Не знаю, могу ли я с ним схватиться, но испытайте меня: нет ли крупного и сильного вола?” И нашли могучего вола, и приказал он разъярить вола; возложили на него раскаленное железо и пустили вола. И побежал вол мимо него, и схватил его рукою за бок и вырвал кожу с мясом, сколько захватила рука. И сказал ему Владимир: “Можешь с ним бороться”.

На следующее утро пришли печенеги и стали вызывать: “Где же муж? Вот наш готов!” Владимир повелел (воинам) в ту же ночь облечься в доспехи. Печенеги выпустили своего мужа: был же он огромен и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста. И измерили место между обоими войсками и пустили их друг против друга. И схватились, и удавил муж печенежина руками до смерти. И бросил его оземь (как Мстислав Храбрый касожского богатыря Редедю. — А. Б.).

И кликнули русские, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали. Владимир же обрадовался и заложил город у брода того и назвал его Переяславлем, ибо перенял славу отрок. И сделал его Владимир великим мужем, и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победою и со славою великою».

Этот законченный богатырский сюжет, от явления героя из полной безвестности (простого отца да еще младший сын) до победы над врагами Руси и приема в дружину Владимира, перекликается с русскими сказками, где простой парень — Никита или Кирилл Кожемяка или Илья Швец — сидит себе в избе за работой. Тут героя находят посланцы князя, дочь которого похитил, полюбив ее, лютый змей. Нечаянно побеспокоенный парень рвет от неожиданности 12 шкур, которые он мял или шил. Ни князь, ни старосты-старцы не могут умолить его отправиться в поход за княжной. Живет она со змеем — ну и счастья им! Только плач малых детей, явный намек на разорение Руси кочев-

никами, побуждает героя к действию. Напрасно побежденный змей предлагает герою поделить землю поровну, как хан Кончак своему пленному другу князю Игорю Святославичу в «Слове о полку Игореве». Герой освобождает княжну, запрягает змея и пашет на нем, создавая защиту от Степи — Змиевы валы. А потом топит змея в море.

Вероятно, летописец слышал эту сказку, но его не устраивал излишний сказочный оптимизм. Верно было лишь то, что даже великий князь не мог в его время защитить землю от половцев, как Владимир Святой — от печенегов. К счастью, были на Руси и богатыри, и умные головы. Об этом говорит вставленная в «Повесть временных лет» как быль чудесная сказка:

«В год 6505 (997). Пошел Владимир к Новгороду за северными воинами против печенегов, так как была в это время непрерывная великая война. Узнали печенеги, что нет князя, пришли и стали под Белгородом. И не давали выйти из города, и был в городе голод сильный, и не мог Владимир пойти к нему, так как не собрались еще к нему воины, а печенегов было многое множество. И затянулась осада города, и начался среди горожан сильный голод. И собрали вече в городе и сказали: “Вот уже скоро умрем от голода, а от князя помощи нет. Разве лучше нам так умереть? Сдадимся печенегам — кого оставят в живых, а кого умертвят; всё равно помираем от голода”. И так порешили на вече. Был же один старец, который не был на том вече, и спросил он: “Зачем собрали люди вече?” И поведали ему, что завтра горожане хотят сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им: “Слышал, что хотите сдаться печенегам”. Они же ответили: “Не стерпят люди голода”. И сказал им: “Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я вам велю”. Они же с радостью обещали послушаться. И сказал им: “Соберите по горсти овса, или пшеницы, или отрубей”. Они же охотно пошли и собрали. И повелел женщинам сделать болтушку, на чем кисель варят, и велел копать колодец, и поставить в него кадь, и налить ее болтушкой. И ве-

дел копать другой колодец и поставить в него другую кадь. Повелел им поискать меду. Они же пошли и взяли лукошко меду, которое было спрятано в княжеской медуше. И приказал сделать из него пресладкую сыту (медовый взвар. — А. Б.) и влить в кадь во втором колодце. На следующий же день повелел он послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам: “Возьмите от нас заложников, а сами войдите человек с десять в город, чтобы посмотреть, что творится в городе нашем”. Печенеги же обрадовались, подумав, что хотят им сдать, а сами выбрали лучших мужей в своих родах и послали в город, чтобы проведали, что делается у тех в городе. И пришли они в город, и сказали им люди: “Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Если будете стоять и десять лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите, то посмотрите своими глазами”. И привели их к колодцу, где была болтушка для киселя, и почерпнули ведром и вылили в латки (глиняные миски. — А. Б.). И стали варить у них на глазах. Когда сварили кисель, взяли его, и пришли к другому колодцу, и почерпнули сыты из колодца, и стали есть сперва сами, а потом и печенеги. И удивились те и сказали: “Не поверят нам князи наши, если не отведают сами”. Люди же налили им корчагу кисельного раствора и сыты из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали всё, что было. И, сварив кисель, ели князья печенежские и дивились. И, взяв своих заложников, а белгородских пустив, поднялись и пошли от города восвояси.

Легенда эта, строго оформленная как летописная запись, столь же достоверна, как и описанный в «Повести» поход Вещего Олега на Царьград с хождением посуху под парусами и прибыванием княжеского щита на врата столицы ромеев. Автор «Повести» представлял себе реальные трудности набега на Царьград по рассказу его знакомого, командира ополчения киевских мужей (тысяцкого) Яна Вышатича о приключениях его отца. Вышата был сыном новгородского посадника Остромира. Тогда, в середине XI века, посадник вовсе не был первым лицом Новгородской республики,

которой еще не существовало, но доверенным управителем князя Киевского. Ярослав Мудрый послал Вышату Остромировича со своим сыном Владимиром на большой грабеж. В 1043 году их ладьи вышли в Черное море и миновали уже устье Дуная. Но «началась буря сильная, и разбила корабли русских, и княжеский корабль разбила ветер, и взял князя в корабль Иван Творимирич, воевода Ярослав. Прочих воинов Владимировых, числом до шести тысяч, выбросило на берег. И, когда они захотели было пойти на Русь, никто не пошел с ними из дружины княжеской. И сказал Вышата: «Я пойду с ними». И высадился к ним с корабля, сказав: «Если буду жив, то с ними, если погибну, то с соратниками»».

Доблесть воеводы тут несомненна. Но «сообщили грекам, что море разбило ладьи русских, и послал царь, именем Мономах, в погоню за русскими четырнадцать ладей. Владимир же, увидев, что преследуют их, повернув, разбила ладьи греческие и возвратился на Русь, сев на корабли свои. Вышату же схватили вместе с выброшенными на берег, и привели в Царыград, и ослепили много русских. Спустя три года, когда установился мир, отпущен был Вышата на Русь к Ярославу». Описывая в «Повести» серию таких неудач, ее составитель очень хотел, чтобы русский дух восторжествовал над силой ромеев, и с удовольствием описал победоносный поход Олега, как и одоление печенегов с помощью киселя в пограничном Белгороде, основанном Владимиром Святым в 992 году и населенном им людьми из разных мест.

На самом деле борьба со Степью и при Мономахе, когда писалась «Повесть», и в конце X века была тяжелой, а поведение князей не всегда сияло доблестью. В 996 году «пришли печенеги к (крепости) Василеву, и вышел против них Владимир с небольшою дружиною. И сошлись, и не смог устоять Владимир, побежал и стал под мостом, едва укрывшись от врагов. И дал тогда Владимир обещание поставить церковь в Василеве во имя святого Преображения, ибо был праздник Преображения Господня в тот день, когда произошла

та сеча. Избегнув опасности, Владимир построил церковь и устроил великое празднование, наварив триста мер меду. И созвал бояр своих, посадников и старейшин из всех городов, и всяких людей много, и роздал бедным триста гривен. Праздновал здесь князь Владимир восемь дней, и возвратился в Киев в день Успения Святой Богородицы, и здесь вновь устроил светлый праздник, сзывая бесчисленное множество народа. Видя же, что люди его христиане, радовался душой и телом. И так делал постоянно».

Большая часть былин начинается с похвалы таким пирам Владимира Красное Солнышко²⁰⁵. Часто по много дней и недель кормил-поил князь дружинников. Старших, бояр, — за своим белодубовым столом, середних, видных воинов, — за столами подалее, младших, не отличившихся, — и вовсе в сенях. У индоевропейских народов, особенно северных — кельтов, славян и германцев, — пирам вождей с воинами воздается великая хвала. А Владимир, согласно летописи, дружинные обычаи распространял на весь

²⁰⁵ *Авенариус В. П.* Книга о киевских богатырях. Свод 24 избранных былин древне-киевского эпоса. СПб., 1876; Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихонравова, В. Ф. Миллера. М., 1894; *Халанский М. Е.* Великорусские былины Киевского цикла. Варшава, 1885; *Лобода А. М.* Русский богатырский эпос. Киев, 1896; *Миллер В. Ф.* Очерки русской народной словесности. Былины. I—XVI. М., 1897. Т. 1 (переизд.: М., 2015); *Марков А. В.* Беломорские былины. М., 1901; Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. СПб., 1904—1910. Т. 1—3; *Зеленин Д. К.* Великорусские сказки Пермской губернии. Пг., 1914; *Астахова А. М.* Былины Севера. М.; Л., 1938. Т. 1: Мезень и Печора; М.; Л., 1951. Т. 2: Прионежье, Пинега и Поморье; *она же.* Народные русские сказки о богатырях русского эпоса. М.; Л., 1962; Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. 4-е изд. М.; Л., 1949; Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е доп. изд. / Подг. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. М., 1977; Былины: Сборник / Вступ. ст., сост., подг. текстов, прим. Б. Н. Путилова (Библиотека поэта. Большая серия). 3-е изд. Л., 1986; Былины / Сост., вступ. ст., подг. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. М., 1988; Былины. Исторические песни. Баллады / Подг. В. Ковпик, А. Калугина (Библиотека Всемирной литературы). М., 2008; и др.

народ. Звал на свои пиры богатых купцов — гостей, знатных горожан — торговцев и ремесленников, приглашал и «мужиков деревенских». Выставлялись широкие столы на княжий двор: заходи любой, ешь досыта и пей допьяна!

На стол подавали жареное мясо быков-туров, оленей, кабанов и лосей, ели избранные части медведей. Были здесь зайцы и тетерева, лебеди и утки, перепела и куропатки; позднейшая традиция упоминает даже блюда из соловьиных язычков. Непременной снедью были соленья и печенья, каши, в том числе новомодная гречневая, и разнообразные щи. Кислые щи были любимым безалкогольным напитком. Крепость напитков алкогольных — пива, хмельного меда и заморских вин — была небольшой. Пили их как вместительными, пускавшимися по кругу рогами, окованными по краю серебром и золотом, и чашами-братинами, так и из индивидуальной посуды: серебряных чарок, похожих на маленькое блюдце с плоской горизонтальной ручкой.

Чарки пришли из Степи. Они во множестве обнаружены в Венгрии, включая вариант, когда вместо ручки у серебряной чарки с золотыми узорами сделана пряжка: удобно и пальцами держать, и в походе к поясу подвесить. Узкие дружинные пояса с серебряными бляшками часто имели бляшки со сквозными дырочками или множество колечек, выступающих за нижний край пояса. При отсутствии в это время карманов (во всей Евразии) всё, что надо было носить с собой, привязывалось тонкими кожаными ремешками к воинскому поясу. Здесь были нож, ложка в кожаном футляре, кованое стальное кресало и кремь для разведения огня, чарка, тонкой работы деревянный или костяной гребешок (даже богатыри следили за своими кудрями) и другие мелочи, необходимые для пира в княжьем тереме, для охоты и военного похода, куда дружинник мог отправиться прямо из-за стола, прихватив лишь вооружение и суму с припасами (в виде конверта или затяжного мешка на плоской перевязи через плечо).

Во время застолья дичь и непременно пироги должны были подавать на больших керамических и металлических подносах, однако они не обнаружены. Не исключено, что все это просто приносили к столу на досках. Щи и каши готовились в горшках и подавались в глиняных, в том числе по-ромейски расписанных красками глазурованных мисках. Из Царьграда была и со вкусом описанная в былинах драгоценная посуда: подносы, тарелки, горшки и миски, чаши, кубки и стаканы, сделанные из позолоченного серебра, украшенного округлыми и плоско гранеными камнями и перегородчатой эмалью, или из модного разноцветного стекла. Ложки, как справедливо сказано в летописи, были деревянные; согласно археологии, временами украшенные тонким резным узором. Серебряные ложки по форме и орнаменту были ромейскими.

К тому времени на Руси одни были богаты, другие зажиточны, третьи нищи и убоги. Чтобы бедные не голодали между пирами и праздниками, Владимир приказал раздавать на своем дворе пищу и питье всякий день. И даже более — велел слугам грузить снесь на телеги и возить по городу, кормить-поить больных и неспособных ходить.

Понимаю, что это выглядит уж вовсе сказочно, поэтому отсылаю к Начальному своду и «Повести временных лет»: «Повелел он всякому нищему и убогому приходить на княжий двор и брать все, что надобно: питье, и пищу, и из казны деньги. Устроил он и такое: сказав, что “немошные и больные не могут дойти до двора моего”, приказал снарядить телеги и, наложив на них хлебы, мясо, рыбу, различные плоды, мед в бочках, а в других квас, развозить по городу, спрашивая: “Где больной, нищий или кто не может ходить?” И раздавали тем всё необходимое. И такое делал он для людей своих: велел он по всем дням недели на дворе своем в гриднице устраивать пир, чтобы приходить туда боярам, и гридям, и сотским, и десятским, и лучшим мужам — при князе и без князя. Бывало на обедах тех множество мяса — говядины и дичины, было все в изобилии».

Для дружины князь вообще ничего не жалел. Закричали как-то раз в подпитии воины: «Зло есть нашим головам! Дал нам князь есть ложками деревянными, а не серебряными!» Деревянные ложки были традиционными: они различались только украшениями. Но князь не стал жадничать. «Услышав это, Владимир повелел выковать серебряные ложки, сказав так: “Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец мой с дружиною доискались золота и серебра”. Ибо Владимир любил дружину и с нею совещался об устройстве страны, и о войне, и о законах».

Сохранившимися знаками пожалования дружинников стали монеты первых русских князей. Для серьезного воздействия на денежное обращение тиражи их были невелики: их найдены сотни, тогда как арабских дирхемов и западных денариев сотни тысяч. Для большого торгового оборота использовались дирхемы и денарии, а также киевские, черниговские и новгородские гривны (вытянутые ромбы и бруски серебра) и их принимаемые на вес куски — рубли. Но как знаки княжеского внимания монеты были великолепны. Владимир Святославич выпускал дивной красоты сребреники и златники, на которых с одной стороны был изображен Христос, а с другой — великий князь, по ромейскому образцу. Золотые монеты чеканились с Крещения Руси до смерти Владимира Святого, серебряные — с Крещения до утверждения Ярослава Мудрого у власти в 1019 году. Обычно монеты Ярослава датируют его пребыванием в Новгороде в 1015 году, когда ему было необходимо награждать воинов. На поздних монетах Владимира появилось его клеймо в виде трехзубца; у Святополка и Ярослава оно превратилось в двузубец. Около 1078 года тмутараканский князь Олег-Михаил Святославич чеканил для своей дружины серебряные монеты с изображением архангела Михаила и надписью: «Господи помози Михаилу»²⁰⁶.

²⁰⁶ Сотникова М. П. Древнейшие русские монеты X—XI вв. Каталог и исследование. М., 1995 и др.

Широко разлетелась слава о пирах и щедрости Владимира. Со всех сторон съезжались к нему богатыри. По правую руку князя за белодубовым столом сидел его дядя, Добрыня Златой Пояс, непобедимый воевода из Любеча. В летописях его отчество Малкович, в былинах — Никитич. И отец былинного богатыря — из Переяславля-Рязанского, пограничного города, известного по письменным источникам с 1095 года, хотя богатырская застава здесь прослежена археологами по торговым пломбам с VIII века. Храбрость, сила и дипломатическое «вежество» богатыря позволили ему и князю жену добыть (что Добрыня Малкович делал дважды — с Рогнедью и царевной Анной), и племянницу князя Забаву Путятишну из лап Змея освободить, и на непобедимой богатырше-полянице Настасье, дочери самого Микулы Селяниновича, приглянувшись ей, жениться.

Вполне былинным выглядит рассказ Начального свода о том, как в 985 году «пошел Владимир на болгар в ладьях с дядею своим Добрынею, а торков привел берегом на конях; и так победил болгар. Сказал Добрыня Владимиру: “Осмотрел пленных колодников: все они в сапогах. Этим дани нам не платить — пойдем, поищем себе лапотников”. И заключил Владимир мир с болгарами, и клятву дали друг другу, и сказали болгары: “Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель — тонуть”. И вернулся Владимир в Киев». Летописный Добрыня, очень похожий практичностью на свой былинный образ, сразу понял, — по сапогам, — что перед ним собратья, берущие дань, но не дающие ее. Хотя в отказе от дани или, на худой конец, от выкупа за пленников на практике дозволительно усомниться.

Среди былинных богатырей сидели за княжеским столом братья Добрыни, Иван Дубрович и Василий Казимирович, племянник князя Владимира Иван Годинович. Сидел здесь и Рагдай, о котором под 1000 годом сказано в Никоновской летописи: «Преставился Рагдай Удалой, который наезжал сам на триста воинов», и упомянутые в той же летописи Ян Усмошвец, Малв-

ред Сильный, Андрих Добрянков. Сидел за столом с витязями финскими, угорскими, болгарскими, кавказскими и греческими Дунай Иванович — трагической судьбы богатырь из Западной Руси. Сидел тут не менее трагический красавец из южных окрестностей Киева Чурила Пленкович. Оба они стали жертвами любви. Свободен от нее был спесивый богатырь Дюк Степанович, хваставший чудесным конем и несметными богатствами из родной Индии. Другой богатый гость, морской купец Соловей Будимирович, зря не хвастал, зато любой работы не боялся и всего добивался — даже руки племянницы князя Забавы Путятишны. Был здесь и Алеша Попович, сын священника из Ростова-Мерского, удалой, сметливый, находчивый и остроумный, хотя и над девицами насмешливый. Победитель Тугарина Змеевича, который прямо на пиру клал голову на грудь жены князя Владимира, товарищ Добрыни и Ильи в пограничных подвигах, успокоился в своих похождениях с женами и девами, лишь женившись на Аленушке... Хотя сказители были в этом не уверены.

Из круга этих славных дружинников выпадали новгородцы. В былинах они — нестерпимые хвастуны и индивидуалисты. В самом деле: Василий Буслаев, прежде чем остепениться и отправиться в Иерусалим, со своей буйной ватагой бросил вызов всему Великому Новгороду. А поскольку он был настоящим богатырем, то действительно побил виднейших мужей скопом на мосту через Волхов. Только вмешательство его матери, матерой вдовы Амелфы Тимофеевны, единственной, кого Вася слушал, спасло вообще всех мужей города от избиения богатырем и двадцатью девятью его молодцами. Разбогатевший на морской торговле гусяр Садко бился об заклад, что три дня будет скупать товары Великого Новгорода, сколько бы и откуда бы их ни привозили. И по одной версии скупил всё, вплоть до битых горшков, по другой — ему лишь чуток недостало средств. Однако сила и доблесть в былинах везде важнее денег. В споре морского царя с царицей, что на Руси дороже — золото или булат, Садко однозначно выбрал булат.

Пересечение северного эпоса с киевской историей ученые относят к 1118 году, когда новгородских бояр вызвали в Киев, чтобы заставить присягнуть на верность внуку Мономаха Всеволоду. Некоторых из них пришлось заточить за непокорство князю и хвастливые заявления о превосходстве Новгорода (во многом правдивые и потому нестерпимо обидные). Вот как, по рассказу былины, говорил на княжьем пиру один из узников, сотник Ставр Годинович (которого потом молода жена еле вызволила из «погребов глубоких»):

Ой, глупые бояре, неразумные,
Они хвалятся градом Киевом...
А что за ограда во Киеве
У ласкова князя Володимера?
У меня ли, у Ставра, широкий двор
Не хуже будет города Киева!

В самом Киеве наиболее популярным стал отрицавший княжеско-дружинную традицию богатырь Илья Муромец, крестьянин села Карачарова. Этот герой пограничных сражений не любил княжеских застолий, предпочитая гулять в городских кабаках. В былинах он не умеет говорить красиво, не играет на гусях и не складывает песен, избегает тешиться на поединках, чтобы не покалечить товарищей. При всей доброте характера Илья резко противопоставляет себя даже идеализированной в эпосе структуре власти. Он не ищет земель и богатств. Он настолько презирает почести, что даже на пиру не хвастает. Он молча сидит на лавке, когда князь Владимир советуется с дружиной об устройстве земли, о войне и законах. Он, как бы сейчас сказали, «не системен» и непокорен. Его то и дело бросают в «погреба глубокие» за размолвки с князем.

Вместе с тем Илья — первый среди богатырей. Он старший, абсолютный моральный авторитет, главный защитник Руси. Соловьи и прочие разбойники, Калины цари, Тугарины и Идолица Поганые не спасаются от его меча и палицы. Да только душно ему в Киеве, не переносит он атмосферы власти дружинной и княжеской. В летописях Илья справедливо не упомянут:

осуждая власть в частностях, летописцы были далеки от ее отрицания, которое заметно в былинах. Зато о богатыре «Илье (*Ilias*) русском» упоминается в немецких поэмах и героическом эпосе XIII века.

Илья не только защищает Русь от нашествий извне, но и охраняет ее от внутренних разбойников. Проблема грабежей на дорогах, которые из-за бандитских шаяк временами совсем зарастали, на просторах Руси была всегда. Борьба с разбоями была важной обязанностью князей, которые должны были держать торговые пути открытыми. В былинах князья делают это плохо. Древнейший сказитель, как и сказители былин, не упустил случая посмеяться над князем Владимиром Святославичем, который, крестившись и живя «в страхе Божьем», решил разбойников миловать, беря за их преступления штраф-виру. «И умножились разбой, и сказали епископы Владимиру: “Вот умножились разбойники; почему не казнишь их?” Он же ответил: “Боюсь греха”. Они же сказали ему: “Ты поставлен Богом для наказания злым, а добрым на милость. Следует тебе казнить разбойников, но расследовав”. Владимир же отверг виры и начал наказывать разбойников. И сказали епископы и старцы (монахи. — А. Б.): “Войн много у нас; если бы была у нас вира, то пошла бы она на оружие и на коней”. И сказал Владимир: “Пусть так”. И жил Владимир по заветам деда и отца» — видимо, беря с преступников виру вместо их казни. Даже богатырь Илья в былинах не пристукнул на месте Соловья-разбойника, Одихмантьева сына, который 30 лет сидел на пути от Чернигова к Киеву через Брынские леса. Нет, Илья привез его в Киев-град, и только когда князь от посвиста злодея в испуге спрятался, свез разбойника в чисто поле и срубил ему буйну голову:

Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тко кричать да по-звериному,
Тебе полно-тко слезить да отцей-матерей,
Тебе полно-тко вдовить да жен молодых,
Тебе полно-тко спущать-то сиротать да малых детушек.

Эпический Илья Муромец выразил суть богатырских былин. Герой, независимо от рода-племени, знатный или от сохи, как Микула Селянинович, сокрушает любые препятствия и побеждает всех, реальных и волшебных, врагов Русской земли. Многие события последующих времен (особенно княжения Владимира Мономаха) перенесены сказителями ко двору Владимира, как западные предания перемещают героев к Круглому столу короля Артура. Но описанные в русских былинах заставы богатырские — действительно творение князя Владимира Святославича, укреплять которые продолжали его потомки²⁰⁷. И непрерывные, из века в век, сражения на рубежах Руси давали реальную основу для гордости за героизм их защитников.

По четырем рекам, пересекающим степи и впадающим в Днепр слева, построил Владимир города и крепости, призвав в них воинов со всей Русской земли. Первыми встречали печенегов крепости на реке Суле; главная из них звалась Воинь. Следующая линия обороны шла по Трубежу, где на главном броде стоял град Переяславль. Пути к Чернигову прикрывались оборонительными линиями по рекам Остру и Десне. На правом берегу Днепра стояла на горе крепость Витичев. Дальше прямую дорогу к Киеву преграждали крепости вдоль реки Стугны, соединенные валом. Позади них, на речке Ирпени, была выстроена большая крепость Белгород. А заставы, на которых служили и совершали свои подвиги былинные богатыри, уходили далеко в степи, в самые пасти многоглавого змея, как изображали кочевников в русских сказках. И не зря. Не всегда богатырям удавалось предупредить о набеге и сдерживать врага, покуда соберет князь воинство. Не раз гибли заставы и горели крепости. Не раз огненный змей из горящих весей полз к стольному граду Киеву и обрушивался на Чернигов.

Тогда уже все богатыри вставали из-за белодубовых столов и рубили в поле орды кочевников. Мало их

²⁰⁷ Шамбинаго С. К. Застава богатырская // Сб. статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917. С. 352—360.

имен отразилось в летописях, которые старались выделить роль князей. Но былины помогают нам понять, что первенство князя часто было символическим. Владимир Красно Солнышко мог приехать во владения красавца Чурилы Пленковича под Киевом и обнаружить, что у того и дружины больше, и ведет он себя как независимый владетель. А гость Соловей Будимирович не уступает князю богатством. Так и было на Руси. Даже в ограниченном изложении летописей видно, что в совете Владимира Святого первым был его дядя Добрыня Малкович. В Киеве, по Житию Владимира, воинами командовал Олег, известный в летописях по прозвищу Волчий Хвост. На создание Древнейшего сказания, из которого летописцы и мы с вами черпаем основные знания по истории X века, оказал влияние видный в дружине при Владимире и после него Мстиша, брат начавшего первую усобицу Люта и сын того самого Свенельда, который командовал воинами при Игоре и Святославе. Не исчез и воевода Ярополка Блуд — при Владимире он стал воспитателем будущего победителя в новой войне братьев, Ярослава. Такие могучие воины, настоящие богатыри, правили на Руси именем князя. Совершали они и многочисленные завоевательные походы, самым знаменитым из которых стал поход за верой в Крым, на Херсонес.

Особняком стоят скандинавские воины и воеводы, безусловно, сидевшие за столом Красна Солнца Владимира. Вернувшись домой, они изумляли сказителей саг хвастливыми речами о своих подвигах в междоусобных битвах князей, сражениях против печенегов, ляхов и прочих врагов. Отважным дружинником князя Владимира был Олаф Трюгтвасон. Он бежал на Русь девятилетним мальчиком в 992 году и возмужал за девять лет жизни среди русских богатырей. Сложенная в его честь «Сага об Олафе Трюгтвасоне» рассказывает, явно с его слов, что «Вальдимар конунг сделал его начальником войска, которое он посылал на защиту своей страны». В другой саге («Саге Одда») Олаф, первым начавший крестить норвежцев, поведал, что это он, сходя к ромеям и приняв христианство, обратил в правую

веру Владимира и его жену. Кстати, по «Саге об Олафе», покинуть Русь восемнадцатилетний герой должен был из-за тесных отношений с женой князя Аллогией. Северные сказители не знали, что у Владимира было много жен и наложниц, но это не мешало им гордиться тем, что скандинавский «пострел везде поспел»²⁰⁸.

В исландской «Саге о Бьёрне» герой около 1009 года вышел из рядов войска Владимира под Киевом, чтобы сразиться с русским князем Кальдимаром, приведшим с собой видимо-невидимо печенегов: «...когда Бьёрн был в Гардарики у Вальдимара конунга, случилось, что в страну ту пришла неодолимая рать, и был во главе ее витязь тот, который звался Кальдимар, рослый и сильный, близкий родич конунга, величайший воин, умелый в борьбе и очень смелый; и говорили о них, что они имеют одинаковое право на княжество, Вальдимар конунг и витязь; тот потому не получил то княжество, что он был моложе, а потому он занимался набегами, чтобы добыть себе славу, и не было другого воина, такого же знаменитого, как он, в то время на Востоке». Естественно, что все, кроме Бьёрна, побоялись выйти на поединок с богатырем, у которого был меч «Меринг, лучшая из драгоценностей». Исландский герой получил много ран, но прикончил врага и спас Киев от разорения²⁰⁹.

Исландец Бьёрн, то ли пересказав применительно к себе русскую бывальщину, то ли творчески развив сюжет войны Ярослава с Мстиславом Храбрым, был довольно скромен. В «Пряди об Эймунде» из «Саги об Олафе Трюгвасоне» норвежец Эймунд со своим товарищем Рагнармом и шестистами викингами решает все проблемы княжеской усобицы и выступает первым советником князя, хотя происходит дело на Руси или у западных славян, — неясно. Очевидно, Гардарика,

²⁰⁸ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. 5: Древнескандинавские источники. М., 2009.

²⁰⁹ Сага о Бьёрне, герое из Хитардаля // Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. (серия: Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования). М., 1978. С. 222—230).

как скандинавы именовали Русь, была для них местом сказочным, подобным нашему «Тридевятому царству», где реализовались их смелые фантазии.

Самым знаменитым скандинавом в русской дружине был Харальд Сигурдссон, младший брат короля Норвегии Олафа II, друга Ярослава Мудрого и его жены Ингигерды. После гибели брата в 1030 году пятнадцатилетний Харальд бежал на Русь. Он 15 лет служил на Руси и в Империи ромеев, добывая себе богатство и славу, необходимые, чтобы взять в жены возлюбленную, княжну Елизавету Ярославну. Харальд посвящал ей своеобразные скандинавские стихи-«висы», добился ее руки, завоевал для нее Норвегию и храбро сражался, пытаясь завоевать еще Данию и Англию. Что не помешало ему завести любовницу и признать ее сыновей, будущих королей Норвегии, поскольку Елизавета рожала ему только дочерей. «Сага о Харальде Суровом» также изображает героя центром и движущей силой мира, только на этот раз больше ромейского, чем русского²¹⁰. Что не снижает уважение к Харальду как воину и полководцу, достойно проявившему себя на Руси. И дает возможность заглянуть в самосознание скандинавских богатырей при дворе князя Киевского.

Язычество и христианство

Богатыри князя Владимира в былинах — христиане. Но так не было вначале при Владимире Святом, и не все дружинники были крещены даже при Владимире Мономахе. Первым побуждением Владимира Святославича было укрепление на Руси язычества, как это сделали позже западные славяне. Князя можно понять. Единство Руси опиралось на общий интерес русов со славянскими и финно-угорскими племенами и было реализовано в силе — Владимир не останавливался перед ее использованием против восставших племен, вроде радимичей и вятичей, и беспокойных соседей.

²¹⁰ *Сноффи Стурлусон*. Круг Земной. М., 1980. С. 402—464.

Но не меньше силы важна была объединяющая людей вера. Конечно, вера — в живые силы природы, духов и богов, борьбу добра и зла, единого Бога или человеческий разум — самоценная часть духовного богатства человека. Но Владимира вера волновала именно с точки зрения пользы для его государства, и вряд ли можно осуждать за это князя.

Даже в верхушке дружины, среди воевод и богатырей, клявшихся в Империи ромеев своим оружием и богом Перуном, единства веры не было. Часть русов приняла христианство и щеголяла, по требованию веры ромеев, окладистыми бородами, в отличие от язычников с подбородками, тщательно выбритыми опасными бритвами (эти складные бритвы, равно как и складные ножи, в том числе с двумя лезвиями, найдены археологами). В представлениях языческого большинства собственные племенные боги причудливо переплетались с верой в более-менее общих Перуна и Волоса. Тонкость состояла в том, что во вроде бы едином государстве каждый поклонялся собственным идолам и просил помощи своими словами у своих богов. Попытка Владимира создать единый государственный пантеон языческих богов была обречена на провал. Но князь этого не подозревал.

Согласно рассказу Древнейшего сказания и летописей, когда «стал Владимир княжить в Киеве один», он тут же «поставил кумиры на холме вне теремного двора: Перуна деревянного, а голова серебряная, а усы золотые, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили своих сыновей и дочерей, и приносили жертвы бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими. И осквернилась кровью земля Русская и холм тот».

Громадный дубовый идол с серебряной головой и золотыми усами, Перун, — древний бог воинов, повелитель грома и молний, хранитель дружинной клятвы на мечях. Над всеми богами вознесся Владимиров Перун, как князь с верными дружинниками, пирующий в высоком тереме, возвышался над простым наро-

дом. Справа и слева от изображения Перуна, будто за пиршественным столом, на устроенном Владимиром капище были расставлены идолы пониже, чтобы ясно было, что боги не равны, и люди видели, кто главный.

Ниже Перуна был Стрибог — создатель Вселенной, обитавший на самом высоком круге небес, дед вихрей-ветров, которые одни могли донести до его обители весть о происходящем на земле, среди людей. Ниже находилось небо Дажьбога. Не было источника Дажьбогу-свету, ниоткуда не исходил он, но был виден и позволял видеть людям. Светил и согревал Дажьбог, позволяя родить земле, жить зверям, птицам и людям. Он даровал славянам календарь, чтобы можно было считать дни и лета. Благодаря Дажьбогу появились власти и налоги. Хорошо знали славяне, что свет бывает и без солнца: довольно съездить на Север и посмотреть на долгий белый день. Только свет-светом, а любо людям красно солнышко — солнечный диск Хорс. Радовались славяне появлению Хорса на небе, приветствовали его хороводами, украшали дома резными «солнышками». Сразу по левую руку от Перуна поставил его идола Владимир, а летописец, описывая это княжье божественное собрание, назвал Хорса после Перуна вторым.

Мать сыра земля — Мокошь — черным-черна, лежит внизу, под ногами. Из нее все живое выходит к небу-отцу, и в нее все возвращается, чтобы родиться вновь и вновь. Она щедро дарует жизнь природе, порождает урожай. Рог изобилия в руке Мокоши, вокруг нее пляшут русалки, от нее происходят Род и Рожаницы. Любили славяне и грозного на вид зверя-птицу, крылатого пса Симаргла, обвитого нежными побегами. Он — верный спутник Мокоши, бог побегов и всходов, охраняющий посевы любимых своих славян-земледельцев. А те славят его: весной при посеве, летом, видя первые всходы, осенью, наслаждаясь урожаем, чувствуют зимой, помня старое добро и надеясь на новое.

Владимир хотел, чтобы это собрание богов стало всеми почитаемо и объединило людей на Руси. Но самый большой и красивый идол в Киеве не мог заменить

людям разных мест и племен их привычных богов-истуканов. Придет какой-нибудь радимич на княжье капище, посмотрит на собрание идолов — ничего не говорят его сердцу незнакомые истуканы. Кроме того, где же остальные боги?! Где главный соперник Перуна, древний бог скота, торговли и богатства Волос? Где Сварог, добрый бог, который дал людям семью, огонь, научил кузнечному делу и подарил земледельцу плуг? Допустим, Владимир счел достаточным, что идол Волоса, древнего соперника Перуна, бога плодородия и торговли, особенно почитавшегося кривичами и словенами, стоит не в дружине богов князя, а внизу, у Днепра. И счел вдобавок, что легендарный князь-кузнец, победитель Змея Сварог, — ипостась Перуна. Но где же Род, отец славянского племени?

Эти вопросы естественно возникают у историков, восстанавливающих состав и функции языческих богов древних славян по множеству разрозненных признаков и чисто предположительно. Ничего подобного мнимой «ясности» современного нам неоязычества в Древней Руси не было, как не было и общепринятой мифологии богов у славян. Подчеркиваю, она не была уничтожена христианами, язычеством живо интересовавшимися, но просто отсутствовала. Служение богам как таинственным силам природы было ритуальным, связанным с обрядовыми годовыми циклами каждой местности и привязанным к конкретным идолам семьи, рода и племени. Владимир безуспешно пытался эти связи разорвать: заменить местные ритуальные веры его пантеон не мог. Князь поставил большого идола Перуна в Новгороде, где больше почитали Волоса, и на этом успокоился.

К тому же боги Владимира требовали кровавых жертв. Дружинники убивали перед истуканами мальчиков и девочек, испрашивая милости от идолов и устрашая людей. Грозный кровожадный Перун, тайные жертвы которому издревле приносились в густых лесах на сокровенных капищах воинами, а теперь стали явными, радовался. Но другие боги, особенно Мокошь, оскорблялись. У иных народов богиня плодородия

бывала свирепой и требовала ужасных жертв. Но у славян сыра земля была доброй Матерью — кормилицей и источником силы своих детей. Недаром самые могучие богатыри, коли становилось туго, припадали к Матери сырой земле. Языческая реформа князя Киевского провалилась, как рухнули, оставив злую память, все последующие идейные начинания на нашей земле, замешанные на крови.

Русскому государству нужна была иная вера. Ее выбор Владимиром и его советниками составитель Древнейшего сказания, летописцы и авторы житий представили довольно поверхностными притчами. Они обошли извечное соперничество между Перуном и Волосом, отразившееся даже в договорах Руси с ромеями, где успешный Олег клялся обоими, а незадачливый Игорь — только Перуном... к которому примешалась и клятва его дружинников христиан на кресте! Святослав снова клялся Перуном и «скотьим богом» Волосом, да только это ему не помогло. И ни один языческий бог не явился за Иваном, сыном крещеного варяга Федора, когда на Ивана пал жребий, чтобы принести его в жертву. Фанатики пантеона, заведенного Владимиром, полагали, что жертвы должны выбираться среди всех незамужних девушек и неженатых юношей Киева по жребию, игнорируя тот факт, что часть городской общины составляли иудеи, мусульмане, христиане и язычники других вер. Согласно Древнейшему сказанию и Житию мучеников Федора и Иоанна, варяг отказался отдать сына бесам: «Если они боги, то пусть пришлют одного из богов и возьмут моего сына!» Озверевшая толпа разнесла его двор и убила обоих. Но варяжская стойкость обозначила проблему вполне явно.

В 986 году Владимир, по словам Древнейшего сказания, всерьез задумался о новой государственной вере. Весть об этом разлетелась по миру, и представители трех великих религий заспорили у престола киевского. Летописный рассказ о выборе Владимиром веры — яркий и ценный художественный образ, который едва ли полно отражает реальные проблемы и со-

мнения князя. Но о восприятии событий незамысловатой дружиной он говорит достаточно красноречиво.

Первыми подоспели мусульмане, утвердившиеся в Волжской Булгарии. Они рассказали князю о своем законе, но Владимир отверг его, пошутив, что его людям не подходит вера, запрещающая вино: «Руси есть веселие пить, не можем без того быть!» Да и от свинины русские, особливо киевляне, отказаться не могли. А рай мусульманский, в котором праведникам будет дано много красивых жен, вообще для Владимира выглядел адом. Смолоду «побежденный похотью женской», князь не мог пропустить буквально ни одной красавицы. И к зрелым годам, остепенившись, горько задумался: что же теперь делать с кучей жен и восьмью сотнями наложниц?!

У рассеянных по всему миру иудеев Владимир нашел другой недостаток.

— Где же земля ваша? — спросил князь раввинов бога Иеговы.

— В Иерусалиме, — отвечали те.

— Да точно ли там? — переспросил Владимир, худо-бедно знавший политическую географию.

— Разгневался Бог на отцов наших, — признались иудеи, — и рассеял нас по разным странам за грехи наши, а землю нашу отдал иноверцам.

— Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны? — укорил их Владимир. — Или и нам того же хотите?

Много общего видел князь в законах мусульман и иудеев: делать обрезание, не есть свинины, почитать святые места на далеком юге и потомков некогда живших там людей (представителей «колен Израилевых» или родичей Магомета). У тех и других священнослужители не имели четкой организации, мало зависели от государственной власти и чтились едва ли не выше ее. Последнее было свойственно и западным христианам-католикам, почитавшим папу римского. Он как заместитель Бога на земле был выше князей, королей и императоров. Во времена Владимира этот «цезарепапизм», стремление папы стать высшей в мире

властью, уже намечался. Иное дело — христианство восточное, православное. Там четыре патриарха, из которых даже самый главный, Константинопольский, служил византийскому императору, признавая царскую власть священной защитницей и покровительницей благочестия.

Все же выбор Владимира был нелегок. Западные соседи один за другим потихоньку склонялись к католичеству: Венгрия, Чехия и Моравия, Польша, Дания, Швеция и Норвегия признали в конце концов духовную власть папы. Принять православную веру тоже означало сделать Русь зависимым от патриарха Константинопольского, то есть духовно подчиненным византийскому императору, отчасти вассальным государством. Папа был дальше, однако вместе с католичеством на соседние славянские государства наступали немцы. К тому же послы Владимира, отряженные посмотреть, у кого Богу поклоняются торжественнее, вернувшись в Киев, рассказывали, что нет на земле зрелища красивее, чем служба в константинопольском православном храме.

Да что обсуждать, сказали бояре Владимиру: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабушка твоя Ольга, а она была мудрейшей из людей!» Это был сильный и справедливый аргумент. Оставалось придумать, как завести новую веру, не уронив государственного достоинства, тем более хрупкого, что держава русская была юна. Решение Владимир и его дружина нашли неожиданное, но с точки зрения их воинской культуры идеальное: веру надо завоевать!

Так был задуман военный поход 988 или 989 года на Корсунь — греческий Херсонес, который старательно хранили от буйства русов договора с Империей ромеев. Разумеется, предупреждать дружину и всю Русь о смене веры Владимир не стал. Все должно было выглядеть как логичное развитие военно-политической ситуации.

«Пошел Владимир в силе великой на Корсунь, город греческий, и затворились корсуняне в городе. И стал Владимир на другом берегу лимана, на рассто-

янии полета стрелы от города, и крепко сопротивлялись горожане. Владимир же осаждал город. Люди в городе стали изнемогать, и сказал Владимир горожанам: “Если не сдадитесь, буду стоять здесь три года”. Они же не послушали его. Владимир же собрал воинов своих и повелел насыпать землю горой у городских стен». Атака на крепость с помощью насыпного вала была освоена греками и римлянами, но у русов ничего подобного в источниках не отмечено. Святослав брал хазарские и болгарские города стремительно, «копьем». Владимир до этого взял у поляков слабо укрепленные города Перемышль, Червень и другие (981), дважды ходил войной на вятичей (981 и 982), одолел полудиких балтов-ятвягов (983), разбил в поле на реке Пищане радимичей (984), с киевской и новгородской дружинами в ладьях и конницей торков на конях совершил победоносный налет на волжских болгар (985). Но опыта взятия хорошо укрепленных каменных крепостей не имел. Очевидно, к походу на Корсунь дружина серьезно подготовилась, освоив новые военные приемы.

Греко-ромейское население Херсонеса разбиралось в военно-инженерном деле не хуже. «Корсунцы, подкопав стену городскую, крали насыпанную землю, и носили ее себе в город, и ссыпали посреди города. Воины же присыпали еще больше, и Владимир стоял. И вот некий муж именем Анастас, корсунянин, пустил стрелу, написав на ней: “Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока”. Владимир же, услышав об этом, посмотрел на небо и сказал: “Если сбудется это — сам крещусь!” И тотчас же повелел копать поперек труб, и перекрыли воду. Люди изнемогли от жажды и сдались. Владимир вошел в город с дружиною своею и послал к цесарям Василию и Константину²¹¹ сказать:

²¹¹ Василевсы-соправители Василий II Болгаробойца (963, 976—1025) его брат Константин VIII (960—1028), сыновья императора Романа II и его жены Феофано, с которыми трапезовала за одним столом княгиня Ольга.

— Вот уже взял ваш город славный. Слышу же, что сестру имеете девицу. Если не отдадите ее за меня, сотворю столице вашей то же, что этому городу!

— Не пристало, — отвечали императоры, — христианам выдавать жен за язычников. Если крестишься, то и ее получишь, и Царство небесное. Если же нет — не сможем выдать сестру за тебя.

— Скажите вашим царям так, — заявил Владимир имперским послам, — я крещусь, потому что любя мне ваша вера и богослужение».

Услыхав такие слова, Василий и Константин бросились уговаривать сестру выйти замуж за великого князя русского: никак не могли уломать. Пришлось хитрить.

— Крестись, — послали сказать Владимиру, — и тогда пошлем сестру свою к тебе.

— Пришлите сестру, — ответил князь, зная гордых на обман греков, — тогда и крестите меня.

— Иду, как в полон, — плакала царевна, — лучше бы мне здесь умереть!

— Может быть, — утешали ее братья, — с твоей помощью обратит Бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю ты избавишь от ужасной войны. Разве не видишь, сколько уже зла причинила нам Русь?!

Так рассказывает Древнейшее сказание, одинаковое в летописях, с юмором прибавляя красочные бытовые подробности, как князь хотел поиметь принцессу без всяких условий, но чудесным образом вынужден был и крещение принять, и венчаться по закону. Перемудрила его 25-летняя, изрядно засидевшаяся в девках принцесса Анна (963—1011/12). Пospорив для приличия с братьями, она «села на корабль, попрощалась с ближними своими с плачем и отправилась через море. Когда прибыла в Корсунь, вышли корсунцы навстречу ей с поклоном, и ввели ее в город, и отвели ее в палату. По божественному промыслу (не такому уж загадочному, при успехах фармакологии у ромеев. — *А. Б.*) разболелись в то время у Владимира глаза, и не видел ничего, и скорбел сильно, и не знал, что сделать. И послала к нему царица сказать: “Если хочешь из-

бавиться от болезни этой, то крестись поскорей; если же не крестишься, то не сможешь избавиться от недуга этого”. Услышав это, Владимир сказал: “Если же так и будет, то поистине велик Бог христианский”. И повелел крестить себя. Епископ же корсунский с царицыными попами, огласив, крестил Владимира. И когда возложил руку на него, тот тотчас же прозрел. Владимир же, увидев свое внезапное исцеление, прославил Бога: “Теперь познал я истинного Бога”. Многие из дружинников, увидев это, крестились. Крестился же он в церкви Святой Софии, а стоит церковь та в городе Корсуну посреди града, где собираются корсунцы на торг; палата же Владимира стоит с края церкви и до наших дней, а царицына палата — за алтарем. После крещения привели царицу для совершения брака. В позднейших источниках мудрые книжники разъяснили, что Владимир хотел взять Анну, как военную добычу, без всяких церемоний, но испил зелена вина, потерял зрение и т. п.

Как бы то ни было, логика принятия крещения в ходе завоевательного похода, по обстоятельствам, а не коварному замыслу, была дружине объяснена. Завоевав сестру императоров, Владимир принял новую веру. Его примеру последовала дружина. С богатой добычей и славой вернулся он из похода, везя с собой корсунских священников, святые мощи, иконы и церковные сосуды. А город отдал обратно грекам как обычный у полян выкуп за невесту — вено. В Киеве князь распорядился опрокинуть идолов, одних изрубить, других сжечь. Перуна же приказал волочить с горы к воде, дубася палками. Дружинники сплавили идола в Днепр и проводили, отталкивая от берега, за пороги. «Делалось это не потому, — поясняет Древнейшее сказание, — что дерево что-нибудь чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе, — чтобы принял он возмездие от людей... Когда влекли Перуна по ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли они еще святого крещения».

Затем, рассказывает Древнейшее сказание, послал Владимир объявить по городу: «Кто не придет завтра

на реку — богатый или бедный, нищий и даже раб, будет мне враг!» Киевляне рассудили, что крещение не так уж плохо: «Если бы не было это хорошим, не приняли бы его князь наш и бояре». Крестив киевлян, хотя и не сделав их верующими христианами, Владимир принялся с усердием укоренять новую веру во всех русских городах. На месте капищ князь повелел строить церкви, определять в них попов, крестить и учить людей православной вере. Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать в книжное обучение. Так начинались на Руси школы, а матери плакали о первых школьниках, как о мертвых, ибо большинство еще не утвердилось в новой вере.

Общие слова не передают атмосферу времени, когда все делалось неспешно, а утверждение новой веры не было очень уж страстным увлечением князей. Владимир Святой поверг кумиров в 989 году, но только в 991-м «задумал создать каменную церковь Пресвятой Богородице и послал привести мастеров из Греческой земли. И начал ее строить, и, когда кончил строить, украсил ее иконами, и поручил ее Анастасу Корсунянину, и поставил служить в ней корсунских священников, дав ей все, что взял перед этим в Корсун: иконы, сосуды церковные и кресты». Летописец немного забегает вперед: единственная большая церковь в Киеве строилась пять лет. В 992 году князь укреплял южную границу: заложил Белгород и озаботился населить его людьми из разных мест. В 993 году он ходил войной на белых хорватов. По возвращении из похода сразился с печенегами и победил благодаря богатырю-кожемяке. В честь победы Владимир заложил город Переяславль. Затем два года не было никаких событий. Князь, как легко догадаться, охотился на зверя, птицу и на девиц, пировал, судил, собирал дани и оброки.

В 996 году «увидел Владимир, что церковь построена, вошел в нее и помолился Богу... И, помолившись Богу, сказал он так: “Даю церкви этой Святой Богородицы десятую часть от богатств моих и от моих городов”. И уставил так, написав завет в церкви этой, сказав: “Если кто отменит это — да будет проклят”.

И дал десятую часть Анастасу Корсунянину. И устроил в тот день праздник великий боярам и старцам градским, а бедным роздал многие богатства». Десятая часть доходов государства — это очень много. Князь в тот момент явно был увлечен церковным строительством.

Но тут печенегии налетели на Василев. Дружина князя была разбита, а он сам едва спасся, спрятавшись под мостом. В честь спасения он построил церковь Преображения в Василеве, отметив ее завершение бурными пирами, на которых «люди его христиане» веселились, а князь «радовался душой и телом». Христианами были окружавшие Владимира мужи. Остальная русь, не говоря уже о подданных племенах, была языческой. Понимая это, первый митрополит Киевский и всея Руси Михаил, приехав из Царьграда, действовал осторожно. С сильной охраной он прошел, проповедуя и крестя, вверх по Днепру, через переволоки до Ловати и самого Новгорода. Здесь он поставил церковь Преображения, но не тронул языческие капища. Затем двинулся на восток по Шексне до Ростова, насаждал христианство на Верхней Волге и Оке. Мудрый Михаил не показывал язычникам, что христианский Бог не терпит иных верований.

После Михаила из Царьграда пришел митрополит Леон и разгневался: почему в Великом Новгороде остались идолы! Послал епископа с воеводами крестить северные племена. Поздно всполошились новгородцы, не думавшие, что из-за веры можно проливать кровь. Киевская дружина Добрыни и ростовский полк тысяцкого Путяты ворвались в город, рубили людей и поджигали дома во славу Христа. «Добрыня крестил мечом, а Путята — огнем».

Идолы сокрушили, а Перуна показательно сбросили в Волхов. О дружинном боге новгородцы горевали не сильно, но Громовик, по преданию, все же сыграл шутку над попами и воеводами. Когда плыл под мостом, соединяющим две части Новгорода, бросил на него свою палицу: «Тешьтесь люди новгородские, поминайте меня!» С тех пор столетие за столетием пы-

галась церковь запретить на мосту праздники: потехи, маскарады и непрременный кулачный бой.

Соппротивление христианизации в городах было минимальным. При желании те же новгородцы выбросили бы из города и Добрыню, и Путяту, и их дружинников. Видимо, большие идолы не пользовались особой популярностью у русских мужей, привыкших держать в доме и возить с собой личных «богов» и «предков». На селе первое восстание язычников произошло в неурожайном 1024 году. Ярослав Мудрый был в Новгороде, убегая от Мстислава Храброго, когда «появились волхвы в Суздале; по дьявольскому наущению и бесовскому действию избивали племенную знать, говоря, что они утаивают запасы. Был мятеж великий и голод по всей той стране. И пошли по Волге все люди к болгарам, и привезли хлеба, и так ожили. Ярослав же, услышав о волхвах, пришел в Суздаль: захватив волхвов, одних изгнал, а других казнил, говоря: “Бог за грехи посылает на какую-либо страну голод, или мор, или засуху, или иную казнь, а человек же ничего не ведает”. И, возвратившись, пришел Ярослав в Новгород и послал за море за варягами». То, что князь отложил приготовления к войне с братом, чтобы подавить движение язычников, говорит о его реальной опасности для всей княжеско-дружинной, теперь уже христианской структуры власти, охватившей участием в управлении и новой верой верхушку поданных племен.

Деяния Владимира были только началом христианизации Руси, которая продолжилась приглашением греческих священников, строительством храмов и школ, переводом и перепиской книг, созданием библиотек при Ярославе Мудром. Важную роль в просвещении играли появившиеся монастыри. Именно они стали во второй половине XI века центрами книжности и летописания. Как сказал о Ярославе летописец: «Отец его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил. Этот же засеял книжными словами сердца верных людей, а мы пожинаем, учение получая книжное». Ярослав по себе знал великое удо-

вольствие от книг, «часто читая их, и ночью и днем... Это — реки, напояющие вселенную, это источники мудрости, в книгах неизмерима глубина». Но книг было мало. Поэтому князь и собрал в Киеве книгописцев, которые делали копии древнеболгарских книг и переводили с греческого. Так появилась библиотека при Софийском соборе. Ярослав приложил немалые усилия для распространения грамотности, начав со своей семьи, где грамотны были и сыновья, и дочери. В Новгороде он собрал «от старост и поповых детей 300 человек учиться книгам». Школа при Ярославе появилась даже в таком небольшом городке, как Курск. Упомянуты в источниках школы в Галиче, Смоленске, Владимире-на-Клязьме. Там готовили не только будущих священников — ведь учились и девочки.

Писать начинали на деревянных табличках, покрытых воском. На нем буквы царапали острием металлического писала, а потом переворачивали его и заглаживали воск лопаточкой. Начисто писали на специально выделанной коре березы: берестяные грамоты найдены археологами во многих древнерусских городах, но прежде всего в Новгороде, где особенности почвы сохраняют бересту. Люди писали о работе, домашних делах, политических событиях и личных переживаниях. Писали мужчины и женщины, взрослые и дети, не забываящие, что на бересте можно и рисовать. В Киеве береста не сохранялась, но ученые нашли граффити — частные надписи на укромных участках стен Софийского собора.

Спасо-Преображенский собор в Чернигове был построен в 1030—1036 годах. Софийский собор в Киеве возведен на месте победы над печенегам в 1037 году, вместе с каменными Золотыми воротами. Софийский собор в Полоцке — в 1030—1060-х годах, в Новгороде — в 1045—1052 годах. Даже при внуке Ярослава Владимире Мономахе христианские храмы на Руси можно было пересчитать по пальцам. В целом христианство как вера княжеская утверждалось долго и с трудом. Через полвека после Владимира Святого даже большие города, вроде Ростова и Мурома, оставались

в основном языческими, а в деревню новая вера разве чудом забредала. Киевский митрополит Иларион, прославляя Ярослава Мудрого, констатировал, что русские — всё еще «малое стадо Христово». И при Мономахе назвать нашу страну христианской было бы неверно. Русы — князья и градские мужи и их семьи — действительно были крещены, грамотны и, вероятно, посещали по праздникам церкви. В сельскую среду, к подавляющему большинству населения христианство в Древней Руси едва начинало проникать.

Только мирный нрав язычников и их волхвов убеждал христиан от расправы. Но в 1070-х годах язычников прижали настолько, что волхв пришел смущать людей в Киеве, где и «исчез». Ярославцы во главе с волхвами восстали и пошли против вкрапленных в местное население зажиточных христиан. Лишь под Белоозером их поход был остановлен княжескими дружинниками. Это было сельское население, но что творилось в городе? Когда в Новгород на место убитого епископа Стефана прибыл святитель Федор, случился у него на площади спор с явившимся в граде волхвом. Поднял епископ крест и закричал: «Кто принимает веру волхва, пусть идет за ним. Кто истинно верует — пусть к кресту идет!» Миг — и новгородцы оказались возле волхва, а у креста остался князь с дружинниками. Когда бы резвый князь не зарубил жреца, быть в Новгороде мятежу великому!²¹²

Совсем истребить язычество на просторах нашей страны так и не удалось. Да и традиционное добродушие к иным богам не сменилось у православных обычной христианской ненавистью. Русь не породила ничего похожего на крестоносцев и инквизиторов. Массовой насильственной христианизации, как на Западе, у нас не происходило ни в древней, ни в средневековой, ни в новой Руси. На это у князей и царей не было реальных сил и — что принципиально важно — желания. Неславянские народы, вроде карел, вообще

²¹² Никитин А. А. Текстология... С. 241—250.

не подвергались христианизации. Слабые попытки крестить их племенную верхушку делались в XIII веке. Но даже при святом князе Александре Невском почти все нерусифицированные финно-угры оставались язычниками. Что не мешало их представителям занимать высокие посты в Русском государстве, вплоть до командования вооруженными силами Новгорода.

Еще одно важное обстоятельство, на которое нужно обратить внимание, состоит в своеобразии русского православия, в котором чисто языческая терпимость сочеталась с тесным переплетением новой веры с древними народными традициями. Церковь веками вела на Руси не вполне успешную борьбу со множеством языческих обрядов: хороводами и играми на реках возле костров, скоморохами и гаданиями. Век от века духовенство пыталось истребить народные гулянья, шутки и смех, музыку и нецерковное пение. Древлепреданное веселье было неистребимо. В самом Киево-Печерском монастыре старца святой жизни Исакия Торопчанина «бесь» почти до смерти уморили в его келье плясками под «сопели, бубны и гусли»²¹³. Люди, потихоньку усваивая новую веру, находили ей свое применение: например, чтобы вызвать дождь, в засуху стали катать по полю не волхва, а попа. Кончилось тем, что христианство усвоилось народом лишь постольку, поскольку слилось с язычеством, вобрав в себя древние традиции.

Мать сыру землю поминали в сказках и бывальщинах, а в церкви молились Богоматери. Перуна заменил скачущий по небу на громовой колеснице Илья-пророк. Доброго Волоса — народный заступник святой Никола. Новогодние языческие Святки на 12 дней стали праздноваться в связи с Рождеством и Крещением. Масленицу попы насилу выдворили за пределы Великого поста. Славление Ярилы 4 июня стало Троицыным днем, праздник Купалы 24 июня (по церковному календарю рождество Иоанна Предтечи) — днем Ивана Купалы. До XX века традиционный крестьянский и

²¹³ Там же. С. 266.

казачий свадебный обряды отличались от языческих лишь тем, что в них были включены священник и храм. Русский богатырь в былинах, записанных в XIX и XX веках, имел на груди крест, но сил для победы набирался, припав к Матери сырой земле.

Любовь и брак

В наибольшей степени христианство должно было воздействовать на семью князя. Многоженство было отвергнуто, иметь наложниц русскому человеку сделалось предосудительным. Это была большая перемена. Древнейший сказитель постарался представить Владимира Святославича образцовым язычником, пышно описав его гарем:

«Был же Владимир побежден похотью женской, и были ему водимые: Рогнедь, которую поселил на Лыбеди, где ныне находится сельцо Предславино, от нее родились 4 сына: Изяслав, Мстислав, Ярослав, Всеволод, и две дочери; от гречанки Святополк, от чешки Вышеслав, а от другой Святослав, Мстислав; а от болгарки Борис и Глеб. И наложниц было у него 300 в Вышгороде, а 300 в Белгороде, а 200 на Берестовом селище, которое ныне зовут Берестовое. И был он ненасытен в блуде, и приводил к себе замужних женщин, и девиц растлевал. Был он такой же женолюбец, как и Соломон, ибо говорят, что у Соломона было 700 жен и 300 наложниц».

Интересно, что выдающиеся филологи Д. С. Лихачев и О. В. Творогов, переводя «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам, единодушно констатировали, что Владимир был «побежден похотью», то есть собственной страстью. В то время как Древнейший сказитель и летописцы не менее единодушны в том, что князь был «побежден похотью женской», то есть поддавался женским чарам. И развивают этот важный мотив древнерусской литературы: «Зло ведь есть женское обольщение, как и говорил Соломон, покаявшись в женах: “Не внимай злой жене,

ибо мед каплет с уст ее, жены прелюбодейки; на мгновение только наслаждает гортань твою, после горче желчи станет... По пути жизни не идет она, распутная жизнь ее неблагоприятна». Вот что сказал Соломон о прелюбодейках, а о хороших женах сказал он так: «Дороже она камня многоценного. Радуется о ней муж ее. Ведь делает она мужу своему благо все житие. Достав шерсть и лен, создает все потребное руками своими. Она, как купеческий корабль, занимающийся торговлей, издалека собирает себе богатство. И встает еще ночью и раздаст пищу в доме своем и дело рабыням своим. Увидев поле — покупает: от плодов рук своих насадит пашню. Крепко подпоясав стан свой, укрепит руки свои на дело. И вкусила она, что благо — трудиться, и не угасает светильник ее всю ночь. Руки свои простирала к полезному, локти свои возлагает на веретено. Руки свои протягивает бедному, плод подает нищему. Не заботится муж ее о доме своем, потому что, где бы он ни был, все домашние ее одеты будут. Двойные одежды сделает мужу своему, а червленые и багряные одеяния — для самой себя. Муж ее замечен всем у ворот, когда сядет на совете со старейшинами и жителями земли. Покрывала сделает она и отдаст в продажу. Уста же свои открывает с мудростью, с достоинством говорит языком своим. В силу и в красоту облеклась она. Милости ее превозносят дети ее и убажуют ее; муж хвалит ее. Благословенна разумная жена, ибо хвалит она страх Божий. Дайте ей от плода уст ее, и да прославят мужа ее у ворот»».

Суждение Соломона о том, какое благо — добрая жена, было присуще и мужам Древней Руси. Те же добродетели прославил потом «Домострой» новгородского попа Сильвестра. Перед нами — образцовая жена князя, дружинника и градского мужа, крепкого сельского хозяина. Но как же любовь? Ее-то, похоже, древнейший сказитель и летописцы и пугались, воспринимая как обольщение. Владимир легко влюблял в себя жен и девиц; они рожали ему детей и были верны настолько, что он просто не знал, куда девать такое количество наложниц. Но — побежденный любовью

дам, которую летописи именуют «похотью женской», князь не мог им отказать! Как заметил замечательный историк славян С. В. Алексеев, князь значительно серьезнее относился к своим обязательствам перед женщинами, чем ожидала от него дружинная среда. «Появ» в приключениях и походах красавицу, он мог просто следовать дальше, не беря ее с собой и не обеспечивая пожизненное содержание. Обрюхатив пленницу, он не обязан был на ней жениться. Тем не менее Владимир делал это — и даже симпатизирующие ему мужи видели в этом победу «похоти женской». За это даже немец Титмар Мерзебургский порицал князя как «великого и жестокого распутника», завистливо не веря, что тот мог радовать столь великое число дам без специальных приспособлений²¹⁴.

На самом деле никаких особых дарований в любви, кроме серьезности и обязательности, от Владимира не требовалось. Первой его женой в ранней юности была Аллогия (происхождение этого имени, упомянутого в связи с князем в сказочной саге, неизвестно). Она родила ему первенца Вышеслава, но оба вскоре умерли. Затем Владимир женился на отвергнутой им и взятой силой Рогнеди. После взятия Киева он сгоряча «залег» прекрасную гречанку, вдову убитого им брата, и пригнал сына, которого она к тому времени носила.

И так далее, до вечной расплаты за случайный разврат с любой сельской девицей и выполнения неприятных обязательств перед мужней женой: «залег» меня — теперь мужа убивай, во избежание мне наказания! Согласно былинке о черниговском боярине Даниле Ловчанине, Владимир, посадив, по обыкновению, в погреб возражавшего против злого дела Илью Муромца, покусился на жену боярина Василису Никуличну. Да только не добился желаемого: боярин и боярыня покончили с собой, явив торжество христианской добродетели. Не вполне, как увидим, даже в православной среде принятой.

²¹⁴ Алексеев С. В. Владимир Святой. Создатель русской цивилизации. М., 2006. С. 118—120 и др.

Когда Рогнедь родила ему очередного сына, князь, по-видимому, влюбился в Мальфредь (умерла в 1001). Остальных жен и еще множество женщин, которых Владимир любил и не бросал, Рогнедь ему прощала. Но тут не выдержала. Дождавшись, когда изумительно обязательный князь возляжет, согласно очереди, и с ней, она его ублажила, а над спящим занесла нож, намереваясь как минимум лишить героя средств для дальнейших походов. Владимир проснулся и перехватил ее руку. «Горько мне! — заплакала Рогнедь. — Отца моего ты убил и землю его захватил ради меня, а теперь не любишь меня и младенца моего!»

Владимир рассвирепел и решил исправить историю с этой женитьбой. Он приказал Рогнеди одеться, как в день свадьбы, сесть на богато убранную постель и ждать его. А сам пошел в сени выбрать меч поострее, чтобы навеки избавиться от опасной жены. Естественно, у него ничего не вышло. Рогнедь сделала все, как велено, но вдобавок позвала маленького сына (видимо, Изяслава) и научила, как поступить. Когда гневный муж и судия вступил в храмину, мальчик вышел вперед и протянул к нему меч со словами: «Отец, думаешь, что один тут ходишь?»

— Да кто ж тебя знал, что ты здесь! — вскричал Владимир и, бросив меч на пол, вылетел вон.

Не в силах от волнения придумать, что делать, князь, совсем как делает Красно Солнышко в былинах, собрал бояр и попросил совета. Бояре задумались. Князь был на руку скорым. Если сразу не убил княгиню — значит, любит. Посоветовать казнить Рогнедь — он это припомнит! Но и открыто заступаться за преступницу не слишком умно.

— Не убивай княгиню ради ребенка, — посоветовали бояре. — Восстанови ее владения и отдай ей с сыном.

Совет учитывал щедрость Владимира к женам и наложницам. Князь построил для Рогнеди с Изяславом город Изяславль и предоставил ей жить там, управляя окрестными землями. Впоследствии она получила и родной Полоцк — одно из богатейших владений

на Руси. Вернула Рогнедь и расположение мужа, родив ему всего четырех сыновей и двух дочерей; одну из них, Предславу, — точно после бурной ссоры, за которой последовало, надо полагать, не менее бурное примирение. Дочери князь пожаловал село Предславино под Киевом, где с матерью мог видаться подрастающий сын Ярослав и куда, следовательно, наезжал отец. Противостоять тому, что летописцами было названо «похотью женской», а мы называем «любовью», Владимир не мог.

Летопись не говорит, что стало с женами и наложницами князя после его крещения и церковного брака с принцессой Анной. Можно догадаться, что, перевалив на четвертый десяток, князь с облегчением вздохнул, освободившись от обязанностей общерусского буй-тура. Но оставить своих женщин без средств он в принципе не мог. Знаем мы (по Тверской летописи XVI века²¹⁵) только о судьбе Рогнеди, в свете прославления ее сына Ярослава Мудрого. Извещая языческую жену о крещении, Владимир написал: «Подобает мне одну жену иметь, ту, которую взял в христианстве. Поэтому избери себе из вельмож моих, кого хочешь, и сочетаю тебя с ним». Рогнедь ответила: «Побыв царицей, не хочу быть рабыней ни земного царя, ни князя, но хочу заневеститься Христу и восприму ангельский образ». Она одной из первых на Руси приняла монашество под именем Анастасия, умерла в 1000 году и была похоронена в построенной Владимиром Десятинной церкви Богородицы в Киеве, не отстав от мужа и там. Именно услышав гордые слова матери, Ярослав, который с детства страдал от поврежденного в младенчестве колена, внезапно стал на ноги и начал ходить.

Возможно, тверской летописец интерпретировал в пользу Ярослава слова воеводы Святополка по имени Волчий Хвост, обзывавшего новгородского князя «хромцом» перед сечей 1016 года под Любечем, согласно летописям конца XI — начала XII века²¹⁶. По

²¹⁵ ПСРА. Т. 25. СПб., 1863 (переизд.: М., 1965).

²¹⁶ Никитин А. А. Текстология... С. 195.

скандинавской «Сага об Эймунде» конца XIV века²¹⁷, Ярослав охромел, получив рану в ногу в битве с половцами под Киевом, описанной в «Повести временных лет» под 1020 годом. Изучение останков князя в Софии Киевской в 1936—1939 годах показало наличие и врожденной болезни ноги, и ранения в колено.

Мораль всей этой, изложенной в весьма поздних источниках, истории ясна — Рогнедь отстояла право своих детей как равных будущим детям от христианской жены Анны. Как поступили иные жены и наложницы, мы совсем не знаем. Но княжествами Владимир наделил всех сыновей. И мы можем быть уверены, что Владимир не оставил своих женщин благодеяниями, а может быть, и личным вниманием. В этой связи летопись как-то странно подчеркивает, что Мальфредь — единственная из упомянутых после крещения «старых жен» Владимира — умерла в 1001 году, через 12 лет после начала супружеской жизни князя с весьма молодой по тем временам 25-летней принцессой Анной, когда той было уже около 37 лет.

С тех пор до завершения текста «Повести временных лет» русские князья официально вели правильную христианскую жизнь, каждый с одной законной женой. Лишь через полстолетия, в конце XII века, галицкие летописцы начнут «выносить сор из избы», рассказывая, как бояре подняли бунт против князя Ярослава Осмомысла за то, что тот пренебрег женой, дочерью Юрия Долгорукого Ольгой, и незаконно проживает с полюбившейся ему, но никому не известной Анастасией. Любимая женщина Ярослава была схвачена заговорщиками и сожжена живьем как колдунья. Но Ярослав в жестокой борьбе победил бояр, изгнал княгиню, а незаконного сына сделал великим князем. Кстати, и законный сын его, известный всем по опере «Князь Игорь» веселый бражник Владимир Галицкий, был влюблен в попадью, которую отобрал у мужа и которой заставлял бояр кланяться как кня-

²¹⁷ Сага об Эймунде // Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978.

гине — при живой жене Болеславе, дочери великого князя Киевского. Защищая любовницу и ее детей, Владимир решил, что городов много, а любовь одна, и с новой семьей и дружиной покинул мятежный Галич. Высшее общество отнеслось к этому рыцарскому роману с пониманием. На это указывает брак сына Владимира и попадьи Василько с Феодорой, дочерью великого князя Романа Мстиславича Волынского.

В летописях мотивы и обстоятельства личных отношений князей и княгинь скрыты, а отношения мужчин и женщин в дружинной и городской среде совсем не освещены. На помощь приходят богатырские былины. Там с должными преувеличениями и украшениями переданы возможные, с точки зрения сказителя, ситуации в отношениях мужчин и женщин. Мы не можем уверенно сказать, что они типичны. Но то, что женщины на Руси не были пассивным объектом отношений, можно утверждать наверняка.

Насколько свободной в поведении могла быть одинокая городская девица, рассказывает былина о сверхчеловеческой стойкости Добрыни Никитича. Тщательно вооружившись и сев на боевого коня, он выступает со своего двора в Киеве в поход... на другой киевский двор. Богатырь пускает стрелу в хоромы Маринки Игнатьевны, что знается с князем и держит в Киеве развеселый дом, обозначенный обнимающимися голубками. Добрыня не знает, что убил этим выстрелом ее сердечного друга Тугарина Змеевича. Он поднимается в терем за каленой стрелой — жалко ее бросать, дорогая, как мы помним, вещь — и вступает в бой с девичьими чарами. В отличие от уймы добрых молодцев, страстью Маринки погубленных, богатырь отвергает развратницу. Но она напускает на него чары, и Добрыня становится ярым быком-туром, которому Маринка цинично золотит рога. Только вмешательство доброй женщины (матери, крестной матери, тетки или сестры) спасает его. И лишь женившись на Маринке по ее требованию, Добрыня обретает власть над беспутной женой, которую рубит на мелкие части, спасая от модного притона разврата Киев и всю Русь!

В записанных вариантах былин превалирует неодобрительное отношение порядочных жен к женской инициативе и проглядывает откровенный страх перед силой подчиняющих мужчин женских чар. Казалось бы, Маринка, добившись своего и став женой Добрыни, наказанного за убийство Тугарина, может встать на путь исправления и сделаться такой же сильной и властной матерью семейства, какие выступают положительными героинями былин. Однако женская инициатива даже в мягком варианте считалась предосудительной.

В популярной былине солидный купец Соловей Будимирович приходит в Киев на богатой ладье, благоразумно — с матерью. Он получает у Владимира Красна Солнышка участок для строительства терема в саду у любимой племянницы князя, прекрасной Забавы Путятишны. Герой с его добрыми молодцами мигом возводит красивый дворец с роскошной росписью интерьеров, дивно играет на гусях, сладостно поет и ждет, когда любопытная девица придет узнать, что такое у нее в саду выросло. Забава, войдя в терем, приходит в восторг, чувствует головокружение и предлагает красавцу Соловью выйти за него замуж. Герой этого и добивался. Он и матушку для благословения привез, но... выговаривает девице, что не гоже первой о свадьбе говорить! Тут, как мы сразу, еще до пояснений сказителя понимаем, его приключения и начинаются...

Соловей своим глупейшим на первый взгляд упреком старался сразу установить, «кто будет в доме хозяином». Это было не слишком умно. Хозяйкой во всяком доме была женщина. Мужу предоставлялось быть полным хозяином вне своего двора. Но постоянные попытки мужей господствовать над женами, «учить» их и вообще использовать силу, заменяющую им женский ум, встречали сопротивление.

Женское своеволие, судя по фольклору, было на Руси настоящим бичом. Когда Соловей Будимирович заслуженно отправляется в странствие за тридевять земель, честная девица Забава Путятишна готова нарушить свое обещание умному, богатому и трудолю-

бивому купцу, чтобы выскочить замуж за смазливого голодранца Давыда Попова. Однако Соловей, как основательный купец, все проблемы преодолел и замуж ее в итоге взял.

В другой популярной былине купеческая дочь Марья Дмитриевна отказывает племяннику князя Владимира, богатырю Ивану Годиновичу, выбирая красивого и богатого иноземца — степняка Кощея, или индийского царевича Вахромейца, или Одолища, или «хороброго литвина» Федора Ивановича. Напрасно гонится за нею Иван с богатырями Ильей Муромцем, Алешей Поповичем, Добрыней Никитичем и его распорядительным братом Василием Казимировичем. Догнать он девицу догнал и даже в шатре с нею возлег. Но когда появляется злодей, ее суженый, Марья помогает ему победить и связать Ивана, даже ложится с врагом у него на глазах. Только когда Кошей (или иной супостат) случайно погибает, Иван чудом спасает свою голову от сабли ретивой девицы и сам ухитряется ее изрубить.

В романтических отношениях Древней Руси женская инициатива была не менее важной, чем мужская. Более того, мужская красота и привлекательность ценились наряду с женскими. Изумительным обаянием сражал дам красавец богатырь Чурило Пленкович, неотомимый златокудрый охотник «с лицом, будто белый снег, очами ясна сокола и бровями черна соболя». Его дружина в Южной Руси была самой лихой и многочисленной. Но князь Владимир, удивляясь ее силе и предприимчивости, позвал Чурилу в Киев именно за красоту, как украшение своего двора, и сделал его чашником, а затем и «позовщиком на пиры». Сама княгиня Апраксия порезала себе руку, засмотревшись на «желтые кудри и злаченные перстни» Чурилы. Она настолько потеряла голову, что просила мужа сделать юношу постельничим. Но сгубила богатыря не она, а Катерина, молода жена старого Бермяты Васильевича. Придя звать ее мужа на пир, Чурила сел играть с Катериной в шахматы и вел себя в высшей мере обходительно, пока женщина не вскричала, что у нее «помешался разум в

буйной голове, помутились очи ясные», — и повлекла его в опочивальню. Утром предупрежденный сенной девкой-чернавкой муж убил их обоих. И женился на верной чернавке.

Если мужчина мог быть поставлен в положение соблазненной красной девицы из-за своей красоты, то возможно было и противоположное: женщина могла превзойти мужчину в боевом искусстве и даже в силе, вызвав в нем чудовищную ревность. В былине богатырь Дунай Иванович, что прежде служил литовскому королю, теперь, добывая вместе с Добрыней Никитичем жену князю Владимиру, побеждает в конном бою, не узнав одетую в латы королевичну Настасью, которую прежде любил. Они снова любят друг друга и счастливо женятся. Но на свадьбе Настасья побеждает мужа в стрельбе из лука. Дунай не может с этим смириться, ставит задачу непосильную, неверным выстрелом убивает жену, обнаруживает, что она была беременна, и бросается на саблю.

Только Илья Муромец, как ромейский пограничный страж Дигенис, побеждает поляницу, живет с нею, пока она не забеременеет, и, по-доброму попрощавшись, уезжает. На то он и есть первый на Руси богатырь! Мы знаем, что русские женщины сражались в дружине князя Святослава на Дунае. Нельзя исключить, что были они и на южной границе Руси, где помимо богатырских застав действовала и степная вольница. Часть из этих женщин, как Настасья Микулишна, жена Добрыни, стояла за Русь. Другие, как невенчанная жена Ильи, сражались против всех. По крайней мере, родившийся от нее сын Сокольникович, будучи побежден отцом, пытался убить его, даже узнав тайну своего рождения. И погиб, нарушив вековой запрет не поднимать руку на отца.

Мужчины в былинах временами коварны, как женщины. Алеша Попович, к женщинам относящийся легкомысленно и насмешливо, покушается с помощью князя и княгини жениться на супруге кровного брата Добрыни Никитича, уверяя всех, что долгое отсутствие Добрыни означает его гибель. Предприятие

Алеши кончается, на его счастье, возвращением Добрыни. Потому что Попович явно переоценил свои силы. Добрая жена Настасья Микулишна, дочь величайшего богатыря, крестьянина Микулы Селяниновича, в юности была поляницей и защищала рубежи Руси от набегов даже лучше мужчин. В честном бою она повергла наземь самого Добрыню — прославленного воина, который только что победил Змея. Настасья «ухватила Добрыню за желты кудри, сдернула Добрынюшку с седла долой», засунула в суму и лишь после задумалась: а что, если это ее суженый? Решила: если приглянется, замуж за него пойти, а нет — так голову снести. Достала Добрыню из сумы — да и влюбилась на всю жизнь, во всяком обличье его узнавая.

Так это было или нет, но объяснение внезапной женитьбы в Диком поле для матушки, теток и сестер, спасавших его от злой Маринки, Добрыня выбрал хорошее. Тем более что женская сила и ловкость были в народном сознании почти таким же обычным делом, как ум. За примером не надо далеко ходить. Сестра Настасьи Микулишны Василиса вышла замуж за Ставра Гоудиновича. Поехав в Киев к Красному Солнцу Владимиру, тот, по обыкновению новгородцев и черниговцев, расхвастался своим обширным двором, несметным богатством и в особенности молодой женой. В результате Ставр угодил «в погребца глубокие», а Василиса Микулишна отправилась его выручать. Переодевшись в мужское платье, она представилась заморским царевичем и обманула всех, кроме племянницы князя Забавы Путятишны. Та выдала ее, но Василиса настолько хорошо сыграла роль, что потребовала и получила согласие князя отдать Забаву ей в жены. Василиса не использовала свою богатырскую силу и воинское мастерство, победив уверенностью, которую те ей давали. Сказители этой былины немало забавлялись сравнением ее ума с простотой князя и самого Ставра Гоудиновича, который упорно не понимал намеков жены и не узнавал ее, пока она не переделалась в женское платье. Разумеется, Ставр был спасен, а семейное счастье восстановлено.

Женитьба пересмешника Алеши Поповича представлена в былинах с юмором. Он задирает на пиру дружинников, братьев Петровичей-Збродовичей, говоря, что живет с их сестрой Еленой, прославленной добродетелью и затворничеством в тереме, «будто муж с женой». Доказав это и для спасения жизни девицы женившись на Аленушке Петровне, он уверяет братьев, что жена старшего из них живет с богатырем Добрынюшкой, а младшего — с Переметушкой. Здесь остроумные сказители оставляют финал открытым.

Судя по долгой жизни Алеши Поповича, ему, после многих беспутных приключений, повезло с женой. Как и не попавшему к княжескому двору, а спокойно жившему на Севере богатырю Михаилу Ивановичу Потыку. Он на охоте встретил женщину-оборотня, Авдотью Лебедь Белую, Лиходиевну (или дочь Вахрамея). Счастливые в браке супруги дали зарок: пойти живым в могилу за тем из них, кто раньше умрет. Когда Авдотья умерла, Потык последовал за ней в погребальный сруб на коне, с оружием и запасами. Таких могил археологи немало раскопали на Руси. Однако в этот поруб, явно по душу умершей, явился змей. Убив волшебного гада, Потык его кровью оживил жену и жил с нею счастливо, пока не умер, и жена последовала в могилу за ним, как положено от века.

Такая идиллия не очень устраивала русских дам, страдавших и от гнезд разврата в городах, которые устраивали шустрые Маринки, и особенно от просвещенных жен и дев, принимавших мужчин в лесах. Ведуньи, знахарки, травницы и просто женщины, по разным причинам не выходившие замуж и живущие уединенно, превращались в фольклоре в злых колдуний и оборотней, от которых мужчин следовало спасать. Баба-яга в ее углой лесной избушке «на куриных ногах» стала из привлекательной девицы уродливой старухой, способной совратить мимохожего юношу и мужа лишь оборотничеством. И обвинялась в любви к «телу белому» не в обычном, но в гастрономическом смысле, хотя никого из героев в сказках так и не съела, а помощи им, наоборот, оказала немало. Естествен-

ным стало появление вариантов былины о Потыке, где Лебедь Белая превратилась из верной жены в Лиходиевну. Она опоила Потыка и обратила его в камень, а сама сбежала с царем Кощею. Но кровные братья богатыря (Илья, Алеша и др.) спасли Потыка, убили Коцея и четвертовали конями неверную Лебедь. Какой из вариантов отношения к женщине-оборотню выбрать, зависело от сказителя и аудитории, внимание которой он хотел захватить.

Жизнь предлагала богатырям оба варианта. Ведь сильные образы женского ума и коварства в древнерусской литературе и фольклоре не могут скрыть от нас простой факт: даже находившиеся в наилучшем социальном и экономическом положении жены князей жили гораздо меньше мужчин. При всем почете и уважении они были машинами для рождения наследников, быстро вырабатывавшими свой «ресурс». Некоторые князья имели в течение жизни одну жену, некоторые — три, но в среднем они переживали двух жен. При том, что юноши и девушки вступали в брак, по проверенным фактам, с двенадцати лет, чаще в тринадцать—пятнадцать, а мужчины иногда тянули с этим до двадцати, что четко говорит нам о наличии в городах «гулящих женок», а у князей и дружинников — любовниц. Авантюрная история двух браков образцового богатыря Добрыни Никитича является отражением реальной жизни.

Большая семья

Любовные приключения наших князей от крещения Владимира Святого до смерти Владимира Мономаха, если и были, остаются тайной. Зато династический смысл их браков проявлялся все ярче и ярче. Поведение Святополка Окаянного, решившего после смерти отца истребить своих братьев, определялось его браком с дочерью польского короля Болеслава Храброго. Потерпев поражение от Ярослава, Святополк оккупировал Русь войсками ляхов. Но когда Ярослав освободил

дил Киев и захватил его жену, Святополк потерял расположение тестя и вынужден был опираться только на печенегов, с которыми и сгинул безвестно.

Нет сведений, что Ярослав отпустил дочь Болеслава. Вероятно, она жила в Киеве и умерла там вскоре после гибели ее мужа. Ведь Болеслав не собирался отпускать сестер Ярослава, захваченных им в Киеве, возможно, по совету Анастаса Корсунянина — того самого, что сдал Владимиру родной Херсонес, стал получать десятую часть доходов с Руси на одну церковь в Киеве, а в 1018 году переметнулся к ляхам и «лестью» получил заведование всем «имением», взятым Болеславом в Киеве. Самую умную и образованную из пленниц, Предславу, король сделал наложницей, однако позже вынужден был на ней жениться. Если так, она стала пятой по счету женой немолодого, «толстого и развратного» короля (по определению Титмара Мерзебургского), очередная жертва страсти которого, немка Ода, померла как раз в 1018 году. Предслава, видимо, не пережила своего свирепого мужа. Но ее сестры Мстислава и Добронег-Мария, жившие в Польше на уединенном Ледницком острове во дворце, построенном в ромейском стиле, после смерти короля в 1025 году вернулись на Русь. Добронегу Ярослав Мудрый в 1038 или 1042 году выдал замуж за польского короля Казимира Восстановителя. Благодаря этому плененные в 1018 году русские смогли, наконец, вернуться домой. Чтобы закончить с дочерьми Владимира, скажу, что Премислава была в 1000—1015 годах женой венгерского принца Владислава (Ласло) Лысого. Так случилось, что с года прибытия ее в Венгрию ведет историю Венгерское королевство.

Ярослав, женатый во время польской войны на христианке Анне, родившей ему сына Илью и похороненной в Софии Киевской²¹⁸, после ее кончины женился на Ингигерде, дочери первого короля Швеции Олафа Шётконунга (995—1022), христианина, большими

²¹⁸ Алексеев С. В. Ярослав Мудрый. Самовластец Киевской Руси. М., 2006. С. 25.

усилиями распространившего свою веру чуть ли не на половину страны. Князь отбил ее у своего старого приятеля, короля Норвегии Олафа Святого (1015—1028), в пользу которого в 1017 году уже высказался тинг (общее собрание шведских мужей) в Уппсале. Олаф Харальдссон, до обретения святости, по свидетельству самой ранней из норвежских хроник, «Истории Норвегии», «будучи лишен собственных владений, был вынужден заниматься пиратством». Он промышлял морским разбоем, сражался на стороне датчан и англо-саксов (от которых принял христианство) и облагал данью острова на Балтике, когда судьба занесла его в Хольмгард (Новгород), где он получил приют и поддержку Ярослава. Отсюда девятнадцатилетний Олаф отправился добывать себе норвежский стол — и ему помогла удача русского князя. Примирение охваченной смутами Норвегии со сравнительно сильной в то время Швецией и совместная христианизация этих стран двумя Олафами, тестем и зятем, были хорошими замыслами. Со шведского короля тинг взял клятву заключить этот брак. Ингигерда, согласно легкомысленной «Саге об Эймунде», имела с пылким норвежцем «тайную любовную связь». Она не хотела и слышать о других женихах. Осенью 1018 года ее суженый прибыл на границу со Швецией за невестой и узнал, что она еще летом отдана сватам князя Ярослава!

Как Ярослав добился этого, источники не сообщают. Когда его сваты ломали династические планы скандинавов, он, разбитый войсками короля Болеслава, прибежал из Киева в Новгород и порывался, по «Повести временных лет», «бежать за море». Но посадник Константин, сын Добрынин, с новгородцами, как мы помним, изрубили лады Ярослава. Именно сын Добрыни Любечанина — былинного Добрыни Никитича, дяди Владимира, который обеспечил ему победу над Ярополком Киевским, — теперь собрал с владений Новгорода огромные средства. «И привели варягов, и дали им деньги, и собрал Ярослав воинов многих».

Посольству Константина Добрынича в Швеции повезло, что мужи вернулись домой не просто живы-

ми, но и с добычей. Незадолго до них русский князь, в котором историки видят брата Ярослава, Всеволода Волынского, посватался к знаменитой красавице Сигрид, вдове короля Швеции Эрика Победоносного, и был сожжен ею в бане. Такая же участь, чуть не в той же бане, ждала норвежского конунга Харальда Гудредссона, который ради Сигрид оставил свою жену Асте, мать общего друга Ярослава и Ингигерда, будущего короля Олафа Святого. Следующим к Сигрид посватался бывший дружинник князя Владимира, новый король Норвегии Олаф Трюгвасон. Надменная дама довела героя до бешенства, и он ударил ее по лицу. «Это приведет тебя к смерти», — сказала Сигрид. Выйдя за датского короля Свейна Вилобородого, она не успокоилась, пока не заманила Олафа в ловушку и уничтожила его в морском сражении у Свольдера, став вместе с мужем королевой Норвегии, а затем и Англии. Нельзя сказать, чтобы таких дам в Скандинавии было много. Сигрид, урожденная Святослава, дочь князя Мечислава (Мешко I) и Дубравки, дочери князя Болеслава I, была полячкой по отцу и чешкой по матери. Ингигерда же была западной славянкой лишь наполовину. Опасность была и тут, но сын Добрыни правильно взвесил шансы. Сватовство Ярослава имело успех.

Ингигерда прибыла на свадьбу в Новгород вместе с наемными воинами, чтобы выиграть войну за власть на Руси или бежать с Ярославом, если он будет разбит и потеряет все. Вместе с ней Ярослав победил. В 1020 году Ингигерда родила ему сына Владимира. А в 1024-м бежала с мужем в Новгород, потерпев поражение от тмутараканской дружины Мстислава Храброго. Победитель насилие уговорил княжескую чету вернуться в Киев, доказывая, что ему чужой земли не надо. Во время этих бурных событий Ингигерда родила сына Изяслава. Уже в тишине, во время киевского княжения мужа, у нее родились Святослав, Всеволод, Вячеслав и Игорь, а также четыре дочери. Ингигерда пережила все приключения, получив почет, о каком могла мечтать дочь шведского конунга. Она основала в Киеве мона-

стырь Святой великомученицы Ирины и скончалась в мире, приняв монашество под этим именем.

Конечно, мы знаем, что предложил шведскому королю Олафу посадник Константин Добрынич, чтобы конунг забыл обещания тингу, норвежцам и собственной дочери, буквально бросив ее с отрядом воинов в гущу русской смуты. Дочерей у Олафа было две, а Ладога — веками вожаденная всем восточная столица балтийской торговли, начало Великого Волжского пути — только одна!

Ладога была отдана в вено за Ингигерду и управлялась посадником княгини, Рёнгвальдом Ульфссоном, ярлом западной шведской провинции Вестергетланд. Это не значит, что Ладогу забрали шведы. Ярл был родичем Ингигерды, по имени которой местность была названа Ингерманландией (землями Ингигерды). Мать его была сестрой Эстрид из воинственного племени балтийских славян ободритов (бодричей), жены короля Олафа, матери Ингигерды. Сам ярл женился на Ингибьере, старшей сестре короля Норвегии Олафа Трюгвасона, и привез ее в Ладогу. Их дети были уже вполне русскими.

Старший сын Ульв в 1032 году, согласно летописи, водил новгородское войско на Дербент, расчищая важнейший для Ладоги Каспийский торговый путь. Вполне вероятно, это была «международная экспедиция» новгородцев Ярослава, ладожан, шведов и балтийских славян его супруги Ингигерды. К сожалению, она потерпела поражение²¹⁹. Младший сын ярла Эйлив был воеводой Ярослава в походах на ляхов (1031—1034) вместе с будущим норвежским королем Харальдом III Суровым, боровшимся за руку княжны Елизаветы Ярославны и завоевавшим ее. Ходил он с князем и на Херсонес в 1044 году. На следующий год, после смерти отца, Эйлив был поставлен Ингигердой посадником Ладоги. После ее кончины новгородцы силой вернули себе Ладогу, но обрусевших варягов не выгнали. По

²¹⁹ О большой войне за Дербент: *Алексеев С. В.* Ярослав Мудрый. С. 181—186.

родословным легендам, несколько знатных фамилий Новгорода, позже породнившихся с великими князьями Владимирскими, восходили к сыновьям Рёнгвальда.

Ладога под властью Ингигерды стала в еще большей мере международным портом, чем была ранее. Удачная женитьба позволила Ярославу сохранять добрые отношения со шведами, которыми после смерти отца правил родной брат Ингигерды, Анунд Якоб (1022—1050). Затем королем Швеции стал сводный брат почившей великой княгини Эмунд (1051—1060), сын Олафа от наложницы Эдлы, дочери князя западных славян-вендов. В отличие от Ярослава, понимавшего обязательство христианского брака буквально, конунг Олаф любил Эдлу, а с Эстрид исполнял супружеские обязанности. Или же саги более откровенны, чем летописи. Как бы то ни было, его внебрачная дочь Астрид стала женой короля Норвегии Олафа Святого, того самого, которому не досталась Ингигерда.

С великой княгиней ее норвежский жених Олаф тоже сохранил теплые отношения. По мнению сказителей саг — даже слишком теплые. Когда, разбитый датчанами, он в 1028 году бежал, бросив в Швеции жену Астрид, на Русь, его в Новгороде укрыла и, как говорили злые языки, разделила с ним постель Ингигерда. Не менее злые историки развили эту сплетню до того, что сочли Олафа отцом Всеволода и дедом Владимира Мономаха. Однако такое поведение было не в духе скандинавских и русских жен. Тем более что сам Ярослав уже второй раз принимал Олафа сердечно. Князь и княгиня заставили конунга при возвращении в Норвегию оставить им на воспитание пятилетнего сына Магнуса, от наложницы Альвхильд. Они как в воду глядели: в 1030 году Олаф погиб в сече с норвежской знатью и бондами в битве при Стикластидире. Воспитав Магнуса как сына, Ярослав и Ингигерда помогли ему стать королем Норвегии и Дании, где Магнус I прославился как Благородный и Добрый.

Происхождение жен русских князей имело тем большее значение, что по традиции до пяти лет детей воспитывали именно матери. Лишь затем им были по-

ложены воспитатели: мальчикам — славные воины, девочкам — знатные дамы, и тем и другим — монахи для книжной науки. Ярослав говорил на скандинавском наречии, Ингигерда от матери усвоила славянский язык. Дети их, впитав насаждаемое отцом христианское книжное учение, говорили, вслед за просвещенными родителями, на нескольких языках. В семейной жизни они отличались изумительной для тогдашней Европы благопристойностью. Может показаться, что монахи-летописцы скрывали аморальное поведение князей. Но вряд ли это так. В те времена было принято признавать внебрачных детей, а у потомков Ярослава и Ингигерды их не было.

Изяслав Ярославич женился на Гертруде, дочери польского короля Мечислава II Ламберта. Женой их сына Ярополка стала немецкая графиня Орламюнде и Веймара Кунигунда. Их сыновья княжили на Руси, а из дочерей двое вышли за русских князей, пятеро — за немецких графов. Святополк Изяславич женился на дочери чешского князя Спытигнева II или на византийской принцессе Варваре Комнине. Второй женой его стала половецкая княжна Елена Тугоркановна. Его не слишком нравственный сын Ярослав был женат трижды, на дочерях венгерского и польского королей, а затем польского князя, причем с третьей женой он развелся. Дочь Сбыславу Святополк выдал за польского короля, Предславу — за короля Хорватии. Наконец, княжна Евпраксия Изяславна вышла замуж за польского принца.

Святослав Ярославич первым браком сочетался с неизвестного рода Килликией или Цецилией, а после ее смерти женился на австрийской графине Оде, родственнице папы Льва IX и германского императора Генриха III. Их сын Давыд женился на русской девушке Феодосии, внук Всеволод Давыдович — на дочери польского короля. Другой сын, Олег Святославич, был женат дважды, на византийской аристократке Феофании Музалониссе и дочери половецкого хана Осолука. Дочь Марию он выдал за польского магната. Сын его Всеволод Ольгович женился на великой княж-

не Агафье, дочери князя Мстислава Великого. Другого сына, Святослава, Олег женил на дочери половецкого хана Аепы Гиргенева. Однако в 1136 году Святослав самовольно женился на женщине из Новгорода, несмотря на то, что архиепископ Нифонт отказывался их венчать: якобы князю «недостойно ее поять». Была ли любимая женщина Святослава чужой женой или ославленной миром, неведомо. Главное, что он все-таки добился своего и узаконил брак.

Всеволод Ярославич женился на принцессе Марии, дочери ромейского императора Константина IX Мономаха. Она родила ему Владимира Мономаха, который женился на Гите Уэссекской, дочери саксонского короля-изгнанника Гарольда II Английского. После смерти жены в 1067 году Всеволод сочетался браком с половецкой княжной Анной. Их дочь Евпраксия вышла за немецкого маркграфа Генриха Штадена, а после его смерти — за германского императора Генриха IV (1089). Брак оказался несчастным. Император имел неверное представление о русском воспитании и принуждал супругу к оргиям, сожительство с его баронами и даже старшим сыном Конрадом. Многократно изнасилованная немцами Евпраксия сумела бежать из замка в Вероне, куда ее заточил бесноватый муж, и обличила его грехи перед церковным собором. В 1095 году она получила от папы развод, отпущение грехов и через Венгрию вернулась на Русь, где приняла монашество и умерла в Киево-Печерском монастыре (1109). Злой Генрих, нрав которого не исправил даже хождение в 1077 году в Каноссу, был предан анафеме, вынужден отречься от престола и умер в бегах за три года до смерти Евпраксии.

Игорь Ярославич женился на русской, и его сыновья последовали его примеру. Браки между Рюриковичами постепенно умножались и стали очень распространенными с XII века, когда родство князей стало достаточно отдаленным. Это вовсе не означало ограничения зарубежных браков.

Дочери Ярослава Мудрого и Ингигерды, Елизавета, Анастасия и Анна, понесли свет культуры полу-

диким королевствам Норвегии, Венгрии и Франции, в суждениях о которых мы обычно имеем в виду гораздо более поздние времена торжества цивилизации.

Елизавета Ярославна, руки которой упорно добивался буйный, но поэтичный викинг Харальд, прожила с мужем 20 лет, 18 из них деля его с другой женой короля — Торой, дочерью богатого норвежца Торберга. Муж ее поддерживал христианство, но не мог же он иметь одну жену, если Елизавета родила ему только двух дочерей?! А Тора — двух сыновей, будущих королей Норвегии. Тем не менее в поход на Англию 1066 года Харальд взял с собой именно Елизавету с дочерьми. Он оставил их на Оркнейских островах, где в день его гибели у моста Стамфорд старшая дочь Мария скончалась. Младшую, названную в честь бабушки Ингигерд, Елизавета выдала за короля Дании Олафа I Свенссона, но ее судьба среди северных варваров тоже была не слишком счастливой.

Анастасия Ярославна покинула Киев в том же 1046 году, что и Елизавета. Ее просватал бежавший из Венгрии и скитавшийся 15 лет, как и Харальд, герцог Андрей (Андраш), воспитанный и крещенный при киевском дворе. В год свадьбы он при поддержке Ярослава Мудрого занял венгерский престол. И целых семь лет не мог сделать княгине сына. Его не слишком радовала дочь Аделаида, родившаяся около 1040 года то ли от Анастасии, то ли нет, но удачно выданная Анастасией замуж за чешского короля Вратислава II (1057). Законный первенец Анастасии и Андрея Соломон родился в 1053 году, и приличия заставляют верить, что это произошло до того, как короля разбил паралич. Дальше Анастасии пришлось все делать самой, при живом муже и после его смерти в 1060 году. Она родила второго сына Давида и заключила союз с императрицей Священной Римской империи германской нации Агнессой де Пуатье, правившей от имени своего сына Генриха IV, женив десятилетнего Соломона на дочери Агнессы (1063), к которой ее сестра Анна, королева Франции, сватала своего одиннадцатилетнего сына Филиппа. Выйдя замуж за храброго немецко-

го графа Пото, Анастасия правила Венгрией твердой рукой, защищая трон сына до 1074 года, когда Соломон поссорился с матерью и поднял на нее руку. После этого враги немедля свергли Соломона. Королева прожила еще 20 лет и скончалась в Австрии в одном из многих построенных ею монастырей.

Младшая дочь Ярослава Анна 19 мая 1051 года вышла за короля Франции Генриха I, который «был очарован рассказом о ее совершенствах». Несмотря на солидный по тем временам 43-летний возраст и известное женоненавистничество короля, королева родила ему Филиппа (1052), Роберта (1054) и Эмму (1055), затем Гуго (1057). «Слух о ваших добродетелях, восхитительная дева, — не без яда по отношению к женскому таланту написал ей в 1059 году римский папа Николай II, — дошел до наших ушей, и с великою радостью слышим мы, что вы выполняете в этом очень христианском государстве свои королевские обязанности с похвальным рвением и замечательным умом». Умирая в следующем году, король назначил наследнику Филиппу регента. Анна хотя и подписала своей рукой ряд королевских документов, шокируя знать неприличной для французской аристократии грамотностью, не смогла править от имени сына. Но не опечалилась, а вышла замуж за своего старого друга графа Рауля де Крепи. Ради этого влюбленный паладин обвинил свою вторую жену в измене и де-факто расторг с ней брак (с чем, правда, не согласился римский папа). В 1061 году, после года траура, Анна Ярославна была похищена пылким графом в лесу у Санлисса. После чего была просто вынуждена обвенчаться с ним. Вечно лезущий в личные дела папа велел супругам жить раздельно. Рауль проигнорировал запрет на любовь и был отлучен от церкви. Они с Анной и это оставили без внимания. В конце концов их объединенные владения составляли солидную часть Северо-Восточной Франции, а сын Филипп не мог пойти войной против матери. Отважный Рауль совершал в честь жены выдающиеся военные подвиги, Анна строила монастыри, в частности, монастырь Сен-Винсент в памятном ей

Санлиссе. Целых 14 лет до смерти Рауля супруги прожили счастливо. Еще 15 лет Анна провела при королевском дворе, занимаясь благотворительностью.

В те времена формирования рыцарства правящие дома Европы вообще были похожи на одну семью. Общеизвестный пример — семья Владимира Мономаха, из потомков которого после его кончины княжеский совет постановил избирать великих князей Руси. Правнук Рогнеды, внук Ингигерды, сын ромейской принцессы Марии женился в солидном возрасте двадцати двух лет и почти четверть века был счастлив в браке с принцессой Гитой (1074—1098). Пороदिстая саксонка родила ему шестерых сыновей.

Их старший сын, Мстислав Великий, женился на своей четвероюродной сестре, дочери шведского короля Христине. Четверо их сыновей стали князьями русских земель. Шестеро дочерей распределились поровну между русскими князьями (младшие — Мария, Рогнеда и Ксения) и иноземными владыками (старшие — Ингеборга, Мальмфрида и Добродея-Евпраксия).

Ингеборга Киевская стала королевой прибалтийских западнославянских народов, выйдя замуж за Кнуда Лаварда, сына датского короля. Не преуспев в борьбе за датский престол, воинственный Кнуд, подстрекаемый женой, захватил земли вендов, а затем и бодричей, истребил их знать и провозгласил себя королем ободритов. Напрасно жена предупреждала Кнуда против его родичей, датских убийц. Не послушав ее, Кнуд погиб. Ингеборга бежала на Русь и родила там сына, назвав его в честь деда, Владимира Мономаха. Ее сын Вальдемар I Великий, получив образование на Руси и женившись на русской княжне Софии, восстановил единство Дании после долгих усобиц. Их дети правили Данией, Францией, Швецией, Веймаром и Брауншвейгом.

Сестра Ингеборги Мальмфрида Мстиславна вышла замуж за норвежского короля Сигурда Крестоносца. Но тот был настолько некультурен, что не любил свою просвещенную жену. После его смерти от чумы

Мальмфрида вышла замуж за Эрика Достопамятного, брата короля Кнуда Лаварда, и сделала его королем Дании. Конечно, Мальмфрида предлагала престол сыну сестры. Но тот был еще мал. Он занял датский трон после убийства Эрика полудикими данами и навел наконец порядок в этой многострадальной стране.

Между тем в Византии шла борьба между императором Леоном, сыном «красавца армянина» Романа IV Диогена, и захватившей власть аристократической династией Комнинов. Ослепленный врагами Леон бежал на Русь. Владимир Мономах приютил его в городке-крепости Воинь, женил на своей дочери Марии и дал войско, которое в упорных боях отвоевало для Леона города на Дунае. Увы, там Леона подстерегли наемные убийцы. Войско князя Всеволода Владимировича, посланное отомстить (и закрепить власть малолетнего сына Марии Василия на Дунае), было остановлено армией императора Алексея Комнина уже на Днестре. Ничуть не смутившись, Мономах выдал за победителя свою внучку Добродею Мстиславовну, известную у ромеев по христианскому имени Евпраксия. Сын Марии потом пал в русских усобицах.

Таких политических браков было не счесть. Только второй сын Владимира Ярополк женился по любви на удивительно красивой осетинке — дочери князя ясов, которую захватил в походе на юг. Жениться по любви, а не по политическому расчету, не возбранялось, особенно если выполнены обязательства первого, династического брака. Сам Владимир Мономах около 1099 года (через год после кончины Гиты) женился на неизвестной своей родовитостью Евфимии и, по собственному признанию, счастливо прожил с ней семь лет. Она родила князю трех прекрасных дочерей и двух сыновей — Юрия Долгорукого и Андрея Волынского. Дочь от этого брака Марию, как сказано выше, Мономах выдал за ромея Леона, а Евфимию — за старого и беспутного короля Венгрии Кальмана I. Тот не осознал своего счастья, обвинил юную жену в прелюбодействе и отослал домой, где она родила сына Бориса Конрада, безуспешно сражавшегося за

свой престол против нескольких королей Венгрии во главе русских и наемных воинов. Сам он женился на родственнице Комнинов, стал полководцем Империи ромеев и был убит стрелой в битве с печенегам. Младшая дочь Мономаха и Евфимии вышла за русского князя и была счастлива.

Сын Мономаха от Евфимии Юрий Долгорукий первый раз женился на половецкой княжне, взятой в бою дочери хана Аепы Осеневича. Она родила ему пятерых сыновей, в том числе Андрея Боголюбского, и трех дочерей, выданных замуж за русских князей. От второй, ромейской жены с несносным характером, Юрий имел шестерых сыновей, младшим из которых был Всеволод Большое Гнездо.

Другой сын Мономаха от Евфимии, Андрей Добрый, женился на внучке половецкого хана Тугоркана. Он оставил двух сыновей, княживших на Руси.

Между тем неутомимый Мономах, похоронив Евфимию, и сам последовал примеру сыновей. Он женился на дочери половецкого хана и прожил с ней последние 20 лет в любви и согласии, но бездетно. Как видим, лихие русские богатыри со златыми кудрями и гусями, бестрепетные Тугагрины Змеевичи и бесшабашные врали из Скандинавии помочь русскому князю со страстной половчанкой не спешили.

Примеру отца, вступившего во второй брак без династических соображений, последовал Мстислав Великий. После смерти Христины он женился по любви на Любаве Дмитриевне, дочери новгородского посадника Дмитрия Завидича. Старший сын от нее Владимир стал великим князем, старшим в роду Мономашичей. Детей ему родила дочь сербского князя-жупана.

Дочь Мстислава и Евфимии Ефросинья вышла замуж за короля Венгрии Гезу II, того самого, с кем воевал ее родственник Борис Конрад. Русская королева на время навела порядок в Венгрии и успешно противостояла Империи ромеев. После смерти мужа она отвоевала венгерский престол у ставленника ромеев для своего сына Иштвана с помощью короля Чехии Владислава и императора Священной Римской империи

Фридриха Барбароссы. Правя страной именем маленького сына, Ефросинья Мстиславна выдала двух дочерей, Елизавету и Адель, за сыновей Владислава, Фридриха и Святополка, а третью, Илону, за австрийского герцога Леопольда V. Ее четвертая дочь Маргарита вышла сначала за ромея, а затем за знатного венгра.

Почти все знатные роды Центральной и Западной Европы были в родстве с князьями Древней Руси. Но династические связи самой Руси были шире, включая постоянный обмен кровью и культурой с Империей ромеев и Степью. Нечасто, обычно в качестве второй или третьей жены и у младших наследников, в династии Рюриковичей появлялись жены из русских городских родов. Браки дружинников и градских мужей включали сельскую племенную знать, славянскую и финно-угорскую; дочерей смело выдавали за заезжих героев. Русское общество, все еще не закрытое для добрых молодцев из обложенных данью племен, не слишком активно пополнялось сельской кровью по мужской и женской линиям.

При этом князья, дружинники и летописцы остро ощущали себя именно русскими. Они гордились своим русским родом и страной, полагая себя, как ясно высказал при Ярославе Мудром митрополит Иларион, народом издревле славным, избранным Богом среди племен земных. С этим чувством и ощущением единства Русской земли они вступили в Средневековье. Власть все больше переходила к рыцарскому сословию. На полях сражений господствовала тяжелая дружинная кавалерия, сметавшая врага таранным ударом копий. Страна распалась на несколько фактически независимых великих княжений. Киевский стол превратился в приз для действительно сильных великих князей других городов.

Кровь князей, изначально весьма разнообразная, успешно пополнялась иноземными вливаниями, но их самосознание оставалось русским. Знаменитейший русский князь XIII века по отцу и матери был русским. Но бабушка его по линии отца была ясской княжной, из западных алан, или, может быть чешской; прабабуш-

ка — видимо, ромейкой, как и пра-пра-, и пра-пра-прабабушка, дочь императора. Мать князя, дочь прославленного полководца и миротворца, смоленского князя Мстислава Удатного, по матери происходила от половецкой княжны, дочери знаменитого хана Котяна. Этим князем был Александр Невский — «Солнце земли Русской», святой защитник Русской земли, в патриотизме которого нельзя усомниться.

Свойством русской, сначала воинской и купеческой, затем дружинной и княжеской, потом книжной и, наконец, всенародной русской культуры была ее открытость. Человек любого рода мог легко слиться с этой общностью, прежде всего служа Руси, затем усваивая ее славянский язык, обычаи и культуру. Когда много позже князь Петр Иванович Багратион, чистокровнейший грузин, сделав своим призванием службу России, называл себя русским, он был полностью и безоговорочно прав.

Открытость русского народа для людей из другого мира хорошо иллюстрируется двумя семейными историями катастрофического времени монголо-татарского нашествия. Уровень страха и ненависти к захватчикам на выжженных землях Северо-Восточной Руси зашкаливал. Особенно когда в 1257 году на города Руси нагрянули ордынские «численники». «Той же зимы, — продолжает рассказ об ужасном времени Лаврентьевская летопись, — приехал Глеб Василькович из Великоханской земли от царя (Менгу-хана. — А. Б.), женившись в Орде»²²⁰. Отец двадцатилетнего белозерского князя был убит татарами, когда Глебу исполнился год. Воспитала его мать Мария, великая княгиня Ростовская, дочь казненного татарами Михаила Черниговского. В семь и двенадцать лет он ездил на поклон в Орду, чтобы получить ярлык на княжение в своем маленьком городе. В третьей поездке он влюбился в татарку и женился на ней. Татары — название собирательное, включавшее тогда все кочевые народы Монгольской империи. Позднейшие историки броси-

²²⁰ ПСРА. Т. 1. Стб. 474.

лись домысливать, что брак был династическим, чуть ли не с внучкой Батыея, хотя Глеб в этот раз ездил не в Сарай-Бату, а в столицу империи, Каракорум. И никаких преимуществ перед другими русскими князьями не получил. Характерно, что он сразу не привез жену в Ростов, понимая возможную реакцию властной матери, святого епископа Кирилла, родственников, бояр и народа. Но все кончилось в русском духе: узнав, что татарка приняла православие, все признали брак Глеба. Осенью 1258 года, рассказывает летопись, в Ростове был праздник: князья Борис и Глеб вернулись из Орды, Глеб — с молодой княгиней. Молодые «кланялись Пресвятой Богородице, и епископу Кириллу, и матери своей великой княгине. И была в Ростове радость великая о Глеbove приезде» — любовь и брак Глеба с татаркой одобрил народ!

Другая история произошла через четыре года после празднования свадьбы Глеба. Русь разоряли, доводя народ до отчаяния, пришедшие после численников великоханские наместники-баскаки. Одним из озверевших от вседозволенности баскаков в Великом Устюге был татарин Буга. Помимо прочих зверств он схватил и жестоко насильовал дочь честного горожанина Марию. Когда в 1262 году во всех городах Руси по сигналу набата народ бросился истреблять баскаков, Мария пожалела и спрятала своего мучителя. Надо признать, что народ истреблял прежде всего собственных изменников, русских, которые пошли в баскаки, чтобы возвыситься над соплеменниками. Когда первый гнев спал, Мария вывела Бугу к народу и предложила искупить его вину крещением. Приняв православие под именем Иоанн и женившись на Марии, татарин стал со временем уважаемым гражданином Устюга. Эта история стала настолько популярной, что Иоанн и Мария, прославившиеся при жизни благочестием, были причислены к лику святых. Память их празднуется 29 мая (11 июня).

Древняя Русь, жизнь которой мы рассмотрели на основе тщательно проанализированных источников, выглядит совсем не так, как мы обычно ее представляем. Воистину, прав Екклесиаст: «...во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» (Еккл. 1:18). Тем не менее это так, как было на самом деле, настолько, насколько мы реально можем судить о жизни наших предков. Отделив талантливо созданные ими легенды от сведений, лежавших в основе их увлекательных рассказов, мы получили возможность разобраться, что происходило на бескрайних просторах нашей земли в VIII—XII веках. И как русские сказители и летописцы хотели представить героическую историю создания Русского государства, выражая свое представление о том, как все могло и должно было происходить. Нам не удалось бы живо представить себе многие аспекты повседневной жизни того далекого времени без использования других жанров древнерусской литературы и фольклора. Особенно же — без данных археологической науки, которые являются фундаментом наших знаний о древнейшем периоде истории России.

Обычно историки и археологи сливают вместе два разных периода Древней Руси: формирование, расцвет и распад единой державы в X — начале XII века — и богатое, высокоразвитое,

но разделенное на отдельные княжества и земли средневековое государство XII—XIII веков. Ничего хорошего из этого не выходит.

С материальной стороны представление о больших городах со множеством каменных зданий и огромными ремесленными мастерскими, производящими всё для людей, внешне почти неотличимых от изображений на византийских иконах, мало что говорит нам о времени, когда эти города строились (а многих из них еще и на свете не было) и разноплеменные ватаги купцов и воинов только пытались объединить славянские и финские племена. Дружинник Александра Невского в сверкающих, как лед, доспехах, сносящий с коня крестonosца молодецким ударом рыцарского копья, вряд ли мог представить себе времена, когда простой шлем был роскошью, а меч доставался одному из сотни воинов. Рязанская боярыня, надевая к шелковой далматике бармы из золотой скани с камнями, эмальями и геммами, не думала, что всего полтора века назад такое украшение пристало бы лишь ромейской императрице, а великая княгиня Руси была довольна грубо кованным серебряным обручем. Правда, боярыня уже не представляла себе, что женщина может одна встать против всего мира — и победить. И не догадывалась, что ее муж, встретив бесчисленные полчища врагов, должен был предпочесть славную смерть бегству.

В духовном плане героический период, когда русы, объединяя страну, формировали в себе самосознание нового избранного народа и представление о славе и единстве Русской земли, «о которой знают и слышат во всех четырех концах земли», не похож на время, когда страна воистину стала «обильной», но каждый автор смотрел на нее из своего уютного угла. Четкий рубеж между этими периодами провел составитель «Повести временных лет», завершив свой рассказ о становлении Руси, как и я в этой книге, временем Владимира Мономаха. После него летописцы, живо интересуясь происходящим во всей стране, писали уже об истории

каждый своего княжества и своего города. И сказители былин о богатырях не случайно помещали их подвиги во времена с X до начала XII века.

Развитое русское Средневековье — прекрасный и интереснейший период нашей национальной жизни, хорошо отраженный в исторических источниках. Но это тема уже другой книги.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение. Тема и источники</i>	6
<i>Часть первая. РУСЬ</i>	35
Легенды о первых князьях	35
Рюрик и Рюриковичи	43
Летописи	48
Никон Великий	55
Варяги и русь	65
Кто такой Рюрик?	81
«Мы от рода русского»	87
Начало Руси по Никону Великому	95
Начало Руси по «Повести временных лет»	105
Князь Игорь	118
Смерть Вещего Олега	125
Гибель Игоря	130
Древнейшее сказание	134
Итоги	143
<i>Часть вторая. РОЖДЕНИЕ РУССКОГО</i> <i>ГОСУДАРСТВА</i>	153
Одна против мира	153
Ладья	157
Мужи	166
Похороны	173
Норманисты и антинорманисты	182
Двор князя русского	198
Русы и славяне	212
У стен Киева	228
Месть	241
Строительство	253
Русь и Византия	263
«Игемон и архонтисса росов»	280
Первое просвещение Руси	296
<i>Часть третья. ВРЕМЕНА БЫЛИННЫЕ</i>	313
Русское оружие	314
Домашние заботы	340
Великие пути	359
Поход на Дунай	368
Война с империей	381
Усобицы	416

Усобицы и война	434
Закон и порядок	450
Богатыри	461
Язычество и христианство	478
Любовь и брак	494
Большая семья	506
<i>Заключение</i>	522

Богданов А. П.
Б 73 Повседневная жизнь Древней Руси / Андрей Богданов. — М.: Молодая гвардия, 2016. — 526[2] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 978-5-235-03912-4

Книга рассказывает о повседневной жизни наших предков, начиная с расселения славян в Восточной Европе в VII—VIII веках и заканчивая временем княжения Владимира Мономаха (ум. 1125). Читатель узнает о том, как наши предки представляли себе историю рождения Руси, какой они хотели представить ее и как всё было на самом деле. Освоение великих торговых путей, объединивших Русь и сформировавших русский народ, создание, расцвет и распад Древнерусского государства под пером автора предстают в реальном контексте материальной и духовной культуры. Книга знакомит также с методами научного анализа источников и впервые четко отделяет легенды, в том числе современные событиям, от реальности, которая в результате может показаться читателю новой и незнакомой, но от этого не становится менее достоверной.

УДК 94(47)“08/10”
ББК 63.3(2)41

знак информационной
продукции

16+

Богданов Андрей Петрович
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Редактор **А. А. Юрьев**
Художественный редактор **И. И. Суслов**
Технический редактор **М. П. Качурина**
Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Платова**

Сдано в набор 20.09.2016. Подписано в печать 21.10.2016. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Garamond». Усл. печ. л.
27,72+0,84 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ № 1619040.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва,
Сушевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dset@gvardiya.ru

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-03912-4

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

*Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сушевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»*

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

8(495) 787-64-20

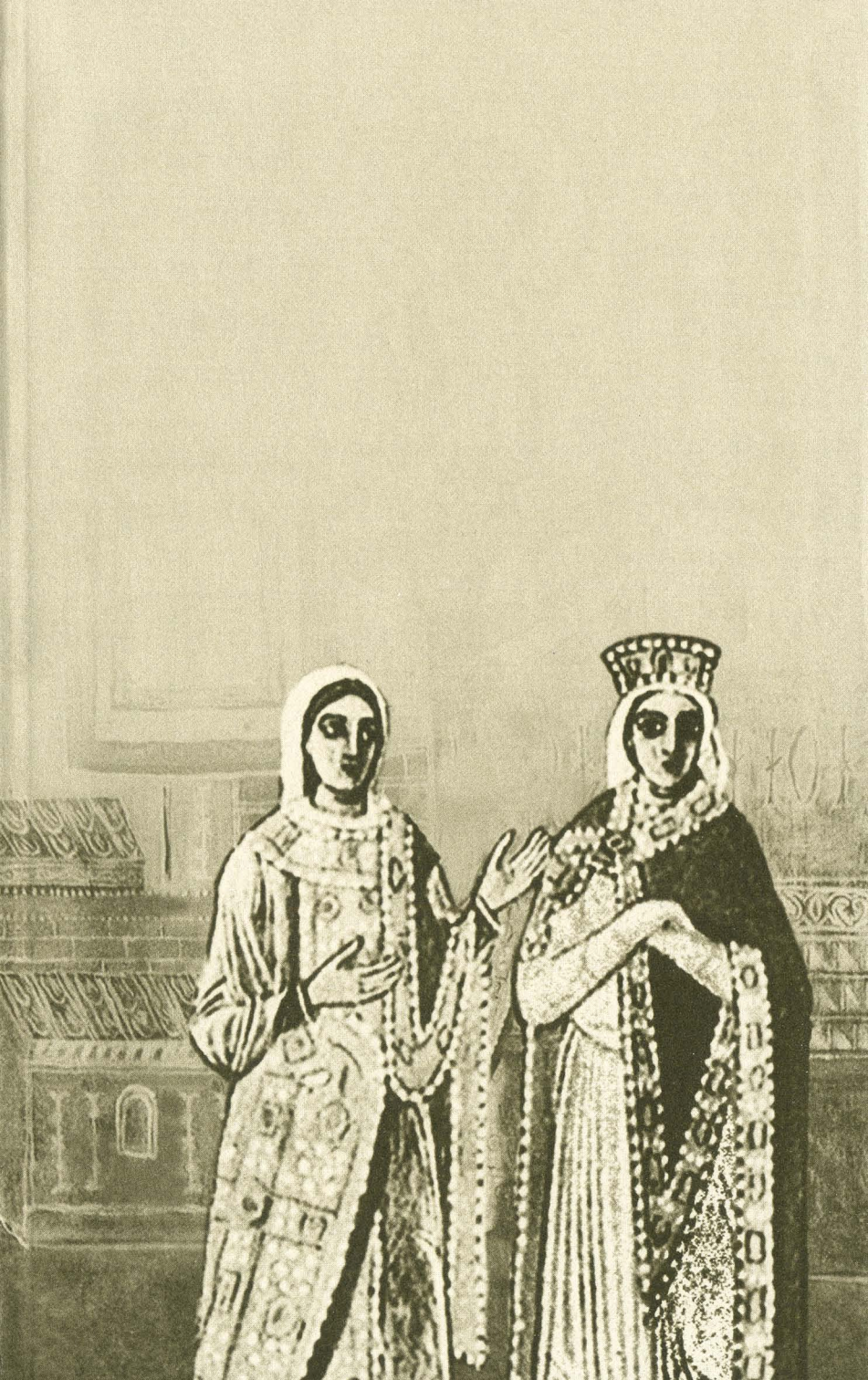
8(495) 787-62-92

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

8(495) 787-65-39 8(495) 787-63-64

В СЕРИИ ВЫШЛИ
И СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

Е. Глаголева

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЕВРОПЕЙСКИХ
СТУДЕНТОВ

О. Елисеева

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ГЕРОЕВ.
XVIII — ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIX ВЕКА

А. Васькин

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ
В 1950—1980-е ГОДЫ

А. Сергеева-Клятис

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СВЯТОГОРЬЯ:
ОТ ПУШКИНА ДО ГЕЙЧЕНКО

О. Елисеева

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПУШКИНСКОЙ
ОДЕССЫ

ISBN 978-5-235-03912-4

9 785235 039124 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ